

ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 29 • 2024 • № 3

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration of PI FS 77-76 120
dated 24.06.2019

Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – Ural State Pedagogical University (USPU)
620091, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS,
DOAJ, Scopus

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS,
DOAJ, Scopus

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog
“Russian Press”, Index 84587

Адрес редакции:
Россия, 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 276
E-mail: edit@filclass.ru

Editorial Board postal address:
Russia, 620091, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 276
E-mail: edit@filclass.ru

Editor-in-Chief: Professor **Nina Petrovna Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)
executive editor: Associate Professor **Ol'ga Aleksandrovna Skripova** (Russia, Ekaterinburg, USPU);
website administrator: **Anton Aleksandrovich Dolgov** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In folklore and the history of ancient Russian literature: Associate Professor **Lozhkova Tatiana Anatolyevna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th – early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU), Associate Professor **Lobin Alexander Mikhailovich** (Russia, Ulyanovsk, USPU named after I. N. Ulyanov), Associate Professor **Tagiltsev Alexander Vasilievich** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in linguistics and methods of its teaching: Professor **Chudinov Anatoly Prokopevich** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Saint Petersburg, SPBSTU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in Business English: Dr. of Philology **Makarova Elena Nikolaevna** (Russia, Ekaterinburg, USUE); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Dr. of Philology, Chief Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); on issues of a second foreign language: Associate Professor **Sokolova Olga Leonidovna** (Russia, Ekaterinburg, Institute of International Relations); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Dr. of Philology **O. M. Valova** (Russia, Kirov, Vyatka State University); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Dyrdin** (Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Dr. of Philology **O. V. Nikitin** (Russia, Moscow, State University of Education; Russia, Petrozavodsk, Petrozavodsk State University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscow, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **R. Hodel** (Germany, Hamburg, University of Hamburg); Dr. of Philology **K. I. Sharafadina** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions)

Главный редактор: проф. **Нина Петровна Хрящева** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)
выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ);
администратор сайта: **Долгов Антон Александрович** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

по фольклору и истории древнерусской литературы: доц. **Ложкова Татьяна Анатольевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)
по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX в.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), доц. **Лобин Александр Михайлович** (Россия, Ульяновск, УГПУ им. И. Н. Ульянова), доц. **Тагильцев Александр Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по лингвистике и методике ее преподавания: проф. **Чудинов Анатолий Прокопьевич** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Санкт-Петербург, СПбПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по деловому английскому языку: д-р филол. наук **Макарова Елена Николаевна** (Россия, Екатеринбург, УрГЭУ); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, глав. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам второго иностранного языка: доц. **Соколова Ольга Леонидовна** (Россия, Екатеринбург, Институт международных связей); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); д-р филол. наук **О. М. Валова** (Россия, Киров, Вятский государственный университет); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд. филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Дырдин** (Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); д-р филол. наук **О. В. Никитин** (Россия, Москва, Государственный университет просвещения; Россия, Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцкий университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет); д-р филол. наук **К. И. Шарафадина** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов)

СОДЕРЖАНИЕ

- КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ
- 7 Патрова Н. В., Лебедев А. А. Проект «Диакроническая риторика: язык и слог стихотворных произведений Феофана Прокоповича»
- 17 Sharafadina K. I., Averkina S. N. Puschkin – Denkmäler im Kontext des Historischen und Kulturellen Gedächtnisses Russlands und Deutschlands
- 27 Быстрова О. В. История статьи М. Горького для рабкоров (по архивным материалам)

- К ЮБИЛЕЮ А. ПЛАТОНОВА И Л. ЛЕОНОВА
- 36 Долгов А. А. Образ ребенка-ангела как часть метонимической композиции военных рассказов А. Платонова
- 43 Дырдин А. А. Л. М. Леонов: эстетика мысли. К 125-летию со дня рождения писателя

- СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ
- 56 Воронцов Р. И. Большой академический словарь русского языка: перспективы электронной реализации
- 69 Воронина Т. М. Настоящее – прошлое – будущее в русском языке: связи и оппозиции
- 83 Мухин М. Ю. Семантическая оппозиция «благополучие – неблагополучие» в русских коллокациях
- 91 Бутакова Л. О., Шереметова А. С. Динамика изменений актуальных связей русских глаголов

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВЕКОВ

- 102 Скрипова О. А. Традиционные жанры как объект рефлексии в лирической поэме 1920-х годов
- 109 Корењкова Т. В., Шао Сыцзя. Повесть-сказка «До третьих петухов» В. М. Шукшина под ракурсом интертекстуальности
- 121 Когут К. С. Герои против Истории в романе А. Иванова «Тени тевтонов»

ПОЭТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 130 Sharypina T. A. „Die Willkür des Autors“ in den Dramatischen Transformationen des Medea-Sujets im 20–21. Jahrhundert
- 144 Polyakova I. G., Sidorova O. G. The Theme of Surrogacy in Contemporary Novel
- 153 Seibel N. E. Das Sujet des Eisenbahnunfalls in den Erzählungen von L. Frank und A. Polgar

ПОЭТИКА ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА

- 162 Семьян Т. Ф., Смышляев Е. А. Графические адаптации произведений русской литературы
- 174 Prudius I. G. L'univers de Mikhaïl Boulgakov dans le Roman Graphique de Bettina Egger «Moscou Endiablé»

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

- 185 Гутрина Л. Д. Читатель-подросток и любовная лирика
- 195 Ким Л. Г., Парфиненко О. Н. Диктумно-модусные интерпретации исходного текста в сочинениях ЕГЭ по русскому языку
- 203 Бойко Е. С., Кокшарова Н. Н. Система частей речи в русском и китайском языках: лингводидактический аспект
- 213 Karamalak O. A., Vertlib K. A. Distributed Language Theory in ESP Debates

CONTENT

- CONCEPTS. PROGRAMS. HYPOTHESES
- 7 Patroeva N. V., Lebedev A. A. The Project “Diachronic Rhetoric: Language and Style of the Poetic Works by Feofan Prokopovich”
- 17 Sharafadina K. I., Averkina S. N. Monuments to Pushkin in the Context of Historical and Cultural Memory of Russia and Germany

- 27 Bystrova O. V. The History of M. Gorky’s Article for the Workers (Based on Archival Materials)

- TO THE JUBILEE OF A. PLATONOV AND L. LEONOV
- 36 Dolgov A. A. The Image of an Angel Child as Part of the Metonymic Composition of A. Platonov’s War Stories
- 43 Dyrdin A. A. L. M. Leonov: The Aesthetics of Thinking. To the 125th Anniversary of the Writer’s Birth

- TRENDS IN MODERN LINGUISTICS
- 56 Vorontsov R. I. The Great Academic Dictionary of the Russian Language: Prospects of Electronic Realization
- 69 Voronina T. M. Present – Past – Future in Russian: Connections and Oppositions
- 83 Mukhin M. Yu. The Semantic Opposition “Blagopoluchie – Neblagopoluchie” in Russian Collocations
- 91 Butakova L. O., Sheremetova A. S. The Dynamics of Change in Grammatical Cohesion of Some Russian Verbs

TRAJECTORIES OF THE LITERARY PROCESS OF THE 20TH–21ST CENTURIES

- 102 Skripova O. A. Traditional Genres as an Object of Reflection in the Lyrical Poems of the 1920s
- 109 Korenkova T. V., Shao Sijia. The Fairy-tale Novella Before the Rooster Crows Thrice by Vasily Shukshin from the Perspective of Intertextuality
- 121 Kogut K. S. Characters vs. History in A. Ivanov’s Novel “Shadows of the Teutons”

GLOBAL LITERATURE POETICS

- 130 Sharypina T. A. “Author’s Self-Will” in Dramatic Transformations of the Plot about Medea in the 20th–21st Centuries
- 144 Polyakova I. G., Sidorova O. G. The Theme of Surrogacy in Contemporary Novel
- 153 Seibel N. E. The Plot of Railway Accident in the Short Stories by L. Frank and A. Polgar

GRAPHIC NOVEL POETICS

- 162 Semyan T. F., Smyshlyayev E. A. Graphic Adaptations of Russian Literature
- 174 Prudius I. G. Mikhail Bulgakov’s World in Bettina Egger’s Graphic Novel “Moscou Endiablé”

METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES

- 185 Gutrina L. D. A Teenage Reader and Love Poetry
- 195 Kim L. G., Parfinenko O. N. Dictum-Modus Interpretations of the Source Text in the Unified State Exam Essays in Russian
- 203 Boiko E. S., Koshkarova N. N. The System of Parts of Speech in Russian and Chinese: Linguodidactic Aspect
- 213 Karamalak O. A., Vertlib K. A. Distributed Language Theory in ESP Debates

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1-1(Феофан Прокопович). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-7-16. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,445.
ГРНТИ 16.21.55. Код ВАК 5.9.8

ПРОЕКТ «ДИАХРОНИЧЕСКАЯ РИТОРИКА: ЯЗЫК И СЛОГ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА»

Патроева Н. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>
SPIN-код: 5886-7841

Лебедев А. А.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>
SPIN-код: 1471-5410

А н н о т а ц и я. В статье излагаются основные идеи исследовательского проекта, связанного с созданием «риторического портрета» Феофана Прокоповича и нацеленного на максимально полное представление, типологизацию и интерпретацию всего спектра тропов и фигур речи, применяемых поэтом Петровской эпохи. Источниками исследования служат «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X» Феофана (Елеазара) Прокоповича, а также поэтические произведения Феофана Прокоповича. Сопоставление риторической теории и практики – ключ к пониманию эволюции грамматической и стилистической системы русского языка. Один из главных теоретико-методологических постулатов проекта состоит в утверждении особой роли риторик, наряду с грамматиками русского языка XVIII века, в описании и регламентации синтаксических норм языка. В процессе лингвориторического исследования используются методы структурно-семантического и функционально-семантического анализа (для выявленных позиций тропов и фигур речи), лексикографический (сопоставление полученных в процессе анализа текста данных с данными исторических, толковых словарей, словарей языка писателей), стилометрический (применение количественных показателей, инструментов математической статистики для выявления доминант идиостиля автора), синтагматического (анализ сочетаемости в позиции тропов и фигур речи), парадигматический (при построении наборов тропов и фигур речи, их типологизации), диахронический (в частности, историко-синтаксический) и др. Результатом проекта станет создание диахронической риторики русской поэзии начала XVIII в. на материале стихотворений Феофана Прокоповича, воплощенной в виде двух баз данных – «Риторические приемы в поэзии Феофана Прокоповича» и «Синтаксический строй стихотворений Феофана Прокоповича». Как показывают предварительные наблюдения, применение Феофаном риторических приемов вполне коррелируется с его же поэтикой и теорией красноречия, а также ярко свидетельствует об «умеренном» характере его барочных устремлений. Исследование системы риторических приемов позволит в конечном итоге проверить и уточнить динамику в системе складывавшихся в этот период лексических, грамматических, жанрово-стилистических и риторических норм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэтический слог; риторические приемы; тропы и фигуры речи; история русской риторической традиции; диахроническая риторика; история русской поэзии XVIII века; язык и слог Феофана Прокоповича

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696>.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Патроева, Н. В. Проект «Диахроническая риторика: язык и слог стихотворных произведений Феофана Прокоповича» / Н. В. Патроева, А. А. Лебедев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 7–16. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-7-16.

THE PROJECT “DIACHRONIC RHETORIC: LANGUAGE AND STYLE OF THE POETIC WORKS BY FEOFAN PROKOPOVICH”

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Aleksandr A. Lebedev

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9939-9389>

A b s t r a c t. The article outlines the main ideas of a research project related to the creation of a “rhetorical portrait” of Feofan Prokopovich and is aimed at the most complete presentation, typologization and interpretation of the entire range of tropes and figures of

speech used by the poet of the era of Peter the Great. The practical research material includes “De arte poetica” and “De arte rhetorica libri X” by Feofan (Eleazar) Prokopovich, as well as the poetic works by this author. A comparison of rhetorical theory and practice is the key to understanding the evolution of the grammatical and the stylistic systems of the Russian language. One of the main theoretical and methodological postulates of the project proclaims the special role of the rhetorics, along with the grammars of the Russian language of the 18th century, in the description and regulation of the syntactic norms of the language. The linguo-rhetorical study uses the methods of structural-semantic and functional-semantic analysis (for the positions of tropes and figures of speech identified), lexicographic analysis (comparison of the data obtained in the process of text analysis with the data from historical and explanatory dictionaries and the dictionaries of the language of concrete writers), stylometric analysis (use of quantitative indicators and tools of mathematical statistics for identifying the dominants of the author’s individual style), syntagmatic analysis (analysis of combinability in the position of tropes and figures of speech), paradigmatic analysis (conducted while constructing sets of tropes and figures of speech and their typologization), diachronic analysis (in particular, historico-syntactic one), etc. The results of the project are expected to contribute to the creation of a diachronic rhetoric of the Russian poetry of the early 18th century based on the material of the poems of Feofan Prokopovich, realized in the form of two databases – “Rhetorical devices in the poetry of Feofan Prokopovich” and “Syntactic structure of the poems of Feofan Prokopovich”. As preliminary observations show, Feofan’s use of rhetorical devices is fully correlated with his own poetics and theory of eloquence, and also clearly indicates the “moderate” nature of his baroque aspirations. The study of the system of rhetorical devices will ultimately make it possible to verify and clarify the dynamics in the system of lexical, grammatical, genre-stylistic and rhetorical norms that emerged during this period.

Keywords: poetic style; rhetorical devices; tropes and figures of speech; history of the Russian rhetorical tradition; diachronic rhetoric; history of the Russian poetry of the 18th century; language and style of Feofan Prokopovich

Acknowledgements: The research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696>.

For citation: Patroeva, N. V., Lebedev, A. A. (2024). The Project “Diachronic Rhetoric: Language and Style of the Poetic Works by Feofan Prokopovich”. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 7–16. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-7-16.

Введение: актуальность и задачи проекта

На нынешнем этапе развития отечественной и мировой лингвистики актуальной и новой представляется задача комплексного анализа риторической системы и синтаксического строя русского литературного языка XVIII века. Так, вклад великого государственного и духовного деятеля Петровской эпохи Феофана Прокоповича¹ в российскую науку и литературное творчество XVIII в. остается недостаточно последовательно описанным², несмотря на то, что деятельность и творчество Феофана Прокоповича еще в XIX в. становились предметом изучения. Таким образом, задача комплексного, разноаспектного, систематического изучения индивидуально-авторского слога Феофана Прокоповича остается актуальной и важной для современной российской и зарубежной лингвистики и филологии. До сих пор не существует монографических исследований языка и слога виднейшего писателя, ритора, идеолога Петровской эпохи и послепетровского периода. При этом следует отметить важную роль Феофана Прокопо-

вича и его «ученой дружины» в предварительной работе над созданием свода норм русского языка, которая позднее будет завершена М. В. Ломоносовым. В отличие от Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, Василия Адодурова, Феофан и члены его «ученой дружины» не оставили «славянских» или «российских» грамматик, однако именно считавший Феофана Прокоповича своим учителем в области словесности В. К. Тредиаковский в своей речи перед академическим «Российским собранием» 1735 г. «О чистоте российского слова» поставил в числе основных задач русской науки «составление грамматики доброй и исправной и дикционария полного и довольного». В области сравнительного изучения палеоазиатских языков одним из первых проявил свои способности ученик Феофана историк Василий Татищев. Антиох Кантемир и Василий Тредиаковский в своих трактатах, посвященных стихотворству, затрагивали проблему выбора грамматических вариантов и характеристик русского ударения.

Все это свидетельствует о необходимости детального изучения особенностей языка и слога Феофана Прокоповича, прежде всего с целью выявления тех идиостилистических феноменов, которые бы позволили:

- доказать принадлежность тех или иных творений перу Феофана (авторство целого ряда научных и художественных произведений, приписываемых Феофану, является сомнительным, с точки зрения исследователей российской словесности и культуры эпохи барокко и классицизма);
- выявить направления и степень влияния слога Феофана Прокоповича на российских писателей, ученых последующих поколений;
- определить точнее характер литературного направления, к которому принадлежал поэт, драматург, оратор, историк;
- выяснить «среднюю» языковую и риторическую норму Петровской эпохи; определить,

¹ См. мнение С. А. Кибальника: «На эстетических идеях Феофана, почерпнутых непосредственно из его сочинений или из лекций его многочисленных последователей и учеников, воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в. Так, например, Ломоносов, по-видимому, был знаком с “Поэтикой” Прокоповича, а будучи студентом Московской Славяно-греко-латинской академии, слушал и записал курс лекций по риторике его ученика Порфирия Крайского» [Кибальник 1983: 205–206].

² Например, современные украинские исследователи уделяют внимание прежде всего связям произведений Ф. Прокоповича и др. представителей Киево-Могилянской академии с латиноязычными риторическими трактатами и церковной литературой (см., напр.: [Игорь (Ісіденко) 2016; Трофимук 2014]). Панегрический жанр, характерный для творчества Феофана Прокоповича, исследуется нидерландским филологом Иоахимом Клейном (Лейденский университет).

насколько рекомендации трактатов по поэтике и риторике (прежде всего самого Феофана Прокоповича) соответствовали языковой и ораторской практике первых десятилетий XVIII в.

Проведение комплексного исследования роли синтаксической системы русского литературного языка в процессе тропо- и фигурирования на материале поэтического дискурса Феофана Прокоповича в рамках одобренного Российским научным фондом (РНФ) проекта должно явиться важным подспорьем для развития новейшего направления филологических исследований – диахронической риторики³, предмет которой – история системы тропов и фигур речи в русской художественной речи.

Материал и методология проектного исследования

Как отмечала Ренате Лахманн, «если рассматривать функцию риторики как часть (общего) коммуникативного кода или как субкод, а именно как ту его часть, которая отвечает за построение коммуникативных ситуаций, определенных эстетической доминантой (поэтический код), то ее статус вторичной грамматики может быть подтвержден, т. к. риторика репрезентирует не первичный код языка, а поэтический... Формулируя правила на основе знания грамматики первичного языка, грамматика *elocutio* как субкод, представляющий код поэтический, принимает на себя роль функциональной прагматики» [Лахманн 2001: 7].

Предполагаемое в качестве итогового результата проекта создание диахронической риторики начала XVIII в. на материале стихотворений Феофана Прокоповича, охватывающей на данном этапе проектной работы первоначально только поэтические жанры, нацелено на максимально полное представление, типологизацию и интерпретацию всего спектра тропов и фигур речи, применяемых главным русским поэтом эпохи, и – уже на этой основе – выявление лексико-грамматических особенностей поэтического языка и слога, а также направлений, степени глубины и постоянства взаимодействия риторической теории⁴, изложенной в созданных в России XVIII в. трактатах по искусству красноречия, и живой поэтической практики.

Выбор стихотворного творчества Феофана Прокоповича в качестве основной эмпирической базы проекта обусловлен тем, что в эпоху между Кантемиром и Пушкиным именно поэзия была главной ареной формирования лексических, грамматических и стилистических норм русского литературного языка, а ведущими реформаторами русского языка выступали поэты и теоретики в области риторики⁵ – Феофан Прокопович, Антиох Канте-

мир, Василий Тредиаковский, Михаил Ломоносов, Александр Сумароков, Николай Карамзин.

Методологические принципы описания – это 1) ориентация на эмпирические данные, извлеченные из поэтических произведений Ф. Прокоповича; 2) привлечение сопоставительных данных, извлеченных из словарей и грамматик русского языка, авторской лексикографии, трактатов по искусству красноречия, а также ранней виршевой поэзии (Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Симеон Полоцкий и др.); 3) типологический подход (классификация фигур речи и конструкций, служащих средствами их образования); 4) тесная связь собственно лингвистического анализа риторических приемов с анализом лингвопоэтическим и филологическим, без которой не представляется возможным осуществить интерпретацию фигур речи в аспекте их экспрессивной функции и текстообразующей роли, в аспекте взаимодействия фигурирования с ритмом, мелодикой, строфикой и жанром текста, тесная связь синтаксического и лингвориторического подходов; 5) системный и диахронический подходы к выявлению системы синтаксических, общепоэтических и риторических норм эпохи; 6) применение стилеметрии (количественных методов) для выявления стилевых доминант поэзии Феофана Прокоповича.

Один из главных теоретико-методологических постулатов проекта состоит в утверждении особой роли риторики (см., напр.: [Бухаркин 2017: 47]), наряду с грамматикой русского языка XVIII века, в описании и регламентации синтаксических норм языка: предложение, в отличие от «словосочинения» (соединения «речений», словосочетания), относилось в эту и предшествующую ей эпоху в большей степени к ведению не грамматики, а риторики. По этой причине анализ рекомендаций риторических трактатов российских теоретиков красноречия, наряду с изучением практики применения риторических приемов, тропо- и фигурированием в русской поэзии Петровской эпохи (в сопоставительном плане – кантемировской и ломоносовской эпох), позволяет ярче высветить многие тенденции и процессы, протекавшие в синтаксическом строе русского литературного языка выбранного для изучения периода.

Сопоставление риторической теории и практики – ключ к пониманию эволюции грамматической и стилистической системы русского языка.

Анализ должен вестись в двух магистральных

кивал В. М. Живов: «Обнаруживая, например, что “Риторика” Феофана Прокоповича почти целиком основана на аналогичных трактатах европейского умеренного барокко (Никола Коссена и Юния Мельхиора...), мы естественно хотим поставить ее в тот же ряд, приписав ей тот же характер и те же функции, что и ее европейским образцам. Это сходство, однако, обманчиво. Риторика в Европе регулирует существующую речевую практику, рекомендуя читателю определенным образом сочетать риторическую стратегию с риторическими средствами. Та же риторика в России создает новую практику и поэтому не рекомендует, а предписывает... При пересадке на русскую почву меняется модальность... риторика превращается в устав...» [Живов 2017: 328].

³ См. подробнее: Патроева Н. В., Лебедев А. А. Проект создания диахронической риторики XVIII столетия // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 3. С. 9–19.

⁴ «На риторику ориентируются не только создатели текстов, но и церемониально устроенная придворная культура», – так характеризует Л. И. Сазонова культурную ситуацию в России раннего Нового времени [Сазонова 2006: 10].

⁵ Свойственный ранним российским риторикам не столько рекомендуемый, сколько предписывающий характер подчер-

направлениях: с одной стороны – это выявление, классификация и интерпретация экспрессивного потенциала различных тропов и фигур речи, применяемых в поэтических произведениях Феофана Прокоповича, с другой – анализ соответствия этих риторических приемов рекомендациям теоретических руководств по элоквиенции, созданных другими авторами трактатов по искусству красноречия.

Выяснение вопроса о составе и функциональном потенциале тропов и фигур речи в поэзии эпохи барокко и классицизма будет осуществляться с учетом жанрово-стилистической принадлежности художественного текста, его метрики и композиции, а также взаимосвязи индивидуально-авторского слога со стилем литературного рода – находящейся в Петровское время еще в процессе зарождения русской лирики – и стилем литературного направления (барокко, «предклассицизм» (см. трактовку в работе [Буранок 2014]), классицизм). Учет жанрово-стилистического, метрического и композиционного аспектов, а также нацеленность на исчерпывающую полноту описания системы фигур речи в поэзии, выбранной для исследования «риторического портрета» Феофана Прокоповича, необходимо предполагает привлечение в качестве источниковой базы исследования материалов имеющих наиболее полных собраний сочинений Феофана Прокоповича, наряду с созданными в XVIII веке трактатами по красноречию и грамматиками, а также возможное обращение к рукописным, архивным собраниям этой эпохи литературного развития (в частности, рукописным риторикам конца XVII – начала XVIII вв., оставшимся неизданными, рукописным сборникам Феофановых или приписываемых ему произведений).

Предполагаемые результаты

Одним из главных результатов проекта «Диахроническая риторика: язык и слог стихотворных произведений Феофана Прокоповича в аспекте тропо- и фигурирования» станет выявление основных особенностей слога стихотворных произведений Феофана Прокоповича, а также сопоставление языка и стиля его поэзии с особенностями ораторских прозаических произведений («слов», примеров церковного и светского красноречия) и «трагедокомедии» на лексическом и грамматическом уровнях текста.

Кроме того, предполагается разработать специальную методику анализа риторических прие-

мов (тропо- и фигурирования) на материале ораторской прозы, драматургии и лирики Феофана Прокоповича с опорой на имеющиеся уже в филологической науке опыты описания частных риторических подсистем поэтов XVIII-XX в. («риторических портретов» писателей эпохи русского барокко и классицизма, последующих эпох литературного развития) с целью создания сопоставительной и диахронической риторики как нового направления научных исследований в области российской филологии.

Проект также направлен на выявление взаимосответствия либо расхождения риторической теории и поэтической практики ранней эпохи расцвета риторики в России с учетом «исторического фона» предшественников – Сильвестра Медведева, Кариона Истомина, Симеона Полоцкого, Стефана Яворского и др. поэтов и риториков, а также рекомендаций поэтик и риторик, бытовавших в научно-образовательном пространстве России конца XVII – середины XVIII столетий, что позволит внести значительный вклад в изучение русской исторической лексикологии, диахронического синтаксиса, исторической стилистики и исторической лингвопоэтики, предложить новые данные для потенциального лексикографического представления языка Феофана Прокоповича.

В рамках проекта будут созданы базы данных, содержащие размеченные на основе специальной методики анализа поэтического дискурса на лексическом и грамматическом уровнях в аспектах структурном, жанрово-стилистическом, композиционном, метрическом и риторическом тексты стихотворений одного из ведущих писателей Петровской эпохи: 1) «Риторические приемы в поэзии Феофана Прокоповича», 2) «Синтаксис поэтических жанров Феофана Прокоповича».

Первая база данных должна включать (см. табл. 1) контекст, который выявляет использование того или иного риторического приема, паспортизацию иллюстрации, указание жанровой отнесенности, типа метрической и композиционной организации (тип силлабического стиха, строфический либо астрофический тип построения), характеристику самого изобразительно-выразительного средства как с точки зрения принятой в современной филологической науке классификационной рубрики, в том числе в терминах «De arte poetica» и «De arte rhetorica libri X» Феофана Прокоповича.

Таблица 1

Фрагмент базы данных «Риторические приемы в стихотворениях Феофана Прокоповича»

Автор	Произведение, год создания	Жанр	Метрика	Композиция, строфика	Контекст, выявляющий тропообразование	Тип тропа	Данные словарей русского языка XVIII в.
Феофан Прокопович	«К Петру Второму», 1728 (?)	стихотворение на случай	силлабический 13-сложник	4-стишие	Бог и Петру Второму вручил стада многа... [Прокопович 1961: 216]	глагольная метафора, узуальная; «фигура смысловая», способствующая «услаждению речи» [Прокопович 2020: 251–259]; метафора как «троп речений» [Ломоносов 1952: 53; Риторика Ломоносова 2017: 43–59]	«Вручаю <...> 1) Отдаю кого или что кому; ввѣрю чьему попеченію, смотрѣнію. <...> 2) Въ руки отдаю...» [САР 1794: Стлб. 215] «ВРУЧИТЬ (-ти) <...>. 1. что. Передать из рук в руки, отдать лично кому-л. 2. что. Вверить управление, распоряжение чем-л., поручить. <...> <i>Перен.</i> О духовной пастве» [СлРЯ 1984: 135–136]

Вторая база данных учитывает традиции создания словарей «нелексического» типа – [ССРП1 2017] и [ССРП2 2019] – (см. подробнее: [Патроева 2018]) и предлагает комплексный анализ синтаксического устройства Феофановых стихотворных произведений: здесь представлены (см. табл. 2) структура предложения, квалификация его с точки зрения состава главных и второстепенных компонентов, сочиненных рядов, осложняющих элементарную модель конструкций (обособленных оборотов различной морфологической природы, вводных и вставных синтагм, сегментации и присоединения, обращения), указаны особые типы построения типа «дательного самостоятельного» или «двойного винительного», дана характеристика

синтаксических отношений, выражаемых в сложных предложениях, фиксируются типы «фигур речи» (сравнение, эллипсис, асиндетон, полисиндетон, риторические вопрос, восклицание и обращение, хиазм, повтор, параллелизм, парантеза и пр.). Все эти данные в совокупности позволяют создать целостное и гораздо более детальное, чем прежде, представление о синтаксических нормах и тенденциях Петровского и раннего послепетровского времени, степени архаичности грамматического строя, присутствию в нем старославянских или новых структурных элементов, а также о Феофановой «грамматике поэзии» (в терминах Л. В. Щербы и Р. О. Якобсона).

Таблица 2

Фрагмент базы данных «Синтаксис стихотворных произведений Феофана Прокоповича»¹

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Бог и Петру Второму вручил стада многа и сотвори известно, коль любит он бога.	[Прокопович 1961: 216]	стихотворение на случай (приветствие)	силлабический 13-сложник	14	2	С	4-стишие	1	лексический повтор	[сущ.+гл.+гл.], (коль гл.+мест.)!	изъяснительные	повествовательное	невосклицательное					однородные сказуемые

¹ В таблице приняты следующие обозначения столбцов:

Столбец 1 – Репрезентации; Столбец 2 – Паспортизация контекста (заглавие, страница); Столбец 3 – Жанр; Столбец 4 – Метр (размер); Столбец 5 – Количество слов (знаменательных и незнаменательных); Столбец 6 – Число строк, которые занимает предложение; Столбец 7 – Тип композиции (тождественнострофическая – С / астрофическая (без графически выделенного разделения на строфы) – А / вольная композиция – ВК); Столбец 8 – Тип строфы (для тождественнострофических произведений); Столбец 9 – Наличие переносов из строки в строку (цифра указывает количество случаев несовпадения стихового и синтаксического членения, о чем сигнализирует отсутствие знака препинания в конце строки); Столбец 10 – Риторические приемы; Столбец 11 – Структурная схема; Столбец 12 – Синтаксические отношения между частями; Столбец 13 – Коммуникативный тип предложения (по целеустановке); Столбец 14 – Тип предложения по эмоциональной окраске (интонации); Столбец 15 – Наличие отрицательных по модальному значению частей; Столбец 16 – Наличие неполных в структурном и структурно-семантическом аспекте частей; Столбец 17 – Наличие односоставных частей; Столбец 18 – Тип расширителя модели (однородного ряда); Столбец 19 – Тип осложнителя модели.

Анализ и обсуждение

В риторике Феофана находим, согласно установленной с античных времен традиции включения в руководство обязательного раздела об элоквиции, подробное описание фигур речи (всего

около 70, в том числе тропов [Прокопович 2020: 235, 236]). Риторические приемы разделяются Феофаном на три группы, тяготеющие к «возвышенному», «среднему» («цветистому») и «сниженному» стилям: 1) служащие для «поучения», из которых важное место принадлежит участвующим в созда-

нии портрета, описания «гипотипозе» и «характеризму» [Прокопович 2020: 237] и «этологии» как «нравоописательной речи» [Прокопович 2020: 245]; 2) способствующие «услаждению» речи [Прокопович 2020: 251–259]: «гомэоза» (сравнение), метафора, метонимия, синекдоха, перифраза, аллегория, «оксиморон», параномасия, «метатеза» (хиазм), «гипербат» (инверсия), «диализа» (бессоюзие), «антономасия», антитеза, «диафора» (вид повтора) и др.; 3) «относящиеся к возбуждению переживаний» [Прокопович 2020: 259–267]: «просопопея» (олицетворение), «климакс» (усиление, восходящая градация), гипербола, «полисиндетон» (многосоюзие), «анадиплоза» (удвоение), «антистрофа» (эпифора), сарказм и пр.

Исследователи уже указывали [Буранок 2014; Копаница 2012] на такие способы художественного выражения, часто применяемые в Феофановой лирике, как *аллегория*, тесно связанная с эмблематичностью символического мировосприятия в искусстве барокко, и *антитеза*, свидетельствующая о стремлении смешивать противоположное, высокое и низкое, большое и малое. В поэтических образах Феофана, как и его предшественников, используются нередко, наряду с библеизмами, античные прецедентные имена, что создает диалог многоязычия¹ и широту интертекстуальных переключек в сочинениях риторика и поэта.

Проведенный в рамках подготовки данной работы анализ риторических приемов показывает, что Феофан предпочитает использовать в качестве средств эмоционального воздействия, смыслового подчеркивания и украшения в своей стихотворной речи те, которые в трактате «De arte rhetorica libri X» относятся к приемам второй группы, т. е. «услаждающим». Кроме того, «цветы» мысли и слова создаются прежде всего не упоминаемыми у Феофана в качестве особого вида фигур *эпитетам*²: «вѣтвийских устен», «плач умилный», «главы проклятыя», «лестной ереси», «супостат свирѣпый и дивый», «род благовѣрный» [Прокопович 1961: 209], «лютаго фараона», «благополучными обѣты», «бѣс яростный», «змѣнник неистовый», «дивна Гордость» [Прокопович 1961: 210], «свѣй дерзкий», «бог сильный», «род лютый» [Прокопович 1961: 211], «храброй России» [Прокопович 1961: 212], «род вѣрный», «Крест... золотый» [Прокопович 1961: 214] и пр.

Второе место после эпитетов по степени активности в стихотворениях Феофана принадлежит различного типа *повторам*, в том числе анафорам, «диафорам» как возвратам к уже употребленному слову, анадиплосисам-«подхватам», «удвоениям»,

¹ По наблюдениям исследователей, набор аллюзий и – шире – иных приемов художественной выразительности не аналогичен в латинской, польской и русской редакциях произведений Феофана Прокоповича (см., например: [Трофимов 2018]), поэтому может стать предметом специального сопоставительного анализа. Анализ риторических приемов, примененных Феофаном Прокоповичем в его латиноязычной поэзии, не входил в задачи данной работы (см. об этих произведениях, например: [Луцкая 1979; Smorgzewska 1999; Либуркин 2000; Бударагина 2020]).

² Хотя сам термин «эпитет» в риторике Прокоповича встречается; см., например: [Прокопович 2020: 254, 411].

эпифорам-созвучиям концов попарно рифмующихся строк. Повторы способствуют созданию эффекта амплификации, почерпнутого у древних (подобные примеры, ссылки дает в своей риторике сам Прокопович) и – одновременно – сближающего Феофанов слог со старорусским стилем «плетения словес». Повторы играют особую структуро-, смысло-, рифмо- и ритмообразующую роль в поэтическом синтаксисе Феофана независимо от жанра стихотворения – оды, канта, элегии, надписи, послания, эпиграммы, например:

...боже всесильный... бог всемогущий...

Нынѣ и день лучшею красен добротою,

И солнце множайшая луча испушает,

И лицѣ краснѣйшее цвѣт полный являет [Прокопович 1961: 209].

Среди *метафор* преобладают именные с учетом активности эпитетов, а также перифраз, основанные на переносе по сходству признаков, однако глагольные и субстантивные метафоры используются Феофаном примерно в равном соотношении³ («сотре ад» [Прокопович 1961: 210], «гражданского ада» [Прокопович 1961: 217], «разрушит <...> живот и пойдешь в ров земный» [Прокопович 1961: 225] и пр.), когда одна поддерживает в контексте предложения и целого произведения другую, развертываясь морфологически разнообразно.

Перифраза у Прокоповича служит целям формирования высокого слога: так, в «Епиникионе» антитеза православного русского начала и католического иноземного зиждется и на использовании образов «Марса <...> многобѣдного» [Прокопович 1961: 213] (о Карле XII) и «рускаго Марса» [Прокопович 1961: 214] (о Петре I; вероятно, не без влияния «победной песни» Феофана в «Элегии о смерти Петра Великого» В. К. Третьяковского также прибегнет к антономасии и использует тот же аллегорический образ римского бога войны); антитеза дополняется именованием гетмана И. Мазепы «отчества враг великий»⁴ [Прокопович 1961: 209]. Иные перифрастические обороты Феофана являются номинациями сакрального мира: «от горняго дому» [Прокопович 1961: 212] в «Епиникионе»; «небесныя горы» (с. 220) в эпитафии «Новопреставльшемуся иеродиакону Адаму эпитафий» 1734 года, «божией державы» [Прокопович 1961: 224] в канте «Всяк себе в помощь вышняго предавай...».

Обращает на себя внимание каламбурное обыгрывание Феофаном в традициях барочного «концептизма» внутренней формы имени, аппликация прямых и переносных значений: «Ни с каких сторон *свѣта* не видно, – все *ненастье*» [Прокопович 1961: 216] в элегии «Плачет *пастушок* в долгом *ненастье*» (*пастух* – *пастырь* душ человеческих); «...*солнце* несоздано да хранит *свѣт* твой, *солнце* наше Анно!..» [Прокопович 1961: 219] в послании «Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино»; «Что *слава*

³ В дальнейшем, в направлении к XX веку, роль тропов, в том числе метафор, выраженных существительными, увеличивается (см.: [Кожевникова 2009: 531–600]).

⁴ Там же, с. 209.

Станислава богом своим славит, / Станислав бо в имени будто славу ставит. / Сама она не в одном показала дѣлѣ, / В какой ты, Станиславе, славу ставишь силе» [Прокопович 1961: 221] в эпиграмме «О Станиславѣ Лещинском, дважды от короны польской отверженном...», 1734 (?).

Олицетворение, одушевление – редкий прием в стихотворениях Феофана: «...грядет мир веселый / И здравие везетъ со собою... побѣда ждет... Вниде брань...» [Прокопович 1961: 209–210]; «...злость дураков язык свой прикусит...» [Прокопович 1961: 217]; «Печальная ночь... Солнце... Радость родит...» [Прокопович 1961: 218]; «А безумныя печали / Знать того не допускали, / И злоба звѣрна / И спесь безмѣрна / Зело в том мѣшали» [Прокопович 1961: 225]. Еще более редки метонимия и синекдоха: «Россия весела и рада...» [Прокопович 1961: 217]; «...ты, о бородушка, залучил солодушка...» [Прокопович 1961: 223]. Сравнение («гомэоза») используется чаще, причем получает форму не только краткого сравнительного оборота, но более пространной описательной конструкции, как в «Епиникионе»: «...поражен силою десницы твоя, / Аки с небес молнием...» [Прокопович 1961: 210]; «...аки море земля потрясется...» [Прокопович 1961: 213], «...многия воскорѣ / Излѣтеша молния; не таков во морѣ / Шум слышится, егда вѣтр на вѣтр ударяет, / Ниже тако гром з темных облаков рыкает, / Яко гримят армати...» [Прокопович 1961: 212].

Остротами-«приправами мысли», которые рекомендовал Феофан использовать риторам, оказываются выразительные оксюмороны и парадоксы в элегии и послании: «О многобѣдно мое щастье!» [Прокопович 1961: 216]; «...ты и без щастья довольно щастливый» [Прокопович 1961: 217].

Гиперболизация, сарказм и ирония применяются Прокоповичем и в «высоком» жанре (против врагов-«варваров» и «еретиков»), и в эпиграммах. Приведем примеры гипербол из канта «Всяк себе в помощь вышняго предавай...» и эпиграммы «К сложению лексиков»: «...всѣх мук роды сей один труд в сѣбе имѣет» [Прокопович 1961: 224]; «...тысяча и тьмы упадет на брани, / Но к тебѣ в той час и время то злое не приблизится бѣдство ни малое» [Прокопович 1961: 225].

Архитектоника силлабических творений Феофана, с обилием риторических восклицаний и вопросов, относящихся к «высокому» слогу, может показаться читателю переусложненной, тяжело-весной, однако мы не найдем здесь ничего из того, что осуждал Прокопович в своем искусстве красноречия: ни нелепой «пышности», ни «вычурных и незначительных по содержанию фразок», ни «чрезмерной манерности»⁵. Более того, «речь может быть размеренной только в силу избобилия слов» [Прокопович 2020: 210], из которых складываются «звенья», «колоны», «периоды» и формируется ритм, «трогающий сердца», поэтому мерное течение речи в Феофановых стихотворениях разворачивается часто в виде многочленного периода

⁵ [Прокопович 2020: 45–53]. Ср. с еще одной рекомендацией Феофана: «Но что сказать, если сам предмет требует обилия слов?» [Прокопович 2020: 158].

(см. о периоде [Прокопович 2020: 216–219]).

Выводы

Таким образом, разнообразные «цветы мысли» – риторические фигуры Феофана сочетают библейскую и античную традиции, образы миров сакрального и профанного, служат обоснованию идеологически и нравственно важных для него как сторонника Петровских преобразований явлений, развертыванию исторических сюжетов и отражению событий собственной биографии. Риторические приемы Феофана способствуют, помимо «услаждения» и «украшения» речи, еще и строительству нового светского языка. Обилие метафор, эпитетов, аллегорий, перифраз в «Епиникионе» и уже гораздо более скромное их использование в 1730-е годы свидетельствуют об эволюции его взглядов на риторические образцы и подтверждают высказывавшееся исследователями языка и слога Прокоповича мнение: «...если в киевский период Прокопович считал славянский понятным языком, обладающим достоинством культурного языка, то, переехав в Петербург, Прокопович начинает смотреть на него как на непонятный клерикальный язык» [Живов 2017: 981]. Об этом же говорит и правка, собственноручно произведенная Феофаном для некоторых сочинений (например, «Истории Петра Великого»), и «Духовный регламент» (1718 г.), демонстрирующий приверженность раннего Феофана-поэта церковнославянской культурной стихии⁶. В стихотворениях позднего этапа (конца 1720-х – начала 1730-х годов⁷) снижается частотность многих «фигур словесных» и «смысловых» в системе средств художественной выразительности, служащих «услаждению» речи и «возбуждению переживаний», что соответствует подержанной Феофаном установке на создание нового («простого») языка.

Применение Феофаном риторических приемов в своих главных чертах вполне коррелируется с его же поэтикой и теорией красноречия, а также свидетельствует об «умеренном» характере его барочных устремлений, на что указывал еще А. М. Панченко [Панченко 1973: 240–241]. Притом что сам спектр фигур речи довольно широк, отсутствие напыщенных декоративных излишеств для «средних» жанров и еще более умеренное употребление фигур в «низком» стиле речи как требования Феофановых сочинений по искусству поэтическому и ораторскому соблюдаются достаточно строго в силлабических творениях самого ритора. Не случайно призыв к отмене барочного «пиитического» и риторического аппарата прозвучал, ве-

⁶ Ср. с заключением Б. А. Успенского о том, что ранний Феофан, выступая против экспансии латыни, обосновывает необходимость использования и понятность церковнославянского языка для русских и других славянских народов, но «в дальнейшем Феофан последовательно и целенаправленно стремится к упрощению языка церковных книг, к сближению его с языком разговорным» [Успенский 1985: 123].

⁷ Риторические и языковые особенности переложения псалмов позволяют заключить, что принадлежат они, по всей видимости, киевскому периоду творчества Феофана.

роятно, впервые именно в трактатах Феофана Прокоповича, – в связи с этим закономерно, что и своим стихотворческим даром суровый и строгий сподвижник петровских преобразований стре-

мился продемонстрировать новую же для российской словесности стилистику, риторичность и поэтику, проложившую дорогу русскому классицизму.

Источники

Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 / М. В. Ломоносов ; ред.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. ; Л. : АН СССР, 1952. – 993 с.

Прокопович, Ф. Сочинения / Ф. Прокопович ; под ред. и с предисл. И. П. Еремина ; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1961.

Прокопович, Ф. Об искусстве риторическом десять книг / Ф. Прокопович ; пер. Г. А. Стратановского ; отв. ред. С. И. Николаев ; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева ; коммент. Е. В. Маркасовой ; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2020. – 488 с.

Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры // Риторика М. В. Ломоносова / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. – СПб. : Нестор-История, 2017. – С. 9–522.

САР – Словарь Академии Российской. – СПб. : При Императорской Академии наук, 1789–1794. – Ч. 5. От Р до Т. – СПб. : При Императорской Академии наук, 1794. – [2 с.], 1084 стлб., [58 с.].

СЛРЯ – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1984 – (продолж. изд.). – Вып. 4. (Воздух – Выпись). – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1988. – 256 с.

ССРП1 – Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский / под ред. Н. В. Патроевой. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – 576 с.

ССРП2 – Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. Т. 2: Ломоносов / под ред. Н. В. Патроевой. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. – 608 с.

Литература

Бударагина, О. В. Латинская сатира Феофана Прокоповича на Георгия Дашкова (публикация текста и комментарий) / О. В. Бударагина // *Philologia classica*. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 261–277.

Буранок, О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века / О. М. Буранок. – М. : Флинта ; Наука, 2014. – 448 с.

Бухаркин, П. Е. Риторика и история литературного языка / П. Е. Бухаркин // *Мир русского слова*. – 2017. – № 1. – С. 47–53.

Живов, В. М. История языка русской письменности : в 2 т. Том II / В. М. Живов. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 480 с.

Игорь (Ісиченко), архиепископ. Духовні виміри барокового тексту: літературознавчі дослідження / Игорь (Ісиченко). – Харків : Акта, 2016. – 592 с.

Кибальник, С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича. XVIII век / С. А. Кибальник // *Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте*. Вып. 14 / АН СССР ; редкол.: А. М. Панченко (отв. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1983. – С. 193–206.

Кожевникова, Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / Н. А. Кожевникова ; под общ. ред. З. Ю. Петровой. – М., 2009. – 892 с.

Копаниця, Л. «Епиникион» Феофана Прокоповича: до питання про текстуальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття / Л. Копаниця // *Література. Фольклор. Проблеми поетики: Збірник наукових праць*. – Київ, 2012. – Вип. 37, ч. 1. – С. 156–161.

Лахманн, Р. Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического / Р. Лахманн. – СПб. : Академический Проект, 2001. – 368 с.

Либушкин, Д. Л. Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории XVII – первой половины XVIII века / Д. Л. Либушкин. – М., 2000. – С. 80–94, 101–112, 117–119.

Луцкая, Ф. И. Место и функции эпиграммы в латиноязычной поэзии Ф. Прокоповича / Ф. И. Луцкая // *Питання класичної філології: Іноземна філологія*. – Львів, 1979. – Вип. 55, № 16. – С. 104–112.

Панченко, А. М. Русская стихотворная культура XVII века / А. М. Панченко. – Л. : Наука, 1973. – 281 с.

Патроева, Н. В. Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта / Н. В. Патроева // *Славянская историческая лексикология и лексикография*. – СПб., 2018. – Вып. 1. – С. 122–131.

Сазонова, Л. И. Литературная культура России: раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 894 с.

Трофимов, А. Многоязычие в литературной культуре Петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича / А. Трофимов // *Летняя школа по русской литературе*. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 335–353.

Трофимук, М. С. Латиномовна література України XV–XIX ст.: жанри, мотиви, ідеї / М. С. Трофимук. – Львів : Львівський національний університет ім. І. Франка, 2014. – 380 с.

Успенский, Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1985. – 215 с.

Smorczevska, H. Elegia Alexii Teofana Prokopowicza: nieconwencjonalny powrót do tradycyjnego wątku / H. Smorczevska // Tradycja i inwencja: Wątku I motywy obhiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. – Łódź, 1999. – S. 73–81.

References

Budaragina, O. V. (2020). Latinskaya satira Feofana Prokopovicha na Georgiya Dashkova (publikatsiya teksta i kommentarii) [The Latin Satire of Feofan Prokopovich on Georgy Dashkov (Publication of Text and Commentary)]. In *Philologia classica*. Vol. 15. No. 2, pp. 261–277.

Bukharkin, P. E. (2017). Ritorika i istoriya literaturnogo yazyka [Rhetoric and History of the Literary Language]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 47–53.

Buranok, O. M. (2014). *Feofan Prokopovich i istoriko-literaturnyi protsess pervoi poloviny XVIII veka* [Feofan Prokopovich and the Historical and Literary Process of the First Half of the 18th Century]. Moscow, Flinta, Nauka. 448 p.

Igor' (Isichenko), archbishop. (2016). *Dukhovni vimiri barokovogo tekstu: literaturoznachchi doslidzhennya* [Spirituals of the Baroque Text: Literature Studies]. Kharkov, Akta. 592 p.

Kibalnik, S. A. (1983). О «Ritorike» Feofana Prokopovicha. XVIII vek [About “Rhetoric” by Feofan Prokopovich. 18th Century]. In Panchenko, A. M. et al. (Eds.). *Russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste*. Issue 14. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 193–206.

Kopanitsya, L. (2012). «Epinikion» Feofana Prokopovicha: do pitannya pro tekstual'nu strategiyu panegirichnoi poezii v pis'menstvi XVIII stolit'ya [“Epinikion” by Feofan Prokopovich: To the Question of the Textual Strategy of Panegyric Poetry in the Literature of the 18th Century]. In *Literatura. Fol'klor. Problemi poetiki: Zbirnik naukovikh prats'*. Kiev. Issue 37. Part 1, pp. 156–161.

Kozhevnikova, N. A. (2009). *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected Works on the Language of Fiction]. Moscow. 892 p.

Lakhmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya: ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo* [Dismantling Eloquence: Rhetorical Tradition and the Concept of Poetic]. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt. 368 p.

Liburkin, D. L. (2000). *Russkaya novolatinskaya poeziya: Materialy k istorii XVII – pervoi poloviny XVIII veka* [Russian New Latin Poetry: Materials for the History of the 17th Century – First Half of the 18th Century]. Moscow, pp. 80–94, 101–112, 117–119.

Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete Works, in 11 vols.]. Vol. 7: Trudy po filologii. 1739–1758. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 993 p.

Lutskaya, F. I. (1979). Mesto i funktsii epigrammy v latinoyazychnoi poezii F. Prokopovicha [The Place and Functions of the Epigram in the Latin-language Poetry of F. Prokopovich]. In *Pitannya klasichnoi filologii: Inozemna filologiya*. Lvov. Issue 55. No. 16, pp. 104–112.

Panchenko, A. M. (1973). *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [Russian Poetic Culture of the 17th Century]. Leningrad, Nauka. 281 p.

Patroeva, N. V. (2018). Sintaksicheskii poeticheskii slovar': teoretiko-metodologicheskie osnovaniya leksikograficheskogo proekta [Syntactic Poetic Dictionary: Theoretical and Methodological Foundations of the Lexicographic Project]. In *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*. Saint Petersburg. Issue 1, pp. 122–131.

Patroeva, N. V. (Ed.). (2017). *Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka: v 4 t.* [Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century, in 4 vols.]. Vol. 1: Kantemir, Trediakovskii. Saint Petersburg, DMITRII BULANIN. 576 p.

Patroeva, N. V. (Ed.). (2019). *Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka: v 4 t.* [Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century, in 4 vols.]. Vol. 2: Lomonosov. Saint Petersburg, DMITRII BULANIN. 608 p.

Prokopovich, F. (1961). *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Leningradskoe otdelenie.

Prokopovich, F. (2020). *Ob iskusstve ritoricheskogo desyat' knig* [Ten Books on the Art of Rhetoric]. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arkheo. 488 p.

Ritorika M. V. Lomonosova. Tropy i figury [Rhetoric of M. V. Lomonosov. Tropes and Figures]. (2017). In Bukharkin, P. E., Volkov, S. S., Matveev, E. M. (Eds.). *Ritorika M. V. Lomonosova*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 9–522.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii: rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia: Early Modern Times]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 894 p.

Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of the Russian Academy]. (1789–1794). Part 5. Ot R do T. Saint Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1794. 58 p.

Smorczevska H. (1999). Elegia Alexii Teofana Prokopowicza: nieconwencjonalny powrót do tradycyjnego wątku. In *Tradycja i inwencja: Wątku I motywy obhiegowe w dawnych literaturach słowiańskich*. Łódź, pp. 73–81.

Sorokin, Yu. S. (Ed.). (1988). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. Issue 4. (Vozdukh – Vypis'). 256 p.

Trofimov, A. (2018). Mnogoyazychie v literaturnoi kul'ture Petrovskoi epokhi: «Epinikion» Feofana Prokopovicha [Multilingualism in the Literary Culture of the Peter the Great Era: “Epinikion” by Feofan Prokopovich]. In *Letnyaya shkola po russkoi literature*. Vol. 14. No. 4, pp. 335–353.

Trofimuk, M.S. (2014). *Latinomovna literatura Ukraïni XV-XIX st.: zhanri, motivi, idei* [Latin Literature of Ukraine 15th–19th Centuries: Genres, Motives, Ideas]. Lvov, L'vivskii natsional'nii universitet im. I. Franka. 380 p.

Uspensky, B. A. (1985). *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII – nachala XIX veka. Yazykovaya program-ma Karamzina i ee istoricheskie korni* [From the History of the Russian Literary Language of the 18th – Early 19th Centuries. Karamzin's Language Program and Its Historical Roots]. Moscow, Gnozis. 215 p.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti: v 2 t.* [History of the Russian Written Language, in 2 vols.]. Vol. II. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 480 p.

Данные об авторах

Патроева Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: nvpatr@list.ru.

Лебедев Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: perevodchik88@yandex.ru.

Authors' information

Patroeva Natalia Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Lebedev Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Дата поступления: 05.04.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 05.04.2024; date of publication: 30.10.2024

УДК 821.161.1(Пушкин А. С.)+82-1+725.945. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-17-26.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,4+Ш33(2Рос=Рус)5-8,6+Ш33(2Рос=Рус)5-8,7.
ГРНТИ 17.07.25. Код ВАК 5.9.3

MONUMENTS TO PUSHKIN IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND CULTURAL MEMORY OF RUSSIA AND GERMANY

Klara I. Sharafadina

Saint Petersburg University of the Humanities and Social Science (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1372-3243>

Svetlana N. Averkina

Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-8922-679X>

Abstract. The urgency of the topic can be explained by the increased interest of the humanities in the intercoding nature of art phenomena and the need to rethink the significance of monumental culture in the process of preserving the national spiritual heritage. The aim of this paper is to highlight the role of the monuments to A. S. Pushkin in the formation of the “myth of the national poet” in Russia and Germany. The practical research material encompasses texts of the classics of Russian literature, who created the neo-mythologeme “monument to Pushkin” (A. Akhmatova, E. Bagritsky, V. Mayakovsky, V. Khodasevich, M. Tsvetaeva). Drawing on the cultural-historical, structural and comparative methods of analysis allows the authors to approach the topic from different angles and positions. The theoretical basis of the study is formed by the works devoted to the poetic mythology of Pushkin and the problem of statuary depiction assessment in literary criticism (O. Weddingent, L. Taruashvili, R. Jakobson). The paper explores the role of the mythologeme of movement in the literary and sculptural representation of the poet’s image. It is concluded that the semantic structure of the monuments becomes part of the mythological space of the town, the “place of memory” (Boldino, Mikhailovskoye, Tsarskoye Selo) and is an element of the historical narrative: the frozen images epitomize the memories of the past, the current present and a projection onto the potential future. This idea is illustrated through the specificity of the perception of the monument to Pushkin by A. Opekushin (1881) in Moscow and the bust of the poet installed in the “city of Goethe” Weimar in the year of the formation of the GDR (1949). A conclusion is made about the symbolic rapprochement of the names and images of the two classics, which are of equal importance for Russia and Germany. The practical value of the study is due to the prospect of presenting the material: the discovered facts can become an object of discussion and comprehension in literature, cultural studies and philosophy classes.

Keywords: monuments to A. S. Pushkin; J. W. Goethe; V. Mayakovsky; V. Khodasevich; M. Tsvetaeva; cultural memory; reception; historical narrative; statuary; sculptural and literary discourses

Acknowledgements: The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706>.

For citation: Sharafadina, K. I., Averkina, S. N. (2024). Monuments to Pushkin in the Context of Historical and Cultural Memory of Russia and Germany. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 17–26. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-3-17-26.

ПАМЯТНИКИ ПУШКИНУ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Шарафадина К. И.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1372-3243>
SPIN-код: 7385-0701

Аверкина С. Н.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-8922-679X>
SPIN-код: 6167-1123

Аннотация. Актуальность темы обусловлена возросшим интересом гуманитарного знания к интеркодности артефактов и необходимостью переосмысления значения монументальной культуры в процессе сохранения духовного наследия народов. Целью данного исследования стало изучение роли памятников А. С. Пушкину в формировании «мифа о национальном поэте» в России и в Германии. Материалом исследования послужили тексты классиков русской литературы, создавших неомифологему «памятник-Пушкина» (М. Цветаева). Обращение к культурно-историческому, структуралистскому и компаративистскому методам анализа позволяет раскрыть тему с разных сторон и позиций. Теоретическую основу исследования составили работы, посвященные поэтической мифологии Пушкина и проблеме статуарности в литературоведении (О. Веддингент, Л. Таруашвили, Р. Якобсон). В ходе исследования была установлена роль мифологемы движения в литературной и скульптурной репрезентации образа поэта. Делается вывод о том, что семантическая структура памятников становится частью мифологического пространства города, «места памяти» (Болдино, Михайловское, Царское Село) и является элементом исторического нарратива: в застывших образах сосуществуют воспоминания о прошлом, переживаемое настоящее и проекция на потенциальное будущее. Эта мысль иллюстрируется через особенности восприя-

тия памятника Пушкину работы А. Опекушина (1881) в Москве и бюста поэту, установленного в «городе Гёте» Веймаре в год образования ГДР (1949). Делается вывод о символическом сближении имен и образов двух классиков, имеющих равное значение для России и Германии. Практическая ценность исследования обусловлена перспективой представления материала: предложенные факты могут стать предметом обсуждения и осмысления на занятиях по литературе, культурологии и философии.

Ключевые слова: памятники А. С. Пушкину; И. В. Гёте; В. Маяковский; В. Ходячевич; М. Цветаева; культурная память; рецепция; исторический нарратив; статуарность; монументальный и литературный дискурсы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706>.

Для цитирования: Шарафадина, К. И. Памятники Пушкину в контексте исторической и культурной памяти России и Германии / К. И. Шарафадина, С. Н. Аверкина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 17–26. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-17-26.

PUSCHKIN–DENKMÄLER IM KONTEXT DES HISTORISCHEN UND KULTURELLEN GEDÄCHTNISSES RUSSLANDS UND DEUTSCHLANDS

Sharafadina K. I.

St. Petersburg Humanitäre Gewerkschaftsuniversität (St. Petersburg, Russland)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1372-3243>

Averkina S. N.

Staatliche Linguistische Universität Nischni Nowgorod, benannt nach. N. A. Dobrolyubova

(Nischni Nowgorod, Russland)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-8922-679X>

Zusammenfassung. Die Relevanz des Themas ergibt sich aus dem gestiegenen geisteswissenschaftlichen Erkenntnisdrang an der interkodierte Natur von Kunstphänomenen und der Notwendigkeit, die Bedeutung der Monumentalkultur bei der Bewahrung des geistigen Erbes der Völker zu überdenken. Der Zweck dieser Untersuchung besteht darin, die Rolle von Puschkin–Denkmälern bei der Entstehung des „Mythos vom Nationaldichter“ in Russland und Deutschland zu untersuchen. Anhand von Texten der Klassiker der russischen Literatur, die das Neomythologem „Puschkindenkmal“ (in einem Wort) schufen (M. Zwetajewa). Der Rückgriff auf kulturhistorische, strukturalistische und komparatistische Analysemethoden ermöglicht, das Thema aus verschiedenen Perspektiven zu betrachten. Der Recherche liegen Werke zugrunde, die sich der poetischen Mythologie Puschkins und der Statusproblematik in der Literaturkritik widmen (O. Weddingent, L. Taruashvilli, R. Jakobson). Im Zentrum steht die Rolle des Bewegungsmythologems in der literarischen und skulpturalen Darstellung des Bildes des Dichters. Es wird gefolgert, dass die semantische Struktur von Denkmälern Teil des mythologischen Raums der Stadt, der „Erinnerungsstätte“ (Boldino, Michajlowskoje, Zarskoje Selo) und ein Element der historischen Erzählung wird: Erinnerungen an die Vergangenheit, die erlebte Gegenwart und eine Projektion in eine ungewisse Zukunft koexistieren in versteinerten Objekten. Diese Idee wird durch die Besonderheiten der Wahrnehmung des Puschkin–Denkmals von A. Opekushin (1881) in Moskau und der im Gründungsjahr der DDR (1949) in der „Goethe-Stadt“ Weimar aufgestellten Büste des russischen Dichters veranschaulicht. Die Schlussfolgerung wird über die symbolische Konvergenz der Namen und Bilder beider Klassiker gezogen, die für Russland und Deutschland von gleicher Bedeutung sind. Der praktische Wert der Untersuchung liegt in der Perspektive der Präsentation des Gegenstandes. Die vorgeschlagenen Fakten können im Literatur-, Kultur- und Philosophieunterricht zum Gegenstand der Diskussion und des Verständnisses werden.

Schlüsselwörter: A. S. Puschkin–Denkmäler; J. W. Goethe; W. Majakowskij; W. Chodasewitsch; M. Zwetajewa; Erinnerungskultur; Rezeption; historisches Narrativ; Statuarität; monumentaler und literarischer Diskurse

Einführung

Den Anlass für diese Forschung hat das 225-jährige Puschkin–Jubiläum gegeben, sowie die Reflexion über die Erinnerungskultur als gesellschaftliches und literarisches Phänomen, unter anderen über die Rolle und Funktion von Puschkin–Denkmälern in Russland und Deutschland [Адорно 2005: 36].

Puschkin–Denkmäler, insbesondere eines von A. Opekuschin, wurde mehrmals zum Thema der Überlegungen von Gelehrten (R. Jakobson, J. Lotman, J. Tinjanow), Literaten und anderen Intellektuellen (F.M. Dostojewskij, J. Brodskij, I. N. Turgenew, A. Achmatowa, E. Bagritzkij, W. Majakowskij, B. Okudzhawa, W. Chodasewitsch, M. Zwetajewa). Theoretische Ebene für die Reflexion geben die Arbeiten über das Prinzip der Statuarität (L. Taruashvilli), Skulpturhaftigkeit des klassischen und zeitgenössischen Ideals (von J. Winkelmann und G.E. Lessing

bis A. Rodin, O. Spengler, A. Lossew), ästhetischen und ethischen Wert der Erinnerungsstätte/ Orte/ Objekte, kulturelles Gedächtnis [Лотман 1992].

Die Metapher „kulturelles Gedächtnis“ ist ziemlich transparent und zu einem häufig verwendeten interdisziplinären Begriff geworden. Im europäischen, speziell deutschen Raum, kommt es als Grundkonzept der Theorie des Gedächtnisses und Ethik der Erinnerung von A. und J. Assman vor [Assmann 1992]. Ihrer Meinung nach, sei „Gedächtnis die grundlegende Fähigkeit, die Vergangenheit (das Niveau von Eindrücken oder Gedanken) in einer veränderten Form zu reproduzieren“ [Assmann 1992: 67]. Seit der Zeit von Aristoteles gelten die Assoziation und Strukturierung von Erinnerungen als der wichtigste Faktor für die Entwicklung von Menschen und Gesellschaft. Die Rhetoren und Philosophen haben auf dieser Grundlage die Prinzipien der „Kunst der Erinnerung“ (Mnemonik) entwickelt. Es sollte auch beachtet werden,

dass es neben dem individuellen Gedächtnis ein kollektives gibt: Der Mensch verfügt über ein auf mündliche Überlieferung begrenztes kommunikatives Gedächtnis und ein durch mediale Darstellung (Texte, Bilder, Monumente) geprägtes kulturelles Gedächtnis. Kommunikatives und kulturelles Gedächtnis bilden die Grundsteine des kollektiven Gedächtnisses. [Assmann 1992]. Sowohl für das Individuum als auch für die Gemeinschaft hat das Gedächtnis kontinuierlich- und damit identitätsstiftende Bedeutung [Harth 1991].

Das Vergangene im Stein und Bild darzustellen, hat eine lange Tradition. In der Antike standen die Verehrung und das Anbeten in Statuen, Gedenksteinen und Siegsäulen im Blickpunkt. Im 16. und 17. Jahrhundert erblühte in Europa die Kirchenkunst, die mit der lebensfreudigen Renaissance-Ästhetik verschmolz: Großstädte und Kulturbauten waren mit Statuen und Büsten reich verziert, was dem Auge des Betrachters antike Gottheiten und christliche Heiligen gleichzeitig präsentierte.

Anders stellt sich die Situation in Russland dar: hier gilt die Bildhauerei als verdammt und unheilig. Erst im 18. Jahrhundert wurden die ersten Zaren-Denkmäler errichtet, vor allem das grandiose Falcones Kupfermonument von Peter I., der Puschkin zur Entstehung des bekannten Poems inspiriert hatte. Der Dichter „belebt“ die verewigte symbolische Herrscherfigur, übernimmt die Funktion des Schöpfers, der die Zeit zurückdreht und die Statue beseelt. Diese Zauberei erlaubt dem Dichter kühn zu sein, sich selbst als ein Monument zu denken, „ohne Hände“, aber vielleicht auch von menschlicher Hand geschaffen [Таборисская, Шарафадина 2011: 480–485].

Die Situation, dass Puschkin zugleich er selber bleibt (genial und lebendig) und sich zur Kultusgestalt wandelt, bemerkten zahlreiche Literaten. W. Chodassewitsch traute den folgenden Generationen nicht zu, Puschkin so unmittelbar in beiden Hypostasen zu erleben. Er vermutet, dass „Nationalstolz sich in ihm in unzerstörbare, kupferartige Formen verschmelzen wird, aber dieselbe unmittelbare Nähe, die aufrichtige Zärtlichkeit, mit der wir Puschkin liebten, werden zukünftige Generationen nicht kennen“ [Ходасевич 1991: 205]. M. Zwetajewa brachte in ihrem Aufsatz „Mein Puschkin“ (1937) [Zwetajewa 1978] das spezifische Motiv der wörtlichen Realisierung des Themas „Kupferformen“ hervor, in denen der Nationalstolz des Genies gegossen wird, was das Neomythologem „Denkmal – Puschkin“ (Genetiv in der russischen Sprache – «памятник Пушкина») oder Puschkin-denkmal (in einem Wort, nicht: Puschkin-Denkmal), in die Welt gesetzt hat: Die separat existierenden Begriffe von Denkmal und Puschkin werden ab 1880 nicht mehr getrennt wahrgenommen [Цветева 1994: 59]. Auf viele Puschkin-Verehrer trifft folgendes zu: Wenn man sich den Autor von „Eugen Onegin“ vorstellt, fällt einem entweder das Kiprenskij-Porträt, die Zeichnung „Puschkin auf der Bank in Zarkoje Selo“ oder seine Tusche-Skizzen und Selbstbildnisse ein; in erster Linie jedoch – sein Denkmal von Opekuschin in Moskau.

Dichter und ihre Bildnisse

Es gibt verschiedene Meinungen, wie Puschkin

die Kunstform der Skulptur wahrgenommen hatte. A. Efros behauptete, dass er ihr „nach den Geboten von Mode und Brauch“ und nach den Pflichten eines Weltmanns Respekt zeigte, jedoch noch einen Schritt weiter ging, indem er sie zum literarischen Thema erhob [Эфрос 1930: 72]. R. Jacobson, einer der Begründer des „Prager Linguistenkreis“ in den 20-er Jahren des 20. Jahrhunderts, widmete dem Problem eine Studie, die schwer zu übertreffen ist (1937). Der Autor des Artikels „Statue in der poetischen Mythologie von Puschkin“ kam zum Schluss, dass die Symbolik tief im Schaffen des Dichters verwurzelt ist und seine metaphysischen Überlegungen repräsentiert: Die infernalischen Machträger-Figuren wie Peter I., der Kommandant, auch der goldene Hahn im gleichnamigen Märchen, können für die menschliche Welt lebensgefährlich sein. In seinen Notizen bezeichnet Puschkin sie oft als „Idole“, „Dämonen“, „Götzen“, „die verzaubern, verführen, ablenken und Todeskälte ausstrahlen“ [Якобсон 1987: 147]. Für Jakobson, der intensiv die Diskussion in der Jubiläumsausgabe der Zeitschrift „Znamja“ (Die Fahne, 1937) folgte (das Thema war „Das neue Puschkin-Denkmal: vom proletarischen Volke dem großen Dichter“) erschien die Fragestellung höchst kompliziert, wichtig und (aus verständlichen Umständen) nicht ungefährlich.

Abgesehen von einigen Artikeln während der Puschkin-Feierlichkeiten 1937, in denen Opekuschins Leistung kritisiert wurde, blieben alle der Meinung: Puschkin musste in der Bewegung dargestellt werden (siehe „Puschkin in Bewegung“ von J. Tinjanow) [Молок 1936]¹. Das Projekt scheiterte jedoch.

Erstens war das Denkmal aus dem Jahre 1880 ein absoluter Volltreffer, zweitens konnte man sich nicht ganz auf Puschkins Meinung stützen. Zu seinen Lebzeiten war kein einziges seiner skulpturalen Porträts erhalten geblieben, weil er immer verhindert hatte, sich darstellen zu lassen. So teilte er seiner Frau in einem Brief vom 14. Mai 1836 mit: „Sie wollen hier meine Büste formen. Aber ich will es nicht. Hier wird meine Schande von Arap in all seiner toten Unbeweglichkeit, die ewig anzuschauen sein wird, verraten“ [Эфрос 1930: 426].

Zwei seiner skulpturalen Porträts erschienen unmittelbar nach Puschkins Tod, unabhängig voneinander: 1837 schufen I. Vitali und S. Galberg (nach posthumer Abnahme der Maske) verallgemeinernde, antikisierte Bilder des olympischen Dichters als eine Art Denkmal: mit nackter Brust, durchgeschnittenen, unsichtbaren Augen. 1842/1843 fügte Vitali der Marmorstatue einen Lorbeerkranz auf dem Kopf hinzu. Nicht uninteressant ist hier zu betonen, dass Puschkin Ende 1829 sich in einem Selbstbildnis mit Lorbeerkranz darstellte (ein Porträt mit Tinte in den Entwurf des Gedichtes „Gasub“). Nachdem der Autor sein Bild skizziert hatte, fing er sofort an, Nase, Lippen, Kinn zu streichen. Efros war der Überzeugung, dies

¹ Moloch veröffentlichte tendenziöse Beiträge von N. Radlow, W. Kozlow, L. Schewrud. 1939 erschienen auch Essays von J. Tinjanow „Die Bewegung“, A. Babotschkin „Puschkin – der Sieger“, A. Iljin „Er muss einfach sein, wie Verse von Puschkin“ und andere.

sei der eigentümlichen Bescheidenheit des Dichters geschuldet. Hier fallen ein gewisser Anteil an Selbstironie und der Versuch, sich als „Denkmal“ zu desavouieren, zusammen. Die Idee der Verkörperung in kaltem Marmor hatte er unbewusst oder bewusst „gestrichen“ [Павлова 1989: 76].

Nach einigen Jahren, 1835 oder 1836, kehrte der Dichter wieder zur Idee des *exegi monumentum* zurück und stellte sich (vielleicht unter dem Eindruck der Überzeugungen von Brujllow und Vitali) in Form einer Büste mit Lorbeerkranz dar, aber schon wieder mit offener Parodie und Travestie. Laut Jacobson präsentierte dieses Selbstporträt traditionelle Medaillons mit Dantes Darstellung (als den größten unter allen Dichtern) in lächerlichem Licht [Якобсон 1987: 160]. Die Unterschrift lässt keinen Zweifel an seiner Selbstironie aufkommen: „il gran Padre AP“ (Patriarch AP). So hat der Dichter selbst tatsächlich die Idee eines vom Menschen geschaffenen Denkmals fast verspottet.

Im Kontext dieser Forschung ist zu bemerken, dass auch Goethe zu Lebzeiten keine Statue errichtet wurde. Man plante anlässlich des 70. Geburtstages des Dichterstürsten 1819, in seiner Geburtsstadt Frankfurt am Main ein Postament aufzustellen. Goethe war nach einigen Überlegungen von der Idee völlig enttäuscht, obwohl er sie anfänglich in einem Essay „Betrachtungen über ein dem Dichter Goethe in seiner Vaterstadt zu errichtendes Denkmal“ bejubelt hatte. Das Denkmal habe „die Vaterstadt überschreitenden Charakter“ gewonnen, man stelle ihn als Nationalhelden dar, was Goethe ironisch aufgefasst hatte. Er sah sich lieber in der Stadtbibliothek unter anderen Gelehrten, was 1840 realisiert wurde. Das erste pompöse Projekt scheiterte bereits in der Diskussionsphase².

Man begnügte sich mit einer bescheidenen Version einer Bronzestatue des Münchner Bildhauers L. von Schwanthaler (1802–1848). Sie steht auf mit Reliefs geschmücktem hohen Sockel und wurde erst nach Goethes Tod 1844 enthüllt. Zu sehen ist der Nationaldichter in zeitgenössischem Kostüm und einem schweren, kräftigen Falten werfenden Mantel, seinen Arm auf einen Baumstamm (deutsche Eiche – auch ein deutlich nationales Attribut) stützend, seine rechte Hand eine Schriftrolle haltend, die linke mit dem Lorbeerkranz lose herabfallend – eine etwas müde Figur ohne Glanz, jedoch eine interessante Konzeption im Kontrast zur Weimar-Doppelstatue (Goethe-Schiller, 1857).

Für die erste Fassung des Weimarer Goethe-Schiller Denkmals wurde 1849 ein Komitee eingerichtet, welches Goethe zunächst im antiken Gewand sehen wollte und nicht in nationaler, zeitgemäßer Kleidung, wie es später realisiert wurde. Bei der Auffassung der beiden Individuen Goethes und Schillers ver-

² Man plante, auf einer Insel eine Anlage mit einem Rundtempel und allegorischen Figuren aus seinen Dichtungen aufzubauen. Die Realisierung des Plans erwies sich als sehr teuer, sodass das Denkmal-Komitee um Spenden warb, mit geringem Erfolg. Dies kommentierte Goethe einerseits mit Humor und andererseits etwas brummig:

„Zu Goethes Denkmal, was zahlst Du jetzt?“

Fragt dieser, jener und der. –

Hätt' ich mir nicht selbst ein Denkmal gesetzt,

Das Denkmal, wo käm es denn her?“ [Marggraff 1867].

bunden als Gruppe zu einem Monument „habe ich geglaubt in Goethe die selbstbewusste Größe und klare Weltanschauung in ‚ruhiger und fester Haltung‘, sowie Schillers kühnen, strebenden, idealen Geist durch mehr vorstrebende Bewegung und etwas gehobenen Blick zu charakterisieren“ [Ritschel 2011]. Goethe, zehn Jahre älter als Schiller, also „früher im Besitze seines Ruhms, hält den Kranz fest, den er als Symbol der Poesie und des Ruhmes oder der Unsterblichkeit errungen oder den ihm die Nation gereicht, Schiller, sich seiner hohen Bedeutung bewusst“ (Bildhauer E. Ritschel an den König von Bayern Ludwig II, 1852) [Ritschel 2011].

Dieser Vergleich mit Goethe ist auch deswegen bemerkenswert, da das bedeutendste Puschkin-Denkmal in der Nachbarschaft ganz in deutschem Stil 1949 aufgestellt wurde, was die Verbindung von nationalen Kulturen betonen musste.

Das Puschkin-Denkmal wurde ohne Zweifel sofort als Kunstwerk empfunden und empfangen. Gogols These – Puschkin zeige, wie der Mensch in der Zukunft sein müsse – offenbart sich in diesem Zusammenhang ganz deutlich. Die Jury fand im Entwurf des Bildhauers A.M. Opekushin den echten, fast lebendigen Dichter, von Bildung, Energie und ewigem poetischen Glanz vollkommen durchdrungen.

Puschkin-Denkmal: lebendig – dunkel – hell

Die Feierlichkeiten zur Eröffnung des ersten „vom Menschen erschaffenen“ Puschkin-Denkmal in Moskau am 6. Juni 1880 wurden im geistigen Leben Russlands zum bedeutenden Ereignis. Vergleichsweise ohne solch allgemeine Klangfülle und Begeisterung sind Denkmäler Karamsins in Simbirsk, Krilows in St. Petersburg und Lomonosows in Archangelsk zu jener Zeit eingeweiht worden. Das Jahr 1880 ist somit durchaus als bedingender chronologischer Meilenstein in der Entstehung des analysierenden Motivs zu betrachten.

Die doppelnde Optik – Puschkin sieht seine Verewigung in Stein ironisch, schreibt aber zugleich sein „Denkmal ohne Hände“ – kennzeichnet den Charakter der Reflexion über die Zukunft des Denkmals, das der Betrachter so wohlwollend wahrnimmt und den Prozess des Mythologisierens beflügelt. Gebunden an die auf heidnischen Götzendienst zurückgehenden „genetischen“ Wurzeln, nimmt dieses Phänomen mal spekulative mal konjunkturelle Formen an, obwohl es auch aufrichtige Gefühle von Nationalstolz und Bewunderung weckt.

Das „Puschkindenkmal“ (so Zwetajewa) als Protagonist der poetischen „Puschkiniana“ ist für die Korrelation mit seinen realen Prototypen ausgelegt: das Opekuschin-Denkmal, gefolgt von Denkmälern in Zarskoje Selo (Bildhauer R. Bach), Sankt-Petersburg (Bildhauer M. Anikuschin), Michailiwskoje, Pskow usw. sowie schließlich einem bedingten „Denkmal an sich“, welches nicht mit einem der obligatorischen Prototypen korreliert. In gewissem Maße vereint das Opekuschin-Denkmal die meisten Puschkin-Repräsentationen in sich. Es lohnt also, auf dieses Werk genauer einzugehen.

Opekuschins in Bronze (Legierung aus Kupfer

und Zinn) gegossene Puschkin-Figur steht auf einem Granitsockel mit Stufen und präsentiert sich mit einer beeindruckenden Gesamthöhe von elf Metern. Der Dichter trägt einen langen Gehrock mit einem Überwurf. Die Hand am Hut zeigt die Bereitschaft zum Grüßen, die Spitze des linken Fußes ragt leicht über den Sockelrand hinaus. Eine leichte Neigung des Kopfes rundet die Gesamtsilhouette in seiner harmonischen Erscheinungsform perfekt ab.

Im Detail lässt die Figur ein Bewegungsmotiv erkennen – Puschkin geht, das Gesicht tendiert zum Innehalten – der Dichter denkt nach. Durch die extreme Verallgemeinerung der Gesichtszüge und deren strenge Symmetrie erzeugt der Künstler eine beabsichtigte Monumentalität, die durch eine konzipierte Betrachtung des Kopfes aus der Perspektive von unten noch verstärkt wird. Insgesamt gibt es keine Anzeichen von Müdigkeit, vielmehr Selbstbezogenheit: Dem Betrachter offenbart sich ein Puschkin am Ende seines Lebens, an der Schwelle zur Unsterblichkeit.

1880 wurde das Denkmal in Moskau am Anfang des Twerer Boulevards aufgestellt: Die Puschkin-Gestalt ging gleichsam auf den Passionsplatz hinaus. Seine klare Silhouette war schon vom Nikitskij Tor aus sichtbar und erschien immer differenzierter je mehr man sich ihr näherte. 1950 wurde das Denkmal an die Stelle des 1937 zerstörten Passionsklosters (Spasskij-Kloster) im Zentrum des heutigen Puschkin-Platzes mit Blickrichtung zur aufgehenden Sonne versetzt. Nach dem Entwurf des Architekten I. S. Bogomolow vervollkommen 18 Bronzetafeln und ein mit Girlanden aus gegossenen Lorbeerblättern geschmückter Bronzekranz um das Denkmal herum die Bedeutung des Platzes.

So formte sich der ikonische Attributkomplex des Dichter-Denkmal: schwarzblitzende Bronze, Granitsockel, Hut, Mantel, Kopfneigung, zentraler Strastnaja-Platz (später Twerer Boulevard, Puschkinplatz). Das Puschkin-Denkmal weist allfällig die Charakteristika eines Mekkas im kulturellen Moskauer Stadtplan auf: Treffpunkt, Orientierungsmittel der Stadt, Alternative zum offiziellen Zentrum, Lichtturm. Der Dichter A. Majkow konstatierte einst treffend: „Man, stelle ihn als Dichter dar / Als König im Gedankenreich. / Gefüllt mit innerem Licht...“ [Таборисская, Шарафадина 2011: 482].

Die Opposition „Dunkel der Bronze – das innere Licht“ hat in der Rezeption des „Puschkindenkmal“ eine Tradition begründet: der „schwarze“ Dichter von Zwetajewa färbt sich in einen Weißen bei A. Achmatowa um. Schwarz ist die Bronze, weiß ist nicht nur das innere Licht, sondern der Schnee, den man auf seinen Schultern sehen kann. Ein Motiv, das in mehreren Zeilen bei Puschkin-Verehrern wiederholt auftritt, beispielsweise bei B. Bagrizkij, J. Brodskij, B. Sadowskoj, B. Okudzhawa³.

Als Randnotiz zum 6. Juni 1880 sei vermerkt,

³ Bagrizkij E.: «И Пушкин падает в голубоватый колючий снег...», Brodskij J.: «Пустой бульвар. / И памятник поэту. / Пустой бульвар. / И пение метели. / И голова опущена устало...», Sadowskoj B. («Занесенный снегом Пушкин / Нам задумчиво кивнул...»).

dass Schriftsteller, die der feierlichen Einweihung beiwohnten, meistens das reale Material (Bronze) durch Kupfer ersetzen, ein Element, das von kulturellen Assoziationen gefüllt ist.

Selbst Puschkin beschreibt standesgemäß keine Bronze, sondern Kupfer (in der Übertragung von „Exegi monumentum“ kommt die Zeile „<...> älter als Kupfer ...“, sowie in „Statuen in Zarskoje Selo“).

Mit W. Majakowskij erhält diese „Kupfer“-Substanz eine negative Prägung, da die Begriffe „Puschkin“ und „Denkmal“ (als etwas Lebloses, Erstarrtes, Verfälschtes) für ihn unvereinbar sind. So identifiziert er in dem Gedicht „Peter und Puschkin“ den Dichter mit dem Kupferreiter. Die gleiche Assoziation wird auch im Gedicht „W. J. Brujsow zur Erinnerung“ vermutet – „seine Faust ist für immer gebunden / in ruhiges, verletzendes Kupfer!“ Deshalb endet dieses Motiv bedeutungsvoll in der Zerstörung des Denkmals: „Ich liebe Sie, aber lebendig, keine Mumie“, „<...> ich hasse Bronze, ich verachte Marmorschleim“ («<...> его кулак / навеки закован / в спокойную к обиде медь!», «я люблю вас, но живого, а не мумию», «<...> ненавижу бронзы многопудье, <...> презираю мраморную слизь») [Маяковский 2022]. In seinem bekanntesten Poem, worin ein Puschkin-Denkmal zum Gesprächspartner wird, weissagt er: „Nach dem Tode werden wir nah zu einander stehen: Sie auf P, ich auf M“ [Маяковский 2022: 834]. Das klingt noch treffender, indem man sich vorstelle, wie die Monumente aus den beiden Moskauer Blickwinkeln bestimmt werden.

Nicht nur das Material, sondern auch andere Attribute des „Puschkin-Denkmal“ inspirieren das Publikum zu vielfältigen Interpretationen. Oft wird ihr wörtlicher Inhalt durch metaphorische Bedeutungen gespiegelt, die die poetische Phraseologie und Rhetorik ergänzen. Die Geste (einen Hut in der Hand hinter dem Rücken haltend) und der bemerkenswerte Sockel sind mit besonderer Semantik ausgestattet. Alles bleibt unverändert, es wechseln nur die Zeiten und Menschen, die Puschkin sehen, und die von Puschkin gesehen werden.

Also das „Puschkindenkmal“ und Puschkin als Denkmal wurden zum Sinnbild des literarischen Moskau. Prophetisch erscheinen die Worte des Dichters, die er an seine Ehefrau am 29. Mai 1834 richtet, wo eine „dunkle“ Stelle hier ganz am Platze wäre: „Ich sammle die Materialien, ich bringe sie in Ordnung und werde plötzlich ein Kupferdenkmal gießen, das nicht von einem Ende der Stadt zum anderen, von Platz zu Platz, von Gasse zu Gasse gezogen werden kann <...> aber wir gehen oder kommen, und er steht immer da. Unter dem Schnee, unter fliegenden Blättern, in der Morgendämmerung, im Blau, in der trüben Milch des Winters – es steht noch immer...“ («уходим мы или приходим, а он всегда стоит. Под снегом, под летящими листьями, в заре, в синеве, в мутном молоке зимы – всегда стоит» [zitiert nach: Цветаева 1994: 61]. Opekuschins Puschkin wurde nicht nur zum berühmtesten Denkmal für den größten Dichter Russlands, nicht nur zur Attraktion, zur skulpturalen Dekoration Moskaus, sondern auch zu einem festen Merkmal der literarischen „Puschkinia-

ne“ in ihren hohen, eigentlich poetischen Erscheinungsformen. Der Bildhauer hat die Person Puschkin, metaphorisch gesagt, nicht in der Bronze gefesselt, sondern zum ewigen Zielobjekt gehoben.

Es sollte das Bild eines Himmlischen entstehen, der gewissermaßen die Sphäre der geistigen Kultur der DDR bewachen würde. Schon im April wurde das Jubiläums-Komitee gegründet. Die Kommission hat für die feierliche Sitzung am 7. Juni und für die Presse passende Texte sorgfältig vorbereitet. Ihre Analyse lässt Schlussfolgerungen dahingehend zu, welche Mythologeme von den Organisatoren und Festrednern besonders hervorgehoben werden sollten:

- Puschkin sei hell und „wohltätig“ [Mann 1953: 22]. Seine Werke drückten das volle „Maß an Glück“ aus. Er sei der Mozart der russischen Kultur;

- Puschkin sei sowohl volkstümlich als auch europäisch, wie Goethe, der Klassizismus und nationale Identität vereint;

- Puschkin sei kein Byron: Hier folgt man den Ideen von F. von Enzes (1785–1858), einem der ersten Übersetzer und Multiplikatoren des Dichters (vgl. die Werke von E. Fabian „Von Puschkin bis Gorkij“ (1949), G. W. Lembruck „Alexander Puschkin“, „Pädagogik“ (1949) oder V. Kaul „Puschkin und die Weltliteratur“ (1949) [Fabian 1952; Kaul 1949];

- Puschkin sei progressiv [Bredel 1949].

Das Puschkin-Denkmal bleibt nach wie vor in der ewigen Korrespondenz mit dem des Dichterpaars Goethe und Schiller.

Daneben bleibt zu bemerken, dass das Thema „Goethe – Puschkin“ in der Vergangenheit mehrmals aufgegriffen worden war (vgl. die Arbeiten von Awerinzew, Aleksejew, Baroti, Domanskij, Kluge, Tim, Fedorow, Epstein) [Данилевский 1999]. Eine der bekanntesten Legenden rankt sich in Deutschland um eine Feder, die Goethe Puschkin geschenkt haben soll – als Zeichen der Verehrung seines Schaffens. Die in Stein gemeißelte Illustration der Legende bilden die Puschkin-Denkmäler in Jena und Gera.

Es wird auch viel über die Goethe-Rezeption bei Puschkin geschrieben, insbesondere im Zusammenhang mit der Tragödie „Faust“, die Puschkin zum Schreiben vom Aufsatz „Die Szene auf dem Sand“ inspiriert hatte. Goethes Reaktion darauf war positiv, als er den Text von Puschkin in der freien Übersetzung von Wajzemschki gehört hatte [Данилевский 1999].

Puschkin erwähnte Goethe auch in Briefen und poetischen Texten. In „Eugen Onegin“ gibt es zum Beispiel eine Zeile über Lenskij, der aus dem „nebligen Deutschland, Heimat von Schiller und Goethe“, zurückkehrte [Пушкин 1960].

Besonders tief aber scheint ein typologischer Vergleich der Klassiker von S. S. Awerinzew zu sein, der prinzipielle Konvergenzen markierte, die es erlauben, geniale Züge vom Schlage Dantes, Shakespeares oder Cervantes in den beiden Schriftstellern zu entdecken. Awerinzew verweist auf Thomas Mann, der im „Vorwort zur russischen Anthologie“ feststellte, dass Puschkin nicht nur der „Goethe des Ostens“ sei, sondern ein universeller Dichter, dessen Worte aufklären [Mann 1953: 22]. Awerinzew hebt die folgenden gemeinsamen Merkmale aus dem Schaffen Goethes und

Puschkins hervor:

- Universalismus, Zugehörigkeit zur „Weltliteratur“;

- gleiche Aufmerksamkeit für den Westen und den Osten;

- Streben nach spirituellem Gleichgewicht im Verständnis des Phänomens der Weltkultur;

- ontologischer Umfang des Schaffens [Awerinzew 1999].

Dank des „Weimarer Projekts“ wurden die Namen der beiden Klassiker in eine Reihe gestellt. Das Jahr 1949 sollte den gesellschaftspolitischen Weg der DDR bestimmen, der in die Wiedervereinigung der beiden deutschen Staaten 1991 führte. Auch wenn gegenwärtig die Beziehungen zwischen Russland und Deutschland belastet sind, wird am kulturellen Dialog zwischen beiden Ländern festgehalten, sodass bislang zwar verbale Auseinandersetzungen um den Erhalt der Puschkin-Denkmäler in Deutschland zu verzeichnen sind, jedoch keine Beschädigungen der Denkmäler. Neben der Weimarer bleiben die weiteren vier Puschkin-Statuen bestehen und beachtet:

- 1950 vollendete Ernemann Sander (1922–2020) sein Puschkin-Denkmal in Jena am Puschkinplatz mit einer imaginären Ansprache Goethes an Puschkin. In der Sockelinschrift ist zu lesen: „Was ich mich auch sonst erküht / Jeder würde froh mich lieben / Hätt ich treu und frei geschrieben / All das Lob das du verdient...“ (Goethe an Puschkin);

- Am 4. Oktober 1989, in den letzten Tagen der DDR wurde in Gera ein Puschkin-Denkmal aus Anlass des 190-jährigen Geburtstagsjubiläums auf der Straße des 7. Oktobers, heute Schlossstraße, eingeweiht. Der Bildhauer Anatoli Scharon (1940–2020) aus der Partnerstadt Rostow-am-Don hat sein bestes gegeben (siehe auch seine berühmten Denkmäler von Tschschow, Wisozkij usw.): Sein erster Entwurf sah, in Anlehnung an Opekschin, einen durch die Stadt bummelten Puschkin, wie einen lebendigen Passanten im Aufschwung der Inspiration vor – mit Zylinder und im Gehrock. Der Dichter erschien aber den Deutschen einem Schornsteinfeger zu ähnlich. Die Opekschin-Treue erwies sich in einem anderen kulturellen Kontext als nicht haltbar. So kam es zur Puschkin-Figur mit der legendär von Goethe geschenkten Feder;

- Am 24. September 1994 wurde in der nordrhein-westfälischen Stadt Hemer (Bildhauer G. Polozkij, geb. 1954) ein Puschkin-Denkmal im Friedenspark ebenfalls mit dem Feder-Motiv eingeweiht. Das Datum begleitet symbolisch den Abzug des letzten sowjetischen Soldaten aus Deutschland;

- Der letzte Höhepunkt der kulturellen Puschkin-Kohärenz war im Jahre 1999. J. Luzhkwow, Bürgermeister Moskaus, überreichte Landeshauptstadt Nordrhein-Westfalens als Gegengeschenk für die von Düsseldorf geschenkte Heinrich-Heine-Büste eine Puschkin-Büste (1,60 m hoch, 200 kg schwer). Das vom russischen Bildhauer Juri Tschernow (1935–2009) geschaffene Monument reiht sich ein in ein zur damaligen Zeit mit der Stadt Moskau verbundenes Konzept: Es steht neben dem Haus der Wirtschaft, in der Nähe der U-Bahn-Haltestelle „Handelszentrum / Moskauer Straße“ mit architektonischen Verweisen auf die be-

rühmte Moskauer Metro. Tschernows Puschkin-Büsten sind in vielen Ländern zu finden wie Amerika, China oder Kanada.

Besonders anrührend erscheinen die Skulptur und Umstände von „Puschkin mit langem Hals“ von Anna Franziska Schwarzbach. Am Anfang stand die Bewunderung der Künstlerin für den Poeten, für den Zeichner und nicht zuletzt für seine Selbstportraits. Bei einem Museumsbesuch in Chemnitz 2016 entdeckte sie ein Selbstbildnis des französischen Künstlers Honoré Daumier – mit einem langen Hals: So formte Schwarzbach im Auftrag der deutschen Puschkin-Gesellschaft ihre Dichter-Büste, die sie am 8. November 2018 in Berlin in Anwesenheit von Vertretern der Russischen Botschaft, der Puschkin-Gesellschaft und des Stifters der Büste, Dr. Rainer Opitz, überreichte. Am 18. Juni 2019 trat die Büste ihre Reise nach Michailowskoje, der „geistigen Heimat“ des russischen Dichters an. Dort wurde sie anlässlich des 220. Geburtstages am 6. Juni 2019 feierlich übergeben.

In diesem Zusammenhang bleibt die Frage offen, was eigentlich wichtiger für einen Nachklang in der Kulturgeschichte ist: alles, was eine Figur zum Nationalsymbol macht, oder eher etwas Intimes, Delikates, was aber tief bewegen kann und auf eine gleiche Wellenlänge bringt? Zum Beispiel ist die steinerne Goethe-Bank (1921) im Heidelberger Schlosspark ein beliebter Erinnerungsort an den größten deutschen Dichter. Im Vergleich zu Denkmälern in Frankfurt am Main, Berlin, München, die oft kritisch gesehen werden, fühlen sich hier die Besucher dem Autor des „West-östlichen Divans“ näher. Zeilen aus dem „Sulejka Buch“ verzieren die Rückenlehne:

„Dort, wo hohe Mauern glühen, find' ich bald den Vielgeliebten.

Und noch einmal fühlet Hatem Frühlingshauch und Sommerbrand“ [Goethe 2013: 36].

Diese Zeilen schrieb Goethe an seine 19-jährige Geliebte Marianne Willmer (1784–1860). Der Dichter nahm sie wörtlich in das Spätwerk auf. Hier hatte er gedichtet, hier im Schlosspark hatte Goethe den berühmten Ginko-Baum entdeckt, auf den er ein seinen Lobgesang im „Divan“ schrieb:

„Dieses Baumes Blatt, der von Osten
Meinem Garten anvertraut,
Gibt geheimen Sinn zu kosten,
Wie's den Wissenden erbaut“ [Goethe 2013: 37].

So hält hier alles die Erinnerung an Goethe wach, wie in Michajlowskoje, Boldino, Zarskoje Selo und im „Sommergarten“ an Puschkin. Zu bewahren bleibt die höchste Aufgabe der Kulturträger und -tätigen.

Die Zerstörung von Denkmälern kommt einer Zerstörung des Gedächtnisses gleich, einer Verachtung, einem Vergessen der Geschichte. Die deutsche Kultur hadert stark mit diesem Umstand: Kollektive Schuld galt und gilt heute noch als Leitthema der geisteswissenschaftlichen Disziplinen.

Interessant erscheint in diesem Zusammenhang eigentlich die Bedeutung des Wortes „Denkmal“, das zum Untersuchungsobjekt dieser Forschung wurde. Es besteht aus zwei Stämmen: „DENK“ + „MAL“. „Denken“ hat im Deutschen auch Nebenbedeutungen: „denken wir (ein)mal (an jemanden, an etwas)“ = „sich

erinnern“ und in einigen Fällen auch „sich fühlen“ und „wissen“. Der Stamm „Mal“ bezieht sich auf „Signal, Zeichen“, infolgedessen „das Denkmal“ als ein „Zeichen zur Erinnerung“ interpretiert werden kann.

Das Wort „Denkmal“ kommt aus dem Griechischen. „Mnemósynon“ – „Gedächtnisstütze“ (etwas, was das „Gedächtnis unterstützt/bewahrt“). Im Lateinischen liegt der Ursprung im Wort „monumentum“. Im deutschen Adel wurden beide Wörter synonym gebraucht. Denkmal und Monumentum: Hier erinnert letzteres an die Ode von Horaz „An Melpomen“: „Exegi monumentum aere perennius Regalique situ pyramidum altius...“ [Horatius].

Hiermit festigt sich ein weiteres Mal die These, dass das Streben nach Stärkung des kulturellen Gedächtnisses nicht nur in der deutschen Kultur, sondern weltweit, national geprägt ist.

Zusammenfassung der Erkenntnisse

Erinnerungskultur repräsentiert unter anderem einen kulturzentrierten Mechanismus nationaler kultureller Identifikation in ihrer historischen Variabilität, in einer Dynamik, deren Strategie in der Kodierung und Dekodierung künstlerischer Projektionen nationaler Identität im Status eines „kulturellen Helden“ besteht (wie Puschkin für Russland und Goethe für Deutschland). Monumentale Kunst übernimmt kulturell insofern eine kontinuierliche Rolle, indem sie die Kohärenz der Zeiten gewährleistet, das Klischee über den statuarischen Charakter der Skulptur widerlegt, die Idee der geistigen Bewegung in der literarischen und skulpturalen Darstellung des Bildes des Dichters unterstützt.

Dichter-Denkmäler sind die ästhetische Materialisierung der Idee der dankbaren Erinnerung, die zum Gegenstand der poetischen *Puschkiniana* geworden ist und das Neomythologem „Denkmal-Puschkin“ mit der Semantik „Puschkin in der Rolle des Kommandanten“ entstehen lässt (polemische Einschätzung von M. Zwetajewa). Eine Alternative dazu bildet das Neomythologem „Puschkin als Zeitgenosse“.

Die semantische Struktur von Denkmälern bildet den Teil des mythologischen Raums der Stadt, der „Erinnerungsstätte“ und wird zum Element der historischen Erzählung.

Die Reihe der ästhetischen Vertreter des Neomythologems des Puschkin-Denkmalumsfasst seine erhaltenen Bezeichnungen: insbesondere den Gegensatz von Kupfer und Bronze, der innere Stärke und zugleich Größe symbolisiert.

In den Reigen der materiell-ästhetischen Beigaben des Neomythologems von Puschkin-Monumenten gehören seine wiederholt anzutreffenden Denotate: insbesondere die Opposition von Kupfer und Bronze, die zugleich innere Stärke und Größe symbolisiert.

Die Errichtung von Puschkin-Denkmalen in Deutschland seit dem Jahr 1949 hat symbolische Bedeutung und lässt mehrere Interpretationen zu: einerseits als Anerkennung der gemeinsamen kulturellen Entwicklung von Russland und Deutschland in der Nachkriegszeit mit der Errichtung des ersten Puschkin-Denkmalums in Weimar unweit des Dichterpaares von Goethe und Schiller; andererseits als eine Aner-

kennung der Einordnung der Werke beider Poeten in den großen Kanon der Weltliteratur. Puschkin und Goethe werden im semantischen Kontext des kulturo-

logischen repräsentativen Diskurses als Verkörperung kultureller Nationalhelden zu einem Universalschlüssel der nationalen Begriffssphäre.

Литература

- Аверинцев, С. С. Гёте и Пушкин / С. С. Аверинцев // Новый мир. – 1999. – № 6. – С. 189–198.
- Адорно, Т. Что значит «проработка прошлого»? / Т. Адорно // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. – С. 36–45.
- Алексеев, М. П. К «Сцене из Фауста» Пушкина / М. П. Алексеев // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкинская комиссия. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1979. – С. 80–97.
- Бароти, Т. «Сцена из Фауста» Пушкина и ее гётевский подтекст / Т. Бароти // Сборник статей в честь 60-летия профессора В. М. Марковича / под редакцией Л. Б. Муратова и П. Е. Бухаркина. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – С. 65–81.
- Бехер, И. Выступление на торжественном заседании общего собрания Академии наук СССР 7 июня 1949 года / И. Бехер // А. С. Пушкин. 1799–1949. Материалы юбилейных торжеств. – М. ; Л., 1951. – С. 58–61.
- Гете, И. В. Западно-восточный диван / И. В. Гете ; пер. с нем. В. Думаевой-Валиевой ; комментарии И. Н. Лагутиной. – М. : Максспейс, 2013. – 424 с.
- Данилевский, Р. Ю. Пушкин и Гете = Puschkin und Goethe: Сравнительное исследование / Р. Ю. Данилевский. – СПб. : Наука, 1999. – 287 с.
- Доманский, Ю. В. «Сцена из Фауста»: специфика событийности в пушкинском тексте и в телеинтерпретации М. Швейцера / Ю. В. Доманский // Новый филологический вестник. – 2011. – № 4. – С. 141–150.
- Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3-х т. Т. 1 / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992. – С. 200–222.
- Манн, Т. Искусство романа / цитируется письмо Л. Н. Толстого к П. Д. Голохвастову от 10 апреля 1873 года по оригиналу / Т. Манн // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 62. – М. : Гослитиздат, 1953.
- Маяковский, В. В. Лучшие стихотворения в одном томе / В. В. Маяковский. – М. : Эксмо, 2022. – 1312 с.
- Молок, Ю. А. Пушкин в 1937 году. Каким должен быть памятник Пушкину / Ю. А. Молок // Звезда. – 1936. – № 12.
- Мясникова, К. А. Феномен Erinnerungskultur в Германии: становление, история развития, актуальное состояние / К. А. Мясникова // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 82–92. – DOI: 10.34670/AR.2022.57.95.009.
- Павлова, Е. В. Пушкин в портретах : в 2 кн. Кн. 2 / Е. В. Павлова. – М., 1989. – 167 с.
- Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 / под общей редакцией Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1960.
- Таборисская, Е. М. Творчество Пушкина: два взгляда на пространство смысла : монография / Е. М. Таборисская, К. И. Шарафадина. – СПб. : ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2011. – 503 с.
- Тиме, Г. А. Гете, Пушкин и русская мысль: Амбивалентность фаустовского импульса в русской литературе / Г. А. Тиме // А. С. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. – Frankfurt am Main, 2001. – S. 265–273.
- Федоров, Ф. П. Смена культурных кодов, или Гете в сознании Пушкина / Ф. П. Федоров // Пушкин и мировая культура. – М. : МГУ, 1999. – С. 164–165.
- Ходасевич, В. Ф. Колеблемый треножник. Избранное / В. Ф. Ходасевич. – М., 1991. – 688 с.
- Цветаева, М. И. Мой Пушкин / М. И. Цветаева // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. – М. : Эллис Лак, 1994. – С. 57–92.
- Шелингер, Н. А. Пушкин в немецкой демократической печати. (1945–1955) / Н. А. Шелингер // Пушкин. Исследования и материалы. – 1958 – Т. 2.
- Эпштейн, М. Фауст на берегу моря (Типологический анализ параллельных мотивов у Пушкина и Гёте) / М. Эпштейн // Вопросы литературы. – 1981. – № 6. – С. 89–110.
- Эфрос, А. Рисунки поэта / Э. Эфрос. – М., 1930. – 478 с.
- Яacobson, P. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / P. Яacobson // Работы по поэтике: переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – М., 1987. – С. 145–179.
- Assmann, J. Das kulturelle Gedächtnis / J. Assmann. – München, 1992. – 344 S.
- Bredel, W. Puschkin und Goethe / W. Bredel // Heute und Morgen. – 1949. – № 6. – S. 339–343.
- Fabian, E. Von Puschkin bis Gorki / E. Fabian. – Schwerin, 1952. – 248 S.
- Harth, D. Die Erfindung des Gedächtnisses / D. Harth. – Frankfurt am Main, 1991. – 172 S. – DOI: 10.11588/heidok.00008901.
- Horatius, Q. F. Liber III. Carmen XXX / Q. F. Horatius. – URL: [https://la.wikisource.org/wiki/Carmina_\(Horatius\)/Liber_III/Carmen_XXX](https://la.wikisource.org/wiki/Carmina_(Horatius)/Liber_III/Carmen_XXX) (mode of access: 10.05.2023). – Text : electronic.
- Kaul, W. Puschkin und die Weltliteratur / W. Kaul // Rolland von Berlin. – 1949. – № 23. – S. 12–13.
- Kluge, R. D. Aleksandr Puškin und Goethes „Faust“ / R. D. Kluge // Alexander Puschkin / hrsg. von U. Lange-Brachmann. – Baden-Baden, 1998. – S. 45–62.
- Marggraff, R. Das Schwanthaler-Museum zu München: erklärendes Verzeichnis der in denselben aufgestellten Original-Modelle des Meisters / R. Marggraff. – München, 1867. – S. 12–13.

Ritschel, S. Reisen durch Europa / S. Ritschel. – 2011. – URL: <https://subscribe.ru/archive/travel.towatch.videostrannik/201205/28051814.html> (mode of access: 14.03.2024). – Text : electronic.

Steiner, G. Die Erscheinung Puschkin 1799 bis 1837 / G. Steiner // Urania. – 1949. – № 7. – S. 241–246.

Zwetajewa, M. I. Mein Puschkin Mein Puschkin; Puschkin und Pugatschow: Zwei Essays / M. I. Zwetajewa. – Berlin : Volk und Welt, 1978. – 155 S.

References

Adorno, T. (2005). Chto znachit «prorabotka proshlogo»? [What Does “Working through the Past” Mean?]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 2, pp. 36–45.

Alekseev, M. P. (1979). K «Stsene iz Fausta» Pushkina [“Scenes from Faust” by Pushkin]. In *Vremennik Pushkinskoi komissii*. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, pp. 80–97.

Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis*. München. 344 S.

Averintsev, S. S. (1999). Gete i Pushkin [Goethe and Pushkin]. In *Novyi mir*. No. 6, pp. 189–198.

Baroti, T. (1996). «Stsena iz Fausta» Pushkina i ee getevskii podtekst [“Scene from Faust” and Its Goethe Subtext]. In Muratov, L. B., Bukharkin, P. E. (Eds.). *Sbornik statei v chest' 60-letiya professora V. M. Markovicha*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 65–81.

Bekher, I. (1951). Vystuplenie na torzhestvennom zasedanii obshchego sobraniya Akademii nauk SSSR 7 iyunya 1949 goda [Speech at the Solemn Meeting of the General Meeting of the USSR Academy of Sciences on June 7, 1949]. In *A. S. Pushkin. 1799–1949. Materialy yubileinykh torzhestv*. Moscow, Leningrad, pp. 58–61.

Bredel, W. (1949). Puschkin und Goethe. In *Heute und Morgen*. No. 6, S. 339–343.

Danilevsky, R. Yu. (1999). *Pushkin i Gete = Puschkin und Goethe: Sravnitel'noe issledovanie* [Pushkin and Goethe: A Comparative Study]. Saint Petersburg, Nauka. 287 p.

Domansky, Yu. V. (2011). «Stsena iz Fausta»: spetsifika sobytiinosti v pushkinskom tekste i v teleinterpretatsii M. Shveitsera [“The Scene from Faust”: The Specifics of Eventfulness in the Pushkin Text and in the TV Interpretation of M. Schweitzer]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 4, pp. 141–150.

Efros, A. (1930). *Risunki poeta* [Drawings of the Poet]. Moscow. 478 p.

Epshtein, M. (1981). Faust na beregu morya (Tipologicheskii analiz parallel'nykh motivov u Pushkina i Gete) [Faust on the Seashore (Typological Analysis of Parallel Motifs in Pushkin and Goethe)]. In *Voprosy literatury*. No. 6, pp. 89–110.

Fabian, E. (1952). *Von Puschkin bis Gorki*. Schwerin. 248 S.

Fedorov, F. P. (1999). Smena kul'turnykh kodov, ili Gete v soznanii Pushkina [The Change of Cultural Codes, or Goethe in Pushkin's Mind]. In *Pushkin i mirovaya kul'tura*. Moscow, MGU, pp. 164–165.

Goethe, J. W. (2013). *Zapadno-vostochnyi divan* [West-Oestlicher Divan]. Moscow, Maksspeis. 424 p.

Harth, D. (1991). *Die Erfindung des Gedächtnisses*. Frankfurt am Main. 172 S. DOI: 10.11588/heidok.00008901.

Horatius, Q. F. *Liber III. Carmen XXX*. – URL: [https://la.wikisource.org/wiki/Carmina_\(Horatius\)/Liber_III/Carmen_XXX](https://la.wikisource.org/wiki/Carmina_(Horatius)/Liber_III/Carmen_XXX) (mode of access: 10.05.2023).

Kaul, W. (1949). Puschkin und die Weltliteratur. In *Rolland von Berlin*. No. 23, S. 12–13.

Khodasevich, V. F. (1991). *Koleblemyi trenozhnik. Izbrannoe* [The Shaking Tripod. Featured]. Moscow. 688 p.

Kluge, R. D. (1998). Aleksandr Puškin und Goethes “Faust”. In Lange-Brachmann, U. (Ed.). *Alexander Puschkin*. Baden-Baden, S. 45–62.

Lotman, Yu. M. (1992). *Izbrannye stat'i: v 3-kh t.* [Selected Articles, in 3 vols.]. Vol. 1. Tallinn, pp. 200–222.

Mann, T. (1953). Iskusstvo romana / tsitiruetsya pis'mo L. N. Tolstogo k P. D. Golokhvastovu ot 10 aprelya 1873 goda po originalu [The Art of the Novel. L. N. Tolstoy's Letter to P. D. Golokhvastov Dated April 10, 1873 is Quoted]. In *Tolstoy, L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* Vol. 62. Moscow, Goslitizdat.

Marggraff, R. (1867). *Das Schwanthaler-Museum zu München: erklärendes Verzeichnis der in denselben aufgestellten Original-Modelle des Meisters*. München, S. 12–13.

Mayakovsky, V. V. (2022). *Luchshie stikhotvoreniya v odnom tome* [Bests Poems in one Volume]. Moscow, Eksmo. 1312 p.

Molok, Yu. A. (1936). Pushkin v 1937 godu. Kakim dolzhen byt' pamyatnik Pushkinu [Pushkin in 1937 Year. What Should a Monument to Pushkin Be Like]. In *Zvezda*. No. 12.

Myasnikova, K. A. (2022). Fenomen Erinnerungskultur v Germanii: stanovlenie, istoriya razvitiya, aktual'noe sostoyanie [The Phenomenon of Erinnerungskultur in Germany: Formation, History of Development, Current State]. In *Kul'tura i tsivilizatsiya*. Vol. 12. No. 1A, pp. 82–92. DOI: 10.34670/AR.2022.57.95.009.

Pavlova, E. V. (1989). *Pushkin v portretakh: v 2 kn.* [Pushkin in Portraits, in 2 Books]. Book 2. Moscow. 167 p.

Pushkin, A. S. (1960). Evgenii Onegin [Evgeny Onegin]. In Blagoy, D. D., Bondi, S. M., Vinogradov, V., Oksman, Yu. G. (Eds.). *Sobranie sochinenii: v 10 t.* T. 4. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.

Ritschel, S. (2011). *Reisen durch Europa*. URL: <https://subscribe.ru/archive/travel.towatch.videostrannik/201205/28051814.html> (mode of access: 14.03.2024).

Shelinger, N. A. (1958). Pushkin v nemetskoj demokraticheskoj pečati. (1945–1955) [Pushkin in the German Democratic Press. (1945–1955)]. In *Pushkin. Issledovaniya i materialy*. Vol. 2.

Steiner, G. (1949). Die Erscheinung Puschkin 1799 bis 1837. In *Urania*. No. 7, S. 241–246.

Taborisskaya, E. M., Sharafadina, K. I. (2011). *Tvorchestvo Pushkina: dva vzglyada na prostranstvo smysla* [Pushkin's Works: Two Views on the Space of Meaning]. Saint Petersburg, FGBOU VPO «SPGUTD». 503 p.

Time, G. A. (2001). *Gete, Pushkin i russkaya mysl': Ambivalentnost' faustovskogo impul'sa v russkoi literature* [Goethe, Pushkin and Russian Thought: Ambivalence of the Faustian Impulse in Russian Literature]. In A. S. *Puškin und die kulturelle Identität Rußlands*. Frankfurt am Main, pp. 265–273.

Tsvetaeva, M. I. (1994). *Moi Pushkin* [My Pushkin]. In *Sobranie sochinenii: v 7 t.* Vol. 5. Moscow, Ellis Lak, pp. 57–92.

Yakobson, R. (1987). *Statuya v poeticheskoi mifologii Pushkina* [Statue in Pushkin's Poetic Mythology]. In Gasparov, M. L. (Ed.). *Raboty po poetike: perevody*. Moscow, pp. 145–179.

Zwetajewa, M. I. (1978). *Mein Puschkin Mein Puschkin; Puschkin und Pugatschow: Zwei Essays*. Berlin, Volk und Welt. 155 S.

Данные об авторах

Шарафадина Клара Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 192238, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15.

E-mail: belkaklara@mail.ru.

Аверкина Светлана Николаевна – доктор филологических наук, доцент ВАК, ведущий научный сотрудник МНИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).

Адрес: 603115, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31-а.

E-mail: averkina.svetlanalunn@mail.ru.

Authors' information

Sharafadina Klara Ivanovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Journalism, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Science (Saint Petersburg, Russia).

Averkina Svetlana Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Higher Attestation Commission, Leading Researcher of International Research Laboratory of Basic and Applied Aspects of Cultural Identification, Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

Дата поступления: 26.08.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 26.08.2024; date of publication: 30.10.2024

УДК 821.161.1-4(Горький М.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-27-35. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ИСТОРИЯ СТАТЬИ М. ГОРЬКОГО ДЛЯ РАБКОРОВ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Быстрова О. В.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
(Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>

SPIN-код: 6686-3140

А н н о т а ц и я. Исследование посвящено истории создания и бытования статьи М. Горького «Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать». Текстологический анализ литературно-критической статьи позволил увидеть сложный процесс работы писателя над текстом. Методология академического источниковедения дала возможность с максимальной полнотой выявить все архивные и издательские источники, что, в свою очередь, позволило оценить все нюансы создания текста. Метод современной текстологии в совокупности с историко-биографическим помог определить роль текста в историко-литературном процессе в период с 1928 по 1934 гг. Критические отзывы В. Шкловского и А. Чистякова разрешили осознать неординарность текста, в основе которого лежит суждение о собственном писательском опыте и только затем суждение о литературе в целом. Тематическое богатство анализируемой статьи Горького сделало актуальным вывод о заявленной теме как одной из важнейших стратегических задач в исследовании литературного процесса XX века. В немалой степени этому способствует обращение текста к начинающим авторам. Результаты, представленные в статье, можно использовать для третьей серии полного собрания сочинений М. Горького: Публицистические и литературно-критические статьи, а также для дальнейшего исследования в области текстологии и источниковедения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: М. Горький; «Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать»; начинающие писатели; текстология; редакции; «О том, как я учился писать»; эпистолярный; критика; публицистическое наследие

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН за счет гранта РФФИ № 23-28-01158 «Максим Горький и низовое литературное движение» <https://rscf.ru/project/23-28-01158>.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Быстрова, О. В. История статьи М. Горького для рабкоров (по архивным материалам) / О. В. Быстрова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 27–35. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-27-35.

THE HISTORY OF M. GORKY'S ARTICLE FOR THE WORKERS (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Olga V. Bystrova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>

A b s t r a c t. The article is devoted to the history of the creation and literary life of M. Gorky's article "To the Worker and Peasant Correspondents about how I Learned to Write". The textological analysis of the literary-critical article has made it possible to see the complex process of the writer's work on the text. The methodology of academic source studies has allowed identifying practically all archival and publisher sources, which, in turn, has allowed the author to see all the nuances of the process of the text creation. The method of modern text analysis in combination with the historico-biographical method has helped determine the role of the text in the historico-literary process of 1928–1934. The critical reviews by V. Shklovsky and A. Chistyakov allowed the author of the article to discern the originality of the text, which is based on the writer's judgment about his own writing experience and only then a judgment about literature as a whole. The thematic richness of Gorky's article under analysis has contributed to the urgent conclusion about the research topic as one of the most important strategic tasks of the literary process study of the twentieth century. This, to a large extent, is facilitated by its appeal to beginner writers. The results presented in this article can be used for the third series of the Complete Works of Gorky: Journalistic and literary-critical articles, as well as for further research in the field of textology and source studies.

К e y w o r d s: M. Gorky; "To the Worker and Peasant Correspondents about how I Learned to Write"; beginner writers; textology; publishers; epistolary; criticism; journalistic heritage

A c k n o w l e d g e m e n t s: The research has been carried out at the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01158 "Maxim Gorky and the Low Level Literary Movement" <https://rscf.ru/project/23-28-01158>.

F o r c i t a t i o n: Bystrova, O. V. (2024). The History of M. Gorky's Article for the Workers (Based on Archival Materials). In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 28–36. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-3-28-36.

Введение

В заявленной теме выделяются три важных аспекта: изучение литературно-критических статей писателей, способных конкурировать с художественными текстами по широте отражения историко-литературного процесса, углубленное исследование текстологических проблем, присущих творческой лаборатории писателя, и роль писателя как наставника литературной молодежи. Каждая из указанных тем многогранна и дает возможность на своем уровне изучения дать полное представление о личности, творчестве и системном влиянии на развитие историко-литературного процесса писателя Максима Горького.

Критическая деятельность Горького неоднократно рассматривалась в советском литературоведении. Достаточно сослаться на работы советских литературоведов Б. А. Бялика [1960], А. И. Овчаренко [1961], В. А. Максимовой [1965], Н. Д. Барановой [1978], Г. Э. Прополянис [2020] и др. В XXI в. внимание исследователей привлекают проблемы изменчивости авторского текста в определенный временной промежуток и те причины, по которым эти изменения вносятся автором. В данном случае сошлемся на нашу статью [Быстрова 2012].

Исследование заявленной литературно-критической статьи Горького неразрывно связано с проблемой ее текстологического анализа. Отметим одну особенность публицистического и литературно-критического наследия писателя в целом. Практически все его тексты так или иначе связаны с темой просвещения общества. На это влияют гражданская позиция и активность художника. В беседах с начинающими авторами Горький признавался: «...Лично я – никогда не чувствовал и не чувствую себя “исключительно литератором”, всю жизнь занимался – в той или иной области – общественной деятельностью» [Горький 1953: 310].

Несомненно, изменения, вносимые автором в текст, могут быть сделаны по разным причинам. Но все они влияют на выбор канонического текста, который станет основным в собрании сочинений. О таких сложностях в решении текстологических проблем в текстах Горького писали И. С. Ежов [1957], А. А. Тарасова [1964], Е. И. Прохоров [1983], Л. А. Спиридонова [2019] и др.

Статья Горького обращена к молодым людям, решившим посвятить себя литературному труду. Для писателя проблема роста молодой советской литературы выростала из ее требования новых сил – молодых мастеров художественного слова.

Писатель Леонид Леонов считал, «что все мы, нынешняя литераторская генерация, выпорхнули на свет из широкого горьковского рукава» [Леонов 1984: 200]. Кстати, с темой наставничества Горького неразрывно связан эпистолярный писателя. Его письма начинающим литераторам в контексте текстологических исследований публицистического наследия служат ценным материалом для комментирования. Сошлемся на мнение И. С. Шкапы, лично знавшего писателя и бывшего тем самым – «начинающим» – автором. После завершения издания 30-томного собрания сочинений писателя в

1956 г. Шкапа рекомендовал молодым авторам: «Я бы очень советовал всем начинающим авторам иметь под рукой переписку Горького, опубликованную в собрании его сочинений и изданную в отдельных томах “Архива” писателя. В этих письмах столько ценных советов для людей, идущих в литературу, столько горьковской мудрости и горячей любви к человеку, что каждый, ознакомившись с ними, расширит и углубит свои познания не только в литературном мастерстве. Он обогатит себя опытом и мудростью жизни» [Шкапа 1990: 301]. Отметим, что тема наставничества Горького в литературоведении привлекала многих исследователей: укажем работы И. Макарьева [1932], Е. Кудриной [2023], О. Быстровой [2023] и др.

Специфика рассматриваемого нами предмета – статьи М. Горького «Рабкорам и военкорам о том, как я учился писать» / «О том, как я учился писать» – повлекла за собой избрание системного метода исследования текста. На этот выбор повлияло то, что текст Горького представляет собой сложную иерархическую систему, состоящую из множества элементов, которые, в свою очередь, представляют аналогичную систему (т. е. сюжет, композиция и др.). Системный подход к исследованию потребовал применить методологию академического источниковедения (т. е. максимальная полнота привлекаемых источников – архивных, библиографических и критических), в совокупности с использованием историко-биографического метода.

Целью нашей работы является представление научному сообществу истории создания и бытования статьи М. Горького «Рабкорам и военкорам о том, как я учился писать» / «О том, как я учился писать» в контексте историко-литературного процесса 1928–1934 гг.

Начало работы М. Горького над статьей

В начале апреля 1928 г. Горький получил письмо от школьников из Башкирского городка Месягутово, которые задавали вопросы о том, как стать писателем или как научиться хорошо писать стихи. 18 апреля 1928 г. он ответил: «Не имея физической возможности ответить на вопросы, подобные вашим вопросам, – решил написать книжку для “начинающих”. В книжке этой расскажу, как я сам учился писать. Возможно, что она окажется полезной для вас. А то я каждый день получаю такие письма, как ваше, каждое из них требует подробного ответа, и времени у меня на ответы не хватает» [Горький 2014: 309].

Пожалуй, это первое упоминание о начале работы писателя над статьей «Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать».

Предположительно, уже к приезду писателя в страну в мае 1928 г. был готов первый вариант статьи, которая представляла собой историю творческой биографии писателя. План статьи можно представить по началу первых абзацев каждой части чернового автографа: 1 – «Молодежь, стремящаяся к литературной работе, требует, чтоб я по-

делился с нею моим опытом...»¹, 2 – «Да, товарищи, страх пред пошлостью и жестокостью жизни был хорошо испытан мною...»², 3 – «Почему я стал писать?»³, 4 – «Перейдем к вопросу: как я стал писать?»⁴, 5 – «Лет двадцать я начал понимать, что видел, пережил, слышал...»⁵, 6 – «Холоден и жалок нищий наш язык»⁶; 7 – «Я не считаю себя мастером, способным создать характеры и типы...»⁷; 8 – «Надеюсь, что я достаточно понятно рассказал о том, как учился писать и почему стал революционером...»⁸.

Сохранились три черновые заметки к статье, которые писатель предполагал использовать. Первая заметка представляла собой цитату: «Любовь к самому себе составляет положительное требование закона божия, являясь тем исходным пунктом, из коего развивается любовь к ближнему». «Церковный вестник». 1909 г. № 45. Ст<атья> «О сожигании трупов». Не подписано, вероятно, проф. Евсеев⁹. Однако эта заметка не была использована в дальнейшей работе и самой статье.

Вторая заметка содержала тезис о вымысле: «Вымыслить звучит как – извлечь из мысли или мысленно, из действительности что-то, чего она в себе не содержит. Домыслить – дополнить, довести мысль до картинности, [образности] осязательности, реализовать ее в образ, дополнить еще десятком, изъять от каждого его существенную черту, соединить их во единое.

Обломов, Гамлет – не вымыслы, хотя О. и Г. не существ<овали> в жизни такими, как их изобр<азили> Шексп<ир> и Гончаров»¹⁰.

В статье этот тезис был существенно дополнен: «Бог создан также, как создаются литературные “типы”, по законам абстракции и конкретизации. Абстрагируются – выделяются характерные подвиги многих героев, затем эти черты конкретизируются в лице одного героя, скажем, Геркулеса или рязанского мужика Ильи Муромца; выделяются черты наиболее естественные в каждом купце, дворянине, мужике и обобщаются в лице одного купца, дворянина, мужика, таким образом, получаем “литературный тип”. Этим приемом созданы типы Фауста, Гамлета, Дон-Кихота. И также Лев Толстой написал кроткого, “богом убитого” Платона Каратаева, Достоевский – различных Карамазовых и Свидригайловых, Гончаров – Обломова и т. д.

Таких людей, каковы перечисленные, в жизни – не было; были и есть подобные им, гораздо более мелкие, менее цельные и вот из них, мелких, как башня или колокольня из кирпичей, художники слова додумали вымыслили обобщающие “ти-

пы” людей – нарицательные типы»¹¹.

Третья заметка представляла собой вопрос, заданный командарму С. Буденному: «Вы солдат ваших украшаете? [Лошадей украшаете?] Вам понятно – зачем это делается? Ну, так вот. Бабель делает то же самое, только вы украшаете человека снаружи, а он – изнутри. В бой ходят с музыкой? Так вот Бабель это – боевой оркестр»¹². Вопрос этот вошел в статью в переработанном виде: «Товарищ Буденный охаял “Конармию” Бабеля, – мне кажется, что это сделано напрасно, – сам т. Буденный любит извне украшать не только своих бойцов, но и лошадей. Бабель украсил бойцов его изнутри и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запожцев»¹³.

Еще одним подтверждением того, что первый вариант статьи был готов уже ко времени приезда, служит тот факт, что на первых встречах с рабкорами и военкорами СССР писатель обращался к своему тексту. Так, на встрече в клубе им. Кухмистерова, состоявшейся 6 июня 1928 г., в присутствии 2500 московских рабкоров Горький «прочел доклад о том, как он стал писателем»¹⁴.

На встрече с военкорами 8 июня 1928 г. Горький рассказал о своем впечатлении от работы начинающих авторов: «20 лет слежу и интересуюсь ростом пролетарской литературы в России, и за все это время удалось перечитать массу рукописей начинающих писателей. За последние 4 года продукция пролетарских писателей приняла размеры необычайные. У себя в Сорренто я с каждой почтой получал по 5-6 рукописей, иногда по 15; причем пишут романы, здоровенные, листов в 15. И в большинстве случаев создается у меня такое впечатление: человеку есть о чем писать, у него есть то, что называется дарованием... А между тем печатать это нельзя, ибо написано оно безграмотно, и в смысле орфографии, и потому, что автор не овладел еще техникой литературы, не может все свои мысли изложить в красивом, стройном порядке»¹⁵. В качестве примера работы начинающего автора Горький привел «свой литературный путь, свои горести и радости творчества» и прочитал «большую статью, о чем писать начинающему писателю, снабжая ее отдельными примечаниями»¹⁶.

Работа Горького над второй редакцией статьи

Именно эти многочисленные встречи в Москве, Ленинграде, Тифлисе и других городах, в которых Горький побывал во время своего путеше-

¹ АГ. ЛСГ-10-2-2. Л. 1.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 24.

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Там же. Л. 34.

⁸ Там же. Л. 45.

⁹ АГ. ЛСГ-10-2-7. Л. 30.

¹⁰ АГ. ЛСГ-10-2-5.

¹¹ АГ. ЛСГ-10-2-7. Л. 9. Отметим, что в таком же виде цитата вошла во второй вариант текста (см.: АГ. ЛСГ-10-2-4. Л. 5), а также в отдельное издание 1928 г. [Горький 1928: 9–10].

¹² АГ. ЛСГ-10-2-6.

¹³ АГ. ЛСГ-10-2-7. Л. 10. Предположительно, и вопрос, и сюжет был включен в статью из-за инцидента между автором романа «Конармия» И. Бабелем и командующим Первой конной армии РККА С. М. Буденным, в котором Горький выступил на стороне Бабеля (подробнее об этом см. [Быстрова 2016]).

¹⁴ Максим Горький у московских рабкоров // Правда. 1928. № 130. 7 июня. С. 2.

¹⁵ Л-ин Ник. За чайком // Правда. 1928. № 132. 8 июня. С. 5.

¹⁶ Там же.

ствия по Советской стране, думается, заставили писателя переработать первый вариант статьи. Об этом свидетельствует его признание рабкорам корейской газеты «Авангард»: «Статья, интересующая вас, исправляется мною и скоро будет издана отдельной брошюрой» [Горький 2016: 32].

Для отдельного издания Горький переработал полностью первую часть статьи. Достаточно сравнить первые четыре абзаца первого и второго вариантов статьи:

В первом варианте начало статьи было таким:

«Молодежь, стремящаяся к литературной работе, требует, чтоб я поделился с нею моим опытом, спрашивает: почему я начал и как научился писать. Вызвано это давно, лет за двадцать до наших дней, а за последние два, три года письма “начинающих” стали так обильны, что я уже не могу отвечать на каждое из них.

Интерес молодежи ко мне возбужден, как я понимаю, тем фактом, что “самоучка” достиг почти такого же технического умения в работе, каким обладали литераторы, учившиеся в гимназиях и университетах.

Факт действительно интересный, но смысл его не в том, что некий Алексей Пешков, преодолев малограмотность и кое-какие внешние препятствия на своем пути, сделался известным литератором, – суть и смысл факта в том, что, если человек захочет, он может сделать себя таким, каким желает быть. Вот что должна понять молодежь и это очень важно для нее, как пример для соревнования. Однако следует помнить, что соревнование не есть подражание и что цель соревнующегося быть не таким каков Икс, а – лучше Икса.

Вообще случай М. Горького уже нельзя считать исключительным случаем; Октябрьская революция показала нам огромное количество случаев, когда вахмистры и рядовые солдаты оказались способны командовать армиями, разбивать ученых генералов; показывает рабочих, которые на постах председателей и секретарей исполкомов успешно справляются с работой более сложной и трудной, чем работа царских губернаторов; что эти же рабочие выделяют из своей среды отличных изобретателей в области техники; что женщины еще вчера угнетенные тяжкими заботами о нищенском своем хозяйстве, о том, чтоб дети не померли с голоду сегодня начинают чувствовать себя хозяйками всей огромной страны и принимают живейшее участие в создании нового культурного быта; что наш крестьянин начал разбираться в труднейших вопросах строения социалистического государства и т.д.»¹⁷.

После переработки текста вводная часть статьи начиналась иначе:

«Товарищи!

Во всех городах, где удалось мне побеседовать с вами. Многие из вас спрашивали устно и записками: как я научился писать? Спрашивали меня об этом письмами со всех концов СССР рабселькоры, военкоры и вообще начинающая литературную работу молодежь. Многие предлагали мне “напи-

сать книгу о том, как надо сочинять художественные рассказы”, “выработать теорию литературы”, “издать учебник литературы”.

Такой учебник я не могу, не сумею сделать, да к тому же такие учебники, хотя и не очень хорошие, но все-таки полезные – уже есть, я назову их в конце этого письма.

Но кроме таких учебников, не мало весьма ценных технических указаний может дать книга “Вопросы теории и психологии творчества”, изданная в 1911 году в Харькове кружком учеников знаменитого языковеда-“филолога” А.А. Потемни. Рекомендую эту книгу, я имею в виду только ее фактический, иллюстрационный материалы; в большинстве своем материал этот противоречит идеологическим выводам книги, что делает его еще более ценным для вас. Полезно ознакомиться с книгой Аркадия Горнфельда “Муки слова”, напечатанной Госиздатом в 1927 году, это очень ценная и хорошо написанная книга по вопросу о “психологии творчества”.

Необходимо для начинающих писать знание истории литературы, для этого полезна книга В. Келтуяла “История литературы”, изданная Госиздатом; в ней хорошо изображен процесс развития устного – “народного” творчества и письменного – “литературного”. В каждом деле нужно знать историю его развития. Если бы рабочие каждой отрасли производства, а еще лучше – каждой фабрики, знали, как она возникла, как постепенно развивалась, совершенствовалась производства – рабочие работали бы лучше, чем они работают, с более глубоким пониманием культурно-исторического значения их труда, с большим увлечением»¹⁸.

Теперь тематически первая часть охватывала размышления писателя о истории труда, об этапах развития словесного творчества, о мастерстве описания действительности художественным словом, о идейном движении русской литературы (т. к. рассматривалась от произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого до литературы писателей-народников и крестьянских авторов), о молодых, уже заявивших о себе, и начинающих авторах советской литературы. Горький с восторгом писал о своих адресатах: «Другой корреспондент мой, 17-ти лет рабочий, кричит мне: “У меня так много впечатлений, что не писать я не могу”. В этом случае стремление писать объясняется уже не “бедностью” жизни, а богатством ее, перегруженностью впечатлений, внутренним позывом рассказать о них. Подавляющее большинство моих молодых корреспондентов хотят писать именно потому, что они богаты впечатлениями бытия, “не могут молчать” о том, что они видели, испытали»¹⁹.

В процессе работы писатель убрал дробность изложения, укрупнил части статьи, получив, таким образом, шесть равнозначных частей в тексте вместо восьми.

¹⁸ АГ. ЛСГ-10-2-1. Л. 1-2.

¹⁹ Там же. Л. 10.

¹⁷ АГ. ЛСГ-10-2-7. Л. 1.

Отдельное издание статьи Горького

К концу сентября 1928 г. статья была готова; подтверждение этому есть в письмах Горького: «На днях будет напечатана небольшая моя книжка “Как я учился писать”, пришлю Вам ее» (рабкору Я. А. Климову [Горький 2016: 37]), «На днях выйдет моя брошюра: “Как я учился писать”. Надеюсь – она скажет Вам что-нибудь полезное для Вас» (рабкору В. Плотицыну [Горький 2016: 46]) и др.

25 сентября 1928 г. заведующий Госиздатом А. Б. Халатов направил в Отдел срочных работ Госиздата письмо следующего содержания: «Предлагаю срочно выпустить отдельной брошюрой прилагаемую рукопись М. Горького “Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать”. Для брошюры надо дать хорошую обложку и шрифт.

Тиражно-калькуляционному комитету следует проработать вопрос о массовом тираже и безусловно дешевой цене²⁰, имея в виду, что от авторских М. Горький отказывается»²¹.

На следующий день, 26 сентября, Халатов направил письмо одновременно в три адреса: в ЦК ВКП(б) В. М. Молотову, редакцию «Правды» М. И. Ульяновой и редакцию газеты «Известия ВЦИК» Г. И. Крумину: «М. Горький написал брошюру “Рабселькорам и военкорам о том, как я научился писать”, которую предложено выпустить массовым тиражом в Госиздате, отдельные выжимки из нее будут даны в газетах. По просьбе А. А. Потемкина посылаю Вам на отзыв гранки вводной части брошюры...»²².

В процессе чтения вводной части статьи Горького кто-то, из числа тех, кому были направлены гранки, сделал два вычерка, которые можно было бы считать редакционными, но в большей степени это – конъюнктурные вычерки.

После второго абзаца вводной части был вычеркнут абзац, связанный с именем и книгой А. А. Потемкина²³.

Второй вычерк был сделан в последнем предложении первой части статьи: «Вот из этого трагического противоречия, из трудности задач, которые повелительно возложены историей на рабочий класс и должен возникнуть тот активный “романтизм”, тот пафос творчества, та дерзость воли и разума, и все революционные качества, которыми богат русский рабочий-революционер и которые ныне заметно понижаются в силе»²⁴ – последние семь слов («и которые ныне заметно понижаются в силе») были вычеркнуты.

После этих исправлений вводная часть статьи Горького была опубликована одновременно в «Правде»²⁵ и в «Известиях»²⁶.

²⁰ Книга вышла тиражом 20 000 экз., по цене 10 копеек.

²¹ АГ. ЛСГ-10-2-4. Л. 13.

²² АГ. ЛСГ-10-2-4. Л. 14.

²³ Вычерк был сделан от слов «Но кроме таких учебников, не мало весьма ценных технических указаний...» до слов «...по вопросу о “психологии творчества”» (АГ. ЛСГ-10-2-3. Л. 1).

²⁴ АГ. ЛСГ-10-2-3. Л. 13.

²⁵ Горький М. Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать // Правда. 1930. № 228. 30 сент. С. 2–3.

Брошюра Горького «Рабселькорам и военкорам о том, как я научился писать» была напечатана до 28 сентября 1928 г.; об этом свидетельствует помета на письме А. Б. Халатова, сделанная, предположительно, заведующим Отделом срочных работ Свирским: «Брошюра издана. Нет распоряжений. Срок выхода задержан до 28/IX»²⁷.

Опубликованные критические отзывы

Отношение критики к горьковской брошюре для начинающих авторов было полярным.

Первым свое мнение в журнале «Новый Лиф» высказал В. Шкловский [1928]. В статье он педантировал по большому счету два положения: это указание на фактическую ошибку, которая была сделана автором, и отношение Горького к классике: «Из Пушкина у Горького приведены две цитаты, на стр. 40 и на стр. 41.

Приведем их:

1) Мои неудачи всегда заставляют меня вспоминать горестные слова Пушкина: “Нет на свете мук сильнее муки слова”.

2) “Холоден и жалок нищий наш язык”, – сказал Пушкин в минуту отчаяния, должно быть, знакомого всем великим поэтам, потому что редкий из них не жаловался на “нищету” языка.

К сожалению, обе эти цитаты взяты не у Пушкина, а у Надсона и обе из одной строфы» [Шкловский 2018: 692–693]. Далее обличая Горького, критик сам сделал ошибку: «Корректор с инициативой или секретарь могли бы проверить цитату Горького, но, насколько я помню, статья перепечатана в книжке из “Известий”» [Шкловский 2018: 693]. Однако при сопоставлении отрывков статьи, опубликованных в «Правде» и в «Известиях» с отдельным изданием, нетрудно увидеть, что отрывок про «муку творчества» не был опубликован в газетах.

Оспорил Шкловский и учебу у классиков, за которую ратовал Горький: «Мысль о том, что можно учиться у классиков, основана на мысли о неизменности и всегдашней осязаемости старой художественной формы. Мысль эта неверная. Нельзя противопоставить Пушкина Асееву, потому что Асеев осязаемый писатель, а Пушкин совершенно не осязаемый. И человек, восхищающийся сейчас Пушкиным, более всего похож на сторожа в деревне Обломовых» [Шкловский 2018: 692].

Вывод рецензента был жестко-однозначен: «Ошибкой Алексея Максимовича Пешкова является то, что он не хочет познать самого себя. Он Хороший писатель и как всякий хороший писатель произошел не от великой русской литературы, а от литературы младшей линии. Он вырос из французского бульварного романа, из газетного очерка связи с классиками у него нет, и в них он ничего не понимает» [Шкловский 2018: 693], правда, добавлял после этого, чтобы, вероятно, подсластить

²⁶ Горький М. Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать // Известия. 1930. № 228. 30 сент. С. 2–3.

²⁷ АГ. ЛСГ-10-2-4. Л. 13. Отметим, что брошюра Горького была зарегистрирована в «Книжной летописи» в период с 8 по 14 октября 1928 г. (см.: Книжная летопись. 1928. № 42. С. 3032).

горькую пиллюлю критика, что это «совершенно не уменьшает его литературной значимости» [Шкловский 2018: 693].

На выпад Шкловского Горький не ответил; но возникновение ошибки в своем тексте объяснил в письме начинающему автору В. Д. Пушкинову 10 ноября 1928 г.: «Вы совершенно правы: стихи о “муках слова” принадлежат Надсону, и если б Вы видели черновик моей рукописи, то прочитали бы в ней надпись для переписчика²⁸: “Стихи – Надсона, боюсь, не точно цитирую, проверьте по эпиграфу с ст. Горнфельда “Муки слова”. В статье Горнфельда подзаголовок ее гласит: “Памяти Пушкина”, тотчас же за ним – четверостишие “Нет на свете”, но автор четверостишия не указан, а дальше идет начало статьи: “Эпиграф напомнил читателю знакомое стихотворение...” и т.д. Вот как Пушкин был поставлен на место Надсона. Корректур я не читаю.

Отсюда вовсе не следует, что я не ошибаюсь, и не следует, что я боюсь ошибок, а также – что ставлю их “в фальшь” другим» [Горький 2016: 90].

Эту ошибку Горького Пушкин не считал серьезной, она виделась ему в другом свете: «Вы спросите: зачем я пишу о таких пустяках? А вот зачем: – эта пустая ошибка приблизила меня к Вам, как к человеку. И я думаю, многие вместе со мной скажут: “Если иногда ошибаются даже большие писатели, как Максим Горький, то маленьким – пусть они ошибутся и пять раз, и десять, и сто – унывать не годится»» [Горький 2016: 460].

Кардинально иное мнение о писательском опыте Горького представил ленинградский критик А. Чистяков, отметивший своевременность выхода книги: «М. Горький в конце этой книжки делает оговорку, что “на нее надобно смотреть не как на поучение, а как на рассказ”. Безусловно, в ней есть элементы рассказа, отрывки из воспоминаний, но тем не менее, это не рассказ, а именно “поучение”, беседа, дружеское письмо к начинающим писателям и рабкорам. Автор говорит простыми убедительными словами о том, как создаются художником литературные типы, о понимании, изображении, романтизме, реализме и философии, подкрепляя это примерами из мировой литературы и собственного опыта» [Чистяков 1929]. Суждение критика тоже было однозначным: «Небольшая книжечка Горького дает много ценных указаний и советов начинающим писателям и заставляет над многим призадуматься» [Чистяков 1929].

Продолжение работы над статьей в 1931 г.

В 1931 г. ОГИЗ ГИХЛ выпустил сборник М. Горького под названием «Статьи о литературе и литературной технике» под редакцией и с примечаниями И. А. Груздева (подробнее см.: [Быстрова 2012]). В состав книги вошли 11 статей, которые объединяла тема обучения литературным навыкам начинающего автора; в составе сборника была статья, которая в 1928 г. называлась «Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать».

При подготовке сборника к изданию Горький

внес в статью четыре изменения. Во-первых, изменил заголовок – статья стала называться «О том, как я учился писать»; во-вторых, исправил в двух случаях фактическую ошибку. В отдельном издании было: «Мои неудачи всегда заставляют меня вспоминать горестные слова Пушкина: “Нет на свете мук, сильнее муки слова”» [Горький 1928: 40]. В издании 1931 г. стало: «Мои неудачи всегда заставляют меня вспоминать горестные слова поэта: “Нет на свете мук, сильнее муки слова”» [Горький 1953: 80].

В отдельном издании было: «“Холоден и жалок нищий наш язык”, – сказал Пушкин в минуту отчаяния должно быть, знакомого всем великим поэтам, потому что редкий из них не жаловался на “нищету” языка.

Я думаю, что наш гениальнейший художник, человек необыкновенно широкого, могучего таланта, реформатор нашей литературы и глубочайший знаток родной речи жаловался на “нищету” не русского, а человеческого языка и потому жаловался, что есть чувствования и мысли неуловимые, невыразимые словом» [Горький 1928: 41]. В издании 1931 г. стало: «“Холоден и жалок нищий наш язык”, – сказал, кажется, Надсон, и редкий из поэтов не жаловался на “нищету” языка.

Я думаю, что это жалобы на “нищету” не русского, а вообще человеческого языка и вызывает их то, что есть чувствования и мысли неуловимые, невыразимые словом» [Горький 1953: 80].

Горьким было изъято послесловие к тексту: «В этой книжке, наверно, есть не мало спорного и много не договоренного, но на нее надобно смотреть не как на “поучение”, а как на рассказ.

Будет хорошо, если молодые читатели напишут мне о том, что для них не ясно и о том, что находят они неправильным. Отвечать на каждое письмо я не имею времени, но отвечу статьей. Так организуются между нами правильная переписка.

Очень советовал бы гг. читать Чернышевского: «Очерки гоголевского периода русской литературы» и Плеханова: «Очерки монистического мировоззрения».

По технике:

1. Крайский. – Как писать рассказы.
2. В. Брюсов. – Основа стихосложения. Курс ВУЗ.
3. А. Горнфельд. – Муки слова» [Горький 1928: 55].

В двух последующих (прижизненных) изданиях статья Горького публиковалась без изменений (см.: [Горький 1933: 169–196; Горький 1934: 169–196])²⁹.

Заключение

В 1920-е гг. в литературном сообществе тема обучения начинающих авторов была востребованной. Список книг, предложенный Горьким в от-

²⁹ Отметим, что тексты горьковских статей советского периода отредактированы биографом писателя и первым текстологом горьковских текстов И. А. Груздевым. С именем И. А. Груздева связано зарождение текстологии художественных и публицистических текстов М. Горького; он был составителем и редактором двух изданий сочинений писателя, вышедших в 1928–1930 и 1931–1934 гг. (подробнее см.: [Быстрова 2019]).

²⁸ Гранки указанной статьи не разысканы.

дельном издании статьи, можно дополнить именами Г. Шенгели [1926], В. Шкловского [1927], А. Бородина [1928], М. Беккера [1928], В. Тверского [1928] и др.

Тем не менее брошюрка Горького «Рабкорам и военкорам о том, как я учился писать», изменившая свое название («О том, как я учился писать») в процессе доработки, остается одним из действенных описаний опыта большого художника, который будет востребован еще не одно поколение. Этот феномен объясняла Н. Д. Баранова, считая эту статью писателя особенной, относящейся к числу работ, «в которых своеобразно взаимодействуют аналитичность критика, обобщающая мысль ученого, общественная страстность публициста, образное мышление художника» [Баранова 1978: 115].

Предложенная текстологическая история горьковской статьи свидетельствует, с одной стороны, о сложности творческой лаборатории художника. С другой стороны, является свидетельством возможности интерпретации жанровой специфики статьи. По мнению той же Барановой, статья близка «к жанру эссе, под которым принято

понимать литературно-критическое или философско-публицистические сочинения, отличающиеся свободной композицией, подчеркнутым личностным началом, образностью, использованием аргументов и терминов разных дисциплин» [Баранова 1978: 115]. Стоит отметить еще один аспект текстологической разработки данной статьи писателя. В перспективе работы авторского коллектива ИМЛИ РАН над третьей серией полного собрания сочинений Максима Горького, в которую войдут публицистические и литературно-критические статьи, эта статья сложна в плане комментирования. Ее многослойность тому подтверждение: с одной стороны, это факт биографии автора, это факт в истории текста, предназначенного начинающим авторам, а также факт библиографии, а с другой – это сведения об окружающем его литературном сообществе, в нашем случае – это история русской и советской литературы в своей связи с контекстом литературного и политического пространства как XIX, так и XX вв., это история обобщенных суждений художника и проводимых параллелей историко-литературного плана.

Источники

АГ – Архив А. М. Горького (Москва, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН).

Литература

- Баранова, Н. Д. Горький – мастер критической прозы / Н. Д. Баранова. – Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1978. – 142 с.
- Беккер, М. Писатель за работой / М. Беккер. – М. : Издание Всероссийского общества крестьянских писателей, 1928. – 94 с.
- Бородин, А. Как писать пьесу. Популярное руководство для начинающих драматургов / А. Бородин. – Л. : Теа-Кинопечать, 1928. – 96 с.
- Быстрова, О. В. Илья Александрович Груздев – исследователь творческого наследия М. Горького / О. В. Быстрова // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 4. – С. 120–126.
- Быстрова, О. В. Открытое письмо М. Горького С. Буденному: к истории вопроса / О. В. Быстрова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2016. – № 4 (24). – С. 25–33.
- Быстрова, О. В. Проблемы издания сборников статей М. Горького о литературе / О. В. Быстрова // Текстологический временник. Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. – М. : ИМЛИ РАН, 2012. – С. 148–161.
- Быстрова, О. В. «Я считаю его очень талантливым...»: к истории взаимоотношений М. Горького и А. В. Яровицкого / О. В. Быстрова // Два века русской классики. – 2023. – Т. 5, № 4. – С. 58–75. – DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-4-58-75.
- Бялик, Б. А. Горький – литературный критик / Б. А. Бялик. – М. : Гослитиздат, 1960. – 376 с.
- Горький, М. О литературе. Статьи 1928–33 гг. / М. Горький. – М. : Советская литература, 1933. – 300 с.
- Горький, М. О литературе. Статьи 1928–33 гг. / М. Горький. – М. : Советская литература, 1934. – 300 с.
- Горький, М. Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. Т. 17. Август 1927 – май 1928 / М. Горький. – М. : Наука, 2014. – 870 с.
- Горький, М. Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. Т. 18. Июнь 1928 – март 1929 / М. Горький. – М. : Наука, 2016. – 920 с.
- Горький, М. Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать / М. Горький. – М. : ГИЗ, 1928. – 55 с.
- Горький, М. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 25. Статьи, речи, приветствия. 1929–1931 / М. Горький. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1953. – 520 с.
- Ежов, И. С. Опыт текстологической работы над произведениями М. Горького в новом собрании его сочинений / И. С. Ежов // Вопросы текстологии : сборник статей. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. – С. 334–465.
- Кудрина, Е. В. «Авторские силы учеников»: М. Горький и начинающие писатели поселка Норское (Ярославская область) / Е. В. Кудрина // Сюжетология и сюжетография. – 2023. – № 2. – С. 5–16. – DOI: 10.25205/2713-3133-2023-2-5-16.

- Леонов, Л. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10 / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1984. – 631 с.
- Макарьев, И. С. Пометки Горького на книгах начинающих писателей / И. С. Макарьев. – М. ; Л. : Гослитиздат, 1932. – 53 с.
- Максимова, В. А. Горький – редактор / В. А. Максимова. – М. : Наука, 1965. – 280 с.
- Овчаренко, А. И. Публицистика М. Горького / А. И. Овчаренко. – М. : Советский писатель, 1961. – 654 с.
- Прополянис, Г. Э. А. М. Горький – организатор культурного строительства в СССР (Статьи А. М. Горького, посвященные культурным процессам 1920–1930-х гг.) / Г. Э. Прополянис // Максим Горький в культуре XX–XXI вв. Горьковские чтения – 2020 (9–10 октября). – Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. – С. 108–114.
- Прохоров, Е. И. Текстология художественных произведений М. Горького / Е. И. Прохоров. – М. : Наука, 1983. – 279 с.
- Спиридонова, Л. А. Текстология: теория и практика / Л. А. Спиридонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2019. – 256 с. – DOI: 10.22455/978-5-9208-0600-0.
- Тарасова, А. А. Из творческой лаборатории М. Горького / А. А. Тарасова. – М. : Наука, 1964. – 160 с.
- Тверской, В. Как работать писателю / В. Тверской. – М. ; Л. : Госиздат, 1928. – 72 с.
- Чистяков, А. «Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать». Гиз, 1928 [Рецензия] / А. Чистяков // Резец. – 1929. – № 4. – С. 16.
- Шенгели, Г. А. Как писать статьи, стихи и рассказы / Г. А. Шенгели. – М. : Правда и Беднота, 1926. – 78 с.
- Шкапа, И. С. Семь лет с Горьким. Своими глазами: Воспоминания / И. С. Шкапа. – М. : Советский писатель, 1990. – 512 с.
- Шкловский, В. Б. Новооткрытый Пушкин / В. Б. Шкловский // Новый Леф. – 1928. – № 11. – С. 47–48.
- Шкловский, В. Б. Собрание сочинений. Т. 1. Революция / В. Б. Шкловский. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 1032 с.
- Шкловский, В. Б. Техника писательского мастерства / В. Б. Шкловский. – М. ; Л. : Молодая гвардия, 1927. – 73 с.

References

- Baranova, N. D. (1978). *Gor'kii – master kriticheskoi prozy* [Gorky is a Master of Critical Prose]. Gorky, Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 142 p.
- Bekker, M. (1928). *Pisatel' za rabotoi* [A Writer at Work]. Moscow, Izdanie Vserossiiskogo obshchestva krest'yan-skikh pisatelei. 94 p.
- Borodin, A. (1928). *Kak pisat' p'esu. Populyarnoe rukovodstvo dlya nachinayushchikh dramaturgov* [How to Write a Play. A Popular Guide for Aspiring Playwrights]. Leningrad, Tea-Kinopechat'. 96 p.
- Byalik, B. A. (1960). *Gor'kii – literaturnyi kritik* [Gorky is a Literary Critic]. Moscow, Goslitizdat. 376 p.
- Bystrova, O. V. (2012). Problemy izdaniya sbornikov statei M. Gor'kogo o literature [Problems of Publishing Collections of M. Gorky's Articles on Literature]. In *Tekstologicheskii vremennik. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya*. Book 2. Moscow, IMLI RAN, pp. 148–161.
- Bystrova, O. V. (2016). Otkrytoe pis'mo M. Gor'kogo S. Budennomu: k istorii voprosa [M. Gorky's Open Letter to S. Budyonny: On the History of the Issue]. In *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie»*. No. 4 (24), pp. 25–33.
- Bystrova, O. V. (2019). Ilya Aleksandrovich Gruzdev – issledovatel' tvorcheskogo naslediya M. Gor'kogo [Ilya Aleksandrovich Gruzdev is a Researcher of the Creative Heritage of M. Gorky]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 25. No. 4, pp. 120–126.
- Bystrova, O. V. (2023). «Ya schitayu ego ochen' talantlivym...»: k istorii vzaimootnoshenii M. Gor'kogo i A. V. Yarovitskogo [“I Consider Him Very Talented...”: On the History of the Relationship between M. Gorky and A. V. Yarovitsky]. In *Dva veka russkoi klassiki*. Vol. 5. No. 4, pp. 58–75. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-4-58-75.
- Chistyakov, A. (1929). «Rabsel'koram i voenkoram o tom, kak ya uchilsya pisat'». Giz, 1928 [Retsenziya] [“To the Workers and Military Officers about How I Learned to Write”]. Guise, 1928. Review]. In *Rezets*. No. 4, p. 16.
- Ezhov, I. S. (1957). Opyt tekstologicheskoi raboty nad proizvedeniyami M. Gor'kogo v novom sobranii ego sochinenii [The Experience of Textual Work on the Works of M. Gorky in the New Collection of His Works]. In *Voprosy tekstologii: sbornik statei*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 334–465.
- Gorky, M. (1928). *Rabsel'koram i voenkoram o tom, kak ya uchilsya pisat'* [To the Workers and Military Officers about How I Learned to Write]. Moscow, GIZ. 55 p.
- Gorky, M. (1933). *O literature. Stat'i 1928–33 gg.* [About Literature. Articles of 1928–33]. Moscow, Sovetskaya literatura. 300 p.
- Gorky, M. (1934). *O literature. Stat'i 1928–33 gg.* [About Literature. Articles of 1928–33]. Moscow, Sovetskaya literatura. 300 p.
- Gorky, M. (1953). *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [The Complete Works, in 30 vols]. Vol. 25. Stat'i, rechi, privetstviya. 1929–1931. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 520 p.
- Gorky, M. (2014). *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [The Complete Works. Letters, in 24 vols]. Vol. 17. Avgust 1927 – mai 1928. Moscow, Nauka. 870 p.

- Gorky, M. (2016). *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [The Complete Works. Letters, in 24 vols]. Vol. 18. Iyun' 1928 – mart 1929. Moscow, Nauka. 920 p.
- Kudrina, E. V. (2023). «Avtorskie sily uchenikov»: M. Gor'kii i nachinayushchie pisateli poselka Norskoe (Yaroslavskaya oblast') ["The Author's Forces of Students": M. Gorky and the Beginning Writers of the Village of Norskoye (Yaroslavl Region)]. In *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. No. 2, pp. 5–16. DOI: 10.25205/2713-3133-2023-2-5-16.
- Leonov, L. M. (1984). *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [The Complete Works, in 10 vols]. Vol. 10. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 631 p.
- Makaryev, I. S. (1932). *Pometki Gor'kogo na knigakh nachinayushchikh pisatelei* [Gorky's Notes on Books by Aspiring Writers]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat. 53 p.
- Maksimova, V. A. (1965). *Gor'kii – redaktor* [Gorky is the Editor]. Moscow, Nauka. 280 p.
- Ovcharenko, A. I. (1961). *Publitsistika M. Gor'kogo* [M. Gorky's Journalism]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 654 p.
- Prokhorov, E. I. (1983). *Tekstologiya khudozhestvennykh proizvedenii M. Gor'kogo* [The Textology of M. Gorky's Works of Art]. Moscow, Nauka. 279 p.
- Propolyanis, G. E. (2020). A. M. Gor'kii – organizator kul'turnogo stroitel'stva v SSSR (Stat'i A. M. Gor'kogo, posvyashchennye kul'turnym protsessam 1920–1930-kh gg.) [A. M. Gorky – Organizer of Cultural Construction in the USSR (Articles by A.M. Gorky Devoted to Cultural Processes of the 1920s–1930s)]. In *Maksim Gor'kii v kul'ture XX–XXI vv. Gor'kovskie chteniya – 2020 (9–10 oktyabrya)*. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, pp. 108–114.
- Shengeli G. A. (1926). *Kak pisat' stat'i, stikhi i rasskazy* [How to Write Articles, Poems and Short Stories]. Moscow, Pravda i Bednota. 78 p.
- Shkapa, I. S. (1990). *Sem' let s Gor'kim. Svoimi glazami: Vospominaniya* [Seven Years with Gorky. With My Own Eyes: Memories]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 512 p.
- Shklovsky, V. B. (1927). *Tekhnika pisatel'skogo masterstva* [The Technique of Writing]. Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya. 73 p.
- Shklovsky, V. B. (1928). Novootkrytyi Pushkin [The Newly Discovered Pushkin]. In *Novyi Lef*. No. 11, pp. 47–48.
- Shklovsky, V. B. (2018). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 1. Revolyutsiya. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 1032 p.
- Spiridonova, L. A. (2019). *Tekstologiya: teoriya i praktika* [Textology: Theory and Practice]. Moscow, IMLI RAN. 256 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0600-0.
- Tarasova, A.A. (1964). *Iz tvorcheskoi laboratorii M. Gor'kogo* [From the Creative Laboratory of M. Gorky]. Moscow, Nauka. 160 p.
- Tverskoi, V. (1928). *Kak rabotat' pisatelyu* [How to Work as a Writer]. Moscow, Leningrad, Gosizdat. 72 p.

Данные об авторе

Быстрова Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела издания и изучения творчества М. Горького, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25-А, стр. 1.

E-mail: bystrova63@mail.ru.

Author's information

Bystrova Olga Vasilevna – Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Publishing and Studying the Works of M. Gorky, the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Дата поступления: 11.07.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 11.07.2024; date of publication: 30.10.2024

К ЮБИЛЕЮ А. ПЛАТОНОВА И Л. ЛЕОНОВА

УДК 821.161.1-32(Платонов А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-36-42. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ОБРАЗ РЕБЕНКА-АНГЕЛА КАК ЧАСТЬ МЕТОНИМИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ ВОЕННЫХ РАССКАЗОВ А. ПЛАТОНОВА

Долгов А. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9125-4344>

SPIN-код: 9200-6581

А н н о т а ц и я. Статья посвящена исследованию метонимии в военных рассказах А. Платонова. Исследование строится на предположении, что в границах художественного метода писателя метонимия является не просто средством выразительности, но инструментом концептуализации действительности. Для такого рода моделирования военной реальности в художественном пространстве А. Платонов интегрирует в композицию образ ребенка, метонимически связанный с рядом ценностных категорий русского народа. Для подтверждения своей позиции автор производит образный анализ рассказов «По небу полуночи» и «Девушка Роза», что позволяет сделать вывод о значении метафоры для реализации писателем творческого замысла на концептуальном уровне. Рассматривая метонимию и ее роль в изображении детского сознания, автор статьи обращается к рассказам «По небу полуночи» и «Девушка Роза». На материале первого из них доказывается, что образ ребенка и детского сознания противопоставлен «механическим» людям (и по смежности – фашизму как явлению). Ключевым для понимания открытия Эриха Зуммера, сблизившего его с нравственной чистотой детского миропонимания, становится образ неба, также метонимически воплощенный в рассказе: воплощая диалектику отношения автора к войне (переход от тьмы к свету и от света к тьме), небо появляется в глазах ребенка именно в момент отречения Зуммера от фашизма. В рассказе «Девушка Роза» сюжет подчинен схожей логике: перед читателем открывается судьба чистой души, наполняющей мир светом памяти и надежды. Ангелическая природа Розы связана не только с ее мученической судьбой, но и с той надеждой («светом гибели», «нравственной избыточностью»), которую она щедро дарит всем, кто мучается на земле, кто не потерял способность чувствовать живую душу. Исследование базируется на наработках платоноведов, ранее посвятивших свои труды метонимии как элементу поэтики А. Платонова (Н. В. Корниенко, С. Нонако, Б. Доог и др.).

К л ю ч е в ы е с л о в а: литература XX века; Андрей Платонов; метонимия; военные рассказы; «По небу полуночи»; «Девушка Роза»; детские образы

Б л а г о д а р н о с т и: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-28-00905 «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской прозы: А. П. Платонов, Л. М. Леонов, А. В. Иванов».

Д л я ц и т и р о в а н и я: Долгов, А. А. Образ ребенка-ангела как часть метонимической композиции военных рассказов А. Платонова / А. А. Долгов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 36–42. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-36-42.

THE IMAGE OF AN ANGEL CHILD AS PART OF THE METONYMIC COMPOSITION OF A. PLATONOV'S WAR STORIES

Anton A. Dolgov

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9125-4344>

A b s t r a c t. The article studies metonymy in A. Platonov's war stories. The research is based on the assumption that within the boundaries of the writer's artistic method, metonymy is not just a means of expression, but a tool for conceptualizing reality. For this kind of modeling of military reality in the artistic space, Platonov integrates the image of a child, metonymically associated with a number of value-based categories of the Russian people, into the composition of the story. To confirm the assumption formulated above, the author of the article carries out an analysis of the imagery of the stories "Across the Midnight Sky" and "The Girl Rose", which allows making a conclusion about the significance of the metaphor for the realization of the writer's creative intention at conceptual level. Considering the role of metonymy in the artistic presentation of children's consciousness, the author of the article looks at the short stories "Across the Midnight Sky" and "The Girl Rose". The first story argues that the image of a child and children's consciousness is opposed to "mechanical" people (and, relatedly, to fascism as a phenomenon). The image of the sky, also metonymically used in the story, is the key image to understanding Erich Zummer's discovery, which brought him closer to the moral purity of the child's worldview: embodying the dialectic of the author's attitude to war (the transition from darkness to light and from light to darkness), the sky appears in the eyes of the child at the moment of Zummer's renunciation of fascism. In the story "The Girl Rose", the plot follows a similar logic: the fate of a pure soul who fills the world with the light of memory and hope is revealed to the reader. The angelic nature of Rosa is connected not only with her martyrdom, but also with the hope ("the light of

death”, “moral excess”), which she generously gives to all those who suffer on earth, who have not lost the ability to feel a living soul. The research draws on the works written in the area of Platonov studies devoted to metonymy as an element of Platonov’s poetics (N. V. Kornienko, S. Nonako, B. Dooge, etc.).

Key words: literature of the 20th century; Andrey Platonov; metonymy; war stories; “Across the Midnight Sky”; “The Girl Rose”; child characters

Acknowledgements: The article was written with financial support of the Russian Science Foundation project No. 23-28-00905 “Aesthetic Meanings and Fractal Poetics of the Latest Russian Prose: A. P. Platonov, L. M. Leonov, A. V. Ivanov”.

For citation: Dolgov, A. A. (2024). The Image of an Angel Child as Part of the Metonymic Composition of A. Platonov’s War Stories. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 36–42. DOI:10.26170/2071-2405-2023-29-3-36-42.

Метонимия как элемент идиостиля Андрея Платонова является предметом научного интереса для многих исследователей творчества советского писателя. Платонов использует метонимию не только как средство художественной выразительности, но и как инструмент для расширения смыслового пространства произведения. Еще на ранних этапах осмысления семантического переноса, в том числе Р. Якобсоном, языковедами отмечалось, что возможность замены единиц по смежности значения, помимо модификации формальной стороны текста, позволяет автору усложнить и концептуализировать идейное наполнение текста: «троп обращается в эпический мотив» [Якобсон].

Исключительная насыщенность платоновского текста тропами¹ может быть продиктована рядом оснований, каждое из которых, на наш взгляд, в равной степени оказало влияние на художественный метод А. Платонова. Анализируя московский эпизод «Чевенгура» Н. П. Хрящева отмечает наличие «тайнописного слоя» в романе, основным назначением которого является защита произведения от государственной цензуры [Хрящева 2022]. По мнению исследователя, Платонов заключает различные этапы личной биографии одновременно в образах Симона Сербинова и Саша Дванова. Данным приемом Платонов обнажает эволюцию собственного миропонимания, включая отношение к социально-политической ситуации того времени. При этом, расщепляя реальное «Я» на два художественных субпрототипа, Платонов маскирует автобиографические цепочки между автором и персонажем, тем самым формально понижая уровень риска столкновения с цензурой.

Другим основанием рассмотрения рассказа Платонова может служить методология контекстуального анализа, поэтики и композиции военной прозы писателя, предлагаемая известным платоноведом². Редуцируя план выражения, писатель параллельно укрупняет идейное содержание. Таким образом реализуется уникальная творческая стратегия художника, которая позволяет кодифицировать сверхсложные философские концепции в

доступный, интуитивно понятный рядовому читателю сюжет. Простые образы генетически восходят к умозрительным категориям онтологического значения. В качестве иллюстрации к вышесказанному приведем фрагмент повести «Ямская слобода»:

«– Ты поезди-ка, дружок, один по степи да посмотри на высоких гладких местах: нет ли на земле завязи или скрепы какой, – вроде пуповины у тебя на животе; найдешь, тогда мне скажешь!»

Сначала Астахов из страха ездил верхом по степи и искал земного пупка. Он даже удивлялся, почему раньше его не заметил. Но потом ездить перестал, а спал в дальней лощине целыми днями» [Платонов. Ямская Слобода].

Платонов применяет народный, в некоторой степени комичный фразеологизм «пуп земли» в качестве сюжетного ядра фрагмента. Ироническое высказывание воспринимается персонажами вполне буквально. Для них и метонимическая метафора – ориентир жизненного поиска.

Читатель воспринимает подобные фрагменты одновременно на двух уровнях. Первая реакция, ощущение комического, обуславливается чуждаватым заблуждением героев, не знакомых со столь известной метонимической моделью. Вдумчивый читатель параллельно увидит, что нарочито юмористический фрагмент приглашает к совершенно серьезному размышлению о мироздании. Эрудиция также может помочь читателю сопоставить этот микросюжет с древнегреческим мифом о поиске центра Земли и основании города Дельфы.

Из приведенных выше иллюстраций становится ясно, что платоновская метонимия – это далеко не один лишь формальный прием, но механизм реализации творческого замысла. Как следствие, метонимия в произведениях Платонова реализуется как на лексическом уровне, так и на концептуальном. Платоновская метонимия – перенос в порой обыденные вещи необъятных пластов мироздания. Подобный феномен в поэтике советского писателя Н. В. Корниенко назвала «“принципом метонимических цепочек”, прямо и косвенно связанных с нарушением онтологической тождественности мира самому себе в эпоху революций, войн, торжества науки и рационализма» [Корниенко 2003].

Классическая схема реализации метонимии: «несобственный термин может быть навязан предмету либо может быть подан как частная концепция этого предмета» [Якобсон]. Авторское словообразование такого рода становится алгоритмом глупо-

¹ В этой связи уместна цитата из статьи М. А. Султановой, Н. С. Жамашевой «Метафора у Платонова тесно связана с “платонизмами”, и зачастую метафора уже не воспринимается как метафора, а производит впечатление особой платоновской манеры речи. Где она является постоянным и неотъемлемым элементом повествования...» [Султанова, Жамашева].

² Принципы рассмотрения произведений Платонова о войне на основе контекстуального анализа, поэтики, композиции разрабатывает Н. П. Хрящева (см. например: [Хрящева 2024]).

кого философского анализа Платонова, к которому он также приглашает читателя³.

Метонимия, на наш взгляд, становится одним из первостепенных инструментов Платонова-художника, благодаря которому в рассказах военных лет были в точности воспроизведены дух русского народа и суть войны как особой онтологической реальности.

Военная проза Андрея Платонова значительно больше, чем просто хроника трагических событий. Писатель осознает войну в системе своих мировоззренческих координат и со свойственной только ему пронизательностью исследует суть и пути преодоления этой бытийной катастрофы.

Допустимо предположить, что Платонов воспринимал войну не как абсолютное зло, но как особое состояние мира, в ходе которого сталкиваются две силы и закладывается фундамент будущего. Вспомним, как капитан Артемов в рассказе «Офицер и солдат» не соглашается с газетным тезисом «война есть исступление». При этом в голове у военного поразительная мысль:

«... война, как и мир, одухотворяется счастьем и в ней есть радость, и он сам испытывал радость войны, счастье уничтожения зла, и еще испытает их, и ради того он живет на войне и другие люди живут» [Платонов. Офицер и Солдат].

Несмотря на такой диалектический взгляд на войну, Платонов, конечно же, не выступает ее апологетом. Для него очевидно, что война – это смертельный вакуум, не допускающий возможности жить и мыслить о будущем.

Платонов описывает давление войны на жизненные силы в своих записных книжках:

«Особое состояние – живешь, а нельзя, не под силу, как будто прешь против горы, оседающей на тебя» [Платонов 2000].

Особое развитие внутри военной проблематики получает важнейший для Андрея Платонова образ ребенка. По мнению Л. В. Червяковой, данный образ несет в себе сложную темпоральную метафоричность.

С одной стороны, дитя отражает все стадии развития человечества, о чем писатель говорит, например, в заметке «Клуб школа»:

«Ребенок и есть отпечаток всего прошлого. Только он миллионы веков проходит в дни и короткие годы» [Платонов. Клуб школа].

С другой стороны, ребенок, разумеется, связан с будущим. В нем продолжается жизнь мужчины и женщины, ребенку предстоит прокладывать дорогу для всего человечества.

Наконец, через ребенка автор исследует бессмертие человеческой души и вечность мира. Маленькому человеку подвластно восприятие окружающего как целого, взаимосвязанного и перерождающегося друг в друге. Детское мышление не допускает конечности бытия: всему умершему

должно переродиться и продолжиться. Такая витальность и темпоральная неограниченность образа ребенка вступают в противоречие с сжимающимся и истребляющим все живое пространством войны. В связи с этим особое значение имеет следующая фронтовая записка Платонова:

И встает к жизни то, что должно быть, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь, вся картина жизни несбывшейся, и что было бы, если бы она сбылась. Изображается то, что, в сущности, убито – не одни тела. Великая картина жизни и [душ] погибших душ и возможностей. Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших, – лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне – там убита возможность прогресса [Платонов 2000].

В момент, когда наполненное смертью пространство вокруг писателя сжимается до предела, в параллельной плоскости развертывается жизнь, пусть и не случившаяся. Человеку невозможно находиться в сфере всеобщего умирания без перспективы найти выход из нее. Потому сознанием создается мир, обратный реальному, что, по сути, является творчеством. Человек-творец, развивая пространство своего внутреннего убежища, не только укрывается в нем сам: он пытается обесмертить души погибших и ищет пути для спасения еще живых.

Именно такая мысль, на наш взгляд, заложена Платоновым в основу детских образов в рассказах «По небу полуночи» и «Девушка Роза»⁴. Платонов с безусловной точностью переносит войну в художественную плоскость. Ему удается до тончайших деталей передать и суть смертоносного вражеского режима, и ход расчеловечивания людей в условиях военного времени. В этот же смысловой ряд автором помещаются дети. Ребенок не может выстоять физически перед натиском обстоятельств, однако его душа бессмертна. Под внешним давлением дитя уходит вглубь себя к спасительному внутреннему свету – именно поэтому детские образы у Платонова излучают инаковость и отчужденность. На пике своего напряжения душа покидает мир, оставаясь несломленной. При этом ее свет озаряет путь к спасению и перерождению человечества.

Рассказ «По небу полуночи» был опубликован в 1939 году. Уже на начальном этапе становления фашистской идеологии в Германии писатель видел в этой идее гибельный тупик для всего человеческого. В фронтовых записях Андрей Платонов отмечает, что фашизм есть режим, идея и цель которого – перманентная война и истребление:

«Вечная война» как выход в другое историческое состояние (фашизм)»

«Война может стать постоянным явлением: к[а]к род новой промышленности, вышедшей из двух причин – некоторого “свободного” избытка пр[о]изводительных сил и “опустошения душ”» [Платонов 2000].

Фашизм в рассказе Платонова представлен не

³ Для понимания сути платоновской метонимии важны также работы С. Нонака [2019] и Б. Дооге [2007].

⁴ Анализ детских образов был выполнен с опорой на работу Т. Л. Рыбальченко.

только со стороны милитаризма. Автор акцентирует внимание на глубоких социальных и психологических аспектах, которые рождаются в условиях тоталитарного строя.

Платонов описывает фашизм как форму экзистенциального кризиса общества. Сторонники режима изображаются автором не людьми, а неодушевленными функциями. Начальник штаба немецкой военной части описывается как *«технический исполнитель чужой воли, простой канцелярист для чтения получаемых бумаг»* [Платонов. По небу полуночи]. Служащая военной столовой Клара Шлегель, «захваченная фашизмом в тринадцать лет от роду», настолько убеждена в идеях режима, что для нее они оказываются выше потенциально личного счастья. Она разрывает отношения с молодым человеком, проявившим симпатию к другим народам.

Один из солдат гитлеровской армии, штурман боевого самолета Фридрих Кениг, изображен Платоновым как опустошенный человек. Он плох в своей профессии, механически верит в бессмысленные директивы, спускаемые сверху, – он готов умереть и убивать за них.

«Он думал со страхом и грустью, что во многих других людях существует такой же инстинктивный, радостный идиотизм, как у Фридриха Кенига. Зуммер вспомнил, что при прощании с генералом специального авиационного соединения, напуганного летчиков, у Кенига стояли слезы в глазах, слезы радостной преданности и полной готовности обязательно умереть за этого генерала и за кого попало из начальства, которые все вместе составляли для штурмана отчизну» [Платонов. По небу полуночи].

Подробно парадигму обезличенных персонажей у Платонова анализирует Н. П. Хрящева [2022]. По ее мнению, в фашизме Платонов увидел почву для укоренения «механических» людей. Человек, окутанный ореолом иллюзий, превращается в несамостоятельную единицу. Он встраивается в систему, подобно шестеренке, и без содрогания совершит любое деяние, если это потребуется для работы механизма.

Уточняет репродукцию режима в рассказе также упоминание автором институциональных рычагов подавления человеческой свободы. Так, автор дает комментарий тайной полиции: *«в тайной полиции тоже был беспорядок и там руки не дошли до него или схватили кого-нибудь другого вместо него: им же все равно, была бы лишь деятельность»* [Платонов. По небу полуночи]. Не обходит стороной автор и концлагерь. Он считает факт заточения людей доказательством сопротивления репрессивной машине и видит в этом надежду на скорое всеобщее освобождение.

Приводя различные формы расчеловечивания и угнетения человеческой личности, Платонов собирает сложную метонимическую конструкцию: каждая приведенная деталь зеркально отражает механизм огромной машины по производству смерти.

В центр этого механизма Платонов помещает бесполезную деталь, способную разрушить все

устройство. Чистая жизнелюбивая душа – пилот немецкого истребителя Эрих Зуммер. Несмотря на то, что в рассказе назван совсем не детский возраст Зуммера – 28 лет – его все же можно отнести к разряду платоновских «детей-ангелов». Важно сказать, что для Андрея Платонова, «детство» – нефизиологическая категория. Во взрослом также может проснуться детское, что даст ему возможность увидеть в разбитой мозаике подлинную картину мира. Такое свойство платоновской поэтики Л. В. Карасев назвал «принципом особого, изначального взгляда».

Эрих Зуммер, являясь солдатом немецкой армии, противится принципам фашизма. Путь принятия режима Зуммер видит в смертном ореоле. *«И я хочу жить, потому что я умираю и потому что меня убивают»* [Платонов. По небу полуночи].

Зуммеру предстоит пройти точку невозврата: либо исполнить приказ командования – направить самолет против другого народа, не причинившего ему никакого зла, либо послушаться приказа и даже ценой собственной жизни спасти свою душу.

Сцена полета Зуммера происходит в границах особого хронотопа – ночного неба. В пространственном аспекте это ничем не ограниченный, не принадлежащий никому, непроглядный простор. Здесь человек может как сбиться с пути, так и пробиться к свету. В действенно-временном плане – это боевой вылет, т. е. фаза непосредственной войны. Как мы отметили выше, для Платонова свойственно диалектическое отношение к войне. Это, конечно, и хаос, и смерть, но это и сопротивление добра злу. В неопределенном пространстве ночного неба у Зуммера появляется возможность окончательно определить свою позицию. Не соглашаясь уничтожать мирный поезд, он разворачивает свой истребитель против отряда немецких самолетов, отвергает идеологию фашизма. Он предается мечтам о горнем мире: *«Нет, мне пора быть ангелом, человеком надоело, ничего не выходит»* [Платонов. По небу полуночи].

Избрав для себя путь отречения от фашизма, Зуммер выходит в другое пространство, освещенное солнцем. На землю он ступает уже обновленным. Встреча Зуммера с одиноким мальчиком знаменует обретение героем собственной души.

Платонов изображает встретившегося Зуммеру ребенка оторванным от всего земного. Душа мальчика – абсолют чистоты, он не восприимчив к происходящему вокруг. Это отражено в его портрете: *«Большие глаза ребенка были широко открыты, как утренний рассвет, но они глядели пусто, точно в них было безоблачно, равнодушное небо. Мальчик уставился глазами на чужого человека, а сам не видел или не понимал летчика: во взоре ребенка не было ни страха, ни удивления, ни вопроса»* [Платонов. По небу полуночи].

И вновь мы наблюдаем сложную метонимическую конструкцию: мальчик, в глазах которого видится небо, отождествляется с человечеством, свободным от зла. Портрет ребенка контрастирует с чертами бывшего сослуживца Зуммера, штурмана истребителя Фридриха Кенига. Кениг видится Зуммеру «ребенком с выколотыми глазами». Такое

сопоставление позволяет увидеть окончательное освобождение героя от установок фашизма. Немецкий «ослепленный фашизмом» штурман пытался направить Зуммера на бесчеловечное уничтожение невинных людей. Теперь место штурмана занимает ребенок-ангел, прокладывающий путь для спасенной души Зуммера.

Переходя к анализу детского образа в рассказе «Девушка Роза», отметим, что в этом произведении ребенок-ангел является не только ориентиром нравственного выбора, но и стержнем народной стойкости. В главную героиню рассказа, юную Розу, Платонов вложил духовные свойства всех советских людей. Проявляется это в частотном использовании моделей по типу «русская Роза» / «русская девчонка», а также в сравнении Розы со «всею советской властью».

Роза оказывается в немецком плену на территории оккупированного Советского Союза. В экспозиции Платонов дает развернутую картину заточения: голод, пытки, расстрелы – любые меры для того, чтобы сломить человеческий дух. Описывая детали тюрьмы, автор представляет один из вариантов выбора человека. Надписи на камерных стенах: «Здесь сидел Злов» / «Не плачь, моя милая мама, Не плачь, не рыдай, не грусти. Одна ты пробудешь недолго На этом ужасном пути...» [Платонов. Девушка Роза] – выдают заключенных, смирившихся со своей судьбой. Из множества таких предсмертных отметин выбивается надпись Розы: «Мне хочется остаться жить» [Там же]. С этой надписи начинается образ бессмертной весильной души. Роза чудом выжила во время расстрела и не подчинилась воле немцев в ходе тяжелых пыток. Тем самым одна русская девушка перечеркнула все содержимые фашистской идеи.

Цветочные образы у Платонова сплетаются с образами людей. Девушка Роза в этой связи является многогранной метафорико-метонимической моделью. Роза-цветок – символ жизни, любви и совершенной красоты. Витальность и красота цветка определяют жизненную силу человека. Вместе с тем образ девушки-цветка – это также образ целого народа.

Непокорную Розу немцы решают сломать, лишив рассудка ударом по голове. Однако физическое изменение и даже смерть не означает утрату жизни духовной. В этом главная ошибка машины порабощения. После «процедуры» Роза становится окончательно непроницаемой для происходящего. Отметим, что рассказ существует в нескольких вариантах. В наиболее известном сейчас изложении Розу последней пытке подвергает один из немецких тюремщиков «Скорый Ганс». В другом же варианте на просьбу искалечить девушку с легкостью отзывается русский пособник «Скорый Ивашка». Этот вариант усложняет концептуальную структуру рассказа: детская душа ставится в оппозицию не только тем, кто сдался, но и тем, кто подстроился под фашизм. Также через образ Ивашки Платонов дает нам понять, что жизненная сила или же, наоборот, отсутствие души – не черта отдельного народа, будь то русского или немецкого, но лишь

личный выбор каждого человека.

Лишенная рассудка Роза больше не кажется фашистам угрозой. Ее отправляют свободно бродить по окрестностям в назидание местным. Однако результат оказывается обратным: русские люди отнеслись к Розе с лаской, найдя в ней опору для жизни:

«В городе явно баловали и любили Розу оставшиеся люди, как героическую истину, привлекающую внимание к себе все обездоленные, павшие надеждой сердца» [Платонов. Девушка Роза].

Для завершения мученического цикла Розе необходимо высвободиться из своего искалеченного тела. Физическая травма мешает чистоте сознания Розы и обретению ею умиротворения. Этого добивались немцы: не дать русской девушке свободно жить либо переродиться после смерти. Остаток дней Роза инстинктивно ищет воскрешения: спрашивает встречных о себе самой и просит отвести ее обратно. По верному замечанию И. А. Спиридоновой, Роза содержит в себе множество метафорических значений. Одно из них: мотив «памяти-цветка», мотив поиска и обретения прошлого:

«Цветок, у которого сломан цвет, хранит “дух” жизни стеблем и листвою. В душе и теле Розы живет божественное знание себя прежней, закрытое теперь ее угасшему сознанию. Мотиву забвения противопоставит мотив воспоминания, мотиву потери – мотив поиска и обретения. Центральный мотив произведения – мотив памяти, он определяет сюжет героини и сюжет повествователя. Лишенная возможности естественного роста, природного возрождения, девушка Роза ищет и находит чудесный исход в “святом детстве”» [Платонов. Девушка Роза].

Никто из местных жителей не способен понять Розу и отвести, куда ей необходимо. Только маленький мальчик, находясь на близком для Розы уровне видения мира, берется проводить ее. В метафизической оптике гибель Розы от мины представляется ступенью к новой жизни. Роза исполнила земную миссию – принесла надежду людям – и теперь ее душа может вознестись. Недаром Платонов задействует в этом эпизоде оксюморон: «свет гибели». Как отметил В. М. Акимов [Платонов 1986], свет в военной прозе писателя глубоко метафоричен и связан с человеческим духом. Вспышка от взрыва в «Девушке Розе», как и свет в глазах мальчика в рассказе «По небу полуночи», – символ нравственной избыточности. Душа, завершая земной цикл становления, озаряет и заряжает своей нравственной силой других, продолжающих земной путь.

Повторно отметим, что Андрей Платонов, исследуя войну в ориентирах собственной философии, воспринимает ее как явление дуалистическое. Война – не торжество зла, но процесс сопротивления злу. Платонов описывает множество концептуально важных для понимания войны элементов: смерть, жестокость, бездушие, механическое подчинение приказам и идеям. Существовая в метонимической связке, данные элементы отра-

жают целостное пространство войны. При этом автор помещает в военное пространство концептуально инородный образ ребенка, наделенный такими чертами, как витальность, прозорливость, красота, человечность. Данные образы являются сложной метонимией, которая помогает автору

концептуализировать войну как объект его философского осмысления. Писатель создает сложную и многогранную картину трагедии, в которой представлены не только разрушение человеческого мира, но и невероятная сила народного духа.

Литература

Дооге, Б. Творческое преобразование языка и авторская концептуализация мира у А. П. Платонова: Опыт лингвопоэтического исследования языка романов «Чевенгур» и «Счастливая Москва» и повести «Котлован» / Б. Дооге. – Gent : Universiteit Gent, 2007.

Корниенко, Н. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе / Н. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2003.

Михеев, М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки / М. Ю. Михеев. – М. : Издательство МГУ, 2003. – 406 с.

Михеев, М. Ю. О поэтике Платонова и предпочтении метонимий метафорам / М. Ю. Михеев // *Philologica*. – 2012. – Т. 9, № 21/23. – С. 205–217.

Нонака, С. Сокровенные тропы: поэтика стиля Андрея Платонова / С. Нонака. – Белград : Логос, 2019 (Се-войно : Графичар). – 179 с.

Платонов, А. Офицер и Солдат / А. Платонов. – URL: https://royallib.com/read/platonov_andrey/ofitser_i_soldat.html#0 (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. Записные книжки. Материалы к биографии / А. Платонов ; публ. М. А. Платоновой ; составление, подготовка текста, предисл., примечания Н. В. Корниенко. – М. : Наследие, 2000. – 424 с.

Платонов, А. Клуб школа / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/publ/klub-shkola/> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. 20-ая книжка, 1942 год / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/stories/yamskaya-sloboda/> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. По небу полуночи / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/novels/po-nebu-polunochi/> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. Девушка Роза / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/novels/devushka-roza/> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Платонов, А. Одухотворенные люди: Рассказы о войне / А. Платонов ; сост. и вступ. ст. В. М. Акимова ; иллюстрации М. Ф. Петрова. – М. : Правда, 1986. – 430 с.

Платонов, А. Ямская Слобода / А. Платонов. – URL: <http://platonov-ap.ru/stories/yamskaya-sloboda/> (дата обращения: 05.12.2024). – Текст : электронный.

Рыбальченко, Т. Л. Образный мир художественного произведения и аспекты его анализа : учебно-методическое пособие / Т. Л. Рыбальченко. – Томск : Издательство Томского университета, 2012. – 130 с.

Садовников, С. А. Художественные функции метафор-определений и подмены понятия в произведениях А. П. Платонова / С. А. Садовников // *Ярославский педагогический вестник*. – 2014. – № 1.

Спиридонова, И. А. Метафора и метонимия в решении темы детства у Платонова: (На материале военных рассказов) / И. А. Спиридонова // *Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы*. Кн. 3 / РАН. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) ; отв. ред. Е. И. Колесникова ; предисловие Е. И. Колесниковой. – СПб. : Наука, 2004. – С. 407–427.

Спиридонова, И. А. Природа «сокровенного» в творчестве А. Платонова / И. А. Спиридонова // *Проблемы исторической поэтики*. – 2005. – № 7. – С. 513–524.

Султанова, М. А. Особенности метафоричности языка Андрея Платонова / М. А. Султанова, Н. С. Жамашева. – URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/?&npage=view&nadd=3607> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

Хрящева, Н. П. Война и будущее человечества: разные редакции рассказа А. Платонова «Железная старуха» / Н. П. Хрящева // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. – 2024. – Т. 16, вып. 2. – С. 137–145.

Хрящева, Н. П. Философия существования и «механические» люди в военных рассказах А. Платонова / Н. П. Хрящева // *Филологический класс*. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 100–111.

Якобсон, Р. О художественном реализме / Р. Якобсон. – URL: https://hp2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/test_Biblioteka.htm (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

References

Dooge, B. (2007). *Tvorcheskoe preobrazovanie yazyka i avtorskaya kontseptualizatsiya mira u A. P. Platonova: Opyt lingvo-poeticheskogo issledovaniya yazyka romanov «Chevengur» i «Shastlivaya Moskva» i povesti «Kotlovan»* [Creative Transformation of Language and the Author's Conceptualization of the World in A. P. Platonov: The Experience of Linguistic and Poetic Research of the Language of the Novels "Chevengur" and "Happy Moscow" and the Story "The Pit"]. Gent, Universiteit Gent.

Khriashcheva, N. P. (2024). Voina i budushchee chelovechestva: raznye redaktsii rasskaza A. Platonova «Zheleznaya starukha» [War and the Future of Humanity: Different Editions of A. Platonov's Story "The Iron Old Woman"]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. Vol. 16. Issue 2, pp. 137–145.

Khriashcheva, N. P. (2022). Filosofiya sushchestvovaniya i «mekhanicheskie» lyudi v voennykh rasskazakh A. Platonova [Philosophy of Existence and "Mechanical" People in the War Stories of A. Platonov]. In *Filologicheskii klass*. Vol. 27. No. 2, pp. 100–111.

Kornienko, N. (2003). «Skazano russkim yazykom...» Andrei Platonov i Mikhail Sholokhov: Vstrechi v russkoi literature [“It is Said in Russian...” Andrei Platonov and Mikhail Sholokhov: Meetings in Russian Literature]. Moscow, IMLI RAN.

Mikheev, M. Yu. (2003). *V mir Platonova cherez ego yazyk. Predpolozheniya, fakty, istolkovaniya, dogadki* [Into Platonov's World through His Language. Assumptions, Facts, Interpretations, Guesses]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 406 p.

Mikheev, M. Yu. (2012). O poetike Platonova i predpochtenii metonimii metaforam [On Platonov's Poetics and the Preference of Metonymies for Metaphors]. In *Philologica*. Vol. 9. No. 21/23, pp. 205–217.

Nonaka, S. (2019). *Sokrovennye tropy: poetika stilya Andrey Platonova* [Innermost Tropes: The Poetics of Andrei Platonov's Style]. Belgrad, Logos, 2019 (Sevoino, Grafichar). 179 p.

Platonov, A. (1986). *Odukhotvorennye lyudi: Rassказы o voine* [Spirited People: Stories about the War]. Moscow, Pravda. 430 p.

Platonov, A. (2000). *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the Biography]. Moscow, Nasledie. 424 p.

Platonov, A. *20-aya knizhka, 1942 god* [20th Book, 1942]. URL: <http://platonov-ap.ru/stories/yamskaya-sloboda/> (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Devushka Roza* [Girl Rose]. URL: <http://platonov-ap.ru/novels/devushka-roza/> (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Klub shkola* [Club School]. URL: <http://platonov-ap.ru/publ/klub-shkola/> (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Ofitser i Soldat* [Officer and Soldier]. URL: https://royallib.com/read/platonov_andrey/ofitser_i_soldat.html#0 (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Po nebu polunochi* [Across the Midnight Sky]. URL: <http://platonov-ap.ru/novels/po-nebu-polunochi/> (mode of access: 05.10.2024).

Platonov, A. *Yamskaya Sloboda* [Yamskaya Sloboda]. URL: <http://platonov-ap.ru/stories/yamskaya-sloboda/> (mode of access: 05.10.2024).

Rybalchenko, T. L. (2012). *Obraznyi mir khudozhestvennogo proizvedeniya i aspekty ego analiza* [The Figurative World of a Work of Art and Aspects of Its Analysis]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 130 p.

Sadovnikov, S. A. (2014). Khudozhestvennye funktsii metafor-opredelenii i podmeny ponyatiya v proizvedeniyakh A. P. Platonova [Artistic Functions of Metaphor Definitions and Substitution of Concepts in the Works of A. P. Platonov]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 1.

Spiridonova, I. A. (2004). Metafora i metonimiya v reshenii temy detstva u Platonova: (Na materiale voennykh rasskazov) [Metaphor and Metonymy in Solving the Theme of Platonov's Childhood: (Based on the Material of Military Stories)]. In Kolesnikova, E. I. (Ed.). *Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy*. Book 3. Saint Petersburg, Nauka, pp. 407–427.

Spiridonova, I. A. (2005). Priroda «sokrovennogo» v tvorchestve A. Platonova [The Nature of the “Hidden” in the Work of A. Platonov]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. No. 7, pp. 513–524.

Sultanova, M. A., Zhamasheva, N. S. Osobennosti metaforichnosti yazyka Andrey Platonova [Features of the Metaphorical Language of Andrei Platonov]. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/?&npage=view&nadd=3607> (mode of access: 05.10.2024).

Yakobson, R. *O khudozhestvennom realizme* [On Artistic Realism]. URL: https://hp2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/test_Biblioteka.htm (mode of access: 05.10.2024).

Данные об авторе

Долгов Антон Александрович – ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах, специалист по учебно-методической работе, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: toni-dolgov@mail.ru.

Author's information

Dolgov Anton Alexandrovich – Assistant of Department of Russian Language and Methods of Teaching It in Primary Classes, Educational and Methodological Work Specialist, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

УДК 821.161.1-31(Леонов Л. М.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-43-55. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

**Л. М. ЛЕОНОВ: ЭСТЕТИКА МЫСЛИ.
К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ**

Дырдин А. А.

Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск, Россия)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2920-3752>

SPIN-код: 9777-2984

А н н о т а ц и я . В статье, посвященной 125-й годовщине со дня рождения Л. М. Леонова (1899–1994), рассматривается вопрос о духовно-эстетическом генезисе писателя. Творческая стратегия Леонова обусловлена постижением бытия как метафизической реальности, отражающей противоречия российской цивилизации и русского характера. Леонов относится к ряду художников с открыто проявленным национальным типом творчества. Место и роль национальной идеи в наследии классика русской литературы XX века в общих чертах осознаны современным литературоведением и критикой, писателями-почвенниками (В. Распутин, В. Шукшин). Вместе с тем духовный контекст произведений Леонова, язык и стиль, поэтика с точки зрения «внутреннего слова», способности к творческому воплощению основных идей, самобытности образа мира, специфики национального сознания исследованы недостаточно. Нередко используется упрощенный мифоцентрический подход, игнорируется духовно-символическая природа мышления Леонова. Цель нашей имеющей итоговый характер работы – выявить специфику авторской мысли, представить первооснову художественно-эстетической интуиции писателя. В статье обобщается опыт леоноведения 1960-х – начала 2000-х (В. А. Ковалев, Н. А. Грознова, В. И. Хрулев, Т. М. Вахитова, А. Г. Лысов и др.), подведены промежуточные итоги собственных наблюдений над тенденцией духовного искательства у Леонова. Авторская концепция символа как универсального инструмента познания культурного кода русской исторической жизни преобладает в художественной практике Леонова. Вступительная часть статьи содержит тезисы, намечающие переход к основной части. В ней новаторство мысли и слова писателя соотносится со спецификой его символично-реалистического метода. Методика статьи определяется философским, этнопоэтическим, духовно-культурным своеобразием исследуемых текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Л. М. Леонов; национальное самосознание; символично-реалистический метод; метафизика; метафорическое мышление

Б л а г о д а р н о с т ь : исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00905 «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской прозы: А. П. Платонов, Л. М. Леонов, А. В. Иванов».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дырдин, А. А. В Л. М. Леонов: эстетика мысли. К 125-летию со дня рождения писателя / А. А. Дырдин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 43–55. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-43-55.

**L. M. LEONOV: THE AESTHETICS OF THINKING.
TO THE 125TH ANNIVERSARY OF THE WRITER'S BIRTH**

Alexander A. Dyrdin

Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russia)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2920-3752>

Abstract. The article deals with the issue of the spiritual-aesthetic genesis of L. M. Leonov (1899–1994) in connection with the 125th anniversary of the writer's birth. Leonov's creative strategy was formed under the influence of the comprehension of being as a metaphysical reality, reflecting the contradictions of Russian civilization and Russian character. Leonov belongs to artists with an openly manifested national type of creative activity. The place and the role of the national idea in the heritage of the classic of the Russian literature of the 20th century are generally described by modern literary criticism and *pochvennik* writers (soil writers) (V. Rasputin, V. Shukshin, etc.). At the same time, the spiritual context of Leonov's works, his language, style and poetics have not been sufficiently studied from the point of view of the "inner word", the ability to creatively embody the main ideas, the originality of the image of the world, and the specificity of the national consciousness. Leonov studies often employ a simplified mythocentric approach, which ignores the spiritual-symbolic nature of the writer's thinking. The aim of this final stage of the research is to identify the specificity of the author's thinking and to present the primary basis of the writer's literary-aesthetic intuition. The article summarizes Leonov studies of the 1960s – early 2000s (V. A. Kovalev, N. A. Groznova, V. I. Khrulev, T. M. Vakhitova, A. G. Lysov, etc.) and presents the intermediate results of the author's own observations on the trend of spiritual search of Leonov. The authorial concept of the symbol as a universal tool for cognition of the cultural code of Russian historical life prevails in Leonov's artistic practice. The introductory part of the article contains theses outlining the transition to the main part. In this part, the innovative nature of the writer's thoughts and words correlates with the specificity of his symbolic-realistic method. The methodology of the article is determined by the philosophical, ethno poetic, and spiritual-cultural originality of the texts under study.

Keywords: L. M. Leonov; national identity; symbolic-realistic method; metaphysics; metaphorical thinking

Acknowledgments: The study is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00905 "Aesthetic Meanings and Fractal Poetics of the Latest Russian Prose: A. P. Platonov, L. M. Leonov, A. V. Ivanov").

For citation: Dyrdin, A. A. (2024). L. M. Leonov: The Aesthetics of Thinking. To the 125th Anniversary of the Writer's Birth. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 44–56. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-3-46-55.

«Имеет силу национального пароля...»

В. Распутин

Введение

Слова, взятые в качестве эпиграфа к статье, принадлежат младшему леоновскому современнику, произведения которого представляют собой сгущенное художественно-эстетическое пространство, наполненное целостными образами – носителями национальных смыслов. Как было сказано Распутиным, Леонов, после создания «Русского леса», «книги мудрой и доброй, многоплановой и многоструйной, тревожной и целительной, своего рода охранной грамоты русской жизни <...> по праву встал рядом с Тургеневым и Толстым» [Распутин 2007: 290]¹.

Художественное видение Леонова порождает глубокую интуицию национального мировоззрения, осложненной множеством историко-культурных ассоциаций. Мысль его метапоэтична, связана с риторикой античности, христианской экзегетической традицией, что с особой силой явлено в его творческом завещании – романе «Пирамида». В нем нашли отражение синтез художественной философии и мифомышления, преобразование жизненного материала на почве символов и культурных топосов, апокрифических легенд, притч, апокалипсических пророчеств.

Леоновская образно-смысловая система соединяется с «резонантным пространством» (В. Топоров) русской литературы через стилистические реминисценции, «вплоть до орнаментального стиля Даниила Заточника» [Степанов 2001: 161]. Писатель-мыслитель устремлен не только «за горизонт зримости» [Леонов 1994, т. I: 7]. Основная траектория миропознания Леонова определяется задачей изображать изломы судьбы русского человека «в обеих ипостасях реальности и нереальности» [Леонов 1994, т. I: 32]. Мышление Леонова синхронично. Способность объединять многообразные философские концепции, научные факты и гипотезы в неразрывное целое объясняется интегративным характером мысли писателя. Он без затруднений переходит от мифологии, научных представлений о мироустройстве к событиям всеобъемлющего значения: судьбам России и всего человеческого рода. Затем эта генеральная идея, усиленная подробностями быта и нравов, переводится в систему смысловых координат, в «иероглиф образа, в нем ключ к непосильному, с уймой неизвестных уравнению...» [Леонов 1994, т. II: 80]. Исходная предпосылка художественной идеологии Леонова – ценностная сфера русской классической литературы XIX века, психологический реализм Л. Н. Толстого и «христианский реализм»

¹ Распутину принадлежит одна из самых пронизательных характеристик творческого облика писателя-философа: «Леонид Леонов при сотворении его художником сразу и щедро был вырублен из лучшего куска того материала, из которого кроются немереной силы мастера. Всё в нем было просторно, размашисто, могуче и красиво – и письмо, и речь, и взгляды, и суждения, и ум, и сердце, и талант общения, и ненасытный интерес к жизни и знаниям» [Распутин 2007: 288].

(В. Н. Захаров) Ф. М. Достоевского.

Правило творческого поведения писателя – выверять собственные поиски духовной высотой русской словесности. Отсюда, из сопричастия русской истории и культурной памяти, вырастает корпус леоновских текстов, целокупный образ Руси-России. Побудительные стимулы к писательскому труду Леонов находил не только в жизни, искусстве, духовной культуре, античной и классической философии. Для его мыслесловия существенное значение имели математика, астрофизика, топология, их логико-смысловые конфигурации².

Ниже, в последующих разделах нашей статьи, мы попытаемся определить эстетику образной мысли Леонова, отталкиваясь не только от категорий прекрасного и трагического. Речь пойдет о смысловых рядах, духовно-ценностных факторах «цельности мировоззренческого стиля» (С. С. Аверинцев), составляющих интеллектуальный универсум писателя.

Теоретико-методологические принципы исследования

В статье применяется системный подход, представители которого реконструируют идейно-образный мир Леонова, создаваемый в русле духовных исканий русской литературной классики, духовно-нравственных первооснов национального самосознания. Разработана система взаимосвязанных, дополняющих друг друга методик анализа текста, а также концепция фрактальности, примененные с целью истолкования леоновского мышления, его форм и структур. По отношению к предшествующему исследовательскому опыту наш подход избирателен. Методология статьи опосредуется телеологическими принципами трактовки художественно-философских открытий, эстетики творческого труда, развитыми в работах леоноведов старшего поколения и современных исследователей. Акцентирован принцип зависимости леоновских образности и языка от авторской идейно-художественной позиции. Аналитические установки статьи сложились на основе обобщения того литературно-критического опыта, который способствовал зарождению (начало 1950-х – конец 1970-х гг.) и утверждению (1980-е – начало XX века)

² В комментариях Т. М. Вахитовой (1946–2022) к публикации материалов бесед Л. М. Леонова с Н. А. Грозновой приводится фраза из воспоминаний гл. редактора журнала «Наука и жизнь» В. Н. Болохвитинова о беседе Леонова с физиком Л. Д. Ландау, подтверждающая леоновское знание формул скорости света, моделей вселенной: «Лев Давидович быстро набросал формулы. Леонов их знал. Но ему хотелось другого, “мускульного”, реального, поэтического их выражения. Он добивался: так что же все-таки произойдет с телом, если оно подошло к границе, очерченной эйнштейновским запретом? И он высыпал на голову Ландау формулы и Хаббула, и Леметра, и Доплера, и Фицджеральда...» [«Надо искать философский, религиозный ключ...» 2004: 26–27]. Об этом, а также о поездках в Загорск (Сергиев Посад), посещениях Троице-Сергиевской Лавры, беседах Леонова с ее обитателями, профессорами Духовной академии, ректором – архим. Александром (Тимофеевым) см: [Раушенбах 2017].

леоноведения как одной из ветвей нынешней отечественной науки о литературе.

Истоки творческого самоопределения. Эстетическая позиция Леонова

В художественном сознании Леонова объединились древнерусская эстетика, реализм XIX столетия и поэтика Серебряного века с ее философским символизмом и метафоричностью. Писатель продолжил социально-философские поиски советской литературы, в которые внес свой опыт образного познания действительности. Главное в леоновских книгах – тяга к рефлексии о человеческой душе, об устройстве мироздания, о России, ее своеобразности и духовно-нравственных корнях.

Высказываясь по поводу проникновения автора «Войны и мира» в жизнь простых людей, Леонов говорил не только о «поразительной точности толстовского мышления и подгонки к нему толстовского языка» [Леонов 1984, т. 10: 421], но и о своеобразном народном кенозисе. Важное звено в этом контексте – аскетическое опрощение Толстого, самоограничение, «посоланный трудовым потом хлеб», способный «утолить терзающий нас душевный голод» [Леонов 1984, т. 10: 433]. При этом Леонов-мыслитель спешит уточнить: «вся родословная страданий людских показывает, что, кроме небесного осияния в душах, ужасно много требуется людям для сносного существования <...>. Список людских нужд, скрытый в евангельский рубрике – остальное, открывается хлебом насущным» [Леонов 1984, т. 10: 435].

Оставаясь строгим к самому себе, Леонов верен принципам народной психологии труда. Работать усердно, проникать в материал на полную глубину – главные леоновские правила, которые, как и «пытка бумагой», поиск «равноценной сущему абсолютной строки» [Леонов 1984, т. 10: 520], становились нормой, подготовившей возникновение самоценного художественного образа. Генезис всеохватной жизненной мысли писателя определен А. Г. Лысовым, прочитавшим «Пирамиду» как «роман-гнозис (здесь и далее курсив авторский. – А. Д.), замешанный на ренессансном, гармоническом сочетании многообразных дарований Леонова, на его великом творческом опыте (ровесник XX века) писателя, ученого, поэта, прекрасно владевшего и стамеской, и штихелем, и кистью живописца» [Лысов 2004: 213]³.

Процесс леоновского творчества можно назвать закрытым: он редко показывал черновики даже близким людям, запрещал публиковать ранние рассказы, по несколько раз исправлял законченный, казалось бы, текст.

Леонов постоянно совершенствовал свои

³ По А. Лысову, роман-завещание Леонова – «персонификация соловьевского идеала всеединства знания, <...> энциклопедичности его знаний в сфере культуры, специальных областях: от естественных наук, математики, физики до военного дела, не считая знания языков, детального живого ведения сфер национальной культуры, ветвей русского «народного православия» [Лысов 2004: 213].

произведения. Почти все они существуют в нескольких редакциях. Так, роман «Вор» перерабатывался четыре раза (первая публикация – «Красная новь», 1927, четвертая версия подготовлена в начале 1990-х гг.) В новых вариантах текста появляются вставки, переписаны многие страницы. Эпизоды, монологи и диалоги, авторские отступления и ремарки исправлены с точки зрения стиля, соответствия ситуации, смыслу речевого события⁴.

В обстоятельном отношении к своим созданиям обнаруживаются крестьянская жилка писателя, навык искусного мастерового. Предельное усердие в любой работе – родовое леоновское качество. Мечтавший в юности стать художником, он увлекался художественной фотографией, резьбой по дереву, коллекционировал редкие растения. Сам перекопал и осушил землю на арендованном еще до войны участке в Переделкино, превратив его в небольшой «ботанический сад». Леонов сохранил привычку к труду и тогда, когда будет «старить» бумагу для своих первых рукописных произведений, выписывать буквы на церковнославянском языке, украшать текст рисунками в стиле иконных клейм. Заниматься столярным, слесарным, токарным делом, мастерить мебель Леонов продолжал вплоть до середины 1970-х.

По отцу и матери корни Леонова – крестьянские. Дед и прадед были деревенскими жителями (Калужская и Ярославская губернии). Отец, Максим Леонович Леонов, родившись в калужском селе Полухино, переехал с семьей в Москву, стал известным поэтом-народником, книгоиздателем, выпускал газеты и журналы.

Свой литературный путь Леонов начинает с поэзии. Первые стихи будущий писатель публикует в редактируемой отцом архангельской газете «Северное утро» летом 1915 года. Позднее были написаны рассказы в сказовой манере. В 1917 году юный литератор – с оглядкой на фольклорный образ младшего брата – сочиняет сказку «Царь и Афоня». Ранние произведения, такие как «Деяния Азлазивона» (1921), рассказ «Про неистового Калафата», вошедший в роман «Барсуки», создаются по образцам духовных стихов, древнерусской житийной прозы. Дальше в его биографии будут добровольное вступление в Красную армию, Южный фронт, Крым, снова Москва, работа в редакции газеты Московского округа «Красный воин» и неудачная попытка поступить в университет.

За три четверти века участия в литературном процессе (начало 1920-х – август 1994 года) Леонов напишет десятки рассказов, множество очерков, публицистических и литературно-критических статей, повестей, пьес, семь философских романов. Не потеряли своего значения работы Леонова-критика, посвященные автору «Горя от ума», А. М. Горькому, А. П. Чехову, Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому, драматургии Шекспира.

Леоновские произведения – от содержащих отклик на события Октября, которые захватили все сферы русского самосознания, от «Барсуков»

⁴ См. об этом: [Вахитова 2009].

(1924) и «Вора» (вышел в 1927 г.), картины строительства бумажного комбината на волжском притоке («Соть», 1930) до философско-мистической «Пирамиды» (1994) – воплотили многовековую историю духовной и социальной жизни Руси-России. Реальные перемены в человеке эпохи социализма запечатлены в романе на тему вранства старой интеллигенции в новый мир «Скутаревский» (1930–1932), фантастическом сюжете «Дороги на Океан» (1933–1935), философско-психологической повести «Evgenia Ivanovna» (1938–1963).

Замечательны местнографические зарисовки Леонова, проникнутые чувством любви к родной стране: «Падение Зарядья», «Послесловие Зарядью». Патетика статьи о Москве («Наша Москва», 1941), репортажей с Харьковского и Нюрнбергского процессов, в которых разоблачается миф о «первородстве Запада», связана с воскрешенным в ходе Великой Отечественной войны национальным достоинством. Высоким патриотизмом проникнута публицистика 1940-х годов и изданные в 1960-е – 1980-е годы статьи в защиту «зеленого друга», культурно-исторических памятников Отечества.

Героину и нелегкую правду о войне раскрывает драматургия Леонова: драма «Нашествие» (1942), трагические сцены «Лёнушки» (1943), повесть о подвиге экипажа танка Т-34 «Взятие Великошумска» (1944), четыре действия «Золотой кареты» (1946, 1955, 1957). Пьесы, объединенные идеей исторической памяти, верой в победу, передают перемену духовного состояния общества.

«Русский лес», удостоенный Ленинской премии (1953), – первый в ряду философски полноценных произведений русской советской литературы о сакральном отношении народа к природе. Роман строится на зеркальности сюжета и характеров, образа леса и судеб героев. Смысловая симметрия проявилась в нем на уровне языка, а также в философской символике, разветвленных метафорах. Образ леса в романе – объективный знак исторической географии России, субстанциональная часть русской природы, фольклорный архетип. Идиома «Русский лес» – метонимия народной судьбы – являет собой метафору взаимосвязи двух миров: человеческого и природного⁵. Автор лесной эпопеи переходит от изображения минувшего к настоящему. Ленов отдаст центральному герою – «лесному профессору» Ивану Вихрову – собственную сокровенную мысль: «любовь к родине, чем пишется национальная история, немислима без бережного обхождения с дарами природы, представленными в распоряжение не одного, а тысячи счастливых и разумных поколений» [Леонов 1984, т. 9: 175]. Верность долгу и Отечеству осмыслена Леоновым в единстве с мотивом спасения российской «зеленой казны».

Универсализм леоновского эстетического сознания проявился в поиске ответов на злободневные вопросы XX столетия: пути человечества в эпоху духовного Апокалипсиса, будущее культуры и человеческой цивилизации. Построив своими

произведениями своеобразную «моральную вселенную», Леонов предупреждает об угрозе всеобщего поклонения «золотому тельцу». В противовес торжеству «грядущей сытости», строительству новой вавилонской башни, он приглашает людей к подлинной жизни.

«Пирамиду», последнюю книгу писателя, отличает взаимопроникновение эстетического и религиозно-мистического опыта. На последнем этапе его творческой жизни усиливается роль метафор, отсылок-аллюзий, реминисценций, метафорических реплик из Священного Писания⁶.

Смысловой центр раздумий писателя-философа над антиномичным полярным естеством человека, суть его антропологии, составляют христианские идеи – идеи творения, грехопадения, конца света и возможности спасения души. Для того чтобы сюжетно означить эти авторские предикаты, Леонов отсылает читателя к евангельскому эпизоду допроса Иисуса Пилатом, прокомментировав безверие римского наместника Иудеи: «<...> и скептический разум не прочь заглянуть за черту логической видимости, вопреки всегдашнему опасенью остаться в дураках» [Леонов 1994, т. I: 394]. Матвеем Лоскутову – священнику расположившейся на окраине Москвы церкви, снесенной в конце «десятимесячной старо-федосеевской эпопеи» [Леонов 1994, т. II: 663] – предстоит пережить религиозную трагедию, вызванную искусом вероотступничества. Наделяя своего протагониста способностью найти путь к истине, Леонов оттеняет духовно-действенный смысл слова. Указывается его особое, «полусознательное начертание» в сознании героя, на то, «что оно есть личного пользования достояние, – м е д бытия, но я д – как <...> обязательный кодекс норм, параграфов и эталонов» [Леонов 1994, т. I: 395].

Как и в эстетическом умозрении Достоевского, в произведениях Леонова идеальный и реально-исторический уровни бытия нерасторжимы. А. Г. Лысов, сравнивая леоновское ценностное отношение к природным основам национальной души с ее христианской огласовкой у А. Платонова, заявлял, что абсолютное по ходу исторической жизни может «оплотняться». Сверх того, литературовед пишет о небесно-земной дихотомии мыслеобразов Леонова, рекомендует отказаться от прочтения его текстов на «удобном», первом этаже смысла. Нужны «весь образно-метафорический “небоскреб в разрезе”, понимание и фундаментальной глубины основания, и высоты, достигнутой при таком расчете художественной конструкции. Только тогда и будет осознана направленность структурных компонентов романа, их ориентированность на сферу идеала» [Лысов 2005: 124].

Богатство словарного запаса Леонова удивляло всех пишущих о нем. В составе языка ровесника XX века мы видим самые разные слои русской лексики: просторечно-разговорный, диалектный, изводы старославянского языка: московский (старобрядческий), современный (язык богослужения

⁵ Подробнее см.: [Дырдин 2023].

⁶ См. об этом: [Дырдин 2023].

Русской православной церкви)⁷, живую речь советской эпохи. Авторский язык – вместе с энциклопедичностью – несет в себе элементы философского сознания.

К многоаспектному исследованию русской культуры, ее религиозных, народно-православных оснований ведет эстетическое чувство, в котором сходятся повседневное с ненарушимыми бытийными установлениями. Художник метафизической направленности, Леонов соединяет в своем творческом сознании три типа мышления: художественное, философское, образно-символическое (метафорическое). Это диалектический синтез вымысла, визуального зрения, являющегося атрибутом пластических искусств⁸ и составной частью личного опыта живописца.

Национальное сознание и эстетика Л. М. Леонова

В леоновском художественном мышлении сплавляются метафизическое начало и объективное, достоверное отображение действительности. Мыслительное пространство текста складывается с помощью многослойной символики. В леоновской философии природы нашли отражение натурфилософские идеи начала XX века. Глубинные измерения человека и природы связаны у Леонова с русским космизмом, эстетикой П. А. Флоренского. Философ и богослов, инженер, священник и филолог соотносил эстетический критерий ценности с проблемой символа. Флоренский находит в вещественных формах, таких как предметы искусства, культовые знаки, иконы, внутреннюю ценность. По его убеждению, «графический образ, подобно слову, может служить для выражения определенных идей в самых различных планах сечения, но сами по себе эти идеи и их носители – графические образы – лежат вне индивидуальных интерпретаций, они составляют достояние всего человечества» [Флоренский 1996: 570].

Леонов тяготеет к идеям русской историософской мысли. Из представления об исходном бытийном начале, вобравшем «<...> в себя множество философских ипостасей, национально окрашенных фантастических мифов» [Леонов 1984, т. 10: 547], возникла художественная реальность, которая разворачивается как соотношение субстанционального и эмпирического, мира идей и мира вещей. События и характеры, доведенные до художественной завершенности, перемещаются в иносказательный, ассоциативный план. Авторская

«философия жизни» согласована с народным миропониманием, с материально-предметным слоем русского быта. Изучая леоновские тексты в этом аспекте, С. Г. Семенова обратилась к леоновскому воссозданию «смысла жизни в самой жизни, в ее пахучей плоти, неисчерпаемости красок и форм, в игре стихийных сил инстинктов, в ее гармонии и контрастах» [Семенова 2001: 35]. Отсюда у Леонова – духовно-национальный срез окружающего мира, земной круг человека: природа, созданные им сооружения и вещи, предметная культура, метафизика простых вещей: «И только человеческим бытием всё связано воедино в прочный и умный узел. Не было бы человека на ступеньке, задумчиво следящего за ходом вещей, – не облетали бы с деревьев последние листья, не гонял бы их незримым прутиком по голому полю ветер – ибо не надо происходить чему-нибудь в мире, если не для кого!» [Леонов 1982, т. 3: 9]. В поисках онтологической меры идеального и материального бытия Леонов объединяет его верхние и нижние горизонты, захватывая сферу субъективную – собственное существо. Духовная среда автора является промежуток, точкой перехода от жизненных коллизий к образному воплощению авторского замысла.

Принципы множественных отношений человека и мировых реалий, зеркального воссоздания высших ценностей – «большого в малом», – неделимости мысли и дела, идея двоящегося пространства выразились уже в ранней романистике Леонова.

Картины традиционного жизненного уклада имеют кардинальное значение для характеристики персонажей романа «Барсуки» (1923–1924) – от запряженного тройкой ямских лошадей тарантаса, бытовых устоев зарядьевского купечества и ремесленников, запахов и красок бакалейных лавок, трактиров и харчевен до древней церквушки Николы Мокрого и повседневного труда шапочника Катюшина. Леоновскому герою предназначено не только «нестареющей рукой простегивать картузы и меховые шапки для покрытия чужих голов» [Леонов 1982, т. 2: 21]. Был он автором виршей «о горькой доле подневольного мастерового люда» [Леонов 1982, т. 2: 22]. В корзинке зарядьевского кустаря-стихотворца хранились книжки народных сочинителей «с незатейливой песней о любви, о нищете, о полынной чаше всяческого бытия» [Леонов 1982, т. 2: 22]. Неслучайно упомянуто то, что доставляет радость катушинской жизни – чтение книг. С Сенькой, младшим из братьев Рахлеевых, будущих романтических антагонистов, шапочник-грамотей поделится впечатлением от хороших книг: «прочтешь, точно в баньку сходишь» [Леонов 1982, т. 2: 22].

Баня – неотъемлемая черта русской природы. История бани на Руси, отзывы о ней М. Шолохова, А. Толстого, А. Твардовского, Вяч. Шишков, П. Васильева, П. Орешина, С. Клычкова составили неизданный том леоновских сочинений. В. А. Десятников, ознакомленный с собранными Леоновым за 55 лет (с 1927 г.) материалами о традициях «банного мытья», охарактеризует их как ценный

⁷ А. В. Степанов, называя версию языка «Пирамиды» «коварной своей стилистической природой», отмечает, что Леонов ввел в текст «церковнославянскую лексику и фразеологизмы из так называемого “церковного жаргона” (т. е. языка народного православия. – А. Д.) на широкое восприятие ее исконной аксиологией (наукой о добре) и народной герменевтикой» [Степанов 1999: 67–68].

⁸ Экфрастическое мастерство Леонова, обращение к образам мировой и отечественной архитектуры, живописи, музыки рассмотрены А. А. Дырдиным и Ю. В. Жуковой в работах 2018–2022 гг., опубликованных в журналах «Проблемы исторической поэтики» и «Филологический класс». См., например: [Дырдин, Жукова 2022].

источник знаний о русском этносе⁹.

Процесс рождения художественной плоти образа демонстрирует комментарий Фирсова – «двойника» писателя из леоновского «Вора»: «Начиналась мучительная пора, когда только проступившие из небытия еще зыбкие герои, в чужой, пока, перепутанной одежде, с неустоявшейся речью, занимают отвденные им места, и требуется ужасное напряжение воли, какое-то почти магическое слово – заставить эти клочья ожившего тумана вступить в правдоподобную игру, смеяться и плакать – так, чтоб над ними прослезилась современники» [Леонов 1984, т. 5: 125].

Пролог романа открывается мелодией, объединяющей философский и объективно-конкретный уровни произведения. Вот как передано это чувство, движение от обыденного к предельным горизонтам, от природной жизни к духовной стороне дальнего пути: «<...> лежат просторы незастроенной земли, чтоб на них родился и отстрадав свою меру, окончился человек <...>. И только человеческим бытием все связано воедино, в прочный и умный узел. Не было бы человека на ступеньке, задумчиво следящего за ходом вещей, – не облетали бы с деревьев последние листья, не гонял бы их незримым прутиком по голому полю ветер – ибо не надо происходить чему-нибудь в мире, если не для кого» [Леонов 1984, т. 5: 9].

Мышление художника, которое определено нами как символично-реалистическое, относится, по современной лингвистической классификации, к герменевтическому типу¹⁰. Метафора «незримый прутик» – один из примеров метонимической метафоры, переносного употребления слова, определяющего смысловое развитие образности Леонова.

Важнейшее свойство эстетики писателя философского склада – символизация идей. Он использует формы мифа, видения, сна, «всякого рода откровения – все это быстротекущее, ускользающее чудо бытия» [Леонов 1984, т. 10: 551]. В них, а также в философских фрагментах повествования проявляется отсылающая к народнопоэтической традиции, эстетике русского фольклора стилизованная особенность. Она, по замечанию А. В. Степанова, выражена во «всеохватывающей неожиданной реакции на любое слово русского языка и *русскоязычия* XX века, в его неограниченной способности на окказиальную сочетаемость» [Степанов 2001: 158].

⁹ Владимир Александрович Десятников – художник, искусствовед, реставратор икон. В пятитомном «Дневнике Русского» [Десятников 2010–2013] восстановил неизвестные эпизоды леоновской биографии. На протяжении нескольких десятилетий был собеседником Л. Леонова, сопровождал его в поездках по святым местам России (Троице-Сергиева лавра), прогулках по Москве. Будучи одним из литературных секретарей Леонова, принимал участие в подготовке к печати «Пирамиды», читал ослепшему автору фрагменты первого (журнального) издания романа.

¹⁰ Современный последователь лингвофилософского подхода к художественному тексту Л. О. Чернейко пишет, что в данный тип – с акцентом на восприятие и познание – входит чувственное (предмет проецируется на предмет: стена теней), символическое мышление (абстракция проецируется на предмет: стена непонимания) [Чернейко 2021].

Фрактальная теория и форма леоновской художественной мысли

Произведения Леонова исполнены интенсивной работой мысли и памяти, позволяющей аккумуляровать логосные основания религиозных учений, искусства и науки¹¹. Перечисление библейских пророков, христианских богословов, философов, писателей, живописцев заняло бы несколько страниц. Все они наделяются референтной, посреднической возможностью, помогая генерировать новые идеи и емкие мыслеобразы. Энциклопедический кругозор Леонова – предпосылка становления мыслительной структуры его книг, симптом рефлексивного типа мышления писателя и принцип поэтики. Проблематика им созданного воплощается в едином образном поле, куда входят, помимо вымышленных героев, деятели русской и мировой истории, религиозно-мифологические, литературные герои. В этом мире, собранном из множества природных и бытовых картин, сюжетных топосов, разноплановых ассоциаций, рождаются индивидуальные леоновские метафоры, сосредоточения многослойного смысла. Леоновым выстроена анфилада семантических значений. Это целостная онтологическая система, которая выводит писателя на уровень недожинного философа, художника, по-новому претворившего образы-представления предтеч, мыслителей и литературных гениев античности, Средних веков, эпохи расцвета европейской и отечественной культуры. Такое «содружество» идей и имен содействовало построению надежных звеньев леоновской эмблематики. Писатель-философу открылись эстетические измерения, укрепляющие его символично-реалистическое сознание. Символы и метафоры стали у Леонова формой кодирования художественной действительности. В то же время он верен принципу непосредственного изображения жизни, согласуя символы и иные средства выразительности с синтетичностью реалистического метода.

Интерпретация наследия Леонова – создателя жанра философской прозы с богатой системой метафор, обладающих свойствами фрактала¹², – намечает новое направление изучения его творчества.

Конструктивны в случае Леонова идеи синтеза искусства и естественных наук. Без этого взаи-

¹¹ Энциклопедизм мировоззрения сближает Леонова с философией и наукой так же, как словесная изобразительность, используемые им пространственные формы и символы – с графикой и живописью.

¹² Термин «фрактал», который характеризует пространственно-временную организацию текста у Леонова, заимствован из языка математика Бенуа Мандельброта. Применяя формулы линейной геометрии пространства Г. Кантора и Г. Минковского для обозначения дробных размерностей, он основал учение о фракталах – самоподобных объектах с бесконечно повторяющейся структурой. Опираясь на теорию Мандельброта, М. Г. Старолетов распространяет идею фрактальности на сферу психолингвистики. Для него каждый неоднолинейный словообраз – это смысловой фрактал, пружина «развертывания» глубинного смысла в структуре текста» [Старолетов 2005: 86]. О теоретическом значении и методологической ценности идей фрактальной геометрии см.: [Волошинов 2002; Морозов 2022].

модополнения сфер знания и способов осмысления окружающего мира остаются непонятыми эстетические ориентиры писателя. Форма леоновского художественно-философского мышления стереоскопична. Для ее раскрытия требуется пространное цитирование. Интонациональность и наполнение выговоренной мысли зависят от активности двух сторон художественного сознания: выразительной силы образов и логических построений, «интегралов», «логарифмов мысли» (Леонов). Названные мыслеобразы служат авторскими указателями в пространстве итеративных идей, взаимопроникающих мотивов литературы и мифологии, философско-исторических концепций.

В. А. Ковалев сравнивает эволюцию леоновской мысли с движением по спирали. Символика этой геометрической формы заложена в названии фрагмента «Пирамиды», опубликованного в 1987 г.¹³ «Движение по спирали, виток на новом уровне» [Ковалев 1974: 289] – так «формализуется» координата леоновского мировидения. По мнению леоноведа, планетарное мышление Леонова сопряжено с проблемой призвания и места человека в мире. Это взаимодействие эстетически и социально значимых изменений в обществе богато содержанием.

Подхватывает традицию изучения леоновского нелинейного мышления Н. И. Зайцев. Расшифровывая мировидческие иероглифы «Пирамиды», «леониды» и «радианты» (термины Н. И. Зайцева) образного строя романа, филолог и публицист обратился к поэтической оптике прозы Леонова, «где метафора свободно переходит симфорическое и параболическое поля и начинает разыгрывать Баха, притягивая емкостью метонимических аллюзий, иронией и философской символикой образов» [Зайцев 2009: 257]. Н. И. Зайцев считает, что «нанотехнология письма», «рентгенокопия со знаками на микроволновом уровне» [Зайцев 2009: 257] появились у Леонова много раньше – в 1930–1940-е гг. Филолог и публицист задается риторическим вопросом: в «Пирамиде» «ультрафиолетовая ключевая форма должна была стать единственно найденной, совершенной глубокою емкой и легкой для читателя, – ибо кто сказал, что человек и роман должны быть легкодоступным чтивом?» [Зайцев 2009: 258]. Вне сомнения, без синтезирующих научное знание и опыт литературы словоформ читателю непросто уловить подлинный смысл ассоциаций и метафор, «спирально-ячейистой конструкции гуманистической космогонии Леонова» [Зайцев 2009: 259]¹⁴.

В XIII главу первой книги «Пирамиды» введено уравнение, содержащее математические координаты места во Вселенной героев романа и само-

го автора-персонажа¹⁵. Ангел Дымков нарисует «чертеж махины сущего» «почти по Лоренцу, пальцем по свежьевывавшему снежку» [Леонов 1994, т. II: 163]. И далее дается «инженерная схема мироздания», переплавляются компоненты визуального и образно-символического умственных порядков: «Машина мира выглядела символическим кружком из двух внутри близнецов-головастиков, как у древних китайцев обозначалась структура неразрывного и равноправного единства противоположностей – света и тьмы, зимы и лета, плюса и минуса в данном случае» [Леонов 1994, т. II: 168].

В. В. Компанеец и Ю. А. Ковалева прочитывают закатный роман Леонова в той же парадигме. Система символов привязана к геометрическим формам и знакам, их смысловым метаморфозам. Исследователи свободно оперируют объемными фигурами для того, чтобы придать им особенную, концептуальную весомость, провести параллели между ними и композицией, наделить идеологическим, социальным значением.

Главное геометрическое тело, через которое осуществляется связь реальности и символической мысли писателя, – пирамида. За этим повторяющимся образом-конструктом закреплена функция синекдохи, соотнесения графических схем с романским содержанием. Пирамида означает в первую очередь социальную страту, властную структуру «с абсолютным властелином на вершине плотной плутократической элиты, а ниже – прочие порабощенные касты от чиновничьей знати до безгласой, раздавленной тяжестью верхних черни, рабы» [Леонов 1994, т. II: 56–57]. Второй раз пирамидальный символ появляется на знаменах «двух еще более непримиримых, чем даже в наши дни, лагерей человечества при их финальном столкновении» [Леонов 1994, т. II: 57]. Вадим Лоскутов – сочинитель этой графической идеограммы – «машинально, ногтем по клеенке», прочертил условные символы: – и \wedge . «В конечном счете, “теория тире” переходит в “теорию клина»» [Компанеец, Ковалева 2005: 47]. Видя в абстрактной форме пирамиды схему государственного устройства, исследователи леоновских графических форм констатируют: «При наложении клина на тире получаем равнобедренный треугольник, элементарное изображение пирамиды» [Компанеец, Ковалева 2005: 47].

Логико-смысловая организация текста в произведениях Леонова напрямую зависит от восприятия мира в контексте национальной истории, философски развитых представлений о миропорядке. Наряду с этим, его полиномичная мысль облачена в плоть, является одним из состояний материи: «мысль рисуется шестую, после пяти предшествующих, фазой единого вещества и очередной ее уже мерцающей ступенькой при восхождении в запредельную и все еще не окончательную высь, откуда раскрывается глубинная па-

¹³ См.: Леонов Л. М. Спираль (отрывок) // Роман-газета. 1987. № 13 (1067). С. 86–89.

¹⁴ Н. И. Зайцев подчеркивает, что леоновская развертка мироздания в пространстве и времени «выглядит надмирной в сравнении с мерно текущей народно-поэтической стихией, этой первородной сущности жизни» [Зайцев 2009: 259]. При всем том, «игра на логарифмах» остается важным приемом символизации у Леонова.

¹⁵ Д. В. Заваров пишет о противостоянии реального Леонова и «его “альтер-эго”»: автора Леонова неуправляемого, самовольного и не признающего главенства и авторитета писателя Леонова» [Заваров 2023: 116].

норама мироздания» [Леонов 1994, т. II: 235].

Леонов заимствует из формального языка математики знаки графического алфавита. Принципиальная для понятийной системы автора «Пирамиды» схема разворачивается в «Западне» – 2-й главе последней части романа. По идейно-символическому содержанию она автономна, представляет собой значимый элемент онтологической логики писателя. Смысл леоновских логограмм, символизирующих жизнь обитателей планеты в государствах с различным общественным и политическим строем, выражен в тираде востоковеда Филуметьева: «В той отдаленной, практически немислимой стадии, если совместно не перешагнуть бездны, оба тезиса, утратившие первичный смысл и все еще непримиримые, переродятся в разнополюсные иероглифы тире и клина (т. е. прямой линии и острого угла. – А. Д.) сообразно их социальным построениям: двигаться к солнцу в братской шеренге, плечом к плечу или кометой устремляться в ночь с единым мозгом на острие и несметным людским роем позади, чтобы где-то за рубежом истории взаимно исчезнуть в братском объёме короткого замыкания, вторая подразумеваемая вами версия, кончается рабством, что сто- крат хуже...» [Леонов 1994, т. II: 224].

Формы воплощения мысли в художественном мире Леонова разнообразны. Это мотивы, несущие в себе концепты мировой и христианской культуры, вставные фрагменты – от эпиграфа и эпиграфы до снов, видений, исповедей, сюжетов сказок, легенд, имен героев, метафорических образов. Конструктивным компонентом сюжетно-смысловой логики у писателя философского склада является закольцовывание дискурсивных сцеплений – «знаковых фигур семантико-поэтического повтора» [Якимова 2022: 232]. В них сосредоточены идеографические доминанты текста. Они, концентрируя энергию художественной мысли, создают особую интенциональность повествования. Вложенные в форму перифраза, синекдохи эти фигуры приобретают эстетическую ценность.

Леонов неоднократно включает в текст «Пирамиды» другие формы символизации социальных реалий. Идейно-конструктивным звеном романного повествования станет живописный экфрасис. Вадим – один из романых героев-идеологов – проводит образную параллель: «Улов рыбака Брейгеля, где в нисходящем порядке показана целая галерея рыбин одной и той же породы, причем у каждой, начиная с великанши, из разверстой пасти торчит головица проглоченной жертвы, и без микроскопа не рассмотреть добычу малька, едва-едва вышедшего из икринки» [Леонов 1994, т. II: 225]. Здесь использован метафорический перенос, наложение рамки мышления писателя-философа на образы-идеи нидерландского живописца и графика Питера Брейгеля старшего.

Семантико-эстетическая функция леоновских «интегралов» может быть раскрыта через категорию фрактальности. Сегодня понятие о фракталах – рекурсивных геометрических структурах – вторгается в пространство гуманитарных наук (см.:

[Хандогин 2019]). Фракталы, поняты как безграничная метафора, способствуют перенесению смыслов из одного класса объектов в другой. Подобную семантическую модель находят в «Двенадцати» А. Блока [Волошинов 2007].

Изучение художественного мира Леонова с использованием фрактальной концепции ведется нами в рамках проекта «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской прозы. А. П. Платонов, Л. М. Леонов А. В. Иванов», поддержанного грантом РНФ (см.: <https://www.rscf.ru/project/23-28-00905>, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53913376>). Обсуждение работы коллектива в 2023 г. на семинаре и сайте проекта показало действенность избранного подхода. Эффективным оказалось применение фрактальной «оптики», философско-эстетических категорий самоподобия и повторяемости при анализе композиции у А. Платонова, его драматургии (параллель между платоновской пьесой «Ноев ковчег. Каиново отродье» и графическим романом А. Мура «Хранители»), мистико-фантастического романа А. Иванова «Пищевлок» на основе метафорического принципа миромоделирования (см.: eLIBRARY ID: 53913376).

Изучение творчества А. Платонова, Л. Леонова, А. Иванова в заданном направлении продолжается. Задача нового этапа исследовательского поиска – анализ специфики графического отражения процессов ассоциативного мышления, градации, развития структур, признаков фрактальности, существенных для поэтики и идеологии писателей (при всех стилевых, мировоззренческих различиях между ними).

Некоторые итоги и перспективы изучения наследия Л. М. Леонова

Подытоживая сказанное выше, обозначим потенциальные линии развития науки о Леонове – художнике с внутренне-цельным духовно-национальным мировидением. Ссылаясь на разнообразные истолкования леоновского творчества, отметим те из них, которые, на наш взгляд, наиболее перспективны.

Современные тенденции изучения творчества Леонова (идеалистическая, ортодоксально-советская, оправдательная, охранительная, «академическая», культурно-мифологическая) в общих чертах рассмотрены Т. М. Вахитовой (см.: [Вахитова 2006: 3–4]). Добавив к перечисленным теоретическим моделям определение «гибридный метод», леоновед действительно предлагала переоценить наследие писателя. Вернуться к прочтению его произведений с учетом результатов работ советского времени и первого десятилетия XXI века – насущная задача леоноведения.

Итоги изучения творчества Леонова в 1980-х – начале 2000-х гг. подведены А. Г. Лысовым (см.: [Лысов 2007]). В этой работе намечаются методологические предпосылки дальнейшего постижения духовно-эстетических открытий Леонова. Почти два десятилетия назад известный леоновед вынес на обсуждение темы «Россия, Восток и Запад» в аспекте различия «этносов отличных друг от друга

ментальных качеств и сущностей Запада и России» [Лысов 2007: 25], проблемы активности авторского идеала, влияния на Леонова славянофильских идей.

В. И. Хрулев пишет о трех факторах, обусловивших особенное в мировоззрении, эстетике и поэтике Леонова. Во-первых, следование традиции критического реализма. Вторым фактором названы долголетие писателя и его сопричастность историческому времени, ключевым событиям жизни страны на протяжении минувшего века. Помощник писателя на последнем этапе подготовки к печати «Пирамиды» обратил внимание на то обстоятельство, которое часто не замечается исследователями леоновской биографии: «успел увидеть дореволюционную Россию, оценить уклад ее жизни; был участником Первой мировой войны, свидетелем падения российской империи, самовидцем полного цикла истории построения нового общества, движения к «светлому будущему» с октября 1917 года до распада СССР и погружения России в полосу смуты и национального унижения» [Хрулев 2015: 3].

Третья детерминанта леоновского изображения «русского парадокса» [Леонов 1984, т. 2: 213] – уплотнение художественной мысли, «философичность, ирония, символика, емкость образа, многозначность повествования, психология искусства как инструмента и грани поэтического преобразования действительности» [Хрулев 2015: 4].

Пространство мышления Леонова пластично и многомерно. Его архитектуру можно сравнить с анфиладной планировкой. Являясь на поверку разветвлением смысловых линий, такой способ построения текста основан на переходах из одной культурной сферы в другую. Ритм движения мысли задается чередованием повествовательных микро- и макроструктур – существенных по значению мыслеформ, предложений автора и персонажей. В них объективированы представления Леонова о мире и человеке, судьбах «русской веры» и цивилизационной общности. Обратившись к проблемам герменевтики текстов Леонова, Л. П. Якимова указала на контрапунктный характер мысли писателя, остановилась на случаях инверсии «эмоционально-смысловых акцентов» [Якимова 2011: 139].

Практика истолкования эстетического новаторства Леонова-мыслителя подхватывается новым поколением литературоведов. К. С. Когут постулирует в раннем рассказе писателя, двойственном по жанру, совмещающем признаки идиллии и апокалиптики, зависимость принципов моделирования мира от двойственных ассоциаций. Особенность моральной позиции Леонова отыскивается «не в еретическом своеволии автора, а в его глубинном прозрении» [Когут 2016: 424].

Симптоматичной можно считать трактовку предсмертного романа Леонова как изначально направленную на философско-символическое осмысление мира [Воробьев 2019]¹⁶. В восприятии

его многоплановой мысли многое зависит от умения интерпретатора войти в мир сверхчувственно, непознанного.

Перспективные направления в изучении творческих открытий Леонова – текстология, система второстепенных героев, семантика и функция имен, энциклопедичность как феномен леоновского стиля. Сцепление действительных событий и поновому истолкованных образов христианской словесности, народно-религиозных текстов, их «фантазирующего сюжетосложения» (С. С. Аверинцев) иллюстрирует своеобразие творческой позиции писателя. Данная особенность эстетического сознания Леонова значима при обсуждении проблемы его влияния на отечественную литературу XXI века. Имеются основательные аргументы для постановки этого вопроса, равно как и обстоятельный исследовательский анализ рецепции леоновских произведений в современной отечественной прозе¹⁷.

Современным леоведам предстоит сделать больше, чем успели сделать предшественники. Все созданное писателем-философом должно пересмотреть в соответствии с принципами духовно-символического реализма, в критериях национальной эстетической мысли. Для леоновского художественного сознания естественны и духовная символика, и бытописание, материально-культурная сторона народной жизни, познанная в своей эстетической ценности. До сих пор не раскрыта в полной мере сущность индивидуально-авторской позиции в ранней прозе Леонова. Литературоведы редко касаются бытовой красочности леоновских «Записок Ковьякина» (1924), «Петушихинского пролома» (1927), «Необыкновенных рассказов о мужиках» (1928), «Бурыги». Вне внимания критики остается тема «Леонов-литературовед», заслуживающая углубленного исследования. Ближе всего к объективной оценке леоновского критико-публицистического творчества подошел Г. Г. Исаев¹⁸.

Основа композиционных решений Леонова – принцип повтора и параллелизма. В поэтике Святого Писания и в древнерусской литературе он стал одним из центральных. Леоновское слово, обладающее фрактальной природой, сохраняет метафизическую энергию, из чего явствует, что читателю предлагается самолично найти путь к раскрытию его содержания¹⁹.

ций теории неопределенности, в понятиях многозначной логики и триалектики. См.: [Воронин 2019].

¹⁷ А. Ю. Большакова связала сегодняшнее обращение писателей к наследию Леонова с «разворотом к переосмыслению классики XX века», тенденцией к возрождению смыслов, «утраченных в реформистском угаре», которая отражается на художественном качестве новой прозы» [Большакова 2010: 124].

¹⁸ Значим вывод исследователя об эволюции мысли писателя-критика «как единого типологического комплекса с общими идейно-эстетическими тенденциями, национальными художественными традициями» [Исаев 1993: 4].

¹⁹ Стимул читательского интереса к Леонову – новейшие леоноведческие исследования. Важен в этом смысле не только вклад филологов, но и книга-биография «Игра его была огромна» (2009) – в новой редакции «Подельник эпохи» (2013, 2019) – Захара Прилепина. Наряду с этим подробным путеводителем

¹⁶ Философский, логико-концептуальный подход применяет В. С. Воронин, когда рассматривает романистику Леонова с пози-

Выводы

Мысль Леонова развивалась в контексте русской и мировой культуры, отечественного народо-знания. На этой благодатной почве возникла система представлений и образов, созданная по принципу взаимоотражения народного бытия и природы. Огромное пространство России у Леонова предстает в геофилософском ракурсе. Природа воспринимается как чудо, вселенская сила. Стиль Леонова основан на единстве метафизики и предметного мироздания. В этой целостности есть общая точка, координирующая развитие идейно-смысловую и художественную сферы произведения. Мысль Леонова удерживает в границах повествования предельные горизонты жизни и вещно-бытовой срез действительности, захватывая ее в неповторимо-индивидуальном образе. Леоновская рефлексия сконцентрирована на коренных проблемах жизни России, самобытности путей ее исторического развития. Авторские метафоры, становясь важнейшими элементами идиостиля писателя-философа, явились смысловой осью сим-

по леоновскому творчеству, писатель подготовил вступительную статью к сборнику ранней леоновской прозы (2009) и собрание сочинений Леонова в 6-ти томах (2013).

волико-реалистической, национально-окрашенной картины мира. «Мыслительная система» (Леонов) писателя обуславливается христианской символикой, аллегориями, построенными на разветвленных фрактальных метафорах. Метафоры-метонимии душевного огня, дьявольского искусства, бесовской игры выступают (главным образом в поздних произведениях) как отсылки к эпизодам внутреннего видения в патериках, житиях, русской духовной прозе.

Эстетическая философия Леонова обретает силу, соприкасаясь с материальными и духовными формами бытия. Идеал «всемирной отзывчивости» – свойственный русскому национальному сознанию, не противоречит вере в «великанскую судьбу России» [Леонов 1984, т. 10: 153], общенациональной воле, поддерживающей «идею народную среди сменяющихся поколений» [Леонов 1984, т. 10: 546].

Энергия леоновских идейно-художественных решений направлена на выявление нравственной сущности человека, связана с темой о его земном предназначении. «Жизненно необходимо, – говорит Леонов – чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, – из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие» [Леонов 1984, т. 10: 547].

Источники

Леонов, Л. М. Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 2. Барсуки: Роман / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1982. – 328 с.

Леонов, Л. М. Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 3. Вор: Роман / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1982. – 614 с.

Леонов, Л. М. Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 9. Русский лес: Роман / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1984. – 736 с. : ил.

Леонов, Л. М. Собрание сочинений : в 10-ти т. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа / Л. М. Леонов. – М. : Художественная литература, 1984. – 631 с.

Леонов, Л. М. Пирамида. Роман. Т. I. – М. : Голос, 1994. – 736 с. Т. II. – 688 с.

Леонов, Л. М. Спираль (отрывок) / Л. М. Леонов // Роман-газета. – 1987. – № 13 (1067). – С. 86–89.

Литература

Аверинцев, С. С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики / С. С. Аверинцев // Древнерусское искусство: (Зарубежные связи). – М. : Наука, 1975. С. 371–382.

Большакова, А. Ю. Леонид Леонов и современная русская проза / А. Ю. Большакова // Наследие Л. М. Леонова и судьбы русской литературы : материалы VII Международной научной конференции / составитель, ответственный редактор А. А. Дырдин. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – С. 122–131.

Вахитова, Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова (структура поэтика, эволюция) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. М. Вахитова. – СПб., 2006. – 45 с.

Вахитова, Т. М. Принцип переписывания в текстологии Л. Леонова / Т. М. Вахитова // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 135–147.

Волошинов, А. В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства / А. В. Волошинов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В. А. Копчик. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 213–246.

Волошинов, А. В. «Двенадцать Блока»: музыка, фракталы, хаос / А. В. Волошинов // Человек. – 2007. – № 3. – С. 145–151.

Воробьев, А. А. Философские возможности советской литературы: поздний Леонов / А. А. Воробьев // Вопросы философии. – 2019. – Вып. 6. – С. 159–166.

Воронин, В. С. Фантазия, абсурд, многозначные логики и триалектика в творчестве Леонида Леонова / В. С. Воронин. – Ульяновск : УлГТУ, 2019. – 254 с.

Десятников, В. А. Дневник Русского: 1979–1986. Т. 2 / В. А. Десятников. – Сергиев Посад ; М., 2010. – 448 с.

- Дырдин, А. А. Экфрастический код романа Леонида Леонова «Пирамида» / А. А. Дырдин, Ю. В. Жукова // Проблемы исторической поэтики. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 323–338.
- Дырдин, А. А. Новозаветные метафоры моря и огня в «Пирамиде» Л. М. Леонова / А. А. Дырдин // Проблемы исторической поэтики. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 324–348. – DOI: 10.15393/j9.art.2023.13102.
- Заваров, Д. В. «Барсуки» Леонида Леонова: автор против условного образа писателя / Д. В. Заваров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2023. – № 3 – С. 111–117.
- Зайцев, Н. И. «Пирамидальное» дерево Л. М. Леонова: леониды и радианты художественного образа, спектральный анализ поэтологических ключей / Н. И. Зайцев // Образ России в отечественной литературе : материалы VI Международной научной конференции / сост., отв. редактор А. А. Дырдин. – Ульяновск : УлГТУ, 2009. – С. 255–261.
- Исаев, Г. Г. Леонид Леонов – литературный критик, историк литературы и публицист: проблемы становления и развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Исаев. – М., 1993. – 44 с.
- Ковалев, В. А. Этюды о Леониде Леонове / В. А. Ковалев. – М. : Современник, 1974. – 293 с.
- Когут, К. С. Апокалиптические образы в рассказе Л. Леонова «Уход Хама» / К. С. Когут // Проблемы исторической поэтики. – 2016. – Т. 14. – С. 417–427.
- Компанеец, В. В. Пирамида в «Пирамиде» Леонова / В. В. Компанеец, А. Ю. Ковалева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: литературоведение, журналистика. – 2005. – Вып. 4. – С. 47–53.
- Лысов, А. Г. Последний автограф («Пирамида» как роман-самоопределение) / А. Г. Лысов // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания / Институт русской литературы (Пушкин Дом). – СПб. : Наука, 2004. – С. 209–227.
- Лысов, А. Г. «Ожившая икона». Святая Русь в романе Л. Леонова «Пирамида» / А. Г. Лысов // Духовное заветование Леонида Леонова. Роман «Пирамида» с разных точек зрения : коллективная монография. – Ульяновск : Изд-во Ульяновского государственного технического университета, 2005. – С. 121–136.
- Лысов, А. Г. О некоторых итогах и перспективах современного леоноведения. Леонов и Запад: к постановке вопроса / А. Г. Лысов // Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира : материалы международной научной конференции : в 2-х ч. Ч. II. Проблемы изучения творчества Леонова: итоги и перспективы. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – С. 5–38.
- Меньчиков, Г. П. Фрактальность – всеобщее свойство бытия / Г. П. Меньчиков // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150, кн. 4. – С. 80–86.
- Морозов, М. Ю. Философско-методологические проблемы построения единой концепции фрактальности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. Ю. Морозов. – М., 2022. – 21 с.
- «Надо искать философский, религиозный ключ, переводить происходящее в высший регистр...» (Из бесед Л. М. Леонова с Н. А. Грозновой). Публикация Т. М. Вахитовой // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания / Институт русской литературы (Пушкин Дом). – СПб. : Наука, 2004. – С. 5–27.
- Прилепин, З. Подельник эпохи: Леонид Леонов / З. Прилепин. – М. : Астрель, 2012. – 831 с.
- Распутин, В. Г. «Имеет силу национального пароля». К 100-летию Л. М. Леонова / В. Г. Распутин // В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – С. 286–293.
- Раушенбах, Б. В. Ненаписанная биография Леонида Леонова // Б. В. Раушенбах. Праздные мысли. Очерки. Статьи. Воспоминания. – М. : Гареева ; Аграф, 2017. – С. 64–80.
- Семенова, С. Г. Романы Леонова 20–30-х годов в философском ракурсе / С. Г. Семенова // Век Леонида Леонова. Проблемы творчества воспоминания. – М. : ИМЛИ РАН, 2001. – С. 23–56.
- Степанов, А. В. Стиль Леонида Леонова / А. В. Степанов // Русский язык в школе. – 1999. – № 2. – С. 64–70.
- Степанов, А. В. Метафоры Леонида Леонова: к проблеме образного строя мышления / А. В. Степанов // Век Леонида Леонова. Проблемы творчества. Воспоминания / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Издательство ИМЛИ РАН, 2001. – С. 155–161.
- Старолетов, М. Г. Методика фрактального анализа текста / М. Г. Старолетов // Языковое бытие человека и этноса (Российская академия наук. Московский гуманитарно-экономический институт). – 2005. – Вып. 9. – С. 85–91.
- Флоренский, П. А., священник. Symbolarium (Словарь символов) / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1996. – С. 564–591.
- Хандогин, Р. В. Фрактальность как свойство, способ и сущностная характеристика самоорганизации / Р. В. Хандогин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8, № 2А. – С. 209–218.
- Хрулев, В. И. Художественное мышление Леонида Леонова : монография. Часть I / В. И. Хрулев. – 2-е изд., испр. и доп. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. – 320 с.
- Чернейко, О. Л. Языковая метафора и мышление / О. Л. Чернейко // Язык, сознание, коммуникации. – М. : МАКС Пресс, 2021. – Т. 63. – С. 40–61.
- Якимова, Л. П. Герменевтические парадоксы романа Леонида Леонова «Русский лес» / Л. П. Якимова // Художественно-философские модели мироздания в творчестве Л. М. Леонова и в русской литературе XIX – начала XXI столетий : материалы VIII международной конференции, г. Ульяновск, 7–9 сентября 2011 г. / составитель, ответственный редактор А. А. Дырдин. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – С. 139–173.

Якимова, Л. П. Поэтика русской литературы в семиологическом освещении / Л. П. Якимова ; Российская академия наук, Сибирское отделение. Институт филологии. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 2022. – 298 с.

References

- «Nado iskat' filosofskii, religiozniy klyuch, perevodit' proiskhodyashchee v vysshii registr...» (Iz besed L. M. Leonova s N. A. Groznovoi) [“It is Necessary to Look for a Philosophical, Religious Key, to Transfer What is Happening to a Higher Register...» (From the Conversations of L.M. Leonov with N.A. Groznova)]. (2004). In *Roman L. Leonova «Piramida». Problema miroopravdaniya*. Saint Petersburg, Nauka, pp. 5–27.
- Averintsev, S. S. (1975). Predvaritel'nye zametki k izucheniyu srednevekovoi estetiki [Preliminary Notes on the Study of Medieval Aesthetics]. In *Drevnerusskoe iskusstvo: (Zarubezhnye svyazi)*. Moscow, Nauka, pp. 371–382.
- Bolshakova, A. Yu. (2010). Leonid Leonov i sovremennaya russkaya proza [Leonid Leonov and Modern Russian Prose]. In Dyrdin, A. A. (Ed.). *Nasledie L. M. Leonova i sud'by russkoi literatury: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ulyanovsk, UIGTU, pp. 122–131.
- Cherneyko, O. L. (2021). Yazykovaya metafora i myshlenie [Language Metaphor and Thinking]. In *Yazyk, soznanie, kommunikatsii*. Moscow, MAKS Press. Vol. 63, pp. 40–61.
- Desyatnikov, V. A. (2010). *Dnevnik Russkogo: 1979–1986* [Diary of a Russian: 1979–1986]. Vol. 2. Sergiev Posad, Moscow. 448 p.
- Dyrdin, A. A. (2023). Novozavetnye metafory morya i ognya v «Piramide» L. M. Leonova [New Testament Metaphors of Sea and Fire in L. M. Leonov's “Pyramid”]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 21. No. 4, pp. 324–348. DOI: 10.15393/j9. art.2023.13102.
- Dyrdin, A. A., Zhukova, Yu. V. (2022). Ekfrasticheskie kod romana Leonida Leonova «Piramida» [The Ekphrastic Code of “The Pyramid”, a Novel by Leonid Leonov]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 20. No. 1, pp. 323–338.
- Florensky, P. A., priest. (1996). Symbolarium (Slovar' simvolov) [Symbolarium (Dictionary of Symbols)]. In *Sochineniya: v 4 t.* Vol. 2. Moscow, Mysl', pp. 564–591.
- Isaev, G. G. (1993). *Leonid Leonov – literaturnyi kritik, istorik literatury i publitsist: problemy stanovleniya i razvitiya* [Leonid Leonov – Literary Critic, History of Literature and Publicist: Problems of Formation and Development]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 44 p.
- Khandogin, R. V. (2019). Fraktal'nost' kak svoistvo, sposob i sushchnostnaya kharakteristika samoorganizatsii [Fractality as a Property, Method and Essential Characteristic of Self-organization]. In *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. Vol. 8. No. 2A, pp. 209–218.
- Khrulev, V. I. (2015). *Khudozhestvennoe myshlenie Leonida Leonova* [The Artistic Thinking of Leonid Leonov]. Part I. 2nd edition. Ufa, RITs BashGU. 320 p.
- Kogut, K. S. (2016). Apokalipticheskie obrazy v rasskaze L. Leonova «Ukhod Khama» [Apocalyptic Images in L. Leonov's Story “The Departure of Ham”]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 14, pp. 417–427.
- Kompaneets, V. V., Kovaleva, A. Yu. (2005). Piramida v «Piramide» Leonova [Pyramid in Leonov's “Pyramid”]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: literaturovedenie, zhurnalistika*. Issue 4, pp. 47–53.
- Kovalev, V. A. (1974). *Etyudy o Leonide Leonove* [Sketches about Leonid Leonov]. Moscow, Sovremennik. 293 p.
- Leonov, L. M. (1982). *Sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Collected Works, in 10 vol.]. Vol. 2. Barsuki: Roman. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 328 p.
- Leonov, L. M. (1982). *Sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Collected Works, in 10 vol.]. Vol. 3. Vor: Roman. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 614 s.
- Leonov, L. M. (1984). *Sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Collected Works, in 10 vol.]. Vol. 9. Russkii les: Roman. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 736 p.
- Leonov, L. M. (1987). *Sobranie sochinenii: v 10-ti t.* [Collected Works, in 10 vol.]. Vol. 10. Publitsistika; Fragmenty iz romana. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 631 p.
- Leonov, L. M. (1987). Spiral' (otryvok) [Spiral (Excerpt)]. In *Roman-gazeta*. No. 13 (1067), pp. 86–89.
- Leonov, L. M. (1994). *Piramida. Roman* [Pyramid. Novel]. T. I. Moscow, Golos. 736 p. Vol. II. 688 p.
- Lysov, A. G. (2004). Poslednii avtograf («Piramida» kak roman-samoopredelenie) [The Last Autograph (“Pyramid” as a Novel – Self-determination)]. In *Roman L. Leonova «Piramida». Problema miroopravdaniya*. Saint Peterburg, Nauka, pp. 209–227.
- Lysov, A. G. (2005). «Ozhivshaya ikona». Svyataya Rus' v romane L. Leonova «Piramida» [“The Revived Icon”. Holy Russia in the Novel by L. Leonov “The Pyramid”]. In *Dukhovnoe zaveshchanie Leonida Leonova. Roman «Piramida» s raznykh tochek zreniya: kollektivnaya monografiya*. Ulyanovsk, Izdatel'stvo Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, pp. 121–136.
- Lysov, A. G. (2007). O nekotorykh itogakh i perspektivakh sovremenno go leonovedeniya. Leonov i Zapad: k postanovke voprosa [On Some Results and Prospects of Modern Leonology. Leonov and the West: Towards the Formulation of the Question]. In *Literatura XI–XXI vv. Natsional'no-khudozhestvennoe myshlenie i kartina mira: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2-kh ch.* Part II. Problemy izucheniya tvorchestva Leonova: itogi i perspektivy. Ulyanovsk, UIGTU, pp. 5–38.
- Menchikov, G. P. (2008). Fraktal'nost' – vseobshchee svoistvo bytiya [Fractality is a Universal Property of Existence]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 150. Book 4, pp. 80–86.

- Morozov, M. Yu. (2022). *Filosofsko-metodologicheskie problemy postroeniya edinoi kontseptsii fraktal'nosti* [Philosophical and Methodological Problems of Building a Unified Concept of Fractality]. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Moscow. 21 p.
- Prilepin, Z. (2012). *Podel'nik epokhi: Leonid Leonov* [Accomplice of the Era: Leonid Leonov]. Moscow, Astrel'. 831 p.
- Rasputin, V. G. (2007). «Imet silu natsional'nogo parolya». K 100-letiyu L. M. Leonova [“Has the Force of a National Password”. To the 100th Anniversary of L. M. Leonov]. In *V poiskakh berega: Povest', ocherki, stat'i, vystupleniya, esse*. Irkutsk, Izdatel' Saponov, pp. 286–293.
- Raushenbach, B. V. (2017). *Nenapisannaya biografiya Leonida Leonova* [Unwritten Biography of Leonid Leonov]. In B. V. Raushenbakh. *Prazdnye mysli. Ocherki. Stat'i. Vospominaniya*. Moscow, Gareeva, Agraf, pp. 64–80.
- Semenova, S. G. (2001). *Romany Leonova 20–30-kh godov v filosofskom rakurse* [Leonov's Novels of the 20–30s in a Philosophical Perspective]. In *Vek Leonida Leonova. Problemy tvorchestva vospominaniya*. Moscow, IMLI RAN, pp. 23–56.
- Staroletov, M. G. (2005). *Metodika fraktal'nogo analiza teksta* [Methodology of Fractal Text Analysis]. In *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa (Rossiiskaya akademiya nauk. Moskovskii gumanitarno-ekonomicheskii institut)*. Issue 9, pp. 85–91.
- Stepanov, A. V. (1999). *Stil' Leonida Leonova* [Leonid Leonov's Style]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 2, pp. 64–70.
- Stepanov, A. V. (2001). *Metafory Leonida Leonova: k probleme obraznogo stroya myshleniya* [Leonid Leonov's Metaphors: On the Problem of Figurative Style of Thinking]. In *Vek Leonida Leonova. Problemy tvorchestva. Vospominaniya*. Moscow, Izdatel'stvo IMLI RAN, pp. 155–161.
- Vakhitova, T. M. (2006). *Khudozhestvennaya kartina mira v proze Leonida Leonova (struktura poetika, evolyutsiya)* [Artistic Picture of the World in the Prose of Leonid Leonov (Structure, Poetics, Evolution)]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saint Petersburg. 45 p.
- Vakhitova, T. M. (2009). *Printsip perepisyvaniya v tekstologii L. Leonova* [The Principle of Rewriting in Textual Criticism by L. Leonov]. In *Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya*. Moscow, IMLI RAN, pp. 135–147.
- Voloshinov, A. V. (2002). *Ob estetike fraktalov i fraktal'nosti iskusstva* [On the Aesthetics of Fractals and the Fractality of Art]. In Koptsik, V. A. (Ed.). *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineinoe myshlenie v nauke i iskusstve*. Moscow, Progress-Traditsiya, pp. 213–246.
- Voloshinov, A. V. (2007). «Dvenadtsat' Bloka»: muzyka, fraktaly, khaos [“Twelve Block”: Music, Fractals, Chaos]. In *Chelovek*. No. 3, pp. 145–151.
- Vorobyev, A. A. (2019). *Filosofskie vozmozhnosti sovetskoj literatury: pozdnii Leonov* [Philosophical Possibilities of Soviet Literature]. In *Voprosy filosofii*. Issue 6, pp. 159–166.
- Voronin, V. S. (2019). *Fantaziya, absurd, mnogoznachnye logiki i trialektika v tvorchestve Leonida Leonova* [Fantasy, Absurdity, Polysemous Logics and Triadics in the Work of Leonid Leonov]. Ulyanovsk, UIGTU. 254 p.
- Yakimova, L. P. (2011). *Germenevticheskie paradoksy romana Leonida Leonova «Russkii les»* [Hermeneutical Paradoxes in Leonid Leonov's Novel «Russian Forest»]. In Dyrdin, A. A. (Ed.). *Khudozhestvenno-filosofskie modeli mirozdaniya v tvorchestve L. M. Leonova i v russkoj literature XIX – nachala XXI stoletii: materialy VIII mezhdunarodnoi konferentsii, g. Ul'yanovsk, 7–9 sentyabrya 2011 g.* Ulyanovsk, UIGTU, pp. 139–173.
- Yakimova, L. P. (2022). *Poetika russkoj literatury v semiologicheskom osveshchenii* [Poetics of Russian Literature in Semiological Lighting]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 298 p.
- Zavarov, D. V. (2023). «Barsuki» Leonida Leonova: avtor protiv uslovnogo obraza pisatelya [“Badgers” by Leonid Leonov: The Author Against the Conventional Image of the Writer]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No. 3, pp. 111–117.
- Zaytsev, N. I. (2009). «Piramidal'noe» derevo L. M. Leonova: leonidy i radianty khudozhestvennogo obraza, spektral'nyi analiz poetologicheskikh klyuchej [Pyramidal Tree of L. M. Leonov: Leonids and Radiants of the Artistic Image, Spectral Analysis of Poetological Keys]. In Dyrdin, A. A. (Ed.). *Obraz Rossii v otechestvennoj literature: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ulyanovsk, UIGTU, – pp. 255–261.

Данные об авторе

Дырдин Александр Александрович – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник НИО Департамента научных исследований и инноваций, Ульяновский государственный технический университет, Председатель открытого Международного сообщества «Русская словесность: духовно-культурные контексты» (Ульяновск, Россия).
Адрес: 620000, Россия, г. Ульяновск, ул. Розы Люксембург, 32.
E-mail: dyrd@mail.ru.

Author's information

Dyrdin Alexander Alexandrovich – Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher of Research Institute of Department of Scientific Research and Innovation, Ulyanovsk State Technical University, Chairperson of Open International Scientific Society “Russian Language and Literature: Spiritual and Cultural Contexts” (Ulyanovsk, Russia).

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'374.3. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-56-68. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

БОЛЬШОЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ЭЛЕКТРОННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Воронцов Р. И.

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0705-598X>

SPIN-код: 3264-5241

А н н о т а ц и я . В статье предпринимается попытка определить типологическую природу будущего электронного большого академического толкового словаря русского языка и наметить прототипы его архитектуры. Основой этого проекта является издаваемый ныне «Большой академический словарь русского языка» (БАС-3), однако при разработке словарной концепции должен быть учтен весь опыт, накопленный отечественной толковой лексикографией. Задачей нового словаря станет описание последовательной смены литературных норм русского языка на протяжении длительного исторического отрезка («от Пушкина до наших дней»). Такое описание позволит отразить в словаре динамическое единство русского литературного языка Нового времени, являющегося фундаментом российской культурной идентичности. Для достижения этой цели будущий словарь должен быть основан на синтезе лексикографических принципов нормативности и историзма. Гармоничная реализация этих принципов была непосильной задачей для традиционной, «бумажной», лексикографии, но в современной цифровой технологической реальности решение может быть найдено. Автор статьи показывает, что структурным свойством словаря, которое позволит непротиворечиво реализовать в нем нормативно-стилистическое и историческое описание словарного состава, является свойство двухмерности. Словарная статья в таком словаре должна быть представлена не как линейный (текстовый) объект, а как матрица, в которой горизонтальная ось отражает хронологический вектор словарного описания, а вертикальная – нормативно-стилистический. В работе приводятся прототипические схемы подобных словарных статей, выявляются способы показа разных видов динамики лексической нормы – семантической, стилистической, формальной. Кроме того, автор обосновывает необходимость разработки ряда программных продуктов, которые позволят оптимальным образом компилировать и обрабатывать информацию для будущего словаря. Среди них: 1) корпус текстов-источников словаря, 2) словарная база данных, позволяющая аналитически представлять результаты корпусных исследований, и 3) система лексикографического редактирования, с помощью которой на основе материала, взятого из словарной базы данных, будет формироваться итоговая словарная статья. Утверждается, что словарный корпус и словарная база данных смогут впоследствии послужить основой для создания целой системы толковых словарей русского языка разного объема и назначения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : толковый словарь; электронная лексикография; Большой академический словарь русского языка; типология словарей; нормативность; историзм

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00407 «Лексикографические принципы нормативности и историзма на современном этапе: разработка типологических характеристик большого цифрового академического толкового словаря русского языка», <https://rscf.ru/project/23-28-00407>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Воронцов, Р. И. Большой академический словарь русского языка: перспективы электронной реализации / Р. И. Воронцов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 56–68. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-56-68.

THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE: PROSPECTS OF ELECTRONIC REALIZATION

Roman I. Vorontsov

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0705-598X>

A b s t r a c t . The article presents an attempt to identify the typological specificity of the future electronic Great Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language and to outline prototypes for its architecture. The currently published “Great Academic Dictionary of the Russian Language” serves as the basis for this project, but the development of the dictionary conception should take into account all previous experience accumulated by the Russian explanatory lexicography. The new dictionary is primarily aimed at describing the successive change of the Russian literary norms (language standards) within a lengthy historical period (“from Pushkin up to now”). This kind of description will help to show the dynamic unity of the Russian literary language during the period of modern history, which can be qualified as the foundation stone of the Russian cultural identity. The only way for the dictionary to reach this aim is to be based on the synthesis of lexicographic principles of normative and historical approaches.

The harmonious realization of these principles was beyond the strength of traditional, “paper-based”, lexicography; however, today, in the current digital technological reality, the solution can be definitely found. The author of the article shows that the feature of two-dimensionality is the structural property of the dictionary that will help to consistently realize both normative-stylistic and historical description of vocabulary. The entry of such dictionary should be constructed not as a linear (textual) object, but as a matrix, in which the horizontal axis shows the chronological vector of description, and the vertical axis reflects the normative-stylistic one. The article presents several prototypical patterns of such two-dimensional dictionary entries and reveals the methods of expression of various kinds of lexical norm dynamics – semantic, stylistic, and formal. Besides, the author gives reasons for the need to develop a number of lexicography software that may help to compile and process information for the future dictionary in an optimal way. Among them are the following: 1) a corpus of texts serving as sources for the dictionary, 2) a database allowing to analytically present the results of corpus-based research; and 3) a lexicographic editing system that can help to form the final entry based on the database material. Finally, the author argues that the dictionary corpus and the dictionary database may be able to serve as a basis for creating a whole system of Russian explanatory dictionaries of various sizes and application areas.

Keywords: explanatory dictionary; electronic lexicography; the Great Academic Dictionary of the Russian Language; typology of dictionaries; normativity; historicism

Acknowledgements: The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00407, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00407>.

For citation: Vorontsov, R. I. (2024). The Great Academic Dictionary of the Russian Language: Prospects of Electronic Realization. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 56–68. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-56-68.

Введение

Одной из важнейших задач, которые современная действительность ставит перед лексикографами, является освоение цифровых форм презентации словарных описаний. Мировая лексикография уже прошла довольно большой путь в этом направлении, значительные усилия предпринимаются и отечественными лексикографическими центрами, однако на сегодняшний день в онлайн-среде нет ни одного фундаментального толкового словаря русского языка, который бы, с одной стороны, учитывал опыт, накопленный на «бумажном» этапе развития словарного дела, а с другой – использовал все современные технологические возможности.

Создание большого электронного академического толкового словаря русского языка должно быть признано сегодня ключевой задачей российской лексикографии. Такой словарь прежде всего сможет на должном уровне представить русский язык в пространстве глобального мира, заняв место в ряду крупнейших цифровых словарных проектов, предлагающих комплексное описание ведущих мировых языков.

Реализация этой масштабной задачи потребует интенсивной подготовки, связанной с решением разного рода типологических и методологических проблем лексикографии, и с определением круга источников словаря, и с созданием специальных корпусов и систем обработки информации, и, наконец, с разработкой непротиворечивой словарной концепции. По оценке А. С. Герда, создание нового электронного большого толкового словаря станет возможным не ранее второй половины XXI века [Герд 2013: 136].

Основу для нового словаря должен составить издаваемый ныне «Большой академический словарь русского языка» (БАС-3) (см. [Пурицкая 2022: 92]), представляющий – наряду с предшествовавшими ему двумя изданиями «Словаря современного русского литературного языка» (БАС-1 и БАС-2) – тип *большого толкового словаря*. Достоинства и недостатки БАС хорошо известны: широта охвата русской

литературной лексики и глубина семантико-функциональной разработки словарного состава сочетаются в нем с глубинным концептуальным противоречием – конфликтом принципов *нормативности* и *историзма*, определяющим сбивчивость и непоследовательность лексикографических описаний (см. об этом [Воронцов и др. 2023]). Разрешение этого противоречия должно стать ключевой предпосылкой для выработки концепции нового словаря.

Важно подчеркнуть, что будущий словарь не задумывается как «цифровой двойник» бумажного БАС. Напротив, это должен быть самостоятельный словарный проект, построенный на принципиально иной концепции, но в то же время учитывающий огромный опыт достижений и ошибок, накопленный лексикографами прошлого.

В настоящей статье будут в самом первом приближении намечены возможные подходы к решению поставленной задачи – определена типологическая специфика будущего словаря и предложены прототипы словарной архитектуры, способные гармонично ее воплотить. Сегодня мы еще очень далеки от каких бы то ни было финальных формулировок, поэтому ко всем выдвигаемым далее положениям следует относиться не как к готовым рецептам, а как к тезисам, которые еще предстоит верифицировать.

Типологическая природа словаря: синтез нормативности и историзма

Определение, данное нормативному толковому словарю большого типа С. И. Ожеговым, – словарь, «представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе» [Ожегов 1952: 91], – закрепило в научной традиции компромиссное представление об этой словарной разновидности. Нормативность, понимаемая как описание *современной* литературной нормы, не могла быть гармонично увязана с отражением *исторической* перспективы в рамках традиционного для отечественной лексикографии периода «от Пушкина до наших дней». Тем не менее вплоть до настоящего момента лексикографы опираются на

словарную типологию Ожегова, а проблема соотношения нормативности и историзма БАС с каждым новым изданием, охватывающим все более длительный временной отрезок, только обостряется.

Как бы то ни было, БАС, несмотря на противоречивость своей концепции, остается выдающимся лексикографическим произведением, и его будущее, так же как и его прошлое и настоящее, лежит на пересечении нормативного и исторического подходов. Их совмещение определяет типологическую природу БАС, и отсечение любого из этих начал нивелирует научное, социальное и государственное значение большого словаря. Однако, разумеется, наше представление о нормативном толковом словаре большого типа должно быть скорректировано, в том числе с учетом возможностей, предоставляемых лексикографам современными технологиями.

В работе [Воронцов 2023] обосновывается такое понимание категории нормативности, которое позволяет определить сущностную специфику нового словаря большого типа следующим образом: это словарь, описывающий последовательную смену литературных норм русского языка на протяжении длительного исторического отрезка (условно «от Пушкина до наших дней»). Назначение такого словаря – отразить *динамическое единство* русского литературного языка Нового времени, являющегося фундаментом российской культурной идентичности.

Одним из базовых атрибутов категории нормативности признается *синхронность*, предполагающая, что толковый словарь отражает нормативную реализацию системы языка в состоянии динамического равновесия, характерного для определенного момента времени (см. [Скляревская 1994: 4; Воронцов 2023: 93]). Ю. С. Сорокин высказывал схожую мысль, характеризуя тип нормативно-стилистического толкового словаря как «моментальную фотографию» словоупотребления эпохи [Сорокин 1967: 27]. Литературная норма описывается в таком словаре как уже сформировавшийся языковой и социокультурный феномен, функционирующий в речи языкового коллектива, обладающий внутренней динамикой (вариантность и функционально-стилистическое расслоение), но лишенный динамики внешней, исторической.

Конечно, подобное синхронное описание может представлять язык лишь на определенном этапе его исторического развития. В связи с этим можно говорить о некотором количестве *нормативных периодов*, составляющих отрезок «от Пушкина до наших дней»: каждый из этих периодов характеризуется относительной стабильностью литературной нормы. Таким образом, историзм нормативного толкового словаря может единственно состоять в дискретном описании последовательного ряда нормативных лексических систем, взятых на различных синхронных срезах, каждый из которых представляет литературную норму одного из периодов в истории языка. Такой словарь позволит своим читателям получить комплексное представление о лексико-семантических системах

русского литературного языка, функционировавших в реальной речевой практике соотечественников и определявших норму выражения той или иной эпохи, а также проследить за основными историческими изменениями этой нормы вплоть до сегодняшнего дня (подробнее об этом см. [Воронцов 2023: 99–101]).

Историческое и синхронное отражение нормы предполагает два разнонаправленных вектора в ее описании: *хронологический* и *нормативно-стилистический*. Попытка объединения этих векторов в линейной текстовой форме традиционного словаря обусловила то, что БАС, по квалификации В. В. Виноградова, не стал ни толково-историческим, ни нормативным, из-за чего даже «не оформился в особый самостоятельный тип словаря» [Виноградов 1966: 20–25]. Для непротиворечивой реализации в толковом словаре двух названных векторов необходима нелинейная, двухмерная форма репрезентации лексикографического описания, которая была недоступна лексикографам XX века. Однако сегодня, с развитием цифровых лексикографических технологий, эта задача уже не представляется неразрешимой.

Таким образом, типологическая природа нового большого электронного академического толкового словаря русского языка будет по-прежнему определяться синтезом принципов нормативности и историзма, но, в отличие от словарей-предшественников, в его двухмерной архитектуре будет реализовано системное описание лексики русского литературного языка Нового времени с учетом ее нормативно-стилистической и хронологической специфики.

Система лексикографической разметки: хронологические и нормативно-стилистические пометы в словарной базе данных

Важную роль в обеспечении системности лексикографического описания в традиционном словаре играет непротиворечивая система словарных помет, задающих для единицы описания типовые нормативно-стилистические (напр., *разг.*, *прост.*, *книжн.*, *пренебр.*, *высок.*), хронологические (*устар.*, *нов.*), генетические (*обл.*, *жарг.*), семантические (*перен.*) и грамматические (*обычно мн.*, *неперех.*, *сравн. ст.* и др.) характеристики. В электронной лексикографии значимость такой системы пометкратно возрастает, поскольку именно пометы позволяют упорядочить информационный массив словаря и соотнести единицы описания с теми или иными классами и разрядами. В связи с этим важнейшим структурным компонентом *словарной базы данных* – промежуточного ресурса, представляющего собой структурированный свод лингвистических данных, собранных на стадии анализа языкового материала [Atkins, Rundell 2008: 100], и служащего основой для создания пользовательского интерфейса словаря, – является сквозная *система лексикографической разметки*.

Структура базы данных будущего большого электронного толкового словаря, который, по нашему замыслу, должен обладать свойством

двухмерности, будет определяться двумя уровнями разметки: *хронологическим*, где каждая единица описания будет однозначно соотноситься с тем или иным нормативным периодом, и *нормативно-стилистическим*, где единицы описания будут оцениваться с точки зрения особенностей их употребления в литературной речи (с опорой на материалы словарей этих периодов, а также на исследования по исторической лексикологии и стилистике). При этом радиус действия нормативно-стилистических помет должен быть ограничен одним нормативным периодом, к которому единица описания отнесена с помощью хронологической пометы.

Нормативно-стилистический уровень разметки должен быть представлен двумя подуровнями: *функционально-стилистическим* и *экспрессивно-стилистическим*. На первом подуровне единицы описания будут оцениваться с точки зрения употребительности – как «общеупотребительные» («частотные» или «редкие» (с указанием диапазона частотности)) и «с ограниченным употреблением» (с указанием приоритетной сферы функционирования: «разговорное», «специальное», «книжное», «народно-поэтическое» и т. п.). Второй подуровень будет представлен эмоционально-экспрессивными характеристиками типа «нейтральное», «сниженное», «пренебрежительное», «неодобрительное», «ироническое», «шутливое», «высокое», «архаическое».

В результате разметки каждая единица описания будет получать целый ряд системных оценок. При этом под такой единицей следует понимать не слово как единицу словника, а любую лексикографически значимую филиацию, соответствующую определенному структурному элементу словарной статьи. Это и сама вокабула, и ее формальные варианты, и ее значения, оттенки, грамматические особенности употребления, устойчи-

вые сочетания, фразеологизмы. Таким образом, в словарной базе данных описание каждого слова должно быть представлено *аналитически* – как система информационных элементов, снабженных целым рядом помет, – с тем чтобы на следующем этапе это аналитическое представление преобразовывалось с помощью заранее заданных алгоритмов в словарную статью, доступную для научного редактирования и использования.

Далее приводятся возможные варианты разметки для трех слов в словарной базе данных (см. табл. 1–3). Так как метаязык будущего словаря еще не разработан, мы вынужденно опирались на существующие толковые словари, прежде всего – БАС. При хронологической характеристике единиц использовались условные периоды продолжительностью в 50 лет (1 пол. XIX в., 2 пол. XIX в. и т. д.), однако впоследствии должна быть решена задача научной периодизации описываемого в словаре исторического отрезка. Важно также подчеркнуть, что, поскольку приводимые варианты разметки основаны на анализе данных «Национального корпуса русского языка», они не являются окончательными. Для полноценной семантико-функциональной разработки слова в будущем потребуется привлечение структурированных корпусных материалов вкратно большем объеме. Главное назначение следующих примеров – продемонстрировать общие принципы организации словарной базы данных, позволяющей выявить разные виды динамики лексической нормы – семантической, стилистической и формальной. Для экономии места везде, где это не обусловлено значимыми семантико-стилистическими различиями, приводится по одной цитате на каждый нормативный период.

Таблица 1

Слово «щепетильный» в словарной базе данных

Тип единицы описания	Содержание	Хронологические пометы				
		1 пол. XIX	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.
ВОКАБУЛА	ЩЕПЕТИЛЬНЫЙ	1 пол. XIX	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.
словоизменение	-ая, -ое; лен, льна, льно					
ЗНАЧЕНИЕ	Связанный с галантерейными и парфюмерными товарами	1 пол. XIX				
часть речи	<i>прил.</i>					
грамматическая характеристика	<i>только в полной форме</i>					
семантическая характеристика	–					
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	1 пол. XIX				
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	1 пол. XIX				
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<i>Все, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный И по балтийским волнам За лес и сало возит нам, ... Все украшало кабинет Философа в осьмнадцать лет. А. Пушкин, Евгений Онегин (1823–1830)</i>					
	<i>В щепетильных лавках на Сретенке уже говорили, что дочь убила отца и скрылась. И. Кокорев, Сибирка (1847)</i>					

Тип единицы описания	Содержание	Хронологические пометы			
ЗНАЧЕНИЕ	Модный, франтоватый, опрятный в одежде	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
часть речи	<i>прил.</i>				
грамматическая характеристика	–				
семантическая характеристика	–				
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	1 пол. XIX			
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<p><i>Вообще, весь роман похож на человека, опрятно одетого, чопорного и щепетильного, по наружности благонамеренного и благонамеренного, но с которым сидеть в одной комнате скука смертельная.</i> В. Белинский, <i>Современные заметки</i> (1847)</p> <p><i>Алена явилась, щепетильнейшим образом одетая в новую душегрейку, в новом платке на голове.</i> А. Писемский, <i>Люди сороковых годов</i> (1869)</p>				
ОТТЕНОК	О проявлениях моды, модничанья, манерности в умственной сфере	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	1 пол. XIX			
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<p><i>[Я] писал Погдину дать знать в Цензуру, чтоб моего ничего, нигде не пропускали. Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашиков, журнальчиков и прочих щепетильных литературщиков.</i> А. Пушкин, <i>Письма</i> (1826)</p> <p><i>Я прочел между прочим «Казнь Тропмана» Тургенева. Вы можете иметь другое мнение, Николай Николаевич, но меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила.</i> Ф. Достоевский, <i>Письма</i> (1870)</p>				
ЗНАЧЕНИЕ	Придирчиво педантичный, мелочный	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
часть речи	<i>прил.</i>				
грамматическая характеристика	–				
семантическая характеристика	–				
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<p><i>Сколько дробных названий изобрел щепетильный человек для деления бесконечно малого отрезка времени от бесконечно великого круга вечности. Годы, месяцы, дни, часы, минуты... А. Бестужев-Марлинский, Амалат-бек</i> (1831)</p> <p><i>Нам кажется, что требовать улик против Поэрио значило быть слишком щепетильным формалистом.</i> Н. Чернышевский, <i>Из «Современника»</i> (1859)</p>				
ОТТЕНОК	Характеризующийся педантичностью, придирчивой мелочностью (о явлениях умственной сферы)	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	1 пол. XIX	2 пол. XIX		
	<p><i>[Схоластика] предавала свой догмат самому щепетильному умствованию и предавала умствование самому буквальному принятию догмата.</i> А. Герцен, <i>Письма об изуч. природы</i> (1845)</p> <p><i>Капитан Аверьяныч по очереди призвал Федотку и кузнеца и подверг их самому щепетильному допросу.</i> А. Эртель, <i>Гарденины</i> (1889)</p>				
ЗНАЧЕНИЕ	Строго принципиальный до педантичности, чрезвычайно корректный в отношении с кем-л. или по отношению к чему-л.	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.
часть речи	<i>прил.</i>				
грамматическая характеристика	–				

Продолжение таблицы 1

Тип единицы описания	Содержание	Хронологические пометы				
семантическая характеристика	–					
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.	
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.	
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<i>Кто наблюдал в нашем обществе над тем, что называется «мелким людом», тот знает, что кроткие и покорившиеся люди тоже иногда бывают обидчивыми и щепетильными. Н. Добролюбов, Забытые люди (1861)</i>					
	<i>[Ольга Алексеевна:] Да, твой муж богат... он не очень щепетилен в делах, твой муж... это все говорят про него. М. Горький, Дачники (1904)</i>					
	<i>Его [отца] постоянно окружали какие-то непрезентабельные личности. Хотя сам он был вполне порядочным человеком. А в денежных отношениях – так просто щепетильным. С. Довлатов, Наши (1983)</i>					
	<i>Мы смеялись, пошли зачем-то в мою комнату – она [хозяйка] была чрезвычайно щепетильной женщиной и никогда без стука или разрешения не входила ко мне. Л. Гурченко, Аплодисменты (2003)</i>					
ОТТЕНОК	Свойственный такому человеку	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.	
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.	
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.	
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<i>[Ассессор] был просто невозможен своею щепетильною боязнью утратить нравственную независимость. Н. Шелгунов, Воспоминания (1885)</i>					
	<i>Своими пошлостями я довел до слез девушек, которые, быть может, были сестрами русских офицеров, то есть людей, культивировавших в себе совсем особые и щепетильные понятия о чести вообще. В. Трубецкой, Записки кирасира (1936–1937)</i>					
	<i>[Зубр] не учил их порядочности, но так получилось, что всех его учеников, от старших и до младших..., отличает щепетильная порядочность. Д. Гранин, Зубр (1987)</i>					
	<i>Напыщенно-гордые Мустыгины третью часть добычи протянули Андрею. А тот нервно рассмеялся, дивясь щепетильной меркантильности сожителей. А. Азольский, Лопушок (1998)</i>					
ЗНАЧЕНИЕ	Требующий осторожного и тактичного отношения; деликатный	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.		
часть речи	прил.					
грамматическая характеристика	–					
семантическая характеристика	–					
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.		
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.		
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<i>Фирсов играл в этом щепетильном деле какую-то активную роль. Л. Леонов, Вор (1927)</i>					
	<i>– Скажите мне, я передам! Я говорю: – Вам не могу! Вопрос очень щепетильный... Г. Горин, Брюки товарища Синицына (1974–1984)</i>					
	<i>Проблема ночлега оказалась самой щепетильной, хотя и не единственной. А. Рекемчук, Мамонты (2006)</i>					

Таблица 2

Слово «сподобляться / сподобиться» в словарной базе данных

Тип единицы описания	Содержание	Хронологические пометы				
ВОКАБУЛА	СПОДОБЛЯТЬСЯ / СПОДОБИТЬСЯ	1 пол. XIX	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.
словоизменение	-яюсь, -яешься, несев. (редко); -блюсь, -бишься, сов.					
ЗНАЧЕНИЕ	Удостаиваться / удостоиться чего-л.	1 пол. XIX	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.
часть речи	глагол.					
грамматическая характеристика	–					
семантическая характеристика	–					

Тип единицы описания	Содержание	Хронологические пометы				
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	1 пол. XIX	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	высок.	1 пол. XIX	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 2	шутл./ирон.	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.	
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<i>Почти все содрогались при воображении о духах... Неужели и подлинно настоятель наш так могущ, что сподобился располагать духами? В. Нарезный, Российский Жилблаг (1814)</i>					
	<i>–Ты видел маленького?.. Тит отвечал, что не сподобился еще этого счастья. А. Герцен, Долг прежде всего (1854)</i>					
	<i>[Шмага:] Наконец-то и я сподобился, что за мое здоровье пьют. А. Островский, Без вины виноватые (1881–1883)</i>					
	<i>О я, несчастный грешник, каких великих даров и благодеяний Божиих я сподобляюсь. С. Булгаков, Дневник (1924)</i>					
	<i>– Курить есть? – Пожалуйста, – радуясь тому, что сподобился угостить фронтовика, проговорил Сергей. В. Гроссман, Степан Кольчугин (1937)</i>					
	<i>Колчак еще не дошел до него [старика], а он, протягивая поднос, рухнул на колени. – Слава Богу, сподобился! Удостоился, Христа ради... А. Алданов, Красные и белые (1973)</i>					
	<i>У входа в церковь стояла икона, которую время от времени старухи обносили вокруг храма. А другие старухи прошемыгивали под иконой, сподобляясь благодати. Ю. Нагибин, Дневник (1979)</i>					
	<i>Сашка, зять мой, суетится, ...в долги приходится влезать, тоже, знаешь, как рулетка, и не лас-вегасовская, а русская, не туда покрутишь и схлопочешь пулю, один его приятель уже сподобился. Г. Маркосян-Каспер, Кариатиды (2003)</i>					
<i>Если верить читанному из православных святых отцов, человек покаявшийся, ...сподобившийся причащения – в ад не идет, а спасается. Н. Черных, Слабые, сильные (2015)</i>						
ГРАММАТИЧ. ОСОБЕННОСТЬ	Безл.	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.		
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	огранич. употр.	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.		
ФУНКЦ. ПОМЕТА 2	разг.	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.		
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 2	шутл./ирон.	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.		
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<i>Павлина, опухшая от слез и довольная, что сподобилось походить за таким покойничком, распорядилась похоронами. А. Н. Толстой, Чудаки (1924)</i>					
	<i>Мне ли сподобилось еще раз припасть, чтобы в очередной раз лишиться всего этого, запасливо стряхивая пыль с колен? А. Битов, Рассеянный свет (1981)</i>					
	<i>К знатным и почившим в Бозе людям здесь [на кладбище] причислялись главные конструкторы, генералы... Марии Гавриловне Кустовой сподобилось попасть на аллею избранных. А. Азольский, Монахи (2000)</i>					
ЗНАЧЕНИЕ	Реализовывать / реализовать какое-л. желание, намерение; соглашаться / соглашиться / соглашиться	2 пол. XX	соврем.			
часть речи	глагол					
грамматическая характеристика	–					
семантическая характеристика	–					
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	огранич. употр.	2 пол. XX	соврем.			
ФУНКЦ. ПОМЕТА 2	разг.	2 пол. XX	соврем.			
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	2 пол. XX	соврем.			
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<i>Взял в библиотеке ЦДЛ «Дневники писателя» Достоевского. Всю жизнь хотел прочесть и вот только сподобился. В. Чивилихин, Дневник (1964)</i>					
	<i>Монитор компьютера Фил так и не сподобился поменять на более крупный. А. Сальников, Отдел (2015)</i>					
ОТТЕНОК	Осмеливаться / осмелиться; решаться / решиться на что-л.	соврем.				
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	огранич. употр.	соврем.				
ФУНКЦ. ПОМЕТА 2	разг.	соврем.				
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	соврем.				
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<i>Воспоминаний так много, что, может быть, сподоблюсь и на роман. И. Грошек, Реставрация обеда (2000)</i>					
	<i>– С такой ценностью расстаешься. Как же ты так сподобилась? В. Валеева, Скорая помощь (2002)</i>					

Таблица 3

Слово «риторика» в словарной базе данных (фрагмент)¹

Тип единицы описания	Содержание	Хронологические пометы				
		1 пол. XIX	2 пол. XIX	1 пол. XX	2 пол. XX	соврем.
ВОКАБУЛА	РИТОРИКА					
словоизменение	-и, ж.					
ВАРИАНТНАЯ ФОРМА	РЕТОРИКА, и, ж.	1 пол. XIX	2 пол. XIX	1 пол. XX		
ФУНКЦ. ПОМЕТА 1	общеупотр.	1 пол. XIX	2 пол. XIX	1 пол. XX		
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 1	нейтр.	1 пол. XIX	2 пол. XIX			
ЭКСПРЕС. ПОМЕТА 2	устар.	1 пол. XX				
ИЛЛЮСТРАЦИИ	<i>Речь сия, прославленная во всех наших реториках, не что иное, как остроумное приветствие, и заключает в себе игру выражений, может быть, слишком затейливую.</i> А. Пушкин, Собр. соч. Г. Кониского (1836)					
	<i>Реторика есть наука красно писать обо всем, чего не знаешь, чего не чувствуешь, чего не понимаешь... Словом, всё ложное, пошлое, всякую форму без содержания, всё это называют реторикой!</i> В. Белинский, Общая реторика Н. Кошанского... (1845)					
	<i>Метафизика, реторика и схоластика слышались и в возражениях Краснаярова.</i> Н. Помяловский, Долбня (1861)					
	<i>– Есть у меня тут племянничек из семинаристов... Прошлую весну перевели его в реторику.</i> Г. Успенский, Гость (1862)					
	<i>Готтшед написал грамматику, пиитику, реторику, издавал критический журнал и считался законодателем языка и вкуса.</i> Н. Чернышевский, Лессинг... (1877)					
	<i>Оставляя в стороне народную поэзию и официальную реторику, наша повседневная речь, как уже давно было замечено, вся состоит из поэтических образов и метафор.</i> В. Соловьев, Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки (1890)					
<i>[Анатоль Франс] одобрял разрыв с Парнасом, окоченевшим в торжественном и пустом формализме, ликвидацию остатков романтического маньеризма, истоцившиегося в многословной реторике Виктора Гюго.</i> Вяч. Иванов, Символизм (1936)						

¹ Для экономии места приводится только фрагмент словарной базы данных, в котором описывается формальная динамика лексической нормы – функционирование варианта *реторика*. Семантико-функциональная разработка слова не приводится.

Прототип архитектуры словарной статьи: семантическая структура слова в статике и динамике

Если представление информации о слове в словарной базе данных является результатом анализа языкового материала, то словарная статья, формируемая на основе этого представления, есть продукт *синтеза* лексикографически значимых сведений и помещения их в заранее заданную форму, обладающую специфической архитектурой. В структуре словарной статьи электронного словаря должно быть определено особое место для каждого лексикографического параметра, при этом ее строение должно отвечать фундаментальным установкам концепции словаря.

Так, основным свойством, отличающим архитектуру статьи будущего электронного нормативно-исторического толкового словаря от традиционных лексикографических изданий, мыслится свойство *двухмерности*. Словарная статья будет представлена не в линейной текстовой форме, а в форме матрицы, в которой горизонтальная ось призвана отражать хронологический вектор словарного описания, а вертикальная – нормативно-стилистический. Таким образом, каждый из

столбцов этой матрицы будет содержать нормативно-стилистическое описание слова на одном из заданных синхронных срезов, соответствующих выделенным нормативным периодам в истории русского литературного языка. Строки матрицы, в свою очередь, будут показывать динамические изменения литературной нормы применительно к каждой конкретной единице описания.

Подобный подход имеет важные последствия для интерпретации *семантической структуры слова* в большом толковом словаре. Известно, что в БАС, охватывающем длительный исторический отрезок, применяются три принципа расположения значений многозначного слова: логический, исторический и справочный (когда неактуальное устаревшее значение помещается в конце словарной статьи), – и слабая дифференцированность этих принципов часто приводит к искажению исторической перспективы в развитии семантики слова и к неточным нормативным оценкам [Воронцов и др. 2023: 18–22]. Этот недостаток может быть исправлен в двухмерном электронном словаре, где синхронное нормативное описание семантической структуры слова (вертикальное) не будет нуждаться в показе ее исторической динамики. По-

следняя будет отражена в горизонтальном (хронологическом) измерении словарной статьи, которое позволит читателю сопоставить семантические структуры одного и того же слова на разных синхронных срезах и тем самым получить представление о динамике лексической нормы. Подчеркнем, что будущий нормативно-исторический толковый словарь в нашем понимании не ставит задачи отражения семантической истории слова как процесса формирования его семантической структуры во времени (в отличие, скажем, от проекта «Исторического словаря современного русского языка» [Бабаева и др. 1997]), а показывает *динамическую* смену уже сложившихся *статичных* семантических структур на разных этапах развития литературной нормы.

Таким образом, в будущем словаре при упорядочении семантической структуры слова исторический и справочный принципы расположения значений, применяемые в БАС, будут устранены. В то же время перед лексикографами встанет во-

прос о выборе (или установлении соотношения) между *логическим принципом*, отражающим процесс семантической деривации, и *принципом актуальности* [Перспектив Активного словаря русского языка 2010: 72–74], ориентированным на точное определение места каждого из значений в словоупотреблении, характерном для данного нормативного периода.

Для большей наглядности прототипическая архитектура статьи электронного нормативно-исторического словаря представлена ниже на трех примерах (см. рис. 1–3). Следует, однако, иметь в виду, что предлагаемые схемы не являются пробными словарными статьями, а лишь демонстрируют практическую возможность реализации заявленных выше типологических характеристик словаря. Для экономии места в схемах не представлен цитатный материал, в будущем словаре он может группироваться и помещаться в отдельных окнах, всплывающих по запросу пользователя.

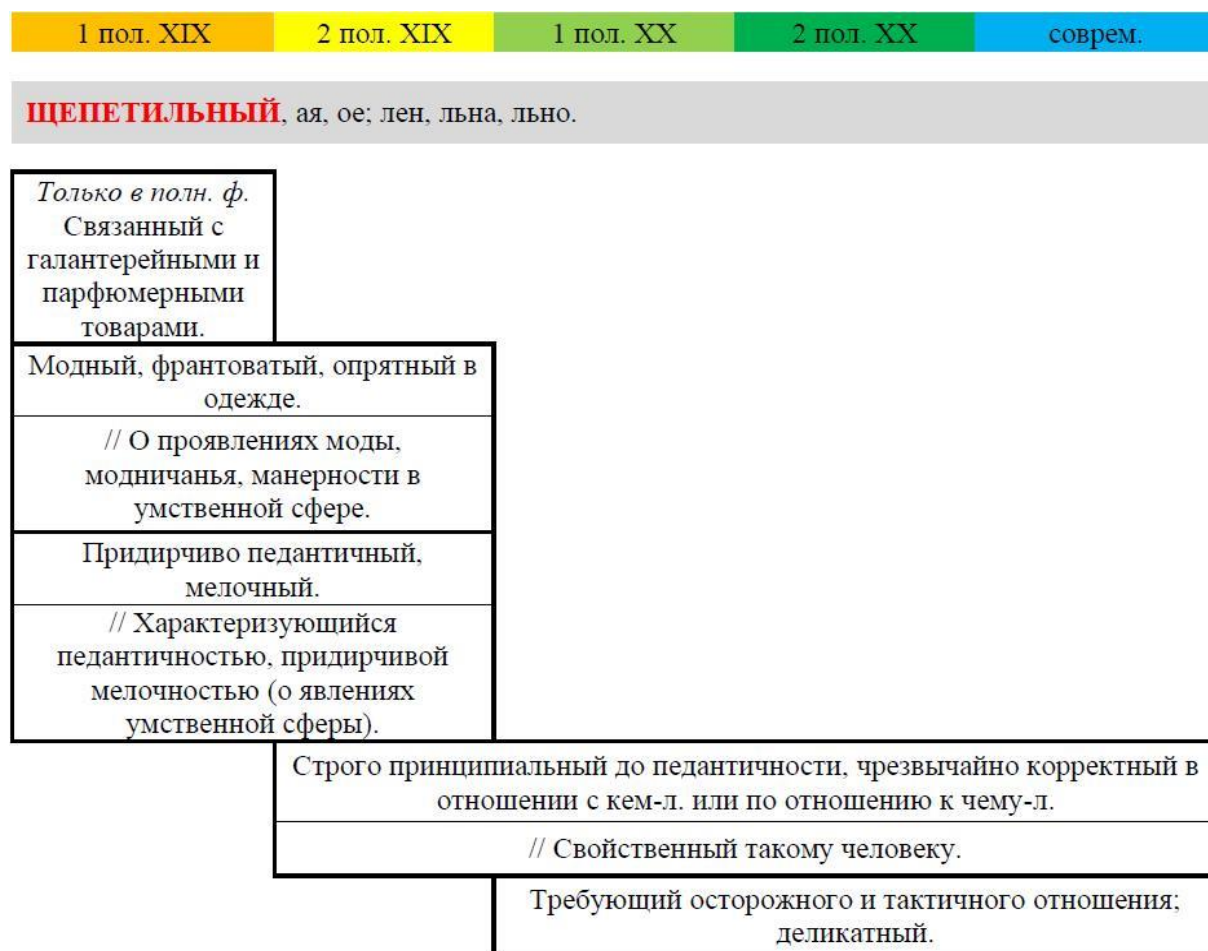

Рис. 1. Схема словарной статьи: щепетильный

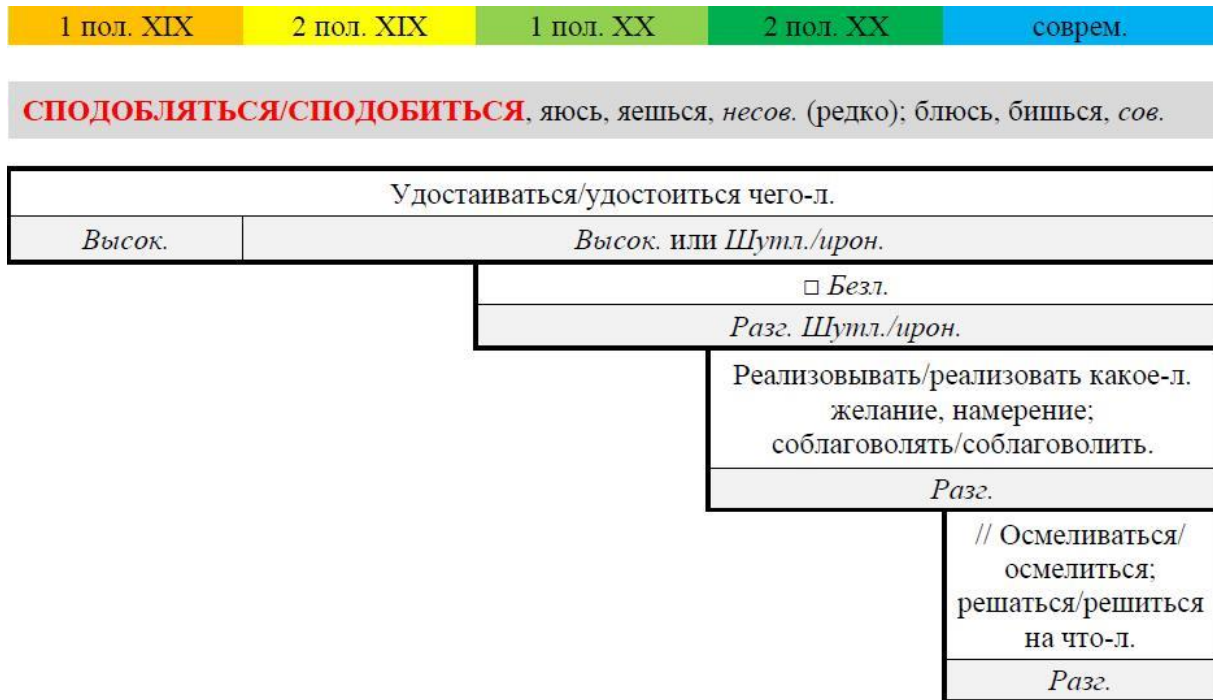

Рис. 2. Схема словарной статьи: сподобляться/сподобиться

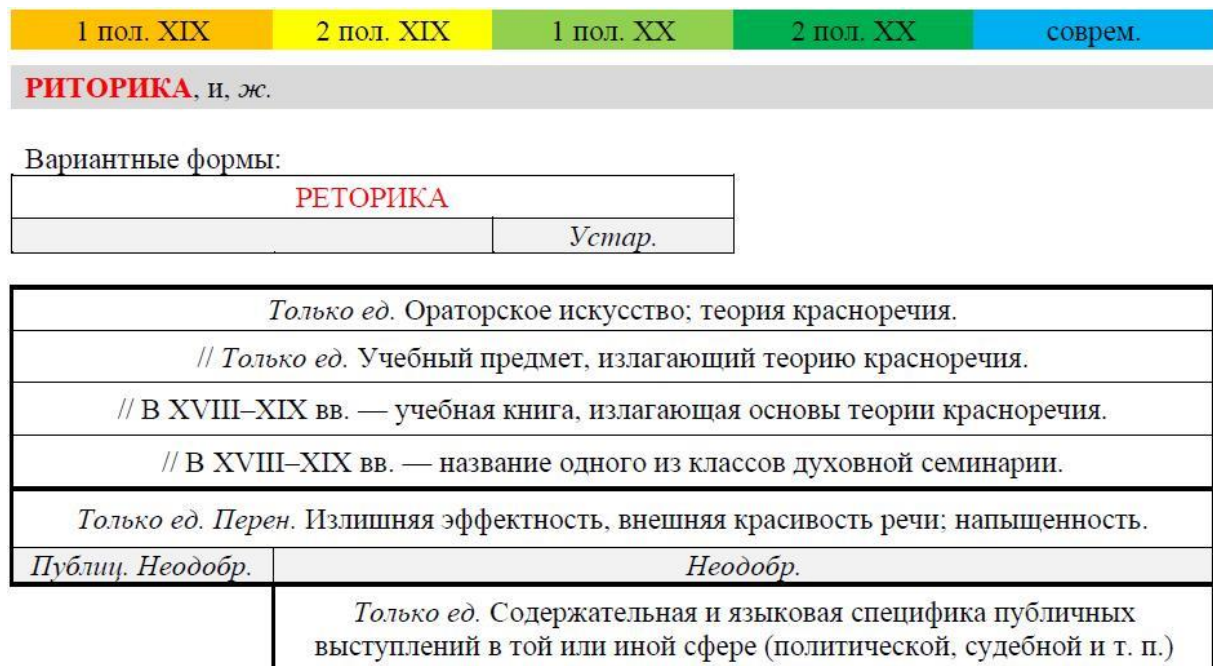

Рис. 3. Схема словарной статьи: риторика

Вместо заключения: постановка очередных задач

Несмотря на то, что перспектива электронной реализации БАС значительно отдалена во времени, уже сегодня необходимо прилагать усилия для разработки его концепции. Будущий словарь должен стать типологически новым продуктом лексикографии, в нем должны быть устранены (или по меньшей мере сведены к минимуму) любые концептуальные противоречия, а уровень системности в описании словарного состава значительно повышен. Для того чтобы реализация такого проекта

стала возможной, необходимо решить ряд крупных научных задач, среди которых отметим следующие.

1. *Создание корпуса текстов – источников словаря.* Традиционно проблема формирования эмпирической базы словаря решалась за счет создания картотек. Сегодня лексикографам доступны корпусные технологии (прежде всего «Национальный корпус русского языка»), однако ни один из создаваемых сейчас в России толковых словарей не имеет собственного корпуса текстов, скомпилированного, размеченного и организованного в соответ-

ствии с концепцией и принципами словаря.

Такой корпус должен стать материальной базой для нового электронного большого толкового словаря. Его подготовка потребует, помимо прочего, установления хронологических и социолингвистических границ русского литературного языка Нового времени. Так, необходимо будет, во-первых, обосновать нормативные периоды, подлежащие описанию в словаре, а во-вторых, выявить состав функционально-речевых сфер использования языка и, соответственно, представляющих их текстов (художественных, научно-популярных, публицистических и т. д.), соотношение которых и определит специфику литературной нормы в рамках каждого из описываемых периодов.

2. *Разработка системы лексикографической разметки.* Такая система необходима для того, чтобы корпусные данные по каждому слову можно было представить аналитически, охарактеризовав их в том числе с хронологической и нормативно-стилистической точек зрения. Будучи схожей по своему назначению с системой помет традиционного словаря, система электронной лексикографической разметки должна отличаться от последней исключительной непротиворечивостью, а также должна пронизывать весь массив словарных данных, исчерпывающим образом характеризую все единицы описания.

3. *Создание систем обработки информации: словарная база данных + лексикографический редактор.* Проанализированные и размеченные материалы корпуса текстов получают в словарной базе данных аналитическое представление, которое затем по-

средством обработки в лексикографическом редакторе (= dictionary writing system [Atkins, Rundell 2008: 113–117]) преобразуется в словарную статью. На материале русского языка сегодня осуществляется ряд аспектных проектов, среди которых следует отметить базу данных прагматически маркированной лексики [Булыгина, Трипольская 2016], базу данных сочетаемости [Хохлова, Попов 2019], базу данных неологизмов русского языка [Егоров и др. 2023], идеографические базы данных и словари Уральской семантической школы [Мухин 2022]. Известны также попытки создания систем электронной реализации толковых словарей: см., напр., [Пурицкая, Панков 2018; Ваулина 2019]. Весь этот и подобный ему опыт должен быть учтен при разработке информационных лексикографических систем нового большого толкового словаря.

Несмотря на свой промежуточный статус (между корпусом и словарем), словарная база данных обладает самостоятельным научным значением, так как на ее основе, применяя различные системы лексикографического редактирования, можно выстраивать различные словари. В частности, корпус и база данных нового большого словаря, безусловно, должны будут стать фундаментом скоординированной системы нормативных толковых словарей разного объема и назначения, опирающихся на единую методологию и единую (пусть и дифференцированную) эмпирическую базу (см. [Воронцов 2023: 102]). Таким образом будут созданы предпосылки для целенаправленного развития нормативной толковой лексикографии русского языка в рамках заранее определенной программы.

Источники

Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. – М. ; СПб. : Наука, 2004–2021 (издание продолжается).

Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.10.2024). – Текст : электронный.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 1–17 / гл. ред. В. И. Чернышев [и др.]. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1948–1965.

Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. Т. 1–6 / гл. ред. К. С. Горбачевич. – М. : Русский язык, 1991–1994.

Литература

Бабаева, Е. Э. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» / Е. Э. Бабаева, А. Ф. Журавлев, И. И. Макеева // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 34–46.

Булыгина, Е. Ю. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6 (34). – С. 70–85.

Ваулина, Е. Ю. Электронное представление «Словаря русского языка XXI века»: возможности развития / Е. Ю. Ваулина // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. – 2019. – № 1. – С. 91–101.

Виноградов, В. В. Семнадцатитомный словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1966. – № 6. – С. 3–26.

Воронцов, Р. И. Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей / Р. И. Воронцов // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2023. – Т. 82, № 5. – С. 87–108.

Воронцов, Р. И. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря / Р. И. Воронцов, М. Н. Приемышева, Е. В. Пурицкая // Вопросы лексикографии. – 2023. – № 28. – С. 5–27.

Герд, А. С. Академический словарь в свете современных социолингвистических тенденций / А. С. Герд // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2013. – Т. IX, ч. 2. – С. 131–137.

Егоров, И. М. Лексикографический ресурс «Новое в русской лексике» как цифровой этап в развитии отечественной академической неографии / И. М. Егоров, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая // *Terra Linguistica*. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 28–40.

Мухин, М. Ю. Универсальный идеографический словарь-тезаурус русской лексики: организация данных и формирование словника / М. Ю. Мухин // *Научный диалог*. – 2022. – Т. 11, №10. – С. 88–103.

Ожегов, С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка / С. И. Ожегов // *Вопросы языкознания*. – 1952. – № 2. – С. 85–103.

Перспектив Активного словаря русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 784 с.

Пурицкая, Е. В. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных / Е. В. Пурицкая, Д. И. Панков // *Вопросы лексикографии*. – 2018. – № 13. – С. 23–43.

Пурицкая, Е. В. От «Словаря современного русского литературного языка» до «Большого академического словаря русского языка» / Е. В. Пурицкая // *История, теория и практика академической лексикографии* / отв. ред. М. Н. Приемышева. – СПб. : ИЛИ РАН, 2022. – С. 83–94.

Скляревская, Г. Н. Новый академический словарь: Перспектив / Г. Н. Скляревская. – СПб. : ИЛИ РАН, 1994. – 64 с.

Сорокин, Ю. С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка / Ю. С. Сорокин // *Вопросы языкознания*. – 1967. – № 5. – С. 22–32.

Хохлова, М. В. База данных сочетаемости коллокаций: от предварительных замечаний к проекту / М. В. Хохлова, А. М. Попов // *Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. Вып. 12* / отв. ред. И. С. Николаев. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2019. – С. 212–220.

Atkins, B. T. S. *The Oxford Guide to Practical Lexicography* / B. T. S. Atkins, M. Rundell. – New York : Oxford University Press, 2008. – XII + 540 p.

References

Апресян, Ю. Д. (Ed.) (2010). *Перспектив Активного словаря русского языка* [Prospect of the Active Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Языки славянских культур. 784 p.

Atkins, B. T. S., Rundell, M. (2008). *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. New York, Oxford University Press. XII + 540 p.

Бабеева, Е. Е., Жмуров, А. Ф., Мажеева, И. И. (1997). О проекте «Исторического словаря современного русского языка» [On the Project of the “Historic Dictionary of the Contemporary Russian Language”]. In *Вопросы языкознания*. No. 2, pp. 34–46.

Булгина, Е. Ю., Трипольская, Т. А. (2016). База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования [A Database of Russian Pragmatic Vocabulary: Material, Principles of Description, Options of Use]. In *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. No. 6 (34), pp. 70–85.

Чернышев, В. И. et al. (Eds.). (1948–1965). *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language, in 17 vols.]. Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR.

Егоров, И. М., Приемышева, М. Н., Ридецкая, Ю. С. (2023). Лексикографический ресурс «Новое в русской лексике» как цифровой этап в развитии отечественной академической неографии [The Lexicographic Resource “New in Russian Vocabulary” as a Digital Stage in the Development of the Russian Academic Neography]. In *Terra Linguistica*. Vol. 14. No. 3, pp. 28–40.

Герд, А. С. (2013). Академический словарь в свете современных социолингвистических тенденций [The Academic Dictionary in the Light of Modern Sociolinguistic Trends]. In *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. Vol. IX, part 2, pp. 131–137.

Горбачевич, К. С. (Ed.). (1991–1994). *Словарь современного русского литературного языка: в 20 т.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language, in 20 vols.]. Vol. 1–6. Moscow, Russkii yazyk.

Горбачевич, К. С., Герд, А. С. (Eds.). (2004–2021). *Большой академический словарь русского языка* [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1–27. Moscow, Saint Petersburg, Nauka.

Хохлова, М. В., Попов, А. М. (2019). База данных сочетаемости коллокаций: от предварительных замечаний к проекту [A Collocation Database: From Prerequisites to a Project]. In Nikolaev, I. S. (Ed.). *Структурная и прикладная лингвистика: межвуз. сб.* Issue 12. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, pp. 212–220.

Мухин, М. Ю. (2022). Универсальный идеографический словарь-тезаурус русской лексики: организация данных и формирование словника [Universal Ideographic Dictionary-Thesaurus of Russian Vocabulary: Data Organization and Glossary Formation]. In *Научный диалог*. Vol. 11. No. 10, pp. 88–103.

Национальный корпус русского языка [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru> (mode of access: 24.10.2024).

Ожегов, С. И. (1952). О трех типах толковых словарей современного русского языка [On the Three Types of Explanatory Dictionaries of the Contemporary Russian Language]. In *Вопросы языкознания*. No. 2, pp. 85–103.

Пуритская, Е. В. (2022). От «Словаря современного русского литературного языка» до «Большого академического словаря русского языка» [From the “Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language” to the “Great Aca-

demic Dictionary of the Russian Language”]. In Priemysheva, M. N. (Ed.). *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoi leksikografii*. Saint Petersburg, ILI RAN, pp. 83–94.

Puritskaya, E. V., Pankov, D. I. (2018). Normativno-stilisticheskaya kharakteristika leksiki sovremennogo russkogo yazyka: vozmozhnosti opisaniya v slovarnoi baze dannykh [The Normative-Stylistic Qualification of the Contemporary Russian Vocabulary: Options of Description in a Dictionary Database]. In *Voprosy leksikografii*. No. 13, pp. 23–43.

Sklyarevskaya, G. N. (1994). *Novyi akademicheskii slovar': Prospekt* [New Academic Dictionary: A Prospect]. Saint Petersburg, ILI RAN. 64 p.

Sorokin, Yu. S. (1967). O normativno-stilisticheskom slovare sovremennogo russkogo yazyka [On the Normative-Stylistic Dictionary of the Contemporary Russian Language]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 5, pp. 22–32.

Vaulina, E. Yu. (2019). Elektronnoe predstavlenie «Slovara russkogo yazyka XXI veka»: vozmozhnosti razvitiya [An Electronic Representation of the “Dictionary of the 21st Century Russian”: Options of Development]. In *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. No. 1, pp. 91–101.

Vinogradov, V. V. (1966). Semnadsatimnyi slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka i ego znachenie dlya sovetskogo yazykoznaniya [The 17-Volume Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language and its Importance for the Soviet Linguistics]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 6, pp. 3–26.

Vorontsov, R. I. (2023). Normativnost' v sisteme fundamental'nykh kategorii tolkovoi leksikografii: k probleme tipologii slovarei [Normativity within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 82. No. 5, pp. 87–108.

Vorontsov, R. I., Priemysheva, M. N., Puritskaya, E. V. (2023). Printsipy normativnosti i istorizma v russkoi akademicheskoi leksikografii: eshche raz o tipe bol'shogo tolkovogo slovara [Principles of Normativity and Historicism in the Russian Academic Lexicography: The Great Explanatory Dictionary Type Re-Examined]. In *Voprosy leksikografii*. No. 28, pp. 5–27.

Данные об авторе

Воронцов Роман Игоревич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9.

E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com.

Author's information

Vorontsov Roman Igorevich – Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of the Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 22.04.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 22.04.2024; date of publication: 30.10.2024

УДК 811.161.1'374. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-69-82. ББК Ш141.12-4.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

НАСТОЯЩЕЕ – ПРОШЛОЕ – БУДУЩЕЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СВЯЗИ И ОППОЗИЦИИ

Воронина Т. М.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6834-9856>

SPIN-код: 5314-1224

А н н о т а ц и я. Цель статьи – на основе анализа лексикографических данных показать значимость оппозитивных отношений для лексем различных частей речи, входящих в идеографическую группу «Время относительно момента речи», выявить основания для подобных оппозиций и то, какие аспекты настоящего, прошлого и будущего в них профилируются. Материал выявлен и систематизирован в процессе работы над группами сферы «Время», представленной в синоптической схеме Универсального идеографического словаря-тезауруса (проект под руководством Л. Г. Бабенко). Показывается недостаточная системность в представлении подобной лексики в словарях. Методы исследования – компонентный анализ лексического значения, метод идеографической классификации, контекстологический анализ. Выявлены следующие особенности представлений о времени относительно момента речи, репрезентированных в современном русском языке. Точкой отсчета выступают фигура говорящего и настоящее время. В представлении о соотношении прошлого, настоящего и будущего важное место занимают оппозиции: прошлое и будущее противопоставляются друг другу относительно настоящего, а также настоящее, в свою очередь, противопоставляется прошлому и будущему по отдельности. В этих оппозициях профилируются сами отрезки времени и связанные с ним события, а также субъект этих событий, носитель признака, качества и т. п., которые меняются во времени. Наибольшая номинативная плотность характерна для противопоставления настоящего и прошлого. Прошлое градуировано в большей степени, и есть оппозиции, в которых настоящее противопоставляется прошлому недалекому / далекому / очень далекому или неопределенно далекому. Существуют противопоставления, в которых градуируется степень близости / удаленности от настоящего. Результаты проведенного исследования и корпус выявленного и систематизированного лексического материала позволяют наиболее полно представить в идеографическом словаре группу «Время относительно момента речи», а также в целом существенно дополняют и уточняют имеющиеся лексикографические данные и могут быть использованы в работе над другими словарными проектами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: время; настоящее; прошлое; будущее; оппозиция; антонимия; лексикография; идеографический словарь; тезаурус

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352>.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Воронина, Т. М. Настоящее – прошлое – будущее в русском языке: связи и оппозиции / Т. М. Воронина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 69–82. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-69-82.

PRESENT – PAST – FUTURE IN RUSSIAN: CONNECTIONS AND OPPOSITIONS

Tatyana M. Voronina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6834-9856>

Abstract. The article aims to highlight the importance of oppositional relationships of lexemes belonging to different parts of speech in the ideographic group “Time relative to the moment of speech” through an analysis of lexicographic data. The study also seeks to identify the basis for these oppositions and discern the aspects of the present, past, and future they represent. The study draws upon research conducted by a team led by L. G. Babenko from the Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia), as well as the material identified and systematized during their examination of ideographic groups within the sphere “Time.” This sphere is incorporated into the synoptic framework of the Universal Ideographic Dictionary-Thesaurus. Given the inadequacy in dictionary coverage of lexemes within the category “Time relative to the moment of speech,” this study aims to fill this gap. Employing the methods such as componential analysis of lexical meaning, ideographic classification, and contextological analysis, the study delineates the key features of how time is perceived in the contemporary Russian language, anchored in the speaker and the present moment. Oppositions between past, present, and future are significant, each of them being opposed to two others. Time intervals, associated events, and the subjects involved, including their changing attributes and qualities over time, are examined within these oppositions. The highest density of contrast is between the present and the past. The past is more intensively graded, and there are oppositions in which the present is opposed to the near past / remote past / very remote past / or indefinitely remote past. There are also oppositions that gauge the degree of proximity to the present. The findings of the study, coupled with the corpus of the lexical material revealed and systematized, offer insights into the category of “Time relative to the moment of speech” and contribute to enriching the lexicographic data that can be used in the work over other dictionary projects.

Keywords: time; present; past; future; opposition; antonymy; lexicography; ideographic dictionary; thesaurus

Acknowledgements: The study is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00352, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00352>.

For citation: Voronina, T. M. (2024). Present – Past – Future in Russian: Connections and Oppositions. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 69–82. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-69-82.

Введение

Исследованию времени посвящено огромное множество работ в гуманитарных науках, в том числе в лингвистике. Рассматривая различные способы моделирования времени, Н. Д. Арутюнова разграничила хронологическую (внешнюю) модель и внутриязыковую модель на следующем основании: «Хронологическая модель в своем стремлении к единству подавляет точку присутствия хрониста, располагая события на общей “линии следования”. <...> Внутриязыковая модель, напротив, постоянно разбивает линию времени точкой присутствия, задающей разную направленность движения времени – вперед, в будущее, и назад, в прошлое» [Арутюнова 1999: 695]. Такая модель реализуется в языке различными средствами: и грамматическими, и лексическими. Семантическая категория темпоральности отмечается в теории функциональной грамматики, является категорией «векторной», поскольку «момент речи как центр временной ориентации – это особая манифестация точки зрения говорящего, заключающая в себе признаки точки отсчета, исходного пункта определенной направленности в языковой интерпретации времени» [ТФГ 1990: 7]. Центр поля темпоральности – это грамматическая категория времени, а лексические средства находятся на периферии, но это «не означает, что эти языковые средства не существенны для выражения темпоральных отношений. Без лексических средств полная реализация функций выражения времени, адекватная потребностям речевой коммуникации, была бы невозможна» [ТФГ 1990: 54–55].

При этом особенности «реализации в языке (его лексическом составе) трех модусов времени: прошлого, настоящего и будущего; их специфики, соотношения, взаимозависимости», по справедливому замечанию С. М. Беляковой, относятся к тем проблемам, которые привлекают неизменное внимание лингвистов и при этом описаны не вполне удовлетворительно [Белякова 2018: 28].

Цель данной статьи – на основе анализа лексикографических данных показать значимость оппозитивных отношений для лексем различных частей речи, входящих в идеографическую группу «Время относительно момента речи», выявить основания для подобных оппозиций и то, какие аспекты настоящего, прошлого и будущего в них профилируются.

Материал, методы, обзор

Корпус лексем с семантикой времени относительно момента речи был выявлен в процессе работы над группами идеографической сферы «Время», представленной в синоптической схеме Универсального идеографического словаря-тезауруса – это проект, разрабатываемый в настоящее время лек-

сикографами Уральской семантической школы под руководством профессора Л. Г. Бабенко. Свод русской лексики, охватываемый словарем-тезаурусом, по словам Л. Г. Бабенко, «будет представлять собой максимально полное по составу поличлестеречное множество слов» [Свод лексики...]. Прежде всего источником лексического материала для настоящего исследования стали словари Уральской семантической школы: «Они, с одной стороны, концептуально близки, родственны, основаны на общих фундаментальных представлениях о системной организации лексики и принципах ее отображения в идеографических словарях. С другой стороны, они охватывают множества языковых и речевых единиц самой разной семантико-грамматической природы» [Бабенко 2020: 12]. В процессе работы привлекались также данные других словарей: толковых, идеографических, словарей синонимов, антонимов, поскольку для задач проекта важны не только формирование словника и выявление идеографических сфер и групп, но и анализ их структуры. Особый интерес, как указывает Л. Г. Бабенко, представляют «внутренние семантические связи, формирующие денотативно-идеографические группы и скрепляющие связи слов внутри них: логические (тождества, противоположности, гиперо-гипонимические, меронимические и др.), функциональные, темпоральные, количественные и пр.» [Свод лексики...].

Объем проанализированного лексического материала составил порядка 230 лексем (точнее – лексико-семантических вариантов) разной частеречной принадлежности в составе идеографической группы «Время относительно момента речи». В ходе исследования основными являлись методы компонентного анализа лексического значения, идеографической классификации. При выявлении специфики употребления рассматриваемых лексем применялся контекстологический анализ; в качестве источника примеров использовался Национальный корпус русского языка [НКРЯ].

Отметим еще раз, что лексические (и фразеологические) единицы с временной семантикой, в том числе репрезентирующие время относительно момента речи, безусловно, становились объектом лингвистического исследования. Так, среди ставших классическими обобщающих работ следует назвать выпуск «Язык и время» серии коллективных монографий «Логический анализ языка» [Логический анализ языка... 1997] и монографию Е. С. Яковлевой [Яковлева 1994]. Лингвокультурологическому и когнитивному изучению категории времени посвящены работы таких ученых, как Ю. С. Степанов [2004], А. Д. Кошелев [2015], А. В. Кравченко [1996], а также Л. Н. Михеева [2016], И. А. Цыбова [2019], А. Л. Шарандин [2011], Е. Н. Широкова [2010] и многих других, в том числе сфера времени рассмотрена в свете когнитив-

ной теории метафоры как сфера-мишень при метафоризации – см., например, Заботкина, Коннова [2007], Nilsen [2018], Катунин [2005], Иоанесян [2021]; проведены исследования языковых единиц с временной семантикой в традиционной культуре и диалектах – см., например, работы С. М. Толстой [2010], С. М. Беляковой [2005], Л. А. Ивановой [2017], Г. В. Калиткиной [2014] и других; в лексикографическом аспекте в духе Московской семантической школы лексемы, называющие отрезки времени, описаны О. Ю. Богуславской [2011]; и т. д. Отдельно хотелось бы отметить недавние работы, посвященные анализу временной лексики в современной речи, в медиадискурсе, в которых подчеркивается значимость прагматического фактора для интерпретации семантики слов, называющих «ипостаси» («модусы») времени: Басовская [2019], Белякова [2016; 2018], Пономаренко и др. [2020], Сухина [2005], Фалеева [2023].

Специфика и новизна данного исследования состоит в том, что в нем, в соответствии с поликартеречным принципом, принятым в Универсальном идеографическом словаре-тезаурусе, объектом являются лексемы, репрезентирующие как сами отрезки времени относительно момента речи, так и связанные с ними признаки, объекты, события, характеристики и т. д. При этом, как мы постараемся показать далее, в этом лексическом множестве вполне четко выделяются группировки лексем, связанные с оппозициями «прошлое – настоящее», «прошлое – будущее», «настоящее – будущее», что, на наш взгляд, должно найти более полное и системное отражение в словарях. Как справедливо отметил М. Ю. Мухин, анализируя словник Универсального идеографического словаря-тезауруса, особенности архитектуры и специфику работы с ним в виде базы данных, «Универсальный словарь-тезаурус, в целом являясь автономным источником, наследует общую идеографическую структуру (словарей Уральской семантической школы. – Т. В.), а модель взаимодействия данных позволяет реализовать в системе управления базами данных структуры для любых новых идеографических словарей» [Мухин 2022: 97].

Результаты и обсуждение

Лексика с семантикой 'время относительно момента речи' в идеографических словарях

Безусловно, лексика с семантикой 'время относительно момента речи' представлена во всех идеографических словарях без исключения: сфера времени в целом – чрезвычайно важный элемент на «денотативно-идеографической карте мира» (термин принадлежит Л. Г. Бабенко, см. [Свод лексики...]). При этом наблюдаются некоторые расхождения в лексикографической презентации этой сферы. Приведем несколько примеров.

В «Русском семантическом словаре» под ред. Н. Ю. Шведовой [РСС 1998] в т. 3 «Имена существительные с абстрактным значением» в классе «Время» (вышележащий уровень для которого – «Формы и сущностные характеристики реалий и явлений действительности») выделена подгруппа

«Отрезки, периоды времени, соотносимые с состоянием, событием, деятельностью, характеризующимися по отношению к временному пределу, временной последовательности» (здесь и далее в тексте статьи рядка наша. – Т. В.). В нее наряду с существительными *настоящее, прошлое, будущее* и их ближайшими синонимами включены также такие единицы, как *начало, середина, конец* и под. Обратим внимание на название подгруппы: «...по отношению к временному пределу, временной последовательности», т. е., как представляется, такая классификация отражает, по Н. Д. Арутюновой, хронологическую (внешнюю), объективную модель времени.

Возможно словарное представление рассматриваемых лексем, отражающее, по Н. Д. Арутюновой, внутриязыковую модель времени. Так, в словаре «Лексическая основа русского языка» под ред. В. В. Морковкина [Лексическая основа... 1984] основные наиболее частотные слова – существительные, прилагательные, наречия, – называющие время относительно момента речи, например *минувший, давно, вчера, сегодня, нынче, настоящий, впереди, будущий* и т. п., расположены в идеографической сетке в подгруппах, организующими центрами в которых обозначены лексемы *прошлое, настоящее, будущее* (именно в таком порядке). Вышележащие уровни иерархии для них – «Относительное время» < «Время» < «Абстрактные отношения и формы существования материи», а название подгруппы – «Время относительно настоящего момента». В «Большом толковом словаре русских существительных» под ред. Л. Г. Бабенко [БТСРС 2005] «Время» – это самостоятельная денотативная сфера, интересующая нас подгруппа также называется «Существительные, обозначающие время по отношению к настоящему», а группа вышележащего уровня для нее – «Существительные, обозначающие время с точки зрения говорящего».

Как видим, частные особенности репрезентации временной лексики обуславливаются типом и задачами конкретных словарей, значение имеет также принцип субъективности лексикографического описания языка. Мы согласны с положением о том, что для лексем *прошлое, настоящее, будущее* и множества слов, связанных с ними семантически и деривационно, важны именно характеристики времени с точки зрения говорящего, причем в аспекте оппозиций. В связи с этим далее рассмотрим вопрос о реальности оппозиций «прошлое – будущее», «настоящее – прошлое», «настоящее – будущее».

Оппозиция «прошлое – настоящее – будущее» в аспекте антонимии и синонимии

В рамках «узкой» концепции семантики (см. об этом [Кобозева 2000: 13–16]) оппозиции типа «прошлое – настоящее» нельзя считать антонимическими. Ср. мнение Ю. Д. Апресяна: «к числу слов с противоположным значением относят иногда пары слов типа *прежде – теперь, производитель – потребитель, теоретический – практический* и ряд других. Ни одна из них не может быть подведена под изученные нами типы. Отношение между *прежде* и

теперь – в точности такое же, как отношение между *вчера* и *сегодня*, *прошлый* и *нынешний* (год), *высокий* и *средний* (рост) и т. д.: *теперь* соответствует центральной, а не полярной точке шкалы времени, и трактовка таких пар как антонимичных оказывается несовместимой с развитым выше представлением об антонимии» [Апресян 1995: 300]. Л. А. Новиков характеризует подобные пары слов менее категорично. Он считает, что к антонимам, выражающим качественную противоположность, «с известной условностью можно отнести обозначения основных пространственных и временных координат, обнаруживающие ступенчатые оппозиции, хотя и не являющиеся качественными словами: *верхний* – *средний* – *нижний* (*верх* – *середина* – *низ*), *левый* – *средний* (*центральный*) – *правый*, *прошедшее* – *настоящее* – *будущее*, *позавчера* – *вчера* – *сегодня* – *завтра* – *послезавтра*; ср. *север* – *юг*, *восток* – *запад*; *лето* – *зима*, *весна* – *осень* в замкнутых циклах: *зима*, *весна*, *лето*, *осень*, *зима* и т. п.» [Новиков 1984: 16].

Анализ словарей антонимов современного русского языка показывает, что пары, состоящие из слов, называющих время относительно момента речи, представлены в них недостаточно системно.

Для анализа мы воспользовались данными, предоставленными М. Ю. Мухиным, который провел масштабное исследование – «сопоставление лексикографических ресурсов, содержащих описание русских антонимов. Материал составили словники шести традиционных словарей, а также

русского Викисловаря и Большого толкового словаря синонимов русской речи, создаваемого под руководством проф. Л. Г. Бабенко» [Мухин 2017: 203]. Исследование М. Ю. Мухина построено на словниках словарей антонимов Л. А. Введенской (2003), Н. П. Колесникова (1972), М. Р. Львова (1984), О. А. Михайловой (2010), А. С. Гавриловой (2014), О. Д. Ушаковой (2008) – отметим, что для нашей работы последние два источника оказались нерелевантными, наш материал в них практически не встречается, и далее они использоваться не будут.

На первом этапе работы мы сравнили представленность в словарях антонимических пар и гнезд, включающих элементы оппозиции «настоящее – прошлое – будущее». В таблицах 1–3 приведем сопоставление адъективных, субстантивных и наречных пар в словарях. При этом, учитывая, что исследование М. Ю. Мухина основывалось на словниках, мы уточняли данные по нашему материалу вручную. Так, например, в словаре антонимов М. Р. Львова лексемы *прошлое* и *будущее* отсутствуют в словнике, однако в гнезде *прошлый* – *будущий* приведены примеры на совместное употребление и субстантивов тоже, поэтому мы сочли, что пара *прошлое* – *будущее* в словаре также представлена; или в словаре О. А. Михайловой в словнике есть пара *вчера* – *завтра*, однако из словарной статьи следует, что это наречия, а в значении существительных такой пары нет; и некоторые другие подобные случаи.

Таблица 1

Отражение в словарях оппозиции «прошлое – будущее»

Слово	Антоним	Львов (СЛ)	Введенская (СВ)	Колесников (СК)	Михайлова (СМ)	Вики-словарь (Вики)	БТСССР
Имена прилагательные							
прошлый	будущий	+	+		+	+	+
прошлый	следующий					+	
прошлый	грядущий	+	+		+	+	+
былой	будущий				+	+	+
былой	грядущий	+	+		+		+
прошедший	будущий	+	+		+	+	+
прошедший	наступающий				+		
прошедший	предстоящий	+				+	
прошедший	грядущий	+	+		+	+	+
минувший	будущий				+	+	+
минувший	наступающий				+		
минувший	грядущий	+	+		+		+
Имена существительные							
прошлое	будущее	+	+		+	+	
прошлое	грядущее	+	+		+		
вчера	завтра	+	+	+		+	
прошедшее	будущее		+	+	+		
прошедшее	грядущее				+		
минувшее	грядущее	+					
былое	будущее		+		+	+	
былое	грядущее	+			+		
прожитое	будущее				+		
прожитое	грядущее				+		

Продолжение таблицы 1

Слово	Антоним	Львов (СЛ)	Введенская (СВ)	Колесников (СК)	Михайлова (СМ)	Вики-словарь (Вики)	БТССРР
Наречия							
раньше	потом				+	+	
раньше	впоследствии					+	
раньше	позже				+	+	
раньше	после				+		
вчера	завтра	+	+	+	+		

Как видим, полнее материал представлен в словарях, построенных по гнездовому принципу (СЛ, СВ, СМ), а наиболее полно – в словарях, где учитываются синонимические связи (СМ, БТС-СРР). По поводу БТССРР, правда, следует отметить,

что по нему данные нельзя считать полностью репрезентативными, т.к. работа над ним пока не завершена и выборка сделана по первым четырем подготовленным к печати томам.

Таблица 2

Отражение в словарях оппозиции «настоящее – прошлое»

Слово	Антоним	Львов (СЛ)	Введенская (СВ)	Колесников (СК)	Михайлова (СМ)	Вики-словарь (Вики)	БТССРР
Имена прилагательные							
настоящий	прошлый	+			+	+	
настоящий	прошедший	+				+	
настоящий	прежний				+		
сегодняшний	вчерашний	+				+	+
сегодняшний	ранешний						+
теперешний	прежний	+			+	+	
теперешний	прошлый				+	+	+
теперешний	ранешний						+
теперешний	стародавний					+	
теперешний	тогдашний	+				+	
нынешний	былой					+	
нынешний	прежний	+			+		
нынешний	прошлый				+		+
нынешний	ранешний						+
нынешний	стародавний					+	
нынешний	старый					+	
нынешний	тогдашний	+					
текущий	былой					+	
текущий	прошлый					+	
Имена существительные							
настоящее	прошлое	+					
сегодня	вчера						+
Наречия							
сейчас	раньше				+		+
сейчас	тогда				+	+	
сейчас	прежде				+		+
сегодня	вчера	+					+
сегодня	прежде						+
сегодня	раньше						+
теперь	вчера						+
теперь	прежде	+		+	+	+	+
теперь	раньше	+			+	+	+
теперь	тогда	+		+	+	+	
ныне	прежде	+			+		+
ныне	раньше				+		+
ныне	тогда	+			+		
нынче	встарь					+	
нынче	вчера					+	+
нынче	тогда	+			+		

Среди рассмотренных словарей в СВ пар, репрезентирующих данную оппозицию, не представлено вовсе, в СК – только две наречные пары. Из отадекативных существительных отражена только пара *прошлое – настоящее* в СЛ, другие единицы, например *минувшее, прошедшее, былое, про-*

житое, не противопоставляются лексеме *настоящее* ни в одном словаре (при этом в парах оппозиции «прошлое – будущее» они фигурируют, см. таблицу 1), хотя собственно пары прилагательных есть. Наречные пары представлены более полно, хотя не исчерпывающе, в СЛ, СМ, Вики, БТССРР.

Таблица 3

Отражение в словарях оппозиции «настоящее – будущее»

Слово	Антоним	Львов (СЛ)	Введенская (СВ)	Колесников (СК)	Михайлова (СМ)	Вики-словарь (Вики)	БТССРР
Имена прилагательные							
настоящий	будущий	+				+	+
настоящий	грядущий	+					+
сегодняшний	завтрашний	+					+
теперешний	завтрашний						+
нынешний	завтрашний						+
Имена существительные							
настоящее	будущее	+		+			
сегодня	завтра	+					+
Наречия							
сейчас	потом	+					+
сейчас	впоследствии						+
сейчас	завтра						+
сейчас	позднее						+
сейчас	позже						+
сейчас	после						+
сейчас	опосля						+
сегодня	завтра	+					+
теперь	потом	+				+	+
теперь	впоследствии						+
теперь	завтра						+
теперь	позднее						+
теперь	позже						+
теперь	после	+					+
теперь	опосля						+

Из данных таблицы видно, что в традиционных словарях лексемы, репрезентирующие данную оппозицию, представлены еще менее последовательно. Пара *настоящее – будущее* есть только в СЛ и СК, при этом СК не дает больше ни одной пары с таким смыслом, даже Вики отражает только пары *настоящий – будущий* и *теперь – потом*, и лишь в СЛ даны основные и адъективные, и наречные пары.

Итак, анализ лексикографических материалов показывает, что во всех словарях отражается только противопоставление крайних членов оппозиции «прошлое – будущее», тогда как противопоставления «настоящее – прошлое» и «настоящее – будущее» представлены не во всех источниках и менее системно.

Между тем, если мы вернемся к мысли о том, что для языкового отображения времени важна точка зрения говорящего, то, на наш взгляд, следует признать реальность противопоставлений не только «прошлое – будущее», но и «настоящее – прошлое» и «настоящее – будущее». В традиционных толковых словарях дефиниции даны с точки зрения линейной, хронологической модели времени, например:

настоящий 1. Теперешний, происходящий в данное время;

будущий 1. Такой, к-рый следует за настоящим, предстоящий;

прошлый 1. Предшествующий настоящему, минувший [СОШ].

Однако, как показано в работах последних лет, посвященных исследованию временной лексики в современной речи, человеку свойственно оценивать отрезки времени относительно момента речи в сопоставлении и противопоставлении.

Так, С. М. Белякова пишет: «Часто сочетания этих двух модусов [сегодня и завтра. – Т. В.] используются для подчеркивания контрастов, изменяющейся жизни: *Может, сегодня я Костя, не спорю, а вот завтра я – президент!* (С. Носов, 2015); *Сегодня это прикол, а завтра, глядишь, законодательная инициатива* (Г. Тарасевич, 2013); *Пускай сегодня мы еще студенты, мы завтра настоящие врачи!* (А. Моторов, 2013). Это же значение может реализоваться и в сочетании «вчера + сегодня»: *То, что было превосходным вчера, сегодня уже устарело и никуда не годится* (А. Марков, Е. Наймарк, 2014); *Вчера – преступление, сегодня – бизнес* (С. Алексиевич, 2013)» [Белякова

2018: 31]; «Контексты, включающие лексему *настоящее*, как правило, содержат сопоставление данного модуса с другими. Так, изолированное употребление этой лексемы отмечено лишь в 24% примеров. Сочетание настоящего и будущего встречается также в 24% контекстов, а всех трех модусов – в 22% (что находится в пределах статистической погрешности). Наибольший процент (30%) составляют примеры, в которых настоящее связывается с прошлым» [Белякова 2016: 227].

Е. Н. Басовская, рассматривая формирование и функционирование коллокации *светлое завтра*, приводит, в частности, примеры использования этого клише в контекстах с противопоставлениями: «*А мы в России хотим наше завтра делать сегодня. Наши родители жили ради светлого завтра. Нас воспитывали надеждой на лучшее будущее* (Известия. 2001.12.14); *Прежние вожди тоже слыли великими выдумщиками. Любили нарисовать какую-нибудь картину светлого завтра. Чтобы народ не оталекался на сиюминутное, вроде хлеба и крова, а больше думал о возвышенном, например о том, как замечательно будут жить будущие поколения* (Новая газета. 2003.01.30)» [Басовская 2019: 134].

В работе [Пономаренко и др. 2020: 120–124] на основе анализа текстов современных СМИ показано, что «в большинстве контекстов прошлое оценивается негативно и семантическая структура слова *прошлое* включает имплицитные коннотативные компоненты ‘отсталость’, ‘несовременность’, в то время как будущее видится вариативным либо (при согласованности шагов субъектов политики) позитивным <...>. Специфику прошлого и будущего в мире политики наиболее полно можно раскрыть именно при их соотношении с настоящим, которое является точкой отсчета, организующей ретроспективные и перспективные действия».

А. С. Фалеева, анализируя существительные со значением времени как средство выражения эмоционального и физического состояния человека, приводит примеры, в которых также ярко видно противопоставление настоящего и прошлого, настоящего и будущего, прошлого и будущего: «*Ведь я живу сегодняшним днем. Хочу подчеркнуть – живу настоящим, а не прошлым* (В. Молчанов, К. Сегура. И дольше века... (1999–2003)); *Я живу сегодняшним днем и думаю о дне завтрашнем* (Б. Мурадов. Восставший из ада // Формула. 2001); *Даже не потому, что человек не может быстро приспособиться к переменам климата – он в принципе не расположен смотреть в будущее, планировать стратегически. Он живет вчерашним днем. А жить надо днем завтрашним* (А. Тишков, О. Балла. Привлечь к себе любовь простоты // Знание – сила. 2009)» [Фалеева 2023: 43].

Подобная точка зрения о значимости противопоставлений для семантики слов, называющих время относительно момента речи, как представляется, находит отражение в современных лексикографических изданиях, а также в словарях, которые, по замыслу авторов, ориентированы на наивное языковое сознание. В качестве примера приведем дефиниции, которые даны в «Большом универсальном словаре русского языка» под ред.

В. В. Морковкина [БУС 2016] и в «Толково-понятийном словаре русского языка» А. А. Шушкова [Шушков 2008].

Настоящий 1.о. с оттенком книжн. или офиц., со словами «момент», «минута», «время», «период», «жизнь». Такой, к-рый имеет место сейчас, в данное конкретное время. Син. данный;

прошлый 1.о. Такой, к-рый был до, раньше настоящего момента, во время, к-рое уже прошло. Син. прежний, вчерашний, минувший. Ан т. буд у щ и й ; н а с т о я щ и й ;

будущий 1.о. Такой, к-рый последует за настоящим, к-рый только еще будет, появится через некоторое время. Син. предстоящий, завтрашний. Ан т. п р о ш л ы й , п р е д ы д у щ и й [БУС 2016].

Настоящий, сегодняшний, текущий, теперешний, современный, нынешний – ‘слова, характеризующие события, ситуации, которые имеют место в данное время’;

прошедший, прошлый, минувший, былой, тогдашний, старый, прежний, древний, давнишний, стародавний, незапамятный – ‘слова, характеризующие отрезки времени, события, факты, людей, которые были, происходили, жили и т.п. давно и сейчас их нет’;

будущий, предстоящий, грядущий – ‘слова, характеризующие нечто, что появится или произойдет не сейчас, а потом’ [Шушков 2008].

Выделенные нами компоненты дефиниций показывают, что в них отражена противопоставленность семантики слов, называющих время относительно момента речи, при этом опять-таки наблюдается, на наш взгляд, недостаточная системность такого отражения. В «Большом универсальном словаре» к лексеме *прошлый* даны антонимы *будущий* и *настоящий*, к лексеме *будущий* – только *прошлый* и *предыдущий*, к лексеме *настоящий* антонимы не приведены. В «Толково-понятийном словаре» в статьях *настоящий, прошедший, будущий* представлены синонимы заголовочных единиц как основные лексемы, репрезентирующие данные смыслы, а противопоставленность этих смыслов отражена в дефинициях (‘были давно и сейчас их нет’; ‘произойдет не сейчас, а потом’). Однако и здесь видны различия в дефинициях, а именно в репрезентации субъектной семы: для *настоящий* это ‘события или ситуации’, для *прошедший* – ‘отрезки времени, события, факты, люди’, для *будущий* – ‘нечто’.

Полагаем, что подобные особенности связаны с алфавитным представлением материала: в «Большом универсальном словаре» порядок строго алфавитный, «Толково-понятийный словарь» относится к идеографическим словарям аналогического типа, где лексемы и устойчивые выражения объединены в смысловые группы, соотношенные с определенными ключевыми словами, которые, в свою очередь, расположены по алфавиту. Об издержках лексикографической работы с алфавитными списками слов в свое время очень метко сказала Н. Ю. Шведова: «Если работа над словарем идет по алфавиту, т.е. неизменно начинается с *абазура* и кончается *ящуром*, то составитель прак-

тически лишен возможности осуществить необходимую унификацию: в длительном ходе многоэтапной работы слово *завтрак* от него уже давно ушло, а к слову *ужин* он подойдет еще не скоро: пока же он в деталях разрабатывает семантическую структуру слова *обед*» [Шведова 1981: 170]. Полностью соглашаясь с этим утверждением, далее представим результаты, к которым мы пришли, работая с материалами Универсального идеографического словаря-тезауруса под руководством Л. Г. Бабенко и анализируя оппозитивные отношения в составе идеографической группы «Время относительно момента речи».

Уточнение и систематизация элементов оппозиции «прошлое – настоящее – будущее» на материале данных Универсального идеографического словаря-тезауруса

Прежде всего определим, на основе каких семантических компонентов можно противопоставлять элементы этой оппозиции. Если ее крайние члены – «прошлое – будущее» представляют собой оппозицию типа «больше Р – меньше Р» (по Ю. Д. Апресяну), то оппозиции «настоящее – прошлое» и «настоящее – будущее», с нашей точки зрения, представляют собой оппозиции типа «Р – не Р»: настоящее 'существует сейчас' – прошлое 'уже не существует сейчас' – будущее 'еще не существует сейчас'. Отметим еще раз, что реальность оппозиций «настоящее – прошлое» и «настоящее – будущее» доказывается частотностью контекстных противопоставлений соответствующих лексем. Попутно следует указать, что это не характерно для слов *вчера*, *сегодня*, *завтра*, когда они обозначают дни, а не периоды времени. Если мы видим их совместное употребление в контекстах, то это всегда не противопоставление, а именно констатация следования: – *В этом городе тебя ни вчера, ни сегодня не было, усвоил?* (О. Павлов); – *Вот за что не люблю сватаний – пойдет возня: сегодня нельзя, да пожалуйста завтра, да еще послезавтра на чашку, да нужно еще подумать* (Н. Гоголь); – *Что твой милый барин – дома? – Дома, вчера приехал и завтра опять собирается* (Н. Лесков) и т. п. Таким образом, не все единицы идеографической группы «Время относительно момента речи» образуют оппозиции, но в целом, как показал анализ, для данной группы отношения противоположности чрезвычайно важны.

Материал нашего исследования составляют не только собственно противопоставления в составе оппозиции «прошлое – настоящее – будущее», но и другие оппозиции, связанные с основными деривационно и/или семантически. Учитываются также синонимические отношения лексем, входящих в оппозиции, и их эпидигматика, которая ведет к синтагматическим ограничениям и становится основанием для выделения самостоятельных оппозиций. Например, не все лексемы, называющие периоды времени, одинаково развивают многозначность и способны называть признак, статус и т. п. человека в настоящем, прошлом или будущем, ср.: *сотрудник, начальник, друг, зритель* и т. п. – *настоящий, теперешний, нынешний, сегодняшний / прежний, бывший, тогдашний, вчерашний / будущий,*

завтрашний, но не **текущий* / **прошлый, прошедший, былой, минувший* / **наступающий, предстоящий*.

Рассмотрим последовательно, какие аспекты настоящего, прошлого и будущего профилируются в семантике противопоставленных слов и рядов слов при реализации оппозиций, связанных с обозначением времени относительно момента речи.

Прошлое – будущее

Прежде всего, конечно, это само время и связанные с ним события:

Прошлый, *былой, минувший, прежний, прошедший, старый, разг. тогдашний, разг.-сниж. ранешний* 'такой, который предшествовал моменту речи (о времени); такой, который существовал, происходил во время, предшествовавшее данному' / **Будущий**, *завтрашний, наступающий, предстоящий, следующий, высок. грядущий* 'такой, который последует после момента речи (о времени); такой, который будет существовать, происходить во время, следующее за данным', например: ... *Слушали, вздыхали, обсуждали, плакали, рассказывали про своих, вспоминали прошлую жизнь, думали о будущей* (В. Войнович); ... *Быть вольным, одиноким, / В торжественной тиши раскинутых полей / Идти своим путем свободным и широким, / Без будущих и прошлых дней* (В. Брюсов); – *Все мои прошлые, да и будущие заслуги вряд ли могут быть сопоставлены с деяниями Петра Великого* (В. Рыбаков);

Прошлое, *перен. вчера, древность, минувшее, прожитое, прошедшее, старина, книжн. былое* 'время, которое предшествовало настоящему; события, которые уже произошли' / **Будущее**, *перен. завтра, высок. грядущее* 'время, которое последует за настоящим; события, которые еще не произошли, а только будут происходить', например: *От них ушло общее будущее, но прошлое осталось и вьелось в каждую клетку* (В. Токарева); *Если Цветаева описывает то, что уже произошло, сбилось, то Пастернак – то, что предстоит. Она – прошлое, он – следующее за ним будущее* (И. Бродский);

Раньше, *в прошлом, прежде, ранее, тогда* 'во время, которое предшествовало настоящему, которое уже прошло' / **Потом**, *в будущем, впоследствии, позже, после, разг.-сниж. опосля* 'во время, которое последует за настоящим, которое еще не наступило', например: *Такого никогда раньше не было и никогда потом не будет* (В. Пелевин); *Поэт знает, какой поэзия была раньше, но не знает, какой поэзия будет потом* (Б. Гройс).

Кроме того, может профилироваться субъект – участник события, носитель признака, качества в прошлом или в будущем:

Бывший, *перен. вчерашний, прежний, разг. тогдашний* 'такой, который имел какой-л. статус, положение, должность и т. п. раньше, в прошлом (о человеке)' / **Будущий**, *перен. завтрашний* 'такой, который будет иметь какой-л. статус, положение, должность и т. п. потом, в будущем (о человеке)', например: *Болдин, бывший сотрудник «Правды» и будущий экачепист, дал автору понять, что одобрил это письмо и сделает все, чтобы оно прокатилось по парторганизациям страны* (Л. Данилкин).

По поводу наречной оппозиции следует до-

полнительно отметить, что лексемы *раньше, прежде* и *потом, после* могут называть и временную соотнесенность, последовательность чего-л., но в этих значениях они не вступают в синонимические отношения с единицами *в прошлом / в будущем* и др.

В свою очередь, единицы *в прошлом* и *в будущем* участвуют еще в одном противопоставлении, если отвечают не на вопрос *когда?*, а на вопрос *где?*:

В прошлом, перен. позади 'во времени, которое уже прошло' / **В будущем**, перен. впереди 'во времени, которое еще не наступило', например: «*Лучшие времена*» у нас почему-то всегда в прошлом или далеко в будущем (М. Захаров); *Зажмурился от неприязни ко всему, что вокруг: за окном, в прошлом, в будущем* (З. Прилепин). Думается, что в этой оппозиции еще более акцентируется фигура говорящего.

Настоящее – прошлое

Так же как и для предыдущей оппозиции, прежде всего противопоставляются само время и связанные с ним события, а также субъект этих событий, носитель признака, качества:

Настоящий, перен. сегодняшний, текущий, теперешний, разг. нынешний 'такой, который совпадает с моментом речи (о времени), такой, который существует, происходит в данное время' / **Прошлый**, былой, минувший, прежний, прошедший, старый, разг. тогдашний, разг.-сниж. ранешний 'такой, который предшествовал моменту речи (о времени); такой, который не существует, не происходит в данное время, а существовал, происходил во время, предшествовавшее данному', например: *В настоящее время, как и в прошлое, творцу и писателю, даже эстраднему певцу, чтобы прославиться, надо наклеить на себя что-то неожиданное* (С. Есин); *Везде было мучительно тяжело – и в прошлой, и в настоящей жизни* (С. Бабаян);

Настоящее, перен. сегодня, современность 'настоящее время; события, которые происходят сейчас' / **Прошлое**, перен. вчера, древность, минувшее, прожитое, прошедшее, старина, книжн. былое 'время, которое предшествовало настоящему; события, которые не происходят сейчас, а уже произошли', например: – *Самое большое прошлое меньше самого маленького настоящего*, – изрек Печенегин (А. Славовский); *Между прошлым и настоящим всегда есть незримая связь* (В. Левашов);

Сейчас, перен. сегодня, теперь, устар. и высок. ныне, разг. нынче, разг.-сниж. теперича 'в настоящее время' / **Раньше**, в прошлом, прежде, ранее, тогда 'во время, предшествовавшее настоящему', например: *Но почему это ощущение естественного равенства, раньше восхищавшее Крымова, сейчас вызывало в нем чувство злости, желание подавить его, скрутить?* (В. Гроссман); *Раньше боль переставала, сейчас все болит и болит* (А. Иличевский);

Настоящий, перен. сегодняшний, теперешний, разг. нынешний 'такой, который имеет какой-л. статус, положение, должность и т. п. сейчас' / **Бывший**, перен. вчерашний, прежний, разг. тогдашний 'такой, который имел какой-л. статус, положение, должность и т. п. раньше, в прошлом (о человеке)', например: *Впрочем, приятно замечать нестоличные мелочи: профессора филологии узнают на улице бывшие*

и настоящие студенты, друзья и подруги (А. Родионов).

Кроме того, возникают оппозиции, дополнительно характеризующие явления настоящего и прошлого как соответствующие своему времени, характерные для него, в этом случае несколько меняется состав рядов и доминантами выступают другие лексемы:

Современный, новый, перен. сегодняшний, теперешний, разг. нынешний 'такой, который существует в данное время, характерен для него' / **Старинный**, былой, давний, древний, прежний, прошлый, старый, разг. давнишний, разг. тогдашний, разг.-сниж. ранешний 'такой, который существовал во время, предшествовавшее данному, был характерен для него', например: *Мне только хочется, чтобы это была не современная идея, а старинная* (А. Маринина); *Откуда же в современном человеке всплывают эти старинные, даже древние действия, ритуалы, потребности и почему они так органичны?* (А. Иванов).

С подключением оценочного компонента возникает еще одна оппозиция, тоже с видоизмененным составом, где прошлое противопоставляется настоящему как не отвечающее современным требованиям, потребностям и т. п.:

Современный, актуальный, новый, последний 'соответствующий уровню, требованиям настоящего времени; такой, который существует сейчас и активно используется' / **Несовременный**, перен. ветхозаветный, перен. ветхий, перен. дедовский, неактуальный, перен. обветшалый, отсталый, перен. патриархальный, перен. прадедовский, перен. старозаветный, старомодный, перен. старорежимный, старый, устаревший, устарелый, книжн. анахронический, книжн. анахроничный, архаический, книжн. архаичный, разг. древний, перен., разг. ископаемый, перен., разг. допотопный 'не соответствующий уровню, требованиям настоящего времени; такой, который существовал раньше, а сейчас вышел или выходит из употребления', например: *Неужели же школа останется как бы не знающей о такой реформе в науке и жизни и будет идти своим прежним, устарелым ходом, забывая, что то, что было современным и полезным, может сделаться несовременным, бесполезным, а потому и вредным?* (К. Ушинский).

Можно говорить о номинативной плотности такого противопоставления, так как варьируется и грамматический способ выражения этой оппозиции – представлены производные субстантивные и наречные ряды: **Современность**, актуальность, новизна / **Несовременность**, неактуальность, отсталость, старомодность, устарелость, книжн. архаичность; **Современно**, актуально, ново, по-новому, по-современному / **Несовременно**, неактуально, отстало, по-старому, по-старинному, старомодно, книжн. архаично, разг. по старинке.

Кроме того, есть оппозиции, для которых настоящее, момент речи выступает как точка отсчета, но лексемы, называющие настоящее, членами этих пар не являются. Как отмечено во многих исследованиях, область прошлого больше градуирована в языке, чем область будущего. Это находит отражение в оппозициях, где противопоставляется недалекое и отдаленное / далекое прошлое:

Недавно 'в ближайшем прошлом, незадолго до настоящего момента' / **Давно** 'в отдаленном обозримом прошлом, задолго до настоящего момента';

Недавно 'в недалеком прошлом, незадолго до настоящего времени' / **Давно**, *в старину, встарь, когда-то, некогда, разг. давным-давно* 'в далеком прошлом, задолго или за неопределенно долгое время до настоящего'.

Мы считаем, что необходимо выделить эти две разные оппозиции. Действительно, ср. значение наречия *давно* и возможность его синонимических замен в контекстах: *Давно уже пробило десять. Приближалась длинная, одинокая, скучная ночь* (А. Чехов) – **в старину, встарь, когда-то, некогда* (пробило десять); vs *Раньше деревня была большой. Но это было давно. Теперь все по-другому* (С. Носов) – такие замены возможны.

Аналогичным образом организуются оппозиции прилагательных:

Недавний, последний 'бывший, происходивший в ближайшем прошлом, незадолго до настоящего момента' / **Давний**, *разг. давнишний* 'бывший, происходивший в отдаленном обозримом прошлом, задолго до настоящего момента';

Недавний 'бывший, происходивший в недалеком прошлом, незадолго до настоящего времени' / **Давний**, *давнотрудивший, перен. далекий, перен. дальний, древний, незапамятный, перен. седой, старый, стародавний, устар. старопрежний* 'бывший, происходивший очень давно, в далеком прошлом, задолго или за неопределенно долгое время до настоящего'.

Есть также оппозиции, в которых профилируется отдаленность прошлого и одновременно длительность существования объекта. На эту особенность обратила внимание Е. В. Падучева, которая отметила «уникальное сочетание в одном слове *давно* значений обстоятельства времени и длительности» [Падучева 1997: 253]. Таким образом, наречными и адъективными средствами противопоставляется существование объектов с недавнего/давнего времени, тоже с градуированием:

Недавно 'начиная с момента в недалеком прошлом' / **Давно**, *разг. давным-давно* 'начиная с момента в далеком прошлом';

Недавний, *новый, перен. свежий* 'существующий еще немного времени, возникший, появившийся в недалеком прошлом' / **Давний**, *старинный, стародавний, старый* 'существующий уже очень много времени, возникший, появившийся в далеком прошлом';

Недавно 'начиная с момента в недалеком прошлом' / **Всегда**, *вечно, вечность, издавна, книжн. извечно, книжн. издревле, книжн. искони, книжн. исстари, разг. сыздавна* 'начиная с момента в очень далеком прошлом, настолько долго, что существование чего-л. воспринимается как бесконечное';

Недавний, *новый* 'существующий еще немного времени, возникший, появившийся в недалеком прошлом' / **Вечный**, *исконный, книжн. вековечный, книжн. извечный, книжн. изначальный* 'существующий начиная с момента в очень далеком прошлом, настолько долго, что это существование воспринимается как бесконечное'.

Итак, противопоставление настоящего и прошлого представлено лексическими средствами значительно более детализированно.

Настоящее – будущее

В данной оппозиции реализуется основная схема противопоставлений, такая же, как в двух первых рассмотренных оппозициях: противопоставляются само время и связанные с ним события, а также субъект этих событий, носитель признака, качества:

Настоящий, *перен. сегодняшний, текущий, теперешний, разг. нынешний* 'такой, который совпадает с моментом речи (о времени), такой, который существует, происходит в данное время' / **Будущий**, *завтрашний, наступающий, предстоящий, следующий, высок. грядущий* 'такой, который последует после момента речи (о времени); такой, который еще не существует, не происходит, а только будет существовать, происходить во время, следующее за данным', например: *Банальная истина: едва наступив, каждая следующая секунда становится минувшей, а каждая будущая – настоящей* (В. Михальский);

Настоящее, *перен. сегодня, современность* 'настоящее время; события, которые происходят сейчас' / **Будущее**, *перен. завтра, высок. грядущее* 'время, которое последует за настоящим; события, которые не происходят сейчас, а только будут происходить', например: *Оба они были счастливы настоящим и мало думали о будущем* (А. Пушкин); *От подполковника зависело наше настоящее, а от нас – его будущее* (А. Варламов);

Настоящий, *перен. сегодняшний, теперешний, разг. нынешний* 'такой, который имеет какой-л. статус, положение, должность и т. п. сейчас' / **Будущий**, *перен. завтрашний* 'такой, который будет иметь какой-л. статус, положение, должность и т. п. потом, в будущем (о человеке)', например: *Поздравляем всех наших заказчиков, настоящих и будущих, с наступающим светлым праздником Рождества Христова* (электронное объявление); *Я верю тебе настоящему, но не верю тебе будущему* (Слава Сэ).

Говоря об оппозициях, для которых настоящее выступает как точка отсчета, отдельно следует отметить противопоставления, в которых градуируется степень близости/отдаленности времени и событий от настоящего, причем речь может идти как о прошлом, так и о будущем:

перен. Близкий, *перен. недалекий, перен. недалкий* 'незначительно отстоящий во времени от настоящего (о прошлом или будущем)' / *перен. Далекый*, *перен. отдаленный* 'значительно отстоящий во времени от настоящего (о прошлом или будущем)'.

Заключение

Таким образом, в целом лексическими средствами современного русского языка представление о времени относительно момента речи на идеографической карте отображается как триада прошлого, настоящего и будущего, в которой можно отметить следующие важные точки и связи:

- точкой отсчета, безусловно, выступает фигура говорящего и настоящего время;
- в представлении о соотношении прошло-

го, настоящего и будущего важное место занимают оппозиции: прошлое и будущее противопоставляются друг другу относительно настоящего, а также настоящее, в свою очередь, противопоставляется прошлому и будущему по отдельности;

– в этих оппозициях в обязательном порядке профилируются сами отрезки времени и связанные с ним события, а также субъект этих событий, носитель признака, качества и т. п., которые меняются во времени;

– наибольшая номинативная плотность характерна для противопоставления настоящего и прошлого не только по признаку ‘существует сейчас / уже не существует сейчас’, но и по тому, в связи с каким отрезком времени осмысливается то или иное явление, соответствует ли оно настоящему / прошлому как характерное для своего времени; а с дополнительным подключением оценочного, интерпретационного компонента ‘значимость, актуальность’ возникает еще одна оппозиция, где прошлое противопоставляется настоя-

щему как не отвечающее современным требованиям, потребностям;

– существуют противопоставления, в которых градуируется степень близости / отдаленности времени и событий от настоящего, причем речь может идти как о прошлом, так и о будущем;

– прошлое градуировано в большей степени, и есть оппозиции, в которых противопоставляется настоящее недалекому прошлому / далекому прошлому / очень далекому или неопределенно далекому прошлому.

Результаты проведенного исследования и корпус выявленного и систематизированного лексического материала позволяют наиболее полно представить в Универсальном идеографическом словаре-тезаурусе группу «Время относительно момента речи», а также в целом существенно дополняют и уточняют имеющиеся лексикографические данные и могут быть использованы в работе над другими словарными проектами.

Источники

БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / авт.-сост.: Л. Г. Бабенко [и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2005. – 862, [1] с.

БУС – Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковкина. – М. : Словари XXI века ; АСТ-Пресс Школа, 2016. – 1456 с.

Лексическая основа русского языка : комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. – М. : Русский язык, 1984. – 1167 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.03.2024). – Текст : электронный.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998–.

СОШ – Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. – URL: <https://slovari.ru/> (дата обращения: 14.03.2024). – Текст : электронный.

Шушков, А. А. Толково-понятийный словарь русского языка : 600 семантических групп : ок. 16 500 слов и устойчивых выражений / А. А. Шушков ; ИЛИ РАН. – М. : АСТ : Астрель : Хранитель, 2008. – 988 [4] с.

Литература

Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки русской культуры ; Восточная литература РАН, 1995. – 365 с.

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Бабенко, Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. – 2020. – № 9. – С. 9–47. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.

Басовская, Е. Н. Светлое завтра вчера и сегодня (советское речевое клише в современном медиатексте) / Е. Н. Басовская // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 9. – С. 129–141. – DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-129-141.

Белякова, С. М. Вчера, сегодня, завтра – и всегда (еще раз о модусах времени) / С. М. Белякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 28–33.

Белякова, С. М. Настоящее и будущее в русском лингвокультурном пространстве / С. М. Белякова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18, № 1 (148). – С. 224–235. – DOI: 10.15826/izv2.2016.1.018.

Белякова, С. М. Образ времени в диалектной картине мира: (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области) / С. М. Белякова ; Тюменский государственный университет. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2005. – 263 с.

Богуславская, О. Ю. Лексикографические проблемы описания временной лексики / О. Ю. Богуславская // Слово и язык : сборник статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. – М. : Издательство «Языки славянских культур», 2011. – С. 66–78.

- Заботкина, В. И. Концептуальная метафора времени в английском языке / В. И. Заботкина, М. Н. Коннова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 532. – С. 66–73.
- Иванова, Л. А. Семантическое поле времени в идиолекте языковой личности сибирского старожила: граници и структура / Л. А. Иванова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 418. – С. 24–29. – DOI: 10.17223/15617793/418/3.
- Иоанесян, Е. Р. Один класс предикатов, отражающих концептуализацию времени как ресурса / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. – 2021. – № 8. – С. 43–56. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-43-56.
- Калиткина, Г. В. Когнитивная метафора контейнера и лингвокультурная специфика концептуализации времени / Г. В. Калиткина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 6 (32). – С. 17–36.
- Катунин, Д. А. Метафорические модели времени / Д. А. Катунин // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Том 10 / отв. ред. З. И. Резанова. – Томск : Издательство Томского университета, 2005. – С. 139–164.
- Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебное пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
- Кошелев, А. Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов / А. Д. Кошелев. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2015. – 280 с.
- Кравченко, А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке / А. В. Кравченко // Известия АН. Серия: Литература и язык. – 1996. – Т. 55, № 3. – С. 3–24.
- Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М. : Индрик, 1997. – 352 с.
- Михеева, Л. Н. «Время» в русском языковом сознании / Л. Н. Михеева // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2016. – Т. 2, № 1. – С. 57–63.
- Мухин, М. Ю. Универсальный идеографический словарь-тезаурус русской лексики: организация данных и формирование словника / М. Ю. Мухин // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 10. – С. 88–103. – DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-88-103.
- Мухин, М. Ю. Границы русской антонимии и лексикографическая практика / М. Ю. Мухин // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19, № 3 (166). – С. 203–214. – DOI: 10.15826/izv2.2017.19.3.052.
- Новиков, Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание / Л. А. Новиков // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка : Более 2 000 антоним. пар / под ред. Л. А. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – С. 5–30.
- Падучева, Е. В. Давно и долго / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М. : Индрик, 1997. – С. 253–266.
- Пономаренко, И. Н. Симметрия и асимметрия в структуре временной оппозиции «прошлое / будущее» (на материале медиатекстов) / И. Н. Пономаренко, Н. А. Сегал, Ю. Н. Бычина, С. А. Мосьпан // Научный диалог. – 2020. – № 6. – С. 117–128. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-117-128.
- Свод лексики как идеографическая карта мира : Универсальный словарь-тезаурус русского языка. Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом. – URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00352/> (дата обращения: 14.03.2024). – Текст : электронный.
- Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
- Сухина, Е. И. Три ипостаси времени: прошлое, настоящее и будущее – в современном русском самосознании (по материалам «Независимой газеты» и «Аргументов и фактов») / Е. И. Сухина // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 141–154.
- Толстая, С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.
- ТФГ – Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Белыева, Л. А. Бирюлин [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, 1990. – 262, [1] с.
- Фалеева, А. С. Темпоральные существительные как средство выражения эмоционального и физического состояния человека / А. С. Фалеева // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 489. – С. 36–47. – DOI: 10.17223/15617793/489/4.
- Цыбова, И. А. Об отображении категории времени в языке / И. А. Цыбова // Филологические науки в МГИМО. – 2019. – № 2 (18). – С. 41–47. – DOI: 10.24833/2410-2423-2019-2-18-41-47.
- Шарандин, А. Л. Лексическая категоризация времени и ментальность / А. Л. Шарандин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2011. – № 2 (14). – С. 11–16.
- Шведова, Н. Ю. Однотомный толковый словарь: специфика жанра и некоторые проблемы дальнейшей работы / Н. Ю. Шведова // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX–X. – М. : Наука, 1981. – С. 166–179.
- Широкова, Е. Н. Темпоральный код языка и его эмотивный субкод / Е. Н. Широкова. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2010. – 192 с.
- Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

Nilsen, E. A. Conceptual Modeling of Discrete-Continuum Time-Perception / E. A. Nilsen // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2018. – Vol. 11, no. 5. — P. 787–794. – DOI: 10.17516/1997-1370-0270.

References

- Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannyye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Selected Works. Vol. 1. Lexical Semantics (Synonymous Means of Language)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, Vostochnaya literatura RAN. 365 p.
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 896 p.
- Arutyunova, N. D., Yanko, T. E. (Eds.). (1997). *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and Time]. Moscow, Indrik. 352 p.
- Babenko, L. G. (2020). Tipy leksicheskikh mnozhestv v strukturno-semanticheskom, kognitivno-diskursivnom i leksikograficheskom osveshchenii: dinamika interpretatsii [Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive, and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations]. In *Nauchnyi dialog*. No. 9, pp. 9–47. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.
- Babenko, L. G. (Ed.). (2005). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh* [Comprehensive Explanatory Dictionary of Russian Nouns]. Moscow, AST-Press Kniga. 862 p.
- Basovskaya, E. N. (2019). Svetloe zavtra vchera i segodnya (sovetskoe rechevoe klishe v sovremennom mediatekste) [Bright Tomorrow Yesterday and Today (Soviet Collocation in a Contemporary Media Text)]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. No. 9, pp. 129–141. DOI 10.28995/2686-7249-2019-9-129-141.
- Belyakova, S. M. (2005). *Obraz vremeni v dialektnoi kartine mira: (na materiale russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoi oblasti)* [The Image of Time in the Dialectical Worldview: (Based on the Material of Dialects of the South of Tyumen Region)]. Tyumen, Tyumenskii gosudarstvennyi universitet. 263 p.
- Belyakova, S. M. (2016). Nastoyashchee i budushchee v russkom lingvokul'turnom prostranstve [The Present and Future in Russian Linguo-Cultural Space]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 18. No. 1 (148), pp. 224–235. DOI: 10.15826/izv2.2016.1.018.
- Belyakova, S. M. (2018). Vchera, segodnya, zavtra – i vseгда (eshche raz o modusakh vremeni) [Yesterday, Today, Tomorrow, and Always – Modes of Time Revisited]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 1, pp. 28–33.
- Boguslavskaya, O. Yu. (2011). Leksikograficheskie problemy opisaniya vremennoi leksiki [Lexicographical Problems of Describing Temporal Vocabulary]. In *Slovo i yazyk: sbornik statei k 80-letiyu akad. Yu. D. Apresyana*. Moscow, Izdatel'stvo «Yazyki slavyanskikh kul'tur», pp. 66–78.
- Bondarko, A. V., Belyaeva, E. I., Biryulin, L. A. et al. (1990). *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka. 262 p.
- Faleeva, A. S. (2023). Temporal'nye sushchestvitel'nye kak sredstvo vyrazheniya emotsional'nogo i fizicheskogo sostoyaniya cheloveka [Temporal Nouns as a Means of Expressing Emotional and Physical State]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 489, pp. 36–47. DOI: 10.17223/15617793/489/4.
- Ioanesyan, E. R. (2021). Odin klass predikatov, otrazhayushchikh kontseptualizatsiyu vremeni kak resursa [One Class of Predicates Reflecting Conceptualization of Time as a Resource]. In *Nauchnyi dialog*. No. 8, pp. 43–56. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-43-56.
- Ivanova, L. A. (2017). Semanticheskoe pole vremeni v idiolekte yazykovoi lichnosti sibirskogo starozhila: granitsy i struktura [Semantic Field of Time in the Idiolect of the Linguistic Personality of a Siberian Old Resident: Boundaries and Structure]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 418, pp. 24–29. DOI: 10.17223/15617793/418/3.
- Kalitkina, G. V. (2014). Kognitivnaya metafora konteynera i lingvokul'turnaya spetsifika kontseptualizatsii vremeni [The Cognitive Metaphor of the Container and the Linguo-Cultural Specificity of Time Conceptualization]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philology*. No. 6 (32), pp. 17–36.
- Katunin, D. A. (2005). Metaforicheskie modeli vremeni [Metaphorical Models of Time]. In Z. I. Rezanova (Ed). *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste*. Vol. 10. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 139–164.
- Kobozeva, I. M. (2000). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, Editorial URSS. 352 p.
- Koshelev, A. D. (2015). *Kognitivnyi analiz obshchechelovecheskikh kontseptov* [Cognitive Analysis of Universal Human Concepts]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. 280 p.
- Kravchenko, A. V. (1996). Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennom yazyke [Cognitive Structures of Space and Time in Natural Language]. In *Izvestiya AN. Seriya: Literatura i yazyk*. Vol. 55. No. 3, pp. 3–24.
- Mikheeva, L. N. (2016). «Vremya» v russkom yazykovom soznanii [“Time” in the Russian Linguistic Consciousness]. In *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. Vol. 2. No. 1, pp. 57–63.
- Morkovkin, V. V. (Ed.). (1984). *Leksicheskaya osnova russkogo yazyka* [Lexical Foundation of the Russian Language: A Comprehensive Educational Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk. 1167 p.
- Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutskaya, N. M. (2016). *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka* [Big Universal Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Slovri XXI veka, AST-Press Shkola. 1456 p.
- Mukhin, M. Yu. (2017). Granitsy russkoi antonimii i leksikograficheskaya praktika [The Scope of Russian Antonymy and Lexicographic Practice]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 19. No. 3 (166), pp. 203–214. DOI: 10.15826/izv2.2017.19.3.052.

Mukhin, M. Yu. (2022). Universal'nyi ideograficheskii slovar'-tezaurus russkoi leksiki: organizatsiya dannykh i formirovanie slovnika [Universal Ideographic Dictionary-Thesaurus of Russian Vocabulary: Data Organization and Glossary Formation]. In *Nauchnyi dialog*. Vol. 11. No. 10, pp. 88–103. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-88-103.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (mode of access: 14.03.2024).

Nilsen, E. A. (2018). Conceptual Modeling of Discrete-Continuum Time-Perception. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Vol. 11. No. 5, pp. 787–794. DOI: 10.17516/1997-1370-0270.

Novikov, L. A. (1984). Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisanie [Russian Antonymy and Its Lexicographic Description]. In Lvov, M. R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka*. 2nd edition. Moscow, Russkii yazyk, pp. 5–30.

Paducheva, E. V. (1997). Davno i dolgo [Long Ago and For a Long Time]. In Aryutunova, N. D., Yanko, T. E. (Eds.) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya*. Moscow, Indrik, pp. 253–266.

Ponomarenko, I. N., Segal, N. A., Bychina, Yu. N., Mospan, S. A. (2020). Simmetriya i asimmetriya v strukture vremenni opozitsii «proshloe / budushchee» (na materiale mediatekstov) [Symmetry and Asymmetry in the Structure of the Temporal Opposition “Past/Future” (Based on Media Texts)]. In *Nauchnyi dialog*. No. 6, pp. 117–128. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-117-128.

Sharandin, A. L. (2011). Leksicheskaya kategorizatsiya vremeni i mental'nost' [Lexical Categorization of Time and Mentality]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. No. 2 (14), pp. 11–16.

Shirokova, E. N. (2010). *Temporal'nyi kod yazyka i ego emotivnyi subkod* [Temporal Code of Language and Its Emotive Subcode]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni Koz'my Minina. 192 p.

Shushkov, A. A. (2008). *Tolkovo-ponyatiinyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory-Conceptual Dictionary of the Russian Language]. Moscow, AST, Astrel', Khranitel'. 988 p.

Shvedova, N. Yu. (1981). Odnatomnyi tolkovyi slovar': spetsifika zhanra i nekotorye problemy dal'neishei raboty [Single-Volume Explanatory Dictionary: Genre Specifics and Some Tasks for Further Work]. In *Russkii yazyk: Problemy khudozhestvennoi rechi. Leksikologiya i leksikografiya. Vinogradovskie chteniya. IX–X*. Moscow, Nauka, pp. 166–179.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1998–). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings]. Moscow, Azbukovnik.

Stepanov, Yu. S. (2004). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii Proekt. 992 p.

Sukhina, E. I. (2005). Tri ipostasi vremeni: proshloe, nastoyashchee i budushchee – v sovremennom russkom samosoznanii (po materialam «Nezavisimoi gazety» i «Argumentov i faktov») [Three Aspects of Time: Past, Present, and Future – in Modern Russian Self-Consciousness (Based on Materials from ‘Nezavisimaya Gazeta’ and ‘Argumenty i Fakty’)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 1, pp. 141–154.

Svod leksiki kak ideograficheskaya karta mira: Universal'nyi slovar'-tezaurus russkogo yazyka. Kartochka projekta, podderzhannogo Rossiiskim nauchnym fondom [Vocabulary Set as an Ideographic Map of the World: A Universal Thesaurus of the Russian Language. A Project Card Supported by the Russian Science Foundation]. URL: <https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/> (mode of access: 14.03.2024).

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegova i N. Yu. Shvedovoi [Explanatory Dictionary of the Russian Language by S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova]. URL: <https://slovari.ru/> (mode of access: 14.03.2024).

Tolstaya, S. M. (2010). Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoi etnolingvistike [Semantic Categories of Language in Culture: Essays on Slavic Ethnolinguistics]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 368 p.

Tsybova, I. A. (2019). Ob otobrazhenii kategorii vremeni v yazyke [On the Representation of Time Category in Language]. In *Filologicheskie nauki v MGIMO*. No. 2 (18), pp. 41–47. DOI: 10.24833/2410-2423-2019-2-18-41-47.

Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Linguistic Worldview (Models of Space, Time, and Perception)]. Moscow, Gnozis. 344 p.

Zabotkina, V. I., Konnova, M. N. (2007). Kontseptual'naya metafora vremeni v angliiskom yazyke [Conceptual Metaphor of Time in the English Language]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 532, pp. 66–73.

Данные об авторе

Воронина Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник, проблемная лаборатория компьютерной лексикографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: tmv313@yandex.ru.

Author's information

Voronina Tatyana Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Researcher, Laboratory for Computational Lexicography, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

УДК 811.161.1'374. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-83-90. ББК Ш141.12-4.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «БЛАГОПОЛУЧИЕ – НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ» В РУССКИХ КОЛЛОКАЦИЯХ

Мухин М. Ю.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8716-9260>

SPIN-код: 6721-6330

А н н о т а ц и я . Статья посвящена проблеме выделения, сопоставительного хронологического и идеографического анализа коллокаций с семантикой благополучия/неблагополучия в русском языке, а также вопросам отражения фразеологического материала в словаре тезаурусного типа. Исследование осуществлено в контексте создания Универсального словаря-тезауруса русского языка (проект Уральского федерального университета). Материал выбран из Национального корпуса русского языка (инструмент поиска коллокаций в основном корпусе). Проведен сопоставительный анализ коллокаций со словами «благополучие», «благополучный», «благополучно» и их антонимами с приставкой НЕ-, сформировавшихся в русском языке к концу XVIII и – далее – в XIX, XX, XXI вв. Выделены основные грамматические модели коллокаций, проанализированы определительные и субъектные характеристики благополучия. Идеографический анализ и обобщение материала показывает, что к началу XIX в. в русском языке были сформированы основные аксиологические признаки благополучия, его личностные и общественные черты, пространственно-временные характеристики. XIX в. акцентирует внимание на материальных, личных и семейных аспектах благополучия и удачном завершении дел и путешествий. В XX в. актуальным становится признание мнимых, внешних признаков благополучия, усиливаются его экономические аспекты. В XXI в. в центре внимания оказываются психологические и социально-экономические аспекты благополучия, однако судить о направлениях развития коллокаций в текущий период пока еще рано. Контексты слов с семантикой неблагополучия отражают сходные векторы, в то же время для исследования идеи неблагополучия охват коллокаций в корпусе не является абсолютным релевантным. Сформулированы принципы отбора коллокаций для лексикографического описания в словаре тезаурусного типа – чисто формальные (значения статистических мер) и собственно лингвистические. К последним относятся оценка степени идиоматичности, наличие однотипной сочетаемости слов-антонимов, а также семантических (гипонимических, синонимических, антонимических и др.) связей между единицами словаря-тезауруса. Сделаны выводы о включении неоднословных единиц в различные лексикографические ресурсы и влиянии систематизации лексической сочетаемости на развитие и объективизацию концептуального анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коллокация; благополучие; неблагополучие; корпусная лингвистика; статистический анализ; идеографический анализ; лексикография; тезаурус

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мухин, М. Ю. Семантическая оппозиция «благополучие – неблагополучие» в русских коллокациях / М. Ю. Мухин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 83–90. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-83-90.

THE SEMANTIC OPPOSITION “BLAGOPOLUCHIE – NEBLAGOPOLUCHIE” IN RUSSIAN COLLOCATIONS

Mikhail Yu. Mukhin

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8716-9260>

A b s t r a c t . The article explores the comparative chronological and ideographical analysis of collocations with the semantics of *blagopoluchie* / *neblagopoluchie* (well-being / ill-being) in the Russian language, as well as the issue of representation of idiomatic material in a thesaurus. The research has been conducted while creating the Universal Thesaurus of the Russian Language (a Ural Federal University project). The material has been selected from the Russian National Corpus (the tool to search collocations in the main corpus). The author has carried out a comparative analysis of collocations with the words “*blagopoluchie*”, “*blagopoluchnyy*”, “*blagopoluchno*” and their antonyms with the NE- prefix, formed by the end of the 18th century, and further, into the 19th, 20th and 21st centuries. The study has discovered the main grammatical collocation models, and analyzed the definitional and subjective characteristics of well-being. The ideographical analysis and the summarization of the material under study indicate that by the beginning of the 19th century, the main axiological features of well-being and its personal and public as well as spatial-temporal characteristics had already developed in the Russian language. The 19th century focuses the attention on the material, personal and family aspects of well-being, as well as on a fortunate conclusion of business and travel. In the 20th century, the external, economic features of well-being come into the foreground. The 21st century focuses on the psychological and socio-economic aspects of well-being, but it is still too early to judge about the direction the development of collocations will assume. The contexts of the words with the semantics of *neblagopoluchie* (ill-being) reflect similar vectors, although the range of collocations in the corpus is not absolutely relevant for effective exploration of ill-being. The author has formulated the principles of collocation selection for lexicographic description in a thesaurus – purely formal (statistical values) and linguistic proper. The latter include the evaluation of the degree of idiomatichy,

the presence of one-type combinability of the antonymic words, as well as semantic (hyponymic, synonymic, antonymic, etc.) connections between the units of a thesaurus. The study has made conclusions about the inclusion of multi-word lexical units into various lexicographic resources and the influence of lexical combinability on the development and objectification of conceptual analysis.

Keywords: collocation; well-being; ill-being; corpus linguistics; statistical analysis; ideographic analysis; lexicography; thesaurus

Acknowledgments: The research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00352, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00352>.

For citation: Mukhin, M. Yu. (2024). The Semantic Opposition “*Blagopoluchie – Neblagopoluchie*” in Russian Collocations. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 83–90. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-83-90.

Вводные соображения

Формирование словаря тезаурусного типа предполагает решение проблем наполнения словника и выделения ряда семантических отношений – как вертикальных (в первую очередь гипогиперонимии, меронимии), так и горизонтальных (когипонимии, синонимии, антонимии и др.). Словник тезауруса – это всегда нетривиальная композиция, так как единицей описания в словаре является значение, лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ), а не лексема в целом. Например, в отличие от традиционного толкового словаря, разные ЛСВ слова *окно* в тезаурусе окажутся в рубриках типа «Строительство, здание», «Промежуток времени», «Техника, информатика». Кроме того, единицами современных тезаурусов часто становятся неоднословные сущности – фразеологизмы, составные наименования, коллокации. За счет устойчивых выражений в гипогиперонимических цепочках могут возникать добавочные элементы: *мебель* → *диван* и *мебель* → *мягкая мебель* → *диван*. Устойчивые выражения также участвуют и в горизонтальных связях синонимии, антонимии, когипонимии.

Лексикографирование идиом (и тем более их семантическая классификация) затрудняется из-за их большого количества и эклектичности отражения в существующих словарях. В лингвистических корпусах идиоматическая разметка обычно отсутствует. Кроме того, сам фразеологический материал характеризуется неопределенностью степени идиоматизации, «текучестью». На фоне процессов, которые могут проходить веками, некоторые составные наименования могут за небольшое время возникнуть, достичь пика употребления и быстро архаизоваться. Например, так происходит на наших глазах с выражением *новая коронавирусная инфекция*.

Зона описания фразеологических единиц выделена в ряде идеографических словарных проектов Уральской семантической школы [Большой толковый словарь синонимов... 2008; Концептосфера русского языка... 2017; Универсальный идеографический словарь... 2015]. Новый проект [Свод лексики как идеографическая карта мира...] также предполагает включение в словник будущего лексикографического источника устойчивых выражений.

В то же время критерии идиоматичности и отбора фразеологических выражений для словарей являются давней семантической и лексикографической проблемой. Помогают в выявлении и систематическом описании фразеологии новые междисциплинарные методы, основанные на статистических мерах MI, T-score, LogDice и др. [Associa-

tion measures; Браславский, Соколов 2008; Хохлова 2019 и др.]. Ранжирование лексической сочетаемости позволяет измерять неслучайность взаимной встречаемости двух и более лексем (биграмм, N-грамм) и дает возможность формализованно фиксировать ту или иную N-грамму как коллокацию – «неслучайное сочетание двух и более лексических единиц, характерное как для языка в целом (текстов любого типа), так и определенного типа текстов (или даже (под)выборки текстов)» [Ягунова 2010]. Соответственно, открываются новые пути объективации словарного наполнения, а также решения различных гуманитарных задач, связанных с языковым генезисом. Коллокации, обладающие устойчивостью и предсказуемостью одновременного появления в контексте двух или более слов, могут отражать сложившиеся представления о сочетаемости лексических единиц. А типовая сочетаемость во многих случаях позволяет судить о связях между предметами и явлениями реальной действительности.

Объектом рассмотрения в данной статье является оппозиция «благополучие – неблагополучие», представленная в коллокациях русского языка, которые формировались на протяжении нескольких веков. Предмет исследования – статистическое и идеографическое представление материала, лингвокультурологические аспекты, касающиеся динамики представлений о благополучии и неблагополучии, а также вопросы лексикографирования неоднословных единиц. Чисто прикладная задача исследования – на частном материале (коллокации с семантикой благополучия / неблагополучия) отработать возможность выборки и идеографического представления идиоматического материала в словаре тезаурусного типа.

«Благополучием» как словом, семантической единицей, концептом, идеографическим классом в последнее десятилетие активно интересуется лингвистическая наука. Представления о благополучии стали предметом междисциплинарных исследований представителей разных социогуманитарных наук. Например, в 2023 г. в Уральском федеральном университете вышла коллективная монография [Междисциплинарный подход к изучению благополучия человека 2023], в которой объединили свои усилия психологи, лингвисты, социологи, философы, историки, преподаватели иностранных языков. Проводятся сопоставительные межкультурные исследования [Зилова 2012 и др.]. Внешней причиной такого интереса является, на наш взгляд, турбулентность современного мира, которая влияет на фундаментальные установки, определяющие благополучие человека, и приво-

дит, с одной стороны, к их изменению, а с другой – к желанию сохранить традиционные ценности, т. е. факторы жизненной устойчивости и счастья.

Определяя основные черты концепта 'благополучие' в русском языке, О.А. Михайлова пишет: «Концепт *благополучие* является комплексным ментальным образованием регулятивного типа и включает ряд сегментов: материальное / финансовое благополучие, экологическое благополучие, эмоциональное благополучие, общественное / социальное благополучие, психологическое / душевное благополучие». Диахронический аспект рассмотрения концепта показывает, что, «в отличие от ранних источников, в которых на первое место выдвигалось значение благополучия как счастья, в современных лексикографических справочниках на первый план выдвигаются материальный достаток и хорошая работа» [Михайлова 2022]. В то же время, по наблюдениям В. И. Карасика, есть участники публического дискурса, которые выражают критическое отношение к материальному благополучию, поскольку «отрицательно относятся к ценностям западной цивилизации, сориентированной на максимальное удовлетворение материальных потребностей людей» [Карасик 2010: 40]. В. И. Карасик систематизировал важные для нашей работы сочетаемостные особенности имени концепта 'благополучие' (т. е. слова *благополучие*), а на их основе – основные семантические характеристики концепта «благополучие». К сожалению, при всей глубине лингвистического анализа в цитируемой статье не указаны модели поиска контекстов в текстовой базе данных и не приводятся количественные данные.

Перейдем к тому, как различные лингвокультурологические, лексикографические и когнитивно-лингвистические задачи можно решать при помощи корпусных методов обработки устойчивых выражений.

Материал и методы исследования. Корпусная выборка коллокаций и хронологические аспекты поиска

Гипотеза исследования состоит в том, что корпусный материал должен показывать, как на протяжении значительного времени модифицировались представления о благополучии. Предполагаем, что изменения в наборе коллокаций с базовыми словами, отражающими идею благополучия, должны выявить своеобразные акценты в наборе ценностей, сопряженных с благополучием, само содержание этого понятия, объекты и процессы, оцениваемые как благополучные, степень благополучности и другие характеристики. Отдельно будут рассмотрены антонимические коллокации, связанные с неблагополучием.

В своей статье о сочетаемости наречий типа *благополучно, успешно, удачно* Б. Ю. Норман рассматривает антифрастические контексты типа *благополучно забыть, опоздать* и даже *скончаться* [Норман 2019]. Понимая такие возможности языка, заметим, что основные репрезентанты благополучия (само существительное *благополучие*, а также прилагательное *благополучный* и даже наречие *благополучно*) доминантно употребляются в основном оценочном, а не ироническом значении, что определяет репрезентативность рассмотренного материала.

Возможности для работы с биграмммами (двусловиями) давно появились в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ]. В последнее время основной подраздел корпуса снабжен инструментом не просто извлечения биграмм, а ранжирования их как возможных коллокаций на материале лемматизированного (т. е. приведенного к начальным формам слов) лексического массива. Инструмент поиска коллокаций (рис. 1) снабжен всеми возможностями формирования подкорпуса (в том числе хронологическими), выбором стандартных корпусных признаков ключевого слова (ключа) и коллоката и определением расстояния между компонентами двусловия [Поиск коллокаций].

Поиск коллокаций ? ^

По умолчанию поиск ведется по предпочтительным разборам, совпадения слов исключаются.

Ключ

Лемма ⊞ ?

[добавить условие](#) ▲

Коллокат

Лемма ⊞ ? ✕

Грамм. признаки выбрать ? ✕

Расстояние

от: до:

[добавить условие](#) ▲

Рис. 1. Интерфейс поиска коллокаций в Национальном корпусе русского языка

Результаты поиска выводятся в виде таблицы с информацией о частоте биграмм, отдельно ключа и коллоката, а также с возможностью упорядочить данные по убыванию одной из пяти ста-

статических мер (по умолчанию LogDice) и кликнуть на ссылку для получения реальных контекстов употребления коллокаций (см. рис. 2).

Ключ	Коллокат	Совместная частота	Частота ключа	Частота коллоката	LogDice ▼	Loglikelihood ▼	M ³ ▼
благополучие	материальный	294	7476	20947	10.12	3283.19	17.92
благополучие	санитарно-эпидемиологический	27	7476	196	9.04	427.33	15.43
благополучие	относительный	42	7476	6124	8.91	407.26	13.31
благополучие	семейный	90	7476	23627	8.85	767.57	14.25
благополучие	финансовый	79	7476	20980	8.81	671.82	13.98
благополучие	всеобщий	59	7476	18230	8.62	483.79	13.24
благополучие	мещанский	23	7476	2998	8.57	228.13	12.22
благополучие	личный	124	7476	58019	8.42	915.58	14.31
благополучие	житийский	22	7476	7140	8.19	178.14	11.22
благополучие	собственный	151	7476	106092	8.07	993.98	14.30
благополучие	мнимый	15	7476	5542	7.93	117.57	10.33

Рис. 2. Формат выдачи и ранжирования коллокаций

Представленный инструмент НКРЯ стал источником материала для данного исследования – определения хронологических аспектов появления в русском языке коллокаций с базовой лексикой благополучия / неблагополучия и последующей социолингвистической и культурологической интерпретации полученной информации. Единицами поиска стали коллокации с наиболее базовыми словами *благополучие, благополучный, благополучно*, – во-первых, уже существовавшие в русском языке в XVIII в. (это первый относительно надежный для поиска период массива текстов) и – далее – сформировавшиеся в XIX, XX и XXI веках. Технически были отобраны коллокаты (контекстные партнеры) на расстоянии от 1 до 3 от ключевого слова – по отдельности слева и справа. Грамматическим условием запроса был выбор коллокатов знаменательных частей речи; иначе говоря, служебные слова и местоимения игнорировались.

Таким образом, исходный объем материала сформировали 777 лексических биграмм типа *благополучный исход, благополучие человека, материальное благополучие, благополучно добраться* и др., а также 42 коллокации со словами-антонимами: *неблагополучный подросток, неблагополучие семьи* и др.

Результаты

Первичный анализ показал, что наиболее значимыми грамматико-семантическими моделями для коллокаций ключевых слов, обозначающих благополучие и неблагополучие, являются:

- определительная (какое (не)благополучие¹);
- субъектная (*благополучие* кого-чего, чье; *благополучный* кто-что);
- биномиальная (что и *благополучие, благополучие* и что; какой и *благополучный, благополучный* и какой);
- предикатная (что делать / что делается с *благополучием*);
- образа действия (*благополучно* что (с)делать);
- некоторого аспекта, т. е. степени, причины и т. д. (что *благополучия*, как и насколько *благополучный*).

Сначала поговорим о хронологическом анализе сочетаемости слов *благополучие, благополучный, благополучно*. Было проведено сопоставление, в ходе которого выявлены коллокации, сложившиеся в русском языке к концу XVIII в. (177 единиц) и появившиеся в следующих XIX (166), XX (102) и XXI (92 единицы) веках. Убывание количества добавленных коллокаций от века к веку объясняется тем, что основной массив сложившихся выражений не уходит из языка, а продолжает использоваться и дальше. Так, многие двусловия из массива XVIII века (*благополучие человека, благополучная жизнь, благополучно прибыть* и т. п.) могут вполне использоваться в современных текстах. В итоге материал последующего идеографического анализа составили 537 коллокаций с семантической благополучия.

В данной статье мы представим результаты хронологического сопоставления наиболее показательных моделей – определительных, субъектных, образа действия: какое *благополучие, благополу-*

¹ В следующих примерах грамматических моделей мы опускаем указание на наличие приставки *не-* в словах-антонимах.

чие кого-чего, благополучный кто-что, благополучно что (с)делать. Рассмотрим результаты в хронологическом порядке и дадим им социолингвистические и культурологические комментарии.

1. К концу XVIII века формируются базовые, наиболее общие признаки благополучия, связанные с его степенью и значимостью: *великое, вечное, высочайшее, истинное, настоящее, полное, совершеннейшее, совершенное, твердое благополучие*. Оцениваются временные признаки: *новое и будущее благополучие*. Во многих фиксируемых контекстах отмечаются высокие и книжные оттенки значений.

Естественным субъектом благополучия являются человек, дети и род: *благополучие человека, ребенка (детей) и человеческое благополучие, благополучный человек, благополучие рода*. Субъектами благополучия также признаются народ, государственные и общественные институты: *благополучие России и Москвы, государства, отечества, народа и общества, подданных*, а также *народное благополучие, благополучные держава и общество*. Сюда же отнесем *благополучие церкви и благополучное царствование*. Фактически к этому периоду сформирована оппозиция *собственного и общего благополучия*.

С благополучием в этот базовый период уже связаны характеристики времени (*благополучные час, день, год, время, жизнь; благополучие жизни*), пространства (*благополучные дом, город, место*), а также природной или социальной ситуации (*благополучный ветер и ветер, погода, пребывание, прибытие, слушай, успех, окончание и состояние чего-либо*).

XIX век добавляет немного материала в плане определительных и субъектных отношений, связанных с благополучием, но привносит свои акценты. Именно в это время складываются коллокации *материальное благополучие и благополучное существование*, а к признакам значимости явления добавляется *величайшее благополучие*. При общем интересе к *взаимному и всеобщему благополучию* на первый план выходят *благополучие семьи, домашнее, семейное и личное благополучие*. Крайне значимыми оказываются завершение, конечная фаза чего-либо, *какого-либо дела: благополучные завершение, исход, конец, развязка, разрешение*. Рядом с этими номинациями – характеристики путешествий, дороги: *благополучные возвращение, приезд, плавание, путешествие, переход, путь*.

В XX веке проявляются достаточно противоречивые характеристики благополучия. Таково *видимое, внешнее, показное, мнимое, относительное, сравнительное благополучие* по контрасту со словосочетанием *истинное благополучие*, сложившимся к началу XIX в. В отличие от *будущего и нового*, в XX веке часто говорят о *былом благополучии*.

В это время еще более развиваются прагматические аспекты благополучия, которые отражают экономическую ситуацию (*денежное, финансовое, экономическое благополучие*), и можно сказать, что благополучие становится более «приземленным». Появляются *земное, житейское, обывательское, мещанское, буржуазное благополучие*, а благополучными становятся *мещанин и обыватель*.

Технический прогресс и специфика периода

определяют то, что *благополучными* в путешествии становятся *полет, посадка, приземление, спуск, зимовка*, а государственный интерес к здоровью граждан порождает *санитарно-эпидемиологическое благополучие*.

Впрочем, и «общие эпитеты» в XX веке не иссякают: в это время начинают активно желать *всяческого благополучия*, что ранее, в XIX веке, встречается только единично (например, в воспоминаниях Афанасия Фета): «А до тех пор желаю вам всяческого благополучия на всех ваших поприщах...».

XXI век интересным образом дополняет картину – отчасти за счет развития социальных, гуманитарных и экономических концепций. На первый план выходят *субъективное, психологическое, эмоциональное, духовное и душевное*, а также *экологическое, демографическое, социально-экономическое и социальное благополучие*, оценка *благополучного предприятия или периода*. Созвучно этим мотивам *благополучие граждан, населения, нации, поколения (поколений), близких и пожилых людей*. В современном языке отражается важность благополучия *страны, региона*, и можно констатировать, что *благополучными* должны быть *страна, область, район, регион*.

Теперь о сочетаемости слов, связанных с неблагополучием. Здесь мы отказались от хронологического сопоставления, так как материала значительно меньше. Например, единично проявляется модель образа действия: *неблагополучно* может только что-то *обстоять*. На количество сочетаний влияет, во-первых, фактор меньшей частотности ключевых слов-антонимов, а также возможность раздельного написания слов с частицей (а не приставкой) *НЕ*. Поиск коллокаций НКРЯ пока дает возможность работы только с биграмммами.

Типичные атрибуты неблагополучия – *энергетическое, экологическое, хроническое, душевное, семейное, материальное, социальное, серьезное, духовное, глубокое, внутреннее, крайнее, общее*. Субъектные характеристики проявляются в моделях *неблагополучие* кого-чего (*организма, семьи, общества, жизни, работы, человека*), а также *неблагополучные* кто или что:

- *семья, подросток, родитель(-и), род, ребенок / дети, человек;*
- *регион, район, население, хозяйство, страна, город, место;*
- *исход, ситуация, обстановка, положение, состояние, отношение.*

Прежде чем делать выводы, нужно напомнить, что многие коллокации предыдущих периодов не переставали употребляться и в последующих веках. Иначе может возникнуть ошибочное впечатление постоянного усиления прагматичности и даже «меркантильности» общества и человека, проявившихся в последние три века.

Выводы

Выявленные хронологические различия касаются как семантических, так и стилистических параметров коллокаций. В то же время материал отражает и социокультурные черты рассмотренных периодов. Мы не можем говорить о специфике именно XVIII века, но к началу XIX века в языке формируются основная аксиология благополучия,

его личностные, общественные и государственные черты, пространственно-временные характеристики. Следующий, XIX век акцентирует внимание на материальных, личных и семейных аспектах благополучия и удачном завершении дел и путешествий. В XX веке актуальным становится признание мнимых, внешних признаков благополучия и еще более усиливаются его экономические аспекты. Развитие техники, в частности авиации, до сих пор значимо для людей в плане переживания благополучных полетов и посадок. Что касается XXI века, – очень хорошо, что в центре внимания оказываются психологические и личностные аспекты благополучия. Трудно, впрочем, сказать без сопоставления с будущими текстами, насколько современные рассуждения о благополучии граждан, пожилых людей, всей страны и ее отдельных регионов не являются официально-деловыми и публицистическими штампами.

Контексты «неблагополучных» слов в целом зеркальны для векторов благополучия, но по отмеченным причинам их значительно меньше. Соответственно, для исследования идеи неблагополучия в русском языке охват коллокаций в Национальном корпусе не является настолько релевантным, как в случае с благополучием.

Многие из представленных примеров типовой сочетаемости пока не входят (а может, и не войдут) в состав русской идиоматики. С другой стороны, в иллюстративной зоне толковых словарей устойчивые выражения часто используются как примеры употребления слов в свободных зна-

чениях; словари в таком случае отстают от процессов идиоматизации в языке. Отбирая коллокации для лексикографического описания в словаре тезаурусного типа, нужно, очевидно, руководствоваться рядом соображений. Во-первых, мы располагаем чисто формальными данными статистических показателей. Однако значения статистических мер могут и не коррелировать со степенью идиоматичности той или иной биграмммы. В связи с этим, во-вторых, нужно учитывать и традиционные лингвистические факторы.

Использование статистики не отменяет субъективную осознаваемость идиоматичности, и это важный критерий для лексикографа. Далее, можно руководствоваться следующими соображениями. Например, объединяются ли одними и теми же коллокатами слова-антонимы (*материальное благополучие* и *материальное неблагополучие*)? Формируются ли родо-видовые связи между единицами типа *благополучие* и *материальное благополучие*? Формируются ли синонимические (*показное благополучие* – *мнимое благополучие*) и антонимические (*истинное благополучие* – *мнимое благополучие*) отношения?

Ответы на эти вопросы и являются, на наш взгляд, причиной включения тех или иных коллокаций в современные толковые словари, тезаурусы, словари сочетаемости, словари фразеологизмов, лингвокультурологические словари. А систематизация типовой сочетаемости, в том числе благодаря статистическому ранжированию, может внести свой вклад в развитие и объективизацию концептуального анализа.

Источники

Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М., 2008. – 784 с.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : Азбуковник, 2017. – 1020 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.04.2024). – Текст : электронный.

Поиск коллокаций. – Текст : электронный // Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/page/tool-collocations/> (дата обращения: 24.04.2024).

Свод лексики как идеографическая карта мира: Универсальный словарь-тезаурус русского языка. Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом. – URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00352/> (дата обращения: 24.04.2024). – Текст : электронный.

Литература

Браславский, П. И. Сравнение пяти методов извлечения терминов произвольной длины / П. И. Браславский, В. А. Соколов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конф. «Диалог». – М. : РГГУ, 2008. – Вып. 7 (14). – С. 67–74.

Зилова, Е. В. Этноспецифика и содержательная динамика концепта «Благополучие» / «Prosperity» в русской, британской и американской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Зилова. – Саратов, 2012. – 19 с.

Карасик, В. И. Эмблематический концепт «Благополучие» / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3 (33). – С. 34–40.

Междисциплинарный подход к изучению благополучия человека : коллективная монография. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2023. – 272 с. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/128249> (дата обращения: 24.04.2024). – Текст : электронный.

Михайлова, О. А. Ценностная составляющая концепта благополучие / О. А. Михайлова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27–28 апреля 2022 г.). – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2022. – С. 57–58.

Норман, Б. Ю. Позитивная оценка негативных событий? (К сочетаемости наречий типа благополучно, успешно, удачно) / Б. Ю. Норман // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. – С. 134–146.

Универсальный идеографический словарь русского языка: Проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. – 208 с.

Хохлова, М. В. Статистический подход применительно к исследованию сочетаемости: от мер ассоциации к машинному обучению / М. В. Хохлова // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 13. – СПб., 2019. – С. 106–122.

Ягунова, Е. В. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов / Е. В. Ягунова, Л. М. Пивоварова. – Текст : электронный // Сб. НТИ. Серия 2. – М., 2010. – № 6. – С. 30–40. – URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394529742_4311.pdf (дата обращения: 24.04.2024).

Association measures. – URL: <http://www.collocations.de/AM/index.html> (mode of access: 24.04.2024). – Text : electronic.

References

Association Measures. URL: <http://www.collocations.de/AM/index.html> (mode of access: 24.04.2024).

Babenko, L. G. (Ed.). (2008). *Bol'shoi tolkovyi slovar' sinonimov russkoi rechi: ideograficheskoe opisaniye, antonimy, frazeologizmy* [Large Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian Speech: Ideographic Description, Antonyms, Phraseological Units]. Moscow. 784 p.

Babenko, L. G. (Ed.). (2015). *Universal'nyi ideograficheskii slovar' russkogo yazyka: Prospekt* [Universal Ideographic Dictionary of the Russian Language: Prospect]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 208 p.

Babenko, L. G. (Ed.). (2017). *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii)* [The Conceptosphere of the Russian Language: Key Concepts and Their Representations in Language and Speech (Based on Vocabulary, Phraseology and Paremiology)]. Moscow, Azbukovnik. 1020 p.

Braslavsky, P. I., Sokolov, V. A. (2008). Sravneniye pyati metodov izvlecheniya terminov proizvol'noi dliny [Comparison of Five Methods for Variable Length Term Extraction]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konf. «Dialog»*. Moscow, RGGU. Issue 7 (14), pp. 67–74.

Karasik, V. I. (2010). Emblematiceskii kontsept «Blagopoluchie» [Emblematic Concept “Well-being”]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 3 (33), pp. 34–40.

Khokhlova, M. V. (2019). Statisticheskii podkhod primenitel'no k issledovaniyu sochetaemosti: ot mer assotsiatsii k mashinnomu obucheniyu [Statistical Approach in the Study of Compatibility: from Measures of Association to Machine Learning]. In *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika*. Issue 13. Saint Petersburg, pp. 106–122.

Mezhdistsiplinarnyi podkhod k izucheniyu blagopoluchiya cheloveka [Interdisciplinary Approach to the Study of Human Well-being]. (2023). Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 272 p. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/128249> (mode of access: 24.04.2024).

Mikhailova, O. A. (2022). Tsennostnaya sostavlyayushchaya kontsepta blagopoluchie [Axiological Component of the Concept “Well-being”]. In *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27–28 aprelya 2022 g.)*. Ekaterinburg, Izdatel'skii dom «Azhur», pp. 57–58.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (mode of access: 24.04.2024).

Norman, B. Yu. (2019). Pozitivnaya otsenka negativnykh sobytii? (K sochetaemosti narechii tipa blagopoluchno, uspeshno, udachno) [Positive Assessment of Negative Events? (To the Compatibility of Adverbs like “Safely”, “Successfully”, “Fortunately”)]. In *Teoreticheskaya semantika i ideograficheskaya leksikografiya: Slovar'. Diskurs. Korpus*. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 134–146.

Poisk kollokatsii [Search for Collocations]. In *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka*. URL: <https://ruscorpora.ru/page/tool-collocations/> (mode of access: 24.04.2024).

Svod leksiki kak ideograficheskaya karta mira: Universal'nyi slovar'-tezaurus russkogo yazyka. Kartochka proekta, podderzhannogo Rossiiskim nauchnym fondom [Vocabulary Set as an Ideographic Map of the World: A Universal Thesaurus of the Russian Language. The Project Card Supported by the Russian Scientific Foundation]. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00352/> (mode of access: 24.04.2024).

Yagunova, E. V., Pivovarova, L. M. (2010). Priroda kollokatsii v russkom yazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov [The Nature of Collocations in Russian Language. Experience of the Automatic Extraction and Classification on the Material of News Texts]. In *Sb. NTI. Seriya 2*. Moscow. No. 6, pp. 30–40. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394529742_4311.pdf (mode of access: 24.04.2024).

Zilova, E. V. (2012). *Etnospetsifika i sodержatel'naya dinamika kontsepta «Blagopoluchie» / «Prosperity» v russkoi, britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turakh* [Ethnospecificity and Semantic Development of the Concept “Blagopoluchie” / “Prosperity” in Russian, British and American Linguistic Cultures]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov. 19 p.

Данные об авторе

Мухин Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: mikhail.mukhin@urfu.ru.

Дата поступления: 29.04.2024; дата публикации: 30.10.2024

Author's information

Mukhin Mikhail Yurievich – Doctor of Philology, Head of Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Date of receipt: 29.04.2024; date of publication: 30.10.2024

УДК 811.161.1'367.625. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-91-101. ББК Ш141.12-003+Ш141.12-21.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8; 5.9.5

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ АКТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Бутакова Л. О.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

SPIN-код: 2096-2520

Шереметова А. С.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-9614-6896>

SPIN-код: 3306-9625

А н н о т а ц и я . Исследование описывает глагол ХОДИТЬ как фрагмент ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка, который рассматривается в аспекте динамики изменений его актуальных связей. Предмет исследования – особенности семантики глагола ХОДИТЬ и его синтаксического функционирования, зафиксированных в общерусских и региональных ассоциативных словарях разного временного периода. Цель статьи – выявить динамику изменений актуальных связей русских глаголов в языковом сознании носителей языка разного возраста на примере глагола ХОДИТЬ. Анализ глагола ХОДИТЬ базируется на идеях ассоциативной грамматики Ю. Н. Караулова. Результаты анализа материала показали, что выбор актуального типа конструкций связан с возрастным варьированием: для школьников начала 2000-х (Ассоциативный словарь подростка – 1) и 2020–2022-х годов (Ассоциативный словарь подростка – 2) это свернутые конструкции, для студентов 1990-х (Русский ассоциативный словарь) и 2000–2010-х годов (Русская региональная ассоциативная база данных) – вербализованные ассоциации. Временное варьирование говорит о том, что школьники последних лет стремятся связать грамматически слово-стимул и свою реакцию на него. Сирконстантная структура словосочетаний характерна для студентов и менее типична в качестве реакций у школьников, что доказывает большее семантическое разнообразие семантической группы сирконстант у студентов поколения 1980–1990-х и 2000–2010-х годов, чем у подростков 2000–2020-х годов. Возрастные особенности грамматикализации проявляются у школьников в большем проценте ассоциаций на стимул без грамматической связи. Актантная структура как способ реагирования оказалась неактуальной для глагола ХОДИТЬ, о чем свидетельствует маленький процент словосочетаний подобного типа для всех типов информантов. Актуальным способом реагирования среди вербализованных ассоциаций для студентов и школьников является передача характера движения (Русский ассоциативный словарь, Русская региональная ассоциативная база данных, Ассоциативный словарь подростка – 2), для школьников 2000-х годов важным является выражение семантики цели (Ассоциативный словарь подростка – 1). У подростков больше эмоционально окрашенных реакций (у школьников 2000-х преобладает негативное восприятие стимула, у школьников 2020-х – позитивное). Синтаксические примитивы как предречевой феномен наиболее типичны в реакциях подростков (наиболее актуальны и доминантны у подростков и студентов: субъект, дефиниция и суждение, место). На разницу результатов больше всего влияет возраст участников. Кроме того, у подростков восприятие стимула в большей степени реализуется через образы, а у студентов – через синтаксические структуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ассоциативная грамматика; ассоциативное поле; семантика; синтаксическая конструкция; грамматические структуры; глагол ходить

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бутакова, Л. О. Динамика изменений актуальных связей русских глаголов / Л. О. Бутакова, А. С. Шереметова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 91–101. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-91-101.

THE DYNAMICS OF CHANGE IN GRAMMATICAL COHESION OF SOME RUSSIAN VERBS

Larisa O. Butakova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Anna S. Sheremetova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-9614-6896>

A b s t r a c t . The study describes the verb *khodit'* as a fragment of the associative-verbal system of native Russian speakers, which is considered from the point of view of the dynamics of the change of its grammatical cohesion. The object of the study includes the specific features of the semantics of the verb *khodit'* and its syntactic functioning, recorded in all-Russian and regional associative dictionaries of different time periods. The aim of the article is to reveal the dynamics of the change of the grammatical cohesion of Russian verbs in the linguistic consciousness of native speakers of different ages on the example of the verb *khodit'*. The analysis of the verb *khodit'* is based on the ideas of associative grammar by Yu. N. Karaulov. The results of the material analysis show that the choice of the relevant type of constructions is associated with age variation: for schoolchildren of the early 2000s (Associative Teenager Vocabulary 1) and 2020-2022 (Associative Teenager Vocabulary 2) – these are reduced constructions, for students of the 1990s (Russian Associative Dictionary) and 2000–2010 (Siberian Associative Dictionary of the Russian Language) verbalized associations. Age-related variation suggests that schoolchildren of recent years tend to grammatically link the stimulus word and their response to it. The circonstant structure of word combinations is characteristic of higher school students and is less typical of responses of

secondary school children, which proves a greater semantic diversity of the semantic group of circumstants in students of the generation of the 1980s and 1990s and 2000–2010 than in teenagers of 2000–2020. Age-related peculiarities of grammaticalization are manifested in schoolchildren in a higher percentage of associations with a stimulus without expressing a grammatical connection. The actant structure as a way of responding turned out to be irrelevant for the verb *khodit'* (WALK), as evidenced by the small percentage of phrases of this type for all groups of informants. A typical response among verbalized associations for students and schoolchildren includes description of the nature of the movement (Russian Associative Dictionary, Siberian Associative Dictionary of the Russian Language, Associative Teenager Vocabulary 2), for schoolchildren of the 2000s, the expression of the semantics of the goal (Associative Teenager Vocabulary 1) is more important. Teenagers show more emotionally charged responses (schoolchildren of the 2000s demonstrate a predominantly negative perception of the stimulus, while schoolchildren of the 2020s have a positive one). Syntactic primitives as a pre-speech phenomenon are most typical in the responses of teenagers (the most relevant and dominant in teenagers and students are: subject, definition and judgment, place). The difference in results is most influenced by the age of the participants. In addition, adolescents perceive the stimulus to a greater extent through images, and students through syntactic structures.

Key words: associative grammar; associative field; semantics; syntactic construction; grammatical structures; the verb *khodit'* (to walk)

For citation: Butakova, L. O., Sheremetova, A. S. (2024). The Dynamics of Change in Grammatical Cohesion of Some Russian Verbs. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 91–101. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-91-101.

Введение

Проблемы связи языка и сознания, репрезентации сознания посредством знаков языка разного уровня и продуктов речевой деятельности разного типа остаются актуальными для лингвистов и психолингвистов. В данном проблемном круге находятся вопросы форм существования грамматики в сознании носителя языка, способов «выведения» на поверхность грамматических участков ассоциативно-вербальной сети [Шапошникова 2022]. Для описания языкового сознания взрослых и незрелых носителей языка в данном аспекте высоко информативны существующие общие и локальные ассоциативные базы и словари (см. рассуждения об этом И. В. Шапошниковой в [Шапошникова 2022]).

Основным и эффективным инструментом, изучающим и описывающим особенности организации языкового сознания, является ассоциативный эксперимент (далее – АЭ). Ассоциативный эксперимент раскрывает новые возможности по изучению образа мира, являющего собой «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами, поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 2016: 297]. Во-первых, благодаря АЭ видно, каким образом в языке вербализуются образы сознания носителем языка, во-вторых, АЭ дает возможность изучить и смоделировать фрагмент языкового сознания, проследить его трансформацию во времени, в-третьих, данный инструмент может зафиксировать закономерности на разных уровнях языка и выявить тенденции их развития.

С ассоциативным экспериментом тесно связано такое понятие, как ассоциативное поле (далее – АП), представляющее собой совокупность реакций на слово-стимул, выстроенную по принципу частотности. Ассоциативное поле дает представление о более / менее типовых способах связи стимула с реакциями, отражает субъективную «жизнь» семантики языковых знаков в сознании респондентов. Ассоциативное поле – это «не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент системы семантических и граммати-

ческих отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских» [Русский ассоциативный словарь 2002: 6]. В АП выделяются ядро в виде частотных реакций, периферия, но уже в виде низкочастотных и единичных реакций. На полученные реакции в АП влияет несколько факторов – лингвистический и прагматический. К первому фактору относятся характеристики слова-стимула, ко второму – личность респондента и его жизненный опыт (положительного либо отрицательного характера). Ассоциативные связи реакций со словом-стимулом включают различные семантические отношения: синонимические, антонимические, сочетаемостные и т. д.

Одним из способов описания языка с его грамматическими фактами и закономерностями, который ищет ответы на то, каким образом знание языка и грамматики существует в сознании носителя языка, является ассоциативная грамматика. По мнению создателя ассоциативной грамматики Ю. Н. Караулова, «правила словоизменения, соединения слов и словообразования, т. е. грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита, “размазана” по ассоциативно-вербальной сети (АВС)» [Караулов 1993: 6–7]. Таким образом, грамматика не существует отдельно от лексики, а АВС – это способ существования лексики и грамматики в сознании носителя языка. Объективируется АВС с помощью речевых произведений носителей языка, а также в виде ассоциативных словарей и тезаурусов.

Методология и материалы исследования

Цель статьи – выявить динамику изменений актуальных связей русских глаголов в языковом сознании носителей языка разного возраста на примере глагола ХОДИТЬ.

В качестве объекта исследования был выбран глагол ХОДИТЬ как один из образов сознания (фрагмент АВС) носителей русского языка. **Предметом** исследования является глагол ХОДИТЬ в аспекте особенностей его семантики и синтаксического функционирования, зафиксированных в

общерусских и региональных ассоциативных словарях разного временного периода. Для реализации цели решались частные задачи: выделить различные типы конструкций, реализующиеся в ассоциативном поле стимула ХОДИТЬ в РАС, СИБАС, Ассоциативном словаре подростка (2002; 2021–2022), определить структуру поля, классифицировать ассоциаты с опорой на семантические, семантико-ситуационные и синтаксические отношения слова-стимула и слова-реакции, выявить наиболее стабильные (частотные) и изменчивые (единичные) компоненты ассоциативной семантики глагола, опирающиеся на грамматические структуры, рассмотреть изменения во времени у студентов и школьников в актуализации грамматических связей глагола.

Анализ глагола ХОДИТЬ проводился на материале трех ассоциативных словарей: Русская региональная ассоциативная база данных (СИБАС) [СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных 2008–2023], которая была сформирована на основе массовых экспериментов, проводившихся в период с 2008 по 2021 гг. со студентами разных возрастов (от 16 до 25 лет); Русский ассоциативный словарь (РАС) [Русский ассоциативный словарь 2002], эксперимент проводился в период с 1988 по 1998 гг. со студентами от 17 до 25 лет; Ассоциативный словарь подростка (АСП 1 и АСП 2) [Гуц 2004; 2023], эксперимент был проведен со школьниками 12–14 лет в 2002 г. и в 2021–2022 гг.

Теоретико-методологическая база исследования

Русскому глаголу посвящено большое количество работ. Обзоры современных классификаций и их сложностей подробно рассмотрены в статье I. Kozera [Kozera 2018]. Автор подчеркивает значение тех исследований, которые сыграли значительную роль в разработке проблемы семантической классификации глаголов в функциональном аспекте, особенно работы Э. В. Кузнецовой [Кузнецова 1988], ее учеников и последователей, создателей объемного описания «Большой толковый словарь русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко [Бабенко 1999; 2008]. Важны в семантическом и грамматическом аспектах работы Л. М. Васильева [Васильев 1981, 1990], Г. А. Золотовой [Золотова 1982] и А. М. Чепасовой, И. Г. Казачук (2007). Ряд работ касается особенностей грамматики лексем русского языка, связанных с разметкой, в Национальном корпусе русского языка [Кустова и др. 2005].

Наш вариант анализа глагола субъективного перемещения ХОДИТЬ [Опыт семантической классификации русских глаголов 1982: 50] базируется на идеях Ю. Н. Караулова, создавшего направление «ассоциативная грамматика», которое представлено в книге «Ассоциативная грамматика русского языка» [Караулов 1993]. Лингвист вводит несколько важных для нашей работы понятий – ассоциативно-вербальная сеть, которая уже упоминалась, и грамматикализация. Отметим, что ассоциативно-вербальная сеть определяется Юрием Николаевичем как «вся мысленно представляемая (и компьютерно моделируемая, т. е. реально вос-

производимая) совокупность связей между элементами (стимулами и реакциями) “Ассоциативного тезауруса русского языка» [Караулов 1993: 153]. Выявить индивидуальную АВС всякого среднего носителя языка позволяют многоэтапные и массовые ассоциативные эксперименты. Согласно Ю. Н. Караулову, АВС содержит экстралингвистическую информацию, связанную с предметами и явлениями жизни носителей языка, которые могут быть сиюминутными (мода, политика) или постоянными (национальный характер, история народа), также АВС отражает языковое сознание носителей языка, так как содержит рефлексию по поводу языка и культуры, содержит оценку событий, понятий и ситуаций действительности [Русский ассоциативный словарь 2002: 194].

Вторым важным понятием для ассоциативной грамматики является грамматикализация, реакции считаются грамматикализованными, если содержат грамматическую информацию. Такие реакции могут быть в косвенной форме либо в лемматизированной, при этом образуя модель двух слов, но косвенная форма может и не создавать словосочетание. Например, Юрий Николаевич Караулов проанализировал статью БЕЖАТЬ в словаре ассоциативных норм русского языка (далее – СЛ) и в ассоциативном тезаурусе (далее – АТ) на количество грамматикализованных форм в соотношении с общим количеством реакций и получил такие результаты: БЕЖАТЬ 519/709 = 73% (в СЛ); 53/78 = 67,9% (в АТ). Также он изучил и другие ассоциативные статьи, что помогло ему прийти к выводу, что процент грамматикализованных форм в АС колеблется от 44% до 73%, а в статьях с лемматизированным стимулом находится около 60% грамматикализованных форм среди реакций.

Для достижения поставленной цели применялись следующие **методы** при анализе глагола БЕГАТЬ: метод классификации для выделения типов конструкций и семантических разрядов в АП глагола ХОДИТЬ; описательный метод и его приемы (наблюдение, интерпретация) для характеристики и выявления смыслов, репрезентированных ассоциатами; структурный и семантический анализ для установления отношений между стимулом и реакцией, трансформационный метод для реконструкции грамматически несвязанных реакций со стимулом на уровне словосочетания или предложения; метод количественного анализа для сравнения полученных результатов; сопоставительный метод для сравнения результатов анализа ассоциативных словарей.

Отметим, что ассоциативный эксперимент из всех психолингвистических методик является наиболее разработанным, он представлен в работах Е. И. Горошко [2001], Е. Н. Гуц [2005], А. А. Залевской [2011], В. А. Пищальниковой [2019], Н. И. Степыкина [2021] и др., а также большой вклад в методику проведения ассоциативного эксперимента и описания его результатов внесли Ю. Н. Караулов [1993; 1999], А. А. Леонтьев [Словарь ассоциативных норм русского языка 1977], Н. В. Уфимцева [2014], И. А. Стернин [2020], А. В. Рудакова [2016; 2022] и др.

Результаты и обсуждение

Все словари, которые были выбраны в виде источников материала для анализа глагола ХОДИТЬ, охватывают широкий временной отрезок (от конца 1980-х до 2020-х): РАС: 1988–1998 гг., АСП1: 2002 г., СИБАС: 2008–2021 гг., АСП2: 2021–2022 гг. Респондентами экспериментов, положенных в основу баз данных словарей, были студенты (РАС, СИБАС), подростки 12–14 лет (АСП1, АСП2). Этот факт позволяет нам проследить динамику изменения актуальных грамматических связей глагола ХОДИТЬ у носителей русского языка разного возраста.

В своем исследовании мы опираемся на следующие статистические данные словарей: общее количество реакций в словарной статье со стимулом ХОДИТЬ. По данным Русского ассоциативного словаря, общее количество реакций опрошенных на стимул ХОДИТЬ – 532, в Русской региональной ассоциативной базе данных (СИБАС) статья со стимулом ХОДИТЬ содержит всего 495 реакций; в Ассоциативном словаре подростка (2002; 2021–2022) в двух необходимых нам словарных статьях находится по 500 реакций на слово-стимул.

Благодаря анализу синтаксических отношений между глаголом-стимулом ХОДИТЬ и реакциями на него нами было определено то, что ассоциативные поля глагола в РАС и АСП1 включают 2 типа конструкций: **вербализованные ассоциации в виде словосочетаний** и **свернутые конструкции**. **Вербализованные ассоциации** в АСП1 отличаются тем, что там нет конструкций с актантами. СИБАС и АСП2 тоже включают эти же конструкции, в СИБАС еще присутствует **незаконченное словосочетание**, а в АСП2 – **потенциальное предложение**. Также все АП содержат ассоциации без грамматической связи со словом-стимулом.

В РАС, в СИБАС и АСП2 на первом месте среди других выделенных конструкций находятся **вербализованные ассоциации в виде словосочетаний** (381 = 71,6%; 303 = 61,2%; 225 = 45%), а в АСП1 – **свернутые конструкции** (237 = 47,4%), **вербализованные ассоциации** там занимают лишь третье место (97 = 19,4%). Как показали результаты анализа, **вербализованные ассоциации в виде словосочетаний** не актуальны для респондентов АСП1, у такого вида конструкций очень маленький процент реализации в сравнении с другими словарями. Уменьшение процента **вербализованных ассоциаций** связано не с временными изменениями, а с тем, что для школьников они не так релевантны, как для студентов. Для школьников наиболее актуален следующий тип конструкций – **свернутые конструкции**. Как упоминалось выше, в АСП1 эти конструкции находятся на первом месте (237 = 47,4%), в АСП2 и СИБАС – на втором месте (167 = 33,4%; 145 = 29,3%), в РАС **свернутые конструкции** располагаются на третьем месте (79 = 14,8%). Процент **свернутых конструкций** варьируется: больший процент – в АСП1, самый маленький – в РАС. Если посмотреть на динамику изменения грамматических связей у респондентов-школьников, то можно заметить, что школьники последних лет

стремятся грамматически связать слово-стимул и свою реакцию на него.

Последние места занимают другие два типа конструкций: **потенциальное предложение** (1 = 0,2%) в АСП2: ХОДИТЬ – ноги что бы 1 (>ноги, чтобы ходить); **незаконченное словосочетание** (1 = 0,2%) в СИБАС, которое указывает на грамматическую и семантическую направленность будущего словосочетания (1 = 0,2%): ХОДИТЬ – в 1.

Большой процент словосочетаний с сирконстантной структурой отмечается в РАС (367 = 69%), а наименьший – в АСП1 (97 = 19,4%). В СИБАС и в АСП2 такие результаты: 301 = 60,8 % и 222 = 44,4%.

Наибольший процент реализаций составляют ассоциации, в которых **нет грамматической связи**, но присутствует семантическая связь, в АСП1 (163 = 32,6%), наименьший в СИБАС (68 = 13,7%). Результаты в остальных словарях таковы: РАС (83 = 15,6%), АСП2 (133 = 26,6%). Показатели по словарям варьируются, у школьников фиксируется больший процент ассоциаций без грамматической связи, что может быть обусловлено возрастными особенностями вторичного онтогенеза грамматической области.

Малочисленная группа реакций для всех ассоциативных полей стимула – **актант**, в СИБАС эта группа уменьшилась (2 = 0,4%) относительно РАС (14 = 2,6%), группа **актант** в АСП1 не проявилась, в АСП2 показала низкий процент реализации (3 = 0,6%). Такой маленький процент для носителей языка разных поколений и разного возраста связан с неактуальностью для глагола ХОДИТЬ актантной структуры.

В РАС группа сирконстант включает 15 семантических разрядов, а в СИБАС – 12. В СИБАС нет типов реакций сравнения, вида деятельности, результата. В АСП1 группа сирконстант включает 6 семантических разрядов, а в АСП2 – 12. В два раза меньше семантического разнообразия у подростков-респондентов АСП1, там нет следующих семантических разрядов: указание на расстояние, количество, длительность, время действия, возможность субъекта, совместность действия / отдельность.

Таким образом, группа сирконстант в РАС (соответственно, у студентов поколения 1980–1990-х годов) более разнообразна семантически, наоборот, в АСП1 (у подростков 2000-х годов) меньше всего такого семантического разнообразия.

В трех словарях семантический разряд **характер движения**, входящий в группу конструкций **вербализованные ассоциации в виде словосочетаний**, занимает первое место: РАС (148 = 27,8%), СИБАС (106 = 21,4%), АСП2 (70 = 14%). В АСП1 данный разряд занимает третье место (5 = 1%). Для всех словарей типовым сочетанием является ХОДИТЬ пешком (РАС: 66; СИБАС: 67; АСП1: 3; АСП2: 52). В РАС больше всего находится сочетаний с переносным смыслом: *пешком* (66); *босиком* (24); *на руках* (6); *на ушах* (4) перен.; *на голове* (3) перен.; *по струнке* (3) перен.; *боком* (3); *по пятам* (3) перен.; *по лезвию ножа* (2) перен. (ходить по острию ножа); *кругами* (2); *ногами* (2); *на цыпочках* (2) прям. и перен.; *по кругу* (2); *ходуном* (2). В СИБАС они тоже есть, но как единичные случаи: *по лезвию* 2; *по лезвию ножа* 1; *по*

острию 1; вокруг да около 1. В АСП2 не так много реакций с переносным значением: *вокруг да около* (2), *по пятам, под себя, по лезвию*.

В АСП1 первое место, наоборот, занимает разряд **цель** (47 = 9,4%). В АСП2 семантический разряд **цель** занимает третье место (34 = 6,8%), такой результат у РАС и СИБАС: 28 = 5,3%; 22 = 4,4%. Для всех словарей типовым сочетанием с семантикой цели является ХОДИТЬ гулять (АСП1: 41; АСП2: 20; РАС: 13; СИБАС: 16). Хотя в РАС процент реакций не такой большой, но семантически этот разряд более разнообразен из-за единичных реакций: *гулять* (13); *учиться* (2); *по грибы* (2); *встречаться с девушкой* 1; *гулять по улице* 1; *по дрова* 1; *пешком по грибы* 1; *танцевать* 1; *ухаживать* 1; *думать* 1; *мерить* 1; *рыть* 1; *стрелять* 1; *спать* 1.

Семантический разряд **места движения** занимает второе место во всех словарях, но самый больший процент реакций у РАС: в РАС (108 = 20,3%), СИБАС (77 = 15,6%), АСП1 (38 = 7,6%) и АСП2 (48 = 9,6%).

Во всех словарях распространенным подразрядом является **место повторяющегося движения (направление к месту как к конечному пункту + мероприятие)**: РАС (73 = 13,7%) и СИБАС (45 = 9,1%), АСП1 (34 = 6,8%) и АСП2 (23 = 4,6%). Процент реализации конструкций *ходить + в/на* с семантикой направления не такой большой, как предполагалось, при этом конструкция *ходить + в* наиболее частотна в проанализированных нами ассоциативных словарях, чем *ходить + на* у респондентов разных временных периодов (соответственно, в АП каждого словаря есть доминантная реакция): РАС: *в кино* (22); СИБАС: *в гости* 7; АСП1: *в магазин* (21); АСП2: *в школу* (13). Данный подразряд у АСП2 характеризуется семантическим разнообразием благодаря единичным, а не частотным реакциям.

Еще меньший процент встречаемости реакций подразряда **место разнонаправленного действия**, которые отражают движение и с целью, и без цели (РАС: 33 = 6,2%; СИБАС: 28 = 5,7%; АСП1: 3 = 0,6%; АСП2: 23 = 4,6%). Хотя конструкция *ходить + по* является типичной и распространенной в речи носителей языка (что зафиксировал, например, НКРЯ), в ассоциациях наблюдается скачкообразная тенденция реагирования (см. выше). Также в РАС и СИБАС в приоритете оказались две разные стихии: ХОДИТЬ – *по земле* (6) и ХОДИТЬ – *по воде* (4) (с религиозным подтекстом). Реакция *по дороге* (2) доминантна для АСП1, такое же количество и у АСП1 для этой реакции, но доминантной здесь является *по воде* (4), как и в СИБАС.

По одному случаю реакций в РАС, СИБАС и АСП1 подразряда **место разнонаправленного и длительного действия с целью**: *по магазинам* (РАС: 2 = 0,4%; СИБАС: 4 = 0,8%), *по делам* (1) (АСП1: 1 = 0,2%). В АСП2 нет реакций подобного типа, но есть единичный случай актуализации подразряда **место длительного движения** (1 = 0,2%): *на кладбище* (1).

Качественная характеристика движения представлена в АП всех анализируемых словарей (РАС: 42 = 7,9%; АСП1: 3 = 0,6%; СИБАС: 50 = 10,1%; АСП2: 29 = 5,8%). У школьников меньший процент реали-

зации качества движения. В представленных словарях совпадает доминантная реакция *быстро*, для всех респондентов важен темп движения. СИБАС: *быстро* (23) / *медленно* (10) / *не спеша* (1) / *тихо* (1) (всего 35); остальное – вид движения или оценка. Темп движения в РАС: *быстро* (21); *тихо* (5); *медленно* 1; *не быстро* 1; *спокойно* 1; *не спеша* 1 (всего 30); остальное тоже вид движения или оценка. В реакциях АСП1 семантика темпа движения совмещена с оценкой: *быстро* (2), *хорошо*. В АСП2 преобладает темп движения (всего 23), актуальны виды движения: *быстро* (20), *прямо* (5) (= осанка), *медленно* (3), *ровно*.

Разряд **отношение субъекта к движению** малочислен (АСП1: 3 = 0,6% и АСП2: 14 = 2,8%). В АСП1 только негативное восприятие стимула: *надоело, не хочется, отстой*; в АСП2, наоборот, преобладает позитивное восприятие стимула (11 позитивных, 3 негативных): *полезно* (5), *здорово, можно, надо!*, *необходимость, нужно (движение – приятно, жизнь)*, *скучно, трудно, хватит, хотеть*.

В РАС нет семантического разряда **отношение субъекта к движению**, в СИБАС только одна реакция (1 = 0,2%): *лень* 1.

Результаты анализа реакций данного разряда показали, что, во-первых, у подростков больше реакций такого типа, а во-вторых, они более эмоционально реагируют на стимул ХОДИТЬ, чем студенты.

Разряд **направления движения** наиболее актуален для респондентов РАС и СИБАС, чем для информантов АСП1 и АСП2. Частотные реакции в РАС (12 = 2,3%): *прямо* (4); *вперед* (2); в СИБАС (29 = 5,9%): *налево* 12; *прямо* 8; *вперед* 4; *домой* 2. В СИБАС преобладает реакция *налево*, которая может актуализировать как прямой, так и переносный смысл, а в РАС – *прямо*.

Есть совпадения в реакциях неактуальных семантических разрядов у респондентов РАС, СИБАС, АСП2: указание на расстояние; на совместность действия / отдельность; количественная характеристика перемещения, включающая меру и степень; время действия; длительность. Следующие малочисленные семантические разряды совпадают только в РАС и СИБАС: отношение субъекта к движению; сравнение; вид деятельности; состояние субъекта движения; результат. Еще раз отметим, что в СИБАС нет сравнения, вида деятельности, результата, а для АСП1 и АСП2 не актуально направление движения, также разряд **возможность субъекта** актуален только для АСП2.

Группа реакций, которые не подразумевают грамматической связи с глаголом, включает в АП стимула в РАС и в СИБАС семантический разряд **типа движения (через симилары и оппозицы)**, разделенный на две подгруппы: к одной относятся реакции – глаголы движения и позиционные глаголы, сюда же относятся существительные с той же семантикой, к другой подгруппе относятся ассоциации, построенные на деривационных отношениях глагола-стимула ХОДИТЬ. Отметим, что процентное соотношение группы реакций без грамматической связи практически совпадает в РАС (83 = 15,6%) и СИБАС (68 = 13,7%). В этой же группе мы рассматривали индивидуальные ассоциации,

которые сложно прямо семантически связать с глаголом ХОДИТЬ, но, вероятно, у респондентов в сознании существует непрямая семантическая связь (это относится к реакциям-словам, а не к таким символам, как, например: /).

В АП СИБАС увеличился общий состав реакций по типу движения с глаголами *бегать* (26) и *бежать* (13), в РАС содержится 20 реакций (*бегать*) и 7 (*бежать*). Очевидно, респонденты разных лет прочно ассоциируют глагол ХОДИТЬ с симилиативным глаголом однонаправленного и разнонаправленного быстрого движения.

В АП РАС больше реакций с позиционными глаголами, чем в СИБАС: *стоять* (7); *сидеть* (4); *лежать* (2) (РАС); *лежать* 2 (СИБАС). Многие ассоциации, которые есть в РАС, отсутствуют в СИБАС: *стоять* (7); *сидеть* (4); *лететь* (3); *водить* 1; *возить* 1; *плыть* 1; *таскаться* 1; *шкандыбарить* 1; *спешить* 1. Наоборот, в РАС нет следующих реакций: *парить* 1; *прошвырнуться* 1.

Совпадающие реакции в АП стимула в РАС и СИБАС: *бегать*; *бежать*; *ползать*; *бродить*; *лежать*; *ездить*; *ехать*; *летать*; *не ползать*; *прыгать*; *шагать*; существительные: *шаги*; *шаг*. Реакции *шаги*, *шаг* отсутствуют в РАС в такой же форме, но все-таки у них та же семантика, что и у глагола *шагать*, а реакция *не ползать* отличается только своей отрицательностью от реакции *ползать* в РАС.

В АП РАС ассоциации, построенные на деривационных отношениях, более разнообразны, чем в АП СИБАС: *идти* (3); *приходить* (2); *входить* 1; *подходить* 1; *выйти* 1.

В СИБАС появились реакции, относящиеся к разряду **качественная характеристика движения** (1 = 0,2%): *активность* 1. Эту реакцию возможно отнести также и к разряду дефиниции стимула, а само слово *активность* похоже на своего рода гипероним к слову ХОДИТЬ.

Группа реакций, которые не подразумевают грамматической связи с глаголом, в АСП1 (163 = 32,6%) и в АСП2 (133 = 26,6%) охватывает семантический разряд **типа движения (через симилары и оппозиты)** и его подгруппы, а также другие семантические разряды, которые были перечислены для РАС и СИБАС. Кроме этого, в АП АСП1 выделены разряды: **свойство глагола ХОДИТЬ и свойство слова-реакции**; а в АСП2: **ассоциации, связанные по смыслу со стимулом, и качество**.

В АП АСП2 уменьшился общий состав реакций по типу движения с глаголом разнонаправленного действия *бегать* (47), увеличился – с глаголом однонаправленного действия *бежать* (22), если сравнивать с АСП1, а в АСП1 такие показатели таковы: 87 (для *бегать*) и 6 (для *бежать*). Данные частные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что для респондентов-подростков глагол ХОДИТЬ тесно связан с однонаправленным и разнонаправленным глаголом быстрого движения.

Подростки 2020-х годов (АСП2) чаще реагировали с помощью позиционных глаголов, чем подростки начала 2000-х (АСП1): *сидеть* (8), *стоять* (8), *лежать* (7) (АСП2); *лежать* (АСП1).

Многие ассоциации литературного, разговор-

ного, жаргонного типа, которые есть в АСП1, отсутствуют в АСП2: *ковылять* (8); *летать* (2), *валить*, *прыгать*, *шарахаться*, *шариться*. Наоборот, в АСП1 не были обнаружены следующие реакции: *сидеть* (8), *стоять* (8); *водить*, *ехать*, *лететь*, *плавать*, *ползти*. Словари включают и совпадающие реакции: *бегать*; *шагать*; *бежать*, *ползать*; *бродить*, *ездить*, *лежать*; существительное: *бег* (2); *шаги*. Реакции *бег*, *шаги* отсутствуют в АСП1 в такой же форме, но у них та же семантика, что и у глаголов *бегать* и *шагать*.

В АП АСП2 ассоциации, построенные на деривационных отношениях, более разнообразны, чем в АП АСП1: *выходить*, *идти*, *пойти*, *ходить* (4 = 0,8%).

Если сравнить результаты всех словарей, то становится очевидной следующая тенденция: у подростков больший процент реакций, **которые не подразумевают грамматической связи с глаголом**. Доминирует реакция *бегать* во всех словарях, но самые высокие показатели зафиксированы в АП АСП1 (87). Показатели глагола *бежать* последовательно увеличивали свою актуальность с конца XX – начала XXI вв. (от РАС до АСП2). В СИБАС и в АСП1 меньше реакций с позиционными глаголами, чем в РАС и АСП2. Очевидно, что наиболее актуальна в ходе реагирования семантика «перемещаться с помощью ног». В АП есть реакции-симилары, передающие действия, разные по скорости и способу перемещения. Оппозиты представлены в виде глаголов, которые являются либо позиционными, либо глаголами с определенным типом движения: *лежать*, *отдыхать*, *ползать*, *прыгать*, *летать* и т. д. Ассоциации, построенные на деривационных отношениях, более разнообразны у респондентов РАС.

Свернутые конструкции как синтаксические примитивы (о синтаксических примитивах см. [Степыкин 2021]) наиболее актуальны для АСП1 (237 = 47,4%), на втором месте находится АСП2 (167 = 33,4%), СИБАС (145 = 29,3%), РАС (79 = 14,8%). Такое процентное распределение говорит о том, что синтаксические примитивы больше всего реализуются в речи подростков.

Основные семантические разряды реакций совпадают в АП анализируемых словарей, к числу доминантных семантических разрядов относятся **место, субъект, дефиниция**. Среди других словарей в АСП1 самый высокий процент у следующих разрядов: **субъект, в том числе партитивный** (99 = 19,8%); **дефиниция стимула и объяснительное суждение (тип движения через симилары)** (98 = 19,6%).

Семантические разряды в АП РАС и в СИБАС: **место перемещения с возможной целью (куда, где)** (33 = 6,2%; 43 = 8,7%); **субъект, в том числе партитивный** (13 = 2,4%; 33 = 6,7%); **разряд причины, цели, последствия или условия с предположением** (9 = 1,7%; 13 = 2,6%); **дефиниция стимула и объяснительное суждение (тип движения через симилары)** (7 = 1,3%; 21 = 4,2%); **ассоциации, связанные с бегом (часть процесса движения)** (5 = 0,9%; 8 = 1,6%); **объект как цель** (6 = 1,1%; 12 = 2,4%); **одновременность нескольких действий** (4 = 0,8%; 5 = 1,0%); **указание на время или период** (1 = 0,2%; 1 = 0,2%); **характер движения** (1 = 0,2%; 2 = 0,4%).

В АП СИБАС присутствуют реакции двух разрядов, которых нет в АП РАС: **возможность движения** (5 = 1,0%): *уметь 2; знать 1; научиться 1; учить 1; действие с использованием предмета* (2 = 0,4%): *палочка 1; пистолетик 1*.

В АП РАС из общего числа реакций разных семантических разрядов выделяются две группы – **место перемещения с возможной целью (куда, где)** (33 = 6,2%); **субъект, в том числе партитивный** (13 = 2,4%); а в СИБАС доминантны реакции пяти разрядов – **место перемещения с возможной целью (куда, где)** (43 = 8,7%); **субъект, в том числе партитивный** (33 = 6,7%); **дефиниция стимула и объяснительное суждение (тип движения через симиляры)**; **разряд причины, цели, последствия или условия с предположением** (13 = 2,6%); **действие, направленное на объект как цель** (12 = 2,4%).

Сравнение показывает, выбор какой семантики свернутых конструкций наиболее частотен для респондентов разных лет: место, субъект, дефиниция или суждение, причины, цели, последствия или условия с предположением, объект как цель.

Для актуализации **места перемещения с возможной целью (куда, где)** респондентами выбирались слова-локативы, реакции с обозначением мероприятия и какого-либо объекта, конструкции с **субъектом, в том числе партитивным**, – одушевленные и неодушевленные субъекты движения.

Если сравнить **дефиницию стимула и объяснительное суждение (тип движения через симиляры)**, то здесь многие реакции совпадают в АП обоих словарей, а в разряде **причины, цели, последствия или условия с предположением** совпадает только несколько реакций: *жить* (2); *усталость* (2) (РАС) и *жить* 5; *усталость* 2 (СИБАС). **Действие, направленное на объект как цель**, включает больше всего разные виды обуви.

Такие семантические разряды представлены в АП АСП1 и АСП2: **субъект, в том числе партитивный** (99 = 19,8%; 47 = 9,4%); **дефиниция стимула и объяснительное суждение (тип движения через симиляры)** (98 = 19,6%; 35 = 7%); **место перемещения с возможной целью (куда, где)** (11 = 2,2%; 28 = 5,6%); **объект как цель** (10 = 2%; 7 = 1,4%); **ассоциации, связанные с ходьбой (часть процесса движения)** (8 = 1,6%; 7 = 1,4%); **разряд причины, цели, последствия или условия с предположением** (4 = 0,8%; 8 = 1,6%); **одновременность нескольких действий** (4 = 0,8%; 30 = 6%); **характер движения** (2 = 0,4%; 4 = 0,8%); **императив** (1 = 0,2%).

В АП АСП1 есть реакция, относящаяся к разряду, которого нет в АСП2: **императив** (1 = 0,2%): *купи машину* (> иди купи машину). Наоборот, в АП АСП2 есть реакция семантического разряда, которого нет в АСП1: **действие с использованием предмета** (1 = 0,2%): *лыжные палочки*.

В АП АСП1 из общего числа реакций разных семантических разрядов выделяется два типа – **субъект, в том числе партитивный** (99 = 19,8%); **дефиниция стимула и объяснительное суждение (тип движения через симиляры)** (98 = 19,6%); в АП АСП2 выделяются реакции четырех разрядов – **субъект, в том числе партитивный** (47 = 9,4%); **дефи-**

ниция стимула и объяснительное суждение (тип движения через симиляры) (35 = 7%); **место перемещения с возможной целью (куда, где)** (28 = 5,6%); **одновременность нескольких действий** (30 = 6%).

Таким образом, частотными смысловыми областями в ходе реагирования на стимул ХОДИТЬ для респондентов АСП1 и АСП2 являются субъект, дефиниция и суждение, место, одновременность действий. Во всех проанализированных словарях совпадают доминирующие смыслы, актуализирующие три семантических разряда в конструкциях с синтаксическими примитивами: субъект, дефиниция и суждение, место.

Выводы

Анализ сведений всех ассоциативных словарей показывает, что актуальным типом конструкций для школьников начала 2000-х (АСП1) и 2020–2022-х годов (АСП2) являются свернутые конструкции, а для студентов 1990-х (РАС) и 2000–2010-х годов (СИБАС) – вербализованные ассоциации. Таким образом, возрастное варьирование влияет на выбор респондентом актуального для него типа конструкции.

Еще один вывод касается временного варьирования актуальных связей глагола. Очевидно, что школьники последних лет стремятся грамматически связать слово-стимул и свою реакцию на него.

Высокий процент реализации словосочетаний с сирконстантной структурой превалирует у студентов в разные временные периоды (РАС – 69%, СИБАС – 60,8%), такой тип реагирования у школьников отличается низкими и средними показателями (АСП1 – 19,4%, АСП2 – 44,4%).

Для школьников частотны ассоциации без грамматической связи со стимулом, что можно связать с возрастными особенностями вторичного онтогенеза, а также с неактуальностью подобного типа связей в АВС.

Анализ выявил незначимость для носителей русского языка актантной позиции стимула ХОДИТЬ, так как материал, собранный у информантов разного возраста в разное время, показывает маленький процент словосочетаний с такой структурой.

У современных студентов (СИБАС) всего две реакции представлены в роли актанта: *конем 1; с костылем 1*. Эти реакции мы отнесли к разряду **действие с использованием предмета**.

В РАС было зафиксировано несколько больше реакций актантного типа (14 = 2,6%). Реакции этой группы отнесены к пяти семантическим разрядам: **действие, направленное на объект как цель** (7 = 1,3%): *за водой* (2); *за грибами 1; за дровами 1; за пивом 1; за хлебом 1; к нему 1; действие с использованием предмета* (4 = 0,8%): *конем* (2); *пешкой 1; с палочкой 1; действие, направленное на неодушевленный объект* (1 = 0,2%): *работу 1; указание на совместность действия с объектом* (1 = 0,2%): *встречаться с девушкой 1; ассоциации, связанные с бегом (часть процесса движения)* (1 = 0,2%): *в туфлях 1*. Только реакция *конем* совпадает с реакцией в СИБАС, наблюдаются изменения в конструкции *ходить на работу* > *ходить работу*.

В реакциях информантов АСП1 позиция **актанта** отсутствует, но в реакциях респондентов АСП2 выделяются три семантических разряда: **действие, направленное на неодушевленный объект** (1 = 0,2%): километры; **действие, направленное на объект как цель** (1 = 0,2%): за покупками; **ассоциации, связанные с бегом (часть процесса движения)** (1 = 0,2%): в кроссовках. Эти три семантических разряда присутствуют и в РАС.

Говоря о семантической разнообразии реакций группы **сирконстант**, можно сделать вывод, что реакции подобного типа в РАС (соответственно, у студентов поколения 1980–1990-х годов) более разнообразны семантически, наоборот, в АСП1 (у подростков 2000–2020-х годов) меньше всего такого семантического разнообразия. В РАС группа сирконстант включает 15 семантических разрядов, в СИБАС – 12, в АСП2 – 12, АСП1 – 6.

В трех словарях первое место среди **вербализованных ассоциаций** занимают реакции семантического разряда **характер движения**: РАС (27,8%), СИБАС (21,4%), АСП2 (14%). В АСП1 данный разряд занимает третье место (1%). Для всех словарей типовым сочетанием является ХОДИТЬ пешком (РАС: 66; СИБАС: 67; АСП1: 3; АСП2: 52).

Разряд **цель** занимает первое место в АСП1 (9,4%), в АСП2 – третье место (6,8%), наименьшие результаты у РАС и СИБАС: 5,3% и 4,4%. Для всех словарей типовым сочетанием с семантикой цели является ХОДИТЬ гулять (АСП1: 41; АСП2: 20; РАС: 13; СИБАС: 16).

Семантический разряд **места движения** занимает второе место во всех словарях, но самый большой процент реакций у РАС: в РАС (20,3%), СИБАС (15,6%), АСП1 (7,6%) и АСП2 (9,6%).

Предполагалось, что конструкция *ходить + в/на* с семантикой направления будет частотной, но результаты показали небольшой процент такого типа конструкций, причем *ходить + в* все-таки чаще используется респондентами, чем *ходить + на*. Доминантные реакции **места повторяющегося движения (направление к месту как к конечному пункту + мероприятие)**: РАС: *в кино* (22); СИБАС: *в гости* 7; АСП1: *в магазин* (21); АСП2: *в школу* (13).

Подразряд **место разнонаправленного действия**, который содержит реакции, отражающие движение и с целью, и без цели, оказался не таким востребованным у респондентов, что можно увидеть по процентному соотношению среди словарей (РАС: 33 = 6,2%; СИБАС: 28 = 5,7%; АСП1: 3 = 0,6%; АСП2: 23 = 4,6%). Здесь же мы выделили и доминантные сочетания: *по земле* (6) – РАС, *по воде* (4) – СИБАС, *по дороге* (2) – АСП1, *по воде* (4) – АСП2.

Качество движения для школьников менее значимо, чем для студентов, но одинаково важен для всех респондентов темп движения, а доминантной реакцией является наречие *быстро*.

Школьники более эмоционально реагируют на стимул ХОДИТЬ, чем студенты, что проявляется в большем объеме реакций, отличающихся эмоцио-

нальной окраской, причем характер эмоционального отношения у подростков 2000-х и 2020-х гг. разный.

Анализ материала выявил тенденцию: у подростков больший процент реакций, **которые не подразумевают грамматической связи с глаголом**. Процентное соотношение группы реакций без грамматической связи: РАС (15,6%), СИБАС (13,7%), АСП1 (32,6%) и АСП2 (26,6%). Стимул ХОДИТЬ ассоциируется респондентами с однонаправленным и разнонаправленным быстрым движением (бегать / бежать). В АП всех словарей реакция *бежать* доминирует. Частотность реакции *бежать* увеличилась во времени (от РАС до АСП2). В ходе реагирования на глагол ХОДИТЬ носителями русского языка выбирались симиляры, которые передают действия разные по скорости и способу перемещения, а также оппозиты – либо позиционные глаголы, либо глаголы определенного типа движения. При реагировании на стимул ХОДИТЬ преобладает актуализация семантики «перемещаться с помощью ног». При этом количество позиционных глаголов выбиралось реже информантами СИБАС и АСП1, чем респондентами РАС и АСП2, что свидетельствует не о возрастной, а о временной тенденции «выведения на поверхность» участков АВС.

Реакции с позиционными глаголами чаще встречаются у подростков 2020-х годов (АСП2: 23 реакции, РАС: 13 реакций, АСП1: 1 реакция, СИБАС: 2 реакции).

Синтаксические примитивы как предречевой феномен наиболее развиты у подростков. Частотными смыслами в процессе актуализации связей глагола-стимула для подростков начала 2000-х (АСП1) и 2020–2022-х годов (АСП2) являются субъект, дефиниция и суждение, место, одновременность действий. Следующие семантические разряды наиболее актуальны и доминантны для подростков и студентов: субъект, дефиниция и суждение, место. Также для респондентов указанных словарей многие реакции совпадают в разряде **дефиниции стимула и объяснительного суждения (актуализации типа движения через симиляры)**. Для незрелых респондентов периода начала 2000-х (АСП1) можно выделить несколько интересных реакций, которых нет в АСП2: *шевелить ногами* (2), *двигать ногами*, *действовать*. В АСП2 перечислим такие реакции: *свобода* (2), *спорт* (5). Респонденты позднего периода (АСП2) были наиболее семантически разнообразны в процессе реагирования с помощью актуализации смысла **одновременность нескольких действий**. В АСП1 и АСП2 совпадает только одна реакция *топать*, реакция *шариться* из АСП1 подобна реакциям *искать* и *рыскать* из АСП2.

Таким образом, разница в результатах больше связана не с каким-либо временным периодом, а с возрастом участников эксперимента, у подростков восприятие стимула в большей степени реализуется через образы, чем через синтаксические структуры.

Литература

Большой толковый словарь русских глаголов / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2008. – 576 с.

- Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1981. – 184 с.
- Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
- Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. – Харьков ; М. : РА-Каравелла, 2001. – 320 с.
- Гуц, Е. Н. Ассоциативный словарь подростка / Е. Н. Гуц. – Омск : Омский государственный университет, 2004. – 153 с.
- Гуц, Е. Н. Ассоциативный словарь подростка / Е. Н. Гуц. – Омск, 2023. – 84 с.
- Гуц, Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка / Е. Н. Гуц. – Омск : Вариант-Омск, 2005. – 260 с.
- Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента / А. А. Залевская. – Тверь : Тверской государственный университет, 2011. – 240 с.
- Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
- Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М. : ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
- Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Русский язык, 1993. – 330 с.
- Кузнецова, Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов / Э. В. Кузнецова. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1988. – 151 с.
- Кузнецова, Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов / Э. В. Кузнецова. – Иркутск : Издательство Иркутского ун-та, 1989. – 176 с.
- Кустова, Г. И. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы / Г. И. Кустова, О. Н. Ляшевская, Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина. – Текст : электронный // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. – 2005. – С. 155–174. – URL: <https://ruscorpora.ru/media/uploads/2022/04/21/r21.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).
- Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 1 (27). – С. 296–299.
- Опыт семантической классификации русских глаголов: Обзор лексико-семантических групп глаголов русского языка. – Свердловск : УГУ, 1982. – 208 с.
- Пищальникова, В. А. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики : монография / В. А. Пищальникова, К. С. Карданова-Бирюкова [и др.] ; под ред. В. А. Пищальниковой. – М. : Р. Валент, 2019. – 200 с.
- Рудакова, А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии : дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Рудакова. – Воронеж : [б. и.], 2022. – 556 с.
- Рудакова, А. В. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова / А. В. Рудакова, И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 1 (27). – С. 194–208.
- Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7 000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М. : Издательство «Астрель» ; Издательство «АСТ», 2002. – 784 с.
- Сандакова, М. В. Адъективные и адвербиальные интенсификаторы в русском языке: механизмы расширения класса / М. В. Сандакова. – Текст : электронный // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2020. – № 51. – С. 90–106. – DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-90-106. – URL: <https://www.elibrary.ru/WICMOV> (дата обращения: 20.04.2024).
- СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2023): СИБАС 1 (2008–2013); СИБАС 2 (2014–2021) / авторы-составители: И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. – URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 01.07.2024). – Текст : электронный.
- Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. – М. : Издательство Московского университета, 1977. – 192 с.
- Степыкин, Н. И. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла : дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Степыкин. – М. : [б. и.], 2021. – 437 с.
- Стернин, И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 3 (45). – С. 110–126.
- Толковый тематический словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
- Уфимцева, Н. В. Русский ассоциативный словарь как источник изучения русской языковой картины мира / Н. В. Уфимцева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 27–29.
- Шапошникова, И. В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) / И. В. Шапошникова // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 1. – С. 268–284. – DOI: 10.17223/18137083/78/19.
- Kozera, I. Семантическая характеристика русского глагола по данным НКРЯ / I. Kozera // Acta Universitatis Lodzensis Folia Linguistica Rossica. – 2018. – No. 16. – P. 75–92.

References

- Babenko, L. G. (Ed.). (1999). *Tolkovy tematicheskii slovar' russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisaniye. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory Thematic Dictionary of Russian Verbs. Ideographic Description. English Equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-PRESS. 704 p.
- Babenko, L. G. (Ed.). (2008). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov* [Big Explanatory Dictionary of Russian Verbs]. Moscow, AST-PRESS. 576 p.
- Goroshko, E. I. (2001) *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [An Integrative Model of a Free Associative Experiment]. Kharkov, Moscow, RA-Karavella. 320 p.
- Guts, E. N. (2004). *Assotsiativnyi slovar' podrostka* [Teenager's Associative Vocabulary]. Omsk, Omskii gosudarstvennyi universitet. 153 p.
- Guts, E. N. (2005). *Psikholingvisticheskoe issledovanie yazykovogo soznaniya podrostka* [Psycholinguistic Study of the Linguistic Consciousness of a Teenager]. Omsk, Variant-Omsk. 260 p.
- Guts, E. N. (2023). *Assotsiativnyi slovar' podrostka* [Teenager's Associative Vocabulary]. Omsk. 84 p.
- Karaulov, Yu. N. (1993). *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [Associative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk. 330 p.
- Karaulov, Yu. N. (1999). *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active Grammar and the Associative-Verbal Network]. Moscow, Institut russkogo yazyka Rossiiskoi akademii nauk. 180 p.
- Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V., Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (2002). *Russkii assotsiativnyi slovar': v 2 t.* [Russian Associative Dictionary, in 2 vols.]. Vol. 1. Ot stimula k reaktivnoi: Ok. 7 000 stimulov. Moscow, Izdatel'stvo «Astrel'», Izdatel'stvo «AST». 784 p.
- Kozera, I. (2018). Semanticheskaya kharakteristika russkogo glagola po dannym NKRYa [Semantic Characteristics of the Russian Verb Based on RNC]. In *Acta Universitatis Lodzianae Folia Linguistica Rossica*. No. 16, pp. 75–92.
- Kustova, G. I., Lyashevskaya, O. N., Paducheva, E. V., Rakhilina, E. V. (2005). Semanticheskaya razmetka leksiki v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka: printsipy, problemy, perspektivy [Semantic Markup of Lexicon in the National Corpus of the Russian Language: Principles, Problems, Prospects]. In *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy*, pp. 155–174. URL: <https://ruscorpora.ru/media/uploads/2022/04/21/r21.pdf> (mode of access: 01.07.2024).
- Kuznetsova, E. V. (1988). *Leksiko-semanticheskie gruppy russkikh glagolov* [Lexical-Semantic Groups of Russian Verbs]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 151 p.
- Kuznetsova, E. V. (1989). *Leksiko-semanticheskie gruppy russkikh glagolov* [Lexical-Semantic Groups of Russian Verbs]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. 176 p.
- Leontyev, A. A. (2016). Yazykovoe soznanie i obraz mira [Language Consciousness and the Image of the World]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 1 (27), pp. 296–299.
- Leontyev, A. A. (Ed.). (1977). *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 192 p.
- Opyt semanticheskoi klassifikatsii russkikh glagolov: Obzor leksiko-semanticheskikh grupp glagolov russkogo yazyka [Experience of Semantic Classification of Russian Verbs: Review of Lexical-Semantic Groups of Verbs of the Russian Language]. (1982). Sverdlovsk, UGU. 208 p.
- Pishchalnikova, V. A., Kardanova-Biryukova, K. S. et al. (2019). *Assotsiativnyi eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psikholingvistiki* [Associative Experiment: Theoretical and Applied Perspectives of Psycholinguistics]. Moscow, R. Valent. 200 p.
- Rudakova, A. V. (2022). *Teoreticheskie i prikladnye problemy psikholingvisticheskoi semasiologii i leksikografii* [Theoretical and Applied Problems of Psycholinguistic Semasiology and Lexicography]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh. 556 p.
- Rudakova, A. V., Sternin, I. A. (2016). Psikholingvisticheskii eksperiment i opisaniye semantiki slova [Psycholinguistic Experiment and Description of Word Semantics]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 1 (27), pp. 194–208.
- Sandakova, M. V. (2020). Ad"ektivnye i adverbial'nye intensivatory v russkom yazyke: mekhanizmy rasshireniya klassa [The Class of Adjective and Adverbial Intensifiers in the Russian Language and Mechanisms of its Expansion]. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova*. No. 51, pp. 90–106. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-90-106. URL: <https://www.elibrary.ru/WICMOB> (mode of access: 20.04.2024).
- Shaposhnikova, I. V. (2022). Assotsiativnaya grammatika i smysl (na primere imeni sushchestvitel'nogo) [Associative Grammar and Meaning (Using a Noun as an Example)]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 268–284. DOI: 10.17223/18137083/78/19.
- Shaposhnikova, I. V., Romanenko, A. A. *SIBAS – Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh (2008–2023): SIBAS 1 (2008–2013); SIBAS 2 (2014–2021)* [SIBAS – Russian Regional Associative Database (2008–2023): SIBAS 1 (2008–2013); SIBAS 2 (2014–2021)]. URL: <http://adictru.nsu.ru> (mode of access: 01.07.2024).
- Stepykin, N. I. (2021). *Rechevoe deistvie kak psikholingvisticheskii mekhanizm porozhdeniya i aktualizatsii smysla* [Speech Action as a Psycholinguistic Mechanism of Generation and Actualisation of Meaning]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 437 p.
- Sternin, I. A. (2020). Problemy interpretatsii rezul'tatov assotsiativnykh eksperimentov [Problems of Interpreting the Results of Associative Experiments]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 3 (45), pp. 110–126.
- Ufimtseva, N. V. (2014). Russkii assotsiativnyi slovar' kak istochnik izucheniya russkoi yazykovo kartiny mira [Russian Associative Dictionary as a Source of Russian Language World Picture Study]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. No. 3 (45), pp. 27–29.

Vasiliev, L. M. (1981). *Semantika russkogo glagola* [Semantics of the Russian Verb]. Moscow, Vysshaya shkola. 184 p.

Vasiliev, L. M. (1990). *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern Linguistic Semantics]. Moscow, Vysshaya shkola. 176 p.

Zalevskaya, A. A. (2011). *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [The Meaning of the Word Through the Lens of Experimentation]. Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universitet. 240 p.

Zolotova, G. A. (1982). *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, Nauka. 368 p.

Данные об авторах

Бутова Лариса Олеговна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Адрес: 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55 А.
E-mail: larisabut@rambler.ru.

Шереметова Анна Сергеевна – аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).

Адрес: 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, 55 А.
E-mail: anya-sheremetova@mail.ru.

Authors' information

Butakova Larisa Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

Sheremetova Anna Sergeevna – Postgraduate Student, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

Дата поступления: 12.08.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 12.08.2024; date of publication: 30.10.2024

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВЕКОВ

УДК 821.161.1-14. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-102-108. ББК Ш33(2Рос=Рус)61-45.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ТРАДИЦИОННЫЕ ЖАНРЫ КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ В ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ 1920-Х ГОДОВ

Скрипова О. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8619-6101>

SPIN-код: 8575-5496

А н н о т а ц и я . Объектом рефлексии в лирической поэме, где господствует медитация, нередко становятся жанры-предшественники, как лирические, так и эпические. Целью статьи является рассмотрение трансформаций традиционных жанров в структуре лирической поэмы первой половины 1920-х годов и сюжетно развернутого процесса переосмысления жанрового канона. Методологическую базу исследования составили труды Н. Л. Лейдермана о теоретической модели жанра и памяти жанра, С. М. Бройтмана о неканонической поэме в свете исторической поэтики, Г. М. Ибатуллиной о художественной рефлексии в литературном процессе, В. И. Тютюна о перформативных истоках лирики. На примере лирических поэм М. Цветаевой, В. Маяковского, С. Есенина, Б. Пастернака анализируются механизмы художественной рефлексии по поводу таких традиционных жанров, как баллада, романс, ода, отрывок и т. д. Отмечается литературоцентричность поэтики рассматриваемых произведений, особое внимание уделяется мотиву встречи лирического субъекта с потусторонним героем и собственным двойником. Делается вывод о том, что лирическая поэма первой половины 1920-х годов вбирает в свое целое разные лирические и эпические жанры, трансформируя их структуру для выражения сложного и многофазного лирического переживания, особо актуализируется память жанров, отсылающих к романтической традиции. Событийный сюжет, присущий балладе, сказке, лиро-эпической поэме, позволяет придать субъективному чувству лирического героя особый масштаб, укрупнить и обобщить его. Малые лирические жанры (романс, ода, отрывок, послание) становятся объектом осмысления поэмого лирического субъекта, а также ориентируют читателя на определенный образ миропереживания, усложняя психологический сюжет, обогащая его литературными ассоциациями. Результаты исследования могут найти применение в вузовском преподавании при изучении истории русской литературы XX века, в курсе жанрового анализа текста, в спецкурсах, посвященных развитию жанра поэмы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русские поэты XX века; лирические поэмы; жанры; художественная рефлексия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Скрипова, О. А. Традиционные жанры как объект рефлексии в лирической поэме 1920-х годов / О. А. Скрипова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 102–108. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-102-108.

TRADITIONAL GENRES AS AN OBJECT OF REFLECTION IN THE LYRICAL POEMS OF THE 1920s

Olga A. Skripova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8619-6101>

Abstract. Reflection in a lyrical poem dominated by meditation often focuses on the preceding genres, both lyrical and epical. The aim of the article is to investigate transformations of the traditional genres in the structure of the lyrical poem of the first half of the 1920s and the plot-driven process of reconsideration of the genre canon. The methodological basis of this study is formed by the works of L. N. Leiderman on the theoretical model of genre and genre memory, S. M. Broitman on the non-canonical poem in the light of historical poetics, G. M. Ibatullina on the literary reflection of creative process, and V. I. Tyupa on the performative origins of lyrics. The study analyzes the mechanisms of the creative reflection related to such traditional genres as ballad, romance, ode, passage, etc. on the examples of the lyrical poems by M. Tsvetaeva, V. Mayakovsky, S. Esenin, and B. Pasternak. It is noted that the poetics of these works is literature-centered, and the emphasis is put on the motif of the meeting of the lyrical subject with an imaginary person from the other world or the subject's own counterpart. The author concludes that the lyrical poem of the first half of the 1920s absorbs various lyrical and epical genres, transforming their structure to express the complex and multiphase lyrical experience and particularly actualizing the genre memory that refers the readers to the romantic tradition. The event plot typical of a ballad, fairy tale, or lyrical-epical poem allows adding a particular scale to the subjective feelings of the lyrical hero, making them greater and more universal. Small lyrical genres (romance, ode, passage, an epistle) become objects of reconsideration of the lyrical subject of a poem. They also lead a reader to a certain image of world perception, complicating the psychological plot and

enriching it with literary associations. The results of this study may be applied to teaching the history of Russian literature of the 20th century in universities and in specialized courses devoted to the development of the genre of poem.

Keywords: Russian poets of the 20th century; lyrical poems; genres; literary reflection

For citation: Skripova, O. A. (2024). Traditional Genres as an Object of Reflection in the Lyrical Poems of the 1920s. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 102–108. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-102-108.

Зародившийся на рубеже XIX–XX веков жанр лирической поэмы стремительно эволюционирует и в 1920-е годы достигает своего максимума. Лирическая поэма, как и всякий «новорожденный» жанр, по словам Н. Л. Лейдермана, постепенно формирует свою память – «это память об устойчивой системе условностей, посредством которой произведение превращается в целостную модель мира («сокращенную Вселенную»»). [Лейдерман 2010: 84–85]. Жанр «помнит» и о своих истоках, жанрах-предшественниках. Г. Ибатуллина подчеркивает, что «жанровое мышление – это уже рефлексивное мышление»: «рефлексия проявляет себя как принцип, источник, механизм порождения и отдельных жанровых форм, и систем жанровых моделей в целом» [Ибатуллина 2013: 24]. Объектом рефлексии в лирической поэме, которую С. М. Бройтман называет неканонической (наряду с лиро-эпической поэмой и лирическим эпосом) [Бройтман 2001: 29], нередко становятся жанры-предшественники, как лирические, так и эпические. Попытаемся рассмотреть трансформацию традиционных жанров в структуре лирической поэмы 1920-х годов и сюжетно развернутый процесс переосмысления жанрового канона.

Исследуя перформативные истоки лирики, В. И. Тюпа полагает ее жанровыми зародышами такие протолитературные перформативы, как хвала и хула, угроза и покой, жалоба и желание: «От хвалы берут начало ода и гимн, от хулы – инвектива, сатира, басня, от оплакивания – элегия, от покоя – идиллия, от тревоги – баллада» [Тюпа 2012: 45]. Исследователь пишет: «Общая тенденция развития лирических жанров состоит в нарастании и, наконец, доминировании медитативного лиризма» [Тюпа 2012: 43]. С этой точки зрения вполне закономерно появление в XX веке крупного лирического жанра, в котором господствует медитация.

Родство лиро-эпической поэмы с балладой отмечают многие исследователи. С. Бройтман пишет: «С балладой соотносят ряд бросающихся в глаза особенностей нового жанра: лирическое начало, сочетающееся с эпическим событием и драматическим диалогом, новеллистический сюжет, внезапный зачин, отрывочность и недосказанность повествования, его тяготение к кульминационным моментам, наконец, балладный стих, приближающийся в большинстве случаев к метрической схеме четырехстопного ямба» [Бройтман 2001: 32]. Неслучайно и лирическая поэма воскрешает память балладного жанра. Так, сюжет поэмы Марины Цветаевой «На Красном Конне» (1921) вбирает в себя многие особенности балладного сюжета и знаки балладного мира. Выросшая на немецких балладах, Цветаева тяготеет к ирреальному, чудесному, трагическим коллизиям. Роднит с бал-

ладой уже то, что в поэме есть герой, принадлежащий к иному, не подвластному земным законам, миру. Это Всадник, Гений, Вожатый: «На красном коне – / Мой Гений!» [Цветаева 1994: 23]. Повторяется ситуация вмешательства в жизнь лирического субъекта неведомой мистической силы, причем, по наблюдению Т. И. Подкорытовой, образ «лютого» Гения-Эроса Цветаевой воспринимают подчас в инферальном ореоле: его могучая стихия сметает рамки изжитых норм, законов, моральных установлений и т. п. – все отвердевшие формы существования мира [Подкорытова 2018: 131]. В поэме присутствует и характерный для баллады драматически напряженный сюжет, в котором акцентированы переломные моменты испытания, утраты и взросления, и роковой драматический поединок с Красным всадником, и вещей сон, и зловещий таинственный пейзаж, и кольцевая композиция, о чем мы подробно писали в статье, посвященной трансформации баллады в цветаевской поэме [Скрипова 2016]. Однако важно подчеркнуть, что у Цветаевой иносказание и балладный сюжет подчинены лирическому сюжету – сюжету становления и самоопределения поэта, осознанию своего призвания, мучительному процессу внутреннего выбора жизненного и творческого пути. Драматизм этого выбора и обусловил обращение к традициям романтической баллады, движения души, внутренняя борьба лирической героини представлены как событие. К тому же чувство отрешения от повседневности, эмоциональная напряженность, чудесное приобщение к высшему миру, свойственное балладе, близко цветаевскому мироощущению. «Лирическое откровение баллады есть откровение одновременной причастности личности двум мирам: светлому и темному, живому и мертвому, повседневно покойному “миру сему” и тревожно загадочному, пугающему миру “потустороннего” бытия» [Тюпа 2012: 53]. Балладная семантика в цветаевской поэме становится иносказательным выражением сверхчеловеческого пути поэта, болевой природы любви и творчества.

Встреча с потусторонним, мистическим героем и с собственным двойником – распространенный сюжетный мотив в лирической поэме. Такова встреча с «прескверным гостем» в поэме С. Есенина «Черный человек» (1925). Как пишет Н. Л. Лейдерман, «семантическая аура этого персонажа, входящего в галерею вечных образов мирового искусства, очень обширна: двойник, Дьявол, Черт, посланец загробного мира. У Есенина этот образ изначально окрашен в инферальные тона» [Лейдерман 2007: 108], он нагоняет «на душу тоску и страх». По наблюдению А. С. Карпова, «Раздвоенность сознания, спор с самим собой подчиняют себе художественную структуру поэмы. Выражен-

ная в первой из них мысль заходит в тупик, обрывается и, начавшись во второй части теми же самыми словами, словно бы движется по новому, не завершающемуся и на сей раз, кругу» [Карпов 1989: 102]. Во второй части встречу с черным человеком предвещает характерный для баллады зловещий ночной пейзаж, создающий тревожную атмосферу:

Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой извёсткой
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.
Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук [Есенин 1990: 452].

Неслучайно во второй части происходит еще большее сближение двойника с лирическим субъектом, дистанция практически исчезает: «Хрипит он, смотря мне в лицо, Сам всё ближе И ближе клонится» [Есенин 1990: 452]. Нарастает драматизм, нагнетается напряжение, которое разрешается вспышкой ярости лирического героя: «Я взбешён, разъярён, И летит моя трость Прямо к морде его, В переносицу...» [Есенин 1990: 453]. В стремительной развязке исчезает граница между двойником и лирическим героем, что подчеркнуто образом разбитого зеркала:

Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я – один...
И разбитое зеркало... [Есенин 1990: 454]

Драматический поединок лирического героя с черным человеком оказывается материализацией внутреннего конфликта, который находит выражение в психологическом сюжете суда над собой.

Подобная встреча происходит у лирического героя поэмы В. Маяковского «Про это» (1923) с «человеком из-за семи лет», это встреча с собственным прошлым, с героем дореволюционной поэмы «Человек». Встреча с двойником в поэме отсылает к балладе Жуковского, с которой исследователи обнаруживают текстуальные и ритмические переключки. Как отмечает Т. А. Маляева, «Образ самоубийцы на мосту поэмы “Про это” связан с русской романтической традицией, а именно с балладой “Громобой” Жуковского» [Маляева 2014: 131]. В отличие от есенинской поэмы, здесь двойник выступает не только в роли обвинителя, но и в роли жертвы, ожидающей спасения. Он вызывает сочувствие, а не отторжение, но, как и в поэме Есенина, с его появлением начинает развиваться событийный сюжет, завязкой которого становится задание, сопровождаемое проклятием: «Постановление неси исполкомово. Муку мою конфискуй, отмени. Пока по этой по Невской по глуби спаситель-любовь не придёт ко мне, скитайся ж и ты, и тебя не полюбят, Гребь! Тони меж домовых камней!» [Маяковский 1988: 187]. Безусловно, здесь обыгрывается и подвергается рефлексии сюжетная схема волшебной сказки, но в отличие от сюжета волшебной сказки не кто-то извне посылает героя на подвиг, голос идет из недр его души. А все даль-

нейшие скитания, события и встречи – проекция мучительных переживаний и размышлений. И отсылка к памяти жанра сказки, и включение знаков балладного мира позволяют развернуть переживание в пространстве и времени, представить его как эпически значимое событие.

Обратим внимание на то, что свойственное балладе роковое, потустороннее начало приписывается литературному (поэмному) миру, которому принадлежит «человек из-за семи лет». Несмотря на то, что этот персонаж «к перилам прикручен канатами строк» [Маяковский 1988: 186], он наделен сверхъестественными свойствами, способен мгновенно преодолевать временные и пространственные преграды, причем его перемещения сопровождаются «невероятным гулом»: «Я пришёл из-за семи лет, из-за вёрст шести ста, пришёл приказать: Нет! Пришёл повелеть: Оставь!». Гиперболизируется мощь его голоса, уподобленного грому: «Уже я далёко. Я, может быть, за день. За день от тени моей с моста. Но гром его голоса гонится сзади. В погоне угроз паруса распластал» [Маяковский 1988: 187]. Приближение двойника вызывает ассоциации с природной стихией, отсюда – образный ряд: воздушная дрожь, холод, гроза. Его появление и другие знаки балладного мира подготавливают читателя к трагической развязке лирического сюжета поэмы – поединку лирического героя с дуэлянтами-обывателями, вернее – «бойне», в результате которой поэт не просто застрелен, а разорван в клочья. С. М. Бройтман видит в подобных сюжетных ходах соотносительность неканонической поэмы со своим эпическим архетипом: «Центральный мотив поэмы – “встреча”. Она и есть кульминационный момент “поиска” – решающий поединок героя с антагонистом в “чужом” мире (по мифологической семантике – на том свете). И здесь... сквозь современную поэму проглядывает ее древний жанр-источник. Этой “памятью жанра”, очевидно, и объясняется то, что “чудесное” традиционно считалось принадлежностью поэмы и сохранилось в ней до нашего времени» [Бройтман 2001].

Нужно отметить, что рефлексия по поводу традиционного романтического жанра включена у Маяковского в сюжет: ведь монолог лирического героя в первой части поэмы, озаглавленной «Баллада Редингской тюрьмы» и отсылающей к произведению Оскара Уайльда, начинается с размышления «о балладе и о балладах»:

Немолод очень лад баллад,
но если слова болят
и слова говорят про то, что болят,
молодеет и лад баллад.
«Он» и «она» баллада моя.
Не страшно нов я.
Страшно то, что «он» – это я,
И то, что «она» – моя [Маяковский 1988: 176].

С одной стороны, повторяющаяся внутренняя рифма «лад – баллад» и нанизывание созвучий «лот/лод» – «лат/лят» (неМОЛОД, моЛОДеет, бо-ЛЯТ), многочисленные лексические повторы создают эффект каламбура. С другой стороны, жанр

соотносится в сознании лирического субъекта с болевым началом, неслучайна рифма «баллад – болят», причем сами слова наделены способностью испытывать боль. Как и в поэмах Цветаевой, это болевое начало связано с любовной коллизией («он» и «она»). Столкновение однокоренных слов «немолод-молодеет» подчеркивает древнюю традицию жанра и его способность к обновлению, омоложению, в данном случае еще и к лиризации (как известно, баллада имеет лиро-эпическую природу, а порой рассматривается как жанр на пересечении всех трех литературных родов, поскольку в нем сильно драматическое начало). Если в традиционной балладе повествование ведется от 3-го лица, то в поэме Маяковского, как и в поэмах Цветаевой и Есенина, нет дистанции между миром баллады и творящим этот мир автором, лирический субъект – и повествователь, и участник событий, поэтому в лирической поэме происходит обратный процесс по сравнению с поэмой лиро-эпической. Так, в романтической лиро-эпической поэме, по наблюдениям Ю. Манна: «...важнейшее изменение..., протекало в сфере соотношения описанного мира чувств, размышлений и действий с художественным субъектом. В элегии и дружеском послании таким субъектом было авторское “Я”. В поэме же – третье лицо – “Он”» [Манн 1995: 145]. Лирическая поэма возвращает повествование от первого лица, возвращает лирическое «Я». У Маяковского эта особенность предельно обнажена: «страшно то, что “он” – это я, И то, что “она” – моя» [Маяковский 1988: 176]. В центре внимания – процесс самоидентификации, тем более лирический субъект утрачивает цельность: «он» меняется на «Я», что становится предметом рефлексии в лирической поэме и осознается как страшное, как то самое трагическое потрясение, на которое нацелена баллада.

В поэме Маяковского сюжетно проявлена рефлексия по поводу еще одного традиционного жанра – жанра романа. Если баллада в сознании лирического субъекта связана с болью, то романс (жестокый, цыганский) – с грустью, которая создает особый ореол вокруг юноши-самоубийцы, еще одного двойника лирического героя:

Вата снег. Мальчишка шёл по вате.
Вата в золоте – чего уж пошловатей?!

Но такая грусть, что стой и грустью ранься!

Расплывайся в процыганенном романсе [Маяковский 1988: 190].

«Жестокий» романс в крестьянской и городской мещанской среде бытует как песня с «жалостным» содержанием. Как отмечает С. С. Яницкая, «Эмоциональная окраска темы любви, преимущественно несчастной (в сущности, главной и единственной темы жанра) – безнадежной, неразделенной, омраченной разлукой, изменой, утратой либо еще только пробуждающейся идеализированной любви-мечты, любви-грезы, несбыточной-призрачной любви-иллюзии – поддерживается условно-поэтическими выражениями, входящими в романсный текст с уже приобретенными “экспрессивными ореолами»» [Яницкая 2011: 274]. Эмо-

ционально-содержательную и стилистическую самобытность романа, по точному наблюдению В. Л. Рабиновича, адекватно передает есенинская формула «красивое страдание» [Рабинович 1897: 7]. Ю. Тынянов акцентирует внимание на том, что «высокая степень концентрации общих мест, устойчивых формул и банальной образности в романсе обусловлена эмоциональной природой и целевым назначением жанра: стертая романсная форма, способная вызывать сильный эмоциональный отклик, “проецируясь” в жанр, как бы само создает его» [Тынянов 2002: 447].

В сознании лирического героя Маяковского как раз возникает сильный эмоциональный отклик, вызванный вроде бы банальным образом, стертым словом романа: «вата в золоте – чего уж пошловатей». Как и в случае с балладой, осмысливаются эстетические возможности жанра, ведущая эмоция, свойственная романсу, сгущается, доводится до предела, чему способствует и лексический повтор «грусть – грустью», и окказионализмы «ранься», «процыганенный» (по аналогии с «прокуранный»). После такой рефлексии в поэму вводится сам романс как вставной жанр, на что указывает подзаголовок на полях, лирический герой входит в роль творца романа, причем в этом романсе тоже выражено «красивое страдание»:

Мальчик шёл, в закат глаза уставя.

Был закат непревзойдимо жёлт.

Даже снег желтел в Тверской заставе.

Ничего не видя мальчик шёл [Маяковский 1988: 190].

Однако наряду с устойчивыми формулами, здесь появляются индивидуально авторские экспрессионистские образы: «снег, хрустя, разламывал суставы» [Маяковский 1988: 190]. К тому же происходит неожиданный слом напевного ритма, плавные длинные строки сменяются короткими рублеными фразами, состоящими из односложных слов, каждое из которых выделено в отдельную строку:

«Шёл,

вдруг

встал.

В шёлк

рук

сталь» [Маяковский 1988: 190]

А в третьей части романа возвращение к прежнему напевному ритму (пятистопному хорю) и дистанцированный повтор выявляют смысловые различия, отмечают развязку романсового сюжета: «С час закат смотрел, глаза уставя, / за мальчишкой легшую кайму» [Маяковский 1988: 190]. Здесь происходит своеобразная грамматическая метаморфоза, когда субъект и объект действия меняются местами. Мальчика уже нет в живых, поэтому субъектом действия становится природа: закат, снег, ветер, разносящий Петровскому парку слова из предсмертной записки юного самоубийцы: «– Прощайте... Кончаю...Прошу не винить» [Маяковский 1988: 190]. Таким сентиментальным аккордом завершается романс, причем литературная саморефлексия обнаруживает актуальность и ди-

намику традиционного жанра в новую эпоху. Мы можем говорить о литературоцентричной поэтике сюжета у Маяковского. Осмыслиется сам процесс создания поэмы, подчеркивается субъективность пространственных образов, порожденных переживаниями лирического «Я»: так, о пространстве поэмы «Человек» говорится: «Недвижный, страшный, упершись в бока / Столицы, в отчаянье созданной мною» [Маяковский 1988: 185]. Нечто подобное происходит и в цветаевской «Поэме Горы» (1923), где трансформируется структура лиро-эпической поэмы: Гора, занимающая место центрального персонажа, обретает речь и комментирует не только отношения героев, но и рождение произведения: «Ещё говорила, что все поэмы / Гор пишутся так» [Цветаева 1994: 27].

Если в прологе поэмы Маяковского «Про это» давалась заявка лирической темы, то в начале поэмы Пастернака «Высокая болезнь»² отсылка к эпосу: «Рождается троянский эпос». Как пишет В. Альфонсов, поэма Б. Пастернака «Высокая болезнь» была «пикетом в эпос»: «На лирической основе Пастернак разворачивает эскизную, но подвижную и широкую картину, трагедийный характер которой во многом обусловлен мыслью о повторяемости исторических ситуаций, “века связующих тягот”, но больше, конечно, – острым ощущением реальных противоречий истории, творимой на глазах» [Альфонсов 1990: 184]. В то же время, по словам Ю. Тынянова, «в “Высокой болезни” эпос... не вытанцевался» [Тынянов 1977: 478]. «...“Высокая болезнь” дает эпос вне сюжета, как медленное раскачивание, медленное нарастание темы – и осознание ее к концу» [Тынянов 1977: 502]. И. Серман полагает, что происходит переключение поэмы в другой жанр, переход к одическому строю, с прочной опорой на одическую классику XVIII века: «Лирическому переживанию “годов лихолетья” оказалась созвучной “лирика” в старинном, идущем от XVIII века ее значении, когда главным лирическим жанром была торжественная или похвальная ода» [Серман 2015: 270–271]. Исследователь видит сходство с одой в противопоставлении двух Властителей – свергнутого прежнего и нового, возведенного на престол к счастью его подданных, а также в отдельных образах (орла, солнца, шаровой молнии). Так, лирический герой говорит о Ленине: «Я помню, говорю его / Пронзил мне искрами загринок, / Как шорох молнии шаровой...» [Пастернак 2010: 226]. Развивая мысль И. Сермана, Джонгхён Ли отмечает, что «во фрагменте о Ленине обнаруживаются видоизменения оды. При этом герой поэмы является и нарратором-свидетелем, и лирическим “я”. На материале виденного и слышанного он рефлексировал о согла-

сии двух противоположных лирических начал: “вечное” и “мимолетное”. Этому способствует свойственный поэме герой-нарратор, который является не только субъектом изображения, но и его объектом» [Ли 2020: 181].

Однако одические интонации и образы появляются лишь к концу поэмы. Сам же Пастернак в финале называет свое произведение отрывком: «Чем мне закончить мой отрывок?» [Пастернак 2010: 228]. Отрывок является жанровой формой, способной, как пишет С. И. Ермоленко, «выражать ощущение неустойчивости, нестабильности, незавершенности бытия, которое приносит с собой эпоха романтизма» [Ермоленко 1996: 125]. «Отрывочность» в жанре фрагмента проявляется прежде всего в разомкнутости, открытости лирического сюжета, невольной или намеренной оборванности его... В отрывке особый характер лирического переживания, вызываемого ощущением дискретности, разорванности бытия, его зыбкости, изменчивости, осознанием невозможности постижения мира в его целокупности» [Ермоленко 1996: 148]. Это ощущение неустойчивости и непознаваемости бытия, калейдоскопичности событий, безусловно, актуализируется в годы революционного лихолетья, захватывает поэта. Неслучайно А. Д. Синявский так характеризует поэму: «“Высокая болезнь” Пастернака – это попытка подойти к созданию эпоса собственно языковым путем. Здесь мы имеем дело, по существу, с формой затянутаго лирического отступления, которое, отправляясь от каких-то данных эпохи, стремится охватить ее эпически широко и раскрыть образ времени вне сюжетными средствами – с помощью метафорической образности, синтаксических построений, меняющегося голосового напора и т. д.» [Синявский 1965]. Обратим внимание на то, что в 1920-е годы появляется поэма Н. Асеева, которая так и называется «Лирическое отступление». Пастернак в процессе работы чувствует, что эпическая поэма с ее обязательно прочным сюжетом и вовлеченными в этот сюжет персонажами неосуществима, и размышления об этом входят в ткань произведения. В поэме «доминантой художественного целого выступает ценностное отношение лирика к историческим событиям» [Ли 2020: 181]. «Отношения лирического и эпического эйдосов здесь – именно отношения взаимоосознания, взаимоотражения, главным механизмом и принципом которого оказывается художественная рефлексия» [Ибатуллина 2013].

Таким образом, лирическая поэма первой половины 1920-х годов вбирает в свое целое разные лирические и эпические жанры, трансформируя их структуру для выражения сложного и многофазного лирического переживания. Такие жанры, как баллада, сказка, лиро-эпическая поэма, жанры, в которых есть событийный сюжет, позволяют придать субъективному чувству особый масштаб, укрупнить его и развернуть в событие. Особо актуализируются жанры, отсылающие к романтической традиции, доминирующие в романтизме. Малые лирические жанры (романс, ода, отрывок, послание) становятся объектом рефлексии в поэме,

¹ Подробный анализ трансформации структуры лиро-эпической поэмы в лирическую предпринят в статье: Скрипова О. А. Трансформация лиро-эпической поэмы в «Поэме Горы» Марины Цветаевой // Русская литература XX века: направления и течения. Вып. 5. Екатеринбург, 2000. С. 149–161.

² Вещь имела две редакции – 1923 и 1928 годов, мы работаем со второй редакцией, но все же рассматриваем поэму в контексте первой половины 1920-х гг.

ориентируют читателя на определенный образ миропереживания, усложняя психологический сюжет, обогащая его литературными ассоциация-

ми и размышлениями по поводу самого творческого процесса, самого создания поэмы.

Источники

- Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / С. А. Есенин. – М. : Советская Россия ; Современник, 1990. – 480 с.
 Маяковский, В. В. Сочинения в двух томах. Т. 2 / В. В. Маяковский. – М. : Правда, 1988. – 768 с.
 Пастернак, Б. Л. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1 / Б. Л. Пастернак. – СПб. : Азбука-классика, 2010. – 544 с.
 Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3 / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1994. – 816 с.

Литература

- Альфонсов, В. Поэзия Бориса Пастернака / В. Альфонсов. – Л. : Советский писатель, 1990. – 368 с.
 Бройтман, С. М. Неканоническая поэма в свете исторической поэтики / С. М. Бройтман // Поэтика русской литературы. – М. : РГГУ, 2001 – С. 29–38.
 Ермоленко, С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: Жанровые процессы / С. И. Ермоленко. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 1996. – 420 с.
 Ибатуллина, Г. М. Сквозь призму образа: Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX–XX веков / Г. М. Ибатуллина. – Уфа : Гилем ; Башкирская энциклопедия, 2013. – 320 с.
 Карпов, А. С. Поэмы С. Есенина / А. С. Карпов. – М. : Высшая школа, 1989. – 111 с.
 Лейдерман, Н. Л. Сергей Есенин: метаморфозы художественного сознания / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург, 2007. – 125 с.
 Лейдерман, Н. Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Уральский государственный педагогический университет, 2010. – 904 с.
 Ли, Дж. Дискурсивная структура поэмы Б. Л. Пастернака «Высокая болезнь» / Дж. Ли // Новый филологический вестник. – 2020. – № 2 (53). – С. 174–184.
 Маляева, Т. А. Поэма В. В. Маяковского «Про это». История создания. Поэтика. Критика : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Маляева. – М. : [б. и.], 2014. – 228 с.
 Манн, Ю. В. Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 384 с.
 Подкорытова, Т. И. Вариации археосюжета о призвании певца на исходе мусической традиции («Баллада» Вл. Ходасевича и поэма «На Красном Конне» М. Цветаевой) / Т. И. Подкорытова // Критика и семиотика. – 2018. – № 1. – С. 116–138.
 Рабинович, В. «Красивое страданье». Заметки о русском романсе / В. Рабинович // Русский романс. – М. : Правда, 1987. – С. 7–30.
 Серман, И. З. «Высокая болезнь» и проблема эпоса в 1920-е годы / И. З. Серман // Серман И. З. Свободные размышления: Воспоминания, статьи. – М., 2015. – С. 254–272.
 Синявский, А. Д. Поэзия Пастернака / А. Д. Синявский // Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. – М. ; Л. : Советский писатель, 1965. – С. 40.
 Скрипова, О. А. Трансформация балладного сюжета в поэме М. Цветаевой «На Красном коне» / О. А. Скрипова // Уральский филологический вестник. Вып. 3. Серия Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – Екатеринбург, 2016. – С. 127–139.
 Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 574 с.
 Тынянов, Ю. Н. Литературная эволюция: Избранные труды / Ю. Н. Тынянов. – М. : Аграф, 2002. – 496 с.
 Тюпа, В. И. Перформативные истоки лирики / В. И. Тюпа // Материалы международной научной конференции «Онтология и поэтика: теоретические и аналитические аспекты: к 75-летию М. М. Гиршмана». Вып. 49–50. – Донецк : ДонНУ, 2012. – С. 40–62.
 Яницкая, С. С. О некоторых жанрово-стилевых свойствах русского литературного романса / С. С. Яницкая // Вторые Конкинские чтения : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (29–30 сентября 2011 г., г. Саранск) / отв. ред. М. В. Мосин. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2011. – С. 271–275.

References

- Alfonsov, V. (1990). *Poeziya Borisa Pasternaka* [Poetry of Boris Pasternak]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 368 p.
 Broitman, S. M. (2001). *Nekanonicheskaya poema v svete istoricheskoi poetiki* [Non-canonical Poem in the Light of Historical Poetics]. In *Poetika russkoi literatury*. Moscow, RGGU, pp. 29–38.
 Ermolenko, S. I. (1996). *Lirika M. Yu. Lermontova: Zhanrovyye protsessy* [Lyrics of M. Yu. Lermontov: Genre Processes]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 420 p.
 Esenin, S. A. (1990). *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collection of Works, in 2 vols.]. Vol. 1. Stikhotvoreniya. Poemy. – Moscow, Sovetskaya Rossiya, Sovremennik. 480 p.

- Ibatullina, G. M. (2013). *Skvoz' prizmu obraza: Khudozhestvennaya refleksiya v poetike russkoi literatury XIX–XX vekov* [Through the Prism of an Image: Creative Reflection in Poetics of Russian Literature of the 19th–20th Centuries]. Ufa, Gilem, Bashkirskaya entsiklopediya. 320 p.
- Karpov, A. S. (1989). *Poemy S. Esenina* [Poems of Esenin]. Moscow, Vysshaya shkola. 111 p.
- Lee, J. (2020). Diskursivnaya struktura poemy B. L. Pasternaka «Vysokaya bolezn'» [Discursive Structure of B. L. Pasternak's Poem “High Disease”]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 2 (53), pp. 174–184.
- Leiderman, N. L. (2007). *Sergei Esenin: metamorfozy khudozhestvennogo soznaniya* [Sergei Esenin: Metamorphoses of the Creative Consciousness]. Ekaterinburg. 125 p.
- Leiderman, N. L. (2010). *Teoriya zhanra* [Genre Theory]. Ekaterinburg, Institut filologicheskikh issledovaniy i obrazovatel'nykh strategiy «Slovesnik» UrO RAO, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 904 p.
- Malyaeva, T. A. (2014). *Poema V. V. Mayakovskogo «Pro eto». Istoriya sozdaniya. Poetika. Kritika* [V. V. Mayakovsky's Poem “About This”. History of Creation. Poetics. Criticism]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 228 p.
- Mann, Yu. V. (1995). *Dinamika russkogo romantizma* [Dynamics of Russian Romanticism]. Moscow, Aspekt Press. 384 p.
- Mayakovsky, V. V. (1988). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Collection of Works, in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Pravda. 768 p.
- Pasternak, B. L. (2010). *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collection of Works, in 2 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, Azbuka-klassika. 544p.
- Podkorytova, T. I. (2018). Variatsii arkhosyuzheta o prizvanii pevtsa na iskhode musicheskoi traditsii («Ballada» Vl. Khodasevicha i poema «Na Krasnom Kone» M. Tsvetaevoi) [The Variations of Archaic Plot about Calling the Singer at the End of Mousikē Tradition (“Ballad” by V. Khodasevich and the Poem “On the Red Horse” by M. Tsvetaeva)]. In *Kritika i semiotika*. No. 1, pp. 116–138.
- Rabinovich, V. (1987). «Krasivoe stradan'e». Zametki o russkom romanse [“Pretty Suffering”. Notes on the Russian Romance]. In *Russkii romans*. Moscow, Pravda, pp. 7–30.
- Serman, I. Z. (2015). «Vysokaya bolezn'» i problema eposa v 1920-e gody [“High Disease” and the Problem of Epos in 1920s.]. In Serman, I. Z. *Svobodnye razmyshleniya: Vospominaniya, stat'i*. Moscow, pp. 254–272.
- Sinyavsky, A. D. (1965). Poeziya Pasternaka [Pasternak's Poetry]. In *Boris Pasternak. Stikhotvoreniya i poemy*. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel', p. 40.
- Skipova, O. A. (2016). Transformatsiya balladnogo syuzheta v poeme M. Tsvetaevoi «Na Krasnom kone» [Transformation of the Ballad Plot in M. Tsvetaeva's Poem “On the Red Horse”]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Issue 3. Seriya Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. Ekaterinburg, pp. 127–139.
- Tsvetaeva, M. I. (1994). *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collection of Works, in 7 vols.]. Vol. 3. Moscow, Ellis Lak. 816 p.
- Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka. 574 p.
- Tynyanov, Yu. N. (2002). *Literaturnaya evolyutsiya: Izbrannye trudy* [Literary Evolution: Selected Works]. Moscow, Agraf. 496 p.
- Tyupa, V. I. (2012). Performativnye istoki liriki [Performative Origins of Lyrics]. In *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Ontologiya i poetika: teoreticheskie i analiticheskie aspekty: k 75-letiyu M. M. Girshmana»*. Issue 49–50. Donetsk, DonNU, pp. 40–62.
- Yanitskaya, S. S. (2011). O nekotorykh zhanrovo-stilevykh svoistvakh russkogo literaturnogo romansa [On Some Genre-Style Features of Russian Literary Romance]. In Mosin, M. V. (Ed.). *Vtorye Konkinskie chteniya: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (29–30 sentyabrya 2011 g., g. Saransk)*. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, pp. 271–275.

Данные об авторе

Скрипова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: olga-skripova@mail.ru.

Author's information

Skripova Olga Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 20.06.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 20.06.2024; date of publication: 30.10.2024

УДК 821.161.1-31(Шукшин В. М.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-109-120. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА «ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ» В. М. ШУКШИНА ПОД РАКУРСОМ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Коренькова Т. В.

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4829-4947>
SPIN-код: 4964-8742

Шао Сыцзя

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4453-7355>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена структуре интертекстуальности в сатирической повести-сказке «До третьих петухов» В. М. Шукшина. В этой экстравагантной пародии (по определению Nicole Christian) широко использованы не типичные для писателя-реалиста приемы, характерные для постмодернистской поэтики. Авторы рассматривают поэтические функции образов русского фольклора и классической литературы в своего рода «литературной антисказке» (Иван-дурак, Змей Горыныч, Баба-яга, Илья Муромец, Несмеяна, черти, Бедная Лиза, канцелярская душа и другие), выявляют завуалированные аллюзии, цитаты, цитоны, метатекстуальные связи, проясняющие замысел Шукшина и определяющие его место в контексте современной ему русской антибюрократической литературы. Отмечается, что интертекстуальность фольклорных образов в этом произведении во многом опосредуется отсылками к школьному фольклору, СТЭМ, советской сатире конца 1950-х – начала 1970-х годов (в первую очередь – «Василию Теркину на том свете» А. Т. Твардовского и песням-сказкам В. С. Высоцкого, а также эстраде и юмористическим программам телерадиовещания СССР).

Сложный историко-культурный фон позднесоветской антисказки и экспериментальные художественные приемы стали причиной того, что «До третьих петухов» до сих остается малоизвестной читающей публике за рубежом (например, в Китае). Учет этих поэтических особенностей переводчиками позволит донести идеи и образы Шукшина (瓦西里·舒克申) до китайских ценителей творчества сибирского писателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский фольклор и литература; антисказка; постмодернизм; советская сатира; антибюрократическая сатира

Д л я ц и т и р о в а н и я: Коренькова, Т. В. Повесть-сказка «До третьих петухов» В. М. Шукшина под ракурсом интертекстуальности / Т. В. Коренькова, Шао Сыцзя. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 109–120. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-109-120.

THE FAIRY-TALE NOVELLA BEFORE THE ROOSTER CROWS THRICE BY VASILY SHUKSHIN FROM THE PERSPECTIVE OF INTERTEXTUALITY

Tatiana V. Korenkova

RUDN University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4829-4947>

Shao Sijia

RUDN University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4453-7355>

Abstract. The paper describes the intertextual structure of the satirical fairy-tale novella *Before the Rooster Crows Thrice* by Vasily Shukshin. This extravagant parody (according to Nicole Christian) widely employs the techniques of postmodern poetics that were not typical of the realist writer. The authors consider the poetic functions of the Russian folklore and literary characters in a kind of “literary anti-fairy tale” (such as Ivan the Fool, a three-headed dragon Zmey Gorynych, Baba Yaga, Ilya Muromets, the Unsmiling Princess, malign spirits, sentimental “poor Lisa”, etc.). The paper reveals camouflaged allusions, quotations, and metatextual connections that clarify Shukshin’s intention and determine his place in the context of late Soviet Russian anti-bureaucratic literature. It is noted that the intertextuality of the folklore characters in this anti-tale is largely mediated by references to school folklore, scenes of amateur student theaters of variety miniatures (STEMs), Soviet professional satire of the 1950-70s (such as *Tyorkin in the Other world* by Alexander Tvardovsky, Vladimir Vysotsky’s songs, and popular humorous USSR TV programs).

The complex historical and cultural background of the late Soviet anti-tale and experimental expressive techniques caused the fact that *Before the Rooster Crows Thrice* remains little known to the foreign reading public at large (for example, in China). Meanwhile, the reference to these poetic features could allow translators to convey Shukshin’s ideas and mental imagery to the Chinese connoisseurs of the literary heritage of the Siberian writer.

Key words: Russian folklore and literature; anti-fairy tale; postmodernism; Soviet satire; anti-bureaucracy satire

For citation: Korenkova, T. V., Shao, Sijia (2024). The Fairy-tale Novella *Before the Rooster Crows Thrice* by Vasily Shukshin from the Perspective of Intertextuality. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 109–120. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-109-120.

Введение

В России и за рубежом В. Шукшин получил репутацию писателя-«деревенщика», автора коротких рассказов о добрых «эксцентричных неудачниках», «чудиках». Но на рубеже 1960-х – 1970-х писатель создал ряд произведений, в которых решился на смелый литературный эксперимент, перенес действие и своих героев «в некоторое царство, в некоторое государство». Таковы сказка-притча «Точка зрения» (сценарий 1967 г. был переработан в опубликованную в 1974 г. повесть), рассказ «Чужие» (1974), стихотворение «Это было давно...» и повесть «Ванька, смотри: Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума» (1973–1974), опубликованная уже после смерти автора под редакционным заглавием «До третьих петухов». Близок к этой группе произведений рассказ «Как зайка летал на воздушных шариках» (1972), где «текст в тексте» – недорассказанная сказка о зайке, полусимулякр, – становится композиционной осью, вокруг которой разворачивается вполне реалистический сюжет.

Эти особенности поздней прозы Шукшина привлекли внимание специалистов, изучающих волну неомифологизма в русской литературе середины 1960-х – 1970-х гг., и исследователей постмодернизма [Эшельман 1994; Christian 1997; Куляпин 2001; Глушаков 2011; Маркова 2011; Цветова 2020¹]. Другие в стилистическом зигзаге Шукшина увидели вынужденное обращение писателя к эзопову языку и скрытую критику советской действительности [Morgan 1991; Сигов 2022]. Другие шукшиноведы даже рискнули заявить, что «Поздний Шукшин – абсолютный постмодернизм» [Авченко 2022].

Вопрос «В какой мере суждения о Шукшине как постмодернисте оправданы?» остается предметом дискуссий, но характерная для постмодернистской поэтики многослойная интертекстуальная игра в названных произведениях писателя несомненна. С последним положением согласны многие современные исследователи: А. И. Куляпин, О. Г. Левашова, О. И. Бузиновская, С. М. Козлова, В. В. Десятков, Яо Йе и другие.

Методы и материалы

Термин «интертекстуальность» (фр. Intertextualite) как своего рода аналог «цитатной мозаики» был введен в 1967 г. теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой и оказался теоретически исключительно плодотворен при анализе искусства постмодернизма. В 1982 г. Жерар Женетт в развитие этой идеи предложил уже «пятичленную классификацию разных типов взаимодействия текстов: 1) интертекстуальность как сопresутствие в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. д.); 2) паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию,

эпиграфу и т. д.; 3) метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст; 4) гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого; 5) архитектурность, понимаемая как жанровая связь текстов» [Ильин 1996: 105].

Таким образом, при рассмотрении феномена интертекстуальности можно выделить два подхода: широкий и узкий. Интертекстуальность в широком смысле – это универсальное свойство любого текста и фактор, определяющий деятельность художника независимо от его сознания, желаний и воли. В узком смысле – это фактическое существование в тексте одного или нескольких текстов, сознательно инкорпорированных автором и реализуемых через цитаты, аллюзии, реминисценции и т. д.

Не углубляясь в терминологические дискуссии, в предлагаемой работе авторы опираются на формулировку В. И. Арнольд: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд 1999: 346]. Представляется в данном случае перспективным рассматривать и такой аспект интертекстуальности, как обусловленность цитаций, цитонов, переработки тем и сюжетов, аллюзий и парафраз, пародий и т. д. «диалогом сознаний», переосмыслением традиции и рецепцией прошлого [Синельникова, Глушкова 2019]. При этом интертекстуальность в узком смысле «не следует смешивать с понятием литературных влияний, или бродячих сюжетов и мотивов» [Арнольд 1999: 347] и разного рода проявлениями вечных образов и культурных архетипов.

Вопрос о архитектурности, жанровой принадлежности «До третьих петухов» Шукшина различно решается литературоведами, о чем свидетельствует подробный обзор С. А. Горбушина и Е. Я. Обухова [Горбушин, Обухов 2018: 169–170, прим. 3, 4]. Жанровая нестандартность произведения, которое сам автор отнес к «повестям для театра», отражается в попытках других исследователей: сатирическая повесть-сказка, философская сказка, сказка для взрослых, сказка-быль, «путешествие в страну литературных героев», зашифрованная «автобиография и покаяние», исповедь, пьеса и другие. Термин «антисказка», впервые введенный в научный обиход А. Йоллесом (Antimärchen, tragischen Märchen [Jolles 1968: 242]), в смысле 'трагическая сказка' в применении к этому произведению Шукшина представляет несомненный интерес, но требует серьезного комментария. Наиболее же распространенный вариант жанрового определения – литературная сказка.

Причем такие иногда используемые определения, как «художественное завещание», исповедь, предполагают выявление автобиографических аллюзий и подтекста. Между тем в интерпретации «До третьих петухов» под этим ракурсом в значительной мере сохраняется лакуна, которую отмечают шукшиноведы (например: «Во многих работах расшифровка персонажей отсутствует,

¹ Цветова Н. С. «Василий Шукшин – актуальный классик?» (итоги круглого стола в рамках Санкт-Петербургского международного культурного форума) // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 214–219. DOI: 10.26170/FK20-01-22. EDN PEGQVV.

<...> не затрагивается тема автобиографичности» [Горбушин, Обухов 2018: 170, прим. 3]).

Таким образом, методологически верно при анализе «повести для театра» обратить первостепенное внимание на следующие интертекстуальные моменты:

- синкретический экспериментальный характер избранного Шукшиным жанра, его сатирическая пародийная направленность и связанные с этими творческими установками приемы трансформации фольклорных и литературных образов;

- исходная сценичность (ориентированность автора – режиссера и актера, уже имеющего опыт киноповестей, на перспективы инсценировки произведения), которая предполагает допущение театральных условностей, значимость музыкального оформления (в данном случае зафиксированная в написанном тексте), вероятные кино- или театральные аллюзии;

- наличие завуалированных автобиографических мотивов.

Результаты

Литературная сказка – синтетический жанр, соединяющий компоненты фольклорной сказки и разных собственно литературных жанров, вбирающий в себя и творчески перерабатывающий взятые из предшествующей традиции общую композицию и отдельные узнаваемые повороты сюжета, образы, коллизии и даже хронотоп и особенности художественного мира.

В современной Шукшину русской реалистической «деревенской прозе» жанр литературной сказки занимал периферийное место. Таковы были рассказы для детей «Белогрудка» В. П. Астафьева (1961), «Жила-была сёмужка (Северная быль)» Ф. А. Абрамова (1962), сказовые вставки бабки Евстолии о пошехонцах в повести «Привычное дело» В. И. Белова (1965) и «Лебяжинские сказки» в романе С. П. Залыгина «Комиссия» (1975). С оговорками в этот ряд можно поставить «Сказки» С. Г. Писахова и «Поморские были и сказания» Б. Шергина (1957). При этом, обрабатывая фольклорный материал, Б. А. Можаяев в «Удэгейских сказках» (1955) и «Железном клюве» (1959) явно дистанцировался от русской народной словесности.

Повесть-пародия «До третьих петухов» стоит в этом ряду явно особняком. Персонажи литературной сказки Шукшина лишь частично похожи на своих прототипов, безусловно, общее у них – только имена. Литературно-сказочный образ лишь ассоциативно проецирует происходящие события на общеизвестный фольклорный подтекст.

Композиция повести-сказки имеет явные параллели со сказкой «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Но резкое отличие композиции произведения Шукшина от фольклорных источников дает простое сопоставление ее с описанной В. Я. Проппом в «Морфологии волшебной сказки»: начальная ситуация (i), отправка героя из дома (↑), недостача (a), ликвидация беды или недостачи (Δ) – в шукшинской повести совершенно не сказочные.

Если то, что «ликвидация беды или недоста-

чи» (Δ) не состоялась, можно отнести к особенностям антисказки, то нарочитая деформация всех остальных элементов сказочных сюжетов не поддается такому объяснению.

Так, в начальной ситуации (i), в исходном пункте сюжета начало общественного собрания выглядит совершенно немотивированно. Оно сюжетно не связано ни с предыдущим телефонным разговором, ни с каким-либо другим моментом в повести и может быть объяснено только рутинностью таких мероприятий в СССР после завершения рабочего дня. При этом отсутствует малейший намек на нарушение табу, зато демонстрируются языковая игра и псевдопонимание, что совершенно невозможно в завязке фольклорной сказки. Эпизод, где литературные персонажи слышат телефонный разговор молодой библиотекарши, но неверно понимают ее жаргонные слова: пшено (ерунда), козел (сексуально озабоченный дурак), потопчемся (потанцуем, погуляем), – никак не связан с последующим сказочным действием.

Также в полном несоответствии с фольклорными клише мотив «отправка героя из дома (↑)» опирается на веющую абсурдом угрозу изгнания героя из дома, т. е. книг, библиотеки и культуры в целом [Куляпин 2004: 17].

Финал также фантастогоричен: герой сказки получает как «награду» не справку, а целую печать, и никто не знает, что с ней делать дальше – недостача остается, задача не решена.

Хронотоп «До третьих петухов» можно назвать условно сказочным. С одной стороны, в как бы замкнутом иномирном пространстве, где разворачивается основное действие, обитают Баба-яга, Змей Горыныч, черти, царевна Несмеяна, но одновременно там звучат современные шлягеры. Границы между реальностью (повседневная жизнь библиотеки) и миром книжных – былинных и литературных – героев расплывчата, «невсамоделишняя» (см. финальный эпизод с уборщицей, нашедшей шапку атамана).

Интертекстуальная игра автора, смешение сказочных шаблонов и узнаваемых черт советского культурного быта создают в сознании читателя мучительную раздвоенность.

Парадоксально междумирное положение неприкаянного Ивана-дурака: он идет в «как бы свой исконный» сказочный мир, откуда он родом, чтобы получить официальное право проживать в чужом, «как бы реальном», мире среди книг на полке библиотеки. Отчужденность протагониста от бытия (в любом из возможных миров) фундаментальна, экзистенциальна.

Художественный мир «До третьих петухов» также вывернут наизнанку. С одной стороны: «Лес, монастырь, канцелярия – реальный мир. <...> Библиотека, напротив, мир нереальный. Это мир идей» [Горбушин, Обухов 2018: 178]; «автор провокационно окарикатурил образ культурной элиты 70-х и оспорил место своего героя в истории литературы, прозорливо представив ее постмодернистской “библиотекой” с бессильно агрессивными

персонажами»². С другой – по славянским поверьям пение третьих петухов спасительно, оно знаменует начало рассвета и конец морока, власти темных сил. В шукшинском тексте же это двусмысленный момент обмирания всех участников собрания литературных героев: «Тут и сказке нашей конец. Будет, может быть, другая ночь...».

Эти хронотопические и композиционные моменты отсылают к поэтике абсурда и дают основания указать в числе источников этой повести-сказки (как и творчества Шукшина в целом) роман «Процесс» и другие произведения Ф. Кафки³ [Корнеев 2010; Глушаков 2018; Куляпин 2020b], а также популярную сатирическую миниатюру «Верблюды Гималайский»⁴ в юмористической телепередаче Центрального телевидения Гостелерадио СССР «Кабачок “13 стульев”» (1968; [Душенко 2019]).

При этом концовка «До третьих петухов»: «Тут и сказке нашей конец. Будет, может быть, другая ночь...» – отсылает парафрастически к словесной орнаментике русских переводов «Тысячи и одной ночи» («застигло утро, и Шахерезада прекратила дозволенные речи»).

Еще явственнее поэтика аллюзий, реминисценций, парафраз, цитат и цитонов проявляется при создании Шукшиным системы персонажей повести-сказки.

При анализе системы персонажей «До третьих петухов» исследователи останавливаются на интерпретациях образов сказочных героев: Ивана-дурака, Змея Горыныча, Бабы-яги, царевны Несмеяны, медведя Михайла Иваныча, чертей (как сказочных персонажей), а также былинного Ильи Муромца, атамана-казака из исторических песен о Стеньке Разине. Поэтическая функция книжных героев: Бедная Лиза, Обломов, лишний человек («то ли Онегин, то ли Чацкий»), канцелярская душа Акакий (Башмачкин?), «пришибленного вида чеховский персонаж» – обычно не рассматривается. Включение их в действие может показаться случайным. Между тем их «литературность» условна, почти размыта и позволяет отнести их скорее к персонажам ученического фольклора – анекдотам о персонажах из школьной программы по литературе и так называемым «перлам» – ходившим в то время по рукам спискам «ошибок из школьных сочинений».

К ним же можно отнести и образ Милки – секретарши в повести и любовницы в эротических частушках и версиях упомянутой в повести плясовой «Камаринской» (например: «не ходи-ка, милка, по мосту, не женись-ка пока я не вырасту»).

Близки к фольклорной стихии отраженные в повести художественные явления массовой культуры тех лет: танцы и плясовые мелодии [Московкина 2022], шлягеры «А парень улыбается в пше-

ничные усы» («Поет гармонь за Вологдой», слова А. И. Фатьянова, муз. В. П. Соловьева-Седого), «Разве тот мужчина!» (слова Р. Г. Гамзатова и Я. А. Козловского, муз. О. Б. Фельцмана), популярные застольные песни – романсы «Хас-Булат удалой» и «Очи черные», а также «Песенка чертей», в которой угадываются пародии на шуточные студенческие песни рубежа 1960-х – 1970-х⁵.

Заметно ближе к шукшинской повести-сказке по хронологии и использованию поэтического приема «старые сказки и басни на новый лад» такие популярные явления советской культуры 1960-х – 1970-х, как мультфильмы «Вовка в Тридевятом царстве» (1965), юмористический фантастический роман «Понедельник начинается в субботу» Стругацких (1965), цикл песен-антисказок В. С. Высоцкого (1966–1974), повесть для детей «Вниз по волшебной реке» Э. Успенского (1972), типичные номера самодеятельных студенческих капустников и КВНов, пародийных переиначек программных произведений в школьном фольклоре (см. эхо утраченных фольклорных текстов такого рода в литературной сказке Ю. Г. Томина «Шел по городу волшебник» (1963): «Над золотом чахнет царь Кощей, / И ловит слон в лесу лещей. / Там на неведомых дорожках / Верблюды пляшут в босоножках...» и др. [Романова 2005]).

Таким образом, говоря об интертекстуальности «До третьих петухов» как «рецепции прошлого», следует иметь в виду именно игру Шукшина, во-первых, с фольклорной традицией и массовой культурой, и во-вторых, с литературой как таковой.

Среди главных действующих лиц «повести для театра» наименее литературен и фольклористичен, но наиболее важен для понимания замысла Шукшина образ Мудреца (говоря в терминах Поппа, «дарителя искомого», справки).

Одни шукшиноведы видят в нем «шутовского короля», «краснобая и лжепророка» [Десятов 2000: 164], другие – художественное воплощение «культурной элиты общества» или «высокопоставленного чиновника от культуры», третьи – «лжемудреца» в споре с просветленным юродивым: «умная дурацкость» Ивана противопоставляется лжеуму Мудреца» [Левашова 2004: 12].

Интересно, что ассоциативные ловушки при интертекстуальном анализе ярче всего проявляются именно в связи с Мудрецом. Так, в богатой ценными наблюдениями статье В. В. Десятова отмечается: «Мудрец и почти всё, что связано с ним в тексте (образы чертей, секретарши Милки, Несмеянов, вулкана “Дзидра”), многократно и многообразно отсылают читателя к литературе серебряного века и, соответственно, к эпохе русских революций. <...> Ближайшими прототипами Мудреца яв-

² Плеханова И. И. Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 21. DOI: 10.26170/ФК20-01-02.

³ О своеобразии «кафкомани» в творческих кругах СССР после издания знаменитого «черного томика» см.: [Жук 2018].

⁴ «Кабачок 13 стульев» (сезон 1968) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: www.youtube.com/watch?v=nAIGcfsvIvA [53:07–1:05:27].

⁵ Не исключено, что нетипичный для советской студенческой песни припев «аллилуйя» был навеян «My Sweet Lord» Дж. Харрисона (1970/1971), танцевальная мелодия на которую идеально ложится на шукшинский текст. О популярности ее в СССР свидетельствует тот факт, что она была включена в аудиоприложение к декабрьскому номеру журнала «Кругозор» за 1974 год (пластинка № 12) под названием «Мой повелитель», в котором религиозный смысл песни был густо заретуширован.

ляются Андрей Белый и Александр Блок» [Десятов 2000: 160, 164]. Этому персонажу приписывается «роль трагического Адама Кадмона <...> – двуполого, т. е. не утратившего ребра сверхмудрого существа» [там же: 174]. Такой вывод строится на основании указания на сходные черты «представителей ахматовской и шукшинской “чертовни”» [там же: 161] и иносказательного истолкования названия вулкана «Дзидра»: «Вулкан – эсхатологический символ <...> Цепочка “вулкан – революция – нежданчик” порождает ассоциации с именами известного революционера Нечаева и героя тургеневской “Нови” Нежданова» [там же: 164, 168]. Натяжкой выглядит предложенное объяснение этого оронима на основе созвучия со словесным клише «гидра контрреволюции».

Между тем уже само использование писателем кавычек при указании названия вулкана вызывает вопрос: почему такое фонетически странное название?

Ответ прост: Dzidra – латышское женское имя, значащее «ясная, прозрачная, светлая». Само собой, речь не могла идти ни о вулканах, ни об извержениях. Вряд ли Шукшин решил бы вплести в свой сатирический текст намеки на Дзидру Ритенберг, вдову трагически погибшего в 1965 году актера Евгения Урбанского. Зато среди знакомых Шукшина по дому творчества писателей в Дубултах (г. Юрмала), где он отдыхал летом 1972 года, была знаменитая в творческих кругах Дзидра Тубельская (1920–2009; она же Шиловская, Тур), мемуаристка, дочь известного советского дипломата и партийного деятеля Э. Я. Кадика, невестка Е. С. Булгаковой. (Таким образом, соль шукшинской шутки про вулкан «Дзидра» еще предстоит раскрыть.)

Также малоубедительна попытка провести параллели между бесами на «шабаше-ассамблее» в повести-сказке Шукшина и inferнальными персонажами поэтов серебряного века. Демонография последних восходила через веяния *Fin de siècle*, явления массовой культуры типа литографий и стереокарт *Les Diableries* (1861), «*La Comedie du diable*» (1831) О. Бальзака и романтический демонизм к традициям средневековых западноевропейских дьяблерий [Tormey 2000; Стахорский 2015: 180–185, 220–221; Колчанов 2017: 42–43]. Между тем как канцелярская чертовщина у Шукшина явно идет в русле отечественной литературы – от эпизодов бюрократической мистерии в «Сегелиеле» В. Ф. Одоевского [Сакулин 1913: 51–68; Кореньков 1998], чеховской «Беседы пьяного с трезвым чертом» (1886) и особенно поэмы-сказки А. Т. Твардовского «Теркин на том свете»⁶.

Ничем не закончившаяся история хождений Василия Теркина на том свете за аттестатом и помертвенными справками и история о том, как Иванушка-дурачок ходил за тридевять земель «добывать справку, что он умный и современный», явно близки сюжетной канвой.

⁶ Подборка рассказов Шукшина «Они с Катуня» и резонансная антибюрократическая сатира Твардовского вышли в «Новом мире» с разницей всего в полгода (№ 2 и № 8 за 1963 год).

Совпадает хронотоп обоих произведений: неопределенно долгое по времени странствие в ином мире ограничено длительностью одной ночи в мире реальном. Иван-дурак ходит всю ночь «До третьих петухов». Василий Теркин: «Убыл-прибыл в поздний час / Ночи новогодней...» – и: «Воротился с того света, / Прибыл вновь на белый свет», – к утру, но уже в Новом году.

Несомненен и сатирический пафос обоих произведений, направленных против очевидных народу фатальных несоответствий между результатами псевдодемократических реформ и пропагандистскими декларациями о курсе на преодоление «канцелярско-бюрократического стиля в работе», борьбе «с очковитательством, проявлениями местничества и ведомственности, бюрократизмом и волокитой» на основе «развертывания всех форм общественной самостоятельности трудящихся» (домкомов, товарищеских судов). Сатира на аппаратно-бюрократический абсурд была востребована советским политическим руководством периода «оттепели» и первых послехрущевских лет, допускалась цензурой и принесла «богатый урожай в закрома» художественной культуры СССР [Юдин 2021: 124].

Среди других весьма вероятных источников шукшинской повести-сказки, косвенно повлиявших на ее поэтику, – эстрадные антибюрократические сатирические миниатюры А. И. Райкина⁷ и особенно спектакли студенческой эстрадно-театральной студии «Наш дом» при ДК МГУ. Большой резонанс среди студентов и в кругах творческой интеллигенции вызвали исполненные в гротесковом «абсурдно-молодежном стиле» сценка «Ваша Креслость», действие которой разворачивалось в письменно-стольном граде Бюрограде в стране Канцелярии⁸, и сказочно-лубочная история «Про царя Макса-Емельяна, жену его Настю, двести тысяч царей – его сыновей, воина Анику, царевну Алену, Мастера-На-Все-Руки и прочих лиц из былых небылиц»⁹ [Богатырева 2006: 40–41, 54, 76].

Таким образом, к моменту рождения замысла «До третьих петухов» эпопов язык советской антибюрократической сатиры, репертуар сюжетов и набор коллизий и узнаваемых аллюзий (в терминах того времени – «неконтролируемых подтекстов») были разработаны писателями, почти без проблем проходили цензурные фильтры и стали хорошо понятны без комментариев во всех своих нюансах читательской публике.

Именно в этом иносказательном ключе была создана В. С. Высоцким песня «Жил-был добрый дурачина-простофиля»¹⁰ (1964), первая в ряду произведений, где политически злободневная сатира вуалируется отсылками к сказочным образам.

⁷ «Сказка о дураке», «Сказка о медведе и зайце» (1960), «О бюрократях» (1974).

⁸ Спектакль «Прислушайтесь – время!» (1961).

⁹ Эстрадно-музыкальный балаган в 2-х отделениях (1968).

¹⁰ В свою очередь, по форме «Сказка про дурачину-простофилю» воспроизводит сатирический прием из стихотворения Ю. Тувины в переводе С. Я. Маршака «Сказка про дурака битого-небитого» (другое название: «Не так, или Сказка про дурака», 1956): «Что ни делает дурак, Всё он делает не так».

В истории злоключений и глупостей фольклорного тщеславного дурака и сумасброда современники явно угадывали иронию по поводу публичного поведения и перипетий политической карьеры Н. С. Хрущева, ставшего уже на рубеже 1950-х – 1960-х гг. героем многочисленных анекдотов.

Новое направление сатиры проявилось в антисказках Высоцкого 1966–1974 гг.: «Про черта», «Странная сказка», «Сказка о нечисти», «Про дикого вепря», «Моя цыганская», «От скучных шабашей...», «Сказка о несчастных сказочных персонажах», «Песня про джинна», «В Тридевятом государстве», «Рай для чертей», «Песенка про козла отпущения», «Скоморохи на ярмарке» и особенно «Лукоморья больше нет».

На этом фоне показательна и эволюция изобразительных средств советских антибюрократических сатирических мультфильмов тех лет. Если в лентах рубежа десятилетий высмеиваемые персонажи прямо изображены людьми в ситуациях типических канцелярских казусов: «Баллада о столе» (1956), «В одной столовой» (1957), «Большие неприятности» (1961), «Баня» (1962), – то уже с 1963 г. кинематографисты переходят к формам иносказаний. Так, в аллегориях «Проверьте ваши часы» (1963) и «Происхождение вида» (1966) комбинируются антропоморфные и условные образы типа минутных стрелок и рисок-минуток на циферблате. Большинство же работ мультипликаторов выдержаны или в классических сказочно-басенных традициях: «Портрет» (1965), «Знакомые лица», «Иван Иваныч заболел» и «Осел в обойме»¹¹ (1966), «Чертовщина» (1968), – или в стилистике кафкианской сатиры: «Жил-был Козявин» и «Человек в рамке» (1966).

«Сказочный реализм» зафиксировал конец «социалистического романтизма» (именно в 1966–1968 гг. некоторые литературоведы отметили *post factum* существования в СССР этого явления) и начало пост-«оттепельного» разочарования и демифологизации официального языка и сознания советской интеллигенции. Эти настроения были точно переданы в песнях Высоцкого: «Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!», «Все мы сказками слегка / Да обжегорены», а также финальной фразой фильма «Старая старая сказка» (1968) по сценарию В. С. Фрида и Ю. Т. Дунского: «Сказка – это одно, а жизнь совсем другое».

Поэтическая особенность антисказок Высоцкого, резко отличающая их от предшествующей традиции советской сатиры 1950–1960-х, – сарказм лирического героя, который с отчаянием принимает неизбежность происходящего. Это не «бой мещанству и бюрократии», не ирония по поводу «отдельных недостатков» и чинуш, не просто признание банкротства мечты, но ощущение «заброшенности в мир» (*Geworfenheit*) и констатация экзистенциального поражения. «Лукоморья больше нет» и перенесенные в узнаваемые реалии городской жизни 1960-х персонажи песен: Иван-дурак,

Кощей, Змей Горыныч, Баба-яга и другие – необратимо принимают новые, травестивно бытовые, совсем не сказочные правила жизни.

Этих же персонажей и те же поэтические приемы Высоцкого, «неконтролируемые подтексты», использовал Шукшин в своей прозаической «сказке-были». То же ощущение на грани отчаяния перед лицом абсурда передано им в «Сказке про Иванушку-дурачка, как ходил он за тридевять земель добывать справку, что он умный и современный».

Более того, совместная работа писателя-актера Шукшина и актера-барда над радиоспектаклем «За Быстрынским лесом» и упомянутое Высоцким на последнем концерте намерение Шукшина пригласить его на роль в фильме «Я пришел дать вам волю», работа над сценарием которого шла в 1970–1974 гг., дают дополнительные основания для выявления интертекстуальных переключек и использованных поэтических приемов в их произведениях рубежа тех десятилетий.

Обсуждение

В целом поэтика «До третьих петухов» опирается на прецедентные тексты русской культуры, существующие в процессе межпоколенной передачи текстов в изустной и письменной традициях (сказки, былины, легенды, притчи, анекдоты, памятники классической художественной литературы). Причем в абсолютном большинстве здесь представлены персонажи из круга детского и учебного чтения.

Исключения, требующие доосмысления, чрезвычайно редки. Таковы реплики чертей «Ах, какая неподкупная душа! Какой Анжелико!» и «пошехонские страдания», а также Алка, имя царицы Несмеяны, и некий вулкан «Дзидра».

Представляется сомнительным, что мимоходом упомянутый в тексте повести-сказки Анжелико имеет отношение к художнику Джованни да Фьезоле¹², подробное жизнеописание которого оставил Дж. Вазари. Напротив, данная чертами характеристика: «какая неподкупная душа! Какой Анжелико!» – скорее применима к протагонисту поэмы «Анджело» Пушкина в прямом смысле (к исходной репутации) и иронично (к его последующему грехопадению). При этом интертекстуальная игра с пушкинскими произведениями была характерна для антисказок Высоцкого и первых шагов русского постмодернизма (например, «Прогулки с Пушкиным» А. Терца / А. Д. Синявского, 1966–1968; подробнее см.: [Мащенко 2012]).

Фраза «пошехонские страдания», с одной стороны, отсылает к фольклорным рассказам о наивных пошехонцах, жителях сел и городов по берегам притока Волги реки Шексны (2/3 длины которой и окрестные земли «съели» Рыбинское и Шекснинское водохранилища), и поиске ими праведной чудесной земли [Рыбальченко 2009]. С другой – к литературной традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина и В. И. Белова о жизни русской провин-

¹¹ Две последние – выдержанные в стилистике антибюрократической сатиры 1950-х экранизации басен С. М. Михалкова, написанных еще в 1950 и 1957 гг.

¹² Новый всплеск интереса к нему в связи с канонизацией в 1984 г. возник уже после смерти Шукшина.

ции. С третьей – это автоцитата, отсылка к так называемой сцене «Бордельеро (белозерские страдания)» из кинофильма «Калина красная» (1973), снятого в Белозерске и других местах Пошехонья.

Имя царевны мотивировано не сюжетом, а какими-то фактами биографии самого автора. Возможно, ключ к разгадке даст стихотворение «Несмеяна» (1973) Б. А. Ахмадулиной. Характерным Алка созвучен с домашним именем поэтессы – Белка (так, по свидетельствам мемуаристов, называли ее близкие люди). В нем, вероятно, отразились воспоминания об их ярком мимолетном романе осенью-зимой 1963/64 г., позже описанном поэтессой в очерке «Не забыть. Памяти Василия Шукшина» (1978).

Выводы

Таким образом, сказка-повесть создавалась Шукшиным с ориентацией на четыре группы интертекстуальных полей:

- собственно на фольклор (от сказок, былин, застольных песен до анекдотов с участием сказочных и былинных персонажей и сенок СТЭМов и КВНов в стиле «старые сказки на новый лад») и массовую культуру, тексты шлягеров советской эстрады;

- отечественную традицию литературных сказочных пародий и антисказок (от Пушкина до Высоцкого);

- опыт советской антибюрократической и антимещанской литературно-театральной сатиры 1950-х – 1970-х гг.;

- интертекстемы, рассчитанные на понимание узким кругом знакомых по квартирникам и театральным или писательским капустникам в домах творчества.

Понятно обращение писателя как представителя поколения шестидесятников к творческим поискам и художественным наработкам современников, чье творчество вольно или невольно вступало в конфликт с дряхлеющей советской идеологией и оторванными от реальной жизни граждан СССР клише партноменклатурной пропаганды.

Логична была и эволюция поэтики Шукшина, проявившаяся в «повестях для театра», в сторону камерности с элементами герметизма, шуток, автоцитат, цитон, реминисценций и аллюзий «только для своих» и не понятных цензорам.

Сам метажанр «повесть для театра» предполагал возможность переработки текста из журнальной версии в сценарий фильма, аудиоспектакля в форматах бывших на пике своей популярности радиопередач «Театр у микрофона», музыкальные и юмористические «После полуночи в три минуты первого», «Передача для полуночников», «Мы с вами уже встречались», «Вечер юмористического рассказа», «Вы нам писали», «Радио-туш» и т. п., где цензурные фильтры были не столь жесткие, как для публикаций в толстых журналах или книжных изданиях. Именно этот момент определяет диалогичность и своего рода музыкальность текста, насыщенность отсылками к общеизвестным песням (застольным, плясовым, эстрадным).

Таким образом, повесть-сказка «До третьих петухов» – художественный эксперимент Шукшина, суть которого в том, что действие, основанное на многократно обыгранной в отечественной антибюрократической сатире классической коллизии «мытарств хождения за справкой», было обработано в стилистике постмодернизма.

При этом, как обнаруживает анализ произведения под ракурсом его интертекстуальных связей: отсылок к русскому фольклору, литературным антисказкам и т. д., – писатель сознательно идет на «совмещение планов», наложение в тексте различных по природе поэтических систем. В частности, на формально заданном фоне смеховой традиции и приемов сказок происходит смешение сарказма, связанного с почти кафкианским ощущением экзистенциального абсурда, с постмодернистской иронией и элементами эпатажного стеба.

Однако традиционный для шукшинского творчества герой-чудик (Иван-дурак, который совсем и не дурак) оказывается не вполне соприроден возникающему художественному миру. Дело в том, что алогизм поступков-чудачеств в фундаментально алогичном мире абсурда теряется. Антибюрократический обличительный запал выглядит в значительной мере узнаваемым, вторичным даже по отношению к сатирическим миниатюрам и ерничанью расхожих анекдотов.

С одной стороны, творческий эксперимент Шукшина демонстрирует, что постмодернизм не характерен в целом для его сложившейся к тому моменту писательской манеры. С другой – представляет несомненный интерес как историко-литературный факт и попытка синтеза столь разнородных по своей художественной природе интертекстуальных явлений.

Этот стилистический эксперимент, несомненно, вызвал интерес у отечественной читающей публики и зарубежной русистики. В школьной программе российских школ и вузов повесть появляется периодически¹³ [Чернова 2010], хотя на сайте проекта «100 лучших книг» в публичном, пусть и методологически не беспорочном, рейтинге книг, написанных на русском языке, повесть Шукшина стоит на первом месте по средней оценке (4,07 при 933 проголосовавших), а по критерию «общее количество баллов» занимает 142-е место в списке¹⁴.

Повесть переводилась на иностранные языки. Реалии эпохи, проблемы и эзопов язык повести-сказки Шукшина были понятны читающей и театральной публике стран социализма, поэтому неудивительно, что вскоре после внезапной трагической кончины писателя «До третьих петухов» была переведена на болгарский (*До трети петухов*). *Приказка за Иван Глупака, как отишъл в далечни страни, за да придобие разум*), немецкий (*Bis zum drittenmal dor*

¹³ Школьная программа по русской литературе. 1–11 классы // РВБ, 2020–2023. Версия 1.0 от 20 декабря 2020 г. URL: <https://rvb.ru/prog/ruslit-shkola.html#> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁴ Лучшие книги на русском языке // Онлайн-проект «100 лучших книг». 2009–2023. URL: <https://www.100bestbooks.ru/index.php?page=1> (дата обращения: 30.04.2023).

Hahn kraht), польский (*Nim zapieje trzeci kur*¹⁵ и *Nim trzeci kur zapieje*), венгерский (*A harmadik kakasokig*), чешский (*Než kohout třikrát zakokrhá*), словацкий (*Až do tretieho kohúta*), сербохорватский (*Do trećih pijetlova / Do trećeg pijetla*), словенский (*Do tretjega petelina*).

Как критика советской действительности она была воспринята в Западной Европе [Politicizing Magic 2005; Стопченко 2012; Roitberg 2020], где выходила на английском (*Before the Cock Crows Thrice: A Tale about Ivan the Fool, How He Traveled Beyond the Thrice-Ninth Kingdom to Acquire Some Wits and Wisdom*) и в кратком переложении упоминалась на итальянском (*Prima del terzo gallo*). Но страсти и эмоции, связанные с перестройкой и распадом СССР, утихли и интерес к ней в связи с интерпретациями в культурно-политологическом ключе заметно угас.

Произведения Шукшина пользуются популярностью в Китае [Гао Чжэньчжи 2004; Ли Чжэньжун, Ван Лидань 2019; Цзин, Монисова 2019]. «Герои, темы, сюжеты, народная культура, представ-

ленные в его творчестве, были тепло восприняты китайскими читателями и до сих пор остаются в центре внимания китайских литературоведов» [Мэн Цы 2022: 111]. Написаны специальные методические разработки по изучению шукшинской прозы китайскими студентами [Сяо Цзыцы 2016]. Но «До третьих петухов» осталась до сих пор незамеченной китайскими издателями, вероятно, из-за того, что сатира, опирающаяся на образы из русских сказок и былин, и элементы постмодернистской игры смыслами требуют особого комментария.

С учетом всех выявленных фактов можно предположить, что творчество В. М. Шукшина с использованием приемов постмодернизма до сих пор во многом оставалось для значительной части зарубежных русистов «шкатулкой с секретом». Дальнейшее выявление интертекстуальных связей шукшинской антисказки поможет точнее донести до новых читателей художественный замысел и круг идей автора «До третьих петухов» в контексте мирового литературного процесса середины – конца XX века.

¹⁵ Первая постановка в Белостокском театре кукол уже в 1983 году.

Литература

Абашева, М. П. Проблема комического в советской прозе 60–70-х годов (В. Шукшин, В. Белов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. П. Абашев. – М., 1987. – EDN NOERCV.

Авченко, В. О. [Интервью Е. Савчековой] Литературное исследование образа современного писателя. Часть 2 / В. О. Авченко. – Текст : электронный // Pechorin.net : сайт. – 4 авг. 2022. – URL: <https://pechorin.net/articles/view/litieraturnoie-issliedovaniie-obraza-sovriemiennogho-pisatielia-chast-2> (дата обращения: 30.04.2023).

Арнольд, И. В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. статей. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 341–350.

Богатырева, Н. Ю. Окна «Нашего дома». История эстрадной студии МГУ «Наш дом» (1958–1969 гг.) / Н. Ю. Богатырева. – М. : МПГУ, 2006. – 125 с.

Вертлиб, Е. А. Василий Шукшин и русское духовное возрождение / Е. А. Вертлиб // Русское – от Загоскина до Шукшина: (Опыт непредвзятого размышления). – СПб. : Библиотека «Звезды», 1992. – С. 183–405.

Гао, Чжэньчжи. Анализ литературных достижений сибирского писателя Шукшина / Ч. Гао // Сибирские исследования. – 2004. – № 31 (5). – С. 3.

Глушаков, П. С. Василий Шукшин: от Кафки до Тарковского / П. С. Глушаков // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 13. – М. : Собрание, 2018. – С. 432–458.

Глушаков, П. С. Языческое и христианское в стихотворении В. М. Шукшина «Это было давно...» / П. С. Глушаков // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 348. – С. 15–18.

Горбушин, С. А. «До третьих петухов» как исповедь-завещание Василия Шукшина / С. А. Горбушин, Е. Я. Обухов // Новый мир. – 2018. – № 5. – С. 168–180.

Десятов, В. В. Шукшин и мудрецы (духовные прототипы персонажа сказки «До третьих петухов») / В. В. Десятов // «...Горький, мучительный талант» : материалы V Всероссийской научной конференции. – Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2000. – С. 160–174.

Душенко, К. В. Доказывай, что ты не верблюд / К. В. Душенко // Цитата в пространстве культуры. Из истории цитат и крылатых слов : сб. статей. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. – С. 149–155. – EDN DQVDUP.

Жук, М. И. Лекция 7. Франц Кафка и Россия / М. И. Жук // Путь к замку, или курс лекций о Кафке. – Владивосток ; СПб. : Издательские решения, 2018. – С. 107–116.

Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Intrada, 1996. – 256 с.

Колчанов, В. В. От дьяблерии к «оперетке»: музыкальный буфф и приемы нейролингвистического программирования в романе-мистерии М. А. Булгакова «Белая гвардия» / В. В. Колчанов // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – 2017. – Т. 3, № 1 (9). – С. 41–54. – EDN XYFUGL.

Кореньков, А. В. Незавершенный замысел В. Ф. Одоевского «Сегелиель» (по рукописям из фонда № 539 РНБ). Публ., текст. исследование и комм. / А. В. Кореньков // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение и журналистика». – 1998. – № 3. – С. 85–120.

Корнеев, П. Г. Кафка и Шукшин. Мифотворчество отчужденного сознания как способ конструирования действительности: постановка проблемы / П. Г. Корнеев. – Текст : электронный // Литературный альманах

«Ликбез». – 2010. – Вып. 72. – URL: www.lik-bez.ru/archive/zine_number3695/zine_critics3699/publication3741 (дата обращения: 18.10.2024).

Куляпин, А. И. Образ библиотеки в творчестве В. М. Шукшина / А. И. Куляпин // Библиотека и духовность: приоритеты деятельности / Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова ; сост. И. В. Миллер, О. Н. Колбашева. – Барнаул : [б. и.], 2004. – С. 16–17.

Куляпин, А. И. Проблемы творческой эволюции В. М. Шукшина : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. И. Куляпин ; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2001. – 33 с.

Куляпин, А. И. Другой Шукшин: заметки о современном шукшиноведении / А. И. Куляпин // Сибирский филологический форум. – 2020а. – № 2 (10). – С. 39–52. – <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-41>. – EDN JSICGF.

Куляпин, А. И. Чем хуже для Кафки, тем лучше для Шукшина / А. И. Куляпин // Алтай: литературно-художественный публицистический культурно-просветительский журнал. – 2020б. – № 1 – С. 163–169.

Левашова, О. Г. Странный герой В. М. Шукшина / О. Г. Левашова // Библиотека и духовность: приоритеты деятельности / Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова ; сост. И. В. Миллер, О. Н. Колбашева. – Барнаул : [б. и.], 2004. – С. 11–15.

Левашова, О. Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX в.: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. Г. Левашова. – Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2003. – 38 с.

Ли, Чжэнжун. Творчество Шукшина в Китае / Чж. Ли, Л. Ван // Наш современник. – 2019. – № 7. – С. 275–278.

Маркова, Т. Н. В. М. Шукшин в восприятии Вяч. Пьецуха / Т. Н. Маркова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 7 (109). – С. 155–158.

Мащенко, А. П. Деканонизация образа А. С. Пушкина в литературе первой волны русского постмодернизма / А. П. Мащенко // Вопросы русской литературы. – 2012. – № 23 (80). – С. 100–110. – EDN WKOEFF.

Московкина, Е. А. Народное искусство в поэтике В. М. Шукшина / Е. А. Московкина // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2022. – № 3. – С. 36–44. – <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2022-3-36-44>.

Мэн, Ци. Изучение произведений Василия Шукшина в китайском литературоведении / Ци. Мэн // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, вып. 1. – С. 110–113. – <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-110-113>.

Романова, Е. Ю. Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина («У лукоморья дуб зелёный...») / Е. Ю. Романова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2005. – № 1 (3). – С. 96–108. – EDN ODSLJY.

Рыбальченко, Т. Л. Введение элементов сказочной поэтики в структуру повествования о современности как форма критики народного сознания в русской прозе 1960-х гг. / Т. Л. Рыбальченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 2 (6). – С. 78–100. – EDN LLWTGP.

Сакулин, П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский: мыслитель-писатель. Т. 1. Ч. 2 / П. Н. Сакулин. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1913. – 479 с.

Сигов, В. П. Художественная полемика с идеологическими штампами эпохи в творчестве В. М. Шукшина / В. П. Сигов // Литература в школе. – 2022. – № 4. – С. 11–26. – <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-4-11-26>. – EDN UCDEJO.

Синельникова, О. В. Интертекстуальность как трансляция прошлого в художественной культуре постмодерна / О. В. Синельникова, А. И. Глушкова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 46. – С. 139–146.

Стаخورский, С. В. Театральная культура Древней Руси / С. В. Стаخورский. – 2-е изд., доп. – М. : ГИТР, 2015. – 512 с.

Стопченко, Н. И. «Раздвинув границы познания человека»: Василий Шукшин в англоязычных культурах / Н. И. Стопченко // Язык. Словесность. Культура. – 2012. – № 2-3. – С. 37–56. – EDN OXGNHV.

Сяо, Цзыцы. Изучение рассказов В. М. Шукшина китайскими студентами / Ц. Сяо // Актуальные проблемы современности : материалы 11-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир», Благовещенск, 10 октября 2016 года. Том 10 / ответственный редактор Д. В. Буяров. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический ун-т, 2016. – С. 233–238. – EDN WYCIBV.

Цзин, Ж. О современном состоянии и истории исследований сибирской литературы в Китае / Ж. Цзин, И. В. Монисова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 1 (33). – С. 41–47. – <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.33.1.05>. – EDN ZEUOPP.

Чернова, Л. Н. Анализ поэтики прозы В. М. Шукшина на уроках литературы в средней школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. Н. Чернова. – М., 2010. – 20 с. – EDN QGVSNZ.

Шао, Сыцзя. «Трагедия безразличия» в творчестве В. М. Шукшина / С. Шао // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 5. – С. 78–84.

Эшельман, Р. Эпистемология застоя. О постмодернистской прозе В. М. Шукшина / Р. Эшельман // Russian literature. – 1994. – XXXV.

Юдин, К. А. Анатомия «фатальных реформ»: особенности партийно-государственного контроля и управления в СССР (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) / К. А. Юдин // Вестник Ивановского государственного уни-

верситета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 118–126. – <https://doi.org/10.46726/H.2021.4.13>. – EDN YVATQG.

Яо, Йе. Духовное исследование в рассказах Шукшина : докторская диссертация / Яо Йе. – Пекин : Пекинский университет иностранных языков, 2017. – CNKI: CDMD:2.1015.580973.

Christian, N. Manifestations of the Eccentric in the Works of Vasilii Shukshin / N. Christian. – Text : electronic // *The Slavonic and East European Review*. – 1997. – Vol. 75 (2). – P. 201–215. – URL: <http://www.jstor.org/stable/4212361> (mode of access: 11.04.2023).

Givens, J. Prodigal Son: Vasilii Shuksin in Soviet Russian Culture / J. Given. – Northwestern University Press, 2000. – <https://doi.org/10.2307/j.ctv47w3g4>.

Jolles, A. Einfache Formen / A. Jolles. – Tübingen : Niemeyer, 1968. – 274 p.

Morgan, L. The Subversive Sub-text: Allegorical elements in the Short Stories of V. Shukshin / L. Morgan // *Australian Slavonic and East European Studies*. – 1991. – Vol. 5 (1). – P. 59–76.

Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales / ed. by M. Balina, H. Goscilo, M. Lipovetsky. – Evanston, Illinois : Northwestern University Press, 2005. – 418 p.

Roitberg, N. V. The Myth of Russian Stupidity in RFL Lessons / N. V. Roitberg // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP) // *Scientific Journal WEST-EAST*. – 2020. – Vol. 3 (1). – P. 11–16. – <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2020-3-1-94-105>.

Sigov, V. The Third Cock Has Not Yet Crowed: The Russian Idea of Vasilii Shukshin / V. Sigov // *Russian Studies in Literature*. – 2001. – Vol. 37. – P. 44–59. – <https://doi.org/10.2753/RSL1061-1975370344>.

Tormey, J. E. La diablerie: Regional variation in French mystery plays (1400–1570) / J. E. Tormey. – The Pennsylvania State University, 2000. – EDN EXQWGV.

References

Abasheva, M. P. (1987). *Problema komicheskogo v sovetskoj proze 60–70-kh godov (V. Shukshin, V. Belov)* [The Problem of Comicalness in Soviet Prose of the 60–70s (V. Shukshin, V. Belov)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. EDN NOERCV.

Arnold, I. V. (1999). Ob"ektivnost', sub"ektivnost' i predvzyatost' v interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Objectivity, Subjectivity and Bias in the Interpretation of a Literary Text]. In *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': sb. statei*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 341–350.

Avchenko, V. O. (2022). [Interv'yu E. Savchekovoi] Literaturnoe issledovanie obraza sovremennogo pisatelya [An Interview with Y. Savchenkova. A Literary Study of the Image of a Modern Writer]. Part 2. In *Pechorin.net: sait*. URL: <https://pechorin.net/articles/view/litieraturnoie-issliedovaniie-obraza-sovriemiennogho-pisatielia-chast-2> (mode of access: 30.04.2023).

Balina, M., Goscilo, H., Lipovetsky, M. (Eds.). (2005). *Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales*. Evanston, Illinois, Northwestern University Press. 418 p.

Bogatyreva, N. Yu. (2006). *Okna «Nashego doma». Istoriya estradnoi studii MGU «Nash dom» (1958–1969 gg.)* [Windows of “Our House”. The History of the Moscow State University Student Variety Theater “Our House” (1958–1969)]. Moscow, MPGU. 125 p.

Chernova, L. N. (2010). *Analiz poetiki prozy V. M. Shukshina na urokakh literatury v srednei shkole* [Analysis of the Poetics of V. M. Shukshin's Prose at Literature Lessons in Secondary School]. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow. 20 p. EDN QGVVSN.

Christian, N. (1997). Manifestations of the Eccentric in the Works of Vasilii Shukshin. In *The Slavonic and East European Review*. Vol. 75 (2), pp. 201–215. URL: <http://www.jstor.org/stable/4212361> (mode of access: 11.04.2023).

Desyatov, V. V. (2000). Shukshin i mudretsy (dukhovnye prototipy personazha skazki «Do tret'ikh petukhov») [Shukshin and Wise Men (Spiritual Prototypes of the Character of the Fairy Tale *The Third Cock Has Not Yet Crowed*)]. In «...Gor'kii, muchitel'nyi talant»: materialy V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 160–174.

Dushenko, K. V. (2019). Dokazyvai, chto ty ne verblyud [Prove that You are not a Camel]. In *Tsitata v prostranstve kul'tury. Iz istorii tsitat i krylatykh slov: sb. statei*. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, pp. 149–155. EDN DQVDUP.

Eshelman, R. (1994). Epistemologiya zastoya. O postmodernistskoi proze V. M. Shukshina [The Epistemology of Stagnation. On V. M. Shukshin's Postmodern Prose]. In *Russian literature*. XXXV.

Gao, Zhenzhi. (2004). Analiz literaturnykh dostizhenii sibirskogo pisatelya Shukshina [An Analysis of the Literary Achievements of the Siberian Writer Shukshin]. In *Sibirskie issledovaniya*. No. 31 (5), p. 3.

Givens, J. (2000). *Prodigal Son: Vasilii Shuksin in Soviet Russian Culture*. Northwestern University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv47w3g4>.

Glushakov, P. S. (2011). Yazycheskoe i khristianskoe v stikhotvorenii V. M. Shukshina «Eto bylo davno...» [Pagan and Christian Elements in V.M. Shukshin's Poem “It was a Long Time Ago...”]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 348, pp. 15–18.

Glushakov, P. S. (2018). Vasilii Shukshin: ot Kafki do Tarkovskogo [Vasily Shukshin: From Kafka to Tarkovsky]. In *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. Vol. 13. Moscow, Sobranie, pp. 432–458.

Gorbushin, S. A., Obukhov, E. Ya. (2018). «Do tret'ikh petukhov» kak ispoved'-zaveshchanie Vasiliya Shukshina [The Third Cock Has Not Yet Crowed as Vasily Shukshin's Confession and Testament]. In *Novyi mir*. No. 5, pp. 168–180.

- Ilyin, I. P. (1996). *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, Intrada. 256 p.
- Jing Ruge, Monisova, I. V. (2019). O sovremennom sostoyanii i istorii issledovaniia sibirskoi literatury v Kitae [Current State and History of Siberian Literature Studies in China]. In *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. No. 1 (33), pp. 41–47. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2019.33.1.05>. EDN ZEUOPP.
- Jolles, A. (1968). *Einfache Formen*. Tübingen, Niemeyer. 274 p.
- Kolchanov, V. V. (2017). Ot d'yablerii k «operetke»: muzykal'nyi buff i priemy neirolingvisticheskogo programmirovaniya v romane-misterii M. A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [From Diableria to “Operetta”: Musical Buffs and Techniques of NLP in the Mystery Novel by M. A. Bulgakov *The White Guard*]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kul'turologiya*. Vol. 3. No. 1 (9), pp. 41–54. EDN XYFUGL.
- Korenkov, A. V. (1998). Nezavershennyy zamysel V. F. Odoevskogo «Segel'el'» (po rukopisyam iz fonda № 539 RNB). Publ., tekst. issledovanie i komm. [The Unfinished Idea of the Novel “Segel'el'” by V. F. Odoevsky (Based on Manuscripts from the Collection No. 539 of the Russian National Library). Publ. of Texts, Textology and Commentary]. In *Vestnik RUDN. Seriya «Literaturovedenie i zhurnalistika»*. No. 3, pp. 85–120.
- Korneev, P. G. (2010). Kafka i Shukshin. Mifotvorchestvo otchuzhdennoy soznaniya kak sposob konstruirovaniya deistvitel'nosti: postanovka problemy [Kafka and Shukshin. Mythopoeia of Alienated Consciousness as a Way of Constructing Reality: A Problem Statement]. In *Literaturnyy al'manakh «Likbez»*. Issue 72. URL: www.likbez.ru/archive/zine_number3695/zine_critics3699/publication3741 (mode of access: 18.10.2024).
- Kulyapin, A. I. (2001). *Problemy tvorcheskoi evolyutsii V. M. Shukshina* [Problems of Creative Evolution V. M. Shukshin]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tambov, Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina. 33 p.
- Kulyapin, A. I. (2004). Obraz biblioteki v tvorchestve V. M. Shukshina [Libraries Imagery in V. M. Shukshin's Works]. In *Biblioteka i dukhovnost': priority deyatel'nosti*. Barnaul, pp. 16–17.
- Kulyapin, A. I. (2020a). Drugoi Shukshin: zametki o sovremennom shukshinovedenii [Another Shukshin: Notes on Modern Shukshin Studies]. In *Sibirskii filologicheskii forum*. No. 2 (10), pp. 39–52. <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-41>. EDN JSICGF.
- Kulyapin, A. I. (2020b). Chem khuzhe dlya Kafki, tem luchshe dlya Shukshin [The Worse for Kafka, the Better for Shukshin]. In *Altai: literaturno-khudozhestvennyi publitsicheskii kul'turno-prosvetitel'skii zhurnal*. No. 1, pp. 163–169.
- Levashova, O. G. (2003). *Shukshinskii geroi i traditsii russkoi literatury XIX v.: F. M. Dostoevskii i L. N. Tolstoy* [Shukshin's Hero and Traditions of Russian Literature of the 19th Century: F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tambov, Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G. R. Derzhavina. 38 p.
- Levashova, O. G. (2004). Strannyi geroi V. M. Shukshina [V. M. Shukshin's Strange Hero]. In *Biblioteka i dukhovnost': priority deyatel'nosti*. Barnaul, pp. 11–15.
- Li Zhengrong, Wang Lidan. (2019). Tvorchestvo Shukshina v Kitae [Shukshin's Works in China]. In *Nash sovremennik*. No 7, pp. 275–278.
- Markova, T. N. (2011). Shukshin v vospriyatii Vyach. P'etsukha [Perception of V. M. Shukshin's Works by Vyacheslav Pyetsukh]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 7 (109), pp. 155–158.
- Mashchenko, A. P. (2012). Dekanonizatsiya obraza A. S. Pushkina v literature pervoi volny russkogo postmodernizma [Decanonization of A. S. Pushkin's Imagery in the Literature of the First Wave of Russian Postmodernism]. In *Voprosy russkoi literatury*. No 23 (80), pp. 100–110. EDN WKOEFF.
- Meng, Qi. (2022). Izuchenie proizvedenii Vasiliya Shukshina v kitaiskom literaturovedenii [Studying the Works of Vasily Shukshin in Chinese Literary Criticism]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. Vol. 22. Issue 1, pp. 110–113. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-1-110-113>.
- Morgan, L. (1991). The Subversive Sub-text: Allegorical elements in the Short Stories of V. Shukshin. In *Australian Slavonic and East European Studies*. Vol. 5 (1), pp. 59–76.
- Moskovkina, E. A. (2022). Narodnoye iskusstvo v poetike V. M. Shukshina [Folk Art in the Poetics of V. M. Shukshin]. In *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*. No. 3, pp. 36–44. <https://doi.org/10.32340/2414-9101-2022-3-36-44>.
- Roitberg, N. V. (2020). The Myth of Russian Stupidity in RFL Lessons. International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). In *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol. 3 (1), pp. 11–16. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2020-3-1-94-105>.
- Romanova, E. Yu. (2005). Kommentarii k peredelkam «Prologa» A. S. Pushkina («U lukomor'ya dub zelenyi...») [Commentary on the Alterations of the “Prologue” by A. S. Pushkin (“On Seashore Far a Green Oak Towers...”)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 1 (3), pp. 96–108. EDN ODSLY.
- Rybalchenko, T. L. (2009). Vvedenie elementov skazochnoi poetiki v strukturu povestvovaniya o sovremennosti kak forma kritiki narodnogo soznaniya v russkoi proze 1960-kh gg. [Incorporation of Elements of Fairy-tale Poetics into the Structure of Narratives about Modernity as a Form of Criticism of Popular Consciousness in Russian Prose of the 1960s.]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 2 (6), pp. 78–100. EDN LLWTGP.
- Sakulin, P. N. (1913). *Iz istorii russkogo idealizma: Knyaz' V. F. Odoevskii: myslitel'-pisatel'* [From the History of Russian Idealism: Prince V. F. Odoevsky: Thinker. Writer]. Vol. 1. Part 2. Moscow, M. i S. Sabashnikovy. 479 p.
- Shao, Sijia. (2022). «Tragediya bezrazlichiya» v tvorchestve V. M. Shukshina [“The Tragedy of Indifference” in Vasily Shukshin's works]. In *Modern Humanities Success / Uspekhi gumanitarnykh nauk*. No. 5, pp. 78–84.
- Sigov, V. (2001). The Third Cock Has Not Yet Crowed: The Russian Idea of Vasilii Shukshin. In *Russian Studies in Literature*. Vol. 37, pp. 44–59. <https://doi.org/10.2753/RSL1061-1975370344>.

Sigov, V. P. (2022). Khudozhestvennaya polemika s ideologicheskimi shtampami epokhi v tvorchestve V. M. Shukshina [An Artistic Polemics with Ideological Cliches of the Era in V.M. Shukshin's Work]. In *Literatura v shkole*. No. 4, pp. 11–26. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-4-11-26>. EDN UCDJEO.

Sinelnikova, O. V., Glushkova, A. I. (2019). Intertekstual'nost' kak translyatsiya proshlogo v khudozhestvennoi kul'ture postmoderna [Intertextuality as a Translation of the Past in Postmodern Art Culture]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 46, pp. 139–146.

Stakhorsky, S. V. (2015). *Teatral'naya kul'tura Drevnei Rusi* [The Theatrical Culture of Ancient Russia]. 2nd edition. Moscow, GITR. 512 p.

Stopchenko, N. I. (2012). «Razdviniuv granitsy poznaniya cheloveka»: Vasilii Shukshin v angloyazychnykh kul'turakh [“He has Expanded Human Frontiers of Knowledge”: V. Shukshin in English-language Cultures]. In *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. No. 2-3, pp. 37–56. EDN OXGNHV.

Tormey, J. E. (2000). *La Diablerie: Regional Variation in French Mystery Plays (1400–1570)*. The Pennsylvania State University. EDN EXQWGV

Vertlieb, E. A. (1992). Vasilii Shukshin i russkoe dukhovnoe vozrozhdenie [Vasily Shukshin and the Russian Spiritual Revival]. In *Russkoe – ot Zagoskina do Shukshina: (Opyt nepredvzyatogo razmyshleniya)*. Saint Petersburg, Biblioteka «Zvezdy», pp. 183–405.

Xiao, Ziqi. (2016). Izuchenie rasskazov V. M. Shukshina kitaiskimi studentami [Learning of V. M. Shukshin's Stories by Chinese Students]. In Buyarov, D. V. (Ed.). *Aktual'nye problemy sovremennosti: materialy 11-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Al'ternativnyi mir», Blagoveshchensk, 10 oktyabrya 2016 goda*. Vol. 10. Blagoveshchensk, Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 233–238. EDN WYCICB.

Yao, Ye. (2017). *Dukhovnoe issledovanie v rasskazakh Shukshina* [Spiritual Exploration in Shukshin's Short Stories]. Doktorskaya dissertatsiya. Beijing, Pekinskii universitet inostrannykh yazykov. CNKI: CDMD:2.1015.580973.

Yudin, K. A. (2021). Anatomiya «fatal'nykh reform»: osobennosti partiino-gosudarstvennogo kontrolya i upravleniya v SSSR (seredina 1950-kh – nachalo 1960-kh gg.) [Anatomy of “Fatal Reforms”: Features of Party-State Control and Management in the USSR (Mid 1950's – Early 1960's)]. In *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 118–126. <https://doi.org/10.46726/H.2021.4.13>. EDN YVATQG.

Zhuk, M. I. (2018). Lektsiya 7. Frants Kafka i Rossiya [Lecture 7. Franz Kafka and Russia]. In *Put' k zamku, ili kurs lektsii o Kafke*. Vladivostok, Saint Petersburg, Izdatel'skie resheniya, pp. 107–116.

Данные об авторах

Коренькова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Макляя, 10, корп. 2.

E-mail: tvkorenkova@mail.ru.

Шао Сыцзя – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Макляя, 10, корп. 2.

E-mail: 1042205287@rudn.university.

Authors' information

Korenkova Tatiana Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Foreign Literature, the Faculty of Philology, RUDN University (Moscow, Russia).

Shao Sijia – Postgraduate Student of Department of Russian and Foreign Literature, the Faculty of Philology, RUDN University (Moscow, Russia).

Дата поступления: 20.09.2023; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 20.09.2023; date of publication: 30.10.2024

УДК 821.161.1-31(Иванов А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-121-129. ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ГЕРОИ ПРОТИВ ИСТОРИИ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ТЕНИ ТЕВТОНОВ»

Когут К. С.

Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета
им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5402-249X>

SPIN-код: 5661-5490

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается фрактальная поэтика романа Алексея Иванова «Тени тевтонов». Обосновывается стремление автора к фрактальному переосмыслению истории, берущее свое начало в предшествующих произведениях писателя («Общага-на-Крови», «Географ глобус пропил», «Пищеблок» и др.). Показано, что принцип подобий и взаимоналожений исторических эпох, интересующий автора, в «Тенях тевтонов» не только становится сюжетообразующим, обуславливая двойное сюжетных линий и ситуаций, но и воплощается в качестве объекта изображения. Замысел «Теней тевтонов» вступает в спор с моделью истории, согласно которой миром движет закон вечной повторяемости. Алексей Иванов не только опровергает такое понимание действительности, но и показывает его конспирологическую природу. Повторяемость в романе осмысливается как дьявольская сила, но образ Сатаны выступает лишь метафорой неизбежной инволюции человеческого сознания, повершившего в готовые истины. Поиски героями Иванова меча Сатаны, их вера в проклятие рода Клиховских, страсть к историческим аналогиям и «пронзенность» прошлым приводят к губительным неудачам, рушат судьбы и, главное, лишают способности самостоятельно мыслить. Истоки бездумности современного человека связывают «Тени тевтонов» с вампирической темой «Пищеблока». В статье доказывается тяготение писателя к образной «кодировке» собственной позиции, что проявлено оппозицией подземелья Мариенбурга и реки Мотлавы. Река, по Иванову, намечает иной путь мышления и миропонимания, желание освободиться от фрактальности сознания. Размышления над образом реки, в свою очередь, намечают подходы к объяснению кинематографического языка новых романов писателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Алексей Иванов; роман «Тени тевтонов»; фрактальная поэтика; история; образ реки

Б л а г о д а р н о с т и : работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00905 «Эстетические смыслы и фрактальная поэтика новейшей русской прозы: А. П. Платонов, Л. М. Леонов, А. В. Иванов».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Когут, К. С. Герои против Истории в романе А. Иванова «Тени тевтонов» / К. С. Когут. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 121–129. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-121-129.

CHARACTERS VS. HISTORY IN A. IVANOV'S NOVEL "SHADOWS OF THE TEUTONS"

Konstantin S. Kogut

Advanced Educational Scientific Center,

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5402-249X>

A b s t r a c t . The article deals with the fractal poetics of A. Ivanov's novel "Shadows of Teutons". It explains the author's intention to carry out fractal reinterpretation of history, originating in the writer's previous works ("Dormitory on Blood", "The Geographer Drank his Globe Away", "Kitchenblock", etc.). The study shows that the principle of similarities and overlaps of historical epochs, which interests the author, in "Shadows of Teutons" is not only the plot-forming feature, causing the duality of plot lines and situations, but is also implemented as an object of depiction. The idea of "Shadows of the Teutons" enters into a dispute with the model of history, according to which the world is driven by the law of eternal recurrence. Ivanov not only refutes this understanding of reality, but also shows its conspiralogic nature. In the novel, recurrence is conceptualized as a diabolical force, but the image of Satan is only a metaphor for the inevitable involution of human consciousness, indulging in ready-made truths. The search of Ivanov's characters for Satan's sword, their belief in the curse of the Klichowski family, their passion for historical analogies and "obsession" with the past lead to disastrous failures, ruin destinies and, most importantly, deprive them of the ability to think independently. The origins of the thoughtlessness of modern man connect "Shadows of the Teutons" with the vampiric theme of "Kitchenblock". The article proves the writer's propensity for figurative "coding" of his own position, which is manifested by the opposition of the Marienburg dungeon and the Motlava River. The river, according to Ivanov, marks a different way of thinking and world-understanding and the desire to free oneself from the fractality of consciousness. The reflections on the image of the river, in turn, outline approaches to explaining the movie language of the writer's new novels.

К e y w o r d s : Aleksey Ivanov; novel "Shadows of Teutons"; fractal poetics; history; image of the river

A c k n o w l e d g m e n t s : The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00905 "Aesthetics and fractal poetics of the new Russian fiction: A. P. Platonov, L. M. Leonov, A. V. Ivanov".

F o r c i t a t i o n : Kogut, K. S. (2024). Characters vs. History in A. Ivanov's Novel "Shadows of the Teutons". In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 121–129. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-121-129.

Романное творчество Алексея Иванова обнаруживает очевидную для внимательного читателя особенность: сюжет большинства произведений

автора не столько реконструирует определенную историческую эпоху, сколько стремится к ее фрактальному переосмыслению. Его суть заключается в

стремлении автора к построению исторических подобий и аналогий, где каждая из эпох не только воссоздает модель действительности, но и убеждает в ее повторяемости¹. Остановимся лишь на некоторых примерах.

Пожалуй, первые подступы к подобному принципу автор сделал в «Общяге-на-Крови», где с достаточной очевидностью воссоздал в образе одной студенческой общаги подобие государства и мироздания, рассмотрел в противостоянии и страстях русских студентов обреченное человечество. Такая метафора не несла художественных открытий, но придавала роману определенный исторический масштаб.

В усложненном виде такая модель была воплощена в романе «Географ глобус пропил», где дыхание истории зазвучало в походной части. События многовековой давности воплощались через образы уральской земли, ее бескрайних пространств. Так, образы реки и речного слава вырастали из сюжетно-композиционной основы романа до идейно-философской эмблемы взаимоотношения времен и судеб. Неустроенность и драматизм жизненного пути Виктора Служкина художественно воплощались через повторяющиеся подобию образов школы и дома. А неприкаянность и одиночество главного героя, в свою очередь, становились знаком исторического безвременья.

В романе «Псоглавцы» деревня Калитино располагается на древней земле раскольничьего скита, а в «Комьюнити» пространство современной Москвы соотносится с землями, охваченными чумной эпидемией XV века.

В основу упомянутых нами романов был положен схожий принцип миромоделирования: конкретный эпизод истории стремился воплотить в себе общую для всех ее этапов логику. В результате перед читателями вырастали различные модели конца и исчерпанности истории.

В «Пищевлоке» Алексей Иванов обращается сразу к нескольким историческим эпохам, в каждой из которых он наблюдает за соотношением индивидуального сознания и идеологии, что и становится поводом для обращения к «вампирической» теме. Бездумность во взглядах на мир, покорность сознания обывателя придуманным за него смыслам, по Иванову, – основная опасность 1980-х годов – оказалась в равной мере присущей как эпохе Гражданской войны, так и царской России.

Вышедший спустя несколько лет роман «Тени тевтонов» продолжает размышления писателя над исторической преемственностью. На этот раз автор обращается к 1457 и 1945 годам, объединяя их проклятием рода Клиховских, обреченного на поиски Лигуэта – меча Сатаны. Зададимся вопросом: перед нами постмодернистская «игра» в большие эпохи и стили, кинематографический прием, под-

готовляющий будущую экранизацию, или самостоятельное высказывание автора об истории, продолжающее ключевую для «Пищевлока» мысль? Попробуем ответить на возникшие вопросы. Для решения поставленной задачи мы будем обращаться к контекстуальным связям (М. М. Бахтин, В. Е. Хализев) романа с творчеством Алексея Иванова и с современной ему социально-исторической ситуацией 2010–2020-х годов.

Подобным вопросом задавались современные критики. Так, Г. Л. Юзефович в своей рецензии на роман отметила его коммерческую природу, расчет на массового читателя, отдав должное переплетению гоголевской («Портрет», «Вечера на хуторе близ Диканьки») и булгаковской традиций в изображении нечисти и Сатаны. Относительно образа истории автор рецензии ограничивается общими замечаниями: «Две эпохи, две исторических катастрофы – закат Тевтонского ордена и крушение нацизма – оказываются диковинным образом зарифмованы» [Юзефович 2021]. Отметим, что в определенной мере сказанное повторяло замечание А. Иванова в одном из интервью: «В романе мне важна идея отзеркаливания времен. Есть оно или нет его?» [Иванов 2021].

Схожие размышления звучат в статье Е. В. Сафроновой: «Суть “Теней тевтонов” – в том, что события XV века повторились буквально в XX с тем же успехом, то есть без оного». Автор также отмечает некоторую вторичность романа: «Не потому ли “Тени тевтонов” не впечатляют, что кенигсбергские легенды для Иванова – не более чем легенды...» [Сафронова 2021].

«Метафизическая мысль в основе ивановского беллетристического построения... – во-первых, настолько скудная и во-вторых, так мало продуманная, что за автора, право, обидно...» – пишет О. А. Балла, назвав свою статью о романе «Свои претензии адресуйте дьяволу» [Балла 2021: 265].

В игре эпохами в романе Иванова обращает на себя внимание желание каждого из персонажей повторить прошлое, жажда «исторической справедливости» [Иванов 2023: 203]. Гауляйтер Эрих Кох убежден, что «рейх должен возродить господство Тевтонского ордена – страну немецкого государства на северо-восток» [Там же]. Гитлер же «ощущал себя демиургом... Он повелевал великими стихиями, ходом времен, дрейфом континентов» [Там же: 202]. Желая выслужиться перед фюрером, Кох пытается переиграть средневековье в своей современности, для чего и разыскивает меч Сатаны Лигуэт. Древняя реликвия позволит ему не только встать в один ряд с магистром Тевтонского ордена, но и получить столь желанные земли. Кох, таким образом, вписывает себя в продолжатели великой исторической цепи: тевтонцы XV века, пришедшие на смену тамплиерам, «воскрешаются» нацистами XX века, желающими «врасти в глубину истории» [Там же: 245]. Врасти, переиграв былое поражение. Но в 1945 году самоубийство фюрера убедит верного гауляйтера, что переигрывание обернулось очередным повторением. «Магистр» Кох, подобно Людвигу фон Эрлихсхаузену,

¹ Термин «фрактал» обоснован в работах американского ученого Бенуа Мандельброта. См., например, его книги: [Мандельброт 2002, 2009]. Эстетической природе семантических фракталов посвящена статья [Трубецков, Трубецкова 2016], в которой термин применяется к произведениям живописи и литературы.

31-му магистру немецкого ордена Девы Марии, терпит поражение.

В том же году поляк, историк и бывший узник концлагеря Винцент Клиховский жаждет, чтобы Германия повторила участь его родной Варшавы. Разыскивая меч, Винцент убежден, что «блуждает среди множества повторений, точно в лабиринте из зеркал» [Там же: 246], поскольку точно такую же цель преследовал его далекий предок – шляхтич Каетан Клиховский, желавший отомстить тевтонцам. Зная, что «мерцающие времена отражали друг друга неявно и расплывчато» [Там же: 247], Винцент жаждет отыскать такой поворот своей судьбы, который остановит родовое проклятие повторяемости. Но – и Винцент терпит поражение, оказываясь в числе интернированных поляков.

В чем причина этих неудач? Происки Дьявола? Но у Иванова действует не Бафомет, а люди различных эпох. К тому же хозяин Лигуэта признается, что его орудием является исключительно язык. Дьявол у Иванова изображен не действующим, а только говорящим, причем слова его не несут никакой магической силы. Да и облик Бафомета не отличается от человеческого: не случайно Винцент не распознал его в докторе Козловском. Подобная беспомощность Дьявола вызывала недоумение у многих читателей: «Крайне бледная и бессильная тут фигура, – неспособный практически ни на что, даже на то, чтобы самостоятельно забрать нужный ему предмет, оказывается не более чем поводом для выстраивания “закрученного сюжета”» [Балла 2021: 266], – пишет О. Балла. На сюжетном уровне такое изображение дьявола подрывает классическую фабульную «схему» договора человека с дьяволом, берущую свое начало в древнерусской литературе [Журавель 1996: 87–110].

Ключом к пониманию подлинных причин неудач героев является реплика Бафомета, адресованная Винценту: «Твое проклятие – твоя глупость, а не мой умысел! Дело не в чудесах!» [Иванов 2023: 381]. Герои Иванова приходят к Дьяволу не через грех и соблазн, а в тот самый момент, когда поселяют в своем сердце веру в возможность осуществить свою великую историческую миссию. Но эта миссия – плод их собственного понимания замысла истории. Винцент убежден, что «разгадал секрет истории, и не ошибся, как его предок» [Там же: 362]. Стремясь подчинить своим личным амбициям силы, явно превосходящие возможности человеческого ума, герой у Иванова обречен на катастрофический провал.

Поиск исторических аналогий для героев «Теней тевтонов» является, по-видимому, единственным способом постичь логику бытия (обусловленным фрактальной природой сознания самого человека). Уже Л. Толстым была сформулирована и обоснована непостижимость законов истории. Ее причина – в неспособности части понять замысел целого². А. Иванов видит другую причи-

ну – конспирологическое мировоззрение, которое, осмысляя мир как битву незримых сил, отводит человеку роль марионетки, безвольной куклы в руках неведомого ей исторического кукловода, – куклу, ввергнутую в бесконечную цикличность и потому совершенно бессильную противостоять ей. Тупииковость подобного способа постижения бытия и воплощается в романе Иванова повторением одних и тех же неудач.

Образ цикличной истории впервые был изображен в «Пищевом блоке». Размышления автора о том, как претендующая на единственность государственная идеология обнажает свою тоталитарную природу, привели к теме вампиризма. Вампир в романе отождествлялся с бездумным человеком-марионеткой, что и позволяло художественно воплотить особый взгляд автора на логику социально-политических процессов: соединяя различные, порой противоположные друг другу эпохи, обреченные каждый раз порождать все новых вампиров внутри государственной системы-пищевых блоков, Иванов не находил для своих героев выхода из подобной повторяемости.

В «Тенях тевтонов» автором найден спасительный путь: история действительно повторяется, но только тогда, когда человек *хочет* ее повторить. Тогда и появляется Дьявол³.

Иванов размышляет об истоках желания человека повторить что-либо в истории, что и обусловило настойчивое двойное сюжетных линий романа. Так, армариус Рето, выросший среди тевтонцев, не только переписывает житие святой мученицы Варвары, но и влюбляется в нее. Его чистое сердце вдохновлено ее трагической жизнью: Варвара приняла веру в Христа, за что царедворец Диоскур сначала истязал ее кнутом, а затем отсек голову. За что его и настигла божественная кара – удар молнии. Судьба сводит Рето с Сигельдой, которая на деле оказывается лишь дурным «переигрыванием» жития: она не уверовала в Христа, а была воскрешена из мертвых волей Бафомета. «Твоя возлюбленная – ведьма», – убеждает граф-магистр Людвиг. «Она мученица!» – спорит с ним Рето. И именно ему, влюбленному юноше, суждено уничтожить суккуба – и вновь отсечением

тем только атом недоступного человеку по огромности целого, – так и каждая личность носит в самой себе свои цели и между тем носит их для того, чтобы служить недоступным человеку целям общим» [Толстой 1940: 246]. Далее автор обращается к метафоре пчелы, роль которой в мироздании будет по-разному объяснена и понята ребенком, поэтом или учеными-ботаниками. И каждый раз знание будет неполным: «Чем выше поднимается ум человеческий в открытиях этих целей, тем очевиднее для него недоступность конечной цели» [Там же].

³ Французский историк Робер Мюшембле, рассматривая в своей книге образ Сатаны в различные эпохи, обращал особое внимание на очерк Даниэля Дефо «История дьявола». Соглашаясь с идеей существования Князя Тьмы, Дефо уточняет, что Лукавый воздействует на самые глубины человеческого духа. «Дефо прокладывает путь к определению дьявола как движущей силы истории» [Мюшембле 2005: 316–317], – замечает Мюшембле, добавляя, что следует гораздо больше бояться коварства великих людей, нежели какого-то там ада, нарисованного в весьма забавном свете его почитателями.

² В эпилоге «Войны и мира», подводя итог своим историософским размышлениям, Л. Н. Толстой пишет: «Как солнце и каждый атом эфира есть шар, законченный в самом себе и вместе с

головы Лигуэтом. Заточенный в темницу, Рето сбегает только благодаря припомнившейся ему истории побега своего предшественника.

История повторяется? Перед нами только иллюзия повторяемости: судьба Рето убеждает, что каждый повтор содержит знаки присутствия Дьявола, чем и объясняется постоянство его желания, повторяющееся из века в век требование – вернуть ему меч. На образном уровне идея обманчивых повторений воплощается подземными лабиринтами Мальбурга, блуждание в которых не приводит ни к чему, кроме ржавого Лигуэта: «Яснее всего эта сила проявлялась под землей, потому что под землей не существует времени. Здесь вечность» [Иванов 2023: 361].

Не случайно именно дьявольский меч превращает пронзенных им людей в анастифонов – безвольных существ, исполняющих любые приказы владельца: «Удар этого меча ввергает человека в странное состояние не-жизни и не-смерти. И в таком состоянии человек существует еще очень долгое время, пока окончательно не обветшает» [Там же: 220]. А Клиховский XX века, находясь в нацистском лагере, заметит, что и сам вслед за другими обреченными узниками утрачивает все человеческое, превращаясь в подобие анастифонта. Этот образ повторяет замысел «Пищевлока», где покорные вампиры, отказавшиеся от самостоятельного мышления, всецело покорялись воле своего хозяина-стратилата. Но если в «Пищевлоке» речь шла о социально-политическом подчинении воли мыслящего человека возобладавшей идеологии, то в «Тенях тевтонов» человек оказывается пронзенным вековой историей, которая подчиняет его тело, весь строй его мыслей, подобно дьявольскому мечу.

«Пронзенный» Историей человек верит в ее цикличность. Так, живя в древнем замке Мариенбурга, Винцент внезапно ощутил, что 500 лет назад в фирмарию жил его предок Каетан; ощутил, что «за окном по-прежнему пятнадцатый век» [Там же: 215]. Винцент поверил, что все события его жизни – от плена до спасения, от захвата Пиллау русскими солдатами до встречи с суккубом – «все это уже однажды произошло! Когда-то он уже терял проводника к Лигуэту!.. Ощущение можно было принять за дежавю, но Клиховский совершенно точно знал: пробужденное воспоминание – не из его жизни. Оно из жизни предка» [Там же: 172]. Клиховский полагает, что историческое прошлое поможет ему не только разобраться в логике своей жизни, но и предсказать собственное будущее, указать верную последовательность поступков. Такое же чувство пронзает и Каетана: из окна замка ему открывается видение – будущее замка, над которым «летели железные птицы. Они роняли железные яйца, и те взрывались, выдирая куски земли размером с дом» [Там же: 316].

Но «стихия истории свое движение не объясняет» [Там же: 378], поэтому каждый герой обречен на поражение в этом неравном бою. Суть обреченности состоит в неспособности героя самостоятельно искать объяснение своей современности,

отказе от воли перед Историей, наконец, – в торжестве выдумки над правдой. Выдуманная картина мира комфортна для человека любой эпохи: она не ставит тревожных вопросов, а если и случается великое несчастье, то оно ничему не научит, а будет объяснено вечной повторяемостью событий, родовым проклятием, дьявольскими силами, в то время как дьявольским останется только сознание человека-«марионетки». И именно поэтому анистофоны у Иванова «обветшавшие»: бесконечные повторения в конечном счете истончают человека, материю, приводят мир к энтропии.

Так, Винцент убежден, что смог прорваться в подземелья замка, в недрах которых и находится Лигуэт. И особенно важно для его плана то обстоятельство, что сделал он это вопреки действиям агента СМЕРШа Жени Луданной. Он помнит, что его предок, достигший когда-то Лигуэта, потерял меч, поскольку был остановлен главой таборитов Червонкой. Винценту кажется, что он как раз и предусмотрел подобный поворот судьбы, а потому разгадал секрет истории. Отказав людям в способности совершать поступки, т. е. лишив их самостоятельной воли, Клиховский вообразил мир как огромную шахматную доску, вечную шахматную партию, в которой люди – только безвольные фигуры. Знание дебютов и правил игры способно, по его мнению, уберечь от поражения. По иронии судьбы поражение наступает как раз из-за слишком хорошего знания правил жизненной «партии»: Клиховский не заметил любви русского солдата Володи к немецкой девочке Хельге. Сведя волю каждого человека к «правилам» истории, он не увидел, что реально мир и история движутся чувствами людей, порой совершенно непредсказуемыми. Он не мог и подумать, что, узнав об этих чувствах, Людерс придет в ярость и, желая отомстить за преданную Хельгой Германию, обрушит подземные рыцарские тоннели, навеки похоронив себя и меч под обломками стен и склепов. В противном случае Винцент остановил бы Володю, но он истолковывает действия солдата иначе: «Русские готовились к штурму катакомб! <...> Клиховский задыхался от яростного негодования. Он ощущал себя собакой, которую равнодушные хозяева перед обедом бестрепетно вышвырнули из жилья на улицу. <...> Дама из дефензивы рвалась за гауляйтером, лоцман и сержант – за девушкой, а про Лигуэт все забыли» [Там же: 346]; «Вслед за русскими он проберется к бункеру Коха» [Там же: 350]. Понимание Винцентом движущих людьми мотивов фрагментарно, отражает только внешнюю сторону событий, но не их суть: «дама» Женя на самом деле хочет построить свою карьеру агента СМЕРШа, а Володя больше жизни полюбил девушку Хельгу. Клиховский же уверен, что всем управляет «более мощная сила, нежели жалкий человеческий замысел» [Там же: 361].

«Ты забыл, что такое любовь, Вицек» [Там же: 380], – разъясняет произошедшее Бафомет. Он же объясняет: «Учись видеть суть. Люди и демоны – только сюжеты!» [Там же: 381]. Увидев историю как цепочку сюжетов, Клиховский превратил ее в не-

которое подобие симулякра. Если симулякр – копия, лишенная оригинала, то перед нами оригинал, истлевающий при многократном копировании и бесконечном насильственном воспроизведении. Следуя логике «от обратного», Алексей Иванов в своем романе не только показывает последствия конспирологически-дьявольского отношения к истории, но и утверждает свободную волю человека как ее единственного творца.

Отметим, что проблеме конспирологического сознания посвящено немало исследований. Еще в 1960-е годы историк Ричард Хофштадтер опубликовал работу под названием «Параноидный стиль в американской политике», в которой определил, что «отличительная черта параноидного стиля заключается не в том, что его приверженцы видят заговоры повсюду в истории, а в том, что они рассуждают об «огромном» или «глобальном» заговоре как движущей силе исторических событий. Сама история является заговором, составленным демоническими силами почти трансцендентной мощи...» [Hofstadter 1965: 29–30] Хофштадтер понимает «параноидный стиль», или конспиративизм, как мифологию XXI века.

В 2000-е годы Джордж Энтин добавляет следующее наблюдение: «Охотники на ведьм и искатели заговоров отказываются принимать вещи такими, какие они есть. Будь то наводнение, пожар или голод, или даже смерть чьей-то коровы, – они смотрят глубже и ищут скрытые причины. Это только кажется изощренностью ума, на самом же деле – это признак поверхностного мышления, склонность находить виновников вместо того чтобы изучать сложную совокупность явления, свидетелем которого является такой человек» [Энтин 2000: 71]. Исследователь рассматривает конспиративизм не только как способ мышления, а как состояние сознания, стиль мышления человека вообще.

Исходя из написанного, нетрудно увидеть некоторое родство конспирологии и религиозного сознания. Но если в религиозном сознании ответственность за циклический характер истории, которая все больше удаляется от сакрального центра, лежит не только на личности, но и на силах внечеловеческих (да и судьба человека вписана в координаты всемирной драмы – от грехопадения до конца времен), то конспирология переносит такую ответственность исключительно на человека (тайные организации, жажда разгадать шифр судьбы), утверждая его власть над логикой истории.

А. Г. Дугин, анализируя модели «безумцев от истории», обращается к трудам Рене Генона, утверждавшего две перспективы движения истории: инициацию и контринициацию. Инициация предполагает, что грехопадение человечества может быть обращено вспять путем возвращения в изначальное «адамическое» состояние, что требует полного напряжения и абсолютной реализации всех земных и духовных возможностей личности. Инициация направлена против хода истории, возвращает посвященного к начальной точке. Контринициация, напротив, ускоряет грехопадение. Она обращена не в божественную, а демони-

ческую сторону: личность из земного ада переходит в подземный ад, т. е. расстается с человеческим архетипом. Рассматривая различные воплощения контринициатических идей в мировой истории, Рене Генон обнаруживает в современной действительности «за всеми важнейшими политическими, геополитическими и идеологическими трансформациями деятельность тайных контринициатических организаций» [Дугин 2005: 72].

Подобного рода тайные общества и изображает Алексей Иванов в «Тенях тевтонов», в равной степени обращая внимание читателя как на нацистский оккультизм (образы Коха и Гитлера), так и на деятельность СМЕРШа (Женя Луданная). «Наверняка в каком-нибудь Гитлерюгенде голову ему забили фашистской пропагандой: великий фюрер, тысячелетний рейх, “Дойчланд юбер аллес”, “жизненное пространство”...» [Иванов 2023: 69] – замечает солдат Владимир Нечаев о Грегоре Людерсе.

Мысль о глубинной связи конспирологического сознания, пропаганды и оккультизма была положена в основу эзотерического национализма (Мигель Серрано цитирует Гитлера: «Кто видит в национал-социализме только политическое движение, вообще ничего в нем не понимает»). Эзотерические аспекты Серрано обнаруживает в СС, например, в организации «Аненербе», занимавшейся также изучением магических ритуалов, наследия древних арийских цивилизаций, санскрита, рунического письма, основ символизма, сакральной географии и т. д. О русской конспирологии пишет в упомянутой работе А. Г. Дугин, указывая на признаки такого рода мышления у Селянинова, Нилуса, Шварца-Бостунича, рассматривая историю сталинской конспирологии (троцкисты, фашисты, империалисты), русские секты, масонство, оккультизм, теософизм (Е. Блаватская была русской), оккультные доктрины Рериха, красный цвет большевистского флага и т. д. [Дугин 2005].

Чем же вызван интерес Алексея Иванова к структуре конспирологического сознания в наши дни? Для ответа на данный вопрос позволим себе обратиться к общеизвестному факту, о котором на страницах «Теней тевтонов» ничего не сказано, но который совпадает с временем действия романа. В 1945 году неизвестный солдат написал на колонне Рейхстага: «За налеты на Москву, за обстрел Ленинграда, за Тихвин и за Сталинград. Помните и не забывайте, а то можем и повторить». Напряженный спор об этом лозунге развернулся в русском обществе в 2010–2020-е годы и неоднократно выходил в публичное поле в год работы автора над романом: одни понимали послание как долгожданную и непростую победу над фашизмом, как требование оплаченного кровью мира; другие воспринимают такой лозунг (зачастую вырывая из контекста только последние два его слова) как милитаристский призыв. Мы не будем останавливаться на истоках и нюансах этой дискуссии. Нас интересует логика мысли писателя, во многом включающегося в этот спор и задающегося во многом схожим вопросом: а нужно ли повторять?

Ответ на этот вопрос воплощен в образной системе романа. Дурной цикличности – ложному пониманию истории, воплощенному подземными лабиринтами замка, – противостоит движение вперед. Оно проявлено в эпилоге течением реки Мотлавы, на берегу которой расположен польский город Гданьск. В направлении движения водной стихии содержится намек на иное, недоступное до конца человеку понимание исторических сил, а может, и божественного замысла вообще: «Взбаламученная и замусоренная Мотлава, из которой торчат мачты и трубы затопленных судов, взметаются водяные столбы от упавших бомб. На одном берегу реки тесный строй фигурных домов разорван провалами разрушений. <...> На другом берегу пылают старинные высоченные амбары-шпайхеры. <...> И всё вокруг в полном беззвучии» [Иванов 2023: 378–379]. Поток реки продолжает свое течение вперед вопреки пережитой войне, вопреки упавшим в него бомбам и затопленным судам.

Исследованию образа реки в творчестве Алексея Иванова посвящено немало работ [Карнаухова 2011; Подлесных 2006, 2007, 2008; Ребель 2006]. В. В. Абашев и М. П. Абашева пишут: «Пространство Иванова подвижно, наделено свойствами живой первичной субстанции – такое пространство порождает в своем движении вещи» [Абашев, Абашева 2010: 83]. Связь этого образа с традицией очерковой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка обоснована А. В. Тагильцевым⁴. Исследователями немало сказано о взаимосвязи ландшафта и человека в романах Иванова, о сюжетообразующем и символическом характере образа реки. Мы попытаемся лишь дополнить существующие концепции и соображения.

Исторический роман «Тобол» наследует речную тему: больной Петр I «рядом с мокрой громадиной морского корабля чувствовал свою человеческую мелкоту» [Иванов 2024b: 8]. Но надежду на собственное спасение царь связывает со строительством империи, уподобленной спущенному на воду фрегату. А князь Матвей Петрович Гагарин понастоящему почувствует Сибирь через реку: «Молчаливая Тура неспешно изгибалась между плоских борových холмов: ровное и гладкое течение не нарушало отражений. Лес переходил в воду без видимой границы, сотканный с рекой стволами деревьев, упавших вершинами в зеркала» [Там же: 81]. Река у Иванова скрывает древние тайны земли, становится проводником и «зеркалом» звучащей истории, вписывая в нее жизнь отдельного человека. Именно так поймет реку Виктор Служкин в романе «Географ глобус пропил»: «Мы проплыли по этим рекам – от Семичелoveчьей до Рассохи – как сквозь судьбу этой земли, – от древних капищ до концлагерей. Я лично проплыл по этим рекам, как сквозь свою любовь, – от мелкой зависти в темной палатке до вечного покоя на пороге пекарни» [Иванов 2008: 361]. Судьба земли открывается герою именно через реку: своим течением она соединяет не

только территории, но и времена. И только такой синтез географии и истории становится для Служкина ключом к своей собственной жизни.

Рассказывая историю обнищания русского флота в «Речфлоте» (исторической основе романа «Бронепароходы»), Иванов с болью замечает: «Год за годом кораблей на наших реках становится всё меньше. <...> И нам теперь уже не больно. Но река без кораблей – это как небо без птиц. И пустота великих рек Отечества означает только то, что пуста и душа у нации» [Иванов 2024a: 549]. И вновь река связывается не только с национальным самосознанием, но и с движением истории. Через историю флота автор пытается разобраться в судьбе родной страны. Так, непростой путь восстановления страны в послевоенные годы характеризуется превращением речфлота в мощную отрасль народного хозяйства. Бурной жизни 1980-х соответствующую простоту судов и заводов, срывы в поставках грузов, распад производственных связей. Наконец, распад СССР осмысляется через движение легендарных кораблей через моря и реки: «Авторитет советского речфлота взвился на невиданную высоту. Концерн «Росречфлот» получил приглашение на выставку «Экспо-1992». Не чуя надвигающихся перемен, речники подготовили для всемирного форума делегацию из пяти лайнеров. Осенью 1991 года теплоходы «Ленин» (флагман Волжского пароходства с 1987 года), «Юрий Андропов», «Георгий Чичерин», «Зосима Шашков» и «Леонид Соболев» отправились в Испанию. Флотилия прошла через девять морей и Атлантику и гордо отшвартовалась в Севилье. Русские речные лайнеры произвели фурор. Вернулись они только в 1992 году. Но страна, которую олицетворяли эти прекрасные корабли, за время их вояжа уже навсегда исчезла с карты мира» [Иванов 2024a: 542].

Заметим, что ключевые эпизоды «Пищевлока» также оказываются связаны с образом реки. Именно на теплоходе Игорь и Валерка окончательно поверят в победу над бесконечной преемственностью «пиявцев» в государстве-пищевлоке, в возможность увидеть 1980-е из 2020-х как «старую добрую сказку» [Иванов 2022: 411]: «Значит, можно перестать быть стратилатом. Надо только найти способ», – задумывается Валерка. И этой задумчивостью мгновенно наполняется Волга: «Плоскость взъерошенной Волги стала непроницаемо-сизой. Казалось, что хмурое пространство озабочено чем-то своим, и люди ему безразличны» [Иванов 2022: 410]. Таинственная «непроницаемость» водной глади визуальнo повторяет загадочность дальнейшей судьбы главных героев. Но загадка эта потому и является загадкой, что обращена в будущее: Игорь и Валерка понимали, что «всё было не как обычно» [Там же].

В названных произведениях река увидена в одном историческом «ракурсе»: подлинное движение человеческой судьбы и истории – не в закольцованности и симметрии (которые напоминают лишь зеркальные отражения), а в устремленности речных потоков к неизвестным и непредсказуемым горизонтам и поворотам.

⁴ Тагильцев А. В. Сюжет сплава в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. Иванова // Филологический класс. 2024. Т. 29, №1. С. 67–74.

Стремление автора к образной «кодировке» смыслов в «Тенях тевтонов», по-видимому, связано с кинематографическим принципом повествования. Его суть в свое время была определена Ю. М. Лотманом и Ю. Г. Цивьян в книге «Диалог с экраном»: «В языке кино существует такая единица, как сочетание кадров. Аналогично тому, как рассказчик членит, отбирает и компокует события, о которых ведется речь, членит, отбирает и компокует действие режиссер. <...> Умелым сочетанием кадров режиссер может регулировать поток времени в кинорассказе, его интенсивность и направление» [Лотман, Цивьян 1994: 100]. Алексей Иванов строит повествование именно на таких чередованиях кадров. Обратимся к первой главе: «Выщербленный красный кирпич. Готические окна. Черепичная крыша – вся в дырах. Взрытый воронками двор. И везде вздутые трупы в серо-зеленой солдатской форме вермахта и грязной гражданской одежде фольксштурма» [Иванов 2023: 8]. На визуальную статичность картины работает прежде всего синтаксис: назывные предложения, некоторые из которых осложняются неполнотой. Читатель-зритель медленно переводит взгляд от стен замка к его окнам, а от окон – к крыше. Затем кадр сменяется общим планом, запечатлевая усеянный трупами двор. Следующий кадр разрушает статику молчаливой картины и одновременно сменяет общий план на крупный, почти детальный: «Из кабины выбралась капитан Луданная. – Товарищи историки, сказала она по-русски, – напоминаю про мины» [Там же]. Тишина сменяется внезапной речью, описание – диалогом.

В заключительных главах неизменным остается принцип сочетания кадров. Иванов изображает бой в катакомбах: перестрелка, темнота, гранаты, наконец – детонация заряда и оглушительный взрыв, завершающий эпизод. Читатель не

знает, кто уцелел, потому что повествование останавливается и сменяется кадром, где за столом сидит Пакарклис, который неторопливо читает древнюю рукопись. Перед нами уже ставший привычным клиффхэнгер, который заканчивает рассказ в самый напряженный момент. «Клиффхэнгер – кульминация, разорванная пополам», – замечает Э. Нюссбаум [Root 2015]. Л. Т. Пуут уточняет, что этот прием появляется на пересечении дискурса и восприятия [Там же]. Учитывая, что «Тени тевтонов» создавались как аудиосериал, то именно такое напряжение позволяло удерживать внимание зрителя от серии к серии. Из аудиосериала прием перешел в печатный текст романа.

Подведем итоги. Роман «Тени тевтонов», построенный по принципу фрактального переосмысления исторических эпох, их взаимоналожения и повторения, намечает путь преодоления бесконечных подобию. Каждый из повторов истории (замечим – повторов как сознательных, так и случайных) осмысливается автором как обман сознания, который раз за разом ввергает мир в дьявольские лабиринты, блуждая в которых, человек лишается способности мыслить самостоятельно. Мысль, двигаясь по заданным траекториям, губит сама себя. Избавиться от этих блужданий может только тот человек, который посмотрит на мир и историю так же, как он смотрит на речной поток: течение не может повернуться вспять или тем более остановиться. Такая непредсказуемость жизни требует от героя самостоятельного постижения ее законов. Стремление А. Иванова к образному воплощению мысли о возможной победе человека над цикличностью истории (образы подземных катакомб – течения реки), возможно, свидетельствует о тяготении поэтики «Теней тевтонов» к киноязыку, визуальному воплощению, эстетике кадра.

Литература

- Абашев, В. В. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 81–91.
- Балла, О. Свои претензии адресуйте дьяволу (А. Иванов «Тени тевтонов») / О. Балла // Дружба Народов. – 2021. – № 5. – С. 262–267.
- Дугин, А. Г. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне) / А. Г. Дугин. – М. : РОФ «Евразия», 2005. – 624 с.
- Журавель, О. Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе / О. Д. Журавель. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – 234 с.
- Иванов, А. В. Географ глобус пропил / А. В. Иванов. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 380 с.
- Иванов, А. В. Пищевблок / А. В. Иванов. – М. : Издательство «АСТ», 2022. – 413 с.
- Иванов, А. В. Речфлот: История речного флота Российской империи и Советского Союза / А. В. Иванов. – М. : Альпина нон-фикшн, 2024а. – 550 с.
- Иванов, А. В. Тени тевтонов / А. В. Иванов. – М. : РИПОЛ классик, 2023. – 384 с.
- Иванов, А. В. Тобол : в 2 т. Т. 1 / А. В. Иванов. – М. : Альпина нон-фикшн, 2024б. – 800 с.
- Иванов, А. В. «В советское время не поощрялся интерес к реальному рыцарству»: писатель Алексей Иванов – о своем новом романе «Тени тевтонов» / А. В. Иванов. – Текст : электронный // Forbes. – 2021. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/418513-v-sovetskoe-vremya-ne-pooshchryalsya-interes-k-realnomu-rycarstvu-pisatel-aleksey> (дата обращения: 10.06.2024).
- Карнаухова, О. А. Образ реки в романе А. Иванова «Золото бунта, или вниз по реке теснин»: лингвостилистический аспект / О. А. Карнаухова. – Текст : электронный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-reki-v-romane-a-ivanovazoloto-bunta-ili-vniz-po-reke-tesnin-lingvostilisticheskiy-aspekt/viewer> (дата обращения: 05.07.2024).
- Лотман, Ю. М. Диалог с экраном / Ю. М. Лотман, Ю. Цивьян. – Таллин : Александра, 1994. – 215 с.

- Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы / Б. Мандельброт. – М. : Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
- Мандельброт, Б. Фракталы и хаос. Множество Мандельброта и другие чудеса / Б. Мандельброт. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. – 392 с.
- Мюшембле, Р. Очерки по истории дьявола: XII–XX вв. / Р. Мюшембле ; пер. с фр. Е. В. Морозовой. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 579 с.
- Подлесных, А. С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Подлесных. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 24 с.
- Подлесных, А. С. Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор» / А. С. Подлесных // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 2. – Екатеринбург : Уро РАН ; Издательский дом «Союз писателей», 2006. – С. 76–81.
- Подлесных, А. С. Эротические коннотации образа Чусовой в романе А. Иванова «Золото бунта» / А. С. Подлесных // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 3 : в 2 т. Т. 2. – Екатеринбург : Уро РАН ; ИД «Союз писателей», 2007. – С. 258–265.
- Ребель, Г. М. Явление Географа, или Живая вода романов Алексея Иванова / Г. М. Ребель. – Текст : электронный // Знамя. – 2006. – № 4. – URL: <https://magazines.gorky.media/october/2006/4/yavlenie-geografalilzhivaya-voda-romanov-aleksey-ivanova.html> (дата обращения: 05.07.2024).
- Сафронова, Е. Когда меч не рубит. О книге А. Иванова «Тени тевтонов» / Е. Сафронова. – Текст : электронный // PechorinNet. – 2021. – URL: <https://pechorin.net/articles/view/koghda-miech-nie-rubit-o-knighie-a-ivanova-tieni-tievtonov> (дата обращения: 05.07.2024).
- Толстой, Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 12: Война и мир, т. 4. – М. : Художественная литература, 1940. – С. 234–329.
- Трубецков, Д. И. Фрактальное искусство / Д. И. Трубецков, Е. Г. Трубецкова // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. – 2016. – Т. 24, вып. 6. – С. 84–103.
- Энтин, Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет / Дж. Энтин // Новая новейшая история. – 2000. – № 1. – С. 69–81.
- Юзефович, Г. Л. Алексей Иванов. Тени тевтонов / Г. Л. Юзефович. – Текст : электронный // Медуза. – 2021. – URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/30/teni-tevtonov-alekseya-ivanova-dva-geroya-iz-raznyh-vekov-ohotyatsya-za-proklyatym-mechom-satany> (дата обращения: 18.10.2024).
- Hofstadter, R. The Paranoid Style in American Politics and other Essays / R. Hofstadter. – New York, 1965.
- Poot, L. T. On cliffhangers / L. T. Poot // Narrative. Columbus. – 2015. – Vol. 24, no. 1. – P. 50–67.

References

- Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2010). Poeziya prostranstva v proze Aleksey Ivanova [Poetry of Space in the Prose of Alexei Ivanov]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 81–91.
- Balla, O. (2021). Svoi pretenzii adresuite d'yavolu (A. Ivanov «Teni tevtonov») [Address Your Claims to the Devil (A. Ivanov “Shadows of Teutons”)]. In *Druzhba Narodov*. No. 5, pp. 262–267.
- Dugin, A. G. (2005). *Konspirologiya (nauka o zagovorakh, sekretnykh obshchestvakh i tainoi voine)* [Conspirology (Science of Conspiracies, Secret Societies and Secret War)]. Moscow, ROF «Evraziya». 624 p.
- Entin, J. (2000). Teorii zagovorov i konspirativistskii mentalitet [Conspiracy Theories and Conspirativist Mentality]. In *Novaya noveishaya istoriya*. No. 1, pp. 69–81.
- Hofstadter, R. (1965). *The Paranoid Style in American Politics and other Essays*. New York.
- Ivanov, A. V. (2008). *Geograf globus propil* [Geographer Globus propyl]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika. 380 p.
- Ivanov, A. V. (2021). «V sovetskoe vremya ne pooshchryalsya interes k real'nomu rytsarstvu»: pisatel' Aleksei Ivanov – o svoem novom romane «Teni tevtonov» [“In Soviet Times, Interest in Real Chivalry was not Encouraged”: Writer Alexei Ivanov – about His New Novel “Shadows of the Teutons”]. In *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/418513-v-sovetskoe-vremya-ne-pooshchryalsya-interes-k-realnomu-rytsarstvu-pisatel-aleksey> (mode of access: 10.06.2024).
- Ivanov, A. V. (2022). *Pishcheblovk* [Pischeblovk]. Moscow, Izdatel'stvo «AST». 413 p.
- Ivanov, A. V. (2023). *Teni tevtonov* [Shadows of Teutons]. Moscow, RIPOL klassik. 384 p.
- Ivanov, A. V. (2024a). *Rechflot: Istoriya rechnogo flota Rossiiskoi imperii i Sovetskogo Soyuz* [Rechflot: History of the River Fleet of the Russian Empire and the Soviet Union]. Moscow, Al'pina non-fikshn. 550 p.
- Ivanov, A. V. (2024b). *Tobol: v 2 t.* [Tobol, in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Al'pina non-fikshn. 800 p.
- Karnaukhova, O. A. (2011). Obraz reki v romane A. Ivanova «Zoloto bunta, ili vniz po reke tesnin»: lingvisticheskiy aspekt [The Image of the River in A. Ivanov's Novel “The Gold of Rebellion, or Down the River of the Cramp”: Linguistic and Stylistic Aspect]. In *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Issue 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-reki-v-romane-a-ivanovazoloto-bunta-ili-vniz-po-reke-tesnin-lingvisticheskiy-aspekt/viewer> (mode of access: 05.07.2024).
- Lotman, Yu. M., Tsivyan, Yu. (1994). *Dialog s ekranom* [Dialog with the Screen]. Tallin, Aleksandra. 215 p.
- Mandelbrot, B. (2002). *Fraktalnaya geometriya prirody* [Fractal Geometry of Nature]. Moscow, Institut komp'yuternykh issledovaniy. 656 p.
- Mandelbrot, B. (2009). *Fraktaly i khaos. Mnozhestvo Mandel'brot'a i drugie chudesa* [Fractals and Chaos. Mandelbrot's Multiplicity and Other Miracles]. Izhevsk, NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika». 392 p.

- Myushemble, R. (2005). *Ocherki po istorii d'yavola: XII–XX vv.* [Essays on the History of the Devil: 12th–20th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 579 p.
- Podlesnykh, A. S. (2006). Kama v khudozhestvennom prostranstve romana A. Ivanova «Cherdyn' – knyaginya gor» [Kama in the Artistic Space of A. Ivanov's Novel "Cherdyn – Princess of the Mountains"]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei*. Issue 2. Ekaterinburg, Uro RAN, Izdatel'skii dom «Soyuz pisatelei», pp. 76–81.
- Podlesnykh, A. S. (2007). Eroticheskie konnotatsii obraza Chusovoi v romane A. Ivanova «Zoloto bunta» [Erotic Connotations of the Image of Chusova in A. Ivanov's Novel "The Gold of Rebellion"]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei*. Issue 3, in 2 vols. Vol. 2. Ekaterinburg, Uro RAN, ID «Soyuz pisatelei», pp. 258–265.
- Podlesnykh, A. S. (2008). *Geopoetika Alekseya Ivanova v kontekste prozy ob Urale* [Geopoetics of Alexey Ivanov in the Context of Prose about the Urals]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 24 p.
- Poot, L. T. (2015). On Cliffhangers. In *Narrative. Columbus*. Vol. 24. No. 1. – P. 50–67.
- Rebel, G. M. (2006). Yavlenie Geografa, ili Zhivaya voda romanov Alekseya Ivanova [Geographer's Phenomenon, or the Living Water of Alexey Ivanov's Novels]. In *Znamya*. No. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2006/4/yavlenie-geografa-ilizhivaya-voda-romanov-alekseya-ivanova.html> (mode of access: 05.07.2024).
- Safronova, E. (2021). Kogda mech ne rubit. O knige A. Ivanova «Teni tevtonov» [When the Sword Does Not Chop. About A. Ivanov's Book "Shadows of Teutons"]. In *PechorinNet*. URL: <https://pechorin.net/articles/view/koghda-miechnie-rubit-o-knighe-a-ivanova-tieni-tievtonov> (mode of access: 05.07.2024).
- Tolstoy, L. N. (1940). Voina i mir [War and Peace]. In Tolstoy, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* Vol. 12: Voina i mir, vol. 4. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 234–329.
- Trubetskov, D. I., Trubetskova, E. G. (2016). Fraktal'noe iskusstvo [Fractal Art]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Prikladnaya nelineinaya dinamika*. Vol. 24. Issue 6, pp. 84–103.
- Yuzefovich, G. L. (2021). Aleksei Ivanov. Teni tevtonov [Alexey Ivanov. Shadows of Teutons]. In *Meduza*. URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/30/teni-tevtonov-alekseya-ivanova-dva-geroya-iz-raznyh-vekov-ohotyatsya-za-proklyatym-mechom-satany> (mode of access: 18.10.2024).
- Zhuravel, O. D. (1996). *Syuzhet o dogovore cheloveka s d'yavolom v drevnerusskoi literature* [The Plot about the Contract of Man with the Devil in Old Russian Literature]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 234 p.

Данные об авторе

Когут Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии специализированного учебно-научного центра, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
Адрес: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30.
E-mail: kosfunpix@yandex.ru.

Author's information

Kogut Konstantin Sergeevich – Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Philology of Advanced Educational Scientific Center, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 10.10.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 10.10.2024; date of publication: 30.10.2024

ПОЭТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82-21. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-130-143. ББК Ш33(0)6-3+Ш33(0)6-46.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

“AUTHOR’S SELF-WILL” IN DRAMATIC TRANSFORMATIONS OF THE PLOT ABOUT MEDEA IN THE 20TH–21ST CENTURIES

Tatiana A. Sharypina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8585-8983>

Abstract. Authorial myth creation (“author’s self-will”), scenography and intermedial discourse in the transformations of the plot about Medea in the 20th–21st centuries are vividly seen against the background of exploration of their functioning in the process of national parallels, which contributes to productive comprehension of the reception of the constant components of myth by one or another national mentality. In this respect, the analysis of the ancient plot about Medea in terms of conceptual mythologization based on the dramatic experience of such authors of the 20th–21st centuries as H. H. Jahn, H. Muller, J. Anouilh, L. Gode, T. Lanoye, M. Kurochkin, V. Klimenko, L. Razumovskaya, L. Petrushevskaya and others appears to be urgent. Ancient myth as one of the most stable constants of world culture embraces diverse cultural and ethico-aesthetical phenomena. The study traces the formation of the reception and interpretation of Medea’s image from the canonic embodiment in the precedent text through the process of historical development to the modern literary and theatrical component of the spiritual experience of European and Russian playwrights and leading directors of the 20th–21st centuries, which allows filling the ancient mythological image with urgent content and manipulating its perception not only by the reader but also the viewer. The invariants of Medea’s image, rethought by means of author’s creative “self-will” and supplied with the new realities of modern life, take a specific place in the gynocentric literature because this in-depth image has incorporated into itself almost all problems and contradictions of the woman’s struggle for her intellectual and social independence and individuality. The art of the 20th – early 21st centuries is becoming more and more visualized, and the nature of a dramatic work demands its scenic embodiment, i.e. not only verbal, but also visual and audial perception. The emergence of new synthetic kinds of media arts and new forms of their interaction demand new analytical approaches to their comprehension in different national models of the worldview of the era of multiculturalism. This explains the specific focus of the suggested method on the aspects of multi-genre property, intermediality, and perspectives of building cross-cultural paradigms.

Keywords: myth; interpretation; plot; tragedy; scenic landscape; intermediality; multiculturalism; gynocentrism; Medea’s image; visualization

Keywords: This work was carried out with financial support of the Russian Science Foundation within the scientific project No. 23-28-00559 “Ancient code in the problem field of Russian-German theatrical relations”.

For citation: Sharypina, T. A. (2024). “Author’s Self-Will” in Dramatic Transformations of the Plot about Medea in the 20th–21st Centuries. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 130–143. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-130-143.

«АВТОРСКИЙ ПРОИЗВОЛ» В ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ СЮЖЕТА О МЕДЕЕ XX–XXI ВВ.

Шарыпина Т. А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8585-8983>

SPIN-код: 5960-2359

Аннотация. Авторское мифотворчество («авторский произвол»), сценография и интермедийный дискурс в трансформациях сюжета о Мееде XX–XXI в. ярко высвечиваются при рассмотрении их функционирования в процессе национальных параллелей, что способствует продуктивному осмыслению рецепции константных компонентов мифа тем или иным национальным менталитетом. В связи с этим актуальным представляется анализ античного сюжета о Мееде с точки зрения концептуального мифологизирования в драматургических опытах авторов XX–XXI вв. – Х. Х. Янна, Х. Мюллера, Ж. Ануя, Л. Года, Т. Ланоя, М. Курочкина, В. Клименко, Л. Разумовской, Л. Петрушевской и др. Античный миф как одна из наиболее устойчивых констант мировой культуры объединяет разнообразные культурные, этико-эстетические феномены. В исследовании прослеживается становление рецепции и интерпретации образа Мееде от канонического воплощения в прецедентном тексте, через процесс исторического развития к современной литературной и театральной составляющей духовного опыта европейских и российских драматургов и ведущих режиссеров XX–XXI вв., что позволяет наполнять древний мифологический образ злободневным содержанием и варьировать его восприятие не только читателем, но и зри-

телем. Инварианты образа Медеи, который посредством авторского творческого «произвола» переосмысливается, дополняется новыми реалиями современной жизни, занимают особое место в гиноцентрической литературе, поскольку этот емкий образ вобрал в себя практически все проблемы и противоречия борьбы женщины за свою интеллектуальную и общественную независимость и индивидуальность. Искусство XX – начала XXI веков становится все более визуализированным, а природа драматического произведения требует его сценического воплощения, т. е. не только вербального, но и визуального, аудиального восприятия. Появление новых синтетичных видов медиаискусств, новых форм их взаимодействия требует новых аналитических подходов к их постижению в различных национальных моделях картины мира эпохи мультикультурализма. Отсюда и особое внимание в предлагаемой методике к аспектам полижанровости, интермедиальности, перспективам выстраивания кросс-культурных парадигм.

Ключевые слова: миф; интерпретация; сюжет; трагедия; сценический ландшафт; интермедиальность; мультикультурализм; гиноцентризм; образ Медеи; визуализация

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00559 «Античный код в проблемном поле русско-немецких театральных взаимосвязей».

Для цитирования: Шарыпина, Т. А. «Авторский произвол» в драматургических трансформациях сюжета о Медее XX–XXI вв. / Т. А. Шарыпина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 130–143. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-130-143.

„DIE WILLKÜR DES AUTORS“ IN DEN DRAMATISCHEN TRANSFORMATIONEN DES MEDEA-Sujets IM 20–21. JAHRHUNDERT

Tatiana A. Scharypina

Lobatschewski-Forschungsuniversität zu Nishnij Nowgorod

(Nischni Nowgorod, Russland)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8585-8983>

Zusammenfassung. Die Mythenbildung des Autors («Die Willkür des Autors»), die Szenographie und der intermediale Diskurs in den Transformationen des Medea-Sujets des 20–21. Jahrhunderts werden deutlich hervorgehoben, wenn man ihre Funktionsweise im Prozess der nationalen Parallelen betrachtet, was zu einem produktiven Verständnis der Rezeption der konstanten Bestandteile des Mythos durch die eine oder andere nationale Mentalität beiträgt. In diesem Zusammenhang ist es wichtig, die antike Geschichte der Medea unter dem Gesichtspunkt der konzeptuellen Mythologisierung in den Dramaversuchen der Autoren des 20. und 21. Jahrhunderts – H. H. Jahns, H. Müllers, J. Anouilh, L. Gaudés, T. Lanoyes, M. Kurotschkins, V. Klimenkos, L. Razumovskayas, L. Petrushevskayas und anderer – zu analysieren. Der antike Mythos als eine der stabilsten Konstanten der Weltkultur vereint verschiedene kulturelle, ethische und ästhetische Phänomene. Die Studie verfolgt die Entstehung der Rezeption und Interpretation des Medea-Bildes von der kanonischen Verkörperung im Urtext über den Vorgang der historischen Entwicklung bis zur zeitgenössischen literarischen und theatralischen Komponente der geistigen Erfahrung europäischer und russischer Dramatiker und führender Regisseure des 20. und 21. Jahrhunderts, was es ermöglicht, das antike mythologische Bild mit aktuellem Inhalt zu bereichern und seine Wahrnehmung nicht nur durch die Leser:innen, sondern auch durch die Zuschauer:innen zu verändern. Die Invarianten des Medea-Bildes, die durch die schöpferische „Willkür“ des Autors neu interpretiert und durch neue Realien des modernen Lebens ergänzt werden, nehmen in der gynozentrischen Literatur einen besonderen Platz ein, weil dieses umfassende Bild fast alle Probleme und Widersprüche des Kampfes der Frauen um ihre geistige und soziale Unabhängigkeit und Individualität in sich aufgenommen hat. Die Kunst des 20. und frühen 21. Jahrhunderts wird immer stärker visuell geprägt, und das Wesen eines dramatischen Werks erfordert seine szenische Verkörperung, d. h. entbehrt nicht nur einer verbalen, sondern auch einer visuellen und auditiven Rezeption. Die Entstehung neuer synthetischer Arten von Medienkunst, neuer Formen ihrer Interaktion bedarf neuer analytischer Ansätze zu ihrem Verständnis in verschiedenen nationalen Modellen des Weltbildes in der Ära des Multikulturalismus, daher ist die besondere Aufmerksamkeit in der vorgeschlagenen Methodik auf die Aspekte der Vielfalt der Genres, der Intermedialität, die Perspektiven des Aufbaus kulturübergreifender Paradigmen erforderlich.

Schlüsselwörter: der Mythos; die Interpretation; der Medea-Stoff; die Tragödie; die szenische Landschaft; die Intermedialität; der Multikulturalismus; der Gynozentrismus; das Medea-Bild; die Visualisierung

Die Weltliteratur ist, trotz des vorherrschenden Wissenschaftszentrismus und der allgegenwärtigen Faszination für Informationstechnologien, nicht frei von ihrem inhärenten philosophischen Charakter, ihrer Neigung zu Verallgemeinerungen, ihren Symbolen, ihrer Vertiefung in moralisch-philosophische Probleme geblieben. Diesbezüglich wurden im Laufe der Literatur- und Kulturgeschichte von den Kunstschaffenden verschiedener Epochen mannigfaltige mythologische Bilder aktualisiert. Der antike Mythos als eine der stabilsten Konstanten der europäischen Mentalität stellt einen universellen Schlüssel für die Auslegung vielfältiger kultureller, ethischer und ästhetischer Phänomene dar. Auf der Bühne werden heutzutage Interpretationen klassischer antiker Vorbilder

ebenso wie moderne Theaterstücke oder kuriose Remixe präsentiert, die sowohl in wissenschaftlichen Arbeiten als auch in der Presse Diskussionen über die Fruchtbarkeit des Gebrauchs mythischer Geschichten im Theater auslösen. Das Erbe der Antike scheint seine historische Konkretheit und Gewissheit zu verlieren und wird als außerzeitliche geistige Realität betrachtet.

Am Ende des 20. und zu Beginn des 21. Jahrhunderts wird die Berufung auf den Mythos allumfassend: der Mythologismus wird zu einem Werkzeug der Strukturierung der Erzählung, zu einer Möglichkeit, dem „Historizismus“ zu entkommen, der im Bewusstsein der Autoren mit der Angst vor historischen Erschütterungen verknüpft ist, dabei wird seine enge und dazu paradoxe Verbindung mit dem Neopsycho-

logismus, der universellen Psychologie des Unbewussten aktualisiert. Wenn wir heute vom Mythos sprechen, meinen wir deshalb oft nicht den Mythos in seiner ursprünglichen, rohen Form, sondern das Phänomen der sogenannten Mythologisierung (*Mythenbildung*) des Autors oder, anders ausgedrückt, der willkürlichen Interpretation. Die „Willkür des Autors“¹ betrifft Veränderungen im Handlungsverlauf, Liebesperipetien und das Schicksal der Figuren, dabei werden Handlungen und Charaktere aus einem anderen Blickwinkel gezeigt, der Inhalt großer mythologischer Zyklen wird anders ausgelegt. Die Handlungen und Bilder der antiken Mythologie fungieren nicht nur als Elemente, die die Erzählung zusammenhalten, sondern auch als eine gewisse Grundlage für die Schaffung der philosophischen Daseinskonzeption des Autors. Daraus folgt, dass der Mythos das Erbe ist, das bekanntlich vom kollektiven Geist und Bewusstsein hergestellt wird, während der Mythos des Autors dem individuellen Bewusstsein entspringt. Die „Willkür des Autors“ bezieht sich jedoch nicht nur auf das Funktionieren des Mythos, sondern ermöglicht es auch, eine Reihe der Fragen über den literarischen Text als eine besondere Art des Imaginationsraums (und des imaginären Raums im Kontext dieser Studie – der szenischen Landschaft) zu stellen, der sich gleichzeitig in einer spezifischen physischen und geografischen Welt befindet und oft als Instrument kognitiver Kartografie fungiert, die in einem kulturell spezifischen Feld (das nicht so sehr durch die Grenzen der Nationalstaaten als vielmehr durch die grundlegenden Identitäten wie in erster Linie deren Sprache und soziales Leben definiert ist) durchgeführt wird. Diese Faktoren bilden ein breites problematisches Forschungsfeld, das sowohl im Zusammenhang mit der Notwendigkeit der Bildung von neuen Beschreibungssprachen als auch der Entwicklung neuer methodologischer Ansätze für die Analyse von Texten der modernen Literatur relevant erscheint.

Jede Epoche betrachtet die Antike im Lichte ihrer eigenen Probleme und Katastrophen, deshalb beginnen ganz unterschiedliche mythische Bilder und Geschichten zu verschiedenen Zeiten in den künstlerischen Interpretationen zu dominieren. Die Mehrdeutigkeit bzw. Polyvariabilität des Mythos ist dafür verantwortlich. So ist im XVIII. Jahrhundert die Geschichte der Iphigenie eine der populärsten. Es ist symptomatisch, dass die Idee des Dramas „Iphigenie auf Tauris“ von Goethe während der Vorbereitungszeit der Großen Französischen Revolution entstand, zu der der Autor eine zweideutige Haltung einnahm. Vielleicht dachte der Autor, den tragischen Ausgang genial antizipierend, über eine andere, humane Lösung der sozialen und geistigen Konflikte der Epoche nach. Auch die Oper „Iphigenie auf Tauris“ von Gluck taucht übrigens nur 10 Jahre vor 1789 auf. Das humanistische

Pathos der Winkelmannschen Antikenrezeption war mit dem Bild dieser Figur verbunden, die als unschuldig und allverzeihendes Opfer des Trojanischen Krieges dem verfluchten Geschlecht Erlösung bringt. Die Wende vom XIX. zum XX. Jahrhundert war durch die Beachtung eines anderen Bildes gekennzeichnet. Die post-nietzscheanische Krisenzeit des öffentlichen Bewusstseins stand im Einklang mit dem Bild des diametral entgegengesetzten Inhalts – der besessenen Rächlerin Elektra, der Trägerin des dionysischen Elements (ein klassisches Beispiel davon stellt «Elektra» von Hofmannsthal dar). In den 30er und 40er Jahren des 20. Jahrhunderts änderte sich die Charakterisierung des Bildes von Klytemnestra drastisch (Hauptmanns Tetralogie über Atriden, die Tragödie I. Langens usw. [Шарыпина 2001]), und das Bild des „leidengeübten“ Odysseus erhielt in der antifaschistischen deutschen Literatur eine besondere Bedeutung. In den 40er Jahren tritt Kassandra (Pläne von B. Brecht, gleichnamige Erzählung von H. E. Nossack) mit Verzögerung in den Vordergrund, um dann für mehrere Jahrzehnte zu verschwinden und in den 80er Jahren in der Auslegung von Christa Wolf wieder aufzutauchen. Es ist anzumerken, dass das wachsende Interesse am Alkestis-Mythos in Krisen- oder Übergangszeiten zu verzeichnen ist. Im 20. Jahrhundert erscheinen Theaterstücke über Alkestis im ersten Nachkriegsjahrzehnt der 45–55-er Jahre, zur selben Zeit entsteht die Tendenz, die Selbstopferung der Heldenin mit dem Beginn neuer, noch schlimmerer Ereignisse in Verbindung zu bringen. Ein solcher Pessimismus war eine natürliche Reaktion auf den katastrophalen Verlauf des 20. Jahrhunderts.

Im Vergleich zu den erwähnten mythologischen Bildern hat Medea bis zum 20. Jahrhundert keine derart bedeutenden und zahlreichen Interpretationen [Ивлиева 2017]. Es sei allerdings darauf aufmerksam gemacht, dass 1786 einer der bekanntesten Vertreter der Sturm-und-Drang-Bewegung, F. M. Klinger, den ersten Teil der Dilogie „Medea in Korinth“ schuf, in dessen Mittelpunkt eine starke Persönlichkeit, ein „natürlicher“ Mensch, steht. Die Handlung des sechs Jahre nach „Medea in Korinth“ entstandenen Dramas „Medea auf dem Kaukasus“ (1791) ist vom Autor vollständig erfunden worden. Der Konflikt in dem Stück ist im Wesentlichen mit den Peripetien von Goethes Drama „Iphigenie auf Tauris“ verwandt. Medea, die Nachfahrin von Helios und Hekate, die sowohl dämonische als auch gute Ursprünge in sich trägt und ebenso wie Iphigenie in das Umfeld der Barbaren geraten ist, träumt davon, dieses wilde Volk moralisch zu erleuchten und dadurch eine ideale Gesellschaft freier und gleicher Menschen ins Leben zu rufen. Doch Medeas Appell an den Verstand der Stammesmitglieder ist erfolglos. Die Protagonistin erregt nur Argwohn und Misstrauen. Medeas individueller Antrieb erscheint, im Gegensatz zur Tätigkeit und moralischen Wirkung von Goethes Iphigenie, als fruchtlos. Es ist nicht bekannt, ob „Medea auf dem Kaukasus“ von Klinger auf der Bühne aufgeführt wurde, aber seine polemische Orientierung im Hinblick auf Goethes Drama und die Idee der Weimarer Klassik über die Umgestaltung der Gesellschaft durch die morali-

¹ **Die Willkür des Autors** – der Missbrauch der Macht des Autors über die Figuren und das Umfeld seiner Werke. Einerseits kann ein Verstoß gegen eine bestimmte Trope eine Aversion, Subversion oder ein anderes Spiel mit ihr sein. Häufige Arten von der Willkür des Autors: Deus ex machina; Retcon; Out of character (*das für eine Figur untypische Verhalten*). URL: https://posmotre.ch/Авторский_произвол (mode of access: 25.10.2024).

sche Erziehung des Einzelnen ist nicht zu leugnen.

Medea ist eine der rätselhaftesten und daher anziehendsten Gestalten der griechischen Mythologie und des griechischen Theaters. Ihre Doppelnatur ist durch die Verwandtschaft sowohl mit dem hellen Helios als auch mit der schwarzen Hekate vorherbestimmt, sie selbst ist Halbgöttin, Priesterin, Zauberin aber leidet als Mensch unter den Menschen. Versuche, dieses Bild „aufzuhellen“ oder zu „schwärzen“, machen seine tragische Erhabenheit zunichte. Der Ursprung der Protagonistin gilt in der akademischen Gemeinschaft immer noch als kontrovers [Савиных, Шарыпина 2023], denn die Entstehung eines derartigen Charakters, der den vorherrschenden weiblichen Ursprung verkörpert, wäre in einer paternalen Gesellschaft kaum denkbar. Aus diesem Grund erscheint es eher merkwürdig und ungewöhnlich, dass er in der patriarchalischen antiken griechischen Kultur auftaucht und verankert wird. Keine Betrachtung des Medea-Bildes und dessen Entstehung in der antiken griechischen Kultur, die weit vom egalitären Ideal abwich, scheint ohne Berücksichtigung des Konzepts der matriarchalischen Gesellschaftsform möglich zu sein, die im Gegensatz zur patriarchalischen Gesellschaftsform steht, die sich im Zusammenhang mit der Arbeitsteilung und dem Beginn der Eisenzeit herauskristallisierte. Dies lässt nicht nur die Entstehung des Medea-Bildes auf die Antike zurückführen, die traditionell durch den besonderen Kult weiblicher Gottheiten, der Muttergöttin, und die Etablierung einer besonderen Rolle des gebärfähigen, fruchtbaren Ursprungs gekennzeichnet war, sondern macht das Bild der Protagonistin paradoxerweise auch erstaunlich modern, wobei die Geschlechterproblematik in den Vordergrund tritt. Darüber hinaus wird in der Fachliteratur immer wieder die Frage nach der nicht-griechischen Herkunft der Medea aufgeworfen [Грейвс 1992; Петросян 2016]. Man kann also sagen, dass Medea höchstwahrscheinlich keine Heldin der griechischen Mythologie ist. Wahrscheinlich wurde sie von den Griechen im Zuge der zwischenstaatlichen Kontakte, der Eroberung der Gebiete an der Schwarzmeerküste, übernommen, und erst später wurde sie von der griechischen Mythologie erfasst und umgestaltet.

Das 20. Jahrhundert mit all den ihm innewohnenden Kataklysmen, Katastrophen und dem totalen Relativismus zwang Autor:innen dazu, die beständigen Eigenschaften und Deutungen des Medea-Stoffes zu überdenken, und die Spezifik der nationalen – französischen, deutschen, russischen – Mentalität wirkte sich essenziell auf die Rezeption des klassischen Bildes aus. Der Mythos wird im literarischen Werk zum Mittel der Konzeptualisierung dieses oder jenes nationalen Weltbildes. Ein anschaulicher Beleg dafür sind die Invarianten des Medea-Bildes, das durch die schöpferische Willkür des Autors neu interpretiert, durch neue Realien des modernen Lebens und andere Auslegungen der vertrauten und bekannten mythologischen Bilder ergänzt wird. Die Verflechtung dieses Bildes mit verschiedenen mentalen Codes, die in nationalen Riten zum Ausdruck kommen, deutet auf vielfältige Möglichkeiten hin, die Geschichte der Medea in modernen verbalen und audiovisuellen

Verfahren zu gebrauchen.

Im vergangenen Jahrhundert haben sich Schriftsteller:innen und Dramatiker:innen wie H.-H. Jahnn, J. Anouilh, H. Müller, C. Wolf, L. Gaudé, T. Lanoye, M. Kurotschkin, V. Klimenko, L. Rasumowskaja, L. Petruschewskaja und andere immer wieder mit dem Bild der verlassenen, betrogenen Ehefrau und der wütenden Kindermörderin beschäftigt. Robinson Jeffers, ein amerikanischer Dichter, adaptierte „Medea“ 1947 für eine beliebte Broadway-Produktion mit Judith Anderson in der Hauptrolle, der ersten von drei Schauspielerinnen, die für diese Rolle einen „Tony“ – Preis erhielten. Die Inszenierung hat 214 Vorstellungen überstanden! Dies kommt auch im Kino zum Ausdruck: beispielsweise in den Verfilmungen von Pasolini und Lars von Trier. „Die Willkür des Autors“ als Phänomen moderner Mythenbildung ermöglicht einen neuen Blick auf altbekannte und vertraute klassische Motive und Bilder im Spiegel moderner Konflikte, was ihre Ewigkeit und Zeitlosigkeit noch einmal bestätigt. „Medea“ nimmt einen besonderen Platz im gynozentrischen Roman und im Theater ein, weil dieses präzise Bild fast alle Probleme alle Probleme und Widersprüche des Kampfes der Frauen um ihre intellektuelle und soziale Unabhängigkeit und Individualität in sich aufgenommen hat, der jedoch groteske Formen des Geschlechterkrieges annimmt, der in manchen Bühneninterpretationen zu einer hässlichen Farce wird, wie das Stück „Der Jäger der Medea-Klasse“ (1995) von M. Kurotschkin demonstriert.

Es sei darauf aufmerksam gemacht, dass die „Willkür des Autors“ in den Deutungen, die auf die eine oder andere Weise mit dem Medea-Mythos zusammenhängen, nicht nur die Interpretation von Bildern oder Handlungslinien anbelangt, sondern auch den Bühnenraum selbst bzw. die Landschaft des Textes. Literarische Räume sind ein traditioneller Betrachtungsgegenstand und fügen sich sehr gut in die Dynamik der aktuellen interdisziplinären Forschungen ein, die die Methoden und Methodologien der modernen Geisteswissenschaften verbinden. Die Analyse von Bühnen- und Literaturlandschaften basiert auf der charakteristischen Überschneidung allgemeiner sozialer, kultureller, philosophischer und philologischer (literaturwissenschaftlicher) Ansätze, was systematisierende Aufmerksamkeit für die Wechselwirkung von geophilosophischen, geopolitischen und geopoethologischen Ansichten impliziert. Gleichzeitig haben sowohl das Interesse an verschiedenen Seiten der Konzeptosphäre des literarischen Raums und der literarischen Landschaft, welches sich in der Ideen- und Begriffsgeschichte konkretisiert, als auch die Entwicklung wirksamer Instrumente für die Analyse von Texträumen im Kontext der eigentlichen literarischen Tradition einen modellbildenden Wert. Charakteristisch ist die fast infernalische szenische Landschaft in M. Kurotschkins Farce, die die finstersten und dunkelsten apokalyptisch-dystopischen Landschaften verkörpert, die nichts mit dem sonnigen Schwarzen Meer oder Kolchis der antiken Mythen gemein haben:

„Die Überreste einer Flakbatterie, die gerade bombardiert worden war. Der Staub legt sich. Das einzige noch vor-

handene Flugabwehrgeschütz ist auf die Seite gedreht. Inmitten des Chaos aus umgestürzten Geschützen, Munitionskisten, Trümmern, Helmen, Rucksäcken, Leichen und anderen militärischen Abfällen steht ein Mann in der schmutzigen Felduniform eines Sergeanten der ukrainischen Armee und hält sich die Ohren zu <...>.

Der Sergeant weint, das Weinen geht in Husten über. Unter einem Haufen zerbrochener Ziegel und Gips kommt Sergei hervor. Er spuckt den Staub aus, der ihm den Mund verstopft hat. Er fängt an zu husten. Sergei und der Sergeant husten gleichzeitig. Der Sergeant geht auf Sergei zu und hilft ihm auf. Sie stehen da und umarmen sich gegenseitig. Nach einer Weile setzt sich der Sergeant auf eine Kiste und raucht. Sergei löst die Finger der Hand, die aus dem Trümmerhaufen ragt, und nimmt eine Dose Coca-Cola heraus. Er trinkt. Plötzlich beginnt die Hand krampfhaft Luft zu schnappen. Der Sergeant und Sergei eilen zu dem Trümmerhaufen und ziehen Peter darunter hervor. Nachdem sie Peter zur Vernunft gebracht haben, gibt der Sergeant ihm eine Dose Coca-Cola und geht mit ihm auf die Suche nach Überlebenden. Peter trinkt aus der Dose und starrt ins Leere“ [Курочкин].

Diesbezüglich sei an Juri Ljubimows „Medea“ nach der Tragödie von Euripides in der Übersetzung von Innokenti Annenski erinnert, die 1995 in Zusammenarbeit mit dem Athener Musikpalast inszeniert wurde und für den Regisseur selbst sowie für das Taganka-Theater ungewöhnlich war. Die Uraufführung war ein großer Erfolg beim Internationalen Festival von Athen. Die szenische Landschaft der Aufführung korrespondiert überraschenderweise mit den apokalyptischen Landschaften des Stücks von M. Kurotschkin. Die Aufführung löste in der Presse ein großes und widersprüchliches Echo aus. Lassen Sie uns nur auf einen äußerst wichtigen Punkt eingehen – die Bühnenlandschaft und die dekorative Gestaltung der Tragödie (David Borovsky). Der gesamte Raum war mit Sandsäcken gefüllt, die auf sehr multifunktionale Weise verwendet wurden und sich bei wechselndem Licht in das antike Mauerwerk verwandelten. Als Hintergrund diente eine korrodierte Eisenfläche, die allem paradoxe Dualität verlieh: die Welt des modernen Krieges und der antike Mythos, Konkretheit und weitgehende Verallgemeinerung. Die Verschmelzung dieser bizarren Atmosphäre mit den modernen Militärmänteln, die Iason und Kreon trugen, ließ den Eindruck einer wackeligen Zeitgrenze entstehen, die von der ewigen Wiederkehr menschlicher Tragödien in der Geschichte der Zivilisation zeugt. Wir haben es mit einer Welt im Krieg zu tun, und wenn wir uns die Gegebenheiten der jüngsten postsowjetischen Realität ins Gedächtnis rufen, vor allem die Tatsache, dass Medea aus dem Kaukasus stammt, dann begreifen wir, dass der antike Mythos und die Tragödie der Hauptfigur Mitte der neunziger Jahre ganz konkret dem Zeitgeist entsprechend betrachtet wurden. Kritiker:innen und Zuschauer:innen waren überrascht über das Fehlen der üblichen Dynamik in der Aufführung. Die Aufmerksamkeit des Regisseurs richtete sich auf die tiefe Bedeutung der antiken Bilder, und so rückte die Leistung von den Schauspielern und Schauspielerinnen in den Vordergrund, allen voran von L. Selutina, die ein unvergessliches Bild Medeas schuf, die nur deshalb eine Schandtät zu begehen wagt, weil

man ihr keine andere Wahl ließ. Medea ist in ihrer Darstellung gleichzeitig eine Frau aus den zerstörten Dörfern, die durch das erlebte Grauen abgehärtet ist, aber auch eine Halbgöttin, eine Halbzauberin aus einer von uns unendlich weit entfernten Welt, eine unbarmherzige Rächerin, die sich zu tragischen Gefühlen und Entschlüssen erhob.

Leser:innen und Kritiker:innen nahmen das Stück von M. Kurotschkin ambivalent wahr. Unserer Auffassung nach liegt es jedoch auf der Hand, dass der Dramatiker uns in schockierender Form ein mögliches apokalyptisches Finale eines sinnlosen, aber für die Existenz der Menschheit ziemlich gefährlichen „Kriegsspiels“ der Geschlechter präsentiert, bei dem für die Frauen die Tatsache des Kampfes selbst von Bedeutung ist und nicht das Objekt, gegen das er geführt wird. Lesende und Zuschauende werden mit den Überresten einer seltsamen kosmopolitischen Armee konfrontiert, in Form einer russisch-ukrainisch-amerikanischen Gruppe von Flugabwehrkanonieren, die New York gegen eine überlegene feindliche Streitmacht verteidigt. Die Liste der Figuren ist kurios, denn der Feind wird einfach „Frau“ genannt – die allgemeinste geschlechtsspezifische Bezeichnung:

Onkel Kolja – Sergeant der ukrainischen Armee.

Sergei – Gefreiter der russischen Armee.

Peter – Gefreiter der U.S.-Armee.

Frau – Militärpilotin.

Ausgehend von den realen historischen Ereignissen des Jahres 1945 stellt M. Kurotschkin diese auf den Kopf: Frauen kämpfen gegen Männer, ein amerikanischer Soldat kämpft für die Russen neben einem Sergeanten der ukrainischen Armee, Soldaten in den Schützengräben trinken Coca-Cola, und im berühmten Spruch des Großen Vaterländischen Krieges werden die Werte ersetzt: „Man kann sich nicht mehr zurückziehen. Es gibt keinen Rückzug mehr, New York liegt hinter uns“, – zumal die ideologische Konfrontation zwischen Frau und Mann, die in eine echte Schlacht mit Schützengräben, Kampfflugzeugen und Schusswaffen mündet, keinen Sinn ergibt, weil sich diejenigen, die auf der Seite der Männer kämpfen, ebenfalls als Frauen entpuppen und die Männer selbst längst verschwunden sind, was die Gegner daran nicht hindert, sich weiterhin gegenseitig zu töten. Darüber hinaus hat das «schwache Geschlecht» die Idee der Weiblichkeit im Aussehen, in den Handlungen und in der Kommunikationskultur schon längst verloren [Иванова 2014]:

Frau. Halt die Klappe, Grünschnabel. Wenn du nichts zu sagen hast, dann beantwortest du meine Fragen. Kapiert?

Sergei. Ähm...

Frau. Antworte ordentlich. Kapiert?

Sergei. Jawohl, äh...

Frau. Ma'am.

Sergei. Jawohl, Ma'am.

Frau (liebepoll, Sergeis Kinn mit der Mündung des Gewehrs berührend). Wie ist dein Name, Fehler der Natur?

Sergei. Serjoscha.

Frau. Serjoscha. Das ist ein seltsamer Name. Bist du Russe oder so?

Sergei. Russe. Ich stamme aus Moskau.

Frau. Wie steht man vor einer Frau, wie spricht man mit ihr? Bleib still. Wie viele Männer waren in der Batterie?

Sergei. Drei. Am Anfang waren es sieben.

Frau. Schneewittchen und die sieben Zwerge. Du bist also der letzte Überlebende?

Sergei. Inwiefern der Letzte? Und Sergeant, und Peter?

Frau. Ist das der Sergeant? (Zeigt auf die Werkzeugmaschine).

Sergei dreht sich um und sieht den gekreuzigten, enthaupteten Leichnam des Sergeanten. Mit einem Schrei „Koljal!“ stürzt Sergei zu dem Leichnam und umarmt ihn. Er weint. Die Frau betrachtet die Szene mit einem Ausdruck vom Ekelgefühl [Курочкин].

Die Tragikomik des Stücks, die Albernheit des Geschehens, die Absurdität und Paradoxität der Auflösung bestehen darin, dass der so genannte Geschlechterkrieg die Tragik, das Versagen und die Unsinnigkeit jeder Erscheinungsform von Fanatismus, in diesem Fall des Feminismus, offenbart hat.

Die Farben von Blut und Schlamm färben den Bühnenraum des Dramas „Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten“ (1982) von H. Müller, das zwei Jahrzehnte früher entstanden ist, aber in seiner Szenographie erstaunlich gut mit M. Kurtschkins Farce übereinstimmt. Die Anklänge an die Geschlechterproblematik sind auch in dieser Deutung des antiken Stoffes zu beobachten. Dank der „Willkür des Autors“ tritt jedoch die Physiologie der lodernen menschlichen Leidenschaft, des Verrats und des Verbrechen, das mit der Usurpation der Macht einhergeht – des Mordes – in den Vordergrund. Im Bewusstsein der in ihrem weiblichen und menschlichen Wesen verratenen Medea von Müller, deren „Blutspur“ hinter ihr herzieht und alles um sie herum färbt, tauchen Bilder der Vergangenheit auf, die aus einer Abfolge von Toden bestehen. Die häufige Erwähnung von Blut und Eingeweiden, die die rotbraune Farbe des Stücks vorgibt, steht im Einklang mit der Natur der Beziehung zwischen Iason und Medea H. Müllers. Medeas exaltierte Rede beruht auf der ständigen Einbeziehung physiologischer Details von Verbrechen, Beschreibungen von Verrat und Betrug:

Was kann mein sein deiner Sklavin
 Alles an mir dein Werkzeug alles aus mir
 Für dich hab ich getötet und geboren
 Ich deine Hündin deine Hure ich
 Ich Sprosse auf der Leiter deines Ruhms
 Gesalbt mit deinem Kot Blut deiner Feinde
 Und wenn du zum Gedächtnis deines Siegs
 Über mein Land und Volk der mein Verrat war
 Aus ihren Eingeweiden einen Kranz
 Um deine Schläfe flechten willst dein sind sie
 Mein Eigentum die Bilder der Erschlagenen
 Die Schreie der Geschundenen mein Besitz
 Seit ich aus Kolchis auszog meiner Heimat
 Auf deiner Blutspur Blut aus meinesgleichen
 In meine neue Heimat den Verrat
 Blind für die Bilder für die Schreie taub [Heiner

Müller...].

Die Wahrheit erfährt Medea, die von böartigen Leidenschaften besessen ist, erst nach Iasons Verrat: „<...> und meinen / Verrat der deine Lust war Dank für deinen / Verrat der mir die Augen wiedergibt / Zu sehen was ich sah die Bilder Jason / Die mit den Stiefeln deiner Mannschaft du / Gemalt hast auf mein Kolchis Ohren wieder / Zu hören die Musik die du gespielt hast / Mit Händen deiner Mannschaft und mit meinen / Die deine Hündin war und deine Hure/ Auf Leibern Knochen Gräbern meines Volks / Und meinen Bruder Meinen Bruder Jason/ Den ich deinen Verfolgern in den Weg warf / Zerstückt von diesen meinen Schwesterhänden“ [Ibid.].

Die rotbraune Landschaft, die durch die ständige Erwähnung von Schmutz, blutigen Spuren, Eingeweiden und Mord entsteht, wird zu einer natürlichen Umgebung für die Art der Bindung zwischen Iason und Medea H. Müllers, die auf der Anziehung und Mitschuld am Verbrechen beruht.

Die Stilistik und die visuelle Komponente des Dramas „Medea“ von L. Rasumowskaja (1980er Jahre) [Разумовская] machen die antike Heldin hingegen zu einer der am meisten vergeistigten Varianten dieses Bildes. Die Heldin von L. Rasumowskaja wird als eine treue und liebevolle Frau dargestellt, die ihre geistigen Werte zu verteidigen versucht. Die Ereignisse entfalten sich an der Küste, in der Nähe einer Fischerhütte, umrahmt vom Rauschen der Wellen und dem Schrei der Möwen. Die Natur selbst schafft eine Art Begleitung für die Entfaltung der Ereignisse und den Zustand der Figuren: „Felsen. Die Hütte eines Fischers. Medea, versteinert vor Trauer, steht im Vordergrund. Von Zeit zu Zeit treten Tränen in ihr erstarrtes, dem Meer zugewandtes Gesicht, so wie die Wellen ans Ufer schlagen“, „Iason bleibt allein neben Medeas Leiche. Der heftige Schlag der Wellen gegen die Felsen und die Schreie der Möwen“ [Ibid.]. Wenn wir eine Parallele zu einer bestimmten Richtung der Malerei ziehen, dann ist das Stück stilistisch mit den deutschen oder englischen Maltechniken Romantik in Verbindung zu bringen mit ihrem Appell an erhabene Themen, mit der Kultivierung der Natur und der Natürlichkeit des Menschen, der natürlichen Sinnlichkeit, mit den leichten und luftigen Landschaften, mit der Widerspiegelung der Gefühle der Figuren in äußeren Naturzuständen. Medea, die am Ufer neben den Felsen steht, das Gesicht dem Meer zugewandt, und vor dem Hintergrund des Brandungsrauschens und der Möwenschreie auf Iason wartet, mag stilistisch aus malerischer Sicht mit dem Gemälde von C. D. Friedrich, einem Symbol der Romantik in der Malerei, in Verbindung gebracht werden.

Die Farbwahl, die auf den ersten Blick der im Drama von H. Müller ähnelt, zeichnet auch das Stück „Medeas Theater“ (2001) von V. Klimenko aus. Die vorherrschenden Farben spiegeln jedoch eher das Thema des Stücks wider, als dass sie die Atmosphäre einer düsteren Landschaft bilden. Rot, Schwarz, Weiß und Gold, die traditionell für die Gestaltung der Bühne und des Zuschauerraums angewandt werden, tauchen im gesamten Textraum auf und wecken gemäß den Zielen der „Willkür des Autors“ Assoziationen mit der Theaterwelt, der die Hauptfigur angehört, und

deuten auf ihre Wahrnehmung der Welt als Theater hin. Die Farben tauchen im Zusammenhang mit der Beschreibung des Theateralltags der Heldin auf: „<...> dann war da ein schwarzer Vorhang der schwarze Vorhang mit einem Mondbild ich glaube er war in Gold gestickt aber vielleicht war er silbern“, – und im Zusammenhang mit dem, was in ihrer Vorstellung beziehungsweise bei der Ausübung ihrer Rolle geschieht: „wir sitzen sie hat das goldene Kleid an“, „der Sonnenuntergang ist rot“, „heute geht die Sonne sehr rot unter“. In diesem Fall begleiten die Gold- und Rotfarben, die in den Bewusstseinsstrom der Heldin eingewoben sind, Szenen, die sich auf das antike Urbild derjenigen beziehen, deren Rolle die Schauspielerin schon immer spielen wollte, und die auf die klassische Periode der antiken Kultur und die königliche Herkunft von Medea rekurrieren. In demselben Kontext wird das Bild der Darstellerin von Medea ausgelegt, die von ihrem Edelmüt und der Vorstellung geprägt ist, dass „Frau dem Gott näher ist“. Diese Ausschnitte aus dem imaginären antiken Leben, die sich mit den Ereignissen des täglichen Lebens abwechseln, werden mit Gold und Licht beleuchtet, so wie die Theateraufführung mit Scheinwerfern beleuchtet wird: „heute Morgen war es besonders sonnig“, „er schickte einen feurigen Sonnenwagen hinter mir her“, „sie trägt ein goldenes Kleid und Sonnenstrahlen“ [Клименко].

Einen anderen Bedeutungsgehalt erhält die dunkle Farbe, die Dunkelheit in der Inszenierung von T. Lanoyes Stück „Mamma Medea“ (2003) [„Mamma Medea“ von Tom Lanoye...] im Schauspielhaus Hannover. Das Stück hatte, wie es die Deutschen formulieren, einen «Bombenerfolg» und begann seitdem seinen Siegeszug durch die Theater der Bundesrepublik. Was ist der Grund für diesen Erfolg? Der Erfolg des belgischen Dramatikers T. Lanoye auf der deutschen Bühne lässt sich in erster Linie dadurch erläutern, dass „Mamma Medea“ überraschenderweise dem aktuellen Zustand des öffentlichen und literarischen Bewusstseins in Deutschland an der Wende vom 20. zum 21. Jahrhundert entsprach, das durch die lange erwartete Vereinigung seiner westlichen und östlichen Teile ausgesprochen politisiert war. Dieses Ereignis brachte jedoch viele unerwartete Probleme mit sich und wird in verschiedenen Schichten der deutschen Gesellschaft, vor allem unter den Intellektuellen der ehemaligen DDR, immer noch ambivalent eingeschätzt. Wie die Zeitungen nach der Premiere im Theater Hannover schrieben, arbeitete der Regisseur Sebastian Nübling „hart“ an dem alten Mythos. Seine Idee bestand darin, dass jeder Mythos im Geiste der neuen Zeit modifiziert werden könne. Da der Mythos eine „monströse“ Ausdauer und Beständigkeit hat, kann man in seinen Interpretationen, wie in einer Art „Blackbox“, das Große und das Niedere mischen, ohne den ursprünglichen Sinn zu verletzen. Eine solche „Blackbox“, in der die majestätischen Helden des antiken Mythos zu kleinen und vulgären Marionetten werden, wurde vom Dekorateur des hannoverschen Theaters für diese Aufführung gebaut [Meyer-Arlt 2005].

Lanoyes Remix ist eine entpathetisierte Deutung der antiken Geschichte, in der sich Medea in eine unglückliche Bewohnerin eines modernen Standardplat-

tenhauses verwandelt. Der Regisseur treibt die Tendenz des Autors bis zur Absurdität. Diejenigen, die einst den stolzen Namen der Argonauten trugen, leben eben nicht in Korinth, in einem königlichen Palast oder wenigstens in einem gewöhnlichen Plattenhaus, sondern in einem vermüllten Nachtsyl oder in der Schmuddel-WG. Schwerer könnte Medea es nicht haben. Ihre Hoffnungen auf ein anderes Leben, eine andere, vollkommene Zivildisziplin, um derentwillen sie aus der Kolchis geflohen ist, haben sich in ein Zusammenleben mit Iasons halbverrücktem Gefolge und einer alternden Alkoholikerin – ihrer eigenen Tante, der ehemals mächtigen Zauberin Kirke – im schmutzigen Schmuddel-WG der neuen Welt verwandelt... Medeas Wahlqual und ihr angespannter innerer Monolog stehen ihr noch bevor, aber jetzt ruft sie, vertrauensvoll in Iason verliebt, aus: „Für dich lösche ich sogar die Sonne aus!“ Dieser Satz hat im Kontext des antiken Mythos eine besondere symbolische Bedeutung: Medea ist eine Nachfahrin sowohl von Helios, der Sonne, als auch von Hekate. In dieser Situation ist die Heldin der „nächtlichen“ Hekate, die in Zauberei und Tod verwickelt ist, völlig ausgeliefert.

In Tom Lanoyes Stück wurden alle klassischen Bilder der Antike einer Bedeutungsveränderung unterzogen. Dies gilt insbesondere für Iason. Er wurde durch die Phantasie des Autors und des Regisseurs von einem Helden in die Possenreißerfigur eines «Pseudokulturträgers», eines Banausen, eines Bürgers verwandelt. In dieser vulgären Welt ist sogar Medeas eigene Rache verflacht worden, ihr Zorn ist zu verzögert, er ist kein Feuer, sondern nur eine kleine Flamme. Die Geschichte des Theaters kennt viel majestätischere und mächtigere Emotionen und Gefühle in den Interpretationen dieser antiken Geschichte. Nur in der Gestalt von Aietes, dem König der Kolchis, kann man noch innere Stärke, Würde und echte Verzweiflung erkennen. Zwischen den anderen Marionetten wirkt er wie ein Mann aus einer anderen, längst verschwundenen Welt, an deren Grundlagen er um jeden Preis festzuhalten versucht.

Die beiden Teile des Stücks sind einander diametral entgegengesetzt. Dies wird schon durch die Titel „Zu Hause/in der Fremde“ und „In der Fremde/zu Hause“ betont. Es gibt eine wesentliche Nuance: die mythische Medea hat keinen Weg zurück, die moderne Medea kann noch zurückkehren. Der Autor lässt ihr diese Möglichkeit, wenn auch um einen hohen Preis. Die Bühne im ersten Akt des Stücks ist nur wenig beleuchtet, und die Scheinwerfer scheinen, das Publikum in die geheimnisvollen Tiefen der Vergangenheit eintauchen und in eine natürliche und schöne Welt entkommen zu lassen. Es ist eine Welt schöner, gesunder und im Kern natürlicher Figuren. Deren Schönheit wird vor allem durch ihre äußerst graziösen und eleganten Kostüme unterstrichen: durch die schimmernde Geisterhaftigkeit der Frauenkostüme und die betonte Strenge der Männerkostüme, die in deutlichem Kontrast zu den nachlässig und schmutzig gekleideten Argonauten stehen – den Suchern nach leichtem Profit, die eine Art „Kulturträger“ nachäffen können, deren geistiger Horizont sich auf zerrissene Jeans mit Taschen voller Kaugummi und klebriger

Schokolade beschränkt, die Iason und sein Gefolge in einer Art Ekstase auf ihre Körper schmieren. Übrigens wird der Geruch dieses klebrigen Schlammes die Zuschauer:innen (vor allem in den vorderen Reihen) verfolgen, so wie im zweiten Akt der Geruch von verbrannten Eiern aus der Küche einer schmutzigen Schmutzdel-WG sie verfolgt hat. Nicht umsonst warnt König Aietes „die in der Heimat Verwurzelten“ vor den Heimatlosen. Die schimmernde Tiefe der Unendlichkeit der Geschichte im zweiten Teil des Stücks steht im Kontrast zur hell und aufdringlich beleuchteten Vulgarität der modernen standardisierten Welt mit schrill gekleideten Argonauten und den kaputten Haushaltsgeräten, schmutzigen Kartons, Bananenschalen (die auf der Bühne verstreut sind), Tefal-Pfannen – der Welt, in die Medea, verführt von billigen Standard-souvenirs, bereitwillig hineingerät. In vielerlei Hinsicht kann die Szene mit surrealistischen Gemälden verglichen werden. Besonders auffällig sind der klebrige Schlamm der ungepflegten Argonauten und die schmutzigen Trümmer der Details vom postindustriellen Alltagsleben. Das Goldene Vlies, ein Fell, auf das niemand seine Aufmerksamkeit lenkt, liegt in einer schmutzigen Ecke. Im ersten Teil ist Medea die treibende Kraft der Handlung, die die Argonauten mit ihrer Aktivität beflügelt, während sie im zweiten Teil untätig ist. Mit ihrer erstarrten, angespannten Haltung, ihrem langen Schweigen „schreit“ Medea förmlich und zieht die Aufmerksamkeit des Publikums viel mehr auf sich als das laute, nutzlos herumwuselnde Gefolge Iasons auf der Suche nach einem Wohnungstausch. Auch sie fühlen sich so unwohl wie diese Barbarenfrau, die zufällig in die Welt der modernen Standards gelangt ist. Medeas Äußeres ist frappierend: wahrscheinlich muss sie dem Plan des Regisseurs zufolge lange versucht haben, dem sentimentalen Standard von Gretchen oder Lottchen zu entsprechen: ein blaues schlichtes Kleid, sorgfältig gelecktes blondes Haar – nichts von dem Charme der jungen

Medea aus dem ersten Akt. An ihr früheres Leben erinnert nur ein einziges, aber signifikantes Detail: das scharlachrote verhängnisvolle Kleid, das sie mitgenommen hat und das in ihrem Schrank hängt, dazu bestimmt, ein Instrument der Rache zu werden. Die Dualität des Bildes von Medea wird durch die zwiespältige Bedeutung hervorgehoben, die der Farbe ihrer Kleidung beigemessen wird: im ersten Teil der Aufführung symbolisiert sie Erhabenheit und Königlichkeit (wie im Stück von Klimenko), während sie im zweiten Teil Grausamkeit und Unvermeidlichkeit zukünftiger Rache versinnbildlicht. Der Handlungsort des ersten Teils des Stücks von T. Lanoye ist die antike Kolchis, der zweite Teil des Stücks soll im antiken Griechenland stattfinden, aber das Vokabular und das Drumherum der Ereignisse zeugen von der Gegenwart. In der von uns analysierten Theaterinszenierung wird die Handlung des zweiten Teils eindeutig in das moderne Deutschland der Nachwendezeit verlagert, was von der Fähigkeit des Mythos zeugt, die dringendsten Probleme der Epoche in sich aufzunehmen. Im Übrigen kann man die vorgelegte Interpretation auch im Sinne der zukünftigen Probleme der Einwanderer und des Multikulturalismus wahrnehmen. H. H. Jahnns Stück „Medea“ (1926), dessen Hauptfigur einer anderen Rasse angehört als ihre Umgebung, was ebenfalls zu ihrer Entfremdung beiträgt, kann als Vorläufer einer solchen Wendung des Medea-Stoffes angesehen werden. Bei der Analyse der geschlechtsspezifischen Probleme in T. Lanoyes Stück fällt auf, dass der Konflikt im ersten Teil des Textes zwischen dem paternalen Stil von Aietes Herrschaft und dem Drang der jungen und noch blauäugigen Medea nach Erneuerung und Freiheit entsteht, wobei es in gewisser Weise Anspielungen auf den Konflikt zwischen Matriarchat und Patriarchat gibt. Die Konfrontation zwischen Medea und Iason im zweiten Teil passt gut zu den modernen Konflikten des „Geschlechterkrieges“.

«Zu Hause/ in der Fremde»¹

¹ Abbildungen von Programmheft Schauspielhanover „Mamma Medea“ von Tom Lanoye Spielzeit 02/03.

Jason, Anführer und Kapitän der Argo

Medea und Jason

In der Fremde/ zu Hause

In der Fremde/ zu Hause

Groteske und farcenhafte Konfrontation der Geschlechter in dem Stück M. Kurotschkins, die sich in den düsteren und verschmutzten Landschaften des

Grabenkriegs abspielt, entspricht dem Geschlechterkonflikt in Ludmila Petruschewskajas Requiem-Erzählung „Medea“ (2001), die durch die Willkür der

Autorin in den engen, farblosen Raum eines durchschnittlichen Taxis verlagert wird. Die Gattung des Werkes dieser Autorin passt nicht in den üblichen Rahmen einer Erzählung, es handelt sich vielmehr um eine dramatische Etüde, deren Beteiligte über zwei oder drei Textseiten hinweg Zeilen austauschen, die wenig Ähnlichkeit mit einem Dialog haben, weil die Sätze spontan ausgesprochen werden: jede der Figuren will sich äußern, aber gleichzeitig ist es für die Beteiligten des Dialogs nicht so wesentlich, gehört und verstanden zu werden.

„Er sagte:

– Ich werde von Schuldgefühlen gequält. Ich bin schuld.

Ich blieb stumm, um diese Botschaft zu verdauen.

Er sagte Folgendes:

– Meine Tochter, die vierzehn Jahre alt war, ist gestorben.

Klar.

– Vor kurzem, am fünften Juni.

Deshalb schläft er nicht, der arme Chauffeur.

Er schaute mich mit seinen armen Augen an.

Aus irgendeinem Grund habe ich gesagt:

– Das Schlimmste ist das erste Jahr. Das erste Jahr ist das Schlimmste.

Er erwiderte:

– Es ist erst einen Monat her. Und es ist meine Schuld“ [Πποσα...].

Die „handelnden Personen“ reden aneinander vorbei, die „Ordnungsmäßigkeit“ des Gesprächs geht verloren. Die Figuren dieser dramatischen Skizze erscheinen wie entpersonalisiert, durch diese Technik überzeugt Petruschewskaja die Lesenden, dass sie gewöhnliche Menschen sind, Helden der Menge, der Massen, ihre Lebensumstände, Misserfolge und Unglücke sind typisch für die moderne Gesellschaft, einschließlich der geschlechtsspezifischen Probleme, die die Frau des Taxifahrers zu einer modernen Medea, der Kindermörderin, werden lassen, denn Gleichgültigkeit und Verrat sind zu einem Brauch und einem Hauptprinzip der modernen Gesellschaft geworden. Die Verformung der Welt, die Zerstörung der Geschlechterstereotypen führen dazu, dass nur die Frau die Verantwortung für ihre Familie und für alles, was um sie herum geschieht, übernimmt, ohne auf die Unterstützung anderer zu zählen.

Die Geschichte des namenlosen Taxifahrers ist durchaus mit dem Ausmaß und der Kraft einer antiken Tragödie vergleichbar, obwohl die mythologische Assoziation nur durch den Titel des Textes unterstützt wird. Tatsächlich wird seine Geschichte von der Autorin in wenigen einfachen und daher völlig hoffnungslosen Dialogzeilen auf den Punkt gebracht: „Vor einem Monat starb meine vierzehnjährige Tochter“; „Ich bin schuld, ich habe mich zu sehr gehen lassen“; „meine Frau ist in einer Klapsmühle, meine Tochter wurde brutal ermordet“; „es war meine Frau, die meine Tochter getötet hat. Sie ist im Butyrka-Gefängnis. Dort gibt es eine Abteilung für Geistesranke“; „sie kam selbst zur Polizei und brachte ein blutiges Messer und eine Axt mit...“; „meine Tochter und ich... Wir haben an nichts gedacht... Ich habe mir viel erlaubt, das ist es. Ich bin schuld daran. Sie sitzt, in einem Wahn befan-

gen, jetzt allein im Gefängnis und wartet auf ihre Hinrichtung“ [Πποσα...]. Die lexikalische Einfachheit der Botschaft trägt nur zur Schwere des Eindrucks, den seine Geschichte hinterlässt, und lässt uns denken, dass in der Tat jede Frau, zum Beispiel die Beifahrerin in der Skizze, unter bestimmten Umständen die Rolle der Medea spielen kann, deren Name zwar im Titel genannt wird, aber in der Geschichte nicht ein einziges Mal auftaucht, er ist eher eine Art Metapher, die die gesamte Handlungslinie umfasst, in der der Konflikt „verschlüsselt“ ist und die Rollen programmiert sind.

Die Verwandtschaft des Bildes von Medea mit den vielfältigen mentalen Codes, die in nationalen Sitten und Riten verkörpert sind, impliziert weitreichende Möglichkeiten der Nutzung moderner verbaler und audiovisueller Verfahren. Die Intermedialität, das Bedürfnis nach Synthese, wird zusammen mit der Berufung auf den Mythos zu einem spezifischen Merkmal, einem universellen künstlerischen Prinzip, einem dominierenden Zug der zeitgenössischen künstlerischen Kultur. Das Bild der Medea, das ursprünglich spezifische Merkmale unterschiedlicher nationaler Kulturen und historischer Epochen in sich aufnahm, zeugt von der altgriechischen Mythologie als einem System kultureller Codes, von der Polyvariabilität des Mythos und seinen intermedialen Intentionen, die zusammen zur Entstehung eines neuen Typs von Kommunikation und einer neuen Methode der „Aussage“ führen, Möglichkeiten für die Gestaltung neuer Formen und Methoden der Kommunikation eröffnen, die Grenzen bestehender Genres erweitern und neue Genre-Modifikationen schaffen.

In den zu analysierenden Auslegungen des Medea-Stoffes im 21. Jahrhundert lassen sich eine Reihe von Beispielen für transformatorische und ontologische Intermedialität anmerken. Als Beispiel für transformatorische Intermedialität in der Struktur des Dramas können wir die in V. Klimenkos Stück „Medeas Theater“ (2001) beschriebenen Realien des Theaterlebens erwähnen, die es ermöglichen, die innere Welt der Figuren zu enthüllen. Indem Malerei oder Bildhauerei traditionell als Material für die Übersetzung aus einem Zeichensystem in ein anderes verwendet wird (ontologische Intermedialität), ist es bei L. Gaudé, einem zeitgenössischen französischen Schriftsteller und Dramatiker, Gewinner des Prix Goncourt, eine für die Literatur untypische Kunstform – der Tanz („Médée Kali“, 2003). Damit tritt L. Gaudé in die Fußstapfen von H. H. Jahnn, der in seinem Stück „Medea“ zum ersten Mal dieses Bild mit dem Element des Tanzes verknüpfte. Für beide Heldinnen ist der Tanz kein Beruf, sondern ein integraler Bestandteil ihres gegenwärtigen (L. Gaudé) oder vergangenen (H. H. Jahnn) Lebens, der ihr Wesen offenbart. Eine solche Bezugnahme auf den Tanz geht auf die deutsche Tradition der Darstellung des tanzenden Philosophen bei F. Nietzsche zurück, der den Tanz im Zusammenhang mit der Trennung des Apollinischen und Dionysischen als integralen Bestandteil des Dionysischen charakterisiert, als Manifestation des kollektiven, tribalen Instinkts, des archaischen, irrationalen Ursprungs, was H. H. Jahnnns Forderung nach der Befreiung der von der Gesellschaft unterdrückten

Urprinzipien der menschlichen Natur entspricht. Der Tanz, ein Element des Rituals, erscheint in Medeas Jugenderinnerungen: „Die Schwarze Tempelhalle aber steht zu Kolchis, die Säulengehäufte schwarze Halle steht zu Kolchis, darin des Helios Enkelin tanzend Dienst tat“ [Jahn Hans Henny Werke in Einzelbänden 1988: 633, 651]. Seine Erwähnung wird auch zum letzten schrecklichen Vorwurf, der Iason an ihr hohes Alter und die für ihn erbrachten Opfer erinnert: „Hier steht das fette schwärzlich graue Weib, hier meine Brüste, fett und schlaff zu gleich ... Wollt Ich mich tanzen sehn, wie's schwappt an mir“.

Da sie, wie Medea Kali, für die Griechen nicht nur eine Fremde, eine Barbarin, sondern auch eine Vertreterin eines exotischen Landes ist, beherrscht Medea H. H. Jahnn eine Kunst, die am wenigsten mit dem klassischen Apollinismus verknüpft ist. Im Gegenteil, bringt die Kraft des Tanzes H. H. Jahnn Heldin dem ekstatischen Dionysischen näher, die Figur wird als „eine gewaltige dunkle Kraft, eine ‚schwarze Auserwählte‘, eine Rächerin an dem Menschen und der Menschheit für ihre Ablehnung der menschlichen Natur“ wahrgenommen.

Der Tanz begleitet die wichtigsten Ereignisse im Leben der Heldin von „Médée Kali“ und ist ein Teil ihres Wesens. Der Tanz, der die Menschen um sie herum in seinen Bann zieht, etwas, was es ihr neben ihrer Schönheit ermöglicht hat, dem Schicksal anderer Mitglieder ihrer Kaste zu entkommen: „Et mon corps, à son tour, aurait dû couler doucement dans les eaux du Gange, Mais j'étais belle. J'étais belle et je savais danser“ [Gaudé 2003: 24–25] („Und mein Körper hätte langsam im Wasser des Ganges schwimmen sollen, aber ich war schön. Ich war schön und ich konnte tanzen“), „J'aurais pu n'être que ceci: Une mendiante qui danse, Une pestiférée plus jolie que les autres. Mais la danse m'a sauvée“ („Ich hätte nichts mehr sein können als eine Bettlerin, die tanzt, verpestet, schöner als andere. Aber der Tanz hat mich gerettet“). Medeas Tanz wird, außer der ersten Episode, nach der die Brahmanen sie in den Tempel bringen und sie zur Göttin Kali wird und die Ufer des Ganges verlässt, noch dreimal erwähnt: nach der Ermordung der Kinder, nach der Verbrennung der Leichen und vor dem Warten auf ihren Tod durch Perseus, als Ergebnis der „Willkür des Autors“ oder der individuellen Mythenbildung, die Medea tötet, die sozusagen zu einer weiteren Erscheinungsform einer anderen mythischen ikonischen Heldin geworden ist – der Gorgone. Diese Kunstart begleitet also in den ersten beiden Episoden den Übergang der Protagonistin von einem sozialen Status zum anderen, von einer Erscheinungsform zur anderen. Die Integration von Kunstformen, vor allem die Einführung des Tanzes in den künstlerischen Raum des Stücks, dient nicht nur dazu, die Grenzen der klassischen mythologischen Handlung zu erweitern, sondern unterstreicht auch die Vielseitigkeit des Bildes der Heldin, die in ihrer Schönheit und Wildheit fasziniert. Die untersuchten Werke von V. Klimenko, H. H. Jahnn, T. Lanoye, L. Rasumowskaja und L. Gaudé bieten reichhaltiges Material für die Analyse der Erscheinungsformen der ontologischen Intermedialität, wenn eine Kunst die Methoden und Techni-

ken einer anderen zum Einsatz bringt, die figurative Bedeutung ihrer typischen Merkmale (Farbe, Form, Komposition) übernimmt, um die Handlung und die Bilder tiefer zu enthüllen. So ist das Stück des französischen Dramatikers J. Anouilh, der sein Drama „Médée“ (1946) fast vor einem halben Jahrhundert vor L. Gaudé schuf, nicht nur im Zusammenhang mit den im Text vorherrschenden Farbschemata zu erforschen, auch in dessen Verbindung mit den solch ikonischen, aber sehr unterschiedlichen Tendenzen in der Malerei wie dem Symbolismus oder dem Expressionismus. Dies erklärt das Fehlen traditioneller Beschreibungen im Stück. Das Stück wird aufgrund seiner emotionalen Wirkung auch beim Lesen visuell wahrgenommen. Die szenischen Landschaften sind minimal, die Verformung des Raums ist zu beobachten, was die Gedankenrichtung bestimmt und die Emotionalität der Wahrnehmung verstärkt.

L. Gaudés Medea Kali ist mit der Fähigkeit gesegnet, Menschen in Stein zu verwandeln und Statuen zu beleben, was die Poetik des Stücks nicht nur mit der Kunst des Tanzes, sondern auch mit der Bildhauerei verbindet und darüber hinaus den Bedeutungsgehalt des antiken Bildes der Zauberin Medea mit der Eigenschaft der Gorgone Medusa mit den sich bewegenden Haarschlangen verknüpft, die auch in dem Stück zum Tragen kommt. So werden die Korinther, die die Heldin verfolgen, von ihr zu Stein verwandelt: „C'est la foule de ceux qui sont restés saisis dans l'effroi pour l'éternité“ [Gaudé 2003: 17, 16] („Es ist eine Menge von Menschen, die auf ihrem Weg in die Ewigkeit von Angst gepackt werden“), aber sie bewahren immer noch ihre menschlichen Gefühle: „Tu croyais à des statues immobiles, Des hommes figés dans la pierre Et pourtant examine bien leurs traits lorsque j'approche mon Visage du leur. Tu as vu ? Là. Regarde. Un frisson parcourt la pierre. Ils me sentent La terreur monte en eux“ („Du denkst an diese unbeweglichen Statuen, in Stein erstarrte Männer, nun sieh dir ihre Züge gut an, während ich mein Gesicht ihnen nahe bringe. Siehst du es? Dort. Sieh. Ein Schauer läuft durch den Stein. Sie fühlen mich. Furcht steigt in ihnen auf“). Interessant ist, dass die Raffinesse dieser Facette im Text auch lexikalisch durch die mannigfaltigen Bedeutungen des Wortes «versteinern» realisiert wird, das auf einen psychologischen und physiologischen Zustand bezogen wird. Medea und Medusa, beide mythologischen Heldinnen, verbindet das bittere Schicksal der Ausgestoßenen, der Exilanten, der Fremden, und das ihnen zugefügte Unrecht, nach dem sie sich in besessene Rächerinnen verwandeln, verleiht der Wahrnehmung ihrer Bilder eine Zweideutigkeit, eine Art Ambivalenz, und der Status des Fremden ermöglicht es, dieses mythologische Bild bei der Darstellung von Konflikten auf der Grundlage des Multikulturalismus zu verwenden.

Die methodologische Grundlage für die Analyse zahlreicher Dramaversuche, die Medea im 20. und 21. Jahrhundert gewidmet sind, wird durch die Spezifik der Analyse synkretistischer Kunstformen und die

¹ Подробно об этом в статье О. И. Савиных, используется ее перевод цитат из пьесы Л. Годэ: [Савиных 2018].

Offenlegung ihrer polycodischen Basis bestimmt. So haben wir es dank der „Willkür des Autors“ oder der individuellen Mythenbildung der Schaffenden mit einem sonderlichen weltanschaulichen Paradigma zu tun, das bekannte mythologische Motive und Bilder im Lichte zeitgenössischer Konflikte immer wieder neu kombiniert und ihre Zeitlosigkeit und Relevanz unter Beweis stellt. Die von uns analysierten Autoren und Autorinnen der deutschen, französischen, belgischen und russischen Dramaturgie des 20. und frühen 21. Jahrhunderts greifen auf die Möglichkeiten der Intermedialität zurück, die die Idee der Synthese hervorhebt, um die Bühnenlandschaften so zu konstruieren, dass eine ganzheitliche Welt entsteht, die der Zerstörung der moralischen und traditionellen Werte oder der Welt einer paternalen Zivilisation gegenübersteht; um die Spontaneität und Destruktivität der Kraft, mit der das Individuum konfrontiert wird, zum Ausdruck zu bringen; um die Charaktereigenschaften des Helden zu betonen und zu ergänzen oder das Thema der Vorbestimmung des menschlichen Schicksals einzuführen und vieles mehr. So lässt sich am Beispiel der Transformation einer mythologischen

Handlung im diachronen und synchronen Kontext die Produktivität eines besonderen Typs intratextueller Wechselbeziehungen in einem künstlerischen Werk, das auf dem Zusammenspiel künstlerischer Codes verschiedener Kunstgattungen beruht, nachzeichnen und untersuchen.

In diesem Zusammenhang hatte Sebastian Nübling, Regisseur des Schauspielhauses Hannover, Recht, als er argumentierte, dass jeder Mythos im Hinblick auf die Probleme jeder Epoche modifiziert werden kann. Die jahrhunderte- und jahrtausendealte Tiefe des Mythos gestattet es, dank der „Willkür des Autors“ – der individuellen Mythenbildung – diese gigantische „Blackbox“, deren Zweck durchaus multifunktional ist, zum Raum sowohl für ein Schafott als auch für eine Seebrücke zu machen, ohne ihren ursprünglichen Sinn zu verlieren, ebenso wie für eine Festungsmauer oder ein Museumsfenster, in dem das Goldene Vlies ausgestellt ist, das von den modernen Argonauten ebenso gesucht wird wie vom antiken Iason und das immer nur von einem Barbaren, einer heimtückischen Rächlerin und einer Zauberin – Medea – erlangt werden kann.

Литература

- Грейвс, Р. Мифы Древней Греции / Р. Грейвс. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.
- Еврипид. Трагедии. Т. I / Еврипид ; пер. с древнегреч. И. Анненского, С. Апта. – М. : Искусство, 1980. – 550 с.
- Иванова, И. С. Причины утраты женственности героиней античных трагедий Медеей и этическая оценка данного явления / И. С. Иванова. – Текст : электронный // Сервис plus. – 2014. – № 8 (3). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-utraty-zhenstvennosti-geroiney-antichnyhtragediy-medeeey-i-eticheskaya-otsenka-dannogo-yavleniya> (дата обращения: 01.06.2019).
- Ивлиева, П. Д. От П. Корнелия к Л. Улицкой: эволюция образа Медеи в европейской литературе / П. Д. Ивлиева // Филология: научные исследования. – 2017. – № 3. – С. 117–124.
- Клименко, В. А. Театр Медеи / В. А. Клименко. – URL: <http://klimteatr.narod.ru/medea.htm/> (дата обращения: 05.09.2016). – Текст : электронный.
- Курочкин, М. Истребитель класса «Медея»: пьеса в двух действиях / М. Курочкин. – URL: <http://www.newtext.narod.ru/orp/kurochkin/medeia.htm> (дата обращения: 05.09.2016). – Текст : электронный.
- Мюллер, Х. Медея. Материал / Х. Мюллер // Проза. Драммы. Эссе. Диалоги. – М. : РОССПЭН, 2012.
- Петросян, А. Е. Миф об аргонавтах: индоевропейские параллели и история / А. Е. Петросян // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XX (2) (чтения памяти И. М. Тронского) : материалы Международ. конф., проходившей 20–22 июня 2016 г. / отв. ред. Н. Н. Казанский. – СПб. : Наука, 2016. – С. 861–878.
- Проза: Современная проза: Медея: Людмила Петрушевская. – URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/13/j20.html?ysclid=lrhzi87luv411039260 (дата обращения: 05.09.2016). – Текст : электронный.
- Разумовская, Л. Медея / Л. Разумовская. – URL: http://theatre-library.ru/files/r/razumovskaya/razumovskaya_7.doc/ (дата обращения: 18.11.2016). – Текст : электронный.
- Савиных, О. И. Интермедиаальный дискурс в русско-немецких драматургических трансформациях сюжета о Медее XX–XXI веков / О. И. Савиных, Т. А. Шарыпина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Т. 45, № 7. – С. 70–79.
- Савиных, О. И. К проблеме интеграции искусств в поэтике пьесы Л. Годе «Медея Кали» / О. И. Савиных // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 241–245.
- Сейбель, Н. Э. Власть и страсть в трагедиях о Медее Х. Мюллера и Л. Разумовской / Н. Э. Сейбель // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 11 (152). – С. 103–108.
- Фридрих Ницше. Рождение трагедии / под ред. А. А. Россиуса ; пер. А. В. Михайлова. – М. : Ad Marginem, 2001. – 734 с.
- Шарыпина, Т. А. «Ифигения в Тавриде» Гете на рубеже XXI века / Т. А. Шарыпина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. – 2001. – № 1. – С. 116–124.
- Georg, S. Modell und Zitat. Mythes und Mythisches in der deutschsprachigen Literatur der 80-er Jahre / S. Georg. – Aachen, 1998. – 260 S.
- Gaudé, L. Médée Kali / L. Gaudé. – Arles, Actes Sud, 2003. – 48 S.
- Göbel-Uotila, M. Medea. Ikone des Fremden und des Anderen in der europäischen Literatur des 20. Jahrhunderts / M. Göbel-Uotila. – Hildesheim ; Zürich ; New York : Olms-Weidmann, 2005. – 327 S.

Grăcian, J. Die Politisierung des antiken Mythos in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur / J. Grăcian. – Tübingen : Niemeyer, 2000. – 350 S.

Heiner Müller verkommenes ufer medeamaterial landschaft mit argonauten. – URL: <https://muhaz.org/heiner-muller-verkommenes-ufer-medeamaterial-landschaft-mit-ar.html> (mode of access: 01.06.2019). – Text : electronic.

Jahn Hans Henny Werke in Einzelbänden / Hrsg. von Uwe Schweikert. – Hamburger Ausg. – Hamburg : Hoffmann u. Campe. Dramen I. 1917–1929: Dramen, dramatisches. Versuche, Fragm. (Fragmente einer Offensive) ; Öffentlichkeit – Theater – Dramatiker / hrsg. von Ulrich Bitz. I Aufl. – 1988. – 1248 S.

„Mamma Medea“ von Tom Lanoye nach Apollonios von Rhodos und Euripides. Deutsch von Reiner Kersten. – URL: https://www.schultheatertexte.de/downloadable/download/linkSample/link_id/52/ (mode of access: 01.06.2019). – Text : electronic.

Müller, H. Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten / H. Müller // Müller H. Stücke / Heiner MÜLLER ; Hrsg. u. mit einem Essay von Joachim Fiebach. – Berlin : Kunst u. Ges. (Henschelverl.), 1988.

Mythos Medea. Herausgegeben von Ludger Lütkehaus. – Leipzig : Reclam, 2001. – 334 S.

Meyer-Arlt, R. Alles vliet / R. Meyer-Arlt // Hannoverische Allgemeine Zeitung. – 2005. – No. 22.

Neumann, E. Die grosse Mutter: eine Phänomenologie der weiblichen Gestaltungen des Unbewussten / E. Neumann. – Walter-Verlag AG OLTEN und Freiburg, 1987. – S. 351.

Schulz, G. Eine andere Medea / G. Schulz // Archaische Moderne / hrsg. von Hartmut Böhme, Uwe Schweikert. Der Dichter, Architekt und Orgelbauer Hans Henny Jahn. – Stuttgart : M und P, Verl. für Wiss. und Forschung, 1996. – S. 110–126.

References

Euripid. (1980). *Tragedii* [Tragedies]. Vol. I. Moscow, Iskustvo. 550 p.

Gaudé, L. (2003). *Médée Kali*. Arles, Actes Sud. 48 S.

Georg, S. (1998). *Modell und Zitat. Mythes und Mythisches in der deutschsprachigen Literatur der 80-er Jahre*. Aachen. 260 S.

Grăcian, J. (2000). *Die Politisierung des antiken Mythos in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. Tübingen, Niemeyer. 350 S.

Graves, R. (1992). *Mify Drevnei Gretsii* [Myths of Ancient Greece]. Moscow, Progress. 624 p.

Göbel-Uotila, M. (2005). *Medea. Ikone des Fremden und des Anderen in der europäischen Literatur des 20. Jahrhunderts*. Hildesheim, Zürich, New York, Olms-Weidmann. 327 S.

Heiner Müller verkommenes ufer medeamaterial landschaft mit argonauten. URL: <https://muhaz.org/heiner-muller-verkommenes-ufer-medeamaterial-landschaft-mit-ar.html> (mode of access: 01.06.2019).

Ivanova, I. S. (2014). Prichiny utraty zhenstvennosti geroinei antichnykh tragedii Medeei i eticheskaya otsenka dannogo yavleniya [Loss of Femininity by Medea: Reasons and an Ethical Evaluation]. In *Servis plus*. No. 8 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-utraty-zhenstvennosti-geroiney-antichnykhtragediy-medeei-i-eticheskaya-otsenka-dannogo-yavleniya> (mode of access: 01.06.2019).

Ivlieva, P. D. (2017). Ot P. Kornelya k L. Ulitskoi: evolyutsiya obraza Medei v evropeiskoi literature [From P. Kornel to L. Ulitskaya: The Evolution of the Image of Medea in European Literature]. In *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. No. 3, pp. 117–124.

Jahn Hans Henny Werke in Einzelbänden / Hrsg. von Uwe Schweikert. Hamburger Ausg. Hamburg : Hoffmann u. Campe. Dramen I. 1917–1929: Dramen, dramatisches. Versuche, Fragm. (Fragmente einer Offensive); Öffentlichkeit – Theater – Dramatiker / hrsg. von Ulrich Bitz. I Aufl. 1248 S.

Klimenko, V. A. *Teatr Medei* [Theatre of Medea]. URL: <http://klimteatr.narod.ru/medea.htm/> (mode of access: 05.09.2016).

Kurochkin, M. *Istrebitel' klassa «Medeya»: p'esa v dvukh deistviya* [The Medea Class Fighter is a Two-Act Play]. URL: <http://www.new-text.narod.ru/orp/kurochkin/medeia.htm> (mode of access: 05.09.2016).

„Mamma Medea“ von Tom Lanoye nach Apollonios von Rhodos und Euripides. Deutsch von Reiner Kersten. URL: https://www.schultheatertexte.de/downloadable/download/linkSample/link_id/52/ (mode of access: 01.06.2019).

Meyer-Arlt, R. (2005). Alles vliet. In *Hannoverische Allgemeine Zeitung*. No. 22.

Müller, H. (1988). Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten. In Müller, H. *Stücke*. Berlin, Kunst u. Ges. (Henschelverl.).

Müller, H. (2012). Medeya. Material [Medea. Material]. In *Proza. Dramy. Esse. Dialogi*. Moscow, ROSSPEN.

Mythos Medea. Herausgegeben von Ludger Lütkehaus. (2001). Leipzig, Reclam. 334 S.

Neumann, E. (1987). *Die grosse Mutter: eine Phänomenologie der weiblichen Gestaltungen des Unbewussten*. Walter-Verlag AG OLTEN und Freiburg, S. 351.

Petrosyan, A. E. (2016). Mif ob argonavtakh: indoeuropeiskie paralleli i istoriya [The Myth of the Argonauts: Indo-European Parallels and History]. In Kazansky, N. N. (Ed.). *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya-XX (2) (chteniya pamyati I. M. Tronskogo): materialy Mezhdunarod. konf., prokhodivshei 20–22 iyunya 2016 g.* Saint Petersburg, Nauka, pp. 861–878.

Proza: Sovremennaya proza: Medeya: Lyudmila Petrushevskaya [Prose: Modern Prose: Medea: Lyudmila Petrushevskaya]. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/13/j20.html?ysclid=lrhzi87luy411039260 (mode of access: 05.09.2016).

Razumovskaya, L. *Medeya* [Medea]. URL: http://theatre-library.ru/files/r/razumovskaya/razumovskaya_7.doc/ (mode of access: 18.11.2016).

Rossius, A. A. (Ed.). (2001). *Fridrikh Nitsshe. Rozhdenie tragedii* [Friedrich Nietzsche. The Birth of Tragedy]. Moscow, Ad Marginem. 734 p.

Savinykh, O. I. (2018). K probleme integratsii iskusstv v poetike p'esy L. Gode «Medeya Kali» [On the Problem of Integration of Arts in the Poetics of L. Gode's Play "Medea Kali"]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 3, pp. 241–245.

Savinykh, O. I., Sharypina, T. A. (2023). Intermedial'nyi diskurs v russko-nemetskikh dramaturgicheskikh transformatsiyakh syuzheta o Medee XX–XXI vekov [Intermedial Discourse within the Russian-German Dramatic Transformations of the Plot about Medea in 20th–21st Centuries]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 45. No. 7, pp. 70–79.

Schulz, G. (1996). Eine andere Medea. In *Archaische Moderne* / hrsg. von Hartmut Böhme, Uwe Schweikert. Der Dichter, Architekt und Orgelbauer Hans Henny Jahn. Stuttgart, M und P, Verl. für Wiss. und Forschung, S. 110–126.

Seibel, N. E. (2014). Vlast' i strast' v tragediyakh o Medee Kh. Myullera i L. Razumovskoi [Power and Passion in the Tragedies of Medea by H. Muller and L. Razumovskaya]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 11 (152), pp. 103–108.

Sharypina, T. A. (2001). «Ifigeniya v Tavride» Gete na rubezhe XXI veka [“Iphigenia in Tauris” by Goethe at the Turn of the 21st Century]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya*. No. 1, pp. 116–124.

Данные об авторе

Шарыпина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Адрес: 603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.

E-mail: swawa@yandex.ru.

Author's information

Sharypina Tatiana Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Literature, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

Дата поступления: 26.02.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 26.02.2024; date of publication: 30.10.2024

УДК 82-311.2. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-144-152. ББК Ш33(0)64-3.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

THE THEME OF SURROGACY IN CONTEMPORARY NOVEL

Irina G. Polyakova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9619-2152>

Olga G. Sidorova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2813-7514>

Abstract. Although surrogacy is a relatively recent phenomenon, it is rapidly becoming a significant topic in social and cultural discussions. This article explores Russian and English-language novels addressing surrogacy, written between 2010 and 2023. The study takes an interdisciplinary approach, combining ethical and legal research on surrogacy with historical and literary analysis, particularly focusing on how the scientific and technological revolution is depicted in literature. The urgency of the article can be attributed to the need to comprehend scientific achievements in contemporary fiction, and it is the first Russian study to focus on surrogacy in modern novels. The topic appears in the works by popular authors like T. Ustinova, A. and S. Litvinovs, and T. Carver, in the so-called external action novels such as detective novels, thrillers, and melodramas, as well as in novels written in the genre of courtroom drama. In addition to the sensational elements, these works also serve an educational purpose, providing legal information on surrogacy, including quotations from laws and references to real medical and judicial cases. The study examines in more detail S. Spindler's "Surrogate Mother" (2021) as a psychological novel about a modern woman's life and priorities and J. Ramos's "The Farm" (2019), a dystopian novel, depicting surrogacy as a widespread, legal, and profitable business. Ramos connects the issue of surrogacy with contemporary concerns like gender, social, and racial inequality, turning parts of the novel into a sharp social critique. The publication of the novel became a salient literary and socio-cultural event. The undertaken analysis shows that surrogacy is gaining increasing attention in modern fiction, featured in both popular novels and more complex works across different genres. This theme holds considerable artistic potential and is likely to be further explored in the future.

Keywords: reproductive technologies; surrogacy; scientific and technological revolution in literature; modern novel; genre

For citation: Polyakova, I. G., Sidorova, O. G. (2024). The Theme of Surrogacy in Contemporary Novel. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 144–152. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-144-152.

ТЕМА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ

Полякова И. Г.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9619-2152>

SPIN-код: 3550-7570

Сидорова О. Г.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2813-7514>

SPIN-код: 6646-7488

Аннотация. Тема суррогатного материнства как явления, появившегося в жизни человечества относительно недавно, активно входит в социальное и культурное пространства. В статье исследуются отечественные и англоязычные романы, посвященные суррогатному материнству, написанные в период с 2010 по 2023 гг. Статья носит междисциплинарный характер, поскольку авторы опираются, с одной стороны, на этико-правовые исследования в области суррогатного материнства, с другой – на историко-литературные материалы, в частности на работы, посвященные отображению НТР в литературе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления новейших научных достижений в литературе, новизна – тем фактом, что впервые в отечественной науке проводится анализ романов, посвященных теме суррогатного материнства. Показано, что тема широко используется популярными авторами (Т. Устинова, А. и С. Литвиновы, Т. Карвер и др.) так называемых романов внешнего действия (детективы, триллеры, мелодрамы), а также в романе, написанном в жанре судебной драмы. Несмотря на элемент сенсационности, все произведения обладают просветительской функцией, поскольку включают в себя информацию о законодательстве в области суррогатного материнства, о реальной медицинской и судебной практике, в ряде случаев цитируют статьи законов. Отдельно рассматривается произведение британской писательницы С. Спиндлер «Суррогатная мать» (2021) – психологический роман о жизни современной женщины и ее предназначении. Роман американской писательницы филиппинского происхождения Дж. Рамос «Ферма» (2019) – антиутопия, в мире которой суррогатное материнство рассматривается как массовый, легальный и прибыльный бизнес. Проблемы суррогатного материнства рассматриваются автором в комплексе с рядом острых проблем современности, таких как гендерное, социальное, расовое неравенство, и в некоторых своих частях роман становится острым социально-

критическим повествованием. Выход романа стал заметным литературным и социокультурным явлением. Проведенный анализ показал, что тематика и проблематика суррогатного материнства все чаще находит отражение в современной литературе, как правило, в романах популярных жанров, но также в сложных с жанровой точки зрения произведениях. Полагаем, что потенциал, заложенный в художественном воплощении темы, будет полнее раскрыт в дальнейшем.

Ключевые слова: репродуктивные технологии; суррогатное материнство; НТР в литературе; современный роман; жанр

Для цитирования: Полякова, И. Г. Тема суррогатного материнства в современном романе / И. Г. Полякова, О. Г. Сидорова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 144–152. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-144-152.

The development of surrogacy, on the one hand, brings the joy of parenthood to many, but on the other, it raises a number of ethical, legal, psychological, and social issues. The process of becoming parents involving third parties is a deeply personal, delicate, and complex matter. Both surrogate mothers and recipients face difficult moral and ethical decisions – not only when deciding to participate in such programs, but throughout the following phases of pregnancy, birth, and the determination of parental rights.

Surrogacy, a relatively recent phenomenon in human life, is increasingly entering social, cultural, and literary spaces. Research has examined surrogacy from various perspectives, including ethical [Piersanti et al. 2021; Ellenbogen et al. 2021], anthropological, and legal [Ghodrati 2023] viewpoints. In this article, we analyze how surrogacy is portrayed in contemporary fiction. Our interdisciplinary approach draws on recent studies, official data from the Russian Association for Human Reproduction (RAHR), and historical and literary materials. We believe it is both possible and necessary to incorporate information about the legal framework and practical implementation of surrogacy, as public understanding of the subject remains limited despite its significant societal impact.

For this study, we looked at novels by contemporary Russian and English-speaking authors, choosing well-known writers whose works have been reviewed in the media. All novels were written between 2009 and 2021. The relevance of this research stems from the fact that surrogacy is a new reproductive technology whose status in public consciousness remains unclear. To date, no studies have focused on surrogacy in literature, making this research particularly novel.

In fiction, interest in scientific and technological progress surged in the 19th and early 20th centuries, led by authors like Jules Verne, H. G. Wells, and Karel Čapek. Mid-20th century literature expanded on this theme, while literary studies of the late Soviet period provided a more in-depth analysis of these developments. For instance, in 1974, the influential journal *Voprosy literatury* (“Issues of Literature”) conducted a roundtable discussion titled “The Scientific and Technological Revolution and Literature,” which opened with the following statement: “Our era is the age of the scientific and technological revolution, a monumental leap toward humanity’s true dominance over nature. In this context, new relationships between humans and the world inevitably come to the forefront. These relationships are far from simple or unambiguous. Even Goethe, in ‘The Sorcerer’s Apprentice’, grasped the dialectic of this process, already pointing out that the development of science not only promises humani-

ty growth and triumph but also brings certain threats to the human spirit. Our time confirms the accuracy of this poetic prediction” [Fekete, Csoóri et al. 1974: 81–82].

There is no doubt that the principles discussed remain relevant in the 21st century. In 1979, the prominent Soviet literary scholar V. V. Ivasheva, in her monograph “On the Threshold of the 21st Century: The Scientific and Technological Revolution in Literature”, identified three key trends in the literature of that period: a shift toward documentary realism among many diverse writers, an increased focus on scientific progress across various genres (especially in science fiction), and a greater interest in philosophical reflection, resulting in more philosophical prose, drama, and poetry [Ivasheva 1979: 21–22]. Ivasheva also pointed out the following: “The revolution in biology that brought about the new theory of genes in the mid-20th century could not fail to capture the attention of writers worldwide” [Ivasheva 1979: 161]. By analyzing novels from different authors, she demonstrates how advancements in genetics and medicine have been used by writers across genres – whether in sensational, social, philosophical, science fiction, or even detective novels.

In 1982, P. Ulyashev, in his article “‘Electric People,’ or Unity Without Struggle (Some Problems of the Scientific and Technological Revolution in Literature and the Movement of Conflict),” examines novels by prominent Soviet authors that explore the themes of the scientific and technological revolution through the lens of their genres: “These are not novels of character. These are **novels of ideas** (*emphasis in the original*), wrapped in contemporary debates on morality. These works are filled with scientific hypotheses, woven into the fabric of artistic narrative. This, in itself, is a phenomenon of the era of the scientific and technological revolution. The production novel was followed by the **science popularization novel**” [Ulyashev 1982: 135]. Additionally, the article also analyzes novels that the critic classifies as **educational**: “Their authors, like the writers of the 1920s, are driven by the idea of a ‘world revolution,’ but now it is the scientific and technological revolution” [Ulyashev 1982: 135]. We believe that this strategy of genre analysis can be successfully applied to the study of contemporary novels.

In contemporary literature, the effects of technological advancements are more frequently represented in dystopian novels that concentrate on the dramatic and often catastrophic consequences of progress. British literature scholar F. Tolan links this shift in literary focus not only to the threats posed by the unpredictable advancement of scientific knowledge but also to other factors, particularly humanity’s longstanding fear of the arrival of a new century, in this case, a new

millennium, which began with the tragic events of September 11, 2001. As a result, Tolan notes, there has been a proliferation of “post-millennial dystopias” in literature: “there has been a recent rash of futuristic fictions... they display a similarly post-millennial sense of displacement, threat and dislocation” [Tolan 2010: 231]. Among the authors and works that Tolan analyzes are novels featuring clones, beings created through asexual reproduction – specifically, Kazuo Ishiguro’s “Never Let Me Go” (2005) and David Mitchell’s “Cloud Atlas” (2004). In the former, clones are created and raised to later harvest their organs for sick humans, while in the latter, they are used as obedient service personnel. Both writers are prominent figures in contemporary British literature, and their books have been translated into many languages worldwide.

Advancements in biology and medicine have led to the development of several assisted reproductive technologies, including surrogacy.

Surrogacy is the most complex aspect of assisted reproductive technologies (ART) because it requires not only the involvement of third parties in the parental project but also long-term interactions among all parties. According to the Russian Association of Human Reproduction (RAHR), surrogate mothers in Russia give birth to between 700 and 800 infants each year¹. However, media reports suggest that the number of infants born to surrogate mothers in Russia reaches 20,000 to 22,000 annually². Given that participation in the RAHR’s ART Registry Report is voluntary for medical organizations, and not all ART centers in Russia provide information to the registry, there is an evident lack of reliable data on this issue.

Even though media reports suggest that the surrogacy process involves only a small number of people, the discussion around surrogacy issues and prospects generates significant public interest because it relates to fundamental values of human life, such as parenthood, motherhood, genetic transmission, kinship, and identity.

The world’s first surrogacy agency was established in 1976 in the USA. The programs used the oocytes of surrogate mothers, fertilized by the sperm of the biological father. Over the 12 years of the agency’s operation, 302 babies were born. The first surrogacy program was officially launched and successfully implemented in 1980, also in the USA, with the assistance of the company *Surrogate Parenting Associates, Inc.* in Louisville. The pregnancy occurred on the first attempt and resulted in the birth of a healthy boy. The process of legal document approval took around 9 months. Five days after the birth, the surrogate mother relinquished her rights to the child in favor of the biological father in a local court [Ivaeva 2009]. In April 1986, a girl was born as a result of *in vitro* conception using the sperm and egg of her biological parents. This was the first child born through a gestational, or

full, surrogacy program, where the surrogate mother carries the embryo of the biological parents. The IVF procedure took place at the Mount Sinai Medical Center in Cleveland, led by Dr. Wolf Utian. The 37-year-old biological mother had her uterus removed and asked her 22-year-old friend, who had successfully given birth twice before, to carry her daughter.

In Russia, the first surrogacy program was implemented in 1995 at the IVF Center at the D. O. Ott Research Institute of Obstetrics and Gynecology of the Russian Academy of Medical Sciences in Saint Petersburg [Trifonova et al. 2015]. There is no global consensus on the legal regulation of surrogacy. Lawmakers’ opinions on surrogacy vary widely, from a complete ban in countries like France, Germany, Spain, Italy, and Portugal [Ellenbogen et al. 2021], to full permission in places like Greece, the United Kingdom, and Iran, where all forms of surrogacy (gestational, commercial, and international) are allowed, with regulations tailored to each country’s context. Yet another approach, which can be described as intermediate, is found in countries like the Netherlands, Belgium, Denmark, and the Czech Republic, where only altruistic surrogacy is permitted [Ghodrati 2023].

In Russia, surrogacy is regulated by the Family Code of the Russian Federation³: Article 51 of the Family Code grants the surrogate mother the priority in determining parental rights: genetic parents can only receive the child with her consent. It is further defined in Article 55 of Federal Law No. 323-FZ “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation”⁴. According to Part 9 of Article 55, “surrogacy represents the carrying and birth of a child (including premature delivery) under a contract concluded between the surrogate mother (a woman who carries the fetus after the transfer of a donor embryo) and the intended parents, whose gametes were used for fertilization, or a single woman for whom carrying and giving birth to a child is impossible due to medical reasons.” Specifics of the surrogacy process are outlined in the Decree of the Ministry of Health of the Russian Federation dated July 31, 2020, No. 803n “On the Procedure for the Use of Assisted Reproductive Technologies, Contraindications, and Limitations for Their Application”⁵.

In December 2022, Federal Law No. 538-FZ of December 19, 2022, “On Amending Certain Legislative

³ “Family Code of the Russian Federation” dated December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended on July 31, 2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/062dc2e007c56e8d7bef623d85e867a4boe99a1d/ (mode of access: 26.06.2024).

⁴ Federal Law No. 323-FZ dated November 21, 2011, “On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (mode of access: 26.06.2024).

⁵ Decree of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 803n dated July 31, 2020, “On the Procedure for the Use of Assisted Reproductive Technologies, Contraindications, and Limitations on Their Application” (Registered on October 19, 2020, No. 60457). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010190041> (mode of access: 26.06.2024).

¹ https://www.rahr.ru/surrogatnoe_materinstvo_rahr.php (mode of access: 26.06.2024).

² <https://tg.ru/2020/02/19/40-let-nazad-rodilsia-pervyj-rebenok-ot-surrogatnoj-materi.html>; <https://www.kommersant.ru/doc/3674788> (mode of access: 26.06.2024).

Acts of the Russian Federation”⁶, was adopted. Under this law, surrogacy services remain accessible to Russian citizens who are married, including cases where only one of the prospective parents is a Russian citizen, as well as to single women holding Russian citizenship. It is stipulated that only a woman with Russian citizenship can act as a surrogate mother. Additionally, it is established that a child born in Russia to a surrogate mother acquires Russian citizenship by birth.

Moreover, on May 31, 2023, the Russian government issued Decree No. 882, which establishes potential parents as the genetic mother and genetic father and recognizes a single woman as the genetic mother. This decree came into effect on September 1, 2023⁷. The law emphasizes that it is possible for parents to resort to surrogacy only if both of them are biologically related to the future child.

In fiction, the topic of surrogacy began to be actively explored in works of various genres in the 21st century. For instance, it becomes one of the central themes in the novel “God’s Gift” (2010) by T. Ustinova and P. Astakhov, which opens a series of books under the general title “Legal Affairs”. Both the title of the series and the presence of Pavel Astakhov – Doctor of Law, lawyer, and Actual State Counselor of the Russian Federation, 1st Class – among the authors contribute to creating a sense of documentary authenticity in the text. Moreover, since the protagonist of the book and the entire series is Judge Elena Kuznetsova, the novels contain numerous descriptions of judicial practice, court proceedings, their participants, their details and nuances. According to the authors themselves, the cases that Judge Kuznetsova handles are socially significant and invariably address issues that attract public attention (e.g., surrogacy, real estate fraud, transplantation, etc.). In “God’s Gift”, Judge Kuznetsova presides over several cases involving the fates of children, one of which concerns surrogacy.

The novel, like others in the series, belongs to the genre of courtroom or legal drama – a title that refers to the American tradition of creating plays and television series where “the narrative is built on the interaction of lawyers, their clients, prosecutors, witnesses, jurors, and judges, and the courtroom plot is based on legal practice and the justice system as a whole” [Shitenburg 2005]. It should be noted that courtroom drama can be combined with other genres. In the American tradition, many courtroom dramas are adaptations of literary works (for example, Harper Lee’s “To Kill a Mockingbird” [1960], adapted into the film of the same name by R. Mulligan in 1962), which provides grounds to consider courtroom drama as a subgenre

⁶ Federal Law No. 538-FZ dated December 19, 2022, “On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41630-8> (mode of access: 26.06.2024).

⁷ Decree of the Government of the Russian Federation No. 882 dated May 31, 2023, “On Establishing Potential Parents as the Genetic Mother and Genetic Father, as well as a Single Woman as the Genetic Mother”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306010072> (mode of access: 26.06.2024).

of the novel⁸. “God’s Gift” by T. Ustinova and P. Astakhov belongs precisely to this genre form; in addition to descriptions of judicial practice, the authors include in the text a comparative description of two legal systems, Russian and American, in relation to surrogacy, and even directly quote certain articles of the Criminal Code of the Russian Federation.

“Mister Arakhem (*a legal advisor at the US Embassy*) took out the Family Code of the Russian Federation in English from his desk, found the relevant page, and began to read aloud in a well-modulated voice:

– According to Paragraph 4 of Article 51 of the Family Code of the Russian Federation, ‘married couples who have given their written consent for the implantation of another woman’s embryo for the purpose of carrying it may be recorded as the child’s parents only with the consent of the woman who gave birth to the child (the surrogate mother).’ Only with her consent! Without her consent – no! Do you understand? You can go to court, but you will lose. In America, you and the surrogate mother would have approximately equal chances of winning... Here, the chances of winning such a case are zero” [Ustinova, Astakhov 2023: 47].

Among the various plots related to the fates of children, the novel describes the story of a childless American couple who, after many years of trying to have a baby and undergoing expensive treatments using various reproductive technologies, seek the services of a surrogate mother while in Russia. However, after giving birth to a son, the surrogate decides to keep him. The authors (especially T. Ustinova, who handles the “domestic life of the characters”⁹ and the psychological motivations behind their actions) shape this legal conflict into a compelling psychological narrative. The blend of courtroom drama and psychological prose makes it an engaging read. T. Ustinova, an experienced author of popular prose, concludes the novel with a melodramatic happy ending: the surrogate mother, having grown attached to the baby she carried, keeps him, while the American couple adopts a child from an orphanage, cheerfully forgoing compensation for their expenses.

The conflict of the surrogate mother refusing to hand over the newborn to the biological parents is a common theme in detective fiction. For example, it underpins the storylines of the two novels written by the Litvinov brothers, “Madonna without a Baby” (2013) and “Family Curse” (2015). “In our country, the laws are quite interesting. They completely favor the surrogate mother. Until she signs the agreement to give her child to the genetic parents, the baby belongs to her. And there’s nothing you can do about it,” laments Vera, the genetic mother of the child born to her friend in the novel [Litvinovy 2023: 283]. However, the author’s perspective is unequivocal: Vera Borodulina, a businesswoman and ruthless manipulator, does

⁸ Elements of courtroom drama are often used in Russian literature, for example, in “The Karamazov Brothers” by F. M. Dostoevsky and “Resurrection” by L. N. Tolstoy.

⁹ Kudryashova M. “God’s Gift” for Two // Vecherniy Chelyabinsk. 19.03.2010. URL: <https://archive.vecherka.su/articles/society/36911/> (mode of access: 25.10.2024).

not deserve sympathy because she only begins to care about her daughter after the biological father dies, which brings up inheritance issues. In contrast, Alla is depicted as a wholly positive character: not only did she refuse to give Vera the baby, but she also returned the money after selling her apartment in Moscow. Moreover, in the novel's finale, it is revealed that Alla is the child's biological mother – the reproductive doctor used her egg: “She thought: why work with Borodulina's unviable eggs? There's another option! And it's the simplest!.. She grew Alla's fertilized egg to the blastocyst stage and implanted it into the surrogate mother” [Litvinov 2023: 309–310]. The plot concerning surrogacy is intertwined with detective elements – blackmail, murder, attempted poisoning, and more. The accumulation of incredible manipulations, coincidences, strange events, and poorly substantiated psychological motivations brings the novel down to the level of mass literature, but it is precisely the conflict related to surrogacy that serves as a core element driving the narrative.

Another detective story where surrogacy plays a significant role is M. Zhukova-Gladkova's novel “Titles Are Written in the Heavens” (2021). The protagonist, Vasilisa, agrees to become a surrogate mother for a wealthy family to pay for her son's expensive treatment at a foreign clinic. However, this conflict is only one of the twists in the plot, which includes several murders, kidnapping, pursuit of inheritance, and more. Again, as in the previous novel, the reader is offered a story focused on external action, with almost no plausible motivations and a collection of curious but irrelevant comments to the central plot, marking it as yet another work of mass literature.

Modern international prose also addresses this compelling topic: a good example is the novel titled “The Surrogate” (2009) by Tania Carver. Tania Carver is a collective pseudonym for Martyn and Linda Waites, British authors known for their popular crime thriller novels, which are widely regarded by literary scholars as part of mass literature and culture [Nikolyukin 2001]. In the novel, investigator Philip Brennan faces a series of crimes that seem horrific even to him, a person who knows well what evil is: a criminal kills women in late stages of pregnancy, cuts out and steals their infants. The novel, which features rivers of blood on its pages, closely follows the recipe of another thriller author, J. Patterson, who believed that the key feature of the books in this genre is “the intensity of emotions they create... By definition, if a thriller doesn't not thrill, it's not doing its job” [Patterson 2011: iii]. The phrase “surrogate mother” in this case serves as both a metaphor and a peculiar advertising slogan, capturing the reader's attention. The authors intended to use the topic of surrogacy to heighten emotional tension and create a stronger impact on the reader.

A novel that genuinely explores surrogacy and its associated issues was written by British author Susan Spindler. Spindler is a well-known journalist and documentary filmmaker who worked for the BBC for many years. She is the author of two popular science books, “The Tomorrow's World Book of Food” and “Doctors To Be.” The novel on surrogacy marked her

debut in literary fiction. In 2021, the novel was released in hardcover under the title “Surrogate,” with subsequent paperback editions published under the title “Another Mother” (in Russian, it was translated by A. Kuprina and released in 2022 under the title “*Surrogatnaya mat'*” – “Surrogate Mother”). The novel received generally favorable reviews from critics, with reviews appearing in several leading English-language periodicals. The reviewer from *The Guardian* notes: “Surrogacy stirs up a complex swirl of ethics and emotions, easily lending itself to sensationalism. It's a trap that Spindler's intimate, equitable debut novel dodges... Instead, this is a book that's overly burdened by its mission to educate, meaning that, despite deft structuring, the early chapters tend to get bogged down in meticulous probing of moral and biological boundaries, often via some pretty clunky dialogue. As the plot quickens, however, the prose improves; when it comes to describing a crisis, of which there are plenty, it soars” [Anderson 2021]. There's no arguing that some descriptions in the first part of the novel are overly detailed, especially when it comes to medical procedures and technologies, which reflects the author's background in popular science writing. However, the main focus of the novel is on personal and family psychology. This shift is likely the reason for the change in the book's title: instead of the more sensational and faceless “Surrogate” (which is translated in dictionaries as “substitute, replacement, trusted person, substitutive subject”), we see the title “Another Mother,” which emphasizes the family aspect.

The protagonist of the novel, Ruth Furnival, who appears much younger than her 54 years, is a successful woman in every respect: she is a well-known television producer, a happy wife, and the mother of two adult daughters. Alex, Ruth's eldest daughter, lives in the USA and is passionately building her career, while the younger daughter, Lauren, lives with her husband in London. For several years, she has been unsuccessfully trying to conceive and give birth to a child, but after her sixth miscarriage, it becomes clear that she will not achieve a pregnancy on her own. Lauren's health and mental state are seriously undermined, and the financial resources have been spent on treatments and numerous IVF procedures. The family wants to help: Alex is willing to become a surrogate mother for Lauren and her husband's child, but due to certain aspects of the legislation in the USA and UK, she cannot do so. Moved by sympathy for Lauren, Ruth becomes a surrogate mother for her own daughter, and the main part of the text focuses on describing the preparations (hormonal therapy), the embryo transfer process, pregnancy, and the heroine's childbirth. While the first part, as noted by *The Guardian*, is dominated by naturalistic descriptions (or, as literary critic K. Milchin aptly called it, a “gynecological detective” [Milchin 2023]), the focus then shifts to family and psychological issues. Ruth's relationship with her daughter has always been complicated – she is a dominant, controlling mother, while her daughter tries to maintain her independence – and it continues to evolve, pulsating and changing. The relationship with her loving husband, Adam, a devout Catholic who re-

jects the very idea of surrogacy, is also at risk. Ruth's successful career collapses as she is forced to neglect her work responsibilities. The novel's ending is also ambiguous: the heroine gives birth to a child for her daughter, but during the delivery, her life is in danger, and afterward, she has to recover for a long time in intensive care. At a certain point, the family are depicted wondering "What have we done?": "They sat slumped in silence, struggling to control their terror" [Spindler 2023: 454].

The ending of the novel cannot be considered entirely happy, as the protagonist and her loved ones endure intense physical and psychological trials, leaving their full recovery uncertain. This inevitably leads us to the next question: was it worth the risk of surrogate motherhood? Thus, the work becomes a reflection on the role and life of women in the modern world, what their priorities are, and how far they are willing to go to achieve their goals. In this paradigm, surrogate motherhood simultaneously acts as a trigger and a means to achieve a goal. Departing from the genre of action-driven novels characteristic of the previously analyzed works, Spindler creates, first and foremost, a psychological novel in which external factors – such as the specifics of legislation, detailed descriptions of medical procedures, and social details – are subordinated to the complex psychological experiences of individuals and families.

The novel by Joanne Ramos, titled "The Farm," was published in the U.S. in 2019. The action of "The Farm" unfolds in contemporary America – or, as the author states [see Evans 2019], in the very near future – which allows critics to write about the dystopian traits of the work and compare it to Margaret Atwood's classical novel "The Handmaid's Tale" (1985) [see Phelan 2019]. The central image of the work, around which the plot revolves, is the existence of a gestational retreat called Golden Oaks (referred to as the Farm), where surrogate mothers live under medical supervision in excellent conditions while carrying children for wealthy families. The reputation of the enterprise is high, and at the end, its organizer, Mae, plans to expand the business and establish another Farm called Red Cedars.

Joanne Ramos, the author, was born in the Philippines, moved to the U.S. with her family at the age of six, graduated from Princeton University, and worked as a banking analyst and journalist. "The Farm" is her debut work in the field of fiction. The book became a bestseller, made it to the list of the top American debut novels of 2019, and was named one of the best books by several publications; reviews of the novel were published in leading American and British outlets. In the afterword to her novel, Ramos writes: "I grew up in two worlds: our old one (*i.e.*, *the Filipino*), preserved in clamorous weekend gatherings..., and our new one, where my little sister and I were two of only four Asian kids in our elementary school" [Ramos 2020: 471]. In many respects, the book continues the tradition of multicultural novels in which "new Americans" (rather, American women) contemplate the coexistence of two cultures and traditions in their own lives and the lives of their loved ones: Maxine Hong Kingston,

Amy Tan – American writers of Chinese descent, Firuze Dumas – an Iranian-American writer, and others. Each writer uses their own narrative strategies, but all of them tell stories about the lives of women in the modern multicultural world of the U.S. In Ramos's novel, there are no central male characters; the chapters of the work are named after the heroines who come into focus: "Jane," "Ate," "Mae," "Reagan," and so on.

The heroine of the novel, Jane, is a Filipina single mother of a young daughter. She initially works as a caregiver in a nursing home, then as a nanny for a wealthy family. She agrees to become a surrogate mother and moves to the Farm, leaving her six-month-old daughter Amalia in the care of her elderly relative, Ate. Among the surrogate mothers at the Farm are women of different nationalities and races, with various, sometimes opposing, motivations. For Jane, the sole motivation is the generous financial reward, while her roommate Reagan signs the contract for different reasons. Reagan, the daughter of a very wealthy family and a graduate of a prestigious university, seeks to separate from her dictatorial father and fulfill her dream of doing something good – giving birth to a child for a childless couple. Overall, however, the author implies that surrogate motherhood and the surrogate mother themselves are commodities for which the wealthy pay good money, but at the same time, they enslave the woman, placing her on the Farm and forcing her to live under strict, often harsh limitations. Ramos examines the phenomenon of surrogate motherhood in conjunction with a complex array of other pressing topics and issues characteristic of the modern world: social, racial, and gender inequality. The prevailing perspective on the structure of society in the novel is that of the "new American" women, although the author gives voice to other heroines as well. In some chapters, the author rises to critique modern society, but the ending sounds conciliatory: Jane, who gives birth to a son for Mae, the Farm's director, stays at the Farm as the child's nanny, while her daughter Amalia lives with her. Ramos describes her novel as the "culmination of a running dialogue I had with myself for the past twenty-five years – about just deserts and luck, assimilation and otherness, class and family and sacrifice" [Ramos 2020: 472–473]. In the fictional world of the novel, luck and just rewards for the immigrant heroines come in the form of opportunities to secure prestigious, well-paying jobs (as nannies for wealthy families or as surrogate mothers) or even to open their own small catering businesses with the money earned, allowing them to send money back to families left behind in their homeland.

Another important factor worth noting is that in the reviews of the novel, the literary text serves as a starting point for discussions about the status and role of surrogate motherhood in society. Writer J. MacDonald begins her review the following way: "Commercial surrogacy – the birthing of another woman's baby in exchange for cash – is an act of benevolence, or of exploitation. It celebrates life. It commodifies life. It's a moral outrage. A blessing, a gift. It pays women fairly for their hard work and altruism. It reduces women to vessels, turning their bodies, and ba-

bies, into merchandise” [MacDonald 2019]. The author of yet another review, H. Phelan, discusses not only the novel’s text but also the findings from sociological research on childbirth and child-rearing in the United States: “In late capitalist America, who gets to be a good mother? Or rather, who can afford it? According to recent research, parenting behaviors within the United States continue to stratify across class lines.” [Phelan 2019]. Phelan successfully captures the novel’s central theme, with the review referencing relevant studies to support the argument. Thus, it can be confidently asserted that Ramos has touched on the pain points of modernity in her book, and the publication of the novel has become not only a literary event but also a notable sociocultural phenomenon.

Our analysis of novels and the context of their emergence has shown that the theme of surrogate motherhood is actively used by contemporary writers from various countries to create works of different genres and styles. The novelty of the surrogacy phenomenon and the associated technologies undoubtedly provoke authors to produce sensational works,

which explains the active use of the surrogacy theme in action-oriented novels (detectives, thrillers, melodramas, etc.) that attract mass readers. Paradoxically, in some cases, these novels possess a certain educational function, providing readers with information about legislation, specific medical technologies, and more. It should also be noted that this is not the first time in literary history that the achievements of scientific and technological progress have been interpreted in this way – first by authors of “light” genres and later by serious prose (social-psychological, historical, and philosophical novels). Such was the path of photography as a new invention in literature – from detective prose of the late 19th to the 20th century to serious, profound literature of the late 20th to early 21st century [see Poluektova 2023]. At the contemporary stage, the phenomenon of surrogacy is beginning to be interpreted by authors of psychological prose (Spindler) and social novels (Ramos). However, we believe that these are only the initial steps in its artistic exploration in literature. The potential embedded in this theme is far from exhausted and is likely to manifest vividly in the future.

Литература

- Жукова-Гладкова, М. Титры пишутся на небесах / М. Жукова-Гладкова. – М. : Эксмо, 2021. – 320 с.
- Иваева, Э. А. Институт суррогатного материнства как способ реализации репродуктивной функции человека: правовые проблемы / Э. А. Иваева // Медицинское право. – 2009. – № 1. – С. 46–49.
- Ивашева, В. В. На пороге XXI века (НТР и литература) / В. В. Ивашева. – М. : Художественная литература, 1979. – 322 с.
- Карвер, Т. Суррогатная мать / Т. Карвер. – Харьков : Книжный клуб семейного досуга, 2010. – 448 с.
- Литвиновы, А. и С. Мадонна без младенца / А. и С. Литвиновы. – М. : Эксмо, 2017. – 576 с.
- Литвиновы, А. и С. Семейное проклятие / А. и С. Литвиновы. – М. : Эксмо, 2023. – 320 с.
- Мильчин, К. Книги по назначению. Сьюзен Спидлер «Суррогатная мать» / К. Мильчин. – Текст : электронный // Радио Культура. – 07.07.2023. – URL: <https://smotrim.ru/audio/2709846> (дата обращения: 25.10.2024).
- Николюкин, А. Н. Триллер / А. Н. Николюкин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М. : Интелвак, 2001. – С. 1097.
- Паттерсон, Дж. Триллер / Дж. Паттерсон ; пер. с англ. Т. Матюхина. – М. : Эксмо, 2011. – 656 с.
- Полуэктова, Т. А. Детективная фотоэпифрастическая проза в Англии конца XIX века («Фотографическая карточка» Г. Смарт и «Скандал в Богемии» А. К. Дойла) / Т. Полуэктова // Компаративные филологические исследования в эпоху глобализации / отв. ред. О. Г. Сидорова, Л. А. Назарова. – Екатеринбург : Издательство УрФУ, 2023. – С. 63–77.
- Рамос, Дж. Ферма / Дж. Рамос ; пер. с англ. М. Тарасова. – М. : Эксмо, 2020. – 480 с.
- Спидлер, С. Суррогатная мать / С. Спидлер ; пер. с англ. А. Куприной. – М. : АСТ ; CORPUS, 2023. – 480 с.
- Трифонов, Н. С. Суррогатное материнство: исторический обзор. Особенности течения беременности и родов / Н. С. Трифонов, Э. В. Жукова, А. И. Ищенко, Л. С. Александров // Российский вестник акушера-гинеколога. – 2015. – № 15 (2). – С. 49–55.
- Ульяшев, П. «Электрические люди», или единство без борьбы (некоторые проблемы НТР в литературе и движение конфликта) / П. Ульяшев // Подъем. – 1982. – № 9. – С. 129–137.
- Устинова, Т. Божий дар / Т. Устинова, П. Астахов. – М. : Эксмо, 2023. – 250 с.
- Фекете, Д. НТР и литература / Д. Фекете, Ш. Чоори [и др.] // Вопросы литературы. – 1974. – № 12. – С. 81–103.
- Шитенбург, Л. Судебная драма. История вопроса / Л. Шитенбург. – Текст : электронный // Сеанс. – 2005. – № 25/26. – URL: <https://seance.ru/articles/sudebnaia-drama-istoriya-voprosa/> (дата обращения: 25.10.2024).
- Anderson, H. Surrogate by Susan Spindler review – a postmenopausal reckoning / H. Anderson. – Text : electronic // The Guardian. – 2021, 23 May. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/mar/23/surrogate-by-susan-spindler-review-a-postmenopausal-reckoning> (mode of access: 25.10.2024).
- Ellenbogen, A. Surrogacy – a worldwide demand. Implementation and ethical considerations / A. Ellenbogen, D. Feldberg, V. Lokshin // GREM Gynecological and Reproductive Endocrinology & Metabolism. – 2021. – No. 02. – P. 66–73.
- Evans, B. The Farm by Joanne Ramos review – Atwood-style dystopia debut / B. Evans. – Text : electronic // The Observer. – 2019, 17 May. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2019/may/12/the-farm-joanne-ramos-review> (mode of access: 25.10.2024).
- Ghodrati, F. A comparative study of surrogacy rights in Iran and European countries, a review article / F. Ghodrati // Ethics, Medicine and Public Health. – 2023. – Vol. 27. – <https://doi.org/10.1016/j.jemep.2023.100880>.

MacDonald, J. A Novel About Surrogacy, Set at a 'Farm' Where the Crop Is Human Babies / J. MacDonald. – Text : electronic // New-York Times Books. – 2019, 07 May. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/07/books/review/the-farm-joanne-ramos.html> (mode of access: 25.10.2024).

Phelan, H. A Different Handmaid's Tale: Joanne Ramos's The Farm / H. Phelan. – Text : electronic // Los-Angeles Review of Books. – 2019, 13 July. – URL: <https://lareviewofbooks.org/article/a-different-handmaids-tale-joanne-ramos-the-farm> (mode of access: 25.10.2024).

Piersanti, V. Surrogacy and "Procreative Tourism". What Does the Future Hold from the Ethical and Legal Perspectives? / V. Piersanti, F. Consalvo, F. Signore, A. DelRio, S. Zaami // *Medicina*. – 2021. – Vol. 57 (1). – P. 47–48.

Tolan, F. *New Directions. Writing Post 1990* / F. Tolan. – London : York Press, 2010. – 330 p.

References

Anderson, H. (2021). Surrogate by Susan Spindler Review – a Postmenopausal Reckoning. In *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/mar/23/surrogate-by-susan-spindler-review-a-postmenopausal-reckoning> (mode of access: 25.10.2024).

Carver, T. (2010). *Surrogatnaya mat'* [The Surrogate Mother]. Kharkov, Knizhnyi klub semeinogo dosuga. 448 p.

Ellenbogen, A., Feldberg, D., Lokshin, V. (2021). Surrogacy – a Worldwide Demand. Implementation and Ethical Considerations. In *GREM Gynecological and Reproductive Endocrinology & Metabolism*. No. 02, pp. 66–73.

Evans, B. (2019). The Farm by Joanne Ramos Review – Atwood-style Dystopia Debut. In *The Observer*. URL: <https://www.theguardian.com/books/2019/may/12/the-farm-joanne-ramos-review> (mode of access: 25.10.2024).

Fekete, D., Choori, Sh. et al. (1974). NTR i literatura [Scientific and Technical Progress and Literature]. In *Voprosy literatury*. No. 12, pp. 81–103.

Ghodrati, F. (2023). A Comparative Study of Surrogacy Rights in Iran and European Countries, a Review Article. In *Ethics, Medicine and Public Health*. Vol. 27. <https://doi.org/10.1016/j.jemep.2023.100880>.

Ivaeva, E. A. (2009). Institut surrogatnogo materinstva kak sposob realizatsii reproduktivnoi funktsii cheloveka: pravovye problemy [The Institution of Surrogacy as a Way to Realize Human Reproductive Function: Legal Problems]. In *Meditsinskoe pravo*. No. 1, pp. 46–49.

Ivasheva, V. V. (1979). *Na poroge XXI veka (NTR i literatura)* [On the Threshold of the 21st Century. Scientific and Technological Progress and Literature]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 322 p.

Litvinov, A. i S. (2017). *Madonna bez mladentsa* [Madonna without Child]. Moscow, Eksmo. 576 p.

Litvinov, A. i S. (2023). *Semeinoe proklyatie* [Family Curse]. Moscow, Eksmo. 320 p.

MacDonald, J. (2019). A Novel About Surrogacy, Set at a 'Farm' Where the Crop Is Human Babies. In *New-York Times Books*. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/07/books/review/the-farm-joanne-ramos.html> (mode of access: 25.10.2024).

Milchin, K. (2023). Knigi po naznacheniyu. S'yuzen Spindler «Surrogatnaya mat'» [Books by Purpose. Susan Spindler "Surrogate Mother"]. In *Radio Kul'tura*. URL: <https://smotrim.ru/audio/2709846> (mode of access: 25.10.2024).

Nikolyukin, A. N. (2001). Triller [Thriller]. In Nikolyukin, A. N. (Ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. Moscow, Intelvak, p. 1097.

Patterson, J. (2011). *Triller* [Thriller]. Moscow, Eksmo. 656 p.

Phelan, H. (2019). A Different Handmaid's Tale: Joanne Ramos's The Farm. In *Los-Angeles Review of Books*. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/a-different-handmaids-tale-joanne-ramos-the-farm> (mode of access: 25.10.2024).

Piersanti, V., Consalvo, F., Signore, F., DelRio, A., Zaami, S. (2021). Surrogacy and "Procreative Tourism". What Does the Future Hold from the Ethical and Legal Perspectives? In *Medicina*. Vol. 57 (1), pp. 47–48.

Poluektova, T. A. (2023). Detektivnaya fotoekfrasticheskaya proza v Anglii kontsa XIX veka («Fotograficheskaya kartochka» G. Smarta i «Skandal v Bogemii» A. K. Doila) [Detective Photo-Ekphrastic Prose in England at the End of the 19th Century ("Photographic Card" by G. Smart and "A Scandal in Bohemia" by A. C. Doyle)]. In Sidorova, O. G., Nazarova, L. A. (Eds.). *Komparativnye filologicheskie issledovaniya v epokhu globalizatsii*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrFU, pp. 63–77.

Ramos, J. (2020). *Ferma* [The Farm]. Moscow, Eksmo. 480 p.

Shitenburg, L. (2005). Sudebnaya drama. Istoriya voprosa [Courtroom Drama. History of the Issue]. In *Seans*. No. 25/26. URL: <https://seance.ru/articles/sudebnaya-drama-istoriya-voprosa/> (mode of access: 25.10.2024).

Spindler, S. (2023). *Surrogatnaya mat'* [Surrogate Mother]. Moscow, AST, CORPUS. 480 p.

Tolan, F. (2010). *New Directions. Writing Post 1990*. London, York Press. 330 p.

Trifonova, N. S., Zhukova, E. V., Ishchenko, A. I., Aleksandrov, L. S. (2015). Surrogatnoe materinstvo: istoricheskiy obzor. Osobennosti techeniya beremennosti i rodov [Surrogacy: A Historical Overview. Features of the Course of Pregnancy and Childbirth]. In *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa*. No. 15 (2), pp. 49–55.

Ulyashev, P. (1982). «Elektricheskie lyudi», ili edinstvo bez bor'by (nekotorye problemy NTR v literature i dvizhenie konflikta) ["Electric People", or Unity without Struggle (Some Problems of Scientific and Technological Revolution in Literature and the Movement of Conflict)]. In *Pod'em*. No. 9, pp. 129–137.

Ustinova, T., Astakhov, P. (2023). *Bozhii dar* [God's Gift]. Moscow, Eksmo. 250 p.

Zhukova-Gladkova, M. (2021). *Titry pishutsya na nebesakh* [Captions are Written in Heaven]. Moscow, Eksmo. 320 p.

Данные об авторах

Полякова Ирина Геннадьевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Межрегиональный институт общественных наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: Irina.polyakova@urfu.ru.

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: ogs531@mail.ru.

Authors' information

Polyakova Irina Gennadievna – Candidate of Sociology, Applied Researcher, Interregional Institute of Social Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Sidorova Olga Grigorievna – Doctor of Philology, Professor, Professor of Germanic Philology Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 29.07.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 29.07.2024; date of publication: 30.10.2024

УДК 82-32. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-153-161. ББК Ш33(0)6-3+Ш33(0)6-44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.2

THE PLOT OF RAILWAY ACCIDENT IN THE SHORT STORIES BY L. FRANK AND A. POLGAR

Nataliya E. Seibel

South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6840-8286>

Abstract. The article examines the plot of accident as an ideal way to laconically reflect the moral-ethical state and historical situation in which the society described by the author finds itself. It is stated that the stories under analysis “Im letzten Wagen” by L. Frank and “Auf dem Balkon” by A. Polgar reflect the features of expressionism both on the ideological and the artistic levels. The author analyzes the system of images of the stories and notes that with the typification common to both authors, Frank tends to depict all social strata and give the broadest possible description of the socio-historical situation, while Polgar focuses his attention on the intellectual elite, “spiritual people”, showing their inhumanity and lack of spirituality. Particular emphasis in both cases is placed on female characters. A pregnant banker’s wife in the short story by Frank is an alternative character: against the background of the accident, she is depicted as an earthly Madonna, who epitomizes love and foresees the truth. In Polgar’s short story, a woman of the world is the embodiment of frivolity and stupidity; she embodies the extreme degree of indifference. The study has revealed the similarity of the chronotopic organization of the texts. In both cases, the authors do not localize the plot within the framework of a station or railway, no matter how significant this chronotope may be, but fit the train accident into a broad natural – cosmic – context. In this regard, the fallen masks that hid the egoism of the characters reveal not only specific historical issues. Indifference is interpreted as a universal human problem. God and nature are powerless against it. The study has found that expressiveness and accident-centered nature of the texts are expressed through a common set of techniques. Thus, text fragmentation is represented by montage in the text by Frank, and by parcellation and syntactic parallelism in the text by Polgar. Both authors consistently build the aural, visual and olfactory canvas of their texts, in which they tend towards bright, loud, and ecstatic characteristics. Human selfishness and callousness are also expressed in the animalistic nature of the texts.

Keywords: expressionism; accident; typology; plot; short story; L. Frank; A. Polgar

For citation: Seibel, N. E. (2024). The Plot of Railway Accident in the Short Stories by L. Frank and A. Polgar. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 153–161. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-153-161.

СЮЖЕТ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ КАТАСТРОФЫ В РАССКАЗАХ Л. ФРАНКА И А. ПОЛЬГАРА

Сейбель Н. Э.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

(Челябинск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6840-8286>

SPIN-код: 2940-5240

Аннотация. В статье рассматривается катастрофический сюжет как идеальный способ концентрированно отразить нравственно-этическое состояние и историческую ситуацию, в которой находится описываемое авторами общество. Констатируется, что анализируемые рассказы «В последнем вагоне» Л. Франка и «На балконе» А. Польгара отражают черты экспрессионизма как на идеологическом, так и на художественном уровне. Анализируется система образов рассказов и подчеркивается, что при общей для обоих авторов типизации Франк стремится представить все социальные слои и дать как можно более широкую характеристику социально-исторической ситуации, в то время как Польгар сосредотачивает свое внимание на интеллектуальной элите, «людях духа», показывая их бесчеловечность и бездуховность. Особый акцент в обоих случаях делается на женских образах. У Франка беременная жена банкира – альтернативный образ: на фоне катастрофы она рисуется земной Мадонной, воплощает любовь и провидит истину. У Польгара светская дама – воплощение легкомыслия и глупости, она воплощает крайнюю степень безразличия. Выделяется сходство хронотопической организации текстов. В обоих случаях авторы не локализируют сюжет в рамках вокзала или железной дороги, сколь бы ни был значим этот хронотоп, а вписывают крушение поезда в широкий природный – космический – контекст. В связи с этим упавшие маски, скрывавшие эгоизм персонажей, обнажают не только конкретно исторические вопросы. Безразличие трактуется как общечеловеческая проблема. Против него бессильны Бог и природа. Определяется, что экспрессивность и катастрофичность текстов выражаются через общий набор приемов. Так, фрагментация текста представлена у Франка монтажом, у Польгара – парцелляцией и синтаксическим параллелизмом. Оба автора последовательно выстраивают звуковую, цветосветовую и ольфакторную партитуру текстов, в которых тяготеют к ярким, громким, экзотическим характеристикам. Эгоизм и черствость человека находят выражение также в анималистике текстов.

Ключевые слова: экспрессионизм; катастрофа; типология; сюжет; новелла; Л. Франк; А. Польгар

Для цитирования: Сейбель, Н. Э. Сюжет железнодорожной катастрофы в рассказах Л. Франка и А. Польгара / Н. Э. Сейбель. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 153–161. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-153-161.

DAS SUJET DES EISENBAHNUNFALLS IN DEN ERZÄHLUNGEN VON L. FRANK UND A. POLGAR

Natalia E. Seibel

Staatliche Humanitäre und Pädagogische Universität Süduralsk (Tscheljabinsk, Russland)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6840-8286>

Zusammenfassung. Der Artikel betrachtet das Sujet der Katastrophe als ideales Mittel, um in konzentrierter Form den moralischen und ethischen Zustand und die historische Situation der von den Autoren beschriebenen Gesellschaft zu reflektieren. Es wird festgestellt, dass die analysierten Erzählungen „Im letzten Wagen“ von L. Frank und „Auf dem Balkon“ von A. Polgar die Merkmale des Expressionismus sowohl auf ideologischer als auch auf künstlerischer Ebene widerspiegeln.

Bei der Analyse des Systems der Figuren in den Erzählungen wird hervorgehoben, dass beide Autoren zwar eine gemeinsame Typisierung vornehmen, Frank jedoch versucht, alle sozialen Schichten darzustellen und die sozialhistorische Situation so umfassend wie möglich zu charakterisieren – während Polgar sein Augenmerk auf die intellektuelle Elite, das „Menschen des Geistes“, richtet und deren Unmenschlichkeit und Seelenlosigkeit zeigt. Ein besonderer Schwerpunkt liegt in beiden Fällen auf Frauenfiguren. Franks schwangere Bankiersfrau ist eine alternative Figur: Vor dem Hintergrund der Katastrophe wird sie als irdische Madonna, als Verkörperung der Liebe und als Visionärin der Wahrheit dargestellt. Bei Polgar ist die Dame der Gesellschaft die Verkörperung von Frivolität und Dummheit, sie verkörpert den äußersten Grad der Gleichgültigkeit.

Auffallend ist die Ähnlichkeit der chronotopischen Organisation der Texte. In beiden Fällen lokalisieren die Autoren das Sujet nicht im Rahmen eines Bahnhofs oder einer Eisenbahn, sondern bedeutsam dieser Chronotop auch sein mag, sondern stellen das Zugangsglück in einen breiten natürlichen – kosmischen – Kontext. Dabei werden die gefallenen Masken, hinter denen sich der Egoismus der Figuren verbirgt, nicht nur als spezifisch historisches Problem entlarvt. Die Gleichgültigkeit wird als ein universelles menschliches Problem behandelt. Gott und Natur sind ihr gegenüber machtlos.

Es wird festgestellt, dass die Ausdruckskraft und der Katastrophismus der Texte durch eine gemeinsame Reihe von Techniken ausgedrückt werden. So wird die Textfragmentierung bei Frank durch Montage, bei Polgar durch Parzellierung und syntaktischen Parallelismus dargestellt. Beide Autoren bauen konsequent die Klang-, Farb-, Licht- und Geruchspartitur der Texte auf, in denen sie zu hellen, lauten, ekstatischen Merkmalen neigen. Der Egoismus und die Gefühllosigkeit des Menschen finden ihren Ausdruck auch in der Animalität der Texte.

Schlüsselwörter: expressionismus; katastrophe; typologie; sujet; novelle; L. Frank; A. Polgar

Einleitung

Die Kunst des frühen zwanzigsten Jahrhunderts im Allgemeinen und der Expressionismus im Besonderen nimmt die Wirklichkeit „durch das wilde Grollen der Katastrophen“¹ (Chodasewitsch) wahr. Die Vorahnung eschatologischer Ereignisse dringt die expressionistische Literatur und Malerei durch und wird zu einem ihrer charakteristischen Merkmale. „Der Katastrophismus ist das wichtigste Element der Lebensauffassung und des Denkens der Expressionisten, das im Werk vieler von ihnen eine ästhetische Verkörperung fand.“² [Млечина 2008: 257]. Sujets, die sich auf die Erfahrung der modernen Apokalypse im Expressionismus beziehen, zeigen die ultimative Zerschmetterlichkeit der Menschheit auf³ [Толмачев 2007: 131]. Katastrophen, Unglücke und Herausforderungen treffen die Figuren, tragen dazu bei, ihr wahres Gesicht, ihre wesentlichen Eigenschaften und Kompetenzen zu offenbaren, prägen ihre Beziehung zur Welt: „Der Expressionismus wurde zur künstlerischen Bewegung, die den Zustand des Schreckens in höchstem Maße zum Ausdruck brachte“⁴ [Швец 2012: 14], und suchte nach Stützpunkten für einen Menschen in einer zersplitternden Welt.

Für die vergleichende Analyse haben wir in die-

sem Artikel zwei Erzählungen ausgewählt, die einen Eisenbahnunfall und die Reaktion der Figuren darauf beschreiben, die über den Wert des menschlichen Lebens, die Schuld und die Verantwortung, die Wahrscheinlichkeit, und Glauben an die Zukunft nach dem Absturz der Hoffnung zu finden, nachdenken: „Im letzten Wagen“ von Leonhard Frank (1925, 1929 unter dem Titel „Der Absturz“ neu aufgelegt) und „Auf dem Balkon“ von Alfred Polgar (1936). Die Ähnlichkeit der Sujets bietet reichlich Gelegenheit, die Besonderheiten der ideologischen und ästhetischen Position jedes Autors, die Dynamik des Verständnisses der sich wandelnden historischen Situation, vor deren Hintergrund die Texte entstanden sind, zu erkennen; ihre Entfaltung in ähnlichen geografischen Koordinaten ermöglicht es, die Weltanschauungen des einen und des anderen Autors zu vergleichen. „Das Sujet hat eine einzigartige Reihe von bedeutungsvollen Funktionen. Erstens enthüllt und charakterisiert es (zusammen mit dem System der Figuren) die Beziehungen zwischen einer Figur und ihrer Umwelt... Zweitens enthüllt und stellt das Sujet die Widersprüche des Lebens unmittelbar dar. ... Drittens schaffen Ereignisreihen ein Handlungsfeld für die Figuren, erlauben ihnen ..., sich dem Leser in ihren Handlungen sowie in ihren emotionalen und mentalen Reaktionen auf das Geschehen zu offenbaren“ [Хализев 1999: 260]⁵. Wenn wir also das

¹ «сквозь дикий грохот катастроф».

² «Катастрофизм – важнейший элемент жизнеощущения и умонастроения экспрессионистов, нашедший эстетическое воплощение в творчестве многих из них».

³ «переживанием современного апокалипсиса в экспрессионизме обнажают предельную хрупкость человечности».

⁴ «Экспрессионизм стал художественным направлением, в наибольшей мере выразившим состояние ужаса».

⁵ «Сюжет обладает уникальным диапазоном содержательных функций. Во-первых, он (наряду с системой персонажей) выявляет и характеризует связи человека с его окружением... Во-вторых, сюжеты обнаруживают и впрямую воссоздают жизненные противоречия. ... В-третьих, событийные ряды создают для персонажей поле действия, позволяют им ... раскрыться».

Sujets analysieren, vergleichen wir das Bild der Moderne und die sozio-historischen Prozesse, die nach Ansicht der Autoren ihren Kern bilden.

L. Frank und A. Polgar im System der historischen und biografischen Koordinaten

Die ironische Schlussfolgerung von V. M. Tolmachev, dass „jeder einen eigenen Überexpressionismus hinter sich gebracht hat“ [Толмачев 2007: 132]⁶, trifft weitgehend auf das Werk einer ganzen Generation deutscher Schriftsteller zu. Leonhard Frank (1882–1961) – Mechaniker, Chauffeur, Pfleger – stammte aus einer Arbeiterfamilie, kam als Graveur zur Kunst und sammelte ab 1911 Erfahrungen in der journalistischen Arbeit in den Zeitschriften „Die neue Kunst“, „Pan“ und „Revolution“, „Neue Jugend“, „wo vor allem Expressionisten mitarbeiteten“ [Седельник 2010: 433]⁷. Bereits ab 1914 gehörte er zu den Romanciers: „Räuberbande“ (1914), „Bürger“ (1924), „Ochsenfurter Männerquartett“ (1927), „Drei von drei Millionen“ (1932), „Jünger Jesu“ (1949). Frank wurde jedoch zu einem Schriftsteller, der mit seiner Sammlung von Antikriegs-Kurzgeschichten, „Der Mensch ist gut“ (1915), den Zeitgeist zum Ausdruck brachte. Die „provokant optimistische“ [Сейбель 2016: 729]⁸ Formel im Titel wurde zum Motto einer ganzen Generation von Denkern. Thomas Mann bekannte sich als Bewunderer von L. Franks Kurzprosatexten [Манн 1960], und F. Werfel trat in eine Polemik mit ihm ein. „Jede Katastrophe hatte ihre Wahrsager. Ein solcher war Leonard Frank“⁹, schrieb M. Krell [Крелль 1923: 94]. Seinen ersten Literaturpreis erhielt er aus den Händen von Heinrich Mann.

Alfred Polgar (1873–1955), der eine gute musikalische Ausbildung erhielt, kam dank der Freundschaft mit Egon Friedell zur literarischen Tätigkeit. Polgars erstes Theaterstück und sein erster Feuilletonband „Die Quelle des Bösen“ wurden 1908 veröffentlicht, es folgten die Erzähl- und Essaysammlungen „Notizen am Rande“ (1926), „Im günstigen Augenblick“ (1930), „Geschichten ohne Moral“ (1943). Die paradoxe Natur dieser Figur wurde von vielen hervorgehoben: der Publizist und Kabarettist [Ровольт 2004], eine ikonische Figur seiner Generation. Robert Musil sprach von ihm als „Vorbild eines klugen Journalisten“, der „als Schriftsteller gilt“ [Музиль 1999: 238]¹⁰. Kurt Tucholsky bewunderte die Kunstfertigkeit seiner Sprache und Komposition: „Polgar spürte den Rhythmus der deutschen Prosa: Es gibt Stücke von Staccato, Allegro und Scherzo, die sich abwechseln...“ [Тукольски 2004]¹¹. O. M. Fontana widmete seinem Werk einen ausführlichen Artikel, in dem er die Verschmelzung von Humor und Lyrik hervorhob, die zur Grundlage von A. Polgars

перед читателем в поступках, а также в эмоциональных и умственных откликах на происходящее».

⁶ «экспрессионизмом переболел каждый».

⁷ «где сотрудничали по преимуществу экспрессионисты».

⁸ «провокационно оптимистическая».

⁹ «Каждая катастрофа имела своих прорицателей. Таков был Леонард Франк».

¹⁰ «образец умного журналиста», который «слывет писателем».

¹¹ «Польгар прочувствовал ритм немецкой прозы: в ней есть куски стаккато, аллегро и скерцо сменяют друг друга...».

Werk wurde. Seine Prosa ist „lakonisch, prägnant, voll von lebendigen, einprägsamen Merkmalen“ [Архипов, Седельник 2009: 10]¹². Die gleichen Merkmale kennzeichnen auch die politischen Dramen, die er in den 1930er Jahren für politische Kabarets schrieb. Sein einziges „voluminöses“ Werk ist das Buch über Marlene Dietrich „Marlene. Bild einer berühmten Zeitgenossin“ – wurde erst 1984 entdeckt (und 2015 veröffentlicht).

Neben ihrer gemeinsamen journalistischen Erfahrung haben beide Autoren auch gleiche Geschichte des Exils. Franks erste Emigration, die mit seiner aktiven Antikriegsposition im Ersten Weltkrieg zusammenhing, endete nach der Revolution von 1918. Polgars Umzug nach Berlin in den 1920-er Jahren war weniger politisch gefärbt. Sie gehörten zum ähnlichen intellektuellen Kreis. Und 1933 emigrieren sie: Frank – nach München und dann nach Paris, Polgar – nach Prag, Zürich, Marseille. Am 4. Oktober 1940 brachte das Schiff „New Hellas“ aus Portugal nach New York Heinrich Mann, Franz und Alma Werfel, Alfred Döblin, Leonhard Frank, Alfred Polgar und andere prominente Schriftsteller.

In Hollywood lebten beide von einem Stipendium des Metro-Goldwyn-Mayer-Programms, das Flüchtlingsautoren für Drehbücher bezahlte, die nie verfilmt wurden. Frank macht keinen Hehl aus seiner Verbitterung über den Bruch mit seinem Leser, dass Hitler über ihn gesiegt habe. Polgar schreibt traurig: „Die Fremde ist nicht Heimat geworden. Aber die Heimat Fremde.“ [zitiert in Tölke 2008].

Das Gemeinsame und das Persönliche in den Erzählungen „Im letzten Wagen“ von L. Frank und „Auf dem Balkon“ von A. Polgar

Die in den Jahren 1925 und 1936 veröffentlichten Erzählungen spiegeln nicht nur die unterschiedlichen sozialen Positionen der Autoren wider, sondern auch grundlegend verschiedene historische Realitäten.

Frank versammelt in einem Eisenbahnwaggon Vertreter aller Gesellschaftsschichten und gibt ihnen die allgemeinsten Charakteristika: einen Staatsanwalt, einen sozialistischen Agitator, einen Bankier, einen Handelsreisenden, einen Universitätsprofessor, einen Bauern, einen Geistlichen, einen Arbeiter, der nur deshalb in den Waggon der zweiten Klasse kam, weil er für die Reparatur eines Fensters angestellt war. Die für den Expressionismus charakteristische Typologisierung ist in der Erzählung a priori; der Autor beraubt die Figuren ihrer Namen, Biografien und individuellen Eigenschaften und stellt jede von ihnen als „soziale Funktion“ dar. Polgar schildert eine Gesellschaft von Menschen als „geistig anspruchsvoll“, die „in das Vergnügen des Nachdenkens“ versunken sind und „den Geschmack“ des Intellektualismus genießen [Polgar 1989: 10]. Die Ängste der Welt erreichen sie wie durch den Schleier eines Schlafs, der durch scholastische Spekulationen und leere Träume stark verwässert ist. Der „himmlische“ Intellektuelle als Objekt der Satire erschien bei Polgar bereits 1923, als der Autor ein

¹² «лакони́чная, емкая, полная ярких запоминающихся характеристик».

Pamphlet veröffentlichte, das auf dem Bild der Bibliothek als Himmelsleiter basierte, und an sich eine Frage stellte, was wäre, wenn die Intellektuellen tatsächlich alle Bände lesen würden, die sie gesammelt hatten. Für ihn – wie später für H. Hesse in „Das Glasperlenspiel“ – ist die Gleichgültigkeit und Abgehobenheit der Diener des Geistes gegen akute Probleme ein Beweis für ihre Ohnmacht und Engherzlichkeit. Im Gegensatz zu Frank betont er immer wieder die Typizität seiner Figuren; sie sind weder Bösewichte noch Zyniker: „tranken gute Menschen guten Wein“, „nicht taub für den Jammer der Welt“, „...und wenn ihr Herz auch zuweilen, müde des Gefühls, in harten Schlaf sank...“, so war es doch ein Schlaf, der sich mit qualifizierten Träumen ausweisen konnte, Träumen von Gutsein oder zumindest ein Gutseinwollen“ [Polgar 1989: 10–12].

Frank richtet seine Aufmerksamkeit auf die Wirtschaftskrise und die akute soziale Schichtung. Der parteiinterne politische Kampf spiegelt sich in den wenigen scharf akzentuierten Verhaltensweisen oder Äußerungen der einzelnen Figuren wider. Die Beschreibung erreicht ihren Höhepunkt in der grotesken Clownerie des Staatsanwalts und des revolutionären Agitators, die zeigen, wie kalt und distanziert sie mit Fragen umgehen, die für Arme zu einer Frage von Leben und Tod werden. Die Sympathie des Autors für Arbeiter, die Opfer der wirtschaftlichen Stagnation geworden sind, kommt in den Gegensätzen zum Ausdruck: die Entlassung von hundert Arbeitern – die Einstellung von einem Dutzend Managern; zweihunderttausend gespendet „für... nun, für die Entwicklung der Kultur“ [Frank 1954: 109] – ein zerknitterter Geldschein, der einem armlosen Mädchen zugesteckt wurde. Vor diesem Hintergrund wirken die politischen Debatten von Menschen, die wohlgenährt und gelassen in die Zukunft blicken, zynisch und symbolisch durch ein Gewitter unterbrochen werden.

Wenige historische und soziale Marker – die Erwähnung von „Gräueltaten, die in den Nachbarländern an Unschuldigen begangen wurden“ [Polgar 1989: 14] und der Ausruf des exaltierten Dichters über die Schrecken der Moderne – verweisen den Leser der Erzählung „Auf dem Balkon“ auf den Sieg des Nationalsozialismus, den Terror des nationalsozialistischen Regimes in Deutschland und den Anschluss. Für seine Figuren ist dies ein fremder Schmerz, der keine Anteilnahme hervorruft.

In beiden Fällen wird die Natur zum Gegenpol zur Welt der gesellschaftlichen Widersprüche. Beide Autoren lehnen es ab, das Ereignis im Raum eines Bahnhofs oder Waggons zu verorten. Franks Figuren umgibt „eine echte Idylle, wie auf alten Gemälden“ [Frank 1954: 124]. Der Verfasser vergleicht die Bewegung eines Zuges mit dem Flug über den Himmel. Polgar schildert das friedliche Häuschen über dem See mit einem witzigen Wortspiel, das mit dem Verhältnis von Zeit und Raum spielt: „Die Aussicht vom Balkon war zauberhaft schön, besonders für den Besitzer des Hauses, der der reichste Mann war...“ [Polgar 1989: 14]. Die Vertikale, die den Blick der beiden Autoren organisiert, ist stark wertend. Frank dupliziert die soziale Struktur mit dem Relief natürlicher Bilder und führt den Leser zu der Vorstellung, dass Arbeiter die

Grundlage und Stütze der Welt ist und dass er es ist, der ihr Retter sein wird, egal wie sehr die Vertreter anderer Klassen auf ihn herabschauen. Polgar, der die Perspektive seiner Geschichte von oben nach unten aufbaut, unterstreicht die Arroganz und die Abgehobenheit seiner Figuren vom Leben, ihren Unwillen, sich mit den schrecklichen Ereignissen zu befassen, die ihnen den Seelenfrieden rauben können.

Grandiose Landschaften sind „...wie in der expressionistischen Lyrik überhaupt ... weder ein ‚Ort des Friedens und des Trostes‘ noch ein ‚Objekt der poetischen Betrachtung‘, sie werden zu einer Kulisse, ... einem Bühnenbild, in dem sich die kommende individuelle Katastrophe des lyrischen Subjekts und zugleich die universelle Katastrophe entfalten wird“ [Соколова 2023: 35–36]¹³. Die Komposition beider Texte besteht aus mehreren scharf voneinander abgegrenzten Fragmenten.

L. Frank teilte seine Kurzerzählung in fünf Teile.

Die ersten drei sind dem Kennenlernen der Passagiere gewidmet. Diese Teile bestehen aus den Umständen der Zugabfahrt und Auszügen von Dialogen, die in verschiedenen Teilen des Wagens stattfinden. Mit der Montage kann man ein möglichst vollständiges Bild des Alltags vermitteln. Das Schildern von beengtem Raum trägt zum Aufeinanderprallen von Interessen und Meinungen bei. Die Debatte scheint wichtig zu sein, bis sich der Waggon vom Zug löst und schnell in den Abgrund stürzt, was sie schnell in den Tod treibt.

Der vierte Teil ist die Fahrt eines Waggons, der sich vom Zug gelöst hat. Der Rhythmus ändert sich. Die Sätze werden kürzer. Die Bilder sind konzentriert und vermitteln ein Gefühl von Geschwindigkeit. Es gibt keine Dialoge mehr – die Worte verschmelzen zu einem Schrei des Grauens. Die Art und Weise, wie gesellschaftliche Werte zusammenbrechen, stellt Frank durch eine einfache Aufzählung von Details dar: Dinge, die für jeden Teilnehmer der Tragödie von Bedeutung sind, sind im Waggon verstreut. Sie werfen ihre Masken der Frömmigkeit ab und entkommen – buchstäblich – über die Köpfe ihrer Mitreisenden hinweg. Die expressionistische Ästhetisierung des Hässlichen (die Schilderung vom Selbstmord des Karussellbesitzers) wird eingesetzt, um ein angemessenes Maß an Spannung zu erreichen und die Angst zu motivieren, das die Handlungen der Figuren bestimmt.

Der Inhalt des letzten Teils ist Beruhigung, Entschleunigung, Stille. Der Lokführer des Güterzuges rettet unter Einsatz seines Lebens den Waggon vor dem Untergang. Die Passagiere erkennen allmählich, dass sie ins Leben zurückkehren. Die aufgedeckten Konflikte sind jedoch nicht nur nicht gelöst, sondern werden schärfer definiert: Der Bauer geht weiter zu Fuß, der Arbeiter zieht in den Führerstand, die Gebälerin erkennt, dass sie „keinen Mann mehr hat“ [Frank 1954: 131]. Der Fehler des betrunkenen Wagenkupplers

¹³ «как и вообще в лирике экспрессионизма ... не являются ни „местом покоя и утешения“, ни „объектом поэтического созерцания“, они превращаются в кулису, ... в декорации, где будет разворачиваться грядущая индивидуальная катастрофа лирического субъекта и одновременно катастрофа всеобщая».

wird von den im Wagen verbliebenen Fahrgästen und von dem Maschinisten und dem Arbeiter in der Zugkabine grundlegend unterschiedlich bewertet. Erstere sind voller Hass und Rachedurst, letztere voller Mitgefühl für die Trauer eines Mannes, der seine Frau und seine beiden Söhne durch den Krieg verloren hat, der von Leuten wie den Fahrgästen des Wagens, den eben gerettet worden sind, entfesselt wurde. Das Thema der Schuld und der Verantwortung ist eines der wichtigsten Themen Franks in seinem gesamten Werk, beginnt also im Finale zu klingen.

Der Text der Kurzerzählung A. Polgars lässt sich in vier semantische Teile gliedern.

Im ersten Teil werden die Figuren charakterisiert. Der friedliche, poetische Abend ist mit Vergnügungen gefüllt, die gleichgültige Menschen genießen. Der zweite Teil beginnt mit einem Planwechsel: Der „mittlere“ Plan – die Gesellschaft auf dem Balkon – wird durch den „allgemeinen“ ersetzt: der See, der Schatten des Berges tritt zum Ufer und zum Haus, die Lichter über dem Balkon reimen sich mit den Lichtern am gegenüberliegenden Ufer. Der Zug, der auftaucht, ändert die Richtung des Gesprächs, „stört“ die Stimmung. Das Gespräch dreht sich nun um tragische Themen. Die Harmonie ist zerrüttet. Während Frank die Erzählung durch immer kürzere Episoden, die durch die Montage zu einem einzigen Bild verbunden werden, bewusst beschleunigt und sie allmählich auf eine Zeile, einen Satz oder sogar ein Wort reduziert, vermittelt Polgar ein Gefühl der Beunruhigung durch die Parzellierung, die eine Disharmonie in eine kohärente Erzählung einführt und sie an den unerwarteten Stellen unterbricht. Er verlangsamt die Erzählung und zwingt den Leser, die Bewegung des Zuges wie in einem Rapide wahrzunehmen: „Aus der weiten Schau betrachtet kam er sich äußerst langsam vorwärts, trotz der Hundert-Kilometer-Geschwindigkeit“, „stürmte in ein Erdloch“, „kroch hindurch, ... wie ein Würmchen“ [Polgar 1989: 14]. Der Sarkasmus des Autors gegenüber der Gesellschaft, die die nahende Katastrophe nicht spürt, wird durch syntaktischen Parallelismus vermittelt: „Man sprach von Greultaten (...). Man sprach nicht von der schauerlichen Seelenruhe (...)“ [Polgar 1989: 14]. Die physiologische Natur von „intellektuellen Menschen“ wird hervorgehoben: „Sie sprachen über nichts ..., was zu Schlaf – oder Verdauungsstörungen beitragen könnte.“ [Polgar 1989: 14].

Im dritten Teil werden die Figuren Zeugen einer Katastrophe: zwei Züge stoßen zusammen. Das Ereignis ist „erschreckend“, „plötzlich“ und bleibt ein „Rätsel“, denn „die abendlichen Schatten machten es unmöglich zu sehen, was dort geschehen war“ [Polgar 1989: 18]. Der Autor nimmt die Position seiner Figuren ein, die keine schrecklichen Details erfahren wollen und der Natur dafür dankbar sind, dass sie das schreckliche Bild schamhaft mit „dem Schleier einer Julinacht“ [Polgar 1989: 12] überdeckt hat. Die Einzelheiten der Katastrophe werden durch eine Figur des Schweigens verborgen. Die Aufregung, die sich aufgebaut hatte, beruhigt sich schnell im letzten Teil der Erzählung. Nachdem die Gesellschaft auf dem Balkon erfahren hat, dass „keine Verwandten und Bekannten im Zug sind, Vielleicht nicht einmal Landsleute“, be-

ruhigt sich die Gesellschaft der Intellektuellen und freut sich, was zum Anlass für die Verallgemeinerung des Autors wird: Der Himmel selbst wird akzeptieren, dass es unmöglich ist, Menschen durch das zu erregen, was Menschen den Mitmenschen antun („was Menschen über die Menschen verhängen“ [Polgar 1989: 18]).

In beiden Fällen entlarvt die Katastrophe die egoistische Natur von Menschen und wird zum Katalysator für gesellschaftliche Widersprüche. Das Zugangsglück enthüllt „...das alles durchdringende Mechanistische, Künstliche, Illusorische, Falsche“ [Толмачев 2007: 130]¹⁴, was hinter einem Schleier von Wohlwollen und Anstand verborgen ist.

Wenn der Expressionismus jedoch versucht, „die Apokalypse als Katharsis zu erleben“ [Швец 2012: 15]¹⁵, sie mit der „christlichen Hoffnung auf Erlösung“ [Млечина 2008: 258]¹⁶ zu verbinden, so führen beide Autoren die Figuren zur Trostlosigkeit und die Leser zur Hoffnungslosigkeit.

L. Franks Figuren legen während des Zugangsglücks zahlreiche Schwüre ab, die sie vergessen, sobald die Gefahr vorüber ist. Jeder von ihnen erfährt die Enttäuschung über genau das, was ihm als sein wichtigster Wert und seine größte Würde erschien: Der furchtlose Agitator, der andere zur Selbstaufopferung aufrief, wird mit seiner eigenen Feigheit konfrontiert, der Glaube des Studenten an die ältere Generation wird durch die allgemeine Verwirrung erschüttert, die Familienidylle des Bankiers entpuppt sich als „eine solide, durchgehende Lüge“ [Frank 1954: 140]. Die Überlebenden sind nicht zu Mitgefühl, gegenseitiger Hilfe fähig, sie lassen sich vom Schmerz und Verlust anderer Menschen nicht beeindrucken, selbst das Schreckensbild des vom Zug zerrissenen Körpers des Karussellbesitzers löst nur Gleichgültigkeit aus: „Ein Fahrgast starb, ein neuer kam hinzu“ [Frank 1954: 141]. Das einzige Bild, das das Finale von Franks Novelle nicht so hoffnungslos erscheinen lässt, ist das geborene Kind, dessen Mutter in der gesamten Novelle in der Gestalt einer Madonna dargestellt wird: Sie ist in sich selbst und in ihre eigenen Gedanken über das Kind versunken, sie drängt ihren Mann zu guten Taten für die Familie, die kostbaren Ringe, die am Vorabend der Geburt abgenommen werden, werden als Teil des Ritus der Läuterung wahrgenommen, und schließlich ist sie die Einzige, die eine Erleuchtung hat und mutig die Wahrheit „jeder für sich“ [Frank 1954: 150] akzeptiert.

Polgar, der die Totalität der Gleichgültigkeit konstatiert, fasst das enttäuschende Fazit zusammen: Die Gleichgültigkeit wird nicht erschüttert, die Menschen, die sich weiter vergnügen, sehen nicht, fühlen nicht, hören nicht: „Tote und Verstümmelte – aber, gottlob, man sah sie nicht. Schmerz und Qual – aber man spürte sie nicht. Jammer und Hilferufe – aber man hörte sie nicht“ [Polgar 1989: 18].

¹⁴ «всепроницающую механистичность, искусственность, иллюзорность, фальшивость».

¹⁵ «пережить апокалипсис как катарсис».

¹⁶ «христианской надеждой на спасение».

Darstellung der Katastrophe in den Erzählungen „Im letzten Wagen“ und „Auf dem Balkon“

Die „ultimative Ausdruckskraft der künstlerischen Mittel“, die der Expressionismus anstrebt, wird in beiden Geschichten konsequent in visueller, auditiver und olfaktorischer Form verkörpert: „Ist das visuelle Bild durch eine Vorliebe für blendendes Licht oder düstere Dunkelheit ..., ‚schreiende‘ Farben, hyperbolisierte, deformierte Formen gekennzeichnet, so wird in den akustischen Bildern der Schrei zu solchem ultimativen Mittel“ [Мацевич 2008]¹⁷.

Leonhard Frank sättigt seine Kurzgeschichte mit Farben und Klängen. Die Farbmarkierungen sind präzise auf die ideologischen Hauptkoordinaten des Textes ausgerichtet. Weiß wird mit der Kindheit assoziiert (Erinnerungen eines Arbeiters, die Geburt eines Babys), Rot mit harter Arbeit, der unbemerkten Leistung eines kleinen Maschinisten, der einen außer Kontrolle geratenen Wagen anhält, und der revolutionären Bewegung. Auf diese Weise schmückt das rot-weiße Gamma die Themen der Vergangenheit und der Zukunft, bezeichnet die Meilensteine der Bewegung der Zeit. Variationen über das Thema der blauen und grünen Farben spielen auf die Beziehung zwischen Mensch und Natur an. Helle und klare Grün- und Blautöne sind die Schöpfungen der ewigen Natur, der natürlichen Ordnung des Lebens und des Friedens. Schmutzig, gemischt, verschwommen und trübe – dieselben Farben werden zu einem Zeichen von Ohnmacht, Schmerz und Angst. Auch die Vertonung der Geschichte ist streng organisiert. Der Lärm der Arbeitsbesprechung zu Beginn der Geschichte – für die zukünftigen Teilnehmer der Tragödie fremd – „wird durch einzelne Ausrufe wiedergegeben“ [Frank 1954: 111] und wird durch die Geräusche der Natur (Regen, Gewitter, Vogelgezwitscher) wiedergegeben. Leise Stimmen, selbst das Flüstern von Gesprächen während der Fahrt, werden durch den Schlummer und die Stille des langen Wegs zunichte gemacht. Der Beginn der Tragödie wird durch den Schrei des Weichenstellers und das Bellen des Hundes markiert, danach nimmt der Lärm rapide zu: Die Schreie der Reisenden, das Keuchen der ein Kind gebärenden Frau, das Zischen der Heizachse, das Stoß des Wagens auf die Schienen – die Geräusche verschmelzen zu einer Kakophonie: „Das waren die letzten Laute menschlicher Sprache, überbrüllt schon von den Schreien der Todesfurcht, für die es in keiner Sprache Wörter gibt. Die allerletzten Reste der Lebensmasken, Masken, die im Laufe des Lebens zu Gesichtern geworden waren, fielen ab – das Urgesicht erschien“ [Frank 1954: 158]. Der Schrei des geborenen Kindes, das Gebet eines Bauern unterbricht abrupt dieses Chaos: der Zug hält an, „in der Stille klopft der Specht“ [Frank 1954: 129] – es ist Zeit, Schlüsse zu ziehen und zu resümieren.

Der Text von A. Polgar ist reich an Gerüchen und dem Spiel von Licht und Schatten. Die Strahlen der untergehenden Sonne weichen der Dämmerung. Vor

dem Hintergrund einer Sommernacht heben sich Strahlen der Glühbirnen auf dem Balkon ab – ein potenziell poetisches Bild, dessen tragische Schönheit durch den technischen Fortschritt verhindert wird: „Die Lichter wurden zu einem Zeitpunkt eingeschaltet, an dem die Motten sicher herbeigeschwommen und verbrannt wären, wenn es nicht das Licht der Glühbirnen gewesen wäre, die einen solch poetischen Tod der Motten nicht zulassen“ [Polgar 1989: 12]. Unaufrichtige Menschen, falsche Poesie, gedämpftes Halblicht – Unvollständigkeit, wie ein durchgehender Reim, auf dem die Landschaft ruht. Der Vergleich des Zuges am gegenüberliegenden Ufer mit einem Spielzeug verstärkt die verfremdende Wahrnehmung des Geschehens zusätzlich, das Bild wird durch die Entfernung „gedämpft“, „so wie die Gesellschaft aus der Ferne die Probleme der Welt als unbedeutend oder unlösbar betrachtet“, die Distanz wird am Anfang betont und am Ende noch einmal hervorgehoben, „das immer wiederkehrende Motiv der Ferne veranschaulicht die Distanz der gehobenen Gesellschaft zu dem Leid und Elend und ihrem Missverständnis dafür“ [Blume 2018]. Beide Züge sind zudem mit Licht markiert – einem gedämpften „Glanz“ und einer dezenten „Lichtpunktlinie“, vor deren Hintergrund sich die vollständige, eindeutige, wahrhaft tragische Dunkelheit nach dem Zusammenstoß der Züge deutlich abhebt: „Plötzlich erloschen in beiden Zügen die Lichter“ [Polgar 1989: 16]. Während der Grad der Lichtausstrahlung also direkt mit dem Grad der Tragik des Ereignisses korreliert, setzen die zarten Gerüche der Sommerhitze einen Kontrapunkt, der die Vorahnung der Tragödie abschwächt.

So appellieren die Autoren an unterschiedliche Formen der sinnlichen Wahrnehmung der Welt, betonen aber gleichermaßen den ekstatischen Charakter ihres ästhetischen Bildes.

Obwohl Frank ironisiert, dass der Autor selbst natürlich keine Ahnung hatte, dass er, dem Zeitgeist gehorchend, aus irgendeinem mysteriösen Grund zum Wortführer einer neuen Richtung geworden war, sondern das Prinzip, „die Fragmente der menschlichen Welt durch das Prisma eines Tieres in deformierter Form zu geben“ [Тынянов 1977: 133]¹⁸ verbindet die Texte von Frank und Polgar mit denen ihrer Zeitgenossen. Der Expressionismus sucht das Vorzivilisatorische, das Ursprüngliche, das Urtümliche – das, was den Menschen der Natur näher bringt, und findet sein „tierisches Antlitz“ im Angesicht der Katastrophe. Der von L. Frank beschriebene Mensch im Zustand des Todeshorrors ist der „primitive Mensch“ [Frank 1954: 126]. In ihm erwachte das Bestialische, er „fiel zu Boden und kroch auf allen Vieren, heisere Tierschreie ausstoßend“ [Frank 1954: 145]. Die knurrenden, brüllenden, wimmernden Männer nehmen eine bestialische Eigenschaft nach der anderen an. Für Frank ist es wichtig, den maximalen Grad des Kampfes um das Leben zu zeigen, den Sieg des Physiologischen über das Rationale, den Triumph des Schreckens vor dem Tod über alle oberflächlichen Pläne, Sorgen und Wer-

¹⁷ «Если для зрительного ряда характерно пристрастие к ослепительному свету или беспросветному мраку..., „кричащим“ краскам, к гиперболизированным, деформированным формам, то в звуковом ряду таким предельным средством становится крик».

¹⁸ «через призму зверя дать в деформированном виде обрывки человеческого мира».

te. Polgar verwendet die Animalistik auf eine grundlegend andere Weise. Indem er die Züge mit einem Wurm und einer Schlange vergleicht, erzeugt er einen märchenhaften Effekt: Die Menschen, die ihre Bewegung beobachten, nehmen das Geschehen als eine schreckliche Phantasmagorie wahr, der die wahre Grundlage von Schmerz, Tod und Verlust fehlt. „Ein glänzender Wurm“ [Polgar 1989: 14] kollidierte mit einer Schlange „mit einer feurigen Schwanzspitze“ [Polgar 1989: 16] – eher ein Märchen als eine Realität, die sich vor den Augen entfaltet.

Fazit

Die Sujet der Geschichten offenbart somit eine sich verändernde gesellschaftliche Situation. Für Frank war es im Jahr 1925 wichtig, die soziale „Obere“ (die Figuren, die das Gesicht der politischen und wirtschaftlichen Macht darstellen) den elenden Arbeitern gegenüberzustellen, die immer noch versuchten, sich zu vereinen und eine einheitliche politische Kraft zu werden. Für Polgar war es 1936 wichtig, darüber zu sprechen, „was ein aufrichtiger und gewissenhafter Mensch sehen kann“ [Ровольт 2004]¹⁹ – über die still-

schweigende Zustimmung der Intelligenz zu den Schrecken des Nationalsozialismus. Die sich verändernde Welt bestimmt zusammen mit dem sozialen Interesse des Autors die Sujet der Katastrophe. In beiden Fällen ist der Inhalt des Textes nicht auf seinen spezifischen historischen Plan beschränkt. Gott und die Natur werden zum Maßstab für menschlichen Egoismus und Selbstlosigkeit. Der Appell des Bauern an den Himmel in Franks Geschichte und des Erzählers in Polgars Geschichte rundet symptomatisch die Beschreibung der Katastrophe ab. Das Chronotop in den Geschichten „Im letzten Wagen“ und „Auf dem Balkon“ basiert auf dem Gegensatz der Weite der Welt und der Enge des begrenzenden Raums, in dem sich die Figuren befinden.

Das katastrophale Sujet wird in beiden Fällen in einen expressionistischen künstlerischen Rahmen mit der für den Expressionismus charakteristischen Vergrößerung, Helligkeit, emotionalen und ideologischen Fülle der zentralen Figuren, der Verwendung von visuellen, auditiven und olfaktorischen Kontrasten und aktiv eingesetzten animalischen Merkmalen gestellt.

¹⁹ «о том, что может увидеть человек искренний и совестливый».

Литература

- Архипов, Ю. И. Введение / Ю. И. Архипов, В. Д. Седельник // История австрийской литературы XX века. Т. 1. Конец XIX – начало XX. – М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. – С. 5–22.
- Крель, М. О новой прозе / М. О. Крель // Экспрессионизм : сб. ст. / под ред. Е. М. Браудо, Н. Э. Радлова. – М. ; СПб. : Всемирная литература, 1923. – С. 68–108.
- Манн, Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа / Т. Манн // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 9 / пер. с немецкого С. Апта. – М. : ГИХЛ, 1960. – С. 199–364.
- Мацевич, А. Крик / А. Мацевич // Энциклопедический словарь экспрессионизма / гл. ред. П. М. Топер. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 297.
- Млечина, И. Катастрофизм / И. Млечина // Энциклопедический словарь экспрессионизма / гл. ред. П. М. Топер. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 257–258.
- Музиль, Р. Афоризмы / Р. Музиль // Музиль Р. Малая проза. Избранные произведения : в 2 т. Роман. Повести. Драм. Эссе. Т. 2 / пер. с нем. А. Карельского. – М. : Канон-пресс-Ц ; Кучково поле, 1999. – С. 197–253.
- Ровольт, Х. Альфред Польгар, король и гражданин / Х. Ровольт. – Текст : электронный // Вестник Европы. – 2004. – № 12. – URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2004/12/alfred-polgar-korol-i-grazhdanin.html> (дата обращения: 10.08.2024).
- Седельник, Д. В. Дадаизм в контексте европейского авангардизма / Д. В. Седельник // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика / под ред. Ю. Н. Гирина. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 413–471.
- Сейбель, Н. Э. Леонгард Франк / Н. Э. Сейбель // История литературы Германии XX века. Т. 1. Кн. 1. Литература Германии между 1880 и 1918 годами. – М. : ИМЛИ РАН, 2016. – С. 726–742.
- Соколова, Е. В. Феномены цвета и звука в осенней лирике Георга Тракля / Е. В. Соколова // *Studia Litterarum*. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 28–45.
- Толмачев, В. М. Экспрессионизм, экспрессия, субъективность: о границах экспрессионизма / В. М. Толмачев // Вестник ПСТГУ. Филология. – 2007. – Вып. 4 (10). – С. 114–142.
- Тукольски, К. Черным по белому / К. Тукольски. – Текст : электронный // Вестник Европы. – 2004. – № 12. – URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2004/12/chernym-po-belomu-2.html?ysclid=lz55ijdzws816083251> (дата обращения: 10.08.2024).
- Тынянов, Ю. Н. «Серапионовы братья». Альманах I / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – С. 132–135.
- Хализев, В. Е. Сюжет / В. Е. Хализев // Литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины / под редакцией Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа ; Академия, 1999. – С. 260–262.
- Швец, Т. П. Катастрофа как тема и образ в истории изобразительного искусства (на материале живописи и графики немецкого экспрессионизма) : автореф. дис. ... канд. искусств. / Т. П. Швец. – СПб., 2012.
- Blume, B. Unterricht: Interpretation: Auf dem Balkon / B. Blume. – Text : electronic // Bob Blume. – 13 April 2018. – URL: https://bobblume-de.translate.google.com/2018/04/13/unterricht-interpretation-auf-dem-balkon/?_x_tr_sl=de&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (mode of access: 12.08.2024).

Frank, L. Im letzten Wagen / L. Frank // Im letzten Wagen: Erzählungen. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1954. – S. 109–167.

Linden, A. „Die Senkgrube des Vergessens“: Alfred Polgar, World War I, and the Viennese Feuilleton / A. Linden. – Text : electronic // The German Quarterly. – 2020. – Vol. 93.1. – URL: https://www.academia.edu/4903576/_Die_Senkgrube_des_Vergessens_Alfred_Polgar_World_War_I_and_the_Viennese_Feuilleton (mode of access: 12.08.2024).

Polgar, A. Auf dem Balkon. Kleine Erzählungen und Studien mit zehn Lithographien von Rolf Escher / A. Polgar. – Neu Isenburg : Edition Tiessen, 1989. – 33 S.

Tölke, S. Alfred Polgar – ein Kaffeehaus-Literat / S. Tölke. – Text : electronic // Deutsch Methodenzeitschrift für Lehrer der deutschen Sprache. – 2008. – No. 20. – URL: <https://deu.1sept.ru/article.php?ID=200802008> (mode of access: 12.08.2024).

Weinzierl, U. Alfred Polgar: eine Biographie / U. Weinzierl. – Wien : Locker, 1985. – 312 S.

References

Arkipov, Yu. I., Sedelnik, V. D. (2009). Vvedenie [Introduction]. In *Istoriya avstriiskoi literatury VV veka*. Vol. 1. Konets XIX – nachalo XX. Moscow, IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, pp. 5–22.

Blume, B. (2018). Unterricht: Interpretation: Auf dem Balkon. In *Bob Blume*. URL: https://bobblume.de.translate.google.com/2018/04/13/unterricht-interpretation-auf-dem-balkon/?_x_tr_sl=de&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (mode of access: 12.08.2024).

Frank, L. (1954). Im letzten Wagen. In *Im letzten Wagen: Erzählungen*. Berlin, Aufbau-Verlag, S. 109–167.

Khalizev, V. E. (1999). Syuzhet [Plot]. In Chernets, L. V. (Ed.). *Literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: Osnovnye ponyatiya i terminy*. Moscow, Vysshaya shkola, Akademiya, pp. 260–262.

Krell, M. (1923). O novoi proze [About New Prose]. In Braudo, E. M., Radlova, N. E. (Eds.). *Ekspressionizm: sb. st.* Moscow, Saint Petersburg, Vsemirnaya literatura, pp. 68–108.

Linden, A. (2020). „Die Senkgrube des Vergessens“: Alfred Polgar, World War I, and the Viennese Feuilleton. In *The German Quarterly*. Vol. 93.1. – URL: https://www.academia.edu/4903576/_Die_Senkgrube_des_Vergessens_Alfred_Polgar_World_War_I_and_the_Viennese_Feuilleton (mode of access: 12.08.2024).

Mann, T. (1960). Istoriya «Doktora Faustusa». Roman odnogo romana [The Story of Doctor Faustus. A Novel of One Novel]. In *Sobranie sochinenii: v 10 t.* Vol. 9. Moscow, GIKhL, pp. 199–364.

Matsevich, A. (2008). Krik [Scream]. In Topper, P. M. (Ed.). *Entsiklopedicheskii slovar' ekspressionizma*. Moscow, IMLI RAN, p. 297.

Mlechina, I. (2008). Katastrofizizm [Catastrophism]. In Topper, P. M. (Ed.). *Entsiklopedicheskii slovar' ekspressionizma*. Moscow, IMLI RAN, pp. 257–258.

Muzil, R. (1999). Aforizmy [Aphorisms]. In Muzil, R. *Malaya proza. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. Roman. Po-vesti. Dramy. Esse*. Vol. 2. Moscow, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole, pp. 197–253.

Polgar, A. (1989). *Auf dem Balkon. Kleine Erzählungen und Studien mit zehn Lithographien von Rolf Escher*. Neu Isenburg, Edition Tiessen. 33 S.

Rovolt, Kh. (2004). Al'fred Pol'gar, korol' i grazhdanin [Alfred Polgar, King and Citizen]. In *Vestnik Evropy*. No. 12. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2004/12/alfred-polgar-korol-i-grazhdanin.html> (mode of access: 10.08.2024).

Sedelnik, D. V. (2010). Dadaizm v kontekste evropeiskogo avangardizma [Dadaism in the Context of European Avant-gardism]. In Girin, Yu. N. (Ed.). *Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poetika*. Moscow, IMLI RAN, pp. 413–471.

Seibel, N. E. (2016). Leongard Frank [Leonhard Frank]. In *Istoriya literatury Germanii VV veka*. Vol. 1. Book 1. Literatura Germanii mezhdru 1880 i 1918 godami. Moscow, IMLI RAN, pp. 726–742.

Shvets, T. P. (2012). *Katastrofa kak tema i obraz v istorii izobrazitel'nogo iskusstva (na materiale zhivopisi i grafiki nemetskogo ekspressionizma)* [Catastrophe as a Theme and Image in the History of Fine Art (Based on Painting and Graphics of German Expressionism)]. Avtoref. dis. ... kand. iskusstv. Saint Petersburg.

Sokolova, E. V. (2023). Fenomeny tsveta i zvuka v osennei lirike Georga Traklya [Phenomena of Color and Sound in Georg Trakl's Autumn Lyrics]. In *Studia Litterarum*. Vol. 8. No. 3, pp. 28–45.

Tölke, S. (2008). Alfred Polgar – ein Kaffeehaus-Literat. In *Deutsch Methodenzeitschrift für Lehrer der deutschen Sprache*. No. 20. URL: <https://deu.1sept.ru/article.php?ID=200802008> (mode of access: 12.08.2024).

Tolmachev, V. M. (2007). Ekspressionizm, ekspressiya, sub"ektivnost': o granitsakh ekspressionizma [Expressionism, Expression, Subjectivity: On the Boundaries of Expressionism]. In *Vestnik PSTGU. Filologiya*. Issue 4 (10), pp. 114–142.

Tukolski, K. (2004). Chernym po belomu [In Black and White]. In *Vestnik Evropy*. No. 12. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2004/12/chernym-po-belomu-2.html?ysclid=1z55ijdzws816083251> (mode of access: 10.08.2024).

Tynyanov, Yu. N. (1977). «Serapionovy brat'ya». Al'manakh I [“The Serapion Brothers”. Almanac I]. In *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moscow, Nauka, pp. 132–135.

Weinzierl, U. (1985). *Alfred Polgar: eine Biographie*. Wien, Locker. 312 S.

Данные об авторе

Сейбель Наталия Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.

E-mail: seibel_ne@mail.ru.

Author's information

Seibel Nataliya Eduardovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia).

Дата поступления: 29.08.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 29.08.2024; date of publication: 30.10.2024

ПОЭТИКА ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА

УДК 821.161.1-31+74. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-162-173. ББК Ш33(2Рос=Рус)-44+Щ156.7.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ГРАФИЧЕСКИЕ АДАПТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Семьян Т. Ф.

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9380-1509>
SPIN-код: 7666-2753

Смышляев Е. А.

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4848-4986>
SPIN-код: 9222-4295

А н н о т а ц и я . Статья посвящена актуальному феномену современной культуры – исследованию художественных особенностей графических адаптаций текстов русской литературы, т. е. тому виду искусства, в котором литературное произведение полностью визуализировано художником-комиксистом. В последние годы данный вид творчества набирает всю большую популярность в России, что во многом связано с клиповым мышлением, явлением мультикультурализма и глобализацией, затрагивающей как экономические, политические, социальные, так и культурные сферы жизни. Комиксы и графические адаптации занимают важное место среди интересов молодежной среды, являются значимой составляющей выражения субъектности и индивидуальности современной молодежи, позволяют молодому поколению в более емкой и адекватной времени форме ознакомиться с произведениями русской литературы, усваивать и перерабатывать ценностные ориентиры предыдущих поколений.

Материалом исследования послужили графические адаптации наиболее значимых произведений русской литературы, таких как «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова.

В данном исследовании применяются методы литературной семиотики и герменевтики, методики анализа креолизованного текста, т. е. текста синкретичной, смешанной природы, в котором задействованы средства разных семиотических кодов – вербального и визуального, а также описываются родственные кинематографу методы и приемы.

Исследование трансформаций текстов русской литературы, выполненных российскими и зарубежными художниками, дает новое представление о межнациональной природе графических адаптаций. Сопоставляя структуру, семантические особенности, визуальные приемы отечественных и зарубежных графических адаптаций, можно выявить доминантные точки произведений-претекстов, яркие эпизоды, на которые чаще всего обращают внимание художники.

Рассмотренные в статье графические адаптации произведений русской литературы позволяют сделать важный вывод о том, что данный жанр генетически связан с искусством комикса, но представляет собой более сложное и многогранное явление. Графическая адаптация вбирает в себя черты, особенности киноискусства и театрального искусства, что выражается в монтажных приемах, подготовке сценарного плана. Жанр графической адаптации актуализирует изобразительный потенциал многих классических и современных произведений русской литературы и наряду с другими видами искусства участвует в межкультурной коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : графическая адаптация; графический роман; комикс; креолизованный текст; русская литература; молодежная культура

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00855).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Семьян, Т. Ф. Графические адаптации произведений русской литературы / Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 162–173. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-162-173.

GRAPHIC ADAPTATIONS OF RUSSIAN LITERATURE

Tatyana F. Semyan

South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9380-1509>

Evgeniy A. Smyshlyayev

South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4848-4986>

Abstract. This research focuses on an urgent phenomenon of modern culture – specific features of graphic adaptations of Russian literary texts, i.e. such kind of art, in which a work of fiction is fully visualized by the author of the comic book. In recent years, this kind of art is becoming more and more popular in Russia, which is to a large extent associated with clip thinking, multiculturalism and globalization, involving both economic, political, social, and cultural spheres of life. Comic books and graphic adaptations occupy an important place among the interests of young people and constitute a significant constituent of expressing subjectness and individuality of the modern youth. They allow the young people to get acquainted with Russian literature and to acquire and process value-based benchmarks of previous generations.

The practical research material encompasses graphic adaptations of the most prominent Russian works of literature, such as “Crime and Punishment” by F. Dostoevsky, “Anna Karenina” by L. Tolstoy, “The Master and Margarita” by M. Bulgakov.

The study employs the methods of literary semiotics and hermeneutics, and the methods of creolized text analysis – texts of a mixed syncretic nature that involve verbal and visual semiotic codes. The study also uses methods and techniques which are typical of cinematography.

The investigation of the Russian literary text transformations, made by Russian and foreign painters, provides a new insight on the intercultural nature of graphic adaptations. By comparing the structure, semantic peculiarities, and visual techniques of Russian and foreign graphic adaptations, it is possible to discover the dominant points of the pre-text works of art, and to identify salient episodes that often attract the attention of the painters.

The analysis of the graphic adaptations of Russian works of literature considered in this article make it possible to conclude that this genre is genetically connected with the art of comics, but is more complex and multifaceted. The graphic adaptation absorbs the features of film and theater art, which is expressed in montage techniques and script plan writing. The genre of graphic adaptation actualizes the visual potential of many classic and modern works of Russian literature and participates in modern intercultural communication along with other kinds of art.

Keywords: graphic adaptation; graphic novel; comic book; creolized text; Russian literature; youth culture

Acknowledgments: The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00855.

For citation: Semyan, T. F., Smyshlyaev, E. A. (2024). Graphic Adaptations of Russian Literature. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 162–173. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-162-173.

Введение

Интерес к феномену визуализации в литературе и культуре возрастает как в теоретическом аспекте, так и в практическом плане, что объясняется тотальной визуализацией социальных и культурных процессов. С. С. Аванесов в своей статье «Визуальность и коммуникация» указывает на доминирование визуальности в коммуникативном пространстве современной культуры: «в последние десятилетия очевиден перенос теоретического и практического акцента с вербальных на визуальные способы организации и интерпретации коммуникативных пространств и актов» [Аванесов 2014: 13]. В современной литературе существует много специфических текстовых форм, где визуальное и вербальное взаимодействуют в разных видах и степенях выражения. Появились интересные формы визуализации литературного произведения. Ярче всего визуализация текста проявляется в жанре, который имеет много поджанровых номинаций: комикс, манга, графический роман, графическая новелла и пр.

Неослабевающий на протяжении веков интерес к рисованным историям в настоящее время переживает новый виток. Кинематографическое воплощение комиксов заполонило мировые экраны; проходят фестивали, посвященные комиксовой культуре (Comic Con); в графической версии издаются «Дневник Анны Франк» и истории о холокосте («Маус»). Началось научное осмысление данного феномена, ведутся споры о терминологических обозначениях: комикс – развлекательная рисованная история для детей, графический роман – рисованная история с серьезным сюжетом для взрослых.

Массовая культура XX века породила множество уникальных феноменов, одним из которых

является комикс. В нем синтезируются черты литературы и изобразительного искусства, в частности кинематографа. За счет серьезного нарративного потенциала многие комиксы экранизируются. Комикс является стремительно развивающимся жанром, имеет большое количество разновидностей, одна из которых – адаптация литературных произведений. Новые разновидности комиксов превосходят на уровень выше – в плане сюжетной составляющей и раскрытия героев. Новые сюжеты, значительно различающиеся по тематике с комиксами, требуют иного воплощения в визуальном плане, тем самым усовершенствованный комикс становится представителем искусства книжной графики.

Первым комиксом-адаптацией принято считать произведение Эдгара Райса Берроуза «Тарзан» (США, 1930). Спустя 30 лет известнейшее издательство комиксов Marvel выпускает целую плеяду адаптаций на произведения таких авторов, как Ж. Верн, Гомер, В. Гюго, Д. Дефо, Ч. Диккенс, А. Дюма, Л. Кэрролл, Э. А. По, Д. Свифт, М. Твен, Г. Уэллс и др.

В русском сегменте чаще всего визуализируют роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», известны графические адаптации романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание», Л. Толстого «Анна Каренина», рассказов А. Платонова, романа В. Пелевина «Омон Ра». С одной стороны, графическая адаптация представляет собой визуальную интерпретацию литературного произведения: основная сюжетная линия произведения, события произведения, ключевые герои, образы и мотивы визуализируются на страницах адаптации. На адаптацию можно также посмотреть и с другой стороны – как на результат совместного творчества писателя (автора претекста) и автора адаптации. В рамках данного исследования важно проследить,

каким образом, с помощью каких методов и приемов художниками визуализируются сюжеты классиков литературы, как различными отечественными и зарубежными художниками-комиксистами создается креолизованная форма классических литературных произведений.

Итак, данная статья посвящена графическим адаптациям текстов русской литературы, т. е. тому виду произведений, в которых художественный текст полностью визуализирован художником. По формальным признакам графические адаптации являются подвидом графического романа, поскольку в большинстве случаев представляют собой адаптации объемных художественных текстов. Важно подчеркнуть, что графические адаптации и графические романы не синонимичны комиксам, манге. Данные виды искусства отличаются особенностями построения нарратива, имеют свои формальные особенности: как правило, графические романы и адаптации издаются на качественной бумаге и в твердом переплете. Над графическим романом, как и над адаптацией, чаще всего работает один человек, максимум трое (сценарист-автор, художник, художник-колорист).

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили графические адаптации произведений русских писателей. Интерес к русской литературе во всем мире огромен, и графические адаптации произведений русских авторов, сделанные зарубежными художниками, безусловно тому доказательство.

С каждым годом в России появляется все больше графических романов и адаптаций: графическая адаптация романа «Мастер и Маргарита», выполненная А. Климовским и Д. Шейбал; адаптация романа «Преступление и наказание», выполненная О. Тэдзукой, адаптация «Анны Карениной» Кати Мегелицы; графическая адаптация культового романа «Омон Ра» Виктора Пелевина, выполненная мэтром отечественного графического романа Аскольдом Акишиным и знатоком комиксов Кириллом Кутузовым.

Возрастает популярность комиксов и графических романов среди читателей, в настоящее время они начинают получать признание в научной среде как самостоятельный вид искусства и заслуживающая исследования область, в рамках которой не существует единой методологии исследования. Теория комикса сейчас находится в стадии становления, разработки. Несмотря на то, что научное сообщество уже преодолело стереотипы о низкопробности комикса, невозможности его изучения с точки зрения теории литературы, все же на данный момент не выработана единая методология исследования данного вида искусства и литературы.

Comics Studies включает в себя не только изучение собственно комиксов, но и того, что в целом называется «sequential art». В Россию комиксология пришла не так давно и до последнего времени развивалась в рамках культурологии.

Поскольку материалом исследования является синкретическая форма существования текста, то

для его изучения необходимо привлекать методы из разных областей знания, в частности семиотики, эстетики, социологии, культурологии. Литературоведческое изучение графических текстов находится в стадии зарождения. В данном исследовании применяются методы литературной семиотики и герменевтики, методики анализа креолизованного текста, т. е. текста синкретичной, смешанной природы, в котором задействованы средства разных семиотических кодов – вербального и визуального, а также кинематографические методы и приемы.

Обзор литературы

Впервые термин «графический роман» был использован историком комиксов Ричардом Кайлом в публикации в журнале «Cora-Alpha» (1964). Позже, в 1978 году, Уилл Айснер определил свою работу «A Contract with God» как графический роман: для привлечения еще большего внимания к жанру писатель помещает данное определение на обложку произведения [Айснер 2018].

Комикс практически не изучался до середины XX века. Ситуация изменилась, когда в конце 1970-х годов французские художники обозначили комикс как «девятое искусство» вслед за телевидением в одном из своих манифестов. В свою очередь, телевизионщики в скором времени объявили, что их область не может рассматриваться как самостоятельный вид искусства, поэтому комикс считается девятым искусством при отсутствии восьмого.

Несмотря на большое количество исследований, комикс по-прежнему является новым явлением. По-прежнему не разработана методология исследования комиксов и графических романов. Тем не менее существуют исследования, которые заложили фундамент теории комиксов. Американский исследователь Уилл Айснер в своей работе «Comics and Sequential Art» (1985) предпринял попытку создания целостной теории комикса [Айснер 2021]. Вслед за ним Скотт Макклауд стал заниматься развитием теории комикса [Макклауд 2016], переосмыслением книги У. Айснера в своих работах «Understanding Comics» (1993), «Reinventing Comics» (2000), «Making Comics» (2006). Важный вклад в развитие теории комикса внес американский философ Дэвид Кэрриер. В своей книге «The Aesthetics of Comics» (2000) он изучает историю комикса, его взаимосвязь с другими видами искусства на примере американских и японских произведений.

Комикс изучают в разных аспектах. Например, французский исследователь А. Барон-Карве писал о том, что в комиксе одна из ключевых ролей отводится цвету. В работе «La bande dessinée» он указывает на функции, которые соответствуют преобладающим оттенкам в комиксе. По мнению ученого, синие, зеленые и серые цвета выражают загадочность, преимущественно теплые оттенки на рисунке (изжелта-бледный, коричневый) обозначают опасность, сообщают о надвигающихся неприятностях; потасовка, неприятная сцена или ситуация, сопровождаемая бурными страстями, проявляется в оранжевых и красных тонах, а бла-

гоприятная, спокойная или романтическая обстановка выражается пастельными оттенками [Baron-Carvais 1985: 96].

На данном этапе изучения исследователям удалось суммировать и охарактеризовать ключевые черты жанра комикса: отмечаются такие особенности, как драматизация, преобладание визуального компонента и секвенциальность [Цыркун 2014].

Развитие комикса и исследований вокруг него в России тормозится в первую очередь из-за западной эмблематики данного вида искусства. Тем не менее за последние десятилетия интерес к комиксу резко возрос. Появляется все больше отечественных научных работ, посвященных разноаспектному анализу комиксов. Внимание исследователей зачастую направлено на анализ текущего состояния современной комикс-индустрии [Садуов 2019], а также на выявление особенностей трансмедийного нарратива данного жанра [Булдакова 2020]. Так, по мнению Р. Т. Садуова, «на сегодняшний день в России существуют две тенденции производства комиксов: массовый комикс, представленный продукцией Bubble, и многочисленные авторские проекты» [Садуов 2019: 278]. Е. В. Козлов в своем учебном пособии «Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф» [Козлов 2002] исследует семиотическую природу комикса. Л. Г. Столярова в своей научной статье «Анализ структурных элементов комикса» [Столярова 2010] изучает основные особенности комикса как жанра. Т. М. Белова в статье «Комиксы как средство выражения этнокультурных стереотипов» рассматривает взаимодействие вербального и невербального в комиксах [Белова 2015]. Н. Н. Смирнова анализирует жанр комикса как яркий пример «изобразительного мышления во фрагментировании реальности литературы» [Смирнова 2021: 44].

В российском корпусе исследовательской литературы выделяются следующие научные сборники, посвященные комиксологии. В 2010 году российское издательство НЛО выпустило сборник статей «Русский комикс» [Русский комикс 2010], в котором была предпринята попытка дать всесторонний и последовательный анализ русского комикса. В 2024 году вышел восьмой выпуск антологии «Мир комиксов», объединившей работы исследователей комиксов из России и зарубежных стран [Мир комиксов 2024].

В корпусе исследований, посвященных графическим адаптациям русской литературы, специально следует сказать о книге Ирины Антанасиевич «Русская классика в картинках» [Антанасиевич 2015], в которой автор изучает историю комикса в мире и России и затрагивает тему комикс-адаптации произведений литературы на примере югославских изданий русской классики.

Графические адаптации произведений русской литературы зарубежными комиксистами

Самым известным русским писателем за пределами России считается Ф. Достоевский. История графических адаптаций текстов Достоевского насчитывает уже полвека. Значительная часть гра-

фических романов и адаптаций посвящена одному и тому же роману – «Преступление и наказание». Первые графические версии «Преступления и наказания» относятся к началу 1950-х гг., и за прошедшее время их появилось более десятка (к недавно вышедшим можно отнести роман-комикс художника Алена Коркоса и писателя Дэвида Зейна Мейровица, созданный в 2014 году; графическую адаптацию Роберта Сикоряка, изданную в 2017 году). Адаптации этого произведения, созданные в разное время и для разной аудитории, различаются стилистикой, объемом и составом персонажей. Известны американские, японские и итальянские адаптации романа.

В 1953 году известным японским художником Осаму Тэдзукой была создана манга по мотивам «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Выставка, посвященная этой манге, была открыта в музее Достоевского в Санкт-Петербурге, а в 2011 году впервые в России была издана данная манга.

Японский художник-мангака О. Тэдзука сделал адаптацию «Преступления и наказания» для детской аудитории: «Адаптируя роман для детей, я значительно сократил его сюжет и кардинально изменил образ одного из его ключевых персонажей – Свидригайлова» [Тэдзука 2011: 4]. Несмотря на то, что сюжетная схема произведения, образы и система персонажей были значительно упрощены, манга не пользовалась большим спросом, поскольку «даже в переработанном виде произведение оказалось слишком сложным для детского восприятия» [Тэдзука 2011: 4].

Сюжет «Преступления и наказания» был существенно сокращен, повествование было адаптировано под детскую аудиторию. Тем не менее ключевая идея произведения, атмосфера и тематика сохранены, персонажи остаются узнаваемы. На стремление художников-комиксистов передать в адаптации не просто сюжет, но основное содержание и ключевые смыслы произведений, указывает Е. Г. Новикова, анализируя японские комиксы, созданные по мотивам романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» [Новикова 2019].

Как отмечает известный исследователь комиксов и графических романов Ю. А. Магера, О. Тэдзука был большим поклонником кинематографа, что нашло отражение в его графических работах: «Тэдзука Осаму невольно перенес в искусство комикса набор различных кинематографических приемов, расширив тем самым его возможности» [Магера 2021: 100]. Так, например, О. Тэдзука в графической адаптации романа «Преступление и наказание» использует приемы силуэтной анимации и интертекстуальные отсылки к кадрам мультипликационных работ Уолта Диснея. Также ярким примером влияния кинематографа на данную графическую адаптацию является монтажный прием, называемый эффектом Кулешова: «В манге присутствуют кадры, на которых Раскольников бредет в задумчивости по улице и вспоминает прошлое. В четырех кадрах справа, сверху вниз показана одинаковая фигура Раскольниковова круп-

ным планом, при этом в четырех кадрах слева с помощью пушистых мысленных баллонов показано то, о чем он думает, и эти мысли меняются от кадра к кадру» [Магера 2021: 113].

Принцип «здесь и сейчас», активно использующийся в кинематографе, сыграл значительную роль при монтаже данной графической адаптации. Главным правилом данного принципа является фиксация кадра (эпизода) на ключевом, значимом действии. За счет этого удается сжать хронотоп претекста, выделив в комиксе лишь ключевые эпи-

зоды повествования. Если в романе Ф. М. Достоевского действие развивается в течение длительного времени, то в манге-адаптации О. Тэдзуки все повествование проходит в течение одного дня: устранена глубокая рефлексия ключевых персонажей, мы не видим, как персонажи ложатся спать, как они встают утром.

В качестве примера монтажа и работы принципа «здесь и сейчас» рассмотрим эпизод возвращения Раскольникова домой после убийства старухи-процентщицы.

Рис. 1. Эпизод из комикса «Преступление и наказание» [Тэдзука 2011]

Данный эпизод демонстрирует пик действия и эмоциональный накал героя в момент, когда он добирается до дома и остается наедине с собой в своей комнате. Показана динамика, с которой главный герой влетает в парадную, будто убегая от преследования. Накалу эмоций способствуют подписи. Так, например, подписи «БАХ» и «ХЛОП» (4-й кадр), имитирующие звук распахнутой и захлопнутой с силой двери за счет типографики (прописные буквы), демонстрируют громкость и силу действия.

Принцип «здесь и сейчас» основывается как раз на изображении пика действия. В комиксе, манге, графическом романе художник стремится выделить действие, динамику сюжета. Даже в случаях, когда нужно изобразить статику (диалог, внутреннюю речь персонажа и пр.) комиксист заставляет персонажей действовать, двигаться, перемещаться. Так, например, диалог Раскольникова с Порфирием Петровичем и размышления Разумихина, читающего статью Раскольникова, автор графической адаптации визуализирует в движении.

В 2019 г. вышла еще одна графическая адапта-

ция «Преступления и наказания» французского художника Бастьена Лукиа. Для создания комикса Бастьен Лукиа приезжал в Санкт-Петербург, чтобы посетить места Достоевского и погрузиться в атмосферу его произведений. Книга состоит из двухсот акварельных рисунков, получила высокую оценку критиков, была переведена на несколько языков и опубликована в 7 странах. В июне 2024 года книга вышла в России.

Работая одновременно и над текстом, и над иллюстрациями, Бастьен Лукиа стремился найти между ними идеальный баланс, чтобы отразить психологизм Достоевского. Лукиа рисует акварелью и ореховой скорлупой, что придает объемность изображению. Основная палитра – серый, грязно-желтый, коричневый, охровый оттенки – передает колористику Петербурга Достоевского.

В графической адаптации Лукиа Раскольников одновременно является и рассказчиком, и главным героем. Соответственно этому замыслу были выбраны события для визуализации.

Рис. 2. Эпизод из комикса «Преступление и наказание» [Достоевский 2024: 25]

Очевидно, что комиксная литература максимально близка к драматургии и кинематографу. На страницах комикса действие разворачивается постоянно, персонажи находятся в динамике даже в диалогах или монологах, активно жестикулируют или перемещаются.

Неслучайно комиксисты так любят в качестве литературной основы брать произведения с авантурным сюжетом. В качестве примера можно назвать графическую адаптацию П. Рабате «Ибикус», основанную на повести Алексея Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», которая посвящена приключениям авантюриста Невзорова во время Гражданской войны и эмиграции. Критики относят это произведение к жанру плутовского романа.

Паскаль Рабате – французский карикатурист, иллюстратор, писатель и режиссер – создал графический роман в 1998 году. Известно, что Паскаль Рабате купил на блошином рынке томик Толстого и только дома заметил, что это не Лев, а Алексей. Книга поразила художника, и он создал свое визуальное переложение произведения. Эта работа заняла более трех лет и потребовала глубокого погружения в русскую культуру 1910–1930 годов. Рабате серьезно изучал поэзию, изобразительное искусство, кинематограф той эпохи, ездил в Россию, путешествовал по московским и питерским местам «Похождений Невзорова». Из небольшой повести А. Толстого получилась четырехтомная графическая адаптация, которая принесла Рабате множество престижных наград.

Интересно, что уже в таком виде, в виде графического романа, произведение вновь попало к российскому читателю в переводе с французского Михаилом Хачатуровым.

Безусловно, режиссерский опыт повлиял на визуальную адаптацию Рабате, который использовал типичный кинематографический прием, позволяющий плавно ввести читателя в повествование – панорамный кадр. На первой странице в верхней части размещается крупный кадр с панорамой улицы, где располагается заведение, в котором находится главный герой. Следующий кадр показывает само заведение и содержит речь персонажа, который читает газету и узнает о сложившейся ситуации в Петербурге. Третий кадр показывает заведение изнутри. Далее в кадрах обозначается главный герой – Семен Невзоров, который рассказывает о том, что цыганка нагадала ему быть богатым и что над ним «висит» череп Ибикус.

Роман «Мастер и Маргарита» – одно из самых популярных произведений, к которому обращаются отечественные и зарубежные художники. Так, в 2008 году художник и режиссер Анджей Климовский и Данусия Шейбал выпустили графическую адаптацию романа М. Булгакова. Авторы не просто иллюстрировали роман, но и привнесли в него небольшие изменения. Так, например, в комиксе повествование начинается с предыстории о том, как Мастер выиграл в лотерею, поселился в подвале, начал работу над романом и встретил Маргариту.

Комикс достаточно близок к оригиналу, речь персонажей передана достаточно точно. Чтобы из-

бежать большого числа сокращений, художники встраивают большое количество кадров на странице (до 9 кадров на 1 страницу). В том случае, когда количество кадров на странице небольшое (2–3 кадра), они содержат объемные филактеры с речью того или иного персонажа. Это позволяет художникам сохранять текст оригинала.

Рис. 3. Разворот комикса «Мастер и Маргарита» [Булгаков 2012: 68–69]

При анализе эпизодов и их сопоставлении мы можем прийти к выводу, что в цвете выполнены эпизоды, в которых происходят различные мистические события. В случае с демонстрацией событий Ершалаима художник использует цветовую палитру, чтобы выделить данные эпизоды из общего нарратива романа, поскольку они являются результатом воображения Мастера. Также можно

Техника прорисовки и цветовая гамма в комиксе имеет два стиля. Цветная часть комикса, выполненная гуашью, принадлежит руке Д. Шейбал. Она работала над следующими эпизодами: сцена в театре Варьете; Ершалаим; сцена встречи гостей бала Маргаритой.

предположить, что художница Д. Шейбал выбрала именно эти эпизоды романа, потому что они ей ближе: мистические эпизоды изображаются плавными линиями, немного размытыми мазками.

Большинство событий в эпизодах, над которыми работал А. Климовский, происходят ночью или в вечернее время, поэтому на страницах комикса превалирует черный цвет.

Рис. 4. Эпизод из комикса «Мастер и Маргарита» [Булгаков 2012: 2–3]

Округлые, слегка расплывчатые линии, которыми прорисовывает эпизоды комикса А. Климовский, создают ощущение замутненности, иллюзорности. В некоторых случаях, чтобы разглядеть детали, художник приближает объект и контуры становятся очевиднее. Данный прием позволяет сфокусировать внимание на изображаемом объекте.

Герои комикса «Мастер и Маргарите» очень точно детализированы, срисованы с описаний книги. Это позволяет читателю, уже знакомому с произведением «Мастер и Маргарита», быть более восприимчивым при чтении комикса.

Графические адаптации произведений русской литературы российскими комиксистами

В России комиксы и графические романы не стали массовым явлением, но набирают популярность. Современные исследователи отмечают активное и успешное развитие ниши графических адаптаций в России: «Графические романы в современном обществе и на современном книжном рынке с каждым годом играют все более важную роль» [Панферова 2020: 170]. Внимание российских художников к жанру графической адаптации огромно, материал для изучения накапливается, собран значительный корпус текстов. Одним из самых известных примеров подобного рода адаптаций романа является работа К. Метелицы над романом Л. Толстого «Анна Каренина». Данная графическая адаптация была создана в 2000 году. В работе над визуальным рядом адаптации приняли участие художники Валерий Качаев и Игорь Сапожков. Сюжет и композиция романа были переработаны в соответствии с вектором постмодернистских интерпретаций текста: действие было перенесено в начало XXI века, сюжет наполнился элементами психоделики и киберпанка.

Большую известность также получил двухтомник «Русский комикс. 1935–1945. Королевство Югославия», куда вошли адаптации произведений Пушкина, Гоголя, Шолохова, Чарской и других русских писателей [Русский комикс 2020].

Также следует упомянуть сборник «Цветы на земле» [Платонов 2023], куда вошли адаптации семи рассказов А. Платонова, сделанные коллек-

тивом авторов. Малая форма оригинальных произведений А. Платонова при адаптации позволила передать сюжеты наиболее точно и полно. Невозможно не заметить, что авторы сборника стремятся максимально приблизить адаптации к первоисточникам, используют цитаты из рассказов Платонова, что к тому же позволяет сохранить особенности языка писателя. В статье «Разные взгляды в рассказе А. Платонова “Цветок на земле” и его графической адаптации» О. Емец отмечает особенности рисовки графической адаптации: отсутствие рамок, раскадровки, спичбаблов, «каждая страница “Цветка на земле” выглядит как полноценная независимая иллюстрация» [Емец 2016: 57]. На наш взгляд, подобный подход к визуализации сюжета рассказа А. Платонова обусловлен онейрическими мотивами и образами произведения. Сон как пространство ирреальное, безграничное выражается отсутствием рамок в графической адаптации художника Антона Савинова.

Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» также не был обделен вниманием художников. В 1997 году Родион Борисович Танаев сделал графическую адаптацию данного романа [Танаев 1997].

Графическая адаптация Р. Б. Танаева примечательна тем, что в ней сохранена структура романа «Мастер и Маргарита». Художником были в точности скопированы диалоги и монологи персонажей, авторская речь, сохранена последовательность глав. Единственным расхождением с претекстом является минимизация использования глав о Понтии Пилате и Иешуа Га-Ноцри.

При анализе данной графической адаптации особое внимание мы уделили текстовому наполнению. Классический комикс опирается на действие, филактеров с текстом в нем не так много. В графической адаптации Р. Танаева мы можем наблюдать обратное явление: комикс насыщен текстом, в некоторых частях комикса вербальная часть преобладает над графической, становится словно вписанной в изображение с помощью типографских приемов (рамки кадров ломаются, рисунок выходит за поля и прижимается к обрезу страницы, что не соответствует жанровым канонам комикса).

Подобного рода усложнение вербальной части комикса позволяет Р. Танаеву сохранить практически весь объем авторского текста М. Булгакова, несмотря на то, что некоторые каноны жанра комикса им отменяются. Причина заключается в том, что графическая адаптация не является комиксом в чистом виде, во многом зависит от претекста, на который опирается.

Визуально-графическую организацию адаптации, выполненную в черно-белом цвете, можно объяснить развитием технологий в России XX века: графика выполнялась с помощью туши и пера. Те же причины повлияли на выбор прорисовки романа: гротескность, характерная для карикатуры, небрежность форм и линий. Прорисовка рисунков копирует стиль сатирических журналов

1920–1930 годов «Смеях», «Бегемот», «Крокодил».

В черно-белом варианте представлена еще одна графическая адаптация известного романа, также созданная в России в конце XX века, в 1992–1993 годах, пионерами отечественного комикса Аскольдом Акишиным и Мишей Заславским. Опубликованная во Франции и Польше, она оставалась практически неизвестной в России – небольшой отрывок разместила газета Независимой рок-ассоциации «Р&К». В 2020 году, спустя почти 30 лет, комикс Акишина и Заславского вернулся на родину и был опубликован на русском языке в полном объеме [Акишин 2020]. Выходу адаптации была посвящена специальная выставка, открывшаяся в музее М. А. Булгакова в Москве.

Рис. 6. Эпизод из комикса «Мастер и Маргарита» [Акишин 2020: 103]

При создании адаптации Михаил Заславский последовательно изучил все варианты и оставил для рисованной истории преимущественно те элементы, которые Булгаков сохранял от редакции к редакции. Черно-белый вариант воплощения романа позволяет увидеть в произведении мотивы нуара.

Выводы

Изучение графических адаптаций литературоведческой наукой находится в начальной стадии, но развитие этой отрасли неизбежно не только вследствие интереса публики к визуальному жанру, но и в силу актуальности, адекватности этого вида литературы стилистике новейшего времени. Перекодирование вербальных знаков литературного произведения в формат креолизованного текста создает семиотически неоднородный текст, который в результате сложнее вербального языка, и для его изучения необходимо разрабатывать специфическую методiku, а также определиться с терминологическим аппаратом и описать особенности поэтики.

В данном исследовании использовался термин «графическая адаптация» и рассматривались

тексты, в которых литературное произведение полностью визуализировано художником.

Эмпирические наблюдения, подобные представленному выше, призваны накопить материал для дальнейшего теоретического описания жанра графической адаптации. На данном этапе в результате анализа наиболее ярких образцов изучаемого феномена можно обозначить некоторые ключевые особенности графических адаптаций.

Очевидно, что графическая адаптация близка к драматургии, драматическому искусству и киноискусству, что выражается в монтажных приемах, подготовке сценарного плана, использовании возможностей общего, среднего и крупного плана. Близость графической адаптации к кинематографу и драматургии выражается также в зрелищности и динамичности, а специфика нарративной организации заключается в том, что в ней практически невозможно встретить статичные эпизоды.

В заключение следует добавить, что жанр графической адаптации, безусловно, актуализирует изобразительный потенциал многих классических и современных произведений русской литературы.

Литература

- Аванесов, С. С. Визуальность и коммуникация / С. С. Аванесов // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2014. – № 2 (2). – С. 11–25.
- Акишин, А. Мастер и Маргарита: графический роман / А. Акишин, М. Заславский. – СПб., 2020. – 136 с.
- Антанасиевич, И. Русская классика в картинках / И. Антанасиевич. – Белград, 2015. – 278 с.
- Айснер, У. Контракт с богом / У. Айснер ; пер. с англ. М. Заславского. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 216 с.

- Айснер, У. Комикс и последовательное искусство / У. Айснер ; пер. с англ. М. Заславского. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 192 с.
- Белова, Т. М. Комиксы как средство выражения этнокультурных стереотипов / Т. М. Белова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). – С. 132–136.
- Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита: роман-комикс / М. А. Булгаков ; пер. с англ. С. Долотовская. – М. : Астрель ; CORPUS, 2012. – 128 с.
- Булдакова, Ю. В. Комикс в России: трансмедийный нарратив и издательские стратегии / Ю. В. Булдакова, Д. А. Шишкин // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2020. – № 23. – С. 115–130.
- Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский, Б. Лукия. – М. : Алраса, 2024. – 160 с.
- Емец, О. Разные взгляды в рассказе А. Платонова «Цветок на земле» и его графической адаптации / О. Емец // Сборник материалов конференции исследователей комиксов 19–20 мая 2016 года / сост. А. И. Кунин, Ю. А. Магера. – М. : Российская государственная библиотека для молодежи, 2016. – С. 57–61.
- Козлов, Е. В. Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф / Е. В. Козлов. – Волгоград : Издательство ВолГУ, 2002. – 183 с.
- Магера, Ю. А. Литературная классика в японской манге: комиксы Тэдзука Осаму / Ю. А. Магера // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 9. – С. 100–115.
- Макклауд, С. Понимание комикса / С. Макклауд ; пер. с англ. В. Кистьяковского. – М. : Белое яблоко, 2016. – 216 с.
- Мир комиксов – 2024: женские комиксы, маньхуа, нарратив / под ред. Ю. А. Магеры. – Екатеринбург : Фабрика комиксов ; Кабинетный ученый, 2024. – 360 с.
- Новикова, Е. Г. Ф. М. Достоевский в японских комиксах / Е. Г. Новикова // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2019. – № 19. – С. 75–94.
- Панферова, О. Ю. Графический роман в репертуаре российских издательств / О. Ю. Панферова, Е. Л. Мжельская // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2020. – № 24. – С. 156–172.
- Платонов, А. Цветы на земле / А. Платонов ; ред.-сост. А. Лахин, Д. Нестерак. – М. : Алраса, 2023. – 140 с.
- Русский комикс. 1935–1945. Королевство Югославия / под ред. Д. Бастракова. – Нижний Новгород : Издательство «Черная сотня», 2020. – 630 с.
- Русский комикс : сборник статей / под ред. А. Ромахина. – М. : НЛО, 2010. – 352 с.
- Садуов, Р. Т. Опыт североамериканской комикс-индустрии в организации производства современного российского массового комикса / Р. Т. Садуов // Studia Litterarum. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 274–285.
- Смирнова, Н. Н. О фрагментарности в литературе / Н. Н. Смирнова // Studia Litterarum. – 2021. – № 1. – С. 32–51.
- Столярова, Л. Г. Анализ структурных элементов комикса / Л. Г. Столярова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 383–388.
- Танаев, Р. Мастер и Маргарита: комикс по мотивам романа / Р. Танаев. – М. : ТЕРРА, 1997. – 104 с.
- Тэдзука, О. Преступление и наказание / О. Тэдзука ; пер. с яп. Г. Соловьева. – Екатеринбург : Фабрика комиксов, 2011. – 136 с.
- Цыркун, Н. А. Супергерои комиксов и обратная сторона титанизма / Н. А. Цыркун // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2014. – № 14 (136). – С. 191–199.
- Baron-Carvais, A. La bande dessinée / A. Baron-Carvais. – Paris, 1985. – 127 p.
- Carrier, D. The Aesthetics of Comics / D. Carrier. – Pennsylvania State University Press, 2000. – 152 p.

References

- Akishin, A., Zaslavsky, M. (2020). *Master i Margarita: graficheskii roman* [Master and Margarita: A Graphic Novel]. Saint Petersburg. 136 p.
- Antanasievich, I. (2015). *Russkaya klassika v kartinkakh* [Russian Classics in Pictures]. Belgrad. 278 p.
- Avanesov, S. S. (2014). *Vizual'nost' i kommunikatsiya* [Visuality and Communication]. In *ППАЭНМА. Problemy vizual'noi semiotiki*. No. 2 (2), pp. 11–25.
- Baron-Carvais, A. (1985). *La bande dessinée*. Paris. 127 p.
- Bastrakov, D. (Ed.). (2020). *Russkii komiks. 1935–1945. Korolevstvo Yugoslaviya* [Russian Comics. 1935–1945. The Kingdom of Yugoslavia]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo «Chernaya sotnya». 630 p.
- Belova, T. M. (2015). *Komiksy kak sredstvo vyrazheniya etnokul'turnykh stereotipov* [Comics as a Means of Expressing Ethno-Cultural Stereotypes]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (62), pp. 132–136.
- Buldakova, Yu. V., Shishkin, D. A. (2020). *Komiks v Rossii: transmediinyi narrativ i izdatel'skie strategii* [Comics in Russia: Transmedia Narrative and Publishing Strategies]. In *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 23, pp. 115–130.
- Bulgakov, M. A. (2012). *Master i Margarita: roman-komiks* [The Master and Margarita: Comic Novel]. Moscow, Astrel', CORPUS. 128 p.
- Carrier, D. (2000). *The Aesthetics of Comics*. Pennsylvania State University Press. 152 p.
- Dostoevsky, F. M., Lukia, B. (2024). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow, Alpaca. 160 p.
- Eisner, W. (2018). *Kontrakt s bogom* [Contract with God]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. 216 p.
- Eisner, W. (2021). *Komiks i posledovatel'noe iskusstvo* [Comics and Sequential Art]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. 192 p.

- Emec, O. (2016). Raznye vzglyady v rasskaze A. Platonova «Tsvetok na zemle» i ego graficheskoi adaptatsii [Different Views in A. Platonov's Story "Flower on the Earth" and Its Graphic Adaptation]. In *Sbornik materialov konferentsii issledovatelei komiksov 19–20 maya 2016 goda*. Moscow, Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka dlya molodezhi, pp. 57–61.
- Kozlov, E. V. (2002). *Komiks kak yavlenie lingvokul'tury: znak – tekst – mif* [Comic as a Phenomenon of Linguistic Culture: Sign – Text – Myth]. Volgograd, Izdatel'stvo VolGU. 183 p.
- Magera, Yu. A. (2021). Literaturnaya klassika v yaponskoi mange: komiksy Tedzuka Osamu [Literary Classics in Japanese Manga: Osamu Tezuka Comics]. In *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»*. No. 9, pp. 100–115.
- Magera, Yu. A. (Ed.). (2024). *Mir komiksov – 2024: zhenskie komiksy, man'khua, narrativ* [World of Comics – 2024: Women's Comics, Manhua, Narrative]. Ekaterinburg, Fabrika komiksov, Kabinetnyi uchenyi. 360 p.
- McCloud, S. (2016). *Ponimanie komiksa* [Understanding Comics]. Moscow, Beloe yabloko. 216 p.
- Novikova, E. G. (2019). F. M. Dostoevskii v yaponskikh komiksakh [F. M. Dostoevsky in Japanese Comics]. In *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 19, pp. 75–94.
- Panferova, O. Yu., Mzhelskaya, E. L. (2020). Graficheskii roman v repertuare rossiiskikh izdatel'stv [Graphic Novel in the Repertoire of Russian Publishing Houses]. In *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 24, pp. 156–172.
- Platonov, A. (2023). *Tsvety na zemle* [Flowers on Earth]. Moscow, Alpaca. 140 p.
- Romakhin, A. (Ed.). (2010). *Russkii komiks* [Russian Comics: A Collection of Articles]. Moscow, NLO. 352 p.
- Saduov, R. T. (2019). Opyt severoamerikanskoi komiks-industrii v organizatsii proizvodstva sovremennogo rossiiskogo massovogo komiksa [Experience of the North American Comics Industry in Organizing the Production of Modern Russian Mass Comics]. In *Studia Litterarum*. Vol. 4. No. 1, pp. 274–285.
- Smirnova, N. N. (2021). O fragmentarnosti v literature [On Fragmentation in Literature]. In *Studia Litterarum*. No. 1, pp. 32–51.
- Stolyarova, L. G. (2010). Analiz strukturnykh elementov komiksa [Analysis of the Structural Elements of Comics]. In *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 383–388.
- Tanaev, R. (1997). *Master i Margarita: komiks po motivam romana* [Master and Margarita: A Comic Based on the Novel]. Moscow, TERRA. 104 p.
- Tezuka, O. (2011). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Ekaterinburg, Fabrika komiksov. 136 p.
- Tsyrukun, N. A. (2014). Supergeroi komiksov i obratnaya storona titanizma [Comic Book Superheroes and the Reverse Side of Titanism]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. No. 14 (136), pp. 191–199.

Данные об авторах

Семьян Татьяна Федоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76.
E-mail: semiantf@susu.ru.

Смышляев Евгений Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76.
E-mail: smyshliaevea@susu.ru.

Authors' information

Semyan Tatyana Fedorovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia).

Smyshlyayev Evgeny Aleksandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)

Дата поступления: 30.08.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 30.08.2024; date of publication: 30.10.2024

УДК 821.133.1-31(Эггер Б.)+821.161.1-31(Булгаков М. А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-174-184.
ББК Ш33(4Фра)64-8,444+Ш33(2Рос=Рус)6-8,444.
ГРПТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.2

MIKHAIL BULGAKOV'S WORLD IN BETTINA EGGER'S GRAPHIC NOVEL "MOSCOU ENDIABLÉ"

Irina G. Prudius

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8071-9696>

Abstract. The aim of the article is to explore the graphic novel of the French writer and painter Bettina Egger *Moscou Possessed by the Devil: In the Wake of "The Master and Margarita"* (*Moscou endiablé, sur les traces de Maître et Marguerite*, 2013), which has not been translated into Russian, from the point of view of the transformation of Bulgakov's images in this book. Egger presents the world of Bulgakov's *The Master and Margarita* in its intertwining with Moscow of the 2000s, the time of the writer-researcher's work at the Bulgakov Museum. By comparing the history of Mikhail Bulgakov and the characters of his novel, and Bettina Egger herself, the author of the article examines how the technique of transforming well-known literary images, characteristic of modern literature, is combined with the mythologization of her own personality, the personality of the writer-researcher. Through this connection, the author of the graphic novel not only represents Bulgakov's universe, but also supplements it with elements of her own biography, which presents to the reader the world of Moscow of the early 20th century in its intertwining with the Moscow reality of the early 21st century. The genre of the graphic novel allows Egger, the author of both the text and the graphic parts, to supplement her text with a visual constituent saliently connecting two worlds and two temporal layers. As a result of the research, the author of the article argues that, taking as a basis the subgenres of the graphic novel – the biographical graphic novel and the auto-fictional graphic novel – Bettina Egger, transforming the images of Bulgakov's novel *The Master and Margarita* and connecting them with the history of the people surrounding the writer and with her own history, represents the world of Moscow where the creative constituent allows the painter to overcome temporal limitations and to prove the possibility of the life of a literary work beyond time. The graphic constituent of this novel allows the author to organically connect two worlds – the real world and the fantastic one, the world of the past and the world of the present – and in their intertwining to present the figure of the artist as a timeless image symbolizing the ability for creative activity despite the difficulties encountered on his path of life.

Keywords: graphic novel; modern literary process; biographical graphic novel; Mikhail Bulgakov; *The Master and Margarita*; Bettina Egger; transformation of literary images

Citation: Prudius, I. G. (2024). Mikhail Bulgakov's World in Bettina Egger's Graphic Novel "Moscou Endiablé". In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 174–184. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-174-184.

МИР МИХАИЛА БУЛГАКОВА В ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ БЕТТИНЫ ЭГГЕР «МОСКВА, ОДЕРЖИМАЯ ДЬЯВОЛОМ»

Прудиус И. Г.

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8071-9696>

SPIN-код: 2570-7182

Аннотация. Цель статьи – исследование графического романа французской писательницы и художницы Беттины Эггер «Москва, одержимая дьяволом: по следам «Мастера и Маргариты»» («*Moscou endiablé, sur les traces de "Maître et Marguerite"*», 2013), не переведенного на русский язык, с точки зрения трансформации булгаковских образов в данном произведении. Эггер представляет мир «Мастера и Маргариты» Булгакова в его переплетении с Москвой 2000-х годов – временем работы писательницы и исследовательницы в Музее Булгакова. Сопоставляя историю Михаила Булгакова, персонажей его романа и самой Беттины Эггер, автор статьи рассматривает, как характерный для современной литературы прием трансформации известных литературных образов соединяется с мифологизацией собственной личности, личности писателя-исследователя. Через указанное соединение автор графического романа не только репрезентует вселенную Булгакова, но и дополняет ее элементами собственной биографии, что представляет читателю мир Москвы начала XX века в его переплетении с московской действительностью начала XXI века. Жанр графического романа позволяет Эггер, являющейся автором как текстовой, так и графической части, дополнить текст визуальной составляющей, наглядно соединяющей два мира и два временных пласта. В результате исследования автор статьи доказывает, что, взяв за основу субжанры графического романа – биографический графический роман и автофикциональный графический роман, – Беттина Эггер, трансформируя образы романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и соединяя их с историей людей, окружающих писателя, и с собственной историей, репрезентует мир Москвы, где творческая составляющая позволяет художнику преодолеть временные ограничения и доказать возможность жизни литературного произведения вне времени. Графическая составляющая данного графического романа позволяет автору органично соединить два мира, реальный и фантастический, мир прошлого и настоящего, и в их переплетении представить фигуру художника как вневременной образ, символизирующий способность к творчеству несмотря на трудности, встречающиеся на его жизненном пути.

Ключевые слова: графический роман; современный литературный процесс; биографический графический роман; Михаил Булгаков; «Мастер и Маргарита»; Беттина Эггер; трансформация литературных образов

Для цитирования: Прудюс, И. Г. Мир Михаила Булгакова в графическом романе Беттины Эггер «Москва, одержимая дьяволом» / И. Г. Прудюс. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 174–184. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-174-184.

L'UNIVERS DE MIKHAÏL BOULGAKOV DANS LE ROMAN GRAPHIQUE DE BETTINA EGGER « MOSCOU ENDIABLÉ »

Irina G. Prudius

Université pédagogique d'État de Krasnoïarsk. V. P. Astafieva (Krasnoïarsk, Russie)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8071-9696>

Annotation. L'objectif de cet article est d'étudier le roman graphique de l'écrivaine et artiste française Bettina Egger *Moscou endiablé, sur les traces de "Maître et Marguerite"* (2013), qui n'a pas été traduit en russe, du point de vue de la transformation des images du roman de Boulgakov dans cette œuvre. Egger présente l'univers du *Maître et Marguerite* de Boulgakov dans sa juxtaposition avec Moscou dans les années 2000, l'époque du travail de l'écrivaine et chercheuse au musée Boulgakov. En juxtaposant l'histoire de Mikhaïl Boulgakov, des personnages de son roman et de Bettina Egger elle-même, l'autrice de cet article aborde comment la méthode de transformation d'images littéraires connues, typique de la littérature contemporaine, se combine avec la mythologisation de la personnalité d'Egger, celle de l'écrivaine-chercheuse. Grâce à ce lien, l'autrice du roman graphique ne représente pas seulement l'univers de Boulgakov, mais le complète également avec des éléments de sa propre biographie, ce qui présente au lecteur le monde de Moscou du début du XXe siècle dans son entrelacement avec la réalité moscovite du début du XXIe siècle. Le genre du roman graphique permet à Egger, qui est à la fois l'autrice de la partie textuelle et de la partie graphique, de compléter le texte par une composante visuelle qui relie deux mondes et deux couches temporelles. À l'issue de ses recherches, l'autrice de cet article prouve qu'en prenant pour base les sous-genres du roman graphique, le roman graphique biographique et le roman graphique autofictionnel, Bettina Egger, en transformant les images du roman de Mikhaïl Boulgakov *Le Maître et Marguerite* et en les reliant à l'histoire des personnes entourant l'écrivain et à sa propre histoire, représente le monde de Moscou où la composante créative permet à l'artiste de dépasser les limites temporelles et de prouver la possibilité d'une vie hors du temps pour une œuvre littéraire. La composante graphique de ce roman graphique permet à l'autrice de relier organiquement deux mondes, le réel et le fantastique, le monde du passé et du présent, et de présenter dans leur entrelacement la figure de l'artiste comme une image intemporelle qui symbolise la capacité de créer malgré les difficultés rencontrées sur le chemin de la vie.

Mots-clés: roman graphique; processus littéraire contemporain; roman graphique biographique; Mikhaïl Boulgakov; « Le Maître et Marguerite »; Bettina Egger; transformation des images littéraires

Le genre du roman graphique

Notre étude est pertinente, car le roman graphique est aujourd'hui l'un des genres littéraires les plus populaires. Cependant, la question de l'indépendance de ce genre semble être débattue à la fois dans les études littéraires russes et étrangères. La diffusion de ce genre est due au phénomène global de la visualisation et est inséparable du concept d'intermédialité de la fin du XXe siècle – début du XXIe siècle [Ryan 2006; Rippl, Etter 2013; Dzhumaylo 2018]. Le roman graphique se distingue par la combinaison de composantes textuelles et visuelles qu'il a héritée du genre de la bande dessinée.

On considère traditionnellement que le genre de la bande dessinée est né dans la première moitié du XIXe siècle dans l'œuvre de l'écrivain et artiste suisse Rodolphe Töpffer (1799–1846) qui a publié « les sept premiers véritables albums de bande dessinée » [Groensteen 2005: 5]. L'origine du genre de la bande dessinée est conditionnée par la tradition très répandue du « récit en images » [Groensteen 2005: 5]. Toutes les civilisations anciennes avaient leurs histoires de récit en images (des peintures rupestres, des manuscrits médiévaux enluminés, de nombreuses fresques, vitraux, etc., comme le bas-relief de la colonne de Trajane (113 av. J.-C.), la célèbre tapisserie de Bayeux (1066–1077), etc.). L'origine de la bande dessinée russe est également attribuée par les chercheurs à l'époque de l'ancienne Russie lorsque les feuilles de lubochny étaient distribuées [Zakharova 2012]. Au XXe siècle, le genre de la bande dessinée

s'épanouit, il commence à être qualifié comme « une forme d'art » [McCloud 1993] et comme un genre littéraire indépendant [Chute 2008].

Le terme « roman graphique » a été inventé par l'historien et « le fan de bandes dessinées » Richard Kyle dans son essai *The Future of the Comics* publié dans le numéro de novembre 1964 du fanzine *Capa-Alpha*. Kyle notait que la principale différence entre les bandes dessinées et les romans graphiques était le volume plus important de l'album et l'histoire complète présentée dans la publication. Dans notre étude, nous tenterons de donner un bref aperçu de la représentation de la définition du « roman graphique » par différents chercheurs.

Certains travaux font référence au roman graphique en tant que « texte créolisé » où les composantes textuelles et verbales sont combinées [Sorokin, Tarasov 1990; Melnichuk 2012; Udod 2013; Kuznetsova 2011; Maksimova 2014]. Cependant, à notre avis, il s'agit d'un concept trop large qui inclut non seulement les bandes dessinées et les romans graphiques, mais aussi les affiches, les livrets publicitaires, les mêmes sur Internet et d'autres choses qui ne sont pas caractérisées comme un genre littéraire et indiquent plutôt la forme, une combinaison de texte et d'image.

Certains chercheurs définissent le « roman graphique » comme un format du genre de la bande dessinée [Kozhevnikova 2022; Dubovitskaya 2022; Isaeva 2023; Drozhzhzhina 2023], « une forme de sa publication » [Tremblay-Gaudette 2008]. Par « format », on entend généralement la conception des romans

graphiques sous la forme d'un livre séparé et aucune caractéristique plus spécifique n'est indiquée.

Certains ouvrages définissent le genre du « roman graphique » comme une variété de la bande dessinée, c'est-à-dire comme son sous-genre [Osmukhina, Kuryaev 2018; Tsvetkova, Krizskaya 2020; Belyaev 2013; Panferova, Mzhelskaya 2020; Isaeva 2016; Baranskaya 2023].

Nous tenons à souligner que dans de nombreux ouvrages, il existe une confusion terminologique qui a été relevée par le philologue espagnol Andreas Romero-Hodar dans son article théorique de 2013 [Romero-Jódar 2013]. Ainsi, les auteurs qui considèrent souvent la bande dessinée comme un genre à part entière, commencent à l'appeler « un roman graphique » [Fetisova 2019; Stanishevskaya, Filippova 2021] ou « une nouvelle graphique » [Kolarkova 2014; Stanishevskaya, Filippova 2021; Kokanina 2023], autrement dit, « la terminologie expliquant leur classification n'offre pas de distinction claire entre leur langage et les différents types de textes » [Romero-Jódar 2013: 118]. Nous avons trouvé une définition encore plus controversée, celle des « bandes dessinées graphiques » [Tsyrukun 2014; Fetisova 2019], mais une bande dessinée ne peut être que graphique puisqu'elle comporte obligatoirement une composante graphique.

Certains chercheurs ne parviennent pas à une conclusion univoque, notant qu'il existe actuellement un débat important sur cette question dans les études littéraires [Skaf 2013; Gervasovskaya 2022].

Il nous semble raisonnable de rejoindre les chercheurs qui définissent le roman graphique comme un genre à part entière. Rodolphe Töpffer, que nous avons déjà cité, a caractérisé l'union du texte et du dessin dans ses œuvres : « Les dessins, sans le texte, n'auraient qu'une signification obscure ; le texte, sans les dessins, ne signifierait rien ». Le tout ensemble forme une sorte de roman d'autant plus original qu'il ne ressemble pas mieux à un roman qu'à autre chose [Groensteen 2005: 5]. Ainsi, dès 1837, à l'apogée du genre de roman, Töpffer établit paradoxalement le point commun entre les histoires représentées par la combinaison du texte et de l'image et les histoires du roman classique.

De sérieux débats sur l'indépendance du genre du roman graphique ont commencé dans les années 1990 après la parution du livre *Maus* de l'artiste et écrivain américain Art Spiegelman. *Maus* n'entraîne pas dans les canons traditionnels de la bande dessinée, car l'auteur y racontait l'histoire de la persécution des Juifs par les nazis. L'œuvre de Spiegelman a remporté le prix Pulitzer en 1992 et de nombreux chercheurs se sont interrogés sur la manière de désigner le genre du livre. Notons que *Maus* est maintenant publié comme roman graphique (« The definitive edition of the Pulitzer prize-winning graphic novel ») [Spiegelman 1996]). Un peu plus tôt, dans son livre *Comics and Sequential Art*, l'artiste et théoricien du genre de la bande dessinée Will Eisner a déclaré que le roman graphique devrait être séparé de la bande dessinée parce que les auteurs y représentent « des thèmes plus larges et plus globaux [...] afin d'attirer un public sérieux et réfléchi » [Eisner 2022: 153].

Nous trouvons la définition du roman graphique en tant que genre indépendant dans les travaux des chercheurs suivants : T. Groensteen [2005], J. Baetens [2012], S. Turk [2012], C. Mansanti [2013], O. Maximenko [2016], L. Yudin [2016], E. Bezhan [2017], A. Tsvetkova [2020], O. Alimuradova et V. Shubitidze [2020], E. Tsvetkova et M. Chernyak [2021], M. Debrenn [2021], M. Merkulova et I. Prudius [2023], N. Shalimova [Prudius, Shalimova 2024], E. Vasilieva [2024], J. Strunevskaya [2024].

Ces chercheurs soulignent les caractéristiques suivantes du roman graphique en tant que genre indépendant : « un coefficient de littérarité plus élevé » [Baetens 2012: 205], des thèmes et des questions orientés vers un public adulte, « la présence d'une intrigue polycoordonnée plus complexe » [Alimuradov, Shubitidze 2020: 55] que dans une bande dessinée, la fréquente « politisation » du roman graphique [Mansanti 2013]. Contrairement à la bande dessinée, le roman graphique « a une plus grande valeur artistique et se conforme aux normes du langage littéraire » [Strunevskaya 2024: 669], a « la capacité de découvrir des significations implicites » [Maksimenko 2016: 112]. La chercheuse Elena Novikova note que lorsqu'il s'agit de traduire le texte d'une œuvre classique en une adaptation graphique, « il est plus approprié d'utiliser le terme "roman graphique" » [Novikova 2019: 76].

Il existe des ouvrages où, dans les premières études, l'auteur ne fait pas de distinction entre BD et romans graphiques, mais où, dans les études ultérieures, il souligne leur différence. Par exemple, dans un article de 2021, la chercheuse Michele Debrenne explore la bande dessinée spécifiquement francophone et en identifie même la typologie [Debrenne 2021], pourtant dans un article de 2023, Debrenne distingue non seulement les concepts de « bande dessinée » et de « roman graphique », mais désigne également ce dernier comme un genre littéraire à part entière [Debrenne 2021].

Il est intéressant qu'aujourd'hui, de nombreux écrivains définissent eux-mêmes le genre de leurs livres comme un « roman graphique », car le sujet de leurs œuvres va au-delà de la littérature de divertissement qui est généralement associée au genre de la bande dessinée (par exemple, dans la postface de son livre « Mauvaises herbes », l'autrice coréenne Keum Suk Gendry-Kim écrit qu'elle voulait créer « un roman graphique qui refléterait le point de vue d'une femme sur l'inégalité sociale » [Keum Suk Gendry-Kim 2021: 478]. Ensuite, l'autrice, en racontant l'histoire de l'écriture de son œuvre, l'appelle « un roman » [Keum Suk Gendry-Kim 2021: 479]. Dans leur article, Maya Merkulova et Irina Prudius écrivent que le genre du roman graphique hérite non seulement des caractéristiques de la bande dessinée, mais aussi de celles du roman. Les autrices s'appuient sur le concept de « mémoire de genre » de Mikhaïl Bakhtine [Bakhtine 2017] et estiment que le roman graphique est une modification spécifique non seulement de la bande dessinée, mais aussi du roman, puisqu'il hérite de ses caractéristiques (la présence d'une narration explicite, l'évolution du personnage principal, un chronotope prononcé et un rapport à la modernité).

Ainsi, ce genre hybride a désormais sa propre évolution. Les chercheuses notent également que les romans graphiques combinent souvent différents types de romans (un roman biographique, un roman dystopique, un roman policier, un roman autofictionnel, un roman young-adult etc.).

Il existe des études dans lesquelles le roman graphique est analysé du point de vue du fonctionnement de ses sous-genres [Merkulova, Prudius 2023; Prudius 2023; Prudius, Shalimova 2024; Vasilieva 2024]. Selon ces chercheurs, les sous-genres du roman graphique sont souvent combinés dans une même œuvre et il est parfois impossible d'identifier le sous-genre dominant. Ainsi, dans le livre de Bettina Egger, deux types de genre dominant : ce sont le genre de la biographie et le genre de l'autofiction, ce qui nous permet de classer ce livre à la fois dans la catégorie des romans graphiques biographiques et dans celle des romans graphiques autofictionnels. Par conséquent, l'objectif de notre étude est de déterminer les caractéristiques biographiques et autofictionnelles du roman graphique de B. Egger. La nouveauté scientifique de l'étude réside dans l'analyse détaillée de l'hybridité du genre du roman graphique à partir de l'exemple du livre de B. Egger ce qui n'a jamais été fait auparavant dans les études littéraires contemporaines russes ou étrangères.

Une biographie modifiée de Mikhaïl Boulgakov dans le roman graphique d'Egger

Bettina Egger est écrivaine, illustratrice et chercheuse franco-suisse. Elle a étudié les Beaux-Arts, la littérature russe et française en France et en Autriche. En 2006, elle obtient sa maîtrise en beaux-arts à l'Université Rennes II (France) avec son travail de diplôme sur la cartographie et les contes russes. Elle travaille comme chercheuse dans le domaine des études sur la bande dessinée et continue de publier des BD, des romans graphiques et des livres pour enfants. En 2013, Egger a écrit le livre *Moscou endiablé, sur les traces de Maître et Marguerite* où elle représente les résultats de son travail de recherche à la Maison Boulgakov à Moscou sous la forme d'un roman graphique.

L'autrice se limite à une brève notice biographique : elle mentionne les événements clés, selon elle, de la vie de Boulgakov (sa naissance à Kiev, son travail de médecin, le déménagement à Moscou lié à la décision de devenir écrivain, la création de la pièce « Les jours des Turbines », le travail au Théâtre d'art de Moscou et au Théâtre Bolchoï). Egger se focalise plutôt sur l'épisode suivant : l'écriture du *Maître et Marguerite*, l'œuvre la plus considérable de Boulgakov. En associant les personnages du roman à des personnes réelles de son entourage et en les reliant à Moscou en 2000, l'autrice présente sa propre vision de l'écrivain russe.

Dès les premières pages de son roman graphique, Egger réunit les images de Boulgakov et du Maître. La figure du Maître occupe une page entière [Egger 2013: 6], alors que tous les autres personnages sont situés sur une autre page [Egger 2013: 7]. Il est également important que l'image du Maître soit liée à celle de

Boulgakov : Egger dessine littéralement un portrait de l'écrivain et le relie à son personnage central. Ce Boulgakov regarde le lecteur avec un sourire triste, sa grande figure réunit toutes les personnalités fictionnelles, ces personnages sont lui-même, ils sont les porte-paroles de ses idées. Ils sont tous membres du théâtre de Boulgakov, créé dans son imagination, ce qui est souligné par les rideaux tirés dans le dessin d'Egger.

On voit donc que Bettina Egger présente le rapport de l'écrivain à la société à travers le thème du théâtre. Analysons un épisode de la mise en scène de la pièce *Les jours des turbines* au Théâtre d'art de Moscou. C'est la scène du premier chapitre *Lever de rideau*. Après la reprise de la pièce *Les jours des Tourbines*, le rideau a été levé 16 fois, le public a invité l'auteur de la pièce sur scène, mais il n'est jamais apparu. Egger n'écrit pas que Staline était parmi les spectateurs, mais elle peint une image du Secrétaire général comme l'un des spectateurs enthousiastes. Et ici, Boulgakov en cachant derrière un rideau avec son ami Sergueï Ermolinski raconte tristement que son ancien rêve principal était d'être reconnu et aimé par le public : « je rêvais de ce jour depuis mon enfance » [Egger 2013: 10]. Pourtant, à ce moment-là, lorsque le rêve est réalisé, il n'a plus de sens pour l'écrivain. Egger cite une des phrases légendaires de Boulgakov à ce sujet : « Les Français disent qu'on vous offre un pantalon... lorsque vous n'avez plus de fesses » [Egger 2013: 11]. Cette citation était souvent utilisée pour caractériser l'image de Boulgakov. Par exemple, dans le livre *Moscou Boulgakovskaïa*, Lioudmila Boïadjieva décrit également cet épisode de la vie de l'écrivain : « Le gouvernement a ordonné au Théâtre d'art de Moscou de restaurer *Les jours des Tourbines*. Cependant, Mikhaïl Afanassievitch n'était pas satisfait de cet événement. C'était en retard. "Les Français disent qu'on vous offre un pantalon... lorsque vous n'avez plus de fesses", a-t-il souri. Boulgakov attendait autre chose : le sauvetage du reste de ses pièces » [Bojadzhieva 2017: 32]. Ainsi, on remarque que l'image de Boulgakov est liée à l'image de Moscou, son Moscou, qui est également mentionnée dans ses mémoires par sa troisième épouse Elena Sergeïevna. Des faits de sa vie, ses citations, ses images des livres qui sont devenues éternelles se mêlent au destin de l'écrivain, ainsi cette histoire acquiert également les traits d'un mythe personnel.

Egger introduit progressivement des éléments de la biographie de l'écrivain qui lui semblent significatifs : l'écrivaine indique l'interaction de Boulgakov avec Alexeï Tolstoï, une rencontre avec sa seconde épouse, Lioubov Evgenievna Bielozerskaïa, une connaissance d'Anna Akhmatova et avec « Le Cercle littéraire Pétersbourgeois » [Egger 2013: 24]. Nous voyons comment les parcours de ces personnes se croisent et comment ils sont interconnectés dans l'histoire littéraire de la Russie. « Sa vie durant, Boulgakov allait s'attirer les foudres du régime. À une époque où il était de bon ton de porter la casquette et le col ouvert, il arborait un nœud papillon, des souliers vernis et ... un monocle. <...> Mikhaïl Boulgakov était rapidement monté au grade de "Diable de la littérature soviétique" » [Egger 2013: 26].

A l'aide de l'antithèse, Egger oppose deux images, deux diables : Boulgakov en tant que diable littéraire et Woland que l'autrice associe à l'image de Staline. Ainsi, Egger dessine un épisode du procès, non pas sur le Maître, mais sur Boulgakov [Egger 2013: 38–45]. Ce procès « L'Union Soviétique contre M. A. Boulgakov » [Egger 2013: 38] est une satire de la société de Staline dans les années 1930. Boulgakov a été inculpé d'antisoviétisme. Ici, Egger se réfère à la poétique du rêve, puisque le procès est le rêve de Boulgakov, mais le lecteur ne le sait pas au début de cet épisode. La réalité horrifiante et l'absurdité de ce qui se passe font allusion à des événements réels de la vie de l'écrivain : l'interdiction de ses œuvres, l'interdiction de quitter le pays, la persécution constante. Ainsi, Boulgakov est accusé sur les points suivants : « Un fils de pute [qui] mérite un bon coup de bassine sur la nuque ! Son talent n'a d'égal que le caractère réactionnaire de son œuvre. C'est un éboueur de la littérature, une engeance néo-bourgeoise qui crache ses jets de salive empoisonnés mais impuissants sur la classe ouvrière et ses idéaux communistes » [Egger 2013: 38]. Egger indique que ces insultes envers Boulgakov, qu'il a endurées pendant plusieurs années, ont même donné lieu au terme « boulgakoverie » : « En est témoin le terme "boulgakoverie" qui est devenu synonyme de contre-révolutionnaire et d'esprit néo-bourgeois » [Egger 2013: 38]. On voit encore comment le contenu farfelu, presque grotesque, du roman graphique est instantanément entrelacé avec la voix de la narratrice Egger qui parle à travers son personnage de Boulgakov qui s'exclame : « On assassine l'esprit de création dans ce pays » [Egger 2013: 39]. L'accusation est la suivante : « En URSS, tout auteur satirique porte atteinte au régime soviétique » [Egger 2013: 40], c'est-à-dire que tout ce qui est drôle, ce qu'Aristote considérait comme « la purification par le rire » [Egger 2013: 40], cela devient interdit, terrible pour le pouvoir qui gouverne. Le premier témoin à confirmer les propos du juge est la tête de Berlioz qui précise : « Il portait un complet, un nœud papillon, et avait les cheveux gominés et coiffés en arrière et un monocle. Un vrai bourgeois ! » [Egger 2013: 41]. Boulgakov se justifie que tous ces objets de son style personnel étaient un moyen d'exprimer son « indépendance » à quoi le juge répond : « Votre indépendance ? Quelle conception bourgeoise ! » [Egger 2013: 42]. Boulgakov est reconnu coupable, le juge déchire son livre *Le Maître et Marguerite* et comme il n'est pas capable d'écrire « une belle pièce soviétique » [Egger 2013: 44], alors toutes les personnes présentes au tribunal, y compris la tête de Berlioz, le condamnent à mort. Woland qui est au tribunal ordonne de lui couper la tête. Le texte est complété par un élément graphique : les mains de toutes les personnes de la foule tentent d'attraper Boulgakov en tant que grand pécheur et toutes ces personnes sont situées sur l'énorme ventre du chat Béhémot. Ainsi, nous voyons que le monde absurde est le ventre du Béhémot qui absorbe les gens, comme Staline l'a fait aussi en absorbant les vies humaines.

Le prochain épisode important qui représente l'interaction tragique entre Boulgakov et Staline est l'annonce de Boulgakov à son ami Ermolinski, selon

lequel il a demandé à Staline de le laisser quitter le pays. L'écrivain rentre chez lui et reçoit un appel téléphonique. Béhémot est assis près du téléphone : ainsi, on peut comprendre que Boulgakov est toujours dans ce même Moscou qui est possédé par le Diable. L'ombre de Béhémot grandit sur le mur et la voix à l'autre bout du fil dit à Boulgakov qu'ils « ont reçu sa lettre » [Egger 2013: 49] et lui pose une question : « Un écrivain russe, peut-il vivre hors de sa patrie ? » [Egger 2013: 50]. Cette personne dit également à Boulgakov qu'il va maintenant être embauché au théâtre, bien qu'il ait déjà été refusé. L'écrivain appelle son interlocuteur Iossif Vissarionovitch, mais, sur l'image d'Egger, nous voyons que Boulgakov parle à Woland qui, après avoir raccroché, se tourne vers Azazello et dit, comme dans le roman *Le Maître et Marguerite* : « Azazello, fais le nécessaire » [Egger 2013: 50]. Sur l'image, on voit Woland qui est calme, il sait que tout le pouvoir est concentré entre ses mains. Il tient le roman *Le maître et Marguerite*, c'est aussi une allusion à Staline qui a très probablement lu des fragments du roman, mais ne pourrait pas se laisser comparer au Diable, même s'il a aimé le livre [Chudakova 2016]. Ainsi, Egger présente cette conversation téléphonique comme le jour de la mort spirituelle de l'écrivain, le début du compte à rebours jusqu'à sa fin : « Ce jour-là, Boulgakov avait laissé filer l'unique occasion d'émigrer et cautionné son éviction de la scène littéraire. Certes, on reprit *Les Jours des Tourbines*, mais nulle autre pièce ne serait jouée et plus une seule ligne de prose n'allait paraître de son vivant » [Egger 2013: 51].

En conclusion, la composante biographique du roman graphique d'Egger est centrée sur la figure de Boulgakov-Maître, ces deux images sont rendues inséparables par l'autrice. De plus, la confrontation entre les deux personnages, Boulgakov-Maître et Staline-Woland, devient l'élément principal de l'intrigue. C'est autour de leur conflit que se déroulent les événements du roman graphique. En se concentrant sur des événements de la vie de l'écrivain russe à Moscou au début du XXe siècle plutôt que sur l'ensemble de sa biographie, Egger focalise l'attention du lecteur sur le livre *Le Maître et Marguerite*. Selon l'autrice, l'écriture de ce livre est un événement central dans la vie de Boulgakov et dans la vie du Moscou stalinien des années 20 et 30.

La composante autofictionnelle du roman graphique d'Egger

Dans son roman graphique, Bettina Egger ajoute également un élément autofictionnel et avec l'aide de celui-ci, elle élabore aussi une composition sous forme de mise en abîme, c'est-à-dire que l'histoire de Bettina encadre l'histoire de Mikhaïl Boulgakov. Ainsi, au début de l'œuvre, le personnage de Bettina vient à Moscou au début des années 2000 où elle découvre l'univers de Boulgakov, puis Bettina revient à Moscou et devient chercheuse de ses œuvres en travaillant à la Maison Boulgakov.

L'image du « Moscou de Boulgakov » est introduite dès les premières pages du roman graphique où le personnage autofictionnel Egger arrive à Moscou pour la première fois en août 2004 et

où deux personnes qui l'accueillent à l'aéroport lui proposent de lui montrer un phénomène étonnant : « le Moscou de Mikhaïl Boulgakov » [Egger 2013: 2]. Ainsi, la rencontre de l'autrice avec la capitale russe est d'abord liée à l'univers de l'écrivain du début du XXe siècle. En introduisant le motif d'une rencontre prédestinée, le personnage de Bettina Egger se pose la question suivante : « Peut-être fallait-il lire *Le Maître et Marguerite* pour mieux comprendre l'âme russe? » [Egger 2013: 3]. Notons que l'action (le voyage de l'aéroport de Sheremetyevo à Moscou) se déroule de nuit et que le Moscou de Boulgakov est donc inextricablement lié au monde de la nuit, de l'obscurité, du mystère, c'est un thème qu'Egger développera plus tard dans les pages de son œuvre. Le personnage autofictionnel qui « n'avait pas lu une seule ligne de Boulgakov » [Egger 2013: 3] avant ce voyage nocturne est devenu « très intrigué » [Egger 2013: 3]. Cela l'amènera plus tard à sa deuxième rencontre avec Moscou et à son travail à la Maison Boulgakov. Ainsi, dans l'exposition du roman graphique, sur deux pages, l'épisode insignifiant du voyage de l'aéroport à l'hôtel du personnage autofictionnel d'Egger, complété par l'introduction des motifs de la nuit et du mystère, se transforme en un élément transitoire de l'intrigue qui reliera davantage l'histoire d'une écrivaine du début du XXIe siècle et d'un écrivain du début du XXe siècle, un représentant de « l'âme russe » que Bettina essaie de comprendre. Egger s'adresse au lecteur à partir d'elle-même et l'invite à explorer avec elle le Moscou de Boulgakov au fil des pages du roman graphique. C'est donc le personnage autofictionnel d'Egger qui détermine l'intrigue et le choix de certains épisodes de la vie de l'écrivain russe et des épisodes de son roman qu'elle va aborder.

On voit qu'Egger ajoute un élément de recherche à la description de tous les personnages : par exemple, elle se demande si Elena Sergueïevna était le prototype de Marguerite ou pourquoi il n'y a pas assez d'informations sur Hella dans le roman pour présenter son image complète. En outre, on remarque également l'élément autofictionnel comme structurel : en décrivant l'apparence du Maître, l'autrice indique que c'est elle qui lui a donné les traits de Boulgakov (« je lui ai prêté ses traits » [Egger 2013: 7]), ensuite, elle considère Woland comme un être similaire à Mick Jagger (elle dessine Woland en se référant à son image). Enfin, en décrivant Béhémot et en utilisant le pronom démonstratif « ce », l'autrice, pour ainsi dire, rapproche Béhémot d'elle-même, elle exprime sa sympathie pour ce personnage. Béhémot en tant que personnage qui traverse les rues de Moscou apparaît constamment dans le roman graphique d'Egger, sa sympathie est donc évidente. Par exemple, à la page 9, Béhémot sous la forme d'un homme regarde hors du livre et enlève son chapeau au lecteur comme s'il dit son « bonjour » dans le Moscou de Boulgakov. Plus loin, à la page 13, Béhémot devient le guide de Boulgakov du monde de Moscou, du monde de son « mauvais appartement », du monde

de « Moscou endiablé. »

Egger termine son roman graphique avec son histoire. L'écrivaine s'associe à l'univers du roman *Maître et Marguerite*, à savoir à Marguerite, mais Bettina s'assimile aussi à l'image de la femme soviétique (Elena Sergueïevna) qui, à cette époque difficile de la domination du pouvoir totalitaire, a dû se donner beaucoup de mal pour obtenir ce qu'elle voulait (par exemple, comme Elena Boulgakova qui voulait aider son mari à publier son roman qui était interdit en URSS alors qu'il était encore présenté sous forme de brouillons). C'est ainsi que l'écrivain Boulgakov interagit avec sa lectrice du XXIe siècle. Maintenant, c'est elle, Bettina Egger, une chercheuse du travail de Boulgakov, au lieu de Marguerite, est assise sur un banc [Egger 2013: 97] en attendant des miracles ou des changements. Sur la page à côté, son premier dictionnaire soviétique est présenté, c'est le dictionnaire avec des mots incompréhensibles pour un étranger (le bolchevik, le NKVD, etc.). Le lecteur maintenant voit donc soit Egger, soit Marguerite, soit un membre du Komsomol de l'ère soviétique, cette femme qui regarde rêveusement le ciel en essayant peut-être encore de comprendre cette « l'âme russe ».

Ainsi, Egger présente trois Moscou (le Moscou du roman de Boulgakov, le Moscou du début du XXe siècle et le Moscou des années 2000), trois mondes où une personne doit beaucoup travailler pour défendre ce qui est important pour elle. La figure de Boulgakov dans le roman graphique d'Egger est centrale, mais non moins importante est la figure de Bettina elle-même. En surmontant les difficultés, c'est-à-dire, en apprenant la langue, en comprenant la structure du monde russe et en travaillant dans les archives, elle a essayé de présenter l'histoire d'un homme qui a vaincu le régime totalitaire par son acte créatif, mais après sa mort. L'autrice semble se demander à quel point il est important d'être le vrai créateur, si sa vie en est le prix.

Pour conclure, Egger a écrit son roman graphique à partir de deux sous-genres, le roman graphique biographique et le roman graphique autofictionnel. L'autrice consacre son œuvre au travail de Boulgakov sur *Le Maître et Marguerite* et aux dernières années de sa vie et complète son livre par des épisodes sur sa propre expérience de séjour dans la maison de Boulgakov à Moscou. Ainsi, Egger, en transformant sa propre personnalité en l'un des personnages de son œuvre, relie donc la réalité fictionnelle de Boulgakov à la réalité moscovite dans laquelle elle se trouve. L'autrice arrive à la conclusion que ces mondes de Moscou interagissent continuellement. D'une part, ce Moscou « diabolise » ses habitants et, d'autre part, cette ville donne à l'artiste, à l'Egger et à Boulgakov, la possibilité de créer même dans des conditions difficiles. Comme cela, les images des personnages, mêlées à des personnes réelles, deviennent intemporelles et vivent jusqu'à aujourd'hui tant dans ce Moscou diabolisé que dans l'esprit des lecteurs et de l'écrivaine contemporaine, Bettina Egger.

Литература

Айснер, У. Комикс и последовательное искусство / У. Айснер ; пер. с англ. М. Заславского. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 192 с.

Алимурадов, О. А. Графический роман: вехи эволюции жанра в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах. Черты креолизации в текстовом пространстве графического романа как переводчески значимая особенность / О. А. Алимурадов, В. З. Шубитидзе // Филологический аспект. – 2020. – № 09 (65). – С. 54–74.

Баранская, Е. М. Комикс как феномен массовой литературы XX–XXI вв. К вопросу об этических принципах / Е. М. Баранская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 4. – С. 3–20.

Бахтин, М. М. Избранное. Т. 2. Поэтика Достоевского / М. М. Бахтин. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 512 с.

Бежан, Е. А. Нарратив «графического романа» в интермедиальном дискурсе современной американской литературы (У. Айснер) / Е. А. Бежан // Записки з романо-германської філології. – 2017. – № 1 (38). – С. 20–27.

Беляев, Д. А. Концепт «супергерой» как локальный вариант модели сверхчеловека в актуальном пространстве массовой культуры / Д. А. Беляев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2013. – № 2 (20). – С. 35–42.

Бояджиева, Л. Ю. Москва булгаковская / Л. Ю. Бояджиева. – М. : АСТ, 2017. – 288 с.

Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. – М. : Художественная литература, 1988. – 384 с.

Булгакова, Е. С. Дневник Елены Булгаковой / Е. С. Булгакова. – 1990. – URL: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/ebruzoo_elenasergeevna.pdf (дата обращения: 05.01.2024). – Текст : электронный.

Васильева, Э. В. Трансформация готической поэтики в графическом романе-адаптации (на материале графического романа Эми Чу и Су Ли «Кармила. Первый вампир») / Э. В. Васильева // Сибирский филологический форум. – 2024. – № 1 (26). – С. 69–79.

Гервасовская, С. Ю. Графический роман в системе комиксовых жанров / С. Ю. Гервасовская // VIA SCIENTIARUM – ДОРОГА ЗНАНИЙ. – 2022. – № 1. – С. 121–126.

Дебрени, М. Образ России во франкоязычных комиксах: к постановке проблемы / М. Дебрени // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 167–180. – DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-4-167-180.

Джумайло, О. А. Понятие интермедиальности и его эволюция в современном научном знании / О. А. Джумайло // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 4 (15). – С. 58–62.

Дрожжина, О. В. Образ ребенка, скрывающегося от холокоста, в графическом романе Ари Фольмана и Дэвида Полонски «Дневник Анны Франк. Графическая версия» / О. В. Дрожжина // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2023. – № 1 (78). – С. 159–165. – DOI: 10.37724/RSU.2023.78.1.015.

Дубовицкая, М. А. Американский графический роман: мультимодальность и идентичность / М. А. Дубовицкая // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 228–246. – DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246.

Захарова, М. Е. Лубок как явление российской массовой культуры XIX века / М. Е. Захарова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 634–637.

Исаева, А. Н. Миксантропические персонажи и их роль в графическом романе М. Этвуд «Ангел-Котоптиц» / А. Н. Исаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, вып. 8. – С. 2395–2400.

Исаева, О. А. Эволюция стиля ранних графических романов Англии и США / О. А. Исаева // Вестник СПбГИК. – 2016. – № 2 (27). – С. 165–168.

Кожевникова, Е. А. Книжный формат «графический роман» как инструмент управления чтением / Е. А. Кожевникова. – Текст : электронный // Культура: теория и практика. – 2022. – № 2 (47). – URL: <https://sciup.org/knizhnyj-format-graficheskij-roman-kak-instrument-upravlenija-chteniem-144162278> (дата обращения: 15.09.2024).

Коканина, А. Б. Мифореставрация в графическом романе Н. Геймана «Песочный человек» / А. Б. Коканина // Тезисы XLVIII научно-практической конференции студентов «Мир культуры глазами молодых исследователей» : сб. тезисов / под. ред. К. А. Мальцева. – Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2023. – С. 681–684.

Коларькова, А. В. Комикс как передовое направление развития современной фантастической литературы / А. В. Коларькова. – Текст : электронный // Филология и литературоведение. – 2014. – № 5. – URL: <https://philology.snauka.ru/2014/05/815> (дата обращения: 10.09.2024).

Кузнецова, Т. М. Специфика современного американского графического романа как типа креолизованного художественного текста / Т. М. Кузнецова // Университет XXI века: научное измерение : материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – Тула : Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2011. – С. 187–190.

Кымсук, К.-Ж. Трава / К.-Ж. Кымсук. – СПб. : Бумкнига, 2021. – 480 с.

- Максименко, О. И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу / О. И. Максименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 111–116.
- Максимова, В. П. Роль вербально-визуальной метафоры в графическом романе / В. П. Максимова // Наука и современность. – 2014. – № 33. – С. 162–166.
- Мельничук, Т. А. Реализация текстовых стратегий в графическом романе на примере графического романа А. Шпигельмана «Maus: A Survivor's Tale» / Т. А. Мельничук // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 78 (04). – С. 1–20.
- Меркулова, М. Г. Жанр графического романа: к постановке проблемы (на материале современных франко- и англоязычных текстов) / М. Г. Меркулова, И. Г. Прудюс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 10. – С. 3379–3385. – DOI: 10.30853/phil20230522.
- Меркулова, М. Г. Графический роман – адаптация: к определению субжанра (на материале франко- и англоязычных текстов) / М. Г. Меркулова, И. Г. Прудюс // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 6. – С. 250–265. – DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-250-265.
- Новикова, Е. Г. Ф. М. Достоевский в японских комиксах / Е. Г. Новикова // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2019. – № 19. – С. 75–94.
- Осьмухина, О. Ю. Синтез комикса и нуар-стилистики в серии «графических романов» Ф. Миллера «Sin city» («Город грехов»): к проблеме реинтерпретации / О. Ю. Осьмухина, И. Р. Куряев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3-1 (81). – С. 49–52.
- Панферова, О. Ю. Графический роман в репертуаре российских издательств / О. Ю. Панферова, Е. Л. Мжельская // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2020. – № 24. – С. 156–172. – DOI: 10.17223/23062061/24/8.
- Прудюс, И. Г. Черты антиутопии в графическом романе П. Кристена и С. Вердые «Оруэлл» / И. Г. Прудюс // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 25, № 4. – С. 136–151. – DOI: 10.15826/izv2.2023.25.4.065.
- Прудюс, И. Г. Черты романа инициации в биографическом графическом романе Пьера Кристена и Себастьяна Вердые «Оруэлл» / И. Г. Прудюс, Н. С. Шалимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – № 3. – С. 762–767. – DOI: 10.30853/phil20240108.
- Скаф, М. К. Традиция последовательного визуального повествования в США: этапы, жанры, поэтика / М. К. Скаф // Детские чтения. – 2013. – № 2 (4). – С. 63–82.
- Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 180–186.
- Станишевская, Л. С. Феномен и потенциал графического романа в России / Л. С. Станишевская, Е. С. Филиппова // Инновации в социокультурном пространстве : материалы XIV Международной научно-практической конференции. Ч. I. – Благовещенск : Издательство Амурского государственного университета, 2021. – С. 74–78. – DOI: 10.22250/ISS.2021.16.
- Струневская, Я. И. Особенности адаптации классического произведения в жанре графического романа на примере «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери / Я. И. Струневская // Научный старт-2024 : сборник статей аспирантов и магистрантов. – М. : ООО «Языки народов мира», 2024. – С. 667–672.
- Удод, Д. А. Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста / Д. А. Удод // Современная филология : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). – Уфа : Лето, 2013. – С. 97–99.
- Фетисова, Т. А. Комикс – порождение американской массовой культуры. Аналитический обзор / Т. А. Фетисова // Вестник культурологии. – 2019. – № 3 (90). – С. 174–192.
- Цветкова, А. А. Графический роман / А. А. Цветкова // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. – 2020. – № 3. – С. 165–168.
- Цветкова, М. В. Комикс Н. Батлер «Гордость и предубеждение» как вариант прочтения одноименного романа Дж. Остин / М. В. Цветкова, Е. В. Кризская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – № 17 (2). – С. 217–231.
- Цыркун, Н. А. Супергерои комиксов и обратная сторона титанизма / Н. А. Цыркун // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2014. – № 14 (136). – С. 191–199.
- Черняк, М. А. Графический путеводитель как новый способ диалога с классическим текстом / М. А. Черняк, Е. Г. Цветкова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43, № 7. – С. 78–84. – DOI: 10.15393/uchz.art.2021.669.
- Чудакова, М. О. Сталин и Булгаков: тема власти в «Мастере и Маргарите» / М. О. Чудакова. – 2016. – URL: <https://arзамас.academy/courses/39/3> (дата обращения: 02.12.2023). – Текст : электронный.
- Юдин, Л. А. Драматургический потенциал графического романа: поэтика синкретизма / Л. А. Юдин // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1. – С. 186–190.
- Baetens, J. Le roman graphique / J. Baetens // La bande dessinée: une médiaculture. – Paris : Armand Colin, coll. «Médiacultures», 2012. – P. 200–216.
- Chute, H. Comics as literature? Reading graphic narrative / H. Chute // Publications of the Modern Language Association of America. – 2008. – No. 123 (2). – P. 452–465.
- Egger, B. Moscou endiablé, sur les traces de Maître et Marguerite / B. Egger. – Nancy : Le Moule-à-gaufres éditions, 2013. – 99 p.

Groensteen, T. *La bande dessinée: une littérature graphique* / T. Groensteen. – Toulouse ; Milan : Les Essentiels Milan, 2005. – 63 p.

Mansanti, C. *Le roman graphique* / C. Mansanti. – Text : electronic // *Fabula: la recherche en littérature*. – 2013. – URL: <https://www.fabula.org/actualites/journee-d-etudes-sur-le-roman-graphique-amiens-le-5-juin-2014-departement-d-anglais-de-l-58818.php> (mode of access: 14.09.2024).

McCloud, S. *Understanding comics: The Invisible Art*. Northampton / S. McCloud. – Massachusetts : Kitchen Sink Press, 1993. – 215 p.

Rippl, G. *Intermediality, transmediality and graphic narrative* / G. Rippl, L. Etter // *From comic strips to graphic novels: contributions to the theory and history of graphic narrative* : collection of articles. – Berlin : De Gruyter Mouton, 2013. – P. 157–179.

Romero-Jódar, A. *Comic Books and Graphic Novels in their Generic Context. Towards a Definition and Classification of Narrative Iconical Texts* / A. Romero-Jódar // *ATLANTIS. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*. – 2013. – No. 35.1. – P. 117–135.

Ryan, M.-L. *Avatars of Story* / M.-L. Ryan. – Minneapolis : University of Minnesota press, 2006. – 296 p.

Spiegelman, A. *The Complete Maus: A Survivor's Tale Hardcover* / A. Spiegelman. – New York : Pantheon, 1996. – 296 p.

Tremblay-Gaudette, G. *Tensions, prétentions et galvaudage; gains et écueils du roman graphique comme stratégie du cheval de Troie en Amérique du Nord* / G. Tremblay-Gaudette. – Text : electronic // *KINEPHANOS*. – 2008. – URL: <https://www.kinephanos.ca/2011/romans-graphiques> (mode of access: 16.09.2024).

Turk, S. *Graphic Novels vs. Comic Books: What's the Difference?* / S. Turk. – Text : electronic // *The Daily Utah Chronicle*. – 2012. – URL: <https://dailyutahchronicle.com/2012/09/19/graphic-novels-vs-comic-books-whats-the-difference/> (mode of access: 16.09.2024).

References

Alimuradov, O. A., Shubitidze, V. Z. (2020). *Graficheskii roman: vekhi evolyutsii zhanra v angloyazychnoi i russkoyazychnoi lingvokul'turakh. Cherty kreolizatsii v tekstovom prostranstve graficheskogo romana kak perevodcheski znachimaya osobennost'* [Graphic Novel: Stages of Evolution of the Genre in English- and Russian-speaking Linguocultures. Features of Creolisation in the Textual Space of the Graphic Novel as a Translationally Significant Feature]. In *Filologicheskii aspekt*. No. 09 (65), pp. 54–74.

Baetens, J. (2012). *Le roman graphique*. In *La bande dessinée: une médiaculture*. Paris, Armand Colin, coll. "Médiacultures", pp. 200–216.

Bakhtin, M. M. (2017). *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 2. *Poetika Dostoevskogo*. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 512 p.

Baranskaya, E. M. (2023). *Komiks kak fenomen massovoi literatury XX–XXI vv. K voprosu ob eticheskikh printsipakh* [Comics as a Phenomenon of Mass Literature of the 20th–21st Centuries. To the Question of Ethical Principles]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. Vol. 9 (75). No. 4, pp. 3–20.

Belyaev, D. A. (2013). *Kontsept «supergeroi» kak lokal'nyi variant modeli sverkhcheloveka v aktual'nom prostranstve massovoi kul'tury* [The Concept 'Superhero' as a Local Variant of the Superhuman Model in the Actual Space of Mass Culture]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. No. 2 (20), pp. 35–42.

Bezhan, E. A. (2017). *Narrativ «graficheskogo romana» v intermedial'nom diskurse sovremennoi amerikanskoi literatury (U. Aisner)* [The Narrative of the 'Graphic Novel' in the Intermediate Discourse of Contemporary American Literature (W. Eisner)]. In *Zapiski z romano-germans'koi filologii*. No. 1 (38), pp. 20–27.

Boyadzhieva, L. Yu. (2017). *Moskva bulgakovskaya* [The Moscow of Bulgakov]. Moscow, AST. 288 p.

Bulgakov, M. A. (1988). *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 384 p.

Bulgakova, E. S. (1990). *Dnevnik Eleny Bulgakovoi* [The Diary of Elena Bulgakova]. URL: https://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/ebru200_elenasergeevna.pdf (mode of access: 05.01.2024).

Chernyak, M. A., Tsvetkova, E. G. (2021). *Graficheskii putevoditel' kak novyi sposob dialoga s klassicheskim tekstem* [The Graphic Guide as a New Way of Dialogue with the Classical Text]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 43. No. 7, pp. 78–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.669.

Chudakova, M. O. (2016). *Stalin i Bulgakov: tema vlasti v «Mastere i Margarite»* [Stalin and Bulgakov: The Theme of Power in "The Master and Margarita"]. URL: <https://arzas.academy/courses/39/3> (mode of access: 02.12.2023).

Chute, H. (2008). *Comics as Literature? Reading Graphic Narrative*. In *Publications of the Modern Language Association of America*. No. 123 (2), pp. 452–465.

Debrenne, M. (2021). *Obraz Rossii vo frankoyazychnykh komiksakh: k postanovke problemy* [The Image of Russia in French-speaking Comics: Toward the Problem]. In *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Vol. 19. No. 4, pp. 167–180. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-4-167-180.

Drozhdzhina, O. V. (2023). *Obraz rebenka, skryvayushchegosya ot kholokosta, v graficheskom romane Ari Fol'mana i Devida Polonski «Dnevnik Anny Frank. Graficheskaya versiya»* [The Image of a Child Hiding from the Holocaust in the Graphic Novel by Ari Folman and David Polonsky 'Anne Frank's Diary: The Graphic Adaptation']. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*. No. 1 (78), pp. 159–165. DOI: 10.37724/RSU.2023.78.1.015.

- Dubovitskaya, M. A. (2022). Amerikanskii graficheskii roman: mul'timodal'nost' i identichnost' [The American Graphic Novel: Multimodality and Identity]. In *Nauchnyi dialog*. Vol. 11. No. 3, pp. 228–246. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246.
- Dzhumaylo, O. A. (2018). Ponyatie intermedial'nosti i ego evolyutsiya v sovremennom nauchnom znanii [The Concept of Intermediality and its Evolution in Modern Scientific Knowledge]. In *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No. 4 (15), pp. 58–62.
- Egger, B. (2013). *Moscou endiablé, sur les traces de Maître et Marguerite*. Nancy, Le Moule-à-gaufres éditions. 99 p.
- Eisner, W. (2022). *Komiks i posledovatel'noe iskusstvo* [Comics and Sequential Art]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. 192 p.
- Fetisova, T. A. (2019). Komiks – porozhdenie amerikanskoi massovoi kul'tury. Analiticheskii obzor [Comics as a Phenomenon of American Mass Culture. Analytical Review]. In *Vestnik kul'turologii*. No. 3 (90), pp. 174–192.
- Gervasovskaya, S. Yu. (2022). Graficheskii roman v sisteme komiksovykh zhanrov [Graphic Novel in the System of Comics Genres]. In *VIA SCIENTIARUM – DOROGA ZNANII*. No. 1, pp. 121–126.
- Groensteen, T. (2005). *La bande dessinée: une littérature graphique*. Toulouse, Milan, Les Essentiels Milan. 63 p.
- Isaeva, A. N. (2023). Miksantropicheskie personazhi i ikh rol' v graficheskom romane M. Etvud «Angel-Kotoptits» [The Mixanthropic Characters and Their Role in M. Atwood's Graphic Novel 'Angel Catbird']. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 16. Issue 8, pp. 2395–2400.
- Isaeva, O. A. (2016). Evolyutsiya stilya rannikh graficheskikh romanov Anglii i SShA [The Evolution of the Style of Early Graphic Novels of England and the USA]. In *Vestnik SPbGIK*. No. 2 (27), pp. 165–168.
- Keum Suk, G.-K. (2021). *Trava* [Les Mauvaises Herbes]. Saint Petersburg, Bumknjiga. 480 p.
- Kokanina, A. B. (2023). Miforestavratsiya v graficheskom romane N. Geimana «Pesochnyi chelovek» [The Mythorestitution in N. Gaiman's Graphic Novel 'The Sandman']. In Maltsev, K. A. (Ed.). *Tezisy XLVIII nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov «Mir kul'tury glazami molodykh issledovatelei»: sb. tezisov*. Perm, Permskii gosudarstvennyi institut kul'tury, pp. 681–684.
- Kolarkova, A. V. (2014). Komiks kak peredovoe napravlenie razvitiya sovremennoi fantasticheskoi literatury [Comics as an Advanced Direction of Evolution of Modern Fantastic Literature]. In *Filologiya i literaturovedenie*. No. 5. URL: <https://philology.snauka.ru/2014/05/815> (mode of access: 10.09.2024).
- Kozhevnikova, E. A. (2022). Knizhnyi format «graficheskii roman» kak instrument upravleniya chteniem [The Book Format 'Graphic Novel' as a Tool for Reading Management]. In *Kul'tura: teoriya i praktika*. No. 2 (47). URL: <https://sciup.org/knizhnyj-format-graficheskij-roman-kak-instrument-upravleniya-chteniem-144162278> (mode of access: 15.09.2024).
- Kuznetsova, T. M. (2011). Spetsifika sovremenogo amerikanskogo graficheskogo romana kak tipa kreolizovannogo khudozhestvennogo teksta [The Specificity of the Modern American Graphic Novel as a Type of Creolised Art Text]. In *Universitet XXI veka: nauchnoe izmerenie: materialy nauchnoi konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov, magistrantov i soiskatelei TGPU im. L. N. Tolstogo*. Tula, Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo, pp. 187–190.
- Maksimenco, O. I. (2016). Adaptatsiya khudozhestvennogo proizvedeniya: ot romana k komiksu [The Adaptation of a Fictional Text: from Novel to Comics]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. No. 2, pp. 111–116.
- Maksimova, V. P. (2014). Rol' verbal'no-vizual'noi metafory v graficheskom romane [The Role of Verbal and Visual Metaphor in the Graphic Novel]. In *Nauka i sovremennost'*. No. 33, pp. 162–166.
- Mansanti, C. (2013). Le roman graphique. In *Fabula: la recherche en littérature*. URL: https://www.fabula.org/actualites/journee-d-etudes-sur-le-roman-graphique-amiens-le-5-juin-2014-departement-d-anglais-de-L_58818.php (mode of access: 14.09.2024).
- McCloud, S. (1993). *Understanding Comics: The Invisible Art*. Northampton. Massachusetts, Kitchen Sink Press. 215 p.
- Melnichuk, T. A. (2012). Realizatsiya tekstovykh strategii v graficheskom romane na primere graficheskogo romana A. Shpigel'mana «Maus: A Survivor's Tale» [The Realisation of Textual Strategies in a Graphic Novel on the Example of Graphic Novel 'Maus: A Survivor's Tale' written by A. Shpigelman]. In *Nauchnyi zhurnal KubGAU*. No. 78 (04), pp. 1–20.
- Merkulova, M. G., Prudius, I. G. (2023). Zhanr graficheskogo romana: k postanovke problemy (na materiale sovremennykh franko- i angloyazychnykh tekstov) [Genre of the Graphic Novel: Toward the Formulation of the Problem (Based on Modern French-language and English-language Texts)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 16. No. 10, pp. 3379–3385. DOI: 10.30853/phil20230522.
- Merkulova, M. G., Prudius, I. G. (2024). Graficheskii roman – adaptatsiya: k opredeleniyu subzhanra (na materiale franko- i angloyazychnykh tekstov) [The Graphic Novel – Adaptation: to the Definition of the Subgenre (on the Example of French- and English-language Texts)]. In *Nauchnyi dialog*. Vol. 13. No. 6, pp. 250–265. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-250-265.
- Novikova, E. G. (2019). F. M. Dostoevskii v yaponskikh komiksakh [Dostoevsky in Japanese Comics]. In *Tekst. Kniga. Knigozhdanie*. No. 19, pp. 75–94.
- Osmukhina, O. Yu., Kuryaev, I. R. (2018). Sintez komiksa i nuar-stilistiki v serii «graficheskikh romanov» F. Milera «Sin city» («Gorod grekhov»): k probleme reinterpretatsii [The Combination of Comics and 'Noir' Stylistics in a Series of F. Miller's Graphic Novels 'Sin city': To the Problem of Reinterpretation]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 3-1 (81), pp. 49–52.

Panferova, O. Yu., Mzhelskaya, E. L. (2020). Graficheskii roman v repertuare rossiiskikh izdatel'stv [Graphic Novel in Russian Publishing Houses]. In *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 24, pp. 156–172. DOI: 10.17223/23062061/24/8.

Prudius, I. G. (2023). Cherty antiutopii v graficheskom romane P. Kristena i S. Verd'e «Oruell» [The Features of Dystopia in the P. Christen and S. Verdier's Graphic Novel 'Orwell']. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 25. No. 4, pp. 136–151. DOI: 10.15826/izv2.2023.25.4.065.

Prudius, I. G., Shalimova, N. S. (2024). Cherty romana initsiatsii v biograficheskom graficheskom romane P'era Kristena i Sebast'yana Verd'e «Oruell» [The Features of the Initiation Novel in the P. Christen and S. Verdier's Biographical Graphic Novel 'Orwell']. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 3, pp. 762–767. DOI: 10.30853/phil20240108.

Rippl, G., Etter, L. (2013). Intermediality, Transmediality and Graphic Narrative. In *From comic strips to graphic novels: contributions to the theory and history of graphic narrative: collection of articles*. Berlin, De Gruyter Mouton, pp. 157–179.

Romero-Jódar, A. (2013). Comic Books and Graphic Novels in their Generic Context. Towards a Definition and Classification of Narrative Iconical Texts. In *ATLANTIS. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*. No. 35.1, pp. 117–135.

Ryan, M.-L. (2006). *Avatars of Story*. Minneapolis, University of Minnesota press. 296 p.

Skaf, M. K. (2013). Traditsiya posledovatel'nogo vizual'nogo povestvovaniya v SSHA: etapy, zhanry, poetika [The Tradition of Sequential Visual Narrative in the USA: Stages, Genres, Poetics]. In *Detskie chteniya*. No. 2 (4), pp. 63–82.

Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolised Texts and Their Communicative Function]. In *Optimizatsiya recevogo vozdeistviya*. Moscow, Vysshaya shkola, pp. 180–186.

Spiegelman, A. (1996). *The Complete Maus: A Survivor's Tale Hardcover*. New York, Pantheon. 296 p.

Stanishevskaya, L. S., Filippova, E. S. (2021). Fenomen i potentsial graficheskogo romana v Rossii [The Phenomenon and the Possibilities of the Graphic Novel in Russia]. In *Innovatsii v sotsiokul'turnom prostranstve: materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Part I. Blagoveshchensk, Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 74–78. DOI: 10.22250/ISS.2021.16.

Strunevskaya, Ya. I. (2024). Osobennosti adaptatsii klassicheskogo proizvedeniya v zhanre graficheskogo romana na primere «451° po Farengaitu» R. Bredberi [The Specificity of Adaptation of a Classical Work in the Genre of Graphic Novel on the Example of R. Bradbury's '451° Fahrenheit']. In *Nauchnyi start-2024: sbornik statei aspirantov i magistrantov*. Moscow, OOO «Yazyki narodov mira», pp. 667–672.

Tremblay-Gaudette, G. (2008). Tensions, prétentions et galvaudage; gains et écueils du roman graphique comme stratégie du cheval de Troie en Amérique du Nord. In *KINEPHANOS*. URL: <https://www.kinephanos.ca/2011/romans-graphiques> (mode of access: 16.09.2024).

Tsvetkova, A. A. (2020). Graficheskii roman [A Graphic Novel]. In *Vestnik molodykh uchenykh Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina*. No. 3, pp. 165–168.

Tsvetkova, M. V., Krizskaya, E. V. (2020). Komiks N. Batler «Gordost' i predubezhdenie» kak variant prochteniya odnoimennogo romana Dzh. Ostina [N. Butler's Comics 'Pride and Prejudice' as a Variant of Reading of the by J. Austen's Novel]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. No. 17 (2), pp. 217–231.

Tsyrukun, N. A. (2014). Supergeroi komiksov i obratnaya storona titanizma [The Superheroes of Comics and the Reverse Side of Titanism]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. No. 14 (136), pp. 191–199.

Turk, S. (2012). Graphic Novels vs. Comic Books: What's the Difference? In *The Daily Utah Chronicle*. URL: <https://dailyutahchronicle.com/2012/09/19/graphic-novels-vs-comic-books-whats-the-difference/> (mode of access: 16.09.2024).

Udod, D. A. (2013). Kreolizovanniy tekst kak osobyi vid paralingvisticheski aktivnogo teksta [The Creolised Text as a Special Type of Paralinguistic Active Text]. In *Sovremennaya filologiya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, yanvar' 2013 g.)*. Ufa, Leto, pp. 97–99.

Vasilieva, E. V. (2024). Transformatsiya goticheskoi poetiki v graficheskom romane-adaptatsii (na materiale graficheskogo romana Emi Chu i Su Li «Karmilla. Pervyi vampir») [The Transformation of Gothic Poetics in the Graphic Novel-Adaptation (on the Material of the Graphic Novel by Amy Chu and Soo Lee Lee 'Carmilla. The First Vampire')]. In *Sibirskii filologicheskii forum*. No. 1 (26), pp. 69–79.

Yudin, L. A. (2016). Dramaturgicheskii potentsial graficheskogo romana: poetika sinkretizma [The Dramaturgical Possibilities of the Graphic Novel: The Poetics of Syncretism]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 186–190.

Zakharova, M. E. (2012). Lubok kak yavlenie rossiiskoi massovoi kul'tury XIX veka ['Lubok' as a Phenomenon of Russian Mass Culture of the 19th Century]. In *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo*. No. 27, pp. 634–637.

Данные об авторе

Прудий Ирина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия). Адрес: 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89.
E-mail: m-i-g@yandex.ru.

Author's information

Prudius Irina Gennadiyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia).

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 372.882-14+371.321. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-185-194. ББК Ч426.83-270.
ГРНТИ 14.25.09. Код ВАК 5.8.2

ЧИТАТЕЛЬ-ПОДРОСТОК И ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Гутрина Л. Д.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5083-9299>

SPIN-код: 6160-1878

А н н о т а ц и я. Рассматривается проблема «отсутствия языка» для разговора о шедеврах любовной лирики, возникающих довольно внезапно в программе по литературе в 8–9 классах (стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, У. Шекспира). В качестве варианта решения проблемы в статье предлагается знакомство школьников 5–9 классов с непрограммными стихотворениями поэтов конца XX – начала XXI веков, на уровне ситуации, переживания, поэтики сходными с программными классическими текстами. Автор подчеркивает, что предпочтение следует отдавать стихотворениям современных детских поэтов, в которых лирическим субъектом оказывался бы ребенок, восприятие мира происходило с его позиций, воспроизводилась бы узнаваемая для юного читателя ситуация (мир школы, игры), при этом регистр предлагаемых стихотворений должен быть широким.

В качестве методологической основы исследования берутся идеи В. Г. Маранцмана об «эмоциональном» восприятии художественного текста школьниками среднего звена, необходимости тщательной работы на уроке со сферой чувств ребенка-читателя, а также характеристика В. Г. Маранцманом этапов литературного образования (этап «наивного реализма» (5–6 классы) – интерес к событию, острому сюжету, авантурному компоненту текста; этап «нравственного эгоцентризма» (7–8 классы) – сосредоточенность на самом себе, эгоцентрическое отношение к миру, восприятие текста сквозь призму своих проблем – прежде всего проблем принятия и самоутверждения).

В статье определяется логика введения текстов по классам (5–6 классы, 7–8 классы, 9 класс), предлагаются аналитические и творческие вопросы и задания для работы со стихотворениями М. Бородинской, М. Бершадской, А. Гиваргизова, М. Вейцмана. Стихотворения В. Д. Берестова 1960–1990-х годов рассмотрены в связи с возможностью перехода к шедеврам любовной лирики А. С. Пушкина, изучаемым в 9 классе. Рассмотренные стихотворения для разных возрастных групп очевидно переключаются друг с другом, что позволяет учителю возвращаться к ранее рассмотренным стихотворениям, обнаруживать иные планы образа переживания. Последовательное обращение к стихотворениям о любви, в которых воплощается детский и подростковый взгляд на чувство, сделает более аккуратным, осознанным обращение к стихотворениям о любви в 9 классе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: преподавание лирики в 5–9 классах; тема любви; лирика А. С. Пушкина; современная поэзия для детей и подростков; уроки по любовной лирике в среднем звене

Д л я ц и т и р о в а н и я: Гутрина, Л. Д. Читатель-подросток и любовная лирика / Л. Д. Гутрина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 185–194. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-185-194.

A TEENAGE READER AND LOVE POETRY

Liliya D. Gutrina

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5083-9299>

Abstract. The article deals with the problem of the “lack of language” for talking about the masterpieces of love poetry, which suddenly appears in the 8th and 9th grade literature program (the poems by A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, and W. Shakespeare). As a solution to this problem, the author of the article suggests acquainting 5th–9th grade schoolchildren with non-program poems by some poets of the late 20th – early 21st century, which are similar to the program classical poems in terms of situation, feelings, and poetics. The author points out that preference should be given to poems by contemporary children’s poets in which the lyrical subject would be a child, the perception of the world would be presented from the child’s point of view, a situation recognizable to the young reader (the world of school, games) would be reproduced, and the range of the selected poems should be wide enough into the bargain.

The research methodology used in the study draws on the ideas of V. G. Marantsman about the “emotional” perception of a fiction text by middle school students, the necessity of careful work in the classroom with the sphere of the child reader’s feelings, as well as the scholar’s characterization of the stages of literary education (the stage of “naive realism” (grades 5–6) – interest in the event, sharp plot, adventurous element in the text; the stage of “moral egocentrism” (grades 7–8) – concentration on the self, egocentric

attitude to the world, perception of the text through the prism of one's own problems, especially problems of acceptance and self-assertion).

The article determines the logic of the introduction of the texts according to grades (5th–6th grade, 7th–8th grade, and 9th grade) and formulates analytical and creative questions and tasks for the work with the poems by M. Boroditskaya, M. Bershadskaia, A. Givargizov, and M. Veitsman. The poems of V. D. Berestov of the 1960s – 1990s are considered in relation to the possibility of transition to the love poetry masterpieces of A. S. Pushkin, studied in the 9th grade. The poems recommended for different age groups are obviously related to each other, which allows the teacher to go back to the poems studied before and to discover other emotional aspects. A consistent approach to the poems about love that embody the child's and teenager's view of the feeling may facilitate a cleaner and more informed approach to love poetry in 9th grade.

Key words: teaching lyric poetry in the 5th–9th grades; theme of love; A. S. Pushkin's lyric poetry; modern poetry for children and teenagers; teaching middle school love poetry lessons

For citation: Gutrina, L. D. (2024). A Teenage Reader and Love Poetry. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 185–194. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-185-194.

Постановка проблемы

Современная программа по литературе предлагает для чтения на уроках литературы в 5–9 классах высокую любовную лирику. Такие стихотворения появляются в курсе литературы уже в 5–6 классах, но пока они «маскируются» под «стихотворения о природе» и, в общем-то, не предполагают разговоров о любовном чувстве в силу возраста учеников (5 класс – «Зимнее утро» Пушкина, 6 класс «Я пришел к тебе с приветом» А. Фета). В 7 классе предлагается читать «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» А. С. Пушкина и, поскольку это стихотворение «окружено» в программе лирикой дружбы («19 октября», «И. И. Пущину», «Во глубине сибирских руд...»), предполагается разговор о важности дружбы и любви в жизни человека (дружба отдается предпочтение – опять же в силу возраста учеников). Начиная с 8 класса, стихотворения о любви представлены «гуще» (М. Ю. Лермонтов «Из-под таинственной холодной полумаски...», «Нищий»; У. Шекспир «Ее глаза на звезды не похожи...»), а в 9 классе, наконец, предлагается рассмотреть стихотворения «К***», «Я вас любил. Любовь, еще, быть может ...» А. С. Пушкина, «Сон» и «Нет, не тебя так пылко я люблю...» М. Ю. Лермонтова¹.

В исследовании социолога Л. Борусяк, проанализировавшей контент групп, посвященных любимым поэтам, пользователей в социальной сети ВКонтакте, отмечено, что «... большинство поэтов-лидеров по числу поклонников в сети привлекают молодежь тем, что *говорят с ними о любви*, и именно этим они интересны большинству участников сообществ. Ценность любви исключительно высока для подростков и молодых людей. ... Как выяснилось, таких поэтов очень немного. Отчасти потому, что круг чтения и представления (хотя бы самого общего) о том, что писали о любви, формируется преимущественно в школе, где набор образов не очень велик. Другие каналы трансляции тоже существуют. Это может быть влияние семьи, томики, найденные в домашней библиотеке, это могут быть телесериалы и фильмы, песни и роман-

сы, но главный канал – *это все-таки школа*»; «часть молодых людей ищет и находит в поэтических строках то, что для них важнее всего – описание чувств, любви, ревности, страданий, и русские поэты дают им возможность эти чувства понять, осознать и выразить словами» [Борусяк 2015]. В работе исследовательницы подчеркивается важная роль школы в освоении поля любовной лирики учеником, однако вместе с тем и проблематизируется качество разговора о поэзии (не только поэзии о любви) в школьном преподавании: «Школа, призванная прививать любовь к русской литературе, в том числе и поэзии, сегодня очень плохо справляется со своей задачей. Это проявляется, в частности, в том, что наименее интересным оказывается контент и самыми слабо разбирающимися в поэзии являются участники сообществ, посвященных творчеству А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: любовь к творчеству поэтов выражается почти исключительно с помощью отметок “мне нравится” и “поделиться” к узкому кругу самых известных, хрестоматийных стихотворений» [Борусяк 2015]. (От себя добавим в этой связи: результат «школьного чтения» стихотворений о любви проявляет себя, например, в реакции третьекурсников-филологов, дающих в курсе «Методики преподавания литературы» уроки по любовной лирике А. С. Пушкина: «это же скучно»; чаще всего это уроки, на которых студент, в недавнем прошлом ученик школы, дает довольно беспомощные трактовки стихотворений). Объясняя причины данной ситуации, Л. Борусяк отмечает «слишком высокий пиетет, который формируют к этим великим именам в школьные годы»; это приводит к тому, «что для многих молодых людей поэзия становится уже слишком пафосной, ценностно перегруженной, чтобы искать в ней свое: свои чувства, свои страдания, эмоции и переживания. А может быть, подростки “перекормлены” Пушкиным в школе, и его имя и его стихи больше ассоциируются уже с уроками, отметками, страхами перед двойками, а не с собственными чувствами» [Борусяк 2015].

Полагаем, что в восприятии школьниками любовной лирики есть и другая, более частная проблема. Знакомство со стихотворениями А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова о любви происходит в школе довольно внезапно: любовная лирика возникает вдруг, из ниоткуда, но ученику предписано понимать чувства героев и рассуждать о них. Пред-

¹ Федеральная рабочая программа основного общего образования. Литература (для 5–9 классов образовательных организаций). М., 2022. 105 с. URL: <https://edsoo.ru/rabochie-programmy/> (дата обращения: 05.05.2024).

ложенные для разговора в 8–9 классах стихотворения раскрывают разные грани темы любви. Это и юношеская любовь, связанная с обожествлением предмета любви («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), с ощущением тайны, загадки и будущей счастливой встречи («Из-под таинственной холодной полумаски...»). Но это и чувство, сопряженное с одиночеством, разочарованием («Нет, не тебя так пылко я люблю...»), изменой, разлукой, отсутствием взаимности. В стихотворении «Сон» Лермонтова ключевая для стихотворения ситуация сна объединяет двух влюбленных, один из которых погибает на войне и видит в предсмертном сне любимую, которая предчувствует его гибель. Субъектом переживания в этих стихотворениях чаще всего является взрослый человек. Любовь в предлагаемой школьникам для чтения лирике предстает настолько разной, многогранной, несчастной и счастливой одновременно, что становится очевидно: для разговора о подобных стихотворениях ученику нужно владеть особым языком, который должен складываться постепенно. Заметим, в современной методике среднего звена накоплен системный опыт освоения программной любовной лирики [Литература... 2014: 267–269; Литература... 2015: 146–148; Смирнова], но мы предлагаем говорить не о системе работы с программными текстами, а о «косвенных», непрямых подступах к этим стихотворениям в самом начале освоения курса литературы – в 5–7 классах.

Разумеется, встреча с любовной лирикой будет системно проходить в 10–11 классах (лирика Некрасова, Фета, Тютчева, Ахматовой, Цветаевой, Блока, Маяковского и др. поэтов), но, раз уж она есть в Федеральной рабочей программе уже в 8–9 классах, стоит задуматься о том, как обеспечить встречу и избежать «невстречи» ребенка-читателя и писателя-классика, которая сегодня является не просто угрозой, но реальностью; социолог литературы Б. Дубин пишет: «как показывают эмпирические исследования, школьные программы по литературе... приходят во все большее противоречие с реальными ориентациями и кругом чтения подростков и молодежи» [Дубин 2010: 39].

Цель статьи – предложить способ решения поставленной проблемы. Суть предлагаемого подхода состоит в том, что следует знакомить школьников со стихотворениями о любви раньше, до неизбежной встречи с ними в 8–9 классах, и регистр этих текстов должен быть разнообразным. Важно, чтобы в рекомендуемых для чтения стихотворениях лирическим субъектом оказывался ребенок, восприятие мира происходило с его позиций, либо была воспроизведена ситуация, знакомая ребенку, узнаваемая для него. Такие стихотворения прежде всего можно обнаружить в творчестве современных детских поэтов. «Литература для юношества, – пишет Б. Дубин, – попытка ответить на жизненные и читательские потребности молодого человека, поэтому вовлечение ее в литературное воспитание дало бы возможность уйти от соблазна “дематериализующей поэзии” ... и тем самым умерить оппозицию детей высокой культуре» [Дубин 2010: 40].

Проблема включения современной поэзии в школьный курс довольно часто становится предметом осмысления ученых, методистов, учителей – особенно с середины 2010-х гг. Исследования Т. Г. Кучиной [2006], Э. Т. Хафизовой [2016], А. С. Бокарева [2017] представляют проблему глубоко, разносторонне: речь идет и о конкретных подходах к интеграции современных текстов в уроки, и о приемах и методах работы с современными стихотворениями, и о принципах отбора текстов для разговоров со школьниками. В подавляющем числе работ речь все же идет о читательской аудитории старшеклассников, а вот работа со школьниками среднего звена попадает в поле зрения не так часто. Так, в статье И. В. Рогожиной рекомендуется при освоении в среднем звене темы природы обратиться к стихотворениям И. Холина, С. Кековой и др.² [Рогожина 2017]. Статья Е. А. Асоновой, хотя и не касается школьного преподавания, посвящена «критериям привлекательности» стихотворений для детей и подростков, что, конечно, следует учитывать при выборе текстов для уроков [Асонова 2018]. В статье Е. А. Асоновой «Классика в зеркале современной литературы» предлагается рассматривать тексты современных авторов до изучения классических текстов, но речь в статье идет о прозе, а не о поэзии [Асонова 2019].

Конечно, введение в школьный курс новых текстов в нынешней ситуации вызовет вопросы, поскольку новая Федеральная рабочая программа основного общего образования включает большое количество произведений для обязательного освоения, и у учителя, скорее всего, не останется времени на тексты сверх программы. Однако подчеркнем, что речь идет о лирике, а значит, объем текста мал и стихотворение может быть рассмотрено в паре с программным текстом (тема детства, образ ребенка, мотив игры – сквозные для школьной программы). Заметим, что предложенные тексты не требуют детального рассмотрения с учащимися; иногда достаточно вопроса: кажется ли ребятам ситуация знакомой? Нужно ли такое стихотворение в учебнике литературы для 5–6–7 класса? и др. Кроме того, знакомство со стихотворением может происходить и на уроке русского языка, о чем писала, например, Т. А. Круглякова [2022]. Об обращении к современным текстам не только на уроках литературы пишет Е. Нечаева, учитель русского языка и литературы, создательница сайта (Не)Стихнет. Обратим внимание, что на данном сайте размещена подборка стихотворений современных авторов на тему первой любви, что добавляет актуальности проблеме статьи³. Некоторые из предложенных в списке Елены Нечаевой текстов

² Заметим также, что автор статьи в связи с пушкинской любовной лирикой рекомендует обращаться, например, к стихотворениям Т. Кибирова «Ната, Ната, Натали...», «Я Вас любил», однако это все же не те стихотворения, которые можно читать со школьниками среднего звена, предваряя уроки по классике (и, пожалуй, со школьниками старших классов) [Рогожина 2017].

³ (Не)Стихнет: хорошие стихи для хороших уроков. Сайт Нечаевой Елены. URL: https://ne-stihnet.ru/?page_id=809 (дата обращения: 05.05.2024).

отрефлексированы в настоящей статье в той или иной степени.

Методологические принципы исследования составляют идеи В. Г. Маранцмана об этапах литературного образования. С точки зрения ученого, для этапа «наивного реализма» (5–6 классы) свойственен интерес к событию, острому сюжету, для этапа нравственного эгоцентризма (7–8 класс) – сосредоточенность на самом себе, эгоцентрическое отношение к миру, восприятие текста сквозь призму своих проблем, коими, как известно, для подростка становятся проблемы принятия и самоутверждения. Важным для нас является и убеждение В. Г. Маранцмана о том, что школьники среднего звена воспринимают текст эмоционально, поэтому работа на уроке со сферой чувств, вербализация переживаний – важная составляющая разговора о лирике [Методика... 1995: 118–122]. Значимыми при написании статьи стали взгляды Б. В. Дубина и Л. Ф. Борусяк о функционировании классики сегодня, работы Е. А. Асоновой, посвященные специфике детского чтения и способам, позволяющим обеспечить «встречу» юного читателя с классикой. Характеризуя читателя-подростка, Е. Асонова справедливо фиксирует: «чтение поэзии актуально для подростка, если «каждый текст про меня» [Асонова 2018: 22]; «уже к двенадцати годам читатель приходит к вполне “взрослой” поэзии, ищет своего лирического героя: “Если говорить о подростках, то им нужна поэзия романтическая, балладная, сюжетная, на грани с романсом. Такая, которая кажется им красивой и как бы “на вырост” – создает ощущение, что они уже читают не детские стихи, а что-то взрослое, что в то же время понятно» [Асонова 2018: 23–24]. Актуальными явились методические подходы для освоения классики в школе, предложенные И. Н. Сухих, О. В. Смирновой; базовыми работами, предлагающими трактовки пушкинских стихотворений, включенными в школьный курс, стали исследования Ю. М. Лотмана [1996], Т. Я. Сильман [1977]. Предложенные разборы и интерпретации стихотворений выполнены в русле структурно-системного подхода.

Изложение материала

Учащимся начальной школы и 5–6-классникам можно предложить короткие остроумные стихотворения А. Гиваргизова.

Света и Гаврилов
 Болеть мы любим, только Света
 Болеть не любит и Гаврилов.
 Они сидят на задней парте,
 И если б парта говорила,
 Она б сказала: «Посмотрите!
 Они – Ромео и Джульетта!»
 К доске ушел Гаврилов Витя.

«Я буду ждать», – сказала Света [Гиваргизов 2017: 30].

Разговор о стихотворении не должен быть долгим. Можно начать с вопроса о том, кажется ли ученикам ситуация узнаваемой и смешной. Скорее всего, первые слова – «болеть мы любим» – мотивируют школьников выразить согласие: да, иногда

хочется заболеть, особенно когда планируется контрольная. Признание героя (он говорит от лица всего класса: «мы») кажется неожиданным и смешным, ведь дети скрывают свое желание пропустить школу. Смех может вызывать и образ говорящей парты, и торжественно-высокопарное «Я буду ждать»; и др. Почему в стихотворении, вызывающем смех, появляются имена Ромео и Джульетты – героев знаменитой трагедии В. Шекспира? На данном этапе учитель сможет коротко рассказать об истории любви подростков из враждовавших семей, о том, как их чувства положили конец распрям и раздору. Предложим подумать, действительно ли Гаврилов и Света похожи на Ромео и Джульетту. Ответы могут быть разными: да, похожи, потому что ответ у доски – серьезное испытание, особенно для Гаврилова с последней парты (обычно на последней парте сидят не самые любознательные ученики); нет, не похожи, потому что то, что вынесли герои трагедии Шекспира, не сопоставимо с ответом у доски. Разговор о стихотворении, в зависимости от детских ответов, позволит учителю говорить об авторской иронии – способе изображения и оценки, когда говорится одно, а подразумевается противоположное.

Та же ситуация «У доски» изображена в стихотворении М. Бершадской «Море, которого нет на карте...», оно также может быть рекомендовано для чтения школьниками 5–6 класса:

Море, которого нет на карте,
 Плещется на последней парте –
 Просто его никто не видит.
 Юркие рыбки и камень гладкий,
 Волны у края моей тетрадки,
 Хрупкие створки мидий.

Я не открыл никаких америк,
 Там, у доски, неизвестный берег,
 Цифры Кравцова пишет.
 Тихо дрейфует моя галерка,
 А у Кравцовой опять пятерка,
 Я б рассказал ей о море, только
 Боюсь, она не услышит.

Были счастливыми капитаны,
 Им открывались чужие страны,
 Их не ругали в школе.
 Брызги морские летят на парту.
 Я нарисую в тетради карту.
 Самую новую в мире карту –
 Саши Кравцовой море [Бершадская 2015: 14–15].

Предложим учащимся список известных морей и попросим предположить, почему каждое море из списка так названо. Часть морей названы по особенностям цвета (Черное море, Желтое море, Красное море), расположению (Северное море, Средиземное море), часть – по именам их исследователей и первооткрывателей (Море Лаптевых, Берингово море и др.). В стихотворении речь пойдет о море Саши Кравцовой. Существует ли оно в реальности? Попросим детей выписать в две колонки слова на школьную и морскую тематику. Выполняя задание, школьники обратят внимание, что герой стихотворения, говорящий о море, нахо-

дится на уроке, однако сказано, что море окружает мальчика («волны у края моей тетрадки», «море... плещется на последней парте», «брызги морские летят на парту»). Мальчик «дрейфует» в данный момент, и для него море более чем реально. Обсудим, что значит «дрейфовать» (отклоняться от курса, плыть по направлению ветра) и как человек чувствует себя при этом. «Дрейф» не мешает герою создавать «самую новую в мире карту» с морем Саши Кравцовой, которое он сам и открыл. Море названо в честь девочки, которая отвечает у доски, и в ней спасение героя («Там, у доски, неизвестный берег. Цифры Кравцова пишет»), перед нами стихотворение о любви. Подумаем: взаимно ли чувство героя? Слова: «я б рассказал ей о море, только / Боюсь, она не услышит» – говорят о невзаимности (для отличницы Кравцовой мальчика «с галерки» просто не существует). Завершить разговор о стихотворении можно небольшой письменной работой, дав школьникам время подобрать слова для описания чувств героя (возможные темы работы: «Дай стихотворению свое название и прокомментируй его»; «Почему в стихотворении о школьном уроке много “морских” слов?»; «Что “открыл” герой стихотворения, кроме моря Саши Кравцовой?» и др.). Комментируя работы учеников, учитель сможет расставить акценты: даже для смелых капитанов разговор о любви, признание – сложное дело. Быть деятельным, храбрым, отважным – это здорово, но и смельчаку не так просто сказать о своих чувствах, подобрать слова, это особое умение. Герой стихотворения говорит о море не случайно, этот образ помогает выразить чувства: Саша Кравцова оказывается для героя прекрасной, как море, и далекой, как море, а сам он «дрейфует» в море чувств.

Примыкает к стихотворению М. Бершадской стихотворение «Сон» М. Вейцмана (стихотворение из списка, предложенного Е. Нечаевой) – в нем также есть ситуация опасного приключения, но уже не морского, а воздушного:

Мне снилось: я – парашютист
(Во сне ведь все мечты сбываются),
Лечу к земле, кружась, как лист.
Но парашют не раскрывается.
Рыдают верные друзья,
Слезами завуч обливается.
Увы! Спасти меня нельзя,
Ведь парашют не раскрывается!
И вот я падаю с небес.
А в детском парке у «Столичного»
Марина Д. спокойно ест
вторую порцию клубничного.
И я зову её, зову...
Она молчит, не отзывается.
Я просыпаюсь.
Я – живу!
...А парашют не раскрывается...⁴ [Вейцман].
Предложим прочитать стихотворение без по-

⁴ (Не)Стихнет: хорошие стихи для хороших уроков. Сайт Нечаевой Елены. URL: https://ne-stihnet.ru/?page_id=809 (дата обращения: 05.05.2024).

следней строфы (точнее, оборвав его на строках «И я зову ее, зову... Она...») и попросим придумать окончание текста. Для кого-то стихотворение закончится так же, как у Бершадской, – молчанием девочки. Кто-то предложит счастливый финал (героиня спасает героя). Возможно, кто-то акцентирует внимание на ситуации сна и смоделирует пробуждение героя, расхождение или сближение сна и реальности. Познакомим ребят с авторским финалом и попросим уточнить: о том же самом парашюте идет речь в последней строке или о другом? Вопрос позволит перевести размышления в сферу не события, но переживания: сон закончился, но ощущение полета без парашюта осталось: таково, видимо, состояние влюбленного – ощущение, что мир перестал быть понятным, гармоничным, контролируемым и что ты крайне уязвим. «Парашют» в финале – это все привычные и понятные «страховки», которые раньше помогали, но вмиг исчезли.

Стихотворение Марии Бершадской «Самый прекрасный в мире звук...» подводит школьников вплотную к «чудному мгновенью» из пушкинского стихотворения:

Самый прекрасный в мире звук –
писк телефона и сердца стук:
«Получено новое сообщение» –
и земля останавливает вращение,
И трамвай не грохочет, и пудель не лает,
И четвертый снежок ты бросаешь мне вслед,
Он за мною летит уже тысячу лет,
И пока я читаю – он не долетает [Бершадская 2015: 28].

Попросим школьников объяснить, что произошло с миром после получения смс, и можно ли предположить, от кого оно? Читатели-школьники обнаружат, что из мира исчезают звуки, парадоксально замедляется время, останавливается движение, перестает существовать игра («снежок ... не долетает»). Вся жизнь для героя теперь сосредоточена на сообщении – интересно, от кого? (сходная «трансформация мира» заметна и в стихотворении К. Стрельниковой «Без тебя»: «Силой воли, силой взгляда / Заклинаю: “Повернись!” // Мне тебя увидеть надо, / Без тебя какая жизнь? // Без тебя урок длиннее, / Без тебя пустеет класс, / Выворачиваю шею, / Чтоб увидеть твой анфас»)⁵. К этим стихотворениям детских поэтов можно будет вернуться позднее, в 9 классе, чтобы увидеть, как «вечные» темы и сюжеты преобразуются в современной детской поэзии: здесь и пушкинское «чудное мгновенье», и Фауст с его знаменитым: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно».

Стихотворение М. Я. Бородицкой «Прогульщик и прогульщица» можно предложить для чтения более старшим школьникам 7–8 класса:

Прогульщик и прогульщица
Прогуливали день:
Брели вдвоём сквозь белый свет
И голубую тень,

⁵ Там же.

По самой лучшей из дорог
Испытанной и старой,
И проходили за урок
По полтора бульвара.

Прогульщик и прогульщица
Расстаться не могли.
Когда бульвары кончились,
Они в музей зашли.

Повесив куртки на крючки,
В египетском отделе
В пластмассовые номерки
Друг дружке пальцы вдели [Бородицкая 2018: 56].

На первом плане в стихотворении – ситуация пропусков школьных уроков, что для подростков довольно типично и выступает своего рода знаком взрослости. Спросим школьников, как автор (взрослый человек) относится к ситуации? По всей видимости, неплохо, потому что прогуливание уроков как будто поэтизируется, оно изображено очень красиво: белый свет, голубая тень. Объясним ребятам, что такое «Египетский отдел» – это, скорее всего, часть Эрмитажа, т. е. ребята гуляют по Санкт-Петербургу (возможно, и по любому другому городу, где есть «Египетский зал»), и это тоже способ опозитизировать их отношения. Предложим школьникам (по желанию) самим проложить маршрут для такого «прогуливания уроков»: какие места их города наполнены красотой и поэтичностью? Идеализация подросткового возраста свойственна М. Я. Бородицкой; в стихотворении «С мудреной задачкой управясь...» мальчики и девочки сопоставлены поэтом с героями приключенческих романов, главной доблестью которых считались честь и достоинство, способность на романтические чувства:

Из тусклых обложек тетрадных
Верхом унесётся душа
В страну облачений парадных,
Где можно играть не спеша,
Где вдоволь и блеска, и риска,
И брезжит счастливый конец...
Летит над рядами записка.
Торопится тайный гонец [Бородицкая 2018: 61].

М. Я. Бородицкая называет среди своих литературных учителей Валентина Дмитриевича Берестова – «дядю Валю». Пик творчества В. Д. Берестова приходится на 1960–1980-е годы, назвать его современным поэтом можно только с долей условности; кроме того, за Берестовым закрепилась репутация «детского поэта». Однако знакомство с лучшими его книгами позволяет заключить, что в творчестве Берестова много стихотворений именно для подростков, тема любви раскрывается в его творчестве в самых разных регистрах, что делает его стихотворения замечательным подспорьем для учителя-словесника. Мы попробуем показать, что работа со стихотворениями Берестова в школе может стать способом более осмысленного приближения к пушкинской любовной лирике.

Стихотворение В. Берестова «Чары» может быть предложено в 5–6 классах:

Два года для школьника страшная разница.
Вот рядом со мною сидит старшекласница.
И вдруг на меня устремляется взгляд,
Которым пленен мой двоюродный брат.
Мне все старшекласницы кажутся старыми,
Но дрогнул и я перед этими чарами.
Глядит на меня, будто я – это он.

О счастье, что я ни в кого не влюблён! [Берестов 1998: 150].

Школьникам можно предложить два типа заданий по стихотворению: аналитические и творческие. Аналитические: 1) Как ты думаешь, сколько лет герою, который рассказал об этом случае? Школьники обратят внимание на строку «Мне все старшекласницы кажутся старыми»: выбор слова «старыми» говорит о том, что мальчик еще маленький, даже ученики старших классов кажутся ему невероятно взрослыми, скорее всего, это ученик начальной школы. 2) Выпиши из стихотворения слова, которые сегодня не используются или используются редко. Почему они попали в стихотворение поэта XX века (и в речь героя)? Ребята обратят внимание на слова «чары» (волшебство, магия, очарование), «пленен», «дрогнул», «устремляется», возможно, отметят оборот «О счастье!» как слишком «высокий». Почему же мальчик из начальной школы использует их в своей речи? Скорее всего, потому, что он говорит о чувстве, которое ему пока не только не знакомо, но даже страшит его. Для описания непонятного и таинственного подходят «другие», необычные слова. Учитель может прокомментировать, что даже прохождение «по касательной» к любви что-то делает с человеком. Любовь мотивирует искать новые слова, обновлять речь и взрослеть. В 9 классе при разговоре о стихотворении «К***» можно будет вспомнить стихотворение «Чары»: смысл «высокой» фразы «гений чистой красоты» объяснить нельзя, но можно почувствовать, что речь идет о ком-то невыразимо прекрасном: «Я помню чудное мгновенье: / Передо мной явилась ты, / Как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты...» [Пушкин 1980: 258].

Другой тип задания к стихотворению «Чары» позволит нам перевести разговор о стихотворении в творческий, «игровой» формат, столь необходимый при работе с пятиклассниками; предложим школьникам ситуацию: «Представь, что герой стихотворения разговаривает со своим двоюродным братом. Что тот рассказал ему о любви такое, что герой не хочет влюбляться? Напиши их диалог». Задание позволит школьникам «проговорить» свои представления о том, что такое влюбленность, будучи при этом «в роли» героя стихотворения.

Довольно драматичное стихотворение В. Д. Берестова «Скамья над рекой» может стать способом начать разговор о сложностях любовного чувства в 7–8 классах, тем более что ситуативно (герой у реки) оно соотносится со стихотворением А. С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (рекомендовано для изучения в 7 классе).

Скамья над рекой
Поцеловала. Села. Он садится.

Глядят, не видя, в сторону мою.
 Для них, больших, я что-то вроде птицы,
 Нечаянно присевшей на скамью.
 По радио сказали: лёд с верховья
 Уже идет. Я ледохода жду.
 И что мне эти двое с их любовью!
 Не стыдно, так целуйтесь на виду.
 А по льду вешки всё еще маячат,
 Блестят следы полозьев и колес.
 И страшно мне, что на скамейке плачут
 Он и она. И не боятся слез [Берестов 1998: 18].

В стихотворении есть развернутый фабульный план, от которого можно оттолкнуться при разговоре. Действие происходит весной, на берегу большой реки (прокомментируем: «вешки» на реке означают, что в этом месте безопасно передвигаться по льду на транспорте). Мальчик пришел смотреть на ледоход и стал свидетелем встречи влюбленных. Что он при этом испытывает? В первой строфе он сначала фиксирует происходящее (об этом говорят короткие предложения), затем в его словах ощущается некоторая обида: на него не обращают внимания, выбирая место для свидания («Для них, больших, я нечто вроде птицы»). Во второй строфе уже звучит некоторое раздражение, за ним скрывается неловкость («И что мне эти двое с их любовью!»). В третьей строфе появляется слово «страшно» (вспомним, оно уже звучало в стихотворении Берестова «Чары»): мальчик неожиданно становится свидетелем не счастливой встречи влюбленных, а конца любви, разлуки, и в этот момент ему открывается парадокс чувства: начиналось поцелуем, а закончилось слезами; встреча оборачивается расставанием, счастье – непониманием. Открытие мальчика, равно как и многоступенчатое его переживание (от деланного равнодушия, раздражения к страху и тревоге), позволит двигаться к пушкинскому «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»: учащимся легче «примерить» на себя открытие, сделанное героем, близким по возрасту, а затем сосредоточиться на образе взрослого героя, даже в разлуке ощущающем парадоксальную «светлую печаль». О природе «светлой печали», пожалуй, точнее всего написал Ю. М. Лотман [Лотман 1995: 801–802]; в книге И. Н. Сухих «Литература. 9 класс. Практикум» фрагмент из статьи Ю. М. Лотмана предлагается школьникам на уроке с пушкинским стихотворением [Литература... 2014: 268].

Внешне простое и короткое по объему стихотворение В. Д. Берестова «Руки твоей прикосновение...» может быть предложено 9-классникам и оказаться ключом к прочтению стихотворений А. С. Пушкина «К***» и «Я вас любил; любовь еще, быть может...»:

Руки твоей прикосновение,
 И стала радостью беда.
 «Неповторимое мгновенье!» –
 Успел подумать я тогда.
 Но знал, что будет вспоминаться
Неповторимый этот миг
 И повторяться, повторяться
В воспоминаниях моих [Берестов 1998: 19].

Легко заметить, что это стихотворение, особенно вторая строфа, строится на повторах: четырежды повторены слова *неповторимое (мгновенье)* – *неповторимый (миг)* – *повторяться* – *повторяться*; дважды повторены «вспоминаться» и «воспоминаниях». Школьники знают, что неоправданное повторение однокоренных слов в тексте является ошибкой. Оправдан ли повтор здесь и чем? В первой строфе фиксируется главное событие рассказанной истории (по Т. Сильман, это «толчок» – повод для дальнейшего переживания [Сильман 1977: 90]). Таким поводом стало случайное прикосновение руки любимой, для героя это миг, предельно наполненный счастьем и поэтому неповторимый (о улыбке любимой девочки как масштабном событии в жизни героя см. в стихотворении М. Вейцмана «Я к тебе стесняюсь подойти...»⁶). Повторы одних и тех же слов могут указывать на сосредоточенность героя на этом миге, его погруженности в него, нежелании освободиться от его власти.

Стихотворение А. С. Пушкина «Я вас любил...» традиционно включается в школьную программу, но оно крайне сложно поддается анализу в школьной аудитории: в нем нет «высоких слов», привычных специальных средств выразительности – лишь «стертая» метафора «любовь угасла не совсем». Оттолкнуться при разговоре можно от тех же самых повторов, которые школьники зафиксировали как средство художественной выразительности в стихотворении Берестова (о том, что «повтор» успешно осознается школьниками как средство эстетической выразительности, пишет, например, И. Л. Шолпо [Шолпо 2006]). Попросим учеников подчеркнуть, «выделить цветом», выписать все повторы – фразы, повторы одного слова, грамматических форм, звуко сочетаний:

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
 В душе моей угасла не совсем;
 Но пусть она вас больше не тревожит;
 Я не хочу печалить вас ничем.
 Я вас любил безмолвно, безнадежно,
 То робостью, то ревностью томим;
 Я вас любил так искренно, так нежно,
 Как дай вам Бог любимой быть другим [Пуш-

кин 1980: 320].

Учащиеся замечают, что этот текст еще сильнее, чем стихотворение Берестова, «прошит» повторами. Первый ряд: любил – любовь – любил – любил – любимой; второй ряд: шестикратный повтор «вас» и четырехкратный слова «я»; третий – сочетания слов с отрицательными частицами «не» и «ни», слова со значением отсутствия (не совсем, не тревожит, не хочу, ничем, безмолвно-безнадежно); четвертый: **то** робостью, **то** ревностью **томим**; пятый: так искренно, так нежно. Повторы в стихе, во-первых, делают его мелодичным, музыкальным; во-вторых, они говорят о сосредоточенности на ситуации, о том, что она «не отпускает» говорящего, о том, что герой поглощен ею.

⁶ (Не)Стихнет: хорошие стихи для хороших уроков. Сайт Нечаевой Елены. URL: https://ne-stihnet.ru/?page_id=809 (дата обращения: 05.05.2024).

Обратим внимание, что лирический герой использует много слов со значением «отрицания» и «отсутствия» для описания своего состояния, он как будто уговаривает себя, что любовь «угасла», однако парадоксально весь текст говорит об обратном⁷.

Привлечь то же стихотворение В. Берестова будет логично и при обращении к стихотворению «К***», тем более что в текстах есть значимые текстуральные совпадения: «Я помню чудное мгновенье» и «Неповторимое мгновенье!»; «Я помню» – «будет вспоминаться...», «в воспоминаниях моих»; немало важно, что стихотворения идентичны ритмически (можно «поиграть» с «перемешиванием» строчек двух стихотворений – ритм не разрушится: Я помню чудное мгновенье / и стала радостью беда / как мимолетное мгновенье / Успел подумать я тогда). Подобное сходство стихотворений говорит о том, что Берестов сознательно строит текст, давая отсылку к пушкинскому стихотворению.

Традиционно стихотворение «К***» толкуется в школе как высказывание о спасительной силе любви, о том, что она способна вернуть человека к жизни, сделать существование осмысленным. Почвой для таких трактовок стали, например, наблюдения Т. Сильман о том, что структурно 2–5 строфы выстроены по модели «толчок» – «внутреннее переживание», где внешние события, в том числе явление возлюбленной (5 строфа), особым образом воздействуют на героя [Сильман 1977: 143]. Однако та же пятая строфа говорит о том, что явлению героини предшествовало пробуждение души, т. е. логика событий здесь обратная, о чем пишет, например, О. В. Смирнова: «Вообще в 19 веке красавиц воспевали и прославляли (в альбомах например) – это была часть культуры, своего рода условность. Но Пушкин эти традиционные комплименты наполнил смыслом: красота возвышает (пробуждает, очищает) душу. Поэтому он назовет ее “святыней”, не побоится сравнить красавицу (Наталью Николаевну) с Мадонной. “Я помню чудное мгновенье...” придется разбирать “формально”. Спросить, какая связь между любовью и вдохновением (оживлением души)? Оказывается, что любить способна только пробудившаяся душа – к ней-то и является “гений чистой красоты” (а не наоборот)» [Смирнова]. Так вот, интерпретация стихотворения Берестова перед работой со стихотворением «К***» позволит задать школьникам вопрос: аналогична ли ситуация в стихотворении Пушкина ситуации в стихотворении Берестова? Прежде всего, важно, что у Берестова речь идет о миге, о сосредоточенности героя на мгновении счастья, а в стихотворении Пушкина о «чудном мгновении» сказано лишь в 1–2 строфах. Далее герой прямо говорит, что «бурь порыв мятежный» заставил забыть чудесный миг. Нельзя не заметить, что стихотворение Пушкина длиннее, чем у Берестова, в нем раскрывается внешняя канва жизни героя, которому пришлось много пережить («бури», «заточенье») – и это привело его к суще-

ствованию «без божества, без вдохновенья». Кульминацией разговора может стать обращение к пятой строфе стихотворения, раскрывающей пушкинский взгляд на любовь: к ней нужно быть готовым (Пушкин не объясняет, что должно произойти), и это, скорее всего, может стать для подростков, страшно желающих любви и признания, важным выводом, своего рода терапией: чтобы пришла любовь, душа должна быть в особом состоянии. Итак, внешне сходные и говорящие о чудесном воздействии любви на человека два стихотворения очень различны; использование на уроке стихотворения Берестова позволит углубить пушкинскую концепцию любви, оттенить то, что будет важным в стихотворении классика именно для подростка.

Выводы и рекомендации

В статье предложены стихотворения для школьников разных возрастных групп, хотя деление является условным, и все будет зависеть от готовности аудитории к разговору. Выбирая стихотворения о любви для чтения в среднем звене, желательно предпочесть сюжетные стихотворения, в которых узнается обстановка (школьная жизнь, игра), есть «авантюрный» план образа (морское путешествие, спуск на парашюте), стихотворения вызывают улыбку, а говорящий субъект – ребенок. По мере взросления читателя-школьника можно предлагать стихотворения, в которых чувство показано как сложное, изменяющееся, парадоксальное. Задания могут ориентировать как на элементы анализа текста, так и на игру, творчество. Рассмотренные стихотворения для разных возрастных групп перекликаются друг с другом на уровне ситуаций, образов и особенностей поэтики, что позволяет учителю актуализировать уже известное, накапливать слова для разговора о лирике любви. Подчеркнем, что учитель может расширить круг стихотворений, обратившись к творчеству и других ярких детских поэтов (см., например, о современных поэтах в работах А. А. Кочергиной [2017], Н. В. Барковской [2020], Т. А. Кругляковой [2022]), книге М. Яснова «Путешествие в чудество» [Яснов 2014]).

Последовательное обращение к стихотворениям о любви, в которых воплощается детский и подростковый взгляд на чувство, сделает более аккуратным, осознанным обращение к стихотворениям о любви в 9 классе. Школьникам будет ясно, что для разговора о любви нужен особый язык. Что иногда слов катастрофически не хватает, и ты не можешь выпасть из цепочки одних и тех же выражений – так ты сосредоточен на чувстве. Что иногда чувство заставляет искать новые, другие слова – и тогда в стихи (и в нашу речь) входит «высокая» лексика («гений чистой красоты», «чары» «дрогнул»), сравнения (чувство к Кравцовой можно описать через образ моря). Что любовь может быть «безмолвной» и «безнадежной». Что в любви один для другого становится целым миром. Что любовь меняет структуру мира и тебя самого – ты испытываешь странные состояния, например, «светлую печаль», когда есть расставание, но есть и светлая память, которая смягчает разлуку.

⁷ В качестве подступа к пушкинскому «Я вас любил...» можно рекомендовать и стихотворение Д. Самойлова «Ревность».

Литература

- Асонова, Е. А. Какая поэзия хороша для детей и подростков / Е. А. Асонова // Читатель в поиске / под ред. Е. А. Асоновой, Е. В. Романичевой. – М. : Библиомир, 2018. – С. 17–25.
- Асонова, Е. А. Классика в зеркале современной литературы / Е. А. Асонова // Детские чтения. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 307–315.
- Барковская, Н. В. Серия «Библиотека Михаила Яснова»: поэт как организатор книжного пространства / Н. В. Барковская // Детские чтения. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 123–134.
- Берестов, В. Д. Избранные произведения : в 2-х т. Т. 2 / В. Д. Берестов. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 1998. – 608 с.
- Бершадская, М. Море, которого нет на карте: стихи / М. Бершадская. – М. : РОСМЭН, 2015. – 64 с.
- Бокарев, А. С. Классические традиции в современной русской поэзии как объект изучения на уроках литературы в школе / А. С. Бокарев // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 2. – С. 62–66.
- Борусяк, Л. Любовь к поэзии и просто любовь (анализ контента сообществ в соцсети ВКонтакте, посвященных русским поэтам) / Л. Борусяк. – Текст : электронный // Литература. Журнал для учителей-словесников. – 2015. – № 1 (818). – С. 55–61. – URL: <https://publications.hse.ru/articles/145519188> (дата обращения: 05.05.2024).
- Бородицкая, М. Я. Тайный гонец / М. Я. Бородицкая. – М. : Эгмонт, 2018. – 64 с.
- Вейцман, М. Стихи русских поэтов / М. Вейцман. – URL: <https://stihi-russkih-poetov.ru/poems/mark-veustan-son> (дата обращения: 05.05.2024). – Текст : электронный.
- Гиваргизов, А. Про драконов и милиционеров / А. Гиваргизов. – М. : Эгмонт, 2017. – 128 с.
- Дубин, Б. В. Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре / Б. В. Дубин. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 345 с.
- Как вырастить читателя: психолого-педагогические основы работы библиотекаря / под общ. и науч. ред. А. В. Березиной. – М. : Библиомир, 2022. – 192 с.
- Кочергина, А. А. Поэтика авангарда в творчестве современных детских писателей : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Кочергина. – Волгоград, 2017. – 24 с.
- Круглякова, Т. А. Русская детская литература – в помощь учителю русского языка : пособие для учителя / Т. А. Круглякова. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. – 288 с.
- Кучина, Т. Г. Современный отечественный литературный процесс. 11 кл. : учебное пособие. Профильный уровень / Т. Г. Кучина. – М. : Дрофа, 2006. – 352 с.
- Литература. 9 класс : книга для учителя / под ред. И. Н. Сухих, С. П. Белокуровой. – М. : Издательский центр «Академия», 2015. – 288 с.
- Литература. 9 класс. Практикум: основное общее образование / под ред. И. Н. Сухих, С. П. Белокуровой. – М. : Издательский центр «Академия», 2014. – 416 с.
- Лотман, Ю. М. А. С. Пушкин. [Анализ стихотворений] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – С. 784–809.
- Методика преподавания литературы : учебное пособие для студентов и преподавателей : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. О. Ю. Богдановой, В. Г. Маранцмана. – М. : Просвещение ; ВЛАДОС, 1995. – 288 с.
- Пушкин, А. С. Избранные сочинения : в 2-х т. Т. 1 / А. С. Пушкин. – М. : Художественная литература, 1980. – 814 с.
- Рогожина, И. В. Проблемы включения поэзии последних десятилетий в круг чтения старшеклассников / И. В. Рогожина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Серия: Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – Т. 19, № 1. – С. 33–38.
- Сильман, Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. – Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1977. – 223 с.
- Смирнова, О. В. Чисто по-человечески. Материалы к урокам / О. В. Смирнова. – URL: <https://slovesnik.org/kopilka/metodicheskie-razrabotki/chisto-po-chelovecheski-materialy-k-urokam.html> (дата обращения: 05.05.2024). – Текст : электронный.
- Хафизова, Э. Т. Критерии отбора текстов современных поэтов для изучения в школе / Э. Т. Хафизова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 109–114.
- Шолпо, И. Л. Рождение слова на уроках творчества / И. Л. Шолпо. – Текст : электронный // Литература. Учебно-методический журнал для учителей словесности. – 2006. – № 21. – URL: <https://lit.isept.ru/article.php?ID=200602110> (дата обращения: 05.05.2024).
- Яснов, М. Д. Путешествие в чудество: книга о детях, детской поэзии и детских поэтах / М. Д. Яснов. – СПб. : Союз писателей СПб ; Фонд «Дом детской книги», 2014. – 360 с.

References

- Asonova, E. A. (2018). Kakaya poeziya khorosha dlya detei i podroستkov [What Kind of Poetry is Good for Children and Teenagers?]. In Asonova, E. A., Romanicheva, E. V. (Eds.). *Chitatel' v poiske*. Moscow, Bibliomir, pp. 17–25.
- Asonova, E. A. (2019). Klassika v zerkale sovremennoi literatury [The Classics Reflected in Modern Literature]. In *Detskie chteniya*. Vol. 15. No. 1, pp. 307–315.

- Barkovskaya, N. V. (2020). Seriya «Biblioteka Mikhaila Yasnova»: poet kak organizator knizhnogo prostranstva [The «Library of Mikhail Yasnov» Series: The Poet as a Curator of Book Space]. In *Detskie chteniya*. Vol. 18. No. 2, pp. 123–134.
- Berestov, V. D. (1998). *Izbrannye proizvedeniya: v 2-kh t.* [Selected Works, in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. 608 p.
- Berezina, A. V. (Ed.). (2022). *Kak vyrastit' chitatel'ya: psikhologo-pedagogicheskie osnovy raboty bibliotekarya* [How to Grow a Reader: Psychological and Pedagogical Foundations of Librarian Work]. Moscow, Bibliomir. 192 p.
- Bershadskaya, M. (2015). *More, kotorogo net na karte: stikhi* [The Sea Which is not on the Map: Poetry]. Moscow, ROSMEN. 64 p.
- Bogdanova, O. Yu., Marantsman, V. G. (Eds.). (1995). *Metodika prepodavaniya literatury: v 2 ch.* [Methodology of Literature Teaching, in 2 parts]. Part 1. Moscow, Prosveshchenie, VLADOS. 288 p.
- Bokarev, A. S. (2017). Klassicheskie traditsii v sovremennoi russkoi poezii kak ob"ekt izucheniya na urokakh literatury v shkole [The Classical Tradition in Modern Russian Poetry as an Object of Literature Study in Schools]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 2, pp. 62–66.
- Boroditskaya, M. Ya. (2018). *Tainyi gonets* [Secret Messenger]. Moscow, Egmont. 64 p.
- Borusyak, L. (2015). Lyubov' k poezii i prosto lyubov' (analiz kontenta soobshchestv v sotsseti VKontakte, posvyashchennykh russkim poetam) [Love for Poetry and Simple Love (Analysis of the Content of Communities in the VKontakte Social Network Dedicated to Russian Poets)]. In *Literatura. Zhurnal dlya uchitelei-slovesnikov*. No. 1 (818), pp. 55–61. URL: <https://publications.hse.ru/articles/145519188> (mode of access: 05.05.2024).
- Dubin, B. V. (2010). *Klassika, posle i ryadom. Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, After and Nearby. Sociological Essays on Literature and Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 345 p.
- Givargizov, A. (2017). *Pro drakonov i militsionerov* [About Dragons and Police Officers]. Moscow, Egmont. 128 p.
- Khafizova, E. T. (2016). Kriterii otbora tekstov sovremennykh poetov dlya izucheniya v shkole [Criteria for the Selection of Texts by Contemporary Poets for School Study]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 3, pp. 109–114.
- Kochergina, A. A. (2017). *Poetika avangarda v tvorchestve sovremennykh detskikh pisatelei* [The Poetics of the Avant-garde in the Works of Contemporary Children's Writers]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd. 24 p.
- Kruglyakova, T. A. (2022). *Russkaya detskaya literatura – v pomoshch' uchitelyu russkogo yazyka* [Russian Kids' Literature – to Help the Teachers of Russian Language]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 288 p.
- Kuchina, T. G. (2006). *Sovremennyyi otechestvennyi literaturnyyi protsess. 11 kl. Profil'nyi uroven'* [Modern Literary Process of Russia. 11th Grade. Profile Level]. Moscow, Drofa. 352 p.
- Lotman, Yu. M. (1996). A. S. Pushkin. [Analiz stikhotvorenii] [A. S. Pushkin. Analysis of Poems]. In Lotman, Yu. M. *O poetakh i poezii*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPb, pp. 784–809.
- Pushkin, A. S. (1980). *Izbrannye sochineniya: v 2-kh t.* [Selected Works, in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 814 p.
- Rogozhina, I. V. (2017). Problemy vklyucheniya poezii poslednikh desyatiletii v krug chteniya starsheklassnikov [Problems of Inclusion of Poetry of the Last Decades in a Circle of Seniors' Reading]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Seriya: Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. Vol. 19. No. 1, pp. 33–38.
- Sholpo, I. L. (2006). Rozhdenie slova na urokakh tvorchestva [The Birth of the Word in Creative Lessons]. In *Literatura. Uchebno-metodicheskii zhurnal dlya uchitelei slovesnosti*. No. 21. URL: <https://lit.isept.ru/article.php?ID=200602110> (mode of access: 05.05.2024).
- Silman, T. I. (1977). *Zametki o lirike* [Notes on the Lyrics]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie. 223 p.
- Smirnova, O. V. *Chisto po-chelovecheski. Materialy k urokam* [Humanly. Materials for Use in Class]. URL: <https://slovesnik.org/kopilka/metodicheskie-razrabotki/chisto-po-chelovecheski-materialy-k-urokam.html> (mode of access: 05.05.2024).
- Sukhikh, I. N., Belokurova, S. P. (Eds.). (2014). *Literatura. 9 klass. Praktikum: osnovnoe obshchee obrazovanie* [Literature. 9th grade. Practicum: Basic General Education]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 416 p.
- Sukhikh, I. N., Belokurova, S. P. (Eds.). (2015). *Literatura. 9 klass* [Literature. 9th Grade]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 288 p.
- Veytsman, M. *Stikhi russkikh poetov* [Poems by Russian Poets]. URL: <https://stihy-russkih-poetov.ru/poems/mark-veytsman-son> (mode of access: 05.05.2024).
- Yasnov, M. D. (2014). *Puteshestvie v chudetstvo: kniga o detyakh, detskoi poezii i detskikh poetakh* [A Journey into «Chudetstvo»: A Book about Children, Children's Poetry and Children's Poets]. Saint Petersburg, Soyuz pisatelei SPb, Fond «Dom detskoj knigi». 360 p.

Данные об авторе

Гутрина Лилия Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).
Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: gutrina@bk.ru.

Author's information

Gutrina Liliya Dmitrievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

УДК 372.881.161.1+371.275. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-195-202. ББК Ч426.819=411.2-281.32.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.5

ДИКТУМНО-МОДУСНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСХОДНОГО ТЕКСТА В СОЧИНЕНИЯХ ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Ким Л. Г.

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1712-9663>

SPIN-код: 5341-1762

Парфиненко О. Н.

Лицей № 62 (Кемерово, Россия)

А н н о т а ц и я . В статье, выполненной в русле интерпретирующей лингвистики, рассматриваются диктумно-модусные трансформации исходного текста, представленные в сочинениях по русскому языку учащихся в формате ЕГЭ. Актуальность исследования определяется необходимостью установления факторов, детерминирующих множественную вариативность интерпретации проблемы исходного текста, сформулированную в сочинениях учащихся. Цель статьи заключается в выявлении диктумно-модусных вариантов интерпретации исходного текста, получивших воплощение в сочинениях учащихся, и установлении факторов, обуславливающих множественность и вариативность вербализации диктумного и модусного значений. Разработка идеи диктумно-модусных трансформаций текста осуществляется на материале 50 сочинений учащихся 11 класса, написанных по тексту В. С. Шефнера. Научная новизна предлагаемого исследования определяется аспектом рассмотрения сочинений учащихся как интерпретирующих текстов. В результате применения совокупности методов (лингвистического описания, сопоставительного метода и метода контент-анализа), используемых в процессе анализа фрагментов сочинений школьников, была установлена множественная вариативность понимания и языковой экспликации проблемы исходного текста на уровне как диктума, так и модуса. Формулировки проблемы исходного текста на уровне выражения диктумного значения (*проблема бессмертия – проблема человеческих поступков – проблема памяти – проблема сохранения в природе следов человека – проблема уважения к людям*) определяется лексико-грамматическим разнообразием текстов сочинений и варьированием пропозициональной структуры высказываний. Модусные значения и средства их выражения представлены совокупностью следующих вариантов: нейтральный утвердительный модус, нейтральный отрицательный модус, модус веры в возможность обретения бессмертия, модус сомнения в возможности обретения бессмертия, оценочный модус.

Результаты исследования могут быть использованы для развития интерпретирующей лингвистики, теории вариативно-интерпретационного функционирования текста, теории деривационного развития текста, семантического синтаксиса, а также применены в лингводидактике при анализе сочинений формата ЕГЭ и обучении школьников написанию вторичных текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : интерпретирующая лингвистика; интерпретационное функционирование текста; фактор адресата; сочинение ЕГЭ; диктум; модус; диктумно-модусные трансформации

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ким, Л. Г. Диктумно-модусные интерпретации исходного текста в сочинениях ЕГЭ по русскому языку / Л. Г. Ким, О. Н. Парфиненко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 195–202. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-195-202.

DICTION-MODUS INTERPRETATIONS OF THE SOURCE TEXT IN THE UNIFIED STATE EXAM ESSAYS IN RUSSIAN

Lidiya G. Kim

Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1712-9663>

Oksana N. Parfinenko

Lyceum No. 62 (Kemerovo, Russia)

A b s t r a c t . The article, written within the framework of interpretive linguistics, examines the dictum-modus transformations of the source text presented in the students' essays in the format of the Unified State Exam (USE). The urgency of the study can be attributed to the need to establish the factors, determining the multiple variability of interpretation of the source text problem, formulated in the students' essays. The aim of the article is to identify the dictum-modus variants of the interpretation of the source text, used in the students' essays, and to establish the factors contributing to the multiplicity and variability of verbalization of dictum and modus meanings. The development of the idea of dictum-modus text transformations is carried out on the material of 50 essays of 11th grade students written on a text by V. S. Schefner. The scientific novelty of the study is determined by the aspect of considering students' essays as interpretive texts. As a result of applying a combination of methods (linguistic description, comparative method and content analysis) used in the process of analysis of fragments of students' essays, the study discovered multiple variations of understanding and linguistic explication of the problem of the source text at the level of both dictum and modus. The formulation of the problem of the source text at the level of expression of the dictum meaning (*the problem of immortality – the problem of immortality of human deeds – the problem of memory – the problem of preserving human traces in nature – the problem of respect for people*) is determined by the lexico-grammatical variety of essay texts and the variation of the propositional structure of utterances. The modus meanings and the means of their expression are represented by a set of the following options: neutral affirmative mo-

dus, neutral negative modus, modus of belief in the possibility of obtaining immortality, modus of doubt in the possibility of obtaining immortality, and evaluative modus.

The results of the study can be used to develop interpretive linguistics, the theory of variative-interpretive functioning of the text, the theory of text derivation, and semantic syntax. They can also be applied in linguodidactics while analyzing essays in the USE format and teaching students to write such essays.

Keywords: interpretive linguistics; interpretive functioning of the text; addressee factor; USE essay; dictum; modus; dictum-modus transformations

For citation: Kim, L. G., Parfinenko, O. N. (2024). Dictum-Modus Interpretations of the Source Text in the Unified State Exam Essays in Russian. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 195–202. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-195-202.

Постановка проблемы

Данная статья выполнена в русле интерпретирующей лингвистики, или лингвистического интерпретационизма, основные положения которого сформулированы в работах В. З. Демьянкова [Демьянков 1990, 1994], теории вариативно-интерпретационного функционирования текста [Голев, Ким 2008; Ким, Беляева 2019], теории деривационного развития текста [Голев, Сайкова 2001; Мельник 2012] и теории диктумно-модусной организации высказывания [Балли 1955]. Проблематика предлагаемого исследования обусловлена противоречием, которое заключается в двойственной сущности текста, который представлен читателю (в нашем случае – учащемуся) в единственной для него форме, априори предполагающей **однозначность**, точнее **заданность**, **предсказуемость**, **предвосхищение** результатов его когнитивно-рецептивной деятельности, с другой стороны – реальным **разнообразием** вариантов диктумно-модусной интерпретации этого текста в сочинениях учащихся, сдающих ЕГЭ по русскому языку. Говоря об однозначности, предопределенности результатов интерпретационной деятельности учащихся, мы имеем в виду следующее. Формат экзамена, проверяющего умение понимать содержание исходного текста, предполагает, что формулировка проблемы в сочинении школьников априори должна соответствовать или быть близка по смыслу тем формулировкам, которые предлагаются в качестве «ответа». Однако анализ реальных сочинений показывает, что заданный, требуемый и реальный ответ колеблется в широком диапазоне корреляции: «соответствует» / «почти соответствует» / «частично соответствует» / «практически не соответствует» / «не соответствует» / «противоречит». Применительно к рассматриваемому объекту – сочинениям ЕГЭ как интерпретирующим текстам – значимыми для развития лингвистического интерпретационизма являются поиски ответов на вопросы, почему один и тот же предлагаемый на экзамене исходный текст разными учащимися в диктумно-модусных проявлениях интерпретируется различным образом? Каковы детерминанты, запускающие механизм диктумно-модусных трансформаций, характеризующих интерпретационное функционирование исходного (интерпретируемого) текста?

Сформулированная проблема и представленные далее в статье пути ее решения коррелируют с идеями Ю. М. Лотмана о тексте в процессе движения, при котором «взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активно-

стью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же» [Лотман 2004: 203], идеей о понимании и непонимании, так как «читатель вносит в текст свою личность, свою культурную память, коды и ассоциации» [Лотман 2004: 219].

История разработки проблемы

Рассмотрение сочинений учащихся, написанных по одному исходному тексту, выполнено в **лингвоинтерпретационном аспекте** и продолжает обсуждение неоднократно поднимаемых в лингвистике проблем, связанных с интерпретируемостью как свойством текста и его компонентов [Демьянков 1994], вариативно-интерпретационного функционирования текста в пространстве адресата [Ким 2009], теории деривационно-мотивационного процесса, который объективирован в формально-смысловой организации и функционировании вторичных текстов [Мельник 2012; Шпильная 2010].

При исследовании объекта авторы основываются на положениях теории вариативно-интерпретационного функционирования текста, согласно которой интерпретация понимается как процесс последовательного перехода от текста к смыслу, зафиксированному в форме текста, т. е. реализация модели «текст – смысл – текст». Интерпретационный процесс при таком подходе представляет собой не механическое обратное действие декодирования замысла автора, а креативную и потому относительно самостоятельную рецептивно-речевую деятельность, направленную на создание интерпретирующего текста. «Креативность интерпретационного речемыслительного процесса определяет разновекторный характер его развития, содержащего точки ветвления интерпретационных ходов, определяющие выбор субъектом-интерпретатором смысловой версии и языковых средств ее воплощения, что детерминирует множественность интерпретационного результата» [Ким 2009: 29].

Предмет предлагаемой публикации – **диктумно-модусные трансформации исходного (интерпретируемого) текста** – предполагает обращение к понятиям диктума и модуса. Ш. Балли в 1955 году предложил концепцию двухчастной структуры высказывания, именуя термином модус субъективные стороны высказывания, идущие от говорящего, а термином диктум – объективные [Балли 1955: 44–45]. Идея первичности диктума была позитивно воспринята в российской лингвистике. Детальное исследование истории изучения категории модуса и анализ его функций представ-

лены в монографии О. Н. Копытова «Модус на пространстве текста» [2012]. Во многих других лингвистических работах, освещающих организацию содержательного плана дискурса [Колосова 1979; Шмелева 1994 и др.], диктум и модус рассматриваются в качестве облигаторных содержательных компонентов передаваемой адресату информации. Отмечается, в частности, что противопоставленность диктума и модуса основана на соотносительности объективного и субъективного смысловых слов, на противоположности человека и внешнего мира, среды и субъекта. В лингвистической литературе традиционно отмечается, что диктум и модус, будучи самостоятельными, взаимосвязаны друг с другом. При этом в единстве функционально-семантического пространства предложения высказывания косвенно или прямо признается определяющая роль диктума.

В работах, посвященных акцентированному исследованию модуса, подчеркивается его влияние на выбор средств выражения диктумного содержания [Нагорный 2002; Шмелева 1994; Тураева 1994]. Согласно реализуемой в настоящей статье концепции, детерминируется следующее положение: речь, ситуация, контекст – не что иное, как дискурс, а коммуникативные намерения, субъективные цели связаны именно с **модусной организацией** дискурса и его функционированием. Несмотря на тесную связь модуса и диктума в организации содержательного и структурного планов текста, их взаимоотношения в функционально-генетическом аспекте, на наш взгляд, носят подчинительный характер, где модус имеет примат над диктумом. Модус первичен в деятельностном плане речепорождения, так как всякая деятельность, в том числе речевая, на первых этапах порождения речи напрямую связана с ее целями и мотивами, наличие которых формирует модус планируемого внешнего высказывания.

Объект исследования – сочинения ЕГЭ как вторичные (интерпретирующие) тексты – представляет интерес для современных лингвистов, в работах которых выявлен богатый эвристический потенциал этого дискурсивного материала и обоснованы актуальность и перспективы изучения сочинений-рассуждений учащихся. Так, в работах, посвященных анализу сочинений ЕГЭ, устанавливается их жанровая специфика как вторичных текстов, выявляется реализация тенденции к стандартизованности текста [Заика 2017], проводятся лингвоперсонологические исследования: в ортологическом аспекте [Гуц, Леонтьева 2011], с целью диагностирования сформированности метатекстовой способности учащихся [Воронова 2006], моделирования картины мира современного выпускника школы [Благов 2016], установления языкового статуса личности школьников [Ситдикова 2014].

Новизна предлагаемого исследования определяется аспектом рассмотрения сочинений-рассуждений учащихся как интерпретирующих текстов, репрезентирующих диктумно-модусные трансформации исходного текста; устанавливается вариативность этих трансформаций и выявляются

факторы, обуславливающие диктумно-модусное варьирование. Такой аспект рассмотрения сочинений-рассуждений ЕГЭ продолжает серию исследований вторичных текстов, разрабатываемых в рамках научной школы «Социально-когнитивное функционирование языка», возглавляемой профессором Кемеровского государственного университета Н. Д. Голевым. В русле этой школы в качестве вторичных текстов рассматриваются выполненные учащимися тексты изложений [Киркинская 2004; Мельник 2012], сочинений по картине [Шпильная 2010], рефератов студентов [Прокудина 2009]. В этих работах исследуется механизм деривационного развития текста, определяются текстовые и лингвоперсонологические факторы, обуславливающие варьирование вторичных текстов, представлена типология вторичных текстов, в основе которой лежат виды текстовых преобразований [Голев, Сайкова 2001; Мельник 2012].

Цель нашего исследования состоит в выявлении диктумно-модусных вариантов исходного текста, получивших воплощение в сочинениях учащихся, и установлении факторов, обуславливающих множественность и вариативность вербализации диктумного и модусного значений.

Гипотеза исследования заключается в следующем утверждении: сочинение-рассуждение в формате ЕГЭ как вторичный (интерпретирующий) текст воплощается множественностью диктумно-модусных вариантов, обусловленных действием центростремительных и центробежных тенденций.

Материал и методика исследования

Разработка идеи диктумно-модусных трансформаций текста осуществляется на материале 50 сочинений в формате ЕГЭ по тексту В. С. Шефнера, начинающегося словами «На следующий день по приезду к Бываевым я отправился...». Непосредственным материалом исследования являются фрагменты сочинений, содержащих формулировку проблемы исходного текста. Материал собран методом сплошной выборки фрагментов сочинений, написанных учащимися 11-х классов на уроках русского языка, цель которых – подготовка учащихся к ЕГЭ по русскому языку.

При анализе этого фрагмента письменной работы использовалась совокупность методов: метод лингвистического описания, сопоставительный метод и метод контент-анализа [Тичер 2017]. Метод контент-анализа позволяет выявить смыслообразующие лексические единицы в текстах сочинений и пропозиционально-синтаксические компоненты; определить их роль в выражении диктумного содержания. Анализ модальных компонентов текста сочинения, а также лексем со значением внутреннего ментального состояния позволяет установить модусные смыслы. Сопоставительный метод используется для сравнения диктумного и модусного содержания фрагментов исходного текста и вторичных текстов (фрагментов сочинений учащихся), что в конечном счете позволяет описать диктумно-модусные преобразования, выявленные в сочинениях учащихся.

Результаты исследования

Ключевыми в тексте В. С. Шефнера являются следующие фрагменты, имплицитно выражающие проблему текста: *Каменщик жив! По-моему, все люди бессмертны. Конечно, не в божественном смысле как-то, а в рабочем. Всё, что сделаешь в жизни хорошего, – всё идёт в общий бессмертный фонд. Даже если дело незаметное, всё равно.*

В процессе анализа фрагментов сочинений была установлена множественная вариативность понимания и языковой экспликации проблемы исходного текста. Учащиеся в процессе когнитивно-интерпретационной деятельности при выявлении проблемы исходного текста предложили вариативные языковые формулы, обусловленные действием центростремительных и центробежных тенденций.

Реализация **центростремительных тенденций** проявляется в корреляции формально-смысловой организации интерпретирующего высказывания с прогнозируемым, предвосхищаемым, ожидаемым ответом. Центростремительные тенденции определяют формально-семантическую организацию интерпретирующего текста (сочинения) как лексико-грамматическую корреляцию с ключевыми лексемами и высказываниями исходного текста (модель частичного пересечения с ключевыми элементами). Лексико-смысловая организация формулировки проблемы в сочинении учащихся коррелирует с лексико-смысловой структурой исходного текста в диапазоне «соответствует» / «почти соответствует», безусловно, отражая субъективность и вариативность когнитивно-рецептивной деятельности учащегося.

Реализация **центробежных тенденций** проявляется в том, что формально-семантическая структура сочинения на уровне формулировки проблемы коррелирует с исходным текстом по модели частичного пересечения с неключевыми элементами или ассоциативно связанными единицами, а также в отсутствии корреляции формально-смысловой организации интерпретирующего высказывания с прогнозируемым, предвосхищаемым, ожидаемым ответом. Лексико-смысловая организация формулировки проблемы в сочинении учащихся коррелирует с лексико-смысловой структурой исходного текста в диапазоне «частично соответствует» / «почти не соответствует» ключевым словам исходного текста, важным для понимания его проблемы. Центробежные тенденции заключают в себе потенциал непонимания, недопонимания, «не так понимания».

Проявление **центробежных тенденций** отражено в следующих формулировках проблемы исходного текста, представленных в сочинениях учащихся.

1. Проблема бессмертия (18 ответов – 36%): *Одной из главных проблем, поднятых Владимиром Сергеевичем, является возможность обрести бессмертие; Так ли хорошо быть бессмертным, как думают многие люди? И может ли человек быть бессмертным?; Проблема бессмертия. Почему люди не могут быть бессмертными?*

Данные формулировки проблемы исходного текста отражают размышления над философской

проблемой бессмертия. Диктумное содержание фрагментов сочинений – **бессмертие** – конкретизируется указанием на субъекта, обладающего этим качеством, – **бессмертие человека**.

2. Проблема бессмертия человеческих поступков (10 ответов – 20%): *Вадим Сергеевич Шефнер в своем рассказе ставит проблему бессмертных дел; В данном тексте ставится проблема бессмертия человеческих поступков; В представленном для анализа тексте представлена проблема бессмертия человеческих деяний.*

Варьирование диктумного содержания формулировки данной проблемы относительно предыдущей определяется замещением субъекта – носителя качества (человека) на результат действий субъекта – *поступки, дела, деяния*.

Реализуемые в сочинениях первых двух групп формулировки проблемы обусловлены как содержанием, так и формой исходного текста. Форма и содержание формулировок проблемы в сочинениях учащихся как вторичных текстов коррелируют с ключевыми лексемами и выражениями исходного (первичного) текста: *все люди бессмертны. <...> всё идёт в общий бессмертный фонд.*

Центростремительные тенденции проявляются в следующих формулировках проблемы исходного текста в сочинениях учащихся; причем эти формулировки можно градуировать на шкале большая / меньшая степень совпадения с ключевыми единицами, выраженными в исходном тексте.

1. Проблема памяти (12 ответов – 24%): *Что такое память о человеке? Оставляет ли каждый после себя некий след, говорящий о том, что он жил, существовал; Что может сохранить важную память о человеке, о событиях, которые с ним происходили?; Люди запоминаются нам по своим поступкам, по своему поведению. О человеке, который делал много добра, был душой компании, как правило, за спиной говорят лишь хорошие; Человек не может помнить все. А о человеке, покинувшем этот мир, забывают еще быстрее. Однако человек может оставить что-то после себя. Будь то величественная статуя или отметина на бумаге. Память, благодаря этому, сохраняется надолго. Поэтому Шефнер ставит проблему того, что человек своими делами может оставить о себе память; В. С. Шефнер показывает проблему тем, что люди забывают своих предков, они должны помнить, чтить и уважать их до конца, ведь те люди старались, работали и делали все возможное для нашего мира, поэтому каждый человек жив, просто он жив в нашей памяти.*

Диктумное содержание формулировок, отражающих проблему памяти, переносит акцент с субъекта, оставляющего следы своих действий, на субъекта, который должен помнить о своих предках, об их поступках. Происходит также модификация темпорального компонента, актуализируется время в аспекте *прошлое, раньше*.

2. Проблема сохранения в природе следов человека (6 ответов – 12%): *Автор поднимает проблему того, что окружающая нас природа всегда хранит следы человеческих несчастий; Мы видим проблему о том, что окружающая нас природа всегда хранит следы человека.*

Диктумное содержание формулировок *природа хранит следы человека; природа всегда хранит следы человеческих несчастий* определяет достаточно конкретизированное понимание проблемы, выражает ее значительно уже, чем это отмечено во всех предыдущих формулах. При этом *природа* в структуре пропозиции выполняет роль субъекта, а *следы человека, следы человеческих несчастий* – роль объекта.

3. Проблема уважения к людям (4 ответа – 8%): *Русский советский прозаик ставит проблему уважения к людям; Как неуважительное отношение может повлиять на людей? Ведь из-за неуважения друг к другу зачастую люди испытывают чрезмерное высокомерие и гордость.*

Данная формулировка проблемы исходного текста смещает акцент обсуждения на характер межличностных отношений: *уважение к людям, неуважение друг к другу, неуважительное отношение.*

Таким образом, представленные формулировки проблемы исходного текста в плане выражения диктумного содержания различаются прежде всего на лексико-прагматическом уровне. Так, в своих сочинениях школьники используют в качестве смыслообразующих следующие слова и словосочетания, различающиеся лексическими значениями:

- 1) *бессмертие, бессмертие человека;*
- 2) *бессмертные дела, бессмертие человеческих поступков, бессмертие человеческих деяний;*
- 3) *память о человеке; человек может оставить о себе память;*
- 4) *следы человеческих несчастий; природа хранит следы человека;*
- 5) *уважение к людям; неуважение друг к другу.*

Семантико-синтаксический анализ позволяет также выявить модификацию пропозициональной структуры представленных выше высказываний. Бессубъектная пропозиция (*проблема бессмертия*) модифицируется в субъектно-объектную (*возможность обрести бессмертие*), субъектно-квалификативную (*быть бессмертным*). Субъектно-объектная пропозиция, представляющая индивидуальные взгляды на мир (*память о человеке*), оформляется и с помощью предикативных конструкций (субъекта и глагола в форме изъявительного наклонения): *человек может оставить о себе память*. В состав следующей группы высказываний входят глаголы, первая семантическая валентность которых заполняется именем воспринимаемого субъекта, а вторая – именем объекта восприятия (*природа хранит следы человека*).

Модусное содержание высказываний, формулирующих проблему исходного текста, также характеризуется множественной вариативностью. Рассмотрим этот тип семантики на материале высказываний, в которых обсуждается **проблема бессмертия человека**.

Авторы сочинений, формулируя эту проблему, актуализируют разные модусные смыслы, репрезентирующие разнообразие пресуппозиций (исходных установок) учащихся – авторов сочинений:

1) **нейтральный утвердительный модус** ‘бессмертие существует’; модальный смысл выражается посредством лексико-грамматических единиц, не обладающих модальными значениями, утвер-

дительными предложениями (*В своем рассказе С. В. Шефнер поднимает проблему бессмертия человека*);

2) **нейтральный отрицательный модус** ‘бессмертия не существует’; модальный смысл выражается посредством лексико-грамматических единиц, не обладающих модальными значениями, отрицательными предложениями (*Люди не бессмертны, но каждый человек может оставить след своими делами; Почему люди не могут быть бессмертными?*);

3) **модус веры в возможность обретения бессмертия**: ‘я верю, что можно обрести бессмертие’; модальный смысл выражается посредством глагола *верить* (*Автор поднимает проблему веры в бессмертие*);

4) **модус сомнения в возможности обретения бессмертия**: ‘я сомневаюсь в возможности обретения бессмертия’, который выражается модальным глаголом *мочь*, модальными словами *можно, возможно, существительным возможность*, вопросительными предложениями (*одной из главных проблем является возможность обрести бессмертие; может ли человек быть бессмертным?; могут ли люди быть бессмертными?; может ли человек, оставив в этом мире часть себя, пережить свою смерть?; бессмертен ли человек?; является ли человек бессмертным?*);

5) **оценочный модус** ‘бессмертие: это хорошо или плохо’; модальный смысл выражается посредством лексических единиц, выражающих позитивную или негативную оценку (*Так ли хорошо быть бессмертным?; В чем смысл человеческого бессмертия?*).

Заключение

Выполненное в русле интерпретирующей лингвистики и теории деривационного развития текста исследование сочинений по русскому языку в формате ЕГЭ, которые рассматриваются нами как вторичные (интерпретирующие) тексты, доказывает онтологическое противоречие между единственностью формы текста как реализации замысла автора и множественностью вариантов диктумно-модусной интерпретации этого текста в сочинениях-рассуждениях ЕГЭ по русскому языку. Это противоречие носит объективный и неизбежный характер. Вариативность интерпретации проблемы исходного текста, иллюстрацией которой являются сочинения учащихся, выполненные на материале предложенного фрагмента текста В. С. Шефнера, реализуется на когнитивно-рецептивном уровне и проявляется на уровне языкового выражения. При этом сочинения учащихся как интерпретирующие тексты реализуют проявление центростремительных и центробежных тенденций. Центростремительные тенденции определяют формально-семантическую организацию интерпретирующего текста (сочинения) как лексико-грамматическую корреляцию с ключевыми лексемами и высказываниями исходного текста (модель частичного пересечения с ключевыми элементами). Центробежные тенденции проявляются в том, что формально-семантическая структура сочинения на уровне формулировки проблемы коррелирует с исходным текстом по модели частичного пересечения с неключевыми элементами или ассоциативно свя-

занными единицами.

Детерминантами, запускающими механизм диктумно-модусных трансформаций, характеризующих интерпретационное функционирование исходного (интерпретируемого) текста, являются асимметрия формы и содержания языкового знака, с одной стороны (фактор текста), и самостоятельность и креативность речевой деятельности субъекта-интерпретатора, что репрезентирует его ментальную картину мира, с другой стороны (фактор адресата).

Контент-анализ фрагментов сочинений школьников позволил выявить множественную вариативность понимания и языковой экспликации проблемы исходного текста на уровне как диктума, так и модуса. Формулировки проблемы исходного текста на уровне выражения диктумно-го значения (*проблема бессмертия – проблема бессмертия человеческих поступков – проблема памяти – проблема сохранения в природе следов человека – проблема уважения к людям*) определяются лексико-грамматическим разнообразием текстов сочинений и варьированием пропозициональной структуры высказываний. Модусные значения и средства их выражения представлены совокупностью вариантов: нейтральный утвердительный модус

‘бессмертие существует’; нейтральный отрицательный модус ‘бессмертия не существует’; модус веры в возможность обретения бессмертия: ‘я верю, что можно обрести бессмертие’; модус сомнения в возможности обретения бессмертия: ‘я сомневаюсь в возможности обретения бессмертия’; оценочный модус ‘бессмертие: это хорошо или плохо’.

Результаты исследования могут быть использованы для развития интерпретирующей лингвистики, теории вариативно-интерпретационного функционирования текста, теории деривационного развития текста, семантического синтаксиса. Наблюдения и выводы, изложенные в статье, могут быть применены в лингводидактике при анализе сочинений формата ЕГЭ и обучении школьников написанию вторичных текстов. Так, при подготовке учащихся к сочинению учитель может, используя теорию деривационного развития текста и методику выявления реализации во вторичном тексте центростремительных и центробежных тенденций, рекомендовать учащимся выполнять задания, цель которых заключается в выявлении ключевых, смыслообразующих слов исходного текста и их использовании при формулировке проблемы в сочинении.

Литература

- Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
- Благов, В. В. Тексты сочинений в формате ЕГЭ как источниковая база исследования аксиологической составляющей картины мира современного выпускника школы / В. В. Благов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3 (168). – С. 83–88.
- Воронова, Н. Г. Диагностика метатекстовой способности / Н. Г. Воронова // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета: Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 6. – С. 126–132.
- Голев, Н. Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Барнаул, 2001. – С. 20–27.
- Голев, Н. Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 144–153.
- Гуц, Е. Н. Жанрово-композиционные особенности сочинения ЕГЭ как предмет ортологического исследования (к проблеме языковой личности выпускника школы) / Е. Н. Гуц, О. А. Леонтьева // Жанры речи. – 2011. – № 7. – С. 210–217.
- Демьянков, В. З. Интерпретирующая лингвистика / В. З. Демьянков // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 197.
- Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
- Заика, В. И. Текст сочинения Единого Государственного Экзамена в аспекте тенденции к стандарту / В. И. Заика // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2017. – № 4 (12). – С. 1–4.
- Ким, Л. Г. Модель интерпретационного процесса и факторы, детерминирующие вариативность интерпретационного результата / Л. Г. Ким // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 29–36.
- Ким, Л. Г. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста / Л. Г. Ким, Е. С. Беляева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 57. – С. 48–62.
- Киркинская, Т. И. Вариативность русских репродуцированных текстов (системно-функциональный и лингвоперсонологический аспекты) : дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Киркинская. – Барнаул, 2004. – 175 с.
- Колосова, Т. А. О диктуме и модусе в сложном предложении / Т. А. Колосова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 47–53.
- Копытов, О. Н. Модус на пространстве текста / О. Н. Копытов. – Хабаровск : Издательство ХГИИК, 2012. – 299 с.

Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПБ, 2004. – С. 150–390.

Мельник, Н. В. Дериватологическая интерпретация вторичных текстов разных типов / Н. В. Мельник // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 13 (267), вып. 65. – С. 69–73.

Нагорный, И. А. К вопросу о статусе модально-персуазивной квалификации / И. А. Нагорный // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия : межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора П. А. Леканта. – М. : МАНПО, 2002. – С. 194–197.

Прокудина, И. С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродукции научного текста (на материале студенческих рефератов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. С. Прокудина. – Кемерово, 2009.

Ситдикова, М. Г. Вербальное поведение языковой личности старшеклассника в жанре сочинения формата ЕГЭ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Ситдикова. – Уфа, 2014.

Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, Е. Веттер, Р. Водак, М. Мейер. – М. : Гуманитарный центр, 2017. – 356 с.

Тураева, З. Я. Лингвистика текста: категория модальности / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.

Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – 2-е изд. – Красноярск : Издательство КГУ, 1994. – 53 с.

Шпильная, Н. Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности русской языковой личности (на материале сочинений по картине В. А. Серова «Девочка с персиками») : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Шпильная. – Кемерово, 2010. – 169 с.

References

Balli, Sh. (1955). *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 416 p.

Blagov, V. V. (2016). *Teksty sochinenii v formate EGE kak istochnikovaya baza issledovaniya aksiologicheskoi sostavlyayushchei kartiny mira sovremennogo vypusknika shkoly* [Texts of Essays in the USE Format as a Source Base for the Study of the Axiological Component of the Picture of the World of a Modern School Graduate]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3 (168), pp. 83–88.

Demyankov, V. Z. (1990). *Interpretiruyushchaya lingvistika* [Interpretive Linguistics]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, p. 197.

Demyankov, V. Z. (1994). *Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda* [Cognitive Linguistics as a Kind of Interpretive Approach]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 4, pp. 17–33.

Golev, N. D., Kim, L. G. (2008). *Ob otnosheniyakh adresata, avtora i teksta v paradigme lingvisticheskogo interpretatsionizma* [On the Relationship of the Addressee, Author and Text in the Paradigm of Linguistic Interpretationism]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 144–153.

Golev, N. D., Saikova, N. V. (2001). *K osnovaniyam derivatsionnoi interpretatsii vtorichnykh tekстов* [On the Foundations of the Derivational Interpretation of Secondary Texts]. In *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskii i kognitivnyi aspekty*. Barnaul, pp. 20–27.

Guts, E. N., Leontyeva, O. A. (2011). *Zhanrovo-kompozitsionnye osobennosti sochineniya EGE kak predmet ortologicheskogo issledovaniya (k probleme yazykovoi lichnosti vypusknika shkoly)* [Genre-Compositional Features of the Composition of the Unified State Examination as a Subject of Orthological Research (to the Problem of the Language Personality of a School Graduate)]. In *Zhanry rechi*. No. 7, pp. 210–217.

Kim, L. G. (2009). *Model' interpretatsionnogo protsessa i faktory, determiniruyushchie variativnost' interpretatsionnogo rezul'tata* [Interpretation Process Model and Factors Determining the Variability of the Interpretation Result]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 318, pp. 29–36.

Kim, L. G., Belyaeva, E. S. (2019). *Dotekstovye ozhidaniya adresata kak faktor variativnosti interpretatsii politicheskogo teksta* [Recipient's Pre-text Expectations as a Factor of Various Interpretation of Political Discourse]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 57, pp. 48–62.

Kirinskaya, T. I. (2004). *Variativnost' russkikh reproducirovannykh tekстов (sistemno-funktsional'nyi i lingvopersonologicheskii aspekty)* [Variability of Russian Reproduced Texts (System-Functional and Linguopersonological Aspects)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul. 175 p.

Kolosova, T. A. (1979). *O diktume i moduse v slozhnom predlozhenii* [On Dictum and Modus in a Complex Sentence]. In *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki*. No. 2, pp. 47–53.

Kopytov, O. N. (2012). *Modus na prostranstve teksta* [Modus on Text Space]. Khabarovsk, Izdatel'stvo KhGIIK. 299 p.

Lotman, Yu. M. (2004). *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds]. In Lotman, Yu. M. *Semiosfera*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB, pp. 150–390.

Melnik, N. V. (2012). *Derivatologicheskaya interpretatsiya vtorichnykh tekстов raznykh tipov* [Derivatological Interpretation of Secondary Texts of Various Types]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvedenie*. No. 13 (267). Issue 65, pp. 69–73.

Nagornyi, I. A. (2002). K voprosu o statuse modal'no-persuazivnoi kvalifikatsii [To the Question of the Status of Modal-Persuasive Qualification]. In *Russkii literaturnyi yazyk: nominatsiya, predikatsiya, ekspressiya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 70-letiyu professora P. A. Lekanta*. Moscow, MANPO, pp. 194–197.

Prokudina, I. S. (2009). *Russkaya yazykovaya lichnost' v aspekte lingvokognitivnykh stilei reproduktivirovaniya nauchnogo teksta (na materiale studencheskikh referatov)* [Russian Linguistic Personality in the Aspect of Linguistic and Cognitive Styles of Scientific Text Reproduction (Based on Student Abstracts)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo.

Shmeleva, T. V. (1994). *Semanticheskii sintaksis: tekst lektsii iz kursa «Sovremennyyi russkii yazyk»* [Semantic Syntax: Text of Lectures from the Course “Modern Russian”]. 2nd edition. Krasnoyarsk, Izdatel'stvo KGU. 53 p.

Shpilnaya, N. N. (2010). *Yazykovaya kartina mira v strukture rechemyslitel'noi deyatel'nosti russkoi yazykovoii lichnosti (na materiale sochinenii po kartine V. A. Serova «Devochka s persikami»)* [The Linguistic Picture of the World in the Structure of the Speech-Cogitative Activity of the Russian Linguistic Personality (Based on the Compositions Based on the Painting by V. A. Serov “Girl with Peaches”)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo. 169 p.

Sitdikova, M. G. (2014). *Verbal'noe povedenie yazykovoii lichnosti starsheklassnika v zhanre sochineniya formata EGE* [Verbal Behavior of the Language Personality of a High School Student in the Genre of Writing the USE Format]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa.

Ticher, S., Vetter, E., Wodak, R., Meyer, M. (2017). *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of Text and Discourse Analysis]. Moscow, Gumanitarnyyi tsentr. 356 p.

Turaeva, Z. Ya. (1994). Lingvistika teksta: kategoriya modal'nosti [Text Linguistics: The Category of Modality]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 3, pp. 105–114.

Voronova, N. G. (2006). Diagnostika metatekstovoi sposobnosti [Diagnosis of Metatextual Ability]. In *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: Gumanitarnye nauki*. Issue 6, pp. 126–132.

Zaika, V. I. (2017). Tekst sochineniya Edinogo Gosudarstvennogo Ekzamena v aspekte tendentsii k standartu [The Text of the Composition of the Unified State Exam in the Aspect of the Trend Towards the Standard]. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. No. 4 (12), pp. 1–4.

Данные об авторах

Ким Лидия Густовна – доктор филологических наук, доцент, директор института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия).

Адрес: 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: kimli09@mail.ru.

Парфиненко Оксана Николаевна – учитель русского языка и литературы, Лицей № 62 (Кемерово, Россия).

Адрес: 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 17.

E-mail: oknima@list.ru.

Authors' information

Kim Lidiya Gustovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Head of Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Parfinenko Oksana Nikolaevna – teacher of Russian Language and Literature, Lyceum No. 62 (Kemerovo, Russia).

Дата поступления: 01.12.2022; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 01.12.2022; date of publication: 30.10.2024

УДК 378.016:811.161.1. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-203-212. ББК Ш141.12-9-99.
ГРНТИ 14.35.07. Код ВАК 5.8.2

СИСТЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бойко Е. С.

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия)
SPIN-код: 2869-3567

Кошкарлова Н. Н.

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия)
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8861-0353>
SPIN-код: 3844-0536

А н н о т а ц и я. Целью настоящего исследования является анализ особенностей представления системы частей речи русского для китайских студентов через призму коммуникативного метода обучения РКИ. Объектом исследования являются лингводидактические аспекты русской грамматики в сопоставлении с грамматикой китайского языка. Предметом исследования выступают особенности репрезентации частей речи русского языка китайским студентам. В работе рассматриваются подходы к определению понятия «часть речи», описывается классификация частей речи в русском и китайском языках, изучаются требования к освоению морфологического материала в стандартах по русскому языку как иностранному, выявляются трудности китайских учащихся при изучении частей речи русского языка. К последним относятся: 1) преграды, обусловленные отсутствием формальных показателей частеречной принадлежности слова в китайском языке; 2) ограничения, обусловленные сложной и разветвленной системой частей речи в русском языке. Анализируются особенности восприятия частей речи русского языка китайскими учащимися. Представлен обзор учебников и учебных пособий для обучения русскому языку иностранным студентам, созданных на основе как грамматико-переводного, так и коммуникативного метода обучения иностранным языкам. Указывается, что коммуникативный метод коррелирует с концентрическим принципом подачи грамматического материала. В работе обосновывается необходимость применения корпусных технологий при изучении системы частей речи в курсе РКИ. Авторы приходят к заключению о том, что порядок введения морфологического материала при обучении учащихся из КНР должен быть основан на синтаксическом принципе организации учебного материала, что открывает возможности более полно реализовать речевую направленность обучения. В результате анализа специфики системы частей речи в русском и китайском языках делается вывод о необходимости нивелирования языковых стереотипов студентов в случае, если родной язык становится причиной появления ошибки на любом уровне порождения речевого высказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык как иностранный; китайский язык; система частей речи; концентрический принцип обучения РКИ; корпусные технологии; Россия; Китай

Д л я ц и т и р о в а н и я: Бойко, Е. С. Система частей речи в русском и китайском языках: лингводидактический аспект / Е. С. Бойко, Н. Н. Кошкарлова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 203–212. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-203-212.

THE SYSTEM OF PARTS OF SPEECH IN RUSSIAN AND CHINESE: LINGUODIDACTIC ASPECT

Elena S. Boiko

South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)

Natalya N. Koshkarova

South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8861-0353>

A b s t r a c t. The aim of this study is to analyze the specific features of presenting the Russian parts of speech system for Chinese students through the prism of the communicative method of teaching Russian as a foreign language. The scope of the study embraces the linguistic and didactic aspects of the Russian grammar in comparison with the grammar of the Chinese language. The study focuses on the peculiarities of presentation of the Russian parts of speech to Chinese students as its research object. The paper discusses various approaches to defining the concept of “part of speech”, describes the classification of parts of speech in the Russian and Chinese languages, studies the requirements for the acquisition of the morphological material in the standards for the Russian as a foreign language, and identifies the difficulties of Chinese students in studying the Russian parts of speech. The latter include: 1) barriers caused by the lack of formal indicators of parts of speech in Chinese; 2) barriers caused by the complex and intricate system of the Russian parts of speech. The study analyzes the specific features of the perception of the Russian parts of speech by Chinese students. The paper reviews textbooks and teaching aids for teaching Russian to Chinese students created on the basis of both traditional (grammar-translation) and communicative methods of teaching foreign languages. It has been found that the communicative method correlates with the concentric principle of presenting grammar material. The paper substantiates the need to use corpus methods while studying parts of speech in the course of Russian as a foreign language. The authors come to the conclusion that the procedure of introducing morphological material when teaching Chinese students should be based on the syntactic principle which opens up the possibility to better realize the communicative orientation of learning. As a result of the analysis of the

specificity of parts of speech in the Russian and Chinese languages, a conclusion is made about the need to level out the language stereotypes of students when the native language becomes the cause of an error at any level of generating an utterance.

Key words: Russian as a foreign language; Chinese language; parts of speech system; concentric principle of teaching Russian as a foreign language; corpus methods; Russia; China

For citation: Boiko, E. S., Koshkarova, N. N. (2024). The System of Parts of Speech in Russian and Chinese: Linguodidactic Aspect. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 203–212. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-203-212.

Введение

Изучение иностранного языка требует знакомства как с фонетическим, так и с лексическим и грамматическим уровнями языка. Овладев правилами произношения слов и интонационными моделями, выучив определенное количество слов, но не зная правил их комбинации в рамках речевого высказывания, изучающий иностранный язык не будет способен осуществлять коммуникацию. Одним из важных аспектов изучения русского языка как принадлежащего к флективным является освоение системы частей речи. Несмотря на тот факт, что освоение частеречной принадлежности слов на начальном этапе обучения (на элементарном и базовом уровнях) носит исключительно прикладной характер, уже на данном этапе желательно организовать эти знания в четкую структуру. Однако преподаватель русского языка как иностранного сталкивается с проблемой несовпадения представлений о частях речи у носителей русского и китайского языков, что требует серьезного осмысления как со стороны теоретиков, так и практиков, занимающихся вопросами методики преподавания иностранных языков. Конечно, на базовом и элементарном уровнях возможно ограничиться минимальным объемом языковых и коммуникативных средств, но если мы рассматриваем этот этап обучения как ступень к более высокому уровню владения языком, предполагающему относительно свободное общение в русскоязычной среде, ведение учебной, профессиональной или исследовательской деятельности, то мы должны отнести предельно серьезно к осмыслению студентами грамматической системы языка.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью учета специфики китайской аудитории при изучении грамматики русского языка, в частности системы частей речи, что требует такой организации обучения, которая могла бы в полной степени раскрыть потенциал и способности учащихся и привести их к осознанному владению грамматическим строем русского языка. Ведь без этого становится невозможным адекватное построение собственных высказываний, а «неточное понимание грамматических единиц и их места в грамматической системе часто замедляет речевую практику и вызывает различные ошибки в речи иностранцев» [Остапенко 1987: 7].

Целью настоящего исследования являются теоретическое обоснование и сопоставление представлений о частях речи в русском и китайском языках, что в дальнейшем становится методологическим фундаментом выявления трудностей и лингвистических (экстралингвистических) опор при освоении данного материала в китайскоязыч-

ной аудитории. Объектом настоящего исследования являются лингводидактические аспекты русской грамматики на элементарном уровне изучения русского языка как иностранного. Предметом исследования данной работы являются особенности репрезентации частей речи русского языка китайским студентам. В работе применены элементы описательного, сопоставительного и коммуникативного методов в аспекте их лингвокультурологической реализации при обучении иностранным языкам.

Части речи в русском и китайском языках

Одной из базовых грамматических категорий является часть речи, а становление и развитие лингвистики как науки неразрывно связано с попытками определить их сущность и роль в механизме языка. Наиболее универсальным считается подход к выделению частей, исходя из их принадлежности к таким классам, как «предмет», «признак», «действие» и т. д. Однако более широкий взгляд с позиций сравнительной типологии позволяет усомниться в их универсальности и заставляет взглянуть в сторону синтаксических критериев. В этом плане особую ценность представляет сравнение подходов к выделению частей речи в русском и китайском языках.

Попытки дать определение части речи и классифицировать слова по лексико-грамматическим разрядам имеют очень давнюю историю, тем не менее интерес к данной проблеме как в русской, так и в китайской лингвистике никогда не угасал. Дать точное, емкое и непротиворечивое определение оказывается непростой задачей. Краткий обзор эволюции представлений и подходов к определению части речи в отечественном и китайском языкознании представляет интерес в рамках данной работы. В отечественном языкознании данная проблема активно обсуждалась в трудах А. А. Потебни [2017], Ф. Ф. Фортунатова [2019], В. А. Богородицкого [1991], А. А. Шахматова [2014]. За каждым из этих имен стоит свой научный взгляд на преваширование того или иного (семантического, синтаксического или формально-грамматического) критерия при выделении частей речи.

Обобщая представленные выше взгляды на понятия частей речи, резюмируем: части речи в русском языке – это лексико-грамматические разряды или продукт определенной классификации, которая в определяющей степени зависит от того, что положено в ее основу. При всей кажущейся ясности морфологического строя современного русского языка вопрос об определении и классификации частей речи продолжает быть предметом дискуссии. Так, например, Е. С. Кубрякова отме-

чает, что формальные критерии отнесения того или иного слова к определенной части речи можно поделить на две категории: «одни критерии относятся к оформлению слова разными морфологическими показателями, другие – к тому, что части речи выступают как представленные своей собственной совокупностью грамматических категорий» [Кубрякова 2004: 118].

Категория частей речи в китайском языке также является предметом бурных споров уже на протяжении многих десятков лет. Более того, надо отметить, что под вопросом был сам факт возможности выделения частей речи в китайском языке. Согласно «Словарю современного китайского языка» [Словарь современного китайского языка], части речи – это «грамматические классы слов». Определение представляется нам крайне расплывчатым. Однако обзор точек зрения китайских ученых по проблеме частей речи в китайском языке поможет нам убедиться в жизнеспособности данной формулировки и, возможно, прийти к уточненному определению.

Китайские лингвисты на протяжении длительного времени пытаются решить проблему отнесенности тех или иных лексических единиц к определенной части речи, однако эти попытки наталкиваются на ряд объективных сложностей. Так, в китайском языке отсутствует строгая морфологическая отнесенность лексических единиц, изменяющаяся в зависимости от синтаксической позиции. Другая трудность связана с отсутствием формальных морфологических показателей, которые позволили бы классифицировать ту или иную лексическую единицу как определенную часть речи. В качестве критериев частеречной принадлежности в китайском языке выступают такие показатели, как способность выступать в той или иной синтаксической роли, сочетаться с другими частями речи и др.

Считается, что до выхода в свет в 1898 г. книги Ма Цзяньчжуна «Объяснение правил письменного языка господина Ма» [Ма Цзяньчжун] понятия части речи в китайском языке не было. Однако еще в эпоху Цин существовало разделение морфем на полные (знаменательные) и пустые (служебные), причем характерна более детальная проработка классификации и сочетаемости именно служебных морфем. В Средние века в ходу было деление слов на 活字 «живые» и 死字 «мертвые» слова-иероглифы, которые соответственно можно определить как слова, имеющие предметное значение, и слова, имеющие лишь сигнификативное значение. К концу XIX в. встал вопрос о возможности переноса универсальных европейских грамматик на материал китайского языка. В какой-то степени на эти представления ориентировалась и грамматика Ма Цзяньчжуна. Именно здесь впервые прозвучала проблема неопределенной частеречной принадлежности китайского слова-иероглифа. Ученый утверждал, что у каждого слова есть свое основное, исходное значение, при этом возможны переходы в другие категории. Таким образом, узнать принадлежность слова к той или иной грам-

матической категории можно лишь в контексте.

Чэнь Чэнцзэ в книге «Начала грамматики национального языка» [Чэнь Чэнцзэ] впервые вводит термин 词类活用 – живое употребление, который оказался настолько удачным, что, претерпев некоторую трансформацию исходного значения, используется по сей день. Теорию живого употребления развивает Люй Шусян в книге «Краткий очерк грамматики китайского языка» [Люй Шусян]. Он также говорит об основном и живом употреблении слова, аналогично живое относит к второстепенным значениям и впервые предпринимает попытку обосновать теорию «трех рангов слов». Позже Люй Шусян приходит к формулировке «一词多类» – «одно слово – много частеречных значений», суть которой состоит в том, что слово не меняет своей частеречной принадлежности, пока не меняется его смысл, т. е. упор делается на семантический критерий.

Ван Ли развивает теорию «трех рангов слов» Люй Шусяна (词品), согласно которой у слова есть базовое морфологическое значение (首品), а точнее – базовая позиция в предложении (для имени это, например, позиция подлежащего или дополнения); при переходе в другую позицию слова последовательно становятся словами второго (次品) и третьего (末品) разрядов (для имени это соответственно позиция сказуемого или определения и позиция наречия). В этом подходе нам видится попытка соединить семантический и синтаксический критерии при выделении частей речи, но и он не лишен в итоге противоречий.

Последующие годы, а именно период начиная с 1953–1954 гг., ознаменованы бурной дискуссией советских и китайских лингвистов при ответе на вопрос, существуют ли части речи в китайском языке. Так, Гао Минкай давал однозначный ответ на этот вопрос – выделение частей речи в китайском языке не представляется возможным [Гао Минкай 1955]. По его мнению, если существование некоторых словообразовательных суффиксов в китайском языке не является аргументом в пользу того, что можно признать возможность выделения частей речи, неморфологические критерии (например, коллокации, позиция слова в предложении) не позволяют дифференцировать слова как определенные части речи. В результате дискуссии, в число участников которой вошел в том числе А. А. Драгунов, ученые признали существование в китайском языке системы частей речи и предложили несколько вариантов классификации частей речи. Так, А. А. Драгунов совершенно справедливо говорит: «Как и в других языках, действие или качество в китайском языке могут быть предмечены, и, наоборот, слова с предметным значением могут быть представлены как действие или качество. Достигается это, как известно, в основном, синтаксическим путем. Однако, в отличие от других языков, в китайском языке мы в этих случаях имеем не с различными, лишь материально совпадающими друг с другом словами, а с различными функциями – основной и неосновной – одного и того же слова, смысловое единство которого пре-

красно осознается говорящим» [Драгунов 1962: 13].

А. А. Драгунов обосновал и два синтаксических критерия определения частеречной принадлежности: 1) способность выступать в роли того или иного члена предложения; 2) сочетаемость с другими словами. Под частями речи А. А. Драгунов понимает лексико-грамматические разряды, из которых выделяет два основных: имена и предикативы, – и наречия. Имена не могут самостоятельно выражать сказуемое, предикативы – могут. В. А. Курдюмов отмечает, что в китайском языке «прилагательные суть “окаменевшие” глагольные формы, сохранившие за собой исходное сигнификативное значение, и китайский язык – именно тот эталон, в котором подобные закономерности прослеживаются наиболее ярко» [Курдюмов 2005: 151]. Действительно, в китайском языке прилагательные функционально ближе к глаголам и имеют целый ряд глагольных признаков.

В дальнейшем проблемой частей речи занимались В. М. Солнцев [Солнцев 1995], Тань Аошуан [Тань 2002] и др. В. М. Солнцев заключает, что «части речи в китайском языке могут иметь отдельные сходные функции, но совершенно отчетливо различаются наборами своих функций. Если они используются в “одной и той же функции”, то, как правило, реализуют такие функции при разных грамматических условиях. Поэтому использование слов в “одних и тех же функциях” никак не может служить основанием для отрицания грамматических различий разных частей речи» [Солнцев 1995: 224–225]. В. И. Горелов в «Теоретической грамматике китайского языка» так описывает принципы выделения частей: «при распределении китайских слов по лексико-грамматическим классам основным, наиболее существенным критерием следует считать обобщенно-категориальное значение лексической единицы. Важным является также и синтаксический критерий, способность слова функционировать в роли одного или нескольких членов предложения, его сочетаемость со знаменательными словами других классов, а также с теми или иными служебными словами» [Горелов 1990: 29]. В. И. Горелов указывает на необходимость учета морфологического, синтаксического критериев при выделении частей речи, но приоритетным признает семантический принцип.

В современной лингвистике проблема выделения частей речи по-прежнему находится в фокусе внимания ученых. Так, А. В. Багдужева указывает, что лингвистический анализ русского и китайского языков следует производить с учетом следующих параметров: полное тождество, формальное тождество, частичное совпадение, несовпадение, отсутствие единицы) [Багдужева 2022: 8]. При описании системы частей речи в китайском языке Цзин Байлян приходит к следующим выводам: морфология не является приоритетным аргументом для выделения частей речи в китайском языке; не стоит отрицать наличие частей речи в китайском языке из-за отсутствия морфологии [Цзин 2019]. В своем диссертационном исследовании Цзин Байлян постулирует тезис о детерминиро-

ванности взглядов на систему частей речи в русском и китайском языках лингвокультурной принадлежностью авторов различных концепций [Цзин 2021].

Подведем промежуточный итог. Российское и китайское языкознание признает наличие частей речи в китайском языке, но критерии их выделения все еще остаются предметом спора ученых. Морфологический критерий к китайскому языку не применим повсеместно: при кажущемся наличии словообразовательных морфем (子, 过, 会, пр.) они не имеют никакого отношения к словоизменению и, как правило, являются по сути служебными словами, их сочетаемость с определенными частями речи можно лишь предположить. Лексико-семантический критерий применим лишь условно, поскольку, по мнению большинства ученых, слово-иероглиф в китайском языке обладает не столько значением, сколько семантическим полем. Пожалуй, важнейшим для китайского языка является синтаксический критерий. Таким образом, китайская морфология практически полностью определяется синтаксисом и по праву может называться позиционной, а подходы к выделению или классификации частей речи в китайском и русском языках совершенно очевидно не могут совпадать.

Особенности восприятия частей речи русского языка китайскими учащимися

В современном китайском языке 普通话 как языке преимущественно изолирующего типа отношения между словами в предложении выражаются при помощи порядка лексических единиц, а не за счет рода, числа, падежа слов, как в большинстве европейских языков. На синтаксическом уровне в китайском языке используется аффиксация (化, 过, 子), но ее случаи крайне редки. В китайском языке отсутствуют формальные показатели отнесения того или иного слова к определенной части речи, а достигается это за счет способности лексической единицы функционировать в качестве какого-то члена предложения. Таким образом, основное различие между данными уровнями в китайском и русском языках состоит в том, что китайские грамматические явления интерпретируются на основе синтаксического принципа, а в русском языке в качестве такого критерия выступает морфология.

Говоря о трудностях китайских студентов, связанных с изучением частей речи русского языка, мы можем разделить их на две основные группы: 1) трудности, обусловленные отсутствием формальных показателей частеречной принадлежности слова в китайском языке; 2) трудности, обусловленные сложной и разветвленной системой частей речи в русском языке. И если первая группа трудностей достаточно легко устранима через запоминание формальных показателей частей речи, то вторая группа однозначно представляет из себя огромный пласт проблем, с которыми сталкиваются студенты с первого дня изучения русского языка.

В китайском языке очень важно разделение глаголов на глаголы «статичные», не связанные с

движением, и глаголы, так или иначе подразумевающие движение. Любой глагол, даже опосредованно предполагающий движение, может принимать модификаторы направления, которые в какой-то степени могут быть аналогичны некоторым приставкам в русском языке, однако занимают позицию после смыслового глагола. При изучении глаголов русского языка, которые делятся на переходные и непереходные, возвратные и невозвратные, китайский студент испытывает трудности, поскольку в его родном языке один и тот же глагол может быть и переходным, и непереходным, возвратным и невозвратным в зависимости от контекста.

В русском языке для глагола как части речи характерны категории вида, кратности и направленности, а в китайском языке отсутствуют морфологические показатели этих категорий. Так, один и тот же китайский глагол может соответствовать разным русским глаголам совершенного или несовершенного вида, однонаправленным или разнонаправленным. В связи с этим для китайских студентов особой трудностью представляют темы, связанные с глаголами движения и с видовыми парами глаголов. Что касается основных трудностей восприятия категории имени существительного, то здесь все достаточно очевидно. В китайском языке данная часть речи не имеет таких характеристик, как род и число, естественно, нет и грамматических показателей оных. Соответственно, основные трудности восприятия имени существительного связаны с отсутствием в сознании студента возможности деления существительных по родам и числам. Кроме того, большинство китайских студентов понимает под именем существительным слова, обозначающие названия предметов, что означает доминирование номинативной функции [Лю 2012].

Разветвленная и сложная падежная система, несомненно, представляет огромные трудности для китайских студентов, поскольку подобное явление отсутствует в их родном языке. Косвенное дополнение может вводиться с помощью некоторых предлогов, глагольных морфем, а может просто примыкать к глаголу. Конечно, проблема введения множества падежных значений именно на элементарном уровне – одна из наиболее трудных в методике РКИ.

Что касается прилагательных, то трудность их восприятия в русском языке связана с их доминирующей оценочностью в китайском. Китайцы считают, что прилагательные – это слова, которые «украшают» существительные (предметы). Следовательно, категория прилагательных ограничивается их качественным разрядом, а определения в китайском языке фактически выражаются существительными.

Осознание класса местоимений тоже сопряжено с определенными трудностями. При определении местоимений доминирует их заместительная функция (в сознании китайцев это слова, которые заменяют названия предметов, отсюда и их название на китайском языке 代词 – от глаг. «заменять»). Кроме того, нельзя забывать о наличии

нескольких форм местоимения «мы», а именно «мы», включающего говорящего и всех вокруг, и «мы», исключающего собеседника. Определенные проблемы могут быть в плане различения некоторых местоимений и наречий.

При изучении числительных основные сложности связаны с разными разрядами выше тысячи. В китайской математической картине мира есть разряды в 10 000 и 100 000 000, но отсутствует разряд 1 000 000. Также необходимо учесть, что в русском языке гораздо активнее используются порядковые числительные, в то время как в китайском языке фактически можно без них обойтись (даты, года, нумерация глав, квартир и т. д.).

Наречие китайские студенты привыкли определять по позиции в предложении – перед глаголом-сказуемым либо перед прилагательным (в роли определения или сказуемого), в связи с чем понимание семантических или грамматических особенностей наречий русского языка, которые (наречия) зачастую формально неотличимы от кратких прилагательных, представляют определенную трудность для носителей китайского языка, изучающих русский язык как иностранный.

Особое место в курсе РКИ занимают предлоги как служебные части речи. Этимология большинства предлогов (то, что является предлогом именно в китайском языке) в путунхуа (общепринятом китайском языке) ведет свое начало от глаголов, что детерминирует сохранение глагольных признаков у предлогов и выполнение ими двоякой функции (собственно предлога и глагола). Данный факт обуславливает позицию конструкции с предлогом в китайском языке – предлог является частью сказуемого и стоит перед глаголом. В китайском языке выделяется группа слов, которые по переводу очень похожи на русские предлоги и наречия (после, перед, наверху), именуемых локативами или послелогами. По последнему названию очевидно, что позиция их – после слова, к которому они относятся.

При изучении частиц русского языка нужно иметь в виду, что частицы в китайском языке употребляются исключительно в конце предложения и служат грамматическим целям (создание вопроса, придание действию длительности и т. д.), а «не», которая в русском языке функционирует как отрицательная частица, в китайском языке (不, 没有) является наречием.

На основании всего изложенного можно прийти к выводу о необходимости оптимизации обучения китайских студентов грамматическому аспекту русского языка. Такая потребность повлекла за собой большое количество исследований, посвященных грамматическим трудностям, которые испытывают китайскоязычные студенты при изучении русского языка, путям преодоления этих барьеров, влиянию языковой интерференции и т. д. [Балыхина 2010; Золотых 2012; Ян 2014; Янь 1996].

Учебники и пособия для работы с китайскими студентами

К интересным выводам приходит в своей работе У Яньян [У 2018]. В статье приводится анализ тех явлений русской грамматики, которые являются наиболее трудными для китайских студентов на начальном этапе обучения: глаголы движения, видовые пары глаголов, употребление форм совершенного и несовершенного вида. В качестве причин этих трудностей студенты называют отсутствие достаточно экспланаторного представления указанных феноменов в тех учебниках, по которым они учатся и (или) не совсем понятные объяснения учителя.

Не вызывает сомнения тот факт, что современная российская методика преподавания русского языка как иностранного предлагает как учителям, так и учащимся большое разнообразие учебников и учебных пособий с учетом этнического и национального фактора аудитории, в которой преподается язык. Не стали исключением и китайские студенты. Представим краткий обзор учебников и пособий для работы с китайскими студентами. При проведении такого обзора ошибочным было бы мнение о том, что акцент на национальной принадлежности изучающих русский язык, – это современное изобретение отечественной системы преподавания РКИ. В 80-х гг. прошлого столетия в Пекине был издан «Русский язык. Основной курс» в четырех частях [Дин 1980]. Первая часть анализируемого учебника состоит из восьми уроков: 1. Наш институт. 2. Занятия русским языком. 3. Семья. 4. В гостях у друга. 5. В магазинах. 6. Спорт. 7. Болезнь и лечение. 8. Городской транспорт. Каждый урок поделен на два блока: 1. Развитие речи. 2. Грамматика. Уже на первом уроке студенты знакомятся с видами предложений по цели высказывания: вопросительные, побудительные, отрицательные. Работа по отработке таких типов предложений ведется на основе подставочных, переводных и коммуникативных предложений. Поскольку анализируемое пособие было издано в 80-е гг. XX в., то оно не могло не избежать интерференции господствовавшего тогда в Советском Союзе грамматико-переводного метода обучения иностранным языкам.

С расширением зарубежных контактов нашей страны изменился социальный заказ общества в плане обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному, что вызвало к жизни активное внедрение в практику коммуникативного метода, целью применения которого является не только изучение лексики и грамматики нового языка, но и их активное использование в реальных ситуациях общения. Коммуникативный метод в изучении русского языка как иностранного, в свою очередь, коррелирует не с линейным, а с концентрическим принципом подачи грамматического материала. Если при линейном способе вводятся несколько грамматических явлений (например, значения падежей), то при концентрическом способе вводятся самые употребительные в речи феномены, затем следует усложнение материала с привлечением других единиц языка (например, сначала осуществляется презентация

категории падежа на материале имен существительных в единственном числе, а затем – на материале прилагательных и местоимений).

Такой принцип описан, например, в учебном пособии Л. Г. Золотых «Методика преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории», в котором представлены как лингводидактические и методические сведения по методике РКИ, так и конкретные упражнения по формированию навыков устной речи [Золотых 2012]. В указанном пособии при обучении грамматике делается акцент на том факте, что «все морфологические формы вводятся на синтаксической основе и предъявляются учащимся в виде предложения» [Золотых 2012: 50]. Из недавно вышедших учебных пособий для преподавателей русского языка как иностранного, работающих в китайской аудитории, следует отметить учебник «Мы говорим по-русски = 我们一起说俄语» [2023], авторы которого предлагают комплекс упражнений и игр для обучения русскому языку китайских студентов на основе анализа типичных фонетических, лексических и грамматических ошибок и пути их исправления. На грамматическом уровне авторы наиболее сложными категориями для изучения в китайскоязычной аудитории полагают категории числа, рода, падежа, времени и вида.

Система частей речи в русском и китайском языках: практический аспект

В современной методике преподавания иностранных языков активно применяются корпусные технологии, которые обладают дидактическим потенциалом и преимуществами по сравнению с традиционными методами обучения. Ю. А. Волоснова отмечает, что к таким преимуществам относятся: возможность изучения речевых феноменов на материале разноструктурных языков; потенциал обработки большого массива данных в кратчайшие сроки; составление конкордансов, т. е. алфавитных списков словоформ; изучение коллокаций, что особенно важно для живого использования языка; понимание дистрибуции языковых единиц разных уровней [Волоснова 2006].

Мы полагаем, что корпусные технологии помогают иностранному студенту овладеть суммой компетенций, из которых коммуникативная выходит на первый план. При изучении иностранного языка важным является обращение к аутентичным текстам, в огромном количестве представленным в национальных языковых корпусах. Такой материал – это источник знаний о реальных нормах и правилах языка, образцах речевого поведения, употреблении языковых единицах носителями в деловых и бытовых ситуациях общения, а также в текстах разных жанров и жанровых форм. К преимуществам использования корпусных технологий в процессе изучения русского языка как иностранного относим следующие. Во-первых, каждый желающий использовать корпусные технологии в процессе изучения иностранных языков имеет свободный доступ к национальному корпусу того или иного языка. Во-вторых, на материале

корпуса как преподаватель, так и сам студент может составить большое количество разнообразных упражнений для отработки речевых умений и навыков. В-третьих, корпус позволяет обучать всем видам речевой деятельности и создает основу для трансфера знаний, умений и навыков из одного вида речевой деятельности в другой. Наконец, корпусные технологии позволяют решить извечную проблему учебников и учебных материалов – моральное устаревание содержания УМК, которые должны непременно соответствовать потребностям целевой аудитории – учащихся, являющихся продуктом «глобальной компьютеризации», активными пользователями «Интернета, телевидения и видеопродукции» [Мартынова 2016: 121].

Национальный корпус русского языка может оказаться неоценимым инструментом при освоении системы падежей в курсе РКИ, которое невозможно без изучения глагола, глагольного управления, глагольного спряжения. Без знания глагольной парадигматики не построить правильное русское предложение, на синтагматике глагола основано изучение падежных форм. В китайском языке глаголы фактически не имеют таких характеристик, как время и вид. Ключевыми характеристиками являются завершенность или незавершенность действия, регулярность или длительность. В русском языке категория вида охватывает все глагольные формы и обуславливает их функционирование.

В своих предыдущих работах [Кошкарова 2020] мы уже описывали алгоритм использования лингвистического корпуса при изучении РКИ. Процедура включает следующие этапы: 1) обращение к Национальному корпусу русского языка <http://www.ruscorpora.ru/new/>; 2) выбор соответствующего подкорпуса (основной, синтаксический, газетный, параллельный, обучающий, диалектный, поэтический, устный, акцентологический, устный, мультимедийный, исторический); 3) выбор дополнительных признаков слова в зависимости от изучаемой части речи; 4) в строку поиска ввести необходимое слово или фразу; 5) из полученных примеров выбор тех, которые релевантны для составления упражнений по изучаемой теме. Полагаем, что данный алгоритм может быть с успехом реализован при изучении темы «Глаголы движения» в китайскоязычной аудитории как еще один валидный инструмент знакомства с падежной системой русского языка. Комплекс упражнений может включать, например, такие задания: соединить глагол и его значение; определить значение выделенных в отдельных предложениях и (или) связанном тексте глаголов; расширить ситуацию, используя список данных глаголов; ответить на вопросы с использованием приведенных глаголов; вернуть данные словосочетания в микроконтексты.

Данные упражнения могут быть составлены с использованием корпусных онлайн-ресурсов, которые находятся в свободном доступе, предоставляют уникальную возможность составления широкого спектра упражнений на основе аутентичного материала; позволяют обучать всем видам речевой деятельности, а самое главное – преодолеть мо-

ральное устаревание содержания УМК. Однако применение корпусных технологий требует от преподавателя дополнительных усилий по их освоению, составлению упражнений на основе национальных корпусов, ознакомлению учащихся с методами корпусной лингвистики.

Заключение

В условиях усиления азиатского вектора развития нашей страны и пророссийского нейтралитета Китая все более актуальным становится наращивание сотрудничества с китайской стороной, особенно в гуманитарной сфере. В этой связи становится все более значимым вопрос эффективного обучения китайских студентов русскому языку с учетом национальной, культурной и лингвистической специфики всего Азиатского региона в целом и нашего ближайшего соседа в частности. Теоретические изыскания в области грамматики и методики преподавания РКИ, а также собственный опыт авторов настоящего исследования показывают, что грамматика представляет одну из самых больших трудностей при изучении русского языка китайскими студентами. Представленные в статье трудности обусловлены рядом причин, среди которых различия в частеречной принадлежности слов занимают одно из лидирующих мест. Если в русском языке основным принципом определения, к какой части речи принадлежит то или иное слово, является морфологический критерий, то в китайском языке в качестве ведущего выступает синтаксический принцип, когда грамматическое значение выражается позицией слова в предложении и (или) с помощью служебных частей речи.

Такие глубокие языковые различия на всех уровнях обуславливают трудности, связанные с восприятием частей речи, с которыми сталкиваются учащиеся из КНР при обучении русскому языку на элементарном уровне, а именно: 1) трудности, обусловленные отсутствием формальных показателей частеречной принадлежности слова в китайском языке; 2) трудности, обусловленные сложной и разветвленной системой частей речи в русском языке. Кроме того, сформированные речевые навыки на родном языке могут переноситься на новый языковой материал. В этом случае родной язык становится как опорой для усвоения иностранного языка, так и причиной появления ошибки на любом уровне порождения речевого высказывания. При столкновении систем китайского и русского языков преподавателю требуется перестроить стереотипы родного языка студентов. Большую роль в этом процессе играет материал учебных пособий, которые преподаватель выбирает как основу обучения.

При анализе подходов и методов преподавания РКИ, применяемых в Китае и в России, можно сделать вывод о том, что на начальном этапе обучение грамматике и лексике проводится комплексно и в целом единообразно. Учебники, изданные в обеих странах, содержат большое количество разнообразных упражнений на отработку изученного материала. Порядок введения морфо-

логического материала соответствует потребностям учащихся из КНР, он учитывает возможные трудности, основываясь на синтаксическом принципе организации материала, что открывает возможности более полно реализовать коммуникативную направленность обучения.

Обучение грамматике детерминировано широким экстралингвистическим контекстом и национально-культурными особенностями студентов. В этом случае важен индивидуальный под-

ход при изучении каждой грамматической темы, особенно при обучении студентов, чей родной язык в типологическом плане кардинально отличается от изучаемого неродного (русского) языка. Неоценимую помощь в этом отношении может оказать корпусная лингвистика, которая дает возможность преподавателю и студенту наблюдать и анализировать реальные жизненные ситуации, а также предоставляет разножанровые языковые, речевые и лингвострановедческие данные.

Литература

- Багдужева, А. В. Специфика функционирования имени существительного в речи билингов (русско-китайский и китайско-русский интерязыки) : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Багдужева. – М., 2022. – 248 с.
- Балыхина, Т. М. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления / Т. М. Балыхина, Юйцзян Чжао. – М. : Издательство РУДН, 2010. – 344 с.
- Богородицкий, В. А. Лекции по общему языковедению / В. А. Богородицкий. – Казань : Типолитография Императорского университета, 1991. – 255 с.
- Волоснова, Ю. А. Корпусная лингвистика: проблемы и перспективы / Ю. А. Волоснова // Лесной вестник. – 2006. – № 7. – С. 43–49.
- Гао, Минкай. Проблема частей речи в китайском языке / Гао Минкай // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 48–57.
- Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1990. – 318 с.
- Дин, Шуци. Русский язык. Основной курс : в 4-х частях. Часть I / Шуци Дин, Цзин Линь. – Пекин : Издательство Пекинского института иностранных языков, 1980. – 395 с.
- Драгунов, А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка / А. А. Драгунов. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1962. – 270 с.
- Золотых, Л. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории / Л. Г. Золотых, М. Л. Лаптева, М. С. Кунусова, Т. К. Бардина. – Астрахань : Астраханский университет, 2012. – 91 с.
- Кошкарлова, Н. Н. Составление упражнений на базе лингвистического корпуса при изучении РКИ / Н. Н. Кошкарлова // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. – С. 98–103.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- Курдюмов, В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В. А. Курдюмов. – М. : ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД ; ЛАДА, 2005. – 576 с.
- Лю, Цзюань. Декларативные знания китайских студентов о частях речи / Цзюань Лю // Молодой ученый. – 2012. – № 2 (37). – С. 184–185.
- Мартынова, М. А. Современные учебники РКИ: опыт анализа / М. А. Мартынова, Е. Ю. Николенко // REOSIANAG Journal of Institute for Russian and Altaic Studies. Chungbuk National University. – 2016. – № 8. – С. 107–132.
- Мы говорим по-русски : учебное пособие / И. В. Нефедов, А. Ф. Пантелеев, А. В. Ши ; отв. ред. А. Ф. Пантелеев. – М. : РИОР, 2023. – 140 с.
- Остапенко, В. И. Обучение русской грамматике иностранцев на начальном этапе / В. И. Остапенко. – М. : Русский язык, 1987. – 144 с.
- Потебня, А. А. Из заметок по русской грамматике. Ч. 1 / А. А. Потебня. – М. : Издательство «Юрайт», 2017. – 266 с.
- Потебня, А. А. Из заметок по русской грамматике. Ч. 2 / А. А. Потебня. – М. : Издательство «Юрайт», 2017. – 294 с.
- Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков / В. М. Солнцев. – М. : Восточная литература, 1995. – 352 с.
- Тань, Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка. – М. : Языки славянских культур, 2002. – 896 с.
- Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение / Ф. Ф. Фортунатов. – М. : Издательство «Юрайт», 2019. – 220 с.
- Цзин, Байлян. Учение о классах слов в истории китайской лингвистической традиции / Байлян Цзин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5, № 3. – С. 228–235.
- Цзин, Байлян. Проблема выделения частей речи в китайском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук / Байлян Цзин. – Челябинск, 2021. – 245 с.
- Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М. : Флинта, 2014. – 720 с.
- Ян, Фан. Обучение русскому языку китайских студентов-русистов в грамматическом аспекте / Фан Ян // Язык и культура. – 2014. – № 1 (25). – С. 168–173.

- Янь, Хун Бо. Коррекция грамматических навыков в устной речи китайских студентов-русистов при обучении вне языковой среды : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Хун Бо Янь. – СПб., 1996. – 16 с.
- У, Яньян. Грамматические трудности, испытываемые китайскими студентами при изучении русского языка в русской языковой среде / Яньян У // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2018. – № 2 (80), ч. 2. – С. 421–424.
- 陈承泽. 国语法草创/陈承泽 = Чэнь, Чэнцэ. Начала грамматики национального языка / Чэнцэ Чэнь. – URL: <https://books.google.ru/books/> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст : электронный.
- 吕叔湘. 中国文法要略 = Люй, Шусян. Краткий очерк грамматики китайского языка / Шусян Люй. – URL: <https://books.google.ru/books/> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст : электронный.
- 马建忠. 马氏文通 = Ма, Цзяньчжун. Объяснение правил письменного языка господина Ма / Цзяньчжун Ма. – URL: https://books.google.ru/books (дата обращения: 30.04.2023). – Текст : электронный.
- 史宝辉. 形容词的分类问题 = Ши, Баохуэй. О классификации имен прилагательных / Баохуэй Ши. – URL: <http://waiyu.bjfu.edu.cn> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст : электронный.
- 现代汉语词典 = Словарь современного китайского языка. – URL: <http://cidian.xpcha.com/> (дата обращения: 30.04.2023). – Текст : электронный.

References

- Bagdueva, A. V. (2022). *Spetsifika funktsionirovaniya imeni sushchestvitel'nogo v rechi bilingvov (russko-kitaiskii i kitaisko-russkii interyazyki)* [The Specifics of the Noun's Functioning in the Speech of Bilinguals (Russian-Chinese and Chinese-Russian Interlanguages)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 248 p.
- Balykhina, T. M., Zhao, Yujiang. (2010). *Ot metodiki k etnometodike. Obuchenie kitaitsev russkomu yazyku: problemy i puti ikh preodoleniya* [From Methodology to Ethn methodology. Teaching Chinese Russian: Problems and Ways to Overcome Them]. Moscow, Izdatel'stvo RUDN. 344 p.
- Bogoroditsky, V. A. (1991). *Lektsii po obshchemu yazykovedeniyu* [Lectures on General Linguistics]. Kazan, Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta. 255 p.
- Chen, Chengze. *Nachala grammatiki natsional'nogo yazyka* [Beginnings of the Grammar of the National Language]. URL: <https://books.google.ru/books/> (mode of access: 30.04.2023).
- Ding, Shuqi. (1980). *Russkii yazyk. Osnovnoi kurs: v 4-kh chastyakh* [Russian Language. The Main Course, in 4 parts]. Part I. Beijing, Izdatel'stvo Pekinskogo instituta inostrannykh yazykov. 395 p.
- Dragunov, A. A. (1962). *Grammaticheskaya sistema sovremennogo kitaiskogo razgovornogo yazyka* [Grammar System of Modern Spoken Chinese]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 270 p.
- Fortunatov, F. F. (2019). *Sravnitel'noe yazykovedenie* [Comparative Linguistics]. Moscow, Izdatel'stvo «Yurait». 220 p.
- Gao, Minkai. (1955). Problema chastei rechi v kitaiskom yazyke [The Problem of Parts of Speech in Chinese]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 3, pp. 48–57.
- Gorelov, V. I. (1990). *Teoreticheskaya grammatika kitaiskogo yazyka* [Theoretical Grammar of Chinese]. Moscow, Prosveshchenie. 318 p.
- Ian, Fan. (2014). Obuchenie russkomu yazyku kitaiskikh studentov-rusistov v grammaticheskom aspekte [Teaching the Russian Language to Chinese Russian Students in the Grammatical Aspect]. In *Yazyk i kul'tura*. No. 1 (25), pp. 168–173.
- Jing, Bailiang. (2019). Uchenie o klassakh slov v istorii kitaiskoi lingvisticheskoi traditsii [The Doctrine of Word Classes in the History of Chinese Linguistic Tradition]. In *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. Issue 5. No. 3, pp. 228–235.
- Jing, Bailiang. (2021). *Problema vydeleniya chastei rechi v kitaiskom i russkom yazykakh* [The Problem of Identifying Parts of Speech in Chinese and Russian Languages]. Dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk. 245 p.
- Koshkarova, N. N. (2020). Sostavlenie uprazhnenii na baze lingvisticheskogo korpusa pri izuchenii RKI [Compiling Exercises Based on a Linguistic Corpus When Studying Russian as a Foreign Language]. In *Kognitivnye strategii filologicheskogo obrazovaniya v Rossii i za rubezhom*. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 98–103.
- Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards Acquiring Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 560 p.
- Kurdyumov, V. A. (2005). *Kurs kitaiskogo yazyka. Teoreticheskaya grammatika* [Chinese Language Course. Theoretical Grammar]. Moscow, TsITADEL"-TREID, LADA. 576 p.
- Liu, Juan. (2012). Deklarativnye znaniya kitaiskikh studentov o chastyakh rechi [Declarative Knowledge of Chinese Students about Parts of Speech]. In *Molodoi uchenyi*. No. 2 (37), pp. 184–185.
- Lu, Shuxiang. *Kratkii ocherk grammatiki kitaiskogo yazyka* [A Brief Outline of Chinese Grammar]. URL: <https://books.google.ru/books/> (mode of access: 30.04.2023).
- Ma, Jianzhong. *Ob'yasnenie pravil pis'mennogo yazyka gospodina Ma* [Explaining the Rules of Mr. Ma's Written Language]. URL: https://books.google.ru/books (mode of access: 30.04.2023).
- Martynova, M. A., Nikolenko, E. Yu. (2016). Sovremennye uchebniki RKI: opyt analiza [Modern Textbooks of Russian as a Foreign Language: An Analysis Experience]. In *REOSIAHAG Journal of Institute for Russian and Altaic Studies. Chungbuk National University*. No. 8, pp. 107–132.
- Nefedov, I. V., Panteleev, A. F., Shi, A. V. (2023). *My govorim po-russki* [We Speak Russian]. Moscow, RIOR. 140 p.

Ostapenko, V. I. (1987). *Obuchenie russkoi grammatike inostrantsev na nachal'nom etape* [Teaching Russian Grammar to Foreigners at the Elementary Level]. Moscow, Russkii yazyk. 144 p.

Potebnya, A. A. (2017). *Iz zametok po russkoi grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Part 1. Moscow, Izdatel'stvo «Yurait». 266 p.

Potebnya, A. A. (2017). *Iz zametok po russkoi grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. Part 2. Moscow, Izdatel'stvo «Yurait». 294 p.

Shakhmatov, A. A. (2014). *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Moscow, Flinta. 720 p.

Shi, Baohui. *O klassifikatsii imen prilagatel'nykh* [On the Classification of Adjectives]. URL: http://waiyu.bjfu.edu.cn/shibaohui/sspy_sbh/-llyyx/130414.htm (mode of access: 30.04.2023).

Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka [Dictionary of Modern Chinese Language]. URL: <http://cidian.xpcha.com/> (mode of access: 30.04.2023).

Solntsev, V. M. (1995). *Vvedenie v teoriyu izoliruyushchikh yazykov* [Introduction to the Theory of Isolating Languages]. Moscow, Vostochnaya literatura. 352 p.

Tan, Aoshuang. (2002). *Problemy skrytoi grammatiki. Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya. Na primere kitaiskogo yazyka* [Problems of Hidden Grammar. Syntax, Semantics and Pragmatics of the Language of the Isolating System. On the Example of the Chinese Language]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 896 p.

Volosnova, Yu. A. (2006). *Korpusnaya lingvistika: problemy i perspektivy* [Corpus Linguistics: Problems and Prospects]. In *Lesnoi vestnik*. No. 7, pp. 43–49.

Wu, Yanyan. (2018). *Grammaticheskie trudnosti, ispytyvaemye kitaiskimi studentami pri izuchenii russkogo yazyka v russkoi yazykovoï srede* [Grammatical Difficulties Experienced by Chinese Students in Studying the Russian Language in the Russian Language Environment]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 2 (80). Part 2, pp. 421–424.

Yan, Hong Bo. (1996). *Korrektiya grammaticheskikh navykov v ustnoi rechi kitaiskikh studentov-rusistov pri obuchenii vne yazykovoï srede* [Correction of Grammatical Skills in the Oral Speech of Chinese Russian Students When Teaching Outside the Language Environment]. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Saint Petersburg. 16 p.

Zolotykh, L. G., Lapteva, M. L., Kunusova, M. S., Bardina, T. K. (2012). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v kitaiskoi auditorii* [Methods of Teaching Russian as a Foreign Language in Chinese Audience]. Astrakhan, Astrakhanskii universitet. 91 p.

Данные об авторах

Бойко Елена Сергеева – старший преподаватель кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76.

E-mail: boikoes@susu.ru.

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76.

E-mail: nkoshka@rambler.ru.

Authors' information

Boiko Elena Sergeevna – Senior Lecturer of Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia).

Koshkarova Natalya Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia).

Дата поступления: 08.10.2023; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 08.10.2023; date of publication: 30.10.2024

УДК 378.016:811.111'271.16. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-213-223. ББК Ш143.21-9-55.
ГРНТИ 14.35.09. Код ВАК 5.8.2

DISTRIBUTED LANGUAGE THEORY IN ESP DEBATES

Olga A. Karamalak

HSE University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5502-8487>

Ksenia A. Vertlib

HSE University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-6522-8537>

Abstract. In the current digital environment, the need for writing arguments and counterarguments has increased considerably. People interact on professional and academic forums and write emails and messages on social networks and in professional applications within their companies. This explains the importance of teaching students to conduct debate in writing at lessons of English for specific purposes (ESP). The purpose of this research is to develop argumentative and critical thinking skills of students in the sphere of ESP. The aim of the paper is to create a series of tasks that would assist students assist in becoming more competent in the field of ESP and would also make the overall process of debate conduct easier by reducing stress level. The tasks are intended to be interactive, team-based, research-intensive, and are expected to enhance students' linguistic competence. Based on the identified clusters of content errors in written debates, the exercises are divided into four groups: 1) theses; 2) arguments; 3) examples and proofs; 4) counterarguments. Some exercises are complex and are aimed at developing different aspects of written debates simultaneously. This research is based on the sample of 98 students' written debates as part of an assessment task in the discipline English for International Relations and Business at the Faculty of World Economy and International Relations (HSE University). Drawing on the theoretical approaches of social constructivism and distributed language, all these exercises encourage students' autonomy and their active participation in the classroom to generate knowledge and skills of writing arguments. They involve dynamic interaction and cooperation, and provide knowledge through dialogue, since language is viewed upon as an activity. Internet and online teaching platforms are used in teaching, since cognition is distributed and extends beyond the limits of one's mind, thus presupposing a technological expansion.

Keywords: social constructivism; distributed language; written debates; argument; counterargument; English for Specific Purposes (ESP)

For citation: Karamalak, O. A., Vertlib, K. A. (2024). Distributed Language Theory in ESP Debates. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 3, pp. 213–223. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-213-223.

ТЕОРИЯ РАСПРЕДЕЛЕННОСТИ ЯЗЫКА В ДЕБАТАХ НА АНГЛИЙСКОМ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Карамалак О. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5502-8487>
SPIN-код: 2779-5741

Вертлиб К. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-6522-8537>

Аннотация. В современных цифровых условиях необходимость в написании аргументов и контраргументов значительно возросла. Люди взаимодействуют на профессиональных и академических форумах, пишут электронные письма, сообщения в социальных сетях и профессиональных приложениях внутри своих компаний. Это объясняет важность обучения дебатам в письменной форме на занятиях английского языка для специальных целей. Исследование направлено на развитие у студентов аргументационных и критических навыков мышления в области английского для специальных целей. Цель данной работы заключается в создании серии заданий, которые помогут студентам стать более компетентными в аргументации в области английского для специальных целей и сделают процесс проведения дебатов более легким, снизив уровень стресса. Задания составлены и предложены таким образом, чтобы они были интерактивными, командными, исследовательскими и способствовать повышению языковой компетенции студентов. На основе выявленных кластеров ошибок в содержании проведенных письменных дебатов упражнения разделены на четыре группы: 1) тезисы; 2) аргументы; 3) примеры и доказательства; 4) контраргументы. Некоторые упражнения являются комплексными и направлены на одновременное развитие различных аспектов письменных дебатов. Это исследование основано на результатах работ письменных дебатов 98 студентов, выполненных в качестве оценочного задания по дисциплине «Английский язык для международных отношений и бизнеса» на факультете «Мировая экономика и международные отношения» (НИУ «Высшая школа экономики»). Согласно теории социального конструктивизма и распределенного языка все упражнения способствуют автономии студентов и их активному участию в классе для формирования знаний и навыков написания аргументов. Они предполагают динамическое взаимодействие, сотрудничество и тем самым возникновение знаний через диалогизм, поскольку язык рассматривается как действие. В заданиях применяются Интернет и специальные онлайн-платформы для обучения, поскольку сознание распределено и выходит за пределы нашего разума, предполагая тем самым технологическую расширенность.

Ключевые слова: социальный конструктивизм; распределенный язык; письменные дебаты; аргумент; контраргумент; английский для специальных целей

Для цитирования: Карамалак, О. А. Теория распределенности языка в дебатах на английском для специальных целей / О. А. Карамалак, К. А. Вертлиб. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 213–223. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-3-213-223.

Introduction

In the modern world there are a lot of situations which require people to advance their opinions and persuade their opponent either orally (in a conversation, at a conference, in professional environments, etc.) or in a written form (in work correspondence, on online forums, etc.). In this respect, a person should be able to provide arguments for and against their opinion in a logical way and organize them in an argumentative way. These skills are referred to as argumentative literacy [Gudkova 2021] and they can be performed in an interactive speech mode or a written format.

We approach written debate tasks and other preparation assignments through a social constructivist approach in pedagogy [Vygotsky 1978; Taylor 2018] which will be expanded further to a distributed language approach [Cowley 2011, 2022, 2024] or ecological viewpoint (which consider e-gadgets as part of our extended cognition [Cowley 2011; Zheng et al. 2024]).

Written debates were chosen as one of the four module assessments for third year students majoring in International Affairs at HSE University. The module on International relations includes the following themes: (1) Hard and Soft Power, (2) Responsibility to Protect (R2P), and (3) Armed Conflicts. The assessment task is then presented to the students, who have 60 minutes to respond to the topic questions. They must first provide a thesis statement with three prongs that support the student's position. Next, they must unfold one argument, explain it, and support it with a suitable example. Finally, they must exchange their paper with a partner, read the question and the argument, put forth by their opponent, and then provide a counterargument (a polite critique, a counterargument, an expansion and explanation, and a relevant example) in response. To prevent plagiarism, three distinct subjects were assigned to each group. A form with the prescribed blocks was given to them: Topic, Student 1, Thesis statement, Argument, Evidence, Student 2, Counterargument, Evidence. It was forbidden for students to use smartphones or the Internet.

Within the study, the following questions are recommended:

1. Are soft power strategies effective in the contemporary international system?
2. Is hard power an effective means to influence the behavior of other political bodies?
3. Is soft power a more difficult instrument for governments to wield than hard power?
4. What is better for humanity: the devotion of the West to R2P or the BRICS countries' rejection of international action?
5. Does R2P prioritize the interests of powerful states over the protection of vulnerable populations?
6. Is humanitarian intervention, in terms of food, water, and medical aid, motivated only by the

desire to help suffering people from another country?

7. Can a war be justified by a just cause?
8. Is a just war better than an unjust peace?
9. Do advanced technologies make warfare more cruel?

The assessment rubric was used to grade the student papers (98 students took part in the research). The grading scheme used by the institution comprises 10 points maximum where 3 or less is considered as failure. Overall, the data indicate that students successfully completed the task: just 1% failed the assignment, and 92% of students earned an excellent (10, 9, or 8) or good assessment (7 or 6). However, we analyzed students' papers in order to determine the challenges they faced while completing the task.

The most common errors found in the content were as follows: (1) a thesis statement lacking the three points that support the position stated; (2) an argument lacking focus, logic, or organization, or starting with evidence rather than a well-formed argument; (3) lack of relevant examples to support an argument or a counterargument; and (4) a counterargument that either fails to refute the initial claim or offers examples that are not pertinent.

The aim of this work is practical and pedagogical, to develop a sequence of assignments which can help students improve their argumentative literacy in ESP debates and facilitate the completion of the written debates assignment. We are aimed to design exercises which are interactive, collaborative, research challenging, and expand linguistic boundaries. They will be classified into four categories depending on the above defined clusters of content mistakes.

Although many exercises have been worked out in the pedagogical literature aimed at thesis statement development, argument or a counterargument articulation, a Fact that Needs Proof (FNP), and a Specific Supporting Detail (SSD), there is no overall sequence of exercises designed to improve argumentative literacy for ESP debates from the point of a distributed language approach.

This set of exercises can be implemented in teaching ESP and research can be conducted to evaluate the effectiveness of the exercises within a study group.

Literature Review

Social constructivist and distributed language approach in pedagogy and debates

A collaborative learning strategy, called social constructivism, places emphasis on student participation, dialogue, and information sharing. According to this approach, a language instructor should implement learner-centered and collaborative teaching strategies in FLT. The fundamental element is that students work together to solve issues, exchange ideas, and produce new content to supplement what they already know. Multiple groups and interactive strate-

gies are possible within this teaching method, small-group and whole-class discussions, as well as student participation on certain subjects (e.g., in pairs) are also relevant. Students collaborate and brainstorm to identify patterns, solve issues, or just come up with something fresh to add to their knowledge. Knowledge exchange, teamwork, and information utilization are essential elements of learning and methods for reaching learning objectives. To sum it up, this learning paradigm emphasizes active interaction between students, the teacher, and other elements of the teaching-learning process [Saleem et al. 2021].

Vygotsky proposed social constructivism as a theory of learning in 1968. According to this perspective, language and culture serve as frames for how people see, interact with, and understand reality. Vygotsky believed that learning concepts are perceived and internalized by experience and cultural context as a function of language transmission. Because knowledge necessitates a community of individuals who share a language and culture, it is socially created and co-constructed. Knowledge is seen by social constructivists as something that students acquire in collaboration with peers and instructors. This particular approach of cognitive constructivism encourages students to work together with a facilitator or with other students [Mohammed & Kinyo 2020].

Taylor [2018] introduced the social constructivism learning theory, which defines potential growth (academic performance) as the degree of development a learner may reach with the assistance of peers or teachers. According to him, learning is a social activity that incorporates historical figures, family members, peers, and casual acquaintances. Social constructivism argues that communication, teamwork, and the use of knowledge are essential elements of learning and methods for accomplishing learning objectives. This particular form of cognitive constructivism encourages collaborative learning.

Students acquire ESP through linguistic actions: participating in debates, dialogues and group discussions, doing collaborative exercises, brainstorming arguments and counterarguments, looking for decision making propositions to political issues, and researching particular facts to support arguments and counterarguments.

The social constructivist approach has been developed further into the distributed language approach [Cowley 2011; 2024; Love 2004; Linell 2013; Thibault 2011; Kravchenko 2007 and etc.] or the ecological approach to perception and language learning [Zheng et al. 2024]. According to this stance, “the new ecolinguistics treats language as a part of human action. Linguaging, the basis for language development, co-constitutes technologically endowed environments” [Zheng et al. 2024: 109].

The text of an online discourse is generated through the interaction of participants with the text and different gadgets used to generate the text. In this interaction, the reader who is supposed to write a counterargument identifies the affordances of the environment that are significant to them. By affordance we mean explicit and implicit meanings,

some logical errors or other discrepancies which can be attacked in the refutation part and technological environment. American psychologist, Gibson, originated the word “affordance” (from the English affordance, derived from afford – to have or offer the opportunity). According to Gibson’s ecological theory of perception, affordance is the potential for an organism to respond in a certain way in its surroundings; these circumstances, which are important to the organism, show up in how it interacts with its surroundings [Gibson 1979: 127].

The concept of “language” refers to a diverse collection of occasions, pursuits, and tangible objects. A distributed viewpoint is centered on the actions individuals perform, frequently in concert, to generate and interpret what are understood to be language signals. In other words, it involves rejecting the idea that language is like a made-up code. We connect cognitive dynamics across time-scales when we engage in language, rather than relying on systematic information. It is possible to link language to existence in the larger human ecosystem. According to a distributed perspective, language develops when individuals behave independently or in groups while orienting to denotata and (physical) wordings [Cowley 2009].

Participants in written debates mutually serve as a source of disturbances for each other. Student A introduces arguments which correspond to their knowledge in International Affairs and personal opinion in this domain. Student B seeks to oppose the advanced argument, by expanding their own boundaries. As a result, it brings students to direct dynamic interaction in a written environment which leads to the expansion of consciousness [Karamalak 2010, 2013].

The acquisition of knowledge through interaction confirms that consciousness is distributed: it is not something that happens within us when a person is “stewing in their own juices,” but rather what we do, accomplish, and achieve together. Interaction with the environment, and with other people as part of that environment, can elevate us to a new level of knowledge. Consciousness is not something that exists within us; it is actively created by us through dynamic interactions with the world. We always write and read with others, as we are open systems of interactions [Bohm 1985; Harris 1981; Maturana 1980; Maturana & Varela 1992, and etc.].

Depending on the goals of the lesson and the formal specifications of university curricula, debate formats might vary [Bonwell & Eison 1991]. It implies that student discussions are possible, with the aim of presenting reasons in support of one’s position and refuting that of the opponent. It is also feasible to include students who will serve as judges or press representatives in debates to add interest. These students may then select a winner or pose challenging questions.

Debates can be conducted virtually using computer-mediated communication (CMC), which enables interaction between students from other colleges and classmates in the same group. Since CMC encourages students to apply their L2 vocabulary, grammar, and communication skills in online interactions, it is thought to increase students’ autonomy [Wach 2012].

According to Zheng et al. [2024]:

In this new ecolinguistic view, second language learning draws on both language and its technological extensions in shaping various modes of skillful activity. By focusing on activity in which wordings play a part, one plays down language use, operationalized learning and individuals. Rather, the focus falls on how, in enlanguaged worlds, co-acting (at times, with oneself) contributes to skills and expertise. Performance in distributed systems can ground coordinative agency as one both masters practices and individuals as a person. One draws, to a large extent, on skilled linguistic action and how usage brings “relevant” properties to wordings.

CMC is essential in linguistic skills development and knowledge extension in general. CMC can be performed in both synchronous and asynchronous online debates formats. While a teacher can monitor the learning process and offer rapid feedback, synchronous learning environments increase student involvement and motivation [Hrastinski 2008]. On the other hand, since they are not constrained by time, asynchronous learning environments offer greater freedom to teachers and students [Mayadas 1997; Chen et al 2024]. Asynchronous conversations aid in the growth of reflexivity, which is defined as the capacity to generate ideas and then evaluate them [Archer 2003].

Online debating fosters interactions that are more comfortable and encouraging [Vinagre & Corral 2018; Khalsi 2013]. In the opinion of William and Mostert (2005), they enhance higher order thinking and are a helpful tool for refining critical thinking. This is consistent with Tu’s (2004) study, which asserts that students have plenty of opportunity to consider their arguments more carefully and offer more reasoned evidence to support them in online written discussions. Students may more easily assess their thoughts and make revisions when they type their responses.

Students who struggle with fluency and competency in English may find it easier to develop their arguments in a written format [Tannen 1998]. Additionally, text-based debates are a better format for timid or introverted students who might be reluctant to interact with others in person but are willing to contribute to the discussion by typing their opinions [Rinekso & Muslim 2020]. According to Aubry (2022), the text-chat mode, which requires students to permanently record written ideas during interaction, may encourage more focused production during writing.

Gudkova [2021] notes that when debates are conducted in writing, students are motivated to point out weaknesses in one another’s arguments, which enhances discussion and develops their critical thinking abilities. There are, however, several drawbacks to this approach for students. First, the convoluted process and the teacher’s lack of guidance might confound some debaters [William & Mosert 2005]. Second, there is a chance that certain arguments may be misunderstood for a variety of reasons (inaccuracies in syntax, spelling, grammar, and vocabulary, for example), which could cause misunderstandings between debaters [Murphy & Coleman 2004]. As such, it might affect their performance and reasoning.

Methodology

This research, practical and pedagogical in its nature, is aimed at designing a set of exercises from the point of social constructivism [Vygotsky 1978] and distributed language [Cowley 2011, 2022; Thibault 2011; Linell 2013; Zheng et al. 2024 and etc.] where learners take an active stance and build their language skills in ESP in social interaction, dynamics, and cooperation; where language skills are considered as extended due to bodily dynamics and environmental extension, physical or virtual/digital. Assignments are proposed based on the results of the previous case study, the analysis of the works written by the third year students majoring in International Relations of HSE University. Consequently, according to the outcomes of that study, students faced problems with (1) writing a thesis statement which reflects the ideas further developed in the main body, (2) providing a persuasive argument or an organisationally correct argument (FNP), (3) providing an appropriate and logical SSD; (4) writing a relevant counterargument refuting the opponent’s idea.

Exercises for Developing Argumentative Literacy

One of the most effective tasks to develop thesis statement writing is a collaborative discussion of each other’s ideas. Students can be divided into groups of three or four and given a controversial topic pertinent to the lesson. Each student is supposed to suggest their thesis statement, then students discuss all together the advantages and disadvantages of each other’s works and suggest improvements. Not only does this task help students master argumentative skills, but it also encourages students to cooperate and hone critical thinking skills. According to Sumekto and Setyawati [2018], self-correction tasks also have a positive influence on metacognitive skills.

Task. Do some research into modern technologies used in war and write a thesis statement on the following topic “War will become less destructive if robots replace soldiers on the battlefield.”

Instructions. Give students 7-10 minutes to research the topic, then divide them into groups of three or four, ask them to exchange their results and let them discuss their ideas for 12-15 minutes. After this, students should write a well-developed thesis statement with three prongs. Finally, they should exchange their thesis statements and suggest some improvements if necessary.

Alternatively, students can be asked to write a thesis statement on a topic within the themes studied they choose themselves. Students’ interest may be ignited with some independence and an array of topics to choose from. While exploring the topic, students can come up with questions which can be discussed together with their peers. This task is aimed at mastering research skills, collaboration and creativity. While they learn how to write a well-developed thesis statement, they are not assessed by the teacher, but can benefit from their partner’s help and suggestions.

According to the outcomes of the conducted research, some students encountered problems with coming up with a relevant argument which can support their viewpoint. In this case argument mapping

can work as an effective task aimed at developing both critical-thinking and debating skills. Students can use different colors to show connections between claims and to differentiate between arguments for and against. According to Chen et al. [2024], this task can help L2 learners visualize their arguments and evaluate their validity. When performed collaboratively, the task also contributes to developing brainstorming

skills and knowledge acquisition in ESP. Argument mapping can be done with the help of special applications such as Argumentation.io, Argumap, or FigJam (Figure 1). They are based on the same idea that students should generate arguments and organize them in a map showing connections between arguments and SSDs.

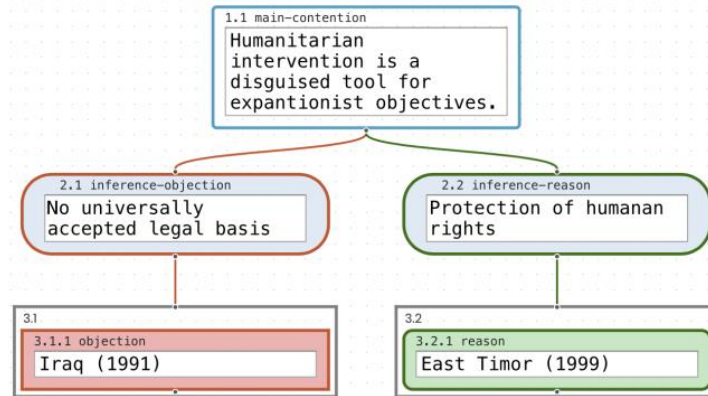

Figure 1. Argumentation.io mapping

Oral activities such as turn-taking [Teasley & Roschelle 2013] also align with the pedagogical objectives of argumentative literacy development. Collaborative completion implies one student suggesting an argument, and their partner should extend the idea by providing strong evidence or an example.

Task. Think about the following topic: “Soft power is more effective than hard power in modern international relations.” Provide arguments in favor of your opinion and ask your partner to give a relevant example.

Instructions. Give students an article on the significance of soft power and its benefits as homework or assign students to do research on this topic. In class, divide students into pairs and ask them to work in turns. First, one student should generate an argument based on the studied material or their knowledge of the subject. Their partner should listen carefully and be able to provide an illustrative example. Then, students take turns.

Another oral activity that can be beneficial for developing both argumentative and counterargumentative skills is commenting on a quote. This task implies a deep analysis of thought-provoking statements and the ability to interpret them as well as illustrating one’s perspective. One student is asked to provide their stance on the given quotation, substantiated with a strong argument and a valid example. Their partner is supposed to listen actively and refute this argument regardless of their opinion on the topic. This task, though oral, is a great preparation for debates in writing in which students cannot choose their viewpoint when it comes to providing a counterargument.

Task. Work in pairs. Comment on the following quote: “Swords determine outcomes, but it is minds that determine the hands that wield the swords.” Give an argument to justify your opinion and a relevant example. Your partner should identify a weakness in your argumentation and provide a counterargument.

Instruction. Divide students into pairs or let them choose a partner themselves. Give them 5–7 minutes to think

about both sides of the issue and let them choose a position. Then, one student presents their understanding of the quote, gives one argument illustrated by a relevant example. Their partner listens attentively, tries to identify a flaw and respond to the provided argument with a rebuttal.

This task should help students develop both critical thinking and communicative skills as they are supposed to view a problem from different perspectives and express their opinions orally. Besides, students learn to see the relevance between the argument and the example.

Exercises on relevance between the example and the argument can be in different forms. First, an argument with an irrelevant example can be provided so students can discuss why the latter does not support the argument. Second, an argument can be proposed then students should do research to provide relevant examples. Their answers can be discussed and the examples evaluated in terms of relevance. Third, an opposite task can be given - when an example is presented and students are asked to articulate an argument.

Task: Work in groups of 3–5 people. Read an argument and a provided example. Decide if the example is relevant and illustrative enough, give your explanation or provide a better example. Discuss your ideas in small groups, then give your explanation to the whole class.

“Despite the fact that the development of advanced technologies has led to the creation of weapons of mass destruction and new methods of waging war, technologies can also work as a deterrent to war. For example, economic sanctions or digital sanctions in using several apps, disconnection from TV channels or banking systems such as SWIFT can help make the confrontation less cruel.”

Instructions: Provide students with arguments and examples so that they can discuss them and determine their relevance. Give them ten minutes to work in small groups, then listen to their answers and arrange a whole class discussion.

The practice of presenting counterarguments needs special consideration. Arguments that refute one another are essential to a successful debate and are crucial to dialectic and dialogic ways to reasoning. For example, pragmatic dialectics highlights how sophisticated defenses of positions develop dialogically as proponents react to or foresee the objections of their opponents [cf. van Eemeren 2018: 37].

Counterarguments, according to Rocci [2020], have the following characteristics: (a) they start a sub-discussion; (b) they rely on whether a certain step in the original argument's existing structure is acceptable, relevant, or sufficient; (c) they have their own argumentation structure; and (d) they encourage further developments of the original discussion's argumentation structure. The three basic categories of counterarguments – rebutting a conclusion, refuting a premise, and undermining an argument – which Peldusz and Stede [2013] identified in Pragma-Dialectics should be explained to students. Undermining an argument “questions the supporting force of the premise for the conclusion” by pointing at a possible exception that could invalidate the inferential step from premise to conclusion [Peldusz & Stede 2013: 9].

Exercise on conclusion rebuttal.

Task. Below is an argument. Work in pairs, discuss the argument, Refute the concluding idea, using the following linkers: however, but, nevertheless, nonetheless, despite this, in spite..., although, though, even though.

Instructions: Explain the difference among three types of rebuttals (rebut a conclusion, rebut a premise, and undermining an argument). Then give this task allowing time for discussion and writing a counterargument (7 min).

“The concept behind soft power is that preferences may be shaped by appeal rather than coercion. Without using military force or imposing economic sanctions, this non-coercive strategy enables governments to build partnerships and shape the policies of other nations.”

Sample answer: However, partnerships are not always possible to form through attraction and persuasion in case of conflicts of interest. There are situations that demand quick results, such as military conflicts.

Exercise on premise rebuttal.

Task. Below is an argument, read it carefully, work in pairs and write a refutation of the premise. Pay attention to the advanced assumption, question it. Think what is needed to make this assumption true.

“It can be less expensive to use soft power than force the economy or conduct military actions. It enables nations to accomplish their foreign policy objectives without incurring the financial costs of using strong force measures. This cost-effectiveness is becoming more and more important in a time when military operations might be politically and financially unfeasible.”

Sample answer: Expenses should be measured and compared for both strategies taking into account the length of their implementation. Only afterwards can it be claimed that soft power is undeniably less expensive to apply than hard power. Otherwise, it seems irrelevant to argue the cost-effectiveness of soft power, given its long-term implementation.

Exercise on undermining an argument.

Task. Read an argument carefully and question the

connection between the premise and the conclusion. Work in pairs, discuss your ideas and write a refutation.

“In comparison to hard power, soft power is frequently viewed as a more sustainable method of influence. Even though hard power can produce immediate benefits, as global dynamics change over time, its efficacy tends to decline. On the other hand, soft power creates enduring bonds based on respect for one another and common ideals and values that withstand shifting political environments.”

Sample answer: Despite the possibility of creating partnerships based on common ideals and values, its practical realization is not always possible since countries can pursue their own goals and may have considerable cultural differences. Sometimes it is needed to protect a country's sovereignty and territorial integrity which requires the use of hard power, particularly in reaction to perceived threats or transgressions by other powers. Moreover, political changes can be unpredictable and lead to the inefficiency of soft power.

Another exercise to practice refutation based on logical fallacies can be proposed. The most common logical fallacies in international relations are false cause (post hoc), bandwagon, emotional appeal, slippery slope, black-or-white, special pleading, ad hominem, appeal to authority, begging the question, etc. Students are encouraged to find information about them with an example. Then they create their examples without naming the logical fallacy and others try to guess and determine them with proper explanation. Exercise on logical fallacies:

Task: Work in groups of four, read arguments below and determine a type of a logical fallacy there. Explain your opinion and try to find a common ground to agree on the fallacy.

(1) “Country X has a lot of soft power because everyone says they do. They have a popular culture and their citizens are well-educated, so they must be influential on the global stage.”

(2) “Opponents often argue that if hard power is applied, it will inevitably lead to military actions, suffering people, numerous human rights violations resulting in conflict expansion and further on global war.”

Instructions: Divide students in groups of four and present an argument to them. Allocate 5–7 min for their discussion so that they can generate an answer.

These tasks can develop logic, critical thinking, and argumentation skills. They allow a broader look on the problem and development of different perspectives on the same issue. Linguistic tools for convincing can be applied together with logic fallacy analysis. Students do research, surf the Internet or/and use AI to provide sound argumentation and support with relevant examples.

Written debates in ESP involve a lot of preparation and research work. Students should be assigned authentic texts, videos and podcasts which will provide them with a deeper understanding of the topic and help them to get to the core of the problem under discussion. After preparatory work, students can be asked to discuss their ideas in text messages or on online platforms designed for this goal. It might engage students more and boost their motivation. Recent studies state that online activities help students become more active learners [Hsieh & Tsai 2017] and encourage students to share their ideas without time

and place restrictions [Sung et al. 2016]. Besides, when students are involved in a debate in writing, they may benefit from the structure of the argumentative genre [Laurinen & Marttunen 2007].

Since we hold the view that our cognition is distributed and e-gadgets and services have become part of it, we advance the use of e-platforms, such as GoogleDoc, Flipgrid, Perusall, Miro or Kialo and others for holding online debates or for practicing argumentative literacy in or out of the classroom. GoogleDoc provides a great opportunity for students to work collaboratively on one topic. It is convenient for students to write several arguments for one topic at the same time. They do not waste any time with paperwork as they can see each other's ideas in real time.

Another platform which can be used for debating online is Flipgrid – a video platform which can be used

for recording small videos with arguments or discussing ideas in the comments. Flipgrid can be used for debating by recording a small video devoted to a controversial issue. The task of students is to provide their arguments in the comments and to disagree with each other. Another task can be to give students a topic which has some controversy and ask them to record videos in which they should voice their opinion and provide an argument with SSDs. Then, they should disagree with each other at least once in comments. Flipgrid contributes to developing argumentative skills, writing skills and active listening as well as allowing to improve digital skills.

Perusall can be used for exchanging opinions about an uploaded text or audio/video fragment in the class environment or receive notifications about recent entries if debate is held asynchronously (Figure 2).

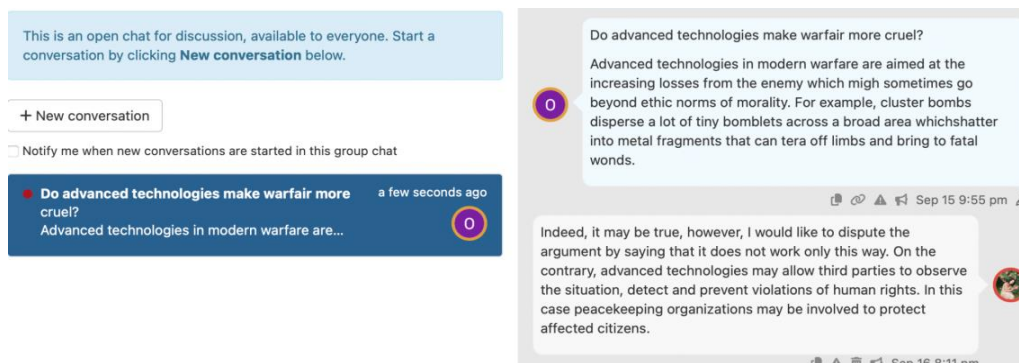

Figure 2. Written debates on Perusall

Miro is an online board designed for collaborative work and exchanging ideas both synchronously and asynchronously. A teacher can put a topic on the board and ask students to write their comments presenting arguments in favor of their opinion, then they can be asked to refute them. Another way to use Miro is to post several thesis statements or arguments and ask students to estimate their relevance and validity by leaving a comment. Miro has special templates for argument mapping and can be used for visualizing connections between arguments and counterarguments.

Kialo is an online platform designed for developing critical thinking skills providing an array of opportuni-

ties for holding online discussions. This platform is suitable for organizing debates for students with a good command of L2 and for those who need some scaffolding in order to participate in a discussion. Proficient students can be given a controversial topic and asked to generate arguments for and against it whereas students with a lower proficiency level can be provided with arguments that will be used in the course of the discussion. Their task will be to generate SSDs to illustrate the argument. Kialo is very convenient for leaving counterarguments since every argument can be refuted in the comments.

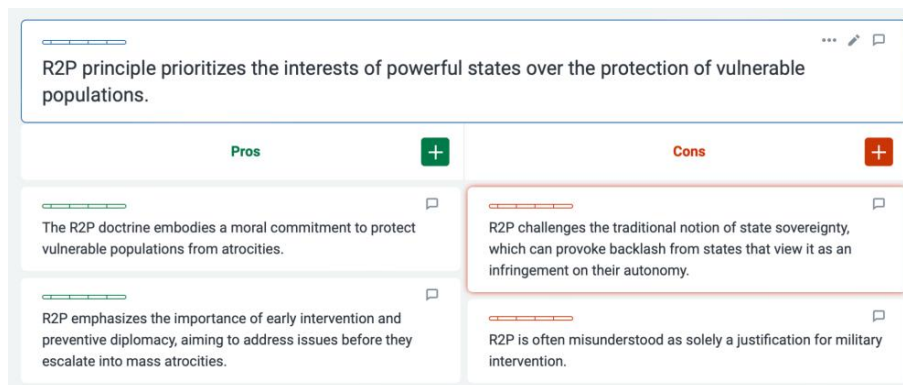

Figure 3. Kialo for pros and cons

Discussion

In general, written debates in ESP can be regarded as an effective assessment task which tests both stu-

dents' knowledge of the subject and their ability to apply critical thinking skills in practice. Argumentative literacy is a useful skill as it allows students to ex-

press their ideas logically and persuasively as well as negating their rivals' arguments. Many employers require their employees to communicate in chats, forums, and via emails, which means that those whose argumentative skills are well developed will have a competitive advantage. Communicating online in the working environment is usually polite and formal, however, debating on forums, especially if it is anonymous, is informal, even sometimes rude since people tend to vent the rage if their opinions clash. Students should be aware of it.

It should be noted that all the suggested tasks can be integrated and supplemented with other activities aimed at practicing active vocabulary items or grammatical structures. When generating thesis statements, arguments, or examples, students can be assigned to use at least three active vocabulary units. Active vocabulary can be practiced in such applications as Quizlet, Memrise, or Busuu. These platforms encourage students to learn vocabulary in an entertaining way independently from the lesson time. This tests not only professional knowledge of the subject, but also the vocabulary specific to the area of students' professional interests.

Although grammar may not be the focus of the lesson, students should practice emphatic structures such as inversions to stress the importance of the given argument and hedging strategies to soften their arguments when needed. Students should be encouraged to widely use conditional clauses to show the cause and effect relationships and express hypotheses.

Digital platforms can be utilized to boost students' motivation and engagement in the lesson; however, they can also distract students or give them leeway to cheat if they are not supervised carefully. Therefore, it is recommended to strike a balance between in-class traditional activities and their digital alternatives.

We expect that after performing these tasks, students should improve their knowledge of the topic, master their research skills and writing skills. Collaborative work contributes to developing independence from the teacher and improving cognitive capabilities. These tasks also help students to activate the knowledge acquired on the topic of their specializa-

tion. Not only does it help them hone critical thinking skills but it also develops active reading and rebuttal strategies.

Conclusion

When students write in a professional academic environment that values their autonomy, dialogicality, and the development of their argumentation and critical thinking skills, written debates can be a helpful tool for them to locate, explore, and organize ideas. When graduates go into the workforce, they will need to be able to defend their positions both orally and in writing, which calls for a strong demand for these skills. Written debates are an important part of ESP curriculum in tertiary education to support students in developing their analytical, critical thinking, and cooperative learning skills. Online forums and debate websites provide a space where individuals can research, defend, and justify their positions and/or refute the opposite viewpoints on contentious issues through textual disputes.

All the exercises have been designed in the framework of social constructivist and distributed language theories, where language is regarded as action which is socially and dialogically constructed through interactions and technologically extended by the Internet and e-gadgets.

This article contributes to pedagogical understanding of written debates as well as its practical implementation in the set of exercises aimed at thesis statements development, coherent argument and counterargument articulation, and relevant evidence support. A book of exercises on argumentative literacy development for ESP in International Relations can be proposed. Further research on the efficiency of the exercises can be conducted among students based on the results of their written debates. Students' feedback can play an important part in designing exercises and teaching written debates. The manuscript can be of interest for both practitioners, including second language instructors in ESP, who practice debates and argument propositions, and academic researchers in pedagogy, ESP, and logic.

Литература

- Карамалак, О. А. Языковой знак и прототипическая семантика / О. А. Карамалак. – Магнитогорск : ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет», 2010. – 174 с.
- Карамалак, О. А. Письменная коммуникация как среда интерактивных взаимодействий / О. А. Карамалак // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2013. – № 4 (22) : в 2-х ч. Ч. I. – С. 77–80.
- Archer, M. S. Structure, agency and the internal conversation / M. S. Archer. – Cambridge University Press, 2003. – <https://doi.org/10.1017/CBO9781139087315>.
- Bohm, D. Unfolding Meaning. A Weekend of Dialogue with David Bohm / D. Bohm. – London : Routledge, 1985.
- Bonwell, C. C. Active learning: Creating excitement in the classroom. 1991 ASHE-ERIC higher education reports / C. C. Bonwell, J. A. Eison. – ERIC Clearinghouse on Higher Education ; The George Washington University, 1991.
- Chen, X. Exploring college students' depth and processing patterns of critical thinking skills and their perception in argument map (AM)-supported online group debate activities / X. Chen, H. Zhao, H. Jin, Y. Li // *Thinking Skills and Creativity*. – 2024. – Vol. 51. – P. 101467. – <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2024.101467>.
- Cowley, S. J. Distribute Language and Dynamics / S. J. Cowley // *Pragmatics and Cognition*. – 2009. – Vol. 17 (3). – P. 495–508. – DOI: 10.1075/pc.17.3.01cow.
- Cowley, S. J. Distributed Language / S. J. Cowley. – John Benjamins, 2011.
- Cowley, S. Simplexifying: harnessing the power of enlanguaged cognition / S. Cowley, R. Gahrn-Andersen // *Chinese Semiotic Studies*. – 2022. – Vol. 18 (1). – P. 97–119. – <https://doi.org/10.1515/css-2021-2049>.

- Cowley, S. J. Made in Language; Ecolinguistic Expertise / S. J. Cowley // *Languages*. – 2024. – Vol. 9 (7). – P. 252. – DOI: 10.3390/languages9070252.
- Eemeren, van F. H. Argumentation Theory: A Pragma-Dialectical Perspective / F. H. van Eemeren. – Springer Cham, 2018. – <https://doi.org/10.1007/978-3-319-95381-6>.
- Gibson, J. The Ecological Approach to Visual Perception / J. Gibson. – Boston : Houghton-Mifflin, 1979.
- Gudkova, K. V. Developing argumentative literacy and skills in ESP students / K. V. Gudkova // *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*. – 2021. – P. 229–237. – <https://doi.org/10.22190/JTESAP2102229G>.
- Harris, R. The Language Myth / R. Harris. – London : Duckworth, 1981.
- Hrastinski, S. Asynchronous and synchronous e-learning / S. Hrastinski // *Educause quarterly*. – 2008. – Vol. 31 (4). – P. 51–55.
- Hsieh, W.-M. Taiwanese high school teachers' conceptions of mobile learning / W.-M. Hsieh, C.-C. Tsai // *Computers & Education*. – 2017. – Vol. 115. – P. 82–95.
- Khalsi, I. Knowledge Construction and Gender in online debates / I. Khalsi // *Arab World English Journal*. – 2013. – Vol. 4 (2).
- Kravchenko, A. V. Essential Properties of Language, or, why Language is not a Code / A. V. Kravchenko // *Language Sciences*. – 2007. – Vol. 29. – P. 650–971.
- Laurinen, L. I. Written arguments and collaborative speech acts in practising the argumentative power of language through chat debates / L. I. Laurinen, M. J. Marttunen // *Computers and composition*. – 2007. – Vol. 24 (3). – P. 230–246.
- Linell, Per. Distributed language theory, with or without dialogue / Per. Linell // *Language Sciences*. – 2013. – Vol. 40. – P. 168–173. – DOI: 10.1016/j.langsci.2013.04.001.
- Love, N. Cognition and the language myth / N. Love // *Language Sciences*. – 2004. – Vol. 26. – P. 525–544.
- Maturana, H. R. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living / H. R. Maturana. – Boston : Reidel Publishing Co, 1980.
- Maturana, H. R. The Tree of Knowledge: the Biological Roots of Human Understanding / H. R. Maturana, F. Varela. – USA : Random House, 1992.
- Mayadas, F. Asynchronous learning networks: A Sloan Foundation perspective / F. Mayadas // *Journal of Asynchronous Learning Networks*. – 1997. – Vol. 1 (1). – P. 1–16. – <https://doi.org/10.24059/olj.v1i1.1941>.
- Mohammed, S. H. The Role of Constructivism in the Enhancement of Social Studies Education / S. H. Mohammed, L. Kinyo // *Journal of critical reviews*. – 2020. – Vol. 7 (7). – P. 249–256.
- Murphy, E. Graduate students' experiences of challenges in online asynchronous discussions / E. Murphy, E. Coleman // *Canadian Journal of Learning and Technology/La revue canadienne de l'apprentissage et de la technologie*. – 2004. – Vol. 30 (2).
- Peldszus, A. From argument diagrams to argumentation mining in texts / A. Peldszus, M. Stede // *International Journal of Cognitive Informatics and Natural Intelligence*. – 2013. – Vol. 7 (1). – P. 1–31. – <http://doi.org/10.4018/jcini.2013010101>.
- Rinekso, A. B. Synchronous online discussion: teaching English in higher education amidst the covid-19 pandemic / A. B. Rinekso, A. B. Muslim // *JEES (Journal of English Educators Society)*. – 2020. – Vol. 5 (2). – P. 155–162. – <https://doi.org/10.21070/jees.v5i2.646>.
- Rocci, A. Diagramming Counterarguments: At the Interface Between Discourse Structure and Argumentation Structure / A. Rocci. – Text : electronic // *The language of argumentation* / ed. by R. Boogaart, H. Jansen, M. van Leeuwen. – Cham : Springer, 2020. – URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783030529062> (mode of access: 25.10.2024).
- Saleem, A. Social Constructivism: A New Paradigm in Teaching and Learning Environment / A. Saleem, H. Kausa, F. Deebe // *Perennial Journal of History*. – 2021. – Vol. 2 (2). – P. 403–421. – DOI: 10.52700/pjh.v2i2.86.
- Sumekto, D. R. Students' descriptive writing performance: The analytic scoring assessment / D. R. Sumekto, H. Setyawati // *Cakrawala Pendidikan*. – 2018. – Vol. 37 (3). – P. 413–425.
- Sung, Y. T. The effects of integrating mobile devices with teaching and learning on students' learning performance: A meta-analysis and research synthesis / Y. T. Sung, K. E. Chang, T. C. Liu // *Computers & Education*. – 2016. – Vol. 94. – P. 252–275.
- Tannen, D. The argument culture: Moving from debate to dialogue / D. Tannen. – New York : Random House Trade, 1998.
- Taylor, S. P. Critical realism vs social constructionism & social constructivism: application to a social housing research study / S. P. Taylor // *International Journal of Sciences: Basic and Applied Research*. – 2018. – Vol. 37 (2). – P. 216–222.
- Teasley, S. D. Constructing a joint problem space: The computer as a tool for sharing knowledge / S. D. Teasley, J. Roschelle // *Computers as cognitive tools*. – 2013. – P. 229–258.
- Thibault, P. J. First-order languaging dynamics and second-order language: The distributed language view / P. J. Thibault // *Ecological Psychology*. – 2011. – Vol. 23. – P. 210–245. – DOI: 10.1080/10407413.2011.591274.
- Tu, C. H. Online collaborative learning communities: Twenty-one designs to building an online collaborative learning community / C. H. Tu. – Bloomsbury Publishing USA, 2004. – <http://doi.org/10.5040/9798400693342>.

Vinagre, M. Evaluative language for rapport building in virtual collaboration: An analysis of Appraisal in computer-mediated interaction / M. Vinagre, A. Corral Esteban // *Language and Intercultural Communication*. – 2018. – Vol. 18 (3). – P. 335–350. – <https://doi.org/10.1080/14708477.2017.1378227>.

von Bertalanffy, L. *General System Theory: Foundations, Development, Applications* / L. von Bertalanffy. – New York : George Braziller, 1968.

Vygotsky, L. S. *Mind in Society* / L. S. Vygotsky. – Cambridge, MA : MIT Press, 1978.

Wach, A. Computer-mediated communication as an autonomy-enhancement tool for advanced learners of English / A. Wach // *Studies in Second Language Learning and Teaching*. – 2012. – Vol. 2 (3). – P. 367–389.

Williams, C. H. Online debating to encourage student participation in online learning environments: A qualitative case study at a South African university / C. H. Williams, M. Mostert // *International Journal of Education and Development using Information and Communication Technology (IJEDICT)*. – 2005. – Vol. 1 (2). – P. 94–104.

Zheng, D. The New Ecolinguistics: Learning as Linguaging with Digital Technologies / D. Zheng, S. Cowley, M. Nuesser // *Frontiers of Digital Education*. – 2024. – Vol. 1 (1). – P. 109–119. – <https://doi.org/10.3868/s110-009-024-0011-5>.

References

Archer, M. S. (2003). *Structure, Agency and the Internal Conversation*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139087315>.

Bohm, D. (1985). *Unfolding Meaning. A Weekend of Dialogue with David Bohm*. London, Routledge.

Bonwell, C. C., Eison, J. A. (1991). *Active Learning: Creating Excitement in the Classroom*. 1991 ASHE-ERIC Higher Education Reports. ERIC Clearinghouse on Higher Education, The George Washington University.

Chen, X., Zhao, H., Jin, H., Li, Y. (2024). Exploring College Students' Depth and Processing Patterns of Critical Thinking Skills and Their Perception in Argument Map (AM)-supported Online Group Debate Activities. In *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 51, p. 101467. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2024.101467>.

Cowley, S. J. (2009). Distributed Language and Dynamics. In *Pragmatics and Cognition*. Vol. 17 (3), pp. 495–508. DOI: 10.1075/pc.17.3.01cow.

Cowley, S. J. (2011). *Distributed Language*. John Benjamins.

Cowley, S. J. (2024). Made in Linguaging; Ecolinguistic Expertise. In *Languages*. Vol. 9 (7), p. 252. DOI: 10.3390/languages9070252.

Cowley, S., Gahrn-Andersen, R. (2022). Simplexifying: Harnessing the Power of Enlanguaged Cognition. In *Chinese Semiotic Studies*. Vol. 18 (1), pp. 97–119. <https://doi.org/10.1515/css-2021-2049>.

Eemeren, van F. H. (2018). *Argumentation Theory: A Pragma-Dialectical Perspective*. Springer Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-95381-6>.

Gibson, J. (1979). *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston, Houghton-Mifflin.

Gudkova, K. V. (2021). Developing Argumentative Literacy and Skills in ESP Students. In *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*, pp. 229–237. <https://doi.org/10.22190/JTESAP2102229G>.

Harris, R. (1981). *The Language Myth*. London, Duckworth.

Hrastinski, S. (2008). Asynchronous and Synchronous E-learning. In *Educause quarterly*. Vol. 31 (4), pp. 51–55.

Hsieh, W.-M., Tsai, C.-C. (2017). Taiwanese High School Teachers' Conceptions of Mobile Learning. In *Computers & Education*. Vol. 115, pp. 82–95.

Karamalak, O. A. (2010). *Yazykovo i prototipicheskaya semantika* [Linguistic Sign and Prototypical Semantics]. Magnitogorsk, GOU VPO «Magnitogorskii gosudarstvennyi universitet». 174 p.

Karamalak, O. A. (2013). Pis'mennaya kommunikatsiya kak sreda interaktivnykh vzaimodeistvii [Written Communication as a Medium of Interactive Interactions]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 4 (22), in 2 parts. Part I, pp. 77–80.

Khalsi, I. (2013). Knowledge Construction and Gender in online debates. In *Arab World English Journal*. Vol. 4 (2).

Kravchenko, A. V. (2007). Essential Properties of Language, or, why Language is not a Code. In *Language Sciences*. Vol. 29, pp. 650–971.

Laurinen, L. I., Marttunen, M. J. (2007). Written Arguments and Collaborative Speech Acts in Practising the Argumentative Power of Language through Chat Debates. In *Computers and Composition*. Vol. 24 (3), pp. 230–246.

Linell, Per. (2013). Distributed Language Theory, with or Without Dialogue. In *Language Sciences*. Vol. 40, pp. 168–173. DOI: 10.1016/j.langsci.2013.04.001.

Love, N. (2004). Cognition and the Language Myth. In *Language Sciences*. Vol. 26, pp. 525–544.

Maturana, H. R. (1980). *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Boston, Reidel Publishing Co.

Maturana, H. R., Varela, F. (1992). *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding*. USA, Random House.

Mayadas, F. (1997). Asynchronous Learning Networks: A Sloan Foundation Perspective. In *Journal of Asynchronous Learning Networks*. Vol. 1 (1), pp. 1–16. <https://doi.org/10.24059/olj.v1i1.1941>.

Mohammed, S. H., Kinyo, L. (2020). The Role of Constructivism in the Enhancement of Social Studies Education. In *Journal of critical reviews*. Vol. 7 (7), pp. 249–256.

Murphy, E., Coleman, E. (2004). Graduate Students' Experiences of Challenges in Online Asynchronous Discussions. In *Canadian Journal of Learning and Technology/La revue canadienne de l'apprentissage et de la technologie*. Vol. 30 (2).

- Peldszus, A., Stede, M. (2013). From Argument Diagrams to Argumentation Mining in Texts. In *International Journal of Cognitive Informatics and Natural Intelligence*. Vol. 7 (1), pp. 1–31. <http://doi.org/10.4018/jcini.2013010101>.
- Rinekso, A. B., Muslim, A. B. (2020). Synchronous Online Discussion: Teaching English in Higher Education Amidst the Covid-19 Pandemic. In *JEES (Journal of English Educators Society)*. Vol. 5 (2), pp. 155–162. <https://doi.org/10.21070/jees.v5i2.646>.
- Rocci, A. (2020). Diagramming Counterarguments: At the Interface Between Discourse Structure and Argumentation Structure. In Boogaart, R., Jansen, H., van Leeuwen, M. (Eds.). *The language of argumentation*. Cham, Springer. <https://www.springer.com/gp/book/9783030529062>.
- Saleem, A., Kausa, H., Deeba, F. (2021). Social Constructivism: A New Paradigm in Teaching and Learning Environment. In *Perennial Journal of History*. Vol. 2 (2), pp. 403–421. DOI: 10.52700/pjh.v2i2.86.
- Sumekto, D. R., Setyawati, H. (2018). Students' Descriptive Writing Performance: The Analytic Scoring Assessment. In *Cakrawala Pendidikan*. Vol. 37 (3), pp. 413–425.
- Sung, Y. T., Chang, K. E., Liu, T. C. (2016). The Effects of Integrating Mobile Devices with Teaching and Learning on Students' Learning Performance: A Meta-analysis and Research Synthesis. In *Computers & Education*. Vol. 94, pp. 252–275.
- Tannen, D. (1998). *The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue*. New York, Random House Trade.
- Taylor, S. P. (2018). Critical Realism vs Social Constructionism & Social Constructivism: Application to a Social Housing Research Study. In *International Journal of Sciences: Basic and Applied Research*. Vol. 37 (2), pp. 216–222.
- Teasley, S. D., Roschelle, J. (2013). Constructing a Joint Problem Space: The Computer as a Tool for Sharing Knowledge. In *Computers as cognitive tools*, pp. 229–258.
- Thibault, P. J. (2011). First-order Linguaging Dynamics and Second-order Language: The Distributed Language View. In *Ecological Psychology*. Vol. 23, pp. 210–245. DOI: 10.1080/10407413.2011.591274.
- Tu, C. H. (2004). *Online Collaborative Learning Communities: Twenty-one Designs to Building an Online Collaborative Learning Community*. Bloomsbury Publishing USA. <http://doi.org/10.5040/9798400693342>.
- Vinagre, M., Corral Esteban, A. (2018). Evaluative Language for Rapport Building in Virtual Collaboration: An Analysis of Appraisal in Computer-mediated Interaction. In *Language and Intercultural Communication*. Vol. 18 (3), pp. 335–350. <https://doi.org/10.1080/14708477.2017.1378227>.
- Von Bertalanffy, L. (1968). *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York, George Braziller.
- Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in Society*. Cambridge, MA, MIT Press.
- Wach, A. (2012). Computer-mediated Communication as an Autonomy-enhancement Tool for Advanced Learners of English. In *Studies in Second Language Learning and Teaching*. Vol. 2 (3), pp. 367–389.
- Williams, C. H., Mostert, M. (2005). Online Debating to Encourage Student Participation in Online Learning Environments: A Qualitative Case Study at a South African University. In *International Journal of Education and Development using Information and Communication Technology (IJEDICT)*. Vol. 1 (2), pp. 94–104.
- Zheng, D., Cowley, S., Nuesser, M. (2024). The New Ecolinguistics: Learning as Linguaging with Digital Technologies. In *Frontiers of Digital Education*. Vol. 1 (1), pp. 109–119. <https://doi.org/10.3868/s110-009-024-0011-5>.

Данные об авторах

Карамалак Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.
E-mail: okaramalak@hse.ru.

Вертлиб Ксения Андреевна – преподаватель Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.
E-mail: kvertlib@hse.ru.

Authors' information

Karamalak Olga Alekseevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the School of Foreign Languages, HSE University (Moscow, Russia).

Vertlib Ksenia Andreevna – Lecturer of the School of Foreign Languages, HSE University (Moscow, Russia).

Дата поступления: 25.09.2024; дата публикации: 30.10.2024

Date of receipt: 25.09.2024; date of publication: 30.10.2024

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

Том 29. 2024. № 3

Цена свободная

Редактор О. А. Адясова
Верстка О. А. Адясовой

Дата подписания в печать 20.10.2024. Дата выхода в свет 30.10.2024. Формат 60×84/8.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya.
Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 27,8.
Тираж 500 экз. Заказ 5522.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru